

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
FACULTY OF HISTORY
NATIONAL COMMITTEE OF BYZANTINE STUDIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION

ВІЗАНТИЙСКИЙ
ВРЕМЕННОК
—
ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΧΡΟΝΙΚΑ

Volume 103

2019

Editor-in-Chief
Sergey KARPOV

MOSCOW UNIVERSITY PRESS
2020

Византийский временник

BYZANTINA CHRONIKA

Том 103

2019

Ответственный редактор
академик РАН С.П. КАРПОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2019

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4
В42

Рецензенты

доктор исторических наук А.В. ПОДОСИНОВ,
доктор исторических наук И.С. ФИЛИППОВ

Ежегодник основан

академиком Василием Григорьевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ
в 1894 году

Византийский временник = BYZANTINA XRONIKA / Ин-т всеобщей истории РАН; исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Москва: Издательство Московского университета, 1894–. ISSN 0132–3776.

Т. 103: 2019 / Ред. С.П. Карпов. — 2020. — 376 с. : ил. — ISBN 978-5-19-011482-9.

В предлагаемом вниманию читателя очередном томе старейшего академического ежегодника представлены работы по различным проблемам истории и культуры Византии и сопредельных стран. Том открывается концептуальной статьей Н.И. Быстрицкого и П.В. Кузенкова, где представлен опыт применения методов формализации и анализа исторических сведений на примере конкретных событий византийской истории. Особенностью тома является большое внимание к проблемам истории Церкви: две статьи посвящены взаимоотношениям епископских кафедр позднего античного времени, а еще одна — экуменическим процессам середины XIII в. В работе П.В. Ерилового затронута такая актуальная тема, как канонические споры конца XVI в. вокруг учреждения московского патриаршества. Другая группа работ объединена интересом авторов к истории русской византистики: здесь следует особенно выделить совместную статью Я. Чехановец и Л.А. Беляева о судьбе коллекции древностей архим. Антонина (Капустина), возглавлявшего русскую духовную миссию в Палестине в конце XIX в., а также подготовленную В.Г. Ананьевым и М.Д. Бухариным публикацию архивных документов, связанных с именем выдающегося русского византиста В.Н. Бенешевича, трагически погибшего в 1938 г.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Византии и ее многовековых связей с окружающим миром.

ISBN 978-5-19-011482-9

© Институт всеобщей истории РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство Московского университета, 2020

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сергей Павлович Карпов (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Игорь Павлович Медведев (зам. ответственного редактора) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН;

Михаил Вадимович Бибииков (зам. ответственного редактора) — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Византии и восточно-христианской культуры Института всеобщей истории РАН (Москва);

Леонид Андреевич Беляев — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН (Москва), главный редактор журнала «Российская археология»;

Вера Николаевна Залесская — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Галина Евгеньевна Лебедева — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Института истории Санкт-Петербургского государственного университета;

Кирилл Александрович Максимович — доктор филологических наук, научный сотрудник Геттингенской Академии наук, проект «Исследование и издание источников византийского права» (Университет имени Иоганна Вольфганга Гёте, Франкфурт-на-Майне, ФРГ);

Мargarита Адольфовна Поляковская — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург);

Ольга Сигизмундовна Попова — доктор искусствоведения, профессор кафедры всеобщей истории искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Владимир Валентинович Седов — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва), заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Борис Николаевич Флоря — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Средних веков Института славяноведения РАН (Москва);

Рустам Мухаммадович Шукuroв — доктор исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Алексей Михайлович Крюков (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РАБОЧАЯ ГРУППА

Михаил Вячеславович Грацианский — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий — научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Павел Владимирович Кузенков — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мишель Балар — заслуженный профессор университета Париж I — Пантеон-Сорбонна (Франция);

Антонио Кариле — заслуженный профессор Болонского университета (Италия);

Хриса Мальтезу — академик Афинской АН, профессор Афинского национального университета (Греция);

Петр Петрович Толочко — академик РАН и НАН Украины, доктор исторических наук, профессор, почетный директор Института археологии НАН Украины (Киев);

Ксения Владимировна Хвостова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);

Петер Шрайнер — академик Австрийской АН, заслуженный профессор Кёльнского университета (Германия);

Васил Гюзелев — академик Болгарской АН (София).

EDITORIAL BOARD

EDITORS

Sergey KARPOV (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;

Igor MEDVEDEV (Deputy Editor) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of History, Chief Researcher of St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;

Mikhail BIBIKOV (Deputy Editor) — Prof. Habil., Doctor of History, Head of Department of Byzantine History and Eastern Christianity of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Leonid BELYAEV — Deputy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Head of Moscow Rus Archeology Department of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Editor-in-Chief of the journal “Rossyjskaja arkheologija” (= Russian Archaeology);

Boris FLORYA — Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Head of Department of History of Middle Ages of Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences;

Galina LEBEDEVA — Doctor of History, Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Saint Petersburg State University;

Kirill MAKSIMOVICH — Doctor of Philology, Employee of the Göttingen Academy of Sciences and Humanities, Byzantine Legal Sources Research Center (The Goethe University of Frankfurt);

Margarita POLYAKOVSKAYA — Doctor of History, Professor of Department of History of Ancient World and Middle Ages of Institute of Humanities and Arts of Ural Federal University (Ekaterinburg);

Olga POPOVA — Doctor of Art Criticism, Professor of the Chair of General Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;

Vladimir SEDOV — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of Archaeological Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Head of the Chair of Russian Art History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;

Rustam SHUKUROV — Doctor of History, Associate Professor of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;

Vera ZALESSKAYA — Doctor of Art Criticism, Leading Researcher of the State Hermitage (Saint Petersburg);

Alexey KRYUKOV (Editorial Secretary) — PhD, Assistant Professor of the Chair of Ancient Languages of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL STAFF

- Mikhail GRATSIANSKIY** — PhD, Leading Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
Nikolay BYSTRITSKIY — Researcher of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University;
Pavel KUZENKOV — PhD, Associate Professor of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University.

EDITORIAL ADVISORY BOARD

- Michel BALARD** — Professor Emeritus of Pantheon-Sorbonne University (Paris, France);
Antonio CARILE — Professor Emeritus of University of Bologna (Italy);
Chryssa MALTEZOU — Ordinary Member of the Academy of Athens, Professor of the National and Kapodistrian University of Athens (Greece);
Petr TOLOCHKO — Full Member of the Russian Academy of Sciences and the National Academy of Sciences of Ukraine, Doctor of History, professor, Honorary Director of Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv);
Xenia KHVOSTOVA — Doctor of History, Chief Researcher of Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Peter SCHREINER — Full Member of the Austrian Academy of Sciences, Professor Emeritus of the University of Cologne (Germany);
Vasil GYUZELEV — Full Member of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia).

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.И. Быстрицкий, П.В. Кузенков (Москва) Подходы к формированию и анализу свода данных по истории Византии	13
И.Н. Попов (Москва) «Ономастикон» Евсевия Кесарийского и «Бурдигальский итинерарий» о святынях Иерусалима: особенности начального этапа развития христианской Святой Земли	32
К.В. Норкин (Москва) Становление церковного первенства Арля в Галлии и римские папы (398–432 гг.)	53
Е.В. Литовченко (Белгород) К вопросу о позднеантичной эпистографии: Павлин Ноланский и его адресаты	70
М.В. Грацианский (Москва) Исторический и идейный контекст послания папы Геласия I « <i>Famuli vestrae pietatis</i> »	85
С.В. Назин (Москва) Еще раз о склавенах и антах, Мурсианском озере и городе Новьетуне	113
А.В. Майоров (Санкт-Петербург) Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в.	128
П.В. Ермилов (Москва) Учреждение московского патриаршества и Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг.	153
К.Б. Образцова (Москва) Мозаики Ротонды в Фессалонике: Проблема стиля в раннехристианском искусстве	179
А. Криза (Кёльн) Богоматерь «Знамение» и прение об опресноках	190
Э.Н. Добрынина (Москва) Греческие рукописи «круга протоспафария Никиты» около 970 г.	205
О.С. Попова (Москва) Греческое Четвероевангелие в Парижской Национальной библиотеке (Coislin gr. 21)	220
Я. Чехановец (Иерусалим), Л.А. Беляев (Москва) Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения	228
К.В. Федосеева (Москва) История Венеции и Византии в творчестве Н.П. Соколова (по материалам защиты его докторской диссертации и новым архивным источникам)	256

Публикации

Е.В. Рыбакова (Москва)

Иоанн Актуарий и византийская диетология 272

В.Г. Ананьев (Санкт-Петербург), **М.Д. Бухарин** (Москва)

«Все горе в звериной ненависти к византиноведению...»: В.Н. Бенешевич и Академия наук СССР в 1933–1937 гг. 314

Рецензии и аннотации

В.Г. Ченцова (Москва)

Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolassou I., Toufexis N. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Cambridge: Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. Vol. 1: General Introduction and Phonology, p. i–clxx, 1–237; Vol. 2: Nominal Morphology, p. i–xxii, 239–1263; Vol. 3: Verb Morphology, p. i–xxi, 1265–1857; Vol. 4: Syntax, p. i–xv, 1859–2093 339

А.В. Бармин (Москва)

Trizio M. Il neoplatonismo di Eustrazio di Nicea. Bari: Edizioni di Pagina, 2016. 260 p. (Biblioteca filosofica di Quaestio, 23) 341

А.М. Крюков (Москва)

Евстратий Никейский. Опровержительные слова / Изд. подг. А.В. Бармин. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 312 с. с разд. пагин., указ. — (Б-ка сб-ка «Богословские труды».) ISBN 978-5-88017-564-2 344

А.В. Захарова (Москва)

Παπαθεοφάνους-Τσουρή Ε. Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ανατολική Μακεδονία. Δυτική Θράκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2016; *Βοκοτόπουλος Π.Α., Δημητράκοπούλου Π., Ρηγάκου Δ., Τριανταφυλλόπουλος Δ.Α., Χουλιαράς Ι.Π.* Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ιόνια νησιά. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2018. 347

Л.Г. Хрушкова (Москва)

Iamanidzé Nina. Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2016. 188 p. Ил.: 80 ч/б рис. + 16 цв. табл. (Spätantike — Frühes Christentum — Byzanz. Kunst im ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Perspektiven, Bd. 42). ISBN 978-3-95490-114-2 351

Л.А. Беляев (Москва)

Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. — 486 с.: ил. 354

С.П. Щавелёв (Курск)

Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. — СПб.: Алетейя, 2018. — 582 с. (Серия «Новая византийская библиотека. Исследования».) ISBN 978-5-906910-20-2 356

Список сокращений 359

CONTENTS

Articles

Nikolay BYSTRITSKIY, Pavel KUZENKOV (Moscow)	
Suggested Approaches to the Acquisition and Analysis of Data for the Byzantine History	13
Ilya POPOV (Moscow)	
Onomasticon by Eusebius of Caesarea and Itinerarium Burdigalense on the Holy Places of Jerusalem: Some Special Features of the Initial Fase of Development of the Christian Holy Land	32
Konstantin NORKIN (Moscow)	
The Formation of the Ecclesiastical Primacy of Arles in Gaul and the Popes of Rome in 398–432	53
Elena LITOVCHENKO (Belgorod)	
Late Antique Epistolography Revisited: Paulinus of Nola and His Addressees	70
Mikhail GRATSIANSKIY (Moscow)	
The Historical and Ideological Context of the Epistle of Pope Gelasius I “Famuli vestrae pietatis”	85
Sergey NAZIN (Moscow)	
Sclaveni and Antes, Lacus Mursianus and civitas Novietunensis Revisited	113
Alexander MAIOROV (St. Petersburg)	
Apostolic See, Empire of Nicaea and Rus’ in the Ecumenical Processes of the mid-13 th Century	128
Pavel ERMILOV (Moscow)	
Establishment of the Moscow Patriarchate and the Councils of Constantinople in 1590 and 1593	153
Ksenia OBRAZTSOVA (Moscow)	
The Mosaics of the Rotunda in Thessaloniki: The Problems of Style in the Early Christian Art	179
Ágnes KRIZA (Cologne)	
The Znamenie-Platytera image of the Theotokos and the azymes controversy	190
Elina DOBRYNINA (Moscow)	
Greek Manuscripts from the “Circle of Protospatharios Niketas” circa 970 AD	205
Olga POPOVA (Moscow)	
The Greek Four Gospels at the National Library of France (Coislin gr. 21)	220
Yana TCHEKHANOVETS (Jerusalem), Leonid BELYAEV (Moscow)	
The Palestinian Museum of Antonin Kapustin: Current State and Perspectives of Research	228
Kseniia FEDOSEEVA (Moscow)	
History of Venice and Byzantium in the Academic Work of N.P. Sokolov (According to the Materials of His Doctoral Dissertation and New Archival Sources)	256

Publications

Ekaterina RYBAKOVA (Moscow)

John Actuarios and Byzantine dietology 272

Vitaly ANANIEV (St. Petersburg), **Mikhail BUKHARIN** (Moscow)

“The Reason is Savage Hatred against the Study of Byzantium...”: V.N. Beneshevich and the Academy of Sciences of the USSR in 1933–37 314

Book Reviews

Vera CHENTSOVA (Moscow)

HOLTON, D., HORROCKS, G., JANSSEN, M., LENDARI, T., MANOLESSOU, I., and TOUFEXIS, N. *The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Cambridge: Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. Vol. 1: General Introduction and Phonology, p. i–clxx, 1–237; Vol. 2: Nominal Morphology, p. i–xxii, 239–1263; Vol. 3: Verb Morphology, p. i–xxi, 1265–1857; Vol. 4: Syntax, p. i–xv, 1859–2093 339

Alexey BARMIN (Moscow)

TRIZIO M. *Il neoplatonismo di Eustrazio di Nicea*. Bari: Edizioni di Pagina, 2016. 260 p. (Biblioteca filosofica di Quaestio, 23) 341

Alexey KRYUKOV (Moscow)

Eustratius of Nicea. *Oproverzhitelnye slova*. Ed. by A.V. Barmin. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2016. LXIV+244 p. (Bibliotheca sbornika “Bogoslovskiye trudy”). ISBN 978-5-88017-564-2 344

Anna ZAKHAROVA (Moscow)

PAPATHEOPHANOUS-TSOURĒ, E. *Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ανατολική Μακεδονία. Δυτική Θράκη*. Athens: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2016; BOKOTOPOULOS, P.L., DĒMĒTRAKOPOULOS, P.L., DĒMĒTRAKOPOULOU, P., RÉGAKOU, D., TRIANTAPHYLLOPOULOS, D.D., AND KHOULIARAS, I.P. *Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφίων της Ελλάδος. Ιόνια νησιά*. Athens: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2018. 347

Liudmila KHRUSHKOVA (Moscow)

IAMANIDZÉ, Nina. *Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2016. 188 p., 16 p. of plates: ill. (some color). (Spätantike — Frühes Christentum — Byzanz. Kunst im ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Perspektiven, Bd. 42.) ISBN 978-3-95490-114-2 350

Leonid BELYAEV (Moscow)

VINOGRADOV, Andrey, ZAKHAROVA, Anna, and CHERNOGLAZOV, Dmitriy. *The Church of Hagia Sophia in Constantinople in the Light of the Byzantine Sources* [in Russian]. St. Petersburg: “Pushkinskiy dom” publishers, 2018. 486 p.: ill. 354

Sergei SCHAVELEV (Kursk)

KYZLASOVA, Irina. *Akademik N.P. Kondakov: poiski i sversheniya*. St. Petersburg: Aletheia, 2018. 582 p. (Novaya visantiyskaya biblioteka. Issledovaniya.) ISBN 978-5-906910-20-2 356

List of Abbreviations 359

Н.И. Быстрицкий, П.В. Кузенков

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ И АНАЛИЗУ СВОДА ДАННЫХ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ*

Аннотация: Развитие современных информационных технологий открывает широкие перспективы в области хранения и обработки научных знаний. Вместе с тем специфика истории как научной дисциплины требует проработки теоретических основ и принципов формализации, наглядного представления и научного анализа исторических данных с последующей проверкой разработанных подходов при решении практических задач. В данной работе представлен опыт применения методов формализации и анализа исторических сведений на примере конкретных событий византийской истории.

Ключевые слова: История Византии, *instrumenta studiorum*, историческая методология, цифровая история, цифровые исторические данные, достоверность данных.

Состоявшийся в Белграде в 2016 г. XXIII Международный конгресс византийских исследований¹ продемонстрировал живой интерес ученых-византинистов к вопросу использования цифровых информационных ресурсов (ЦИР) в качестве удобного и перспективного *instrumentum studiorum*, позволяющего значительно усовершенствовать процессы накопления, хранения и обработки непрерывно накапливаемых научных данных. Компетентное внедрение ЦИР в области исторической науки открывает практически неограниченные исследовательские и просветительские возможности. В связи с этим на повестку дня ставится задача методологического и практического освоения технологий ЦИР в аспекте их применения в конкретных областях исторического знания.

Применение новейших достижений информационных технологий уже дало впечатляющие результаты, причем не только в области математики и естественных наук, но и в прикладных сферах, связанных с систематизацией большого количества данных (управление, финансы, юриспруденция и т. п.). Что же касается гуманитарных дисциплин, то здесь эффективное использование возможностей ЦИР сталкивается с рядом фундаментальных проблем: слабой степенью формализации, сложностью объективации и верифицируемости информации, проблемами ее артикулируемости и трансляции. В исторической науке отсутствие эффективных методов решения указанных задач порождает релятивизм и скептицизм даже в отношении традиционных методов и результатов

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14–28–00213).

¹ См.: *Карпов С.П. и др.* XXIII Международный конгресс византийских исследований «Византия — мир перемен» (Белград, 22–27 августа 2016 г.) // ВВ. 2016. Т. 100. С. 338–341.

исторического познания. Обратной стороной того же процесса стало распространение в обществе псевдонаучных теорий, претендующих на «математическую» ревизию и отрицание складывавшейся тысячелетиями научной исторической традиции².

Усиливающийся дисбаланс заставляет специалистов говорить об определенном кризисе в области Digital Humanities³. Для преодоления сложившейся ситуации и преобразования ЦИР в полноценный инструмент профессионального научного поиска необходимо проведение теоретических и практических исследований, в которых бы апробировались возможности по формализации и математизации отдельных аспектов исторического знания.

Как показывает опыт смежных дисциплин (прежде всего, в области создания автоматизированных систем управления), наиболее эффективная методология в развитии информационных систем, оперирующих плохо формализованными данными, заключается в комбинировании работы по созданию полномасштабных баз данных с построением исследовательских моделей для их теоретического осмысления. Роль экспериментальной базы, лежащей в основании естественных исследований, в данном случае играет информационный материал, представленный в виде фактографических, статистических, хронологических, просопографических и иных данных. Для обработки такого рода информации недостаточно математических или формально-логических методов, но необходимо привлечение постулируемых теоретических закономерностей, нуждающихся в выверке на реальном фактическом материале. В отличие от естественных наук, где такого рода выверка осуществляется непосредственно в ходе проводимого учеными эксперимента, история, как и иные гуманитарные науки, лишенная возможности активного моделирования, вынуждена довольствоваться наличным фактографическим материалом разной степени достоверности. Тем самым сама возможность выверки теоретических моделей зависит от качества и количества накопленной исторической информации.

Впрочем, следует отметить, что такого рода ситуация характерна не только для гуманитарных научных дисциплин, но и для естественных наук, имеющих дело с уникальными и не поддающимися оперативному моделированию физическими процессами — например, в астрономии. Как известно, ее теоретические успехи на заре Нового времени были связаны именно с появлением высокоточных таблиц с описанием движения небесных тел, анализ которого позволил отказаться от господствовавшей в течение многих веков и казавшейся оптимальной геоцентрической системы Птолемея. Наиболее существенным отличием исторических данных от астрономических нужно признать слабую степень типизации и формализации первых. Именно на решение этого рода задач и нацелены в настоящее время усилия исследователей по всему миру. В этой связи нельзя не признать, что разработки методологических подходов по формализации и информационному описанию исторических данных представляют высокую исследовательскую ценность и актуальность.

Существенной проблемой, препятствующей на современном этапе развитию

---

² См.: *Хвостова К.В.* Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология истории // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 66–78.

³ См.: *Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

цифровой истории (Digital History), является недостаточное внимание к обобщению технических и методологических решений, полученных в ходе работы над отдельными проектами. В качестве примера такого рода можно привести проблему описания нетривиальных хронологических данных (например, нечеткого типа), которые характерны для гуманитарных наук. Согласно наблюдениям проф. Манфреда Таллера (Кёльн), данная задача решалась и продолжает решаться заново сотни раз в рамках различных проектов и презентаций, что свидетельствует о крайне незначительной в данной сфере деятельности общности интересов научного сообщества⁴.

Несмотря на многочисленные попытки энтузиастов и наличие предварительных наработок отдельных зарубежных институтов, в сфере исторических исследований до сих пор не была предпринята попытка создания интегральной информационной системы, обладающей характеристиками инструмента фундаментального научного исследования. В современной международной науке внедрение информационных инструментов ведется преимущественно в сфере наиболее удобных для этого текстов Нового и Новейшего времени: статистических сведений, списков, официальных данных и т. п. Разработкой формализации нарративных источников занимаются лишь составители разного рода справочников, созданных на основе аналитического разбора нарративных и иных источников, например: *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*, *Prosopography of Byzantine Empire*, *Prosopography of Byzantine World*, *TIB* и др.⁵

Существенным недостатком подобных работ, даже самых современных, выполненных в форме сетевых баз данных и ГИС, следует признать отказ от попыток упорядочить информацию по хронологическому принципу, хотя бы на основе относительной хронологии (абсолютная датировка часто оказывается невозможной из-за специфики византийских исторических текстов, крайне редко приводящих даты событий). Другие проекты (*Interactive Global Histories*, *Digitising Patterns of Power* и пр.) не достигают возможного уровня формализации исторических материалов⁶. Таким образом, богатейшая информация, уже распределенная на смысловые блоки, оказывается не в полной мере готовой для анализа.

Между тем перед современными историками на первый план выходит задача создания верифицированного исторического гипернарратива, поверяемого надежными базами данных, которые могут создаваться лишь усилиями исследо-

---

⁴ Таллер М. Дискуссии... С. 9.

⁵ *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit*, 1: 641–867. B., 1998–2002; *Prolegomena*, 6 Bde, II: 867–1025. B., 2009–2018; *Prosopography of Byzantine Empire*, I: 641–867. Aldershot, 2001; *Prosopography of Byzantine World*. URL: <http://www.pbw.kcl.ac.uk>; *Tabula Imperii Byzantini*. Vol. 1–15. Wien, 1976–2014.

⁶ *Nanetti A., Cheong S.A., Filippov M.* Interactive Global Histories. For a New Information Environment to Increase the Understanding of Historical Processes // *Proceedings of the International Conference on Culture and Computing 2013* (Kyoto, Ritsumeikan University, Sept. 16–18, 2013). Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2013. P. 104–110; *Nanetti A., Cheong S.A.* The World as Seen from Venice (1205–1533) as a Case Study of Scalable Web-Based Automatic Narratives for Interactive Global Histories // *Asian Review of World Histories*. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 3–34; *Popović M., Polloczek V., Koschick B., Eichert St.* Power in Landscape — Geographic and Digital Approaches on Historical Research. Leipzig, 2019; *Popović M., Polloczek V.* Digitising Patterns of Power (DPP): Applying Digital Tools in the Analysis of Political and Social Transformations in the Historical Region of Macedonia, 12th–14th Centuries // *Medieval Worlds*. 2017. No 5. P. 170–194.

вательских коллективов⁷. Последнее подразумевает создание и интегрирование таких необходимых для работы историка ресурсов по всему спектру традиционных направлений исследований, как библиографические, просопографические, фактографические, генеалогические базы данных, обеспечение систематизации и обработки основных групп нарративных источников (литературные сочинения, акты и документы, письма и архивные материалы).

Общедоступные на сегодняшний день исторические информационные ресурсы отличаются низким уровнем системности, фрагментарностью представленных материалов и не выходят за рамки традиционных справочных ресурсов⁸. Современный подход к созданию интегральной информационной системы исторического знания, по нашему мнению, должен включать следующие основные работы:

- 1) разработку теоретических основ и принципов формализации и представления исторической информации;
- 2) формирование строго обоснованного объективными критериями и формализованного свода исторической информации (базы данных знаний об исторических событиях);
- 3) создание практических и теоретических методов обработки исторической информации;
- 4) верификацию и обобщение полученных результатов.

В настоящее время основные усилия сосредоточены на решении задач первой и второй стадии — разработке теоретических основ и принципов формализации, сборе и унификации исторических знаний. Накопленный по мере их решения опыт может быть положен в основу последующих, аналитических, этапов работы с имеющимися историческими данными. В ходе уже проделанных работ выявлены определенные теоретические проблемы, которые мы постараемся обобщить далее.

Как известно, фиксация на письме исторических событий покрывает примерно пять тысяч лет человеческой цивилизации. Несмотря на существенные неравномерности этого массива, как по региональному распределению, так и по степени детализации, следует признать, что историческая наука имеет в своем распоряжении наиболее древний и богатейший комплекс информационных ресурсов. Однако сам по себе концепт исторической информации нуждается в четком определении, без которого оказывается невозможно не только ее формализация и обработка, но и организация хранения, передачи и верификации. Данная проблема особенно остро встает на этапе преобразования сведений нарративных, документальных и иных исторических источников в системно организованный электронный массив данных. Прежде всего, встает задача четкого разграничения онтологических и гносеологических категорий — явлений реаль-

---

⁷ *Карпов С.П.* Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории: Материалы Международной конференции 29 сентября 2009 г. М., 2009. С. 66–71, 162–166.

⁸ *Быстрицкий Н.И.* Развитие византиноведческих информационных ресурсов // Российское византиноведение: Традиции и перспективы: Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 49–54.

ного мира и информационных элементов нашего знания о них⁹. В дальнейшем успешное решение проблемы научной формализации исторического знания будет достигаться в ходе работы по сбору и классификации исторических данных. В первую очередь здесь следует выработать систему критериев, рангов, хронологических и географических параметров и иных базовых характеристик знания о событиях прошлого.

Серьезной логической проблемой является выявление и классификация информационных элементов исторического процесса: знания о его объектах, событиях (деяниях), сопутствующих обстоятельствах и т. п. Далее необходимо строгим образом сформулировать виды взаимных связей между событиями (причинно-следственные, типологические, генетические и др.). Наконец, важными задачами являются выявление и учет как индивидуальных, так и социальных факторов — проблемы, стоящие в центре внимания соответственно исторической психологии и социологии¹⁰. Таким образом, для этого и последующих этапов компьютерного анализа и обработки требуется сведение массива разнородной исторической информации к универсальной форме, приемлемой для накопления и хранения в цифровом виде: насущной оказывается необходимость разработки методов формализации и представления исторических сведений.

Как отмечает Патрик Мэннинг¹¹, сегодня каждое историческое исследование должно включать следующие этапы работы с данными: 1) получение; 2) документирование (в т. ч. метаописание, курирование и гармонизация); 3) обработку (включая агрегирование и «добычу» данных); 4) анализ (для создания моделей и формулировки теорий); 5) визуализацию (в частности, создание интерфейса для запросов и выдачи результатов обработки данных).

В конечном счете цифровизация исторического знания оказывается сопряженной с решением следующих системных задач:

- 1) Выявление и классификация информационных элементов исторического процесса; решение вопросов их терминологического оформления.
- 2) Формализация фактографических данных в виде жесткой структурной схемы (объект А — действие/процесс — объект В — обстоятельства).
- 3) Сведение к единому виду и сопоставление различных форм сообщений об одном событии.
- 4) Обеспечение оперативных возможностей доступа к информации в аутентичном виде (на языке первоисточника).
- 5) Разработка семантических полей для классификации объектов и действий.
- 6) Разработка и интегрирование классификаторов (тематического, просопографического, географического).

⁹ Быстрицкий Н.И. Естественнаучные подходы к получению и анализу цифровых данных византийской истории // Естественнаучные методы в цифровой гуманитарной среде. Пермь, 2018. С. 19–22.

¹⁰ Аликберов А.К. Исторические формы национализма в системно-коммуникационном анализе // Вопросы истории. 2019. № 9. С. 11–23; Он же. К вопросу о периодизации истории в парадигме информационного подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 1. С. 7–16.

¹¹ См.: Manning P. Big Data in History. Palgrave, 2013. P. 5–8; рецензия А.Ю. Володина: Историческая информатика. 2016. № 1–2. С. 87–89.

- 7) Определение категорий «типа» и «ранга» записываемых событий для возможности их последующей классификации и фильтрации.
- 8) Создание единого формата описания хронологических и пространственных данных, в т. ч. нетривиального типа (интервальных, нечетких и т. п.).
- 9) Разработка методов описания и обработки вариативных типов информации (различных версий, гипотетических реконструкций и т. п.).
- 10) Учет достоверностных (вероятностных) параметров сообщений и их источников.
- 11) Проработка методологии оперирования мнимыми событиями, каковые, не обладая реальностью, способны оказывать самое существенное воздействие на ход исторического процесса.
- 12) Создание приложений наглядного представления выборок данных, их группировки, связывания и сравнения (визуализации).

* * *

Ниже мы более подробно остановимся на подходах к классификации и формализации элементов исторического знания, разработанных авторами в ходе практического решения задач по созданию базы знаний о событиях византийской истории.

Под историческим *фактом* здесь и далее нами предложено понимать элементарную информационную единицу, содержащую знания о единичном историческом событии, гипотетически реконструируемую на основе всего доступного комплекса источников. Реконструкция носит заведомо субъективный характер, так как зависит от научной квалификации, сферы интересов, убеждений и предубеждений исследователя, а также от внешних условий исследования¹². Объективизация исторического знания происходит по мере его экспертной критики и признания научным сообществом.

Историческое *событие* [eventum] выступает как проявленное и зафиксированное изменение состояния вовлеченных в изучаемый исторический процесс объектов. Событие относится к конкретному объекту и характеризуется определенным значением пространственно-временных координат и текущим состоянием объекта¹³. Принимается, что событие обладает точечной (мгновенной, моментальной) длительностью, а его *хронологическая координата* представляет собой сечение темпоральной оси (универсального времени)¹⁴.

Событие представляет собой результат развернутых во времени действий или естественных процессов¹⁵. *Действие* [actio] носит целенаправленный (целеполагающий) характер и осуществляется так называемым *действующим* (актив-

¹² Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетеия, 2002. С. 38.

¹³ Pequet D.J. Representations of Space and Time. N.Y.: The Guilford Press, 2002. P. 203.

¹⁴ Аналогичное допущение принято в естественных науках, см.: Кобзарев И.Ю. Относительности теории // Физический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 508; Jensen C.S. et al. The Consensus Glossary of Temporal Database Concepts // Temporal Databases. Research and Practice. Springer-Verlag, 1998. P. 376.

¹⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С. 48.

ным) объектом¹⁶ [objectum activum — Oa] в непосредственном отношении к *пре-терпевающему (пассивному) объекту* [objectum passivum — Op]; опосредованные отношения к действию характеризуют *относительные объекты* [objectum relativum — Or]. В отличие от действия, *естественный процесс* [processus naturalis] принципиально не обладает целенаправленностью (например, природные или случайные явления), а все вовлеченные в него объекты не являются активными. Действие или процесс обладают пространственно-временной длительностью и могут быть представлены в виде вектора, начинающегося *событием начала* [initium] и заканчивающегося *событием окончания* [finis]. Последнее является определяющим событием, так как именно оно характеризует анализируемое состояние объекта по результатам действия и главным образом описывается в источниках.

Онтологически основные виды действий/процессов делятся на основные категории: по форме — а) вещественные или б) информационные; по содержанию — а) перемещение; б) трансформация; в) пребывание¹⁷. На основе такой классификации устанавливаются *операнды действия*, которые объединяют сходные виды действий. Операнд действия определяет группу действий, которая может лингвистически выражаться через лексические синонимы (глаголы) с пересекающимися или включающими одно другое семантическими полями, границы которых, как правило, размыты. Например, многие глаголы не могут быть однозначно расклассифицированы как глаголы познания или коммуникации и т. п. Таким образом, приходится описывать глаголы как полисемантические, если обнаруживается, что они могут быть отнесены одновременно к разным семантическим полям. В этой связи текущей проблемой является создание полного списка глагольных лексем с непересекающимися семантическими полями.

По своей направленности действия подразделяются на следующие типы:

- активные (Aa) — один или несколько объектов, действующих вовне (Oa→Op);
- взаимные (Ai) — симметрично взаимодействующие объекты (Oa/p↔Op/a);
- возвратные (Ar) — один объект, действия которого направлены на самого себя (→Oa/p←);
- пассивные (Ap) — претерпевание внешнего действия (Op←Oa).

Также действия могут быть представлены в различных формах:

- дуальная (стандартная): действующий объект — действие — пассивный объект;
- унарная: действующий объект — действие; действие — пассивный объект;
- плюральная: действующий объект — действие — пассивный объект — относительный(-е) объект(ы).

Действия и процессы могут находиться друг с другом в различных *связях* [pexus], в том числе *темпоральных* [temporalis] (временных) и *спатальных*

¹⁶ В философии и грамматике производитель действия именуется субъектом; однако в эпистемологическом контексте «субъектом» исторического исследования является сам исследователь, тогда как наблюдаемые им предметы выступают в качестве «объектов».

¹⁷ Кузенков П.В., Быстрицкий Н.И. Опыт формализации исторических данных на примере византийской истории // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Vol. III. Sofia, 2011. С. 302–303.

[spatialis] (пространственных, географических). Все совокупности таких связей назовем *междейственными связями* [nexus interactionum], которые могут характеризоваться следующими параметрами: направлением, знаком, протяженностью (длительностью), модусом. По направленности связи разделяются на прямые — из прошлого в будущее (например, причинные) — и обратные — из будущего в прошлое (например, целевые). По своему знаку — на положительные («благодаря», «достичь») и отрицательные («вопреки», «избежать»).

Протяженность связи определяется величиной промежутка (временного, пространственного) между событием окончания первого действия и событием начала последующего, связанного с ним. В зависимости от принадлежности связи к определенному модусу времени относительно действующего объекта можно различить три вида междейственных связей: реализованные, актуальные и потенциальные. Содержание исторического прошлого объекта определяется совокупностью реализованных связей, которые соединяют действия, находящиеся уже в прошлом. Актуальные связи характерны для настоящего, т. е. те связи, реализация которых уже началась, но еще не завершилась, и которые соединяют события прошлого, с одной стороны, и будущего — с другой. И, наконец, будущее объекта составляют потенциальные связи, реализация которых еще не началась, поскольку они соединяют между собой предполагаемые действия в будущем.

Одной из основных задач исторического исследования является выявление каузальных цепочек событий¹⁸. И здесь важным элементом анализа исторических данных является создание методологии установления и описания *каузальных связей* [nexus causalis] между действиями (событиями) объектов исторического процесса. Результаты действия-причины, представленные конечным событием, являются исходными факторами для действия-следствия. Кроме того, на следствие могут влиять другие факторы, степень воздействия которых различна. Следовательно, каузальная связь характеризуется интенсивностью — параметром, который отражает степень влияния причины на следствие. Каждый фактор может выступать в качестве стимулирующего, т. е. благоприятствовать появлению следствия — способствующая (положительная) каузальная связь, — так и затруднять его наступление — препятствующая (отрицательная, ингибирующая) связь. Если для следствия-процесса факторы оказывают непосредственное влияние, то для следствия-действия факторы влияют также на целеполагание действующего объекта¹⁹.

Специфика детерминации человеческой деятельности заключается в том, что наряду с причинной обусловленностью последующих действий предшествующими (детерминация прошлым) имеет место и детерминация будущим, т. е. целями и предполагаемыми результатами деятельности²⁰. В этом случае образуется *целевая связь* [nexus destinatus] между событием-целью и действием-средством. Такой тип междейственных связей находит свое отражение в типичных рассуждениях («для того чтобы») действующего объекта, в которых он, проводя оценку совокупности известных ему факторов, формулирует цель и выбирает оптималь-

¹⁸ Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1986. С. 108–110.

¹⁹ Kuzenkov P., Bystrickij N. Текущие подходы к накоплению и анализу цифровых данных византийской истории // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications. Belgrade, 2016. P. 232.

²⁰ Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия. М.: Смысл, 2003. С. 44.

ную форму действия по ее достижению. При этом неправильная оценка факторов или неполные данные о них могут приводить к ошибкам целеполагания. Наконец, междейственные связи могут быть составными, когда действия, к примеру, находятся одновременно и в причинной, и в целевой связи друг с другом.

Следует обратить внимание, что в реальности каждое действие имеет и обратную реакцию — противодействие. Можно рассматривать их совместно или дифференцированно. В действие, как и в противодействие, вовлечены два участника — действующий объект и пассивный объект, меняющиеся соответственно местами. Таким образом, при совместном рассмотрении каждый объект имеет свой собственный набор факторов, являющихся причинами, а также свое собственное действие (противодействие), являющееся следствием.

Необходимо отметить, что большинство действий имеют комплексный характер и могут заключать в себе цепочки действий более низкого уровня (например: война — походы — сражения — атаки и т. п.). Таким образом, при достижении определенного уровня детализации количества анализируемых событий выйдет на такие значительные объемы, при которых возникнет необходимость прибегнуть к услугам технологий Big Data²¹. Возможность действия обуславливается наличием определенного *отношения* [relatio] между объектами. Вид этого отношения устанавливает некоторое множество возможных видов действий. Таким образом, отдельно стоящую задачу особого рода представляет собой выявление и учет различных видов отношений между объектами.

Другой задачей является адекватная фиксация временных и пространственных характеристик. Для однозначного описания временных характеристик исторических событий признано целесообразным использовать т. н. хронологический юлианский день (последовательный счет суток начиная с 12:00 1 января 4713 г. до н. э. юлианского календаря), широко применяемый в астрономии и компьютерных науках²². В качестве типовой темпоральной характеристики действия выступает временной интервал. Для фиксации отношений между временными интервалами в науке используется аппарат интервальной временной логики, разработанный в работах Джеймса Ф. Аллена, Йохана ван Бенгема, Энтони Гальтона, Эдуарда Фёдоровича Караваева, Павла Анатольевича Шапчица²³ и др. Во многих случаях даты исторических событий нам известны лишь с той или иной степенью приближения, а иногда имеется несколько вариантов датировки одного события. Одним из подходов видится применение алгебры интерва-

²¹ Быстрицкий Н.И. Суперкомпьютерные технологии и история // Суперкомпьютерные технологии в науке, образовании и промышленности. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 87.

²² Herschel J.F.W. Outlines of Astronomy. Philadelphia: Leo&Blanchard, 1849. P. 594 (переиздание: Cambridge University Press, 2010); Кузнецов П.В. Христианские хронологические системы. М.: РИЦ СвВВ, 2015. С. 20.

²³ Allen J.F. Maintaining Knowledge about Temporal Intervals // Communications of the ACM, November 1983. Vol. 26. No 11. P. 832–843; *Idem*. Time and Time Again: The Many Ways to Represent Time // The International Journal of Intelligent Systems. 1991. Vol. 6(4). P. 341–355; Benthem J. van. The Logic of Time. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1983; *Idem*. Temporal Logic // Handbook of Logic and AI. Oxford University Press, 1995. P. 241–350; Galton A. Temporal Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy; Ohrstrom P., Hasle P.F.V. Temporal Logic from Ancient Ideas to Artificial Intelligence. Kluwer Academic Publishers, 1995; Караваев Э.Ф. Основания временной логики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983; Шапчиц П.А. Интервальная временная логика и грамматические времена. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 2010.

лов с нечеткими границами²⁴, который использует вероятностные методы. Это дает возможность создавать варианты одного и того же события с различными датами, назначая каждому варианту особую вероятностную характеристику. Аналогичные проблемы присутствуют и для формализации пространственных характеристик событий. Для описания пространственных данных естественно применять широко используемые в науке и технике традиционные географические координаты, а в качестве типовой характеристики действия рассматривать вектор (пространственный интервал). На его основе можно строить пространственные пути любой сложности с использованием аппарата пространственной интервальной логики²⁵.

Для удобства оперирования сведениями об исторических событиях и с целью их структурирования видится оправданным производить их типологизацию и распределение по подгруппам:

- внутривойсковые (волнения и гражданская война, экономические и юридические);
- внешневойсковые (война, посольства, пакты);
- религиозные;
- культурные;
- биографические;
- природные (астрономические и климатические явления, бедствия).

Несомненно перспективными видятся понимание роли исторического события в общемировом процессе и установление степени его воздействия на последующее развитие событий. Для формализации роли события кажется естественным воспользоваться такой оценочной характеристикой, как ранг (значимость) [gradus] исторического события. Применяя его, специалист имеет возможность отнести событие к определенной категории значимости:

- вселенского значения (сверхважное, ранг 0);
- всемирно-исторического значения (очень важное, ранг 1);
- континентального значения (достаточно важное, ранг 2);
- регионального значения (важное, ранг 3);
- государственного значения (относительно важное, ранг 4);
- провинциального значения (средней важности, ранг 5);
- районного значения (маловажное, ранг 6);
- местного значения (достаточно неважное, ранг 7);
- группового значения (неважное, ранг 8);

²⁴ Dubois D., Prade H. Processing fuzzy temporal knowledge // IEEE Transactions of Systems, Man and Cybernetics. 1989. Vol. 19. P. 729–744; Badaloni S., Giacomini M. A Fuzzy Extension of Allen's Interval Algebra // AIAA99: Advances in Artificial Intelligence. Springer, 2000. P. 155–165; Ohlbach H. Fuzzy Time Intervals — The FuTi-Library // Forschungsbericht. Institute for Informatics, University of Munich, 2005.

²⁵ Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1999; Варосян С.О., Поспелов Д.А. Немеетическая пространственная логика // Известия АН СССР. Техническая кибернетика. № 5. М., 1982. С. 86–99; Handbook of Spatial Logics. Dordrecht: Springer, 2007; Galton A. On the Ontological Status of Geographical Boundaries // Foundations of Geographic Information Science. L.: Taylor and Francis, 2003. P. 151–171.

- личного значения (ничтожное, ранг 9).

Отдельный ряд важных теоретических проблем связан с вероятностной природой знания, включая исторические фактографические данные и гипотезы. Для исследователя прежде всего необходимо проведение формализации и верификации достоверности тех или иных источников²⁶. Каждое сообщение исторического источника, несущее фактографическую информацию, имеет определенную достоверность [credibilitas], связанную с субъективностью автора, степенью его информированности, зависимостью от других источников, жанровых особенностей и пр. В отношении археологических и иных «немых» источников на первый план выходит оценка убедительности исследовательских гипотез и интерпретаций. Таким образом, каждый элемент исторического знания имеет свой показатель достоверности, который должен быть обозначен в ходе анализа ученым. Исходя из исследовательской эмпирики, показатель достоверности знания может принимать следующие значения:

- абсолютно достоверное (1,0);
- крайне достоверное (0,9);
- высокодостоверное (0,8);
- умеренно достоверное (0,7);
- скорее достоверное (0,6);
- полудостоверное (0,5);
- квазидостоверное, скорее недостоверное (0,4);
- малодостоверное, почти (практически) недостоверное (0,3);
- вполне недостоверное (0,2);
- крайне недостоверное (0,1);
- ложное, абсолютно недостоверное (0).

Показатель достоверности является важнейшим атрибутом информации об исторических событиях. Фактографические данные о событии могут признаваться заслуживающими внимания в зависимости от пороговых значений показателя достоверности. Кроме этого, надо отметить, что субъективная оценка достоверности целевой связи играет немаловажную роль в принятии решений и выборе способов действий действующего объекта. Оценка достоверности конкурирующих гипотез может проводиться в зависимости от кумулятивной характеристики достоверности совокупности событий и связей, включенных в них.

Практические вопросы установления показателей достоверности и значимости (ранга) можно решать при помощи логических методов анализа целостности, связности и непротиворечивости совокупности исторических данных, а также с применением экспертного ранжирования и математических вероятностных методов²⁷, однако их оптимальная реализация нуждается в серьезной проработке на наборах примеров конкретного исторического материала. Здесь оказываются полезными методы коллективных экспертных оценок, которые предполагают определение степени согласованности мнений экспертов по конкретным параметрам

²⁶ Карнов С.П. Вступительное слово // Материалы международной конференции «Может ли история быть объективной?». М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 12–13.

²⁷ Геворкян Г.А. Вероятное и достоверное знание. Ереван: Изд-во АН АССР, 1965. С. 134–137; Аликберов А.К. Системная логика как инструмент системного подхода к истории // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 16–26.

данных. В результате для оценки степени согласованности мнений экспертов по тому или иному параметру исчисляются дисперсия оценок, среднеквадратическое отклонение оценок и на этой основе — коэффициент вариации оценок и коэффициент конкордации Кендалла²⁸. Значения этих параметров позволяют сделать вывод о разнородности мнений экспертов и сформировать наиболее убедительные оценки.

* * *

В качестве практической реализации развития методологии византиноведческих ЦИР авторами ведется создание базы формализованных сведений источников по византийской истории. Накопленные данные используются в качестве опытного материала для апробации представленных в работе подходов. Ниже приводятся конкретные примеры реализации разработанных подходов на выборках данных для узкого хронотопологического сегмента истории Византийской империи, 800–950 гг. Выбранный период, с одной стороны, обеспечен достаточным и вполне обозримым материалом нарративных и иных источников, а с другой — характеризуется наличием ряда неопределенных (гипотетичных) исторических данных (вариативность дат и проблема отождествления/разделения лиц с вытекающими отсюда вариантами временных и причинных отношений). Это дает нам возможность отработать теоретические и практические решения типовых проблем на конкретном историческом материале.

Пример 1. Надежная датировка события

Сообщение источника *«Император Лев VI умер»*²⁹ описывает событие «Смерть императора Льва VI».

Параметры: время — 2054296–2054297 (11 мая 912 г.); место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внутренняя политика; ранг — 1 (всемирно-историческое); Оа = Ор — Лев VI Мудрый; Аг — кончина.

Ввиду обилия источников точность указания даты не вызывает сомнения, поэтому можно определить ее как *крайне достоверную* (0,9).

Пример 2. Гипотетическая датировка

Читаем в источнике: *«Арабский флот захватил остров Лемнос {Lemnos a Saracenis capta est}»*³⁰, — но датировки в источнике не приводится. По мнению

²⁸ Орлов А.И. Экспертные оценки. Учебное пособие. М.: ИВСТЭ, 2002. С. 27.

²⁹ «11 мая, во вторник, 15 инд.» — Theophanis Continuati Chronographia, VI, Leo imp., 32 // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 377. Ср.: Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon / Rec. S. Wahlgren. Berolini; Novi Eboraci, 2006. P. 133.440–441 (§ 63); Pseudo-Symeonis Magistri Chronographia // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn: Weber, 1838. P. 715.

³⁰ Theophanis Continuati Chronographia, VI, Leo imp., 18. P. 365. Ср.: Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon. P. 133.248–249 (§ 35); Pseudo-Symeonis Magistri Chronographia. P. 704.

А.А. Васильева, данное событие могло произойти в 903 г., а Р.Д.Х. Дженкинс уточняет — весной 903 г.³¹

Параметры: время — 2050938–2051029 (весна 903 г.); место — 39,9167° с. ш.: 25,25° в. д. (Византия > Лемнос); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); Оа — арабский флот; Ор — остров Лемнос; Аа — захват.

Гипотетическую датировку, выдвинутую сначала Васильевым, а потом Дженкинсом, можно оценить как *скорее достоверную* (0,6).

Пример 3. Вариативная датировка.

Широко известное событие нападения русского флота во главе с князем Олегом на окрестности Константинополя {*Russorum ad Constantinopolim invasio*} датируется по-разному. В «Повести временных лет» говорится «под 6415 г.» (907 г.), в Новгородской первой летописи — «под 6430 г.» (922 г.), а некоторые исследователи называют 904 г.³²

Общие параметры: место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); Оа — флот Руси; Ор — Византийское государство; Аа — нападение.

Вариативные параметры:

- время 1 — 2052490–2052581 (лето 907 г.), P(D) = 0,4 (квазидостоверная);
- время 2 — 2057955–2058056 (лето 922 г.), P(D) = 0,3 (малодостоверная);
- время 3 — 2051400–2051486 (лето 904 г.), P(D) = 0,6 (скорее достоверная).

В базу вносятся три разных записи о событии (факта) с приведенными различными датировками. По наличию связей с другими фактами, выстраиванию цепочек фактов в хронологической последовательности и анализу непротиворечивости делаются оценки достоверности датировок.

Пример 4. Уточнение датировок и маршрутов

Датировка Битвы при Анзене (или Дазимоне).

Параметры: место — 40.426090° с. ш.: 36.169174° в. д. (Византия > Армения > Дазимон); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); Оа — войско Аббасидского халифата; Ор — византийское войско; Аа — разгром.

Из внесенных в базу данных сообщений из сочинения Ибн Джарира ат-Табари мы имеем 3 ключевые датировки событий похода императора Феофила против войска Аббасидского халифата³³:

³¹ См.: Васильев А.А. Византия и арабы. Т. II. СПб., 1902. С. 136. Примеч. 3; Jenkins R. The “Flight” of Samonas // Speculum. 1948. Vol. 23. P. 235.

³² Повесть временных лет, 6415 (907) г. // ПСРЛ. Т. I. Стб. 30; Т. II. Стб. 22. Ср.: Новгородская первая летопись, 6430 (922) г. // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Языки русской культуры, 2000. (ПСРЛ. Т. 3). С. 108 (922 г.). См.: Кузенков П.В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века. Т. 8. 2011. С. 7–35.

³³ См.: Васильев А.А. Византия и арабы. Т. I. СПб., 1900. С. 126–127, 156 («25 шабана, четверг»; дата переводится на юлианский календарь как 22 июля 838 г., но это понедельник; четвергом были даты 4, 11 и 18 июля).

- Феофил узнает, что принц Афшин прошел через горный хребет Антитавр и вторгся в фему Армениаков — 2027311–2027312 (24 июня 838 г.);
- битва при Анзене (общепринятая датировка) — 2027335–2027336 (22 июля);
- начало осады Амория — 2027349–2027350 (1 августа).

Рассматривая датировки этих событий в комплексе, мы можем убедиться, что при известной скорости движения войска Аморий просто не мог быть осажден 1 августа. Делая предположение, что дата битвы при Анзене установлена неверно и постулируя наличие лакуны в тексте ат-Табари, мы считаем, что реальной датой битвы могло быть только 4 июля 838 г., в четверг³⁴.

Аналогичный подход, но для уточнения маршрутов передвижения проходит проверку в работах других исследователей³⁵.

Пример 5. Гипотетическое действие

Британский историк Р.Дж.Х. Дженкинс высказал предположение о том, что «император Лев VI послал Самону с тайной миссией к арабам»³⁶.

Параметры: время — 2051548–2051608 (конец 904 г.); место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); Оа — Лев VI Мудрый; Ор — патрикий и протовестиарий Самона; Ог — арабы; Аа — отправил с тайной миссией.

Гипотеза, выдвинутая Дженкинсом не находит связей с другими известными фактами и не обладает достаточной логической убедительностью, поэтому стоит считать ее *вполне недостоверной* (0,2).

Пример 6. Сравнение и анализ гипотез

В данном примере мы рассмотрим и анализ гипотез путем выстраивания вариантов цепочек действий на основе рассмотрения четырех записей о происшествии 860 г.

Действие 1. Нападение Руси на Константинополь в 860 г.

Параметры: время — 2035342–2035343 (18 июня 860 г.) P(D) = 0,9; место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); О^ха — войско Руси; О^ур — Константинополь (население и власть); А^х1 — военное нападение; F^х1с (причинные факторы) — внезапность атаки, отсутствие императора, нерасторопность военных властей, паника жителей.

³⁴ Доклад П.В. Кузенкова «Битва на равнине Дазимон в 838 году: новая датировка» был сделан на Сюзюмовских чтениях в Екатеринбурге в 2018 г.

³⁵ См., напр., исследование Е.С. Гришина о передвижениях императора Генриха IV: *Гришин Е.С. Пространственная мобильность Генриха IV в 1063–1073 гг. как фактографическая основа для анализа распространения информации в средневековой Германии // Историческая информатика. 2018. № 3. С. 106–122.*

³⁶ *Jenkins R. The “Flight” of Samonas.*

*Действие 2. Император Михаил III спешно возвратился в Константинополь и собрал войско*³⁷

Параметры: время — 2035325–2035354 (июнь 860 г.); место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); O^xa — Константинополь (войско); O^yp — войско Руси; A^x2 — угроза.

*Действие 3. Патриарх Фотий и император Михаил III совершили богослужение об избавлении от нашествия*³⁸

Параметры: время — 2035325–2035354 (июнь 860 г.); место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — религиозный; ранг — 3 (региональное); O^xa — Константинополь (население и войско); A^x3 — молебен.

Действие 4. Отступление Руси от Константинополя

Параметры: время — 2035355–2035416 (июль-август 860 г.); место — 41,0167° с. ш.: 28,9667° в. д. (Византия > Константинополь); тип — внешняя политика; ранг — 3 (региональное); O^xa — войско Руси; O^yp — Константинополь (население и власть); A^x1 — отступление; F^x1c (причинные факторы) — 1) панический религиозный страх; 2) приближение имперских войск; 3) достижение цели.

На основе имеющихся данных о действиях мы можем выстроить четыре гипотетических варианта последовательностей (цепочек) действий, связанных причинно-следственными связями и провести их анализ.

Гипотеза 1. Действие 1 → Действие 2 → Действие 4

Описание: отступление войск Руси явилось следствием угрозы нападения византийского войска.

Результаты анализа: достоверность источников — 0,8; логическая непротиворечивость — 0,7.

Оценка гипотезы: скорее достоверная — 0,56.

Гипотеза 2. Действие 1 → Действие 3 → Действие 4

Описание: отступление войск Руси явилось следствием страха перед божественными силами.

Результаты анализа: достоверность источников — 0,5; логическая непротиворечивость — 0,7.

Оценка гипотезы: скорее недостоверная — 0,35.

Гипотеза 3. Действие 1 → Действие 2 → Действие 3 → Действие 4

Описание: отступление войск Руси явилось следствием угрозы нападения византийского войска и затем страха перед божественными силами.

³⁷ Cumont F. Anecdota Bruxellensia. T. I. Gand, 1894. P. 45.

³⁸ Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3–172.

Результаты анализа: достоверность источников — 0,5; логическая непротиворечивость — 0,2 (сомнительно).

Оценка гипотезы: *крайне недостоверная* — 0,1.

Гипотеза 4. Действие 1 → Действие 3 → Действие 2 → Действие 4

Описание: отступление войск Руси явилось следствием страха перед божественными силами и затем угрозы нападения византийского войска.

Результаты анализа: достоверность источников — 0,5, логическая непротиворечивость — 0,7.

Оценка гипотезы: *скорее недостоверная* — 0,35.

По результатам анализа мы имеем возможность сравнить гипотезы и сделать выбор в отношении наиболее правдоподобной.

* * *

Как показывает опыт использования, кратко обобщенный в приведенных выше примерах, предложенные в настоящей работе методики демонстрируют свою эффективность, а в совокупности с созданными на их основе массивами исторических данных могут послужить реальной основой для развития целого спектра исторических ЦИР. Дальнейшее разработка этих подходов и их широкая научная экспертиза даст возможность появления новых методов валидации и конкретизации сведений источников, уточнения датировок, обоснования исследовательских гипотез, а также наглядного представления исторических явлений при помощи различных форм исторической визуализации³⁹.

Быстрицкий Николай Игоревич

Научный сотрудник

Исторический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: nbystritskiy@yandex.ru

Кузенков Павел Владимирович

Кандидат исторических наук

Доцент

Исторический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: pk407@mail.ru

³⁹ Nanetti A., Lin C.-Y., Cheong S.A. Provenance and Validation from the Humanities to Automatic Acquisition of Semantic Knowledge and Machine Reading for News and Historical Sources Indexing/Summary // Asian Review of World Histories. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 125–132; Быстрицкий Н.И. Историческая визуализация // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2015. Т. 44. С. 78–81.

Nikolay BYSTRITSKIY, Pavel KUZENKOV

SUGGESTED APPROACHES TO THE ACQUISITION AND ANALYSIS OF DATA FOR THE BYZANTINE HISTORY

Abstract: The development of modern information technology opens wide prospects in the field of storage and processing of scientific knowledge. But the specificity of history requires the elaboration of theoretical foundations and principles of formalization, visual representation and scientific analysis of historical data, followed by verification of developed approaches during case studies. The paper presents the experience of applying the methods for formalization and analysis of some data for the Byzantine history.

Keywords: Byzantine history, research tool, historical methodology, Digital History, digital historical data, reliability of data.

Literature Cited

- Aiello, M., Pratt-Hartmann, I., and Benthem, J., eds. *Handbook of spatial logics*. Dordrecht: Springer, 2007.
- Alikberov, A.K. “System Logic as an Instrument of a Systems-Based Approach to History.” *Voprosy Filosofii* 2 (2018). P. 16–26 (in Russian).
- Alikberov, A.K. “Historical forms of nationalism in system-communication analysis.” *Voprosy Istorii* 9 (2019). P. 11–23 (in Russian).
- Alikberov, A.K. “About the Question of the Periodization of History in the Paradigm of the Information Approach.” *RUDN Journal of World History*. 10–1 (2018). P. 7–16 (in Russian).
- Allen, J.F. “Maintaining Knowledge about Temporal Intervals.” *Communications of the ACM* 26. 11 (1983). P. 832–843.
- Allen, J.F. “Time and Time Again: The Many Ways to Represent Time.” *The International Journal of Intelligent Systems* 6–4 (1991). P. 341–355.
- Badaloni, S., and Giacomini, M. “A fuzzy extension of Allen’s interval algebra.” In *APIA99: Advances in Artificial Intelligence*, ed. by E. Lamma and P. Mello. Springer, 2000. P. 155–165.
- Benthem, J. *The Logic of Time*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1983.
- Benthem, J. “Temporal Logic”. In *Handbook of Logic and AI*. Oxford University Press, 1995. P. 241–350.
- Bloch, M. *Apologie pour l’histoire ou Métier d’historien*. Paris, 1951.
- Bystritskiy, N.I. “Supercomputer Technologies and History.” In *Supercomputer technologies in science, education and industry*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2012. P. 81–87 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. “Development of Information Resources for Byzantine Studies.” In *Russian Byzantine Studies: Traditions and Prospects. Abstracts of the XIX All-Russian Scientific*

- Session of the Byzantine Studies*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2011. P. 49–54 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. “Historical visualization.” *“History and Computer” Association information bulletin* 44 (2015). P. 78–81 (in Russian).
- Bystritskiy, N.I. “Natural Science Approaches to the Acquisition and Analysis of Digital Data for the Byzantine History.” In *Natural Science Methods in the Digital Humatitarian Environment*. Perm, 2018. P. 19–22 (in Russian).
- Dubois, D., and Prade, H. “Processing fuzzy temporal knowledge.” *IEEE Transactions of Systems, Man and Cybernetics* 19 (1989). P. 729–744.
- Galton, A. “Temporal Logic.” In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2008 Edition), ed. by Edward N. Zalta. URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/logic-temporal/>
- Galton, A. “On the Ontological Status of Geographical Boundaries.” In *Foundations of Geographic Information Science*. London: Taylor and Francis, 2003. P. 151–171.
- Gevorkian, G.A. *Veroyatnoe i dostovernoe znanie [Probable and reliable knowledge]*. Erevan: AN ASSR, 1965 (in Russian).
- Grishin, E.S. “Henry IV’s Spatial Mobility in 1063–1073 as the Factographic Basis for Information Dissemination in Medieval Germany.” *Historical informatics* 3 (2018). P. 106–122 (in Russian).
- Herschel, J.F.W. *Outlines of Astronomy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Jenkins, R. “The “flight” of Samonas.” *Speculum* 23 (1948). P. 217–235.
- Jensen, C.S., et al. “The Consensus Glossary of Temporal Database Concepts.” In *Temporal Databases — Research and Practice*, ed. by C.S. Jensen, C.E. Dyreson. Berlin: Springer-Verlag, 1998 (LNCS; 1399). P. 367–405.
- Kandrashina, E.Y., Litvintseva, L.V., and Pospelov, D.A. *Predstavlenie znaniĭ o vremeni i prostranstve v intellektual'nykh sistemakh [Presentation of knowledge about time and space in intelligent systems]*. Moscow: Nauka, 1999 (in Russian).
- Karavaev, E.F. *Osnovaniia vremennoi logici [The base of time logic]*. Leningrad: LGU, 1983 (in Russian).
- Karpov, S.P. “Historical science and historical education in the contemporary information space: stalemate and prospects.” In *Problems of the methodology of studying and teaching modern history. Proceedings of the international conference. October 29, 2009*. Moscow, 2009. P. 66–71, 162–166 (in Russian).
- Karpov, S.P. “Introduction.” In *Proceedings of the international conference “Can History be Objective?”* Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2012 (in Russian).
- Karpov, S.P., et al. “23rd International Congress of Byzantine Studies «Byzantium — a world of changes» (Belgrade 2016, August 22–27).” *Vizantiyskiy Vremennik* 100 (2016). P. 338–341 (in Russian).
- Khvostova, K.V. “Mathematical methods in historical research and modern epistemology of history.” *Novaya i noveishaia istoria* 3 (2007). P. 66–78 (in Russian).
- Kobzarev, I.Y. “Otnositelnosti teoriya” (“Theory of relativity”) In *Fizicheskii entsiklopedicheskiy slovar (Encyclopedic dictionary of Physics*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983. P. 11–15 (in Russian).
- Kovalchenko, I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniia [Methods of historical research]*. Moscow: Nauka, 1987 (in Russian).
- Kronik, A.A., and Akhmerov, R.A. *Kauzometriia [Causametrics]*. Moscow: Smysl, 2003 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. “Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Rus in medieval written sources.” In *The oldest states in Eastern Europe — 2000*. Moscow, 2003. P. 3–172 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. “Oleg’s Rus at Constantinople in 904.” *Black Sea Region in the Middle Ages* 8 (2011). P. 7–35 (in Russian).

- Kuzenkov, P.V. *Hristianskie hronologicheskie sistemy [Christian chronological systems]*. Moscow, 2015 (in Russian).
- Kuzenkov, P., and Bystritskiy, N. "Current approaches towards acquisition and analysis of a Byzantine history digital data." In *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August 2016. Thematic Session of Free Communications*. Belgrade, 2016. P. 231–232 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V., and Bystritskiy, N.I. "Formalization experience of historical data on the example of Byzantine history" In *Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Vol. III*. Sofia, 2011. P. 302–303 (in Russian).
- Manning, P. *Big data in history*. Palgrave, 2013.
- Nanetti, A., Cheong, S.A., and Filippov, M. "Interactive Global Histories. For a new information environment to increase the understanding of historical processes." In *Proceedings of the International Conference on Culture and Computing 2013 (Kyoto, Ritsumeikan University, Sept. 16–18, 2013)*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society, 2013. P. 104–110.
- Nanetti, A., and Cheong, S.A. "The World as Seen from Venice (1205–1533) as a Case Study of Scalable Web-Based Automatic Narratives for Interactive Global Histories." *Asian Review of World Histories* 4–1 (2016). P. 3–34.
- Nanetti, A., Lin, C.-Y., and Cheong, S.A. "Provenance and Validation from the Humanities to Automatic Acquisition of Semantic Knowledge and Machine Reading for News and Historical Sources Indexing/Summary." *Asian Review of World Histories* 4–1 (2016). P. 125–132.
- Ohlbach, H. "Fuzzy Time Intervals — The FuTI-Library." In *Forschungsbericht. Institute for Informatics*. University of Munich, 2005.
- Ohrstrom, P., and Hasle, P.F.V. *Temporal Logic from Ancient Ideas to Artificial Intelligence*. Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Orlov, A.I. *Ekspertnye otsenki [Expert assessment]*. Moscow: IVSTE, 2002 (in Russian).
- Peuquet, D.J. *Representations of Space and Time*. New York: The Guilford Press, 2002.
- Popović, M., Polloczek, V., Koschicek, B., and Eichert, St. *Power in Landscape — Geographic and Digital Approaches on Historical Research*. Leipzig 2019.
- Popović, M., and Polloczek, V. "Digitising Patterns of Power (DPP): Applying Digital Tools in the Analysis of Political and Social Transformations in the Historical Region of Macedonia, 12th–14th Centuries." *Medieval Worlds* 5 (2017). P. 170–194.
- Ricœur, P. *Histoire et vérité. [History and Truth]*. Evanston, IL.: Northwestern University Press, 1965.
- Taller, M. "Discussions around Digital Humanities." *Historical informatics* 1 (2012). P. 5–13 (in Russian).
- Shapshich, P.A. *Interval time logic and grammatical tenses. The dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences*. Sankt-Petersburg, 2010 (in Russian).
- Varosian, S.O., and Pospelov, D.A. "Nonmetric spatial logic." *Izvestia AN SSSR. Technical Cybernetics* 5 (1982). P. 86–99 (in Russian).
- Whalgren, S., ed. *Symeonis Magistri et Logothetae Chronicon*. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2006 (CFHB; 44/1).

Nikolay BYSTRITSKIY

Researcher
Lomonosov Moscow State University
Faculty of History
Lomonosovsky prospect, 27–4
119991 Moscow

e-mail: nbystritskiy@yandex.ru

Pavel KUZENKOV

Candidate of Sciences (History), Docent
Lomonosov Moscow State University
Faculty of History
Lomonosovsky prospect, 27–4
119991 Moscow

e-mail: pk407@mail.ru

И.Н. Попов

**«ОНОМАСТИКОН» ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО
И «БУРДИГАЛЬСКИЙ ИТИНЕРАРИЙ»
О СВЯТЫНЯХ ИЕРУСАЛИМА:
ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ
ХРИСТИАНСКОЙ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ**

Аннотация: В нашем исследовании мы пытаемся представить возможности и усилия христиан Палестины в эпоху Константина по развитию проекта Святой Земли. Мы оставляем в стороне императорские проекты раскопок и базилик и обращаем внимание на менее заметную деятельность местных христиан в сфере сакральной археологии. Для этой цели мы анализируем сведения из «Ономастикона» Евсевия Памфила и «Бурдигальского итинерария» о состоянии святых мест в Иерусалиме и тех изменениях, которые произошли с ними в краткий исторический период между началом и 30-ми гг. IV в. Наш обзор позволяет увидеть картину сосуществования и идеологического противостояния между несколькими религиозными общинами, в основном между христианами и иудеями. В этот краткий период наряду с реализацией императорских проектов, в Иерусалиме христианами были «открыты» и приспособлены для демонстрации паломникам многочисленные места и достопримечательности. Зачастую процесс этих «открытий» происходил как будто в спешке, лихорадочно, подлинность «открытых» объектов оценивалась противоречиво, и в позднейшие времена многое из созданного в эти годы подверглось переоценке. Тем не менее нельзя недооценивать успехи местных христиан, именно в эти годы фактически создавших новую перспективу для развития Палестины.

Ключевые слова: Иерусалим, Святая Земля, Палестина, Константин Великий, Евсевий Памфил, Бурдигальский итинерарий, реликвии, паломничество, сакральная археология.

Как известно, в эпоху правления императора Константина (306–337) кульминацией в реализации проекта преобразования Палестины во всемирный центр паломничества для христиан стало строительство четырех базилик на указанных христианами местах важных событий библейской истории¹. Это базилики у Голгофы и Гроба Господня в центре Иерусалима, у места проповеди и Вознесения Христова на Елеонской горе, у пещеры Рождества Христова в Вифлееме,

¹ Деятельность императора Константина в Палестине давно оценена исследователями как единый продуманный проект, направленный именно на «создание» Святой Земли — преобразование городов и местностей в центры общехристианского культа и паломничества. Термин *Holy Land Plan*, обозначающий эти события, впервые был использован в: *Telfer W. Constantine's Holy Land Plan // Studia Patristica. 1957. Vol. 1. P. 696–700.*

а также у «дуба» Авраама в Мамре. В проектировании и быстром строительстве этих храмов, безусловно, ведущую роль сыграла римская государственная власть, выделявшая неограниченные средства и утверждавшая программу строительства по запросам местных христиан, прежде всего епископов². Однако при таком беглом взгляде на события часто складывается ложное впечатление того, что в начавшемся процессе развития христианской Святой Земли преобладала некая государственная инициатива, воля императора или его матери августы Елены, что этой воле вынуждена была подчиниться чиновная управленческая машина империи и что этой волей с выгодой для себя воспользовались христиане.

Описанная ситуация закономерно порождает большой круг вопросов. Действительно, государство в этом процессе сыграло важную роль, но какова была на этом фоне роль «местных сил»? Если реформы, как было заявлено, были направлены на поддержку христиан, то сами христиане должны были стать социальной основой, опорой этого проекта. Но были ли готовы к этому реальные христиане Палестины в 20-х гг. IV в.? В какой мере они имели возможность поддержать Константина и его представителей? Не было ли значение местных христиан первоначально ничтожным, и не было ли оно затем приукрашено «задним числом» усилиями императорской и церковной пропаганды? Иными словами, мы должны задать вопрос о том, как, в какой мере и с помощью каких механизмов происходило взаимодействие сил государства и местных общественных сил, т. е. христианских общин, в процессе реализации проекта Святой Земли. Существуют ли источники, которые позволили бы нам оценить это взаимодействие? Кроме того, есть ли у нас возможность проследить деятельность христиан в развитии Святой Земли независимо от государства? Что и как могли делать христиане там, где рядом с ними не стояли эмиссары императора? Кто именно из христиан мог заниматься изучением и демонстрацией святых мест, развитием сакральной археологии? Как мы могли бы охарактеризовать содержание и качество работы этих людей?

Ответить на все эти вопросы в рамках настоящей статьи, разумеется, невозможно. Однако мы попытаемся наметить ход поисков и продемонстрировать ряд наблюдений, которые могут создать более детальное представление о ситуации первых лет развития христианского проекта Святой Земли.

В обсуждении всех этих вопросов мы не можем полагаться на источники, возникшие спустя время и отражающие представления об эпохе Константина, сформированные через поколения, в основном в среде завоевавшей официальный статус христианской Церкви. Однако и современные эпохе Константина источники предоставляют необычайно богатый материал для размышления на интересующие нас темы. Ряд ответов на наши вопросы дает сравнительный анализ двух памятников: «Ономастикона библейских названий» Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской (ок. 265 — ок. 339), и итинерария, составленного анонимным паломником-христианином, который прибыл к Святым Местам из галльской Бурдиглы (ныне Бордо) в 333 г. Оба эти источника созданы в Па-

---

² Император Константин в своих письмах к Евсевию Памфилу и другим епископам по всей империи в 324–325 гг. недвусмысленно предлагал поддержать любые предложения христиан, организационно и финансово, особенно в деле строительства новых церквей: Euseb. Vita Const. II.46; Socr. Hist. eccl. I.9. Следует полагать, что дальнейшая работа над проектом Святой Земли, начавшаяся вскоре после Никейского Собора 325 г., происходила как ответ императора именно на такой запрос о поддержке со стороны палестинских христиан.

лестине, они отражают многочисленные подробности повседневных аспектов религиозной жизни этой страны, сосуществования и конкуренции различных религиозных общин. На фоне этой повседневности в обоих источниках, хотя и по-разному, находит свое отражение процесс возникновения христианской традиции паломничества в Святую Землю. Наконец, оба источника появились строго в рамках рассматриваемой нами эпохи и не претерпели каких-либо переделок и переосмыслений в позднейшие времена.

* * *

«Ономастикон библейских названий» Евсевия³ представляет собой географический справочник, организованный по книгам Священного Писания и учитывающий значительную часть топонимов, в основном названий населенных пунктов, упоминаемых как в Ветхом, так и в Новом заветах. «Ономастикон» представляет собой некий третий этап в известном нам процессе создания и использования подобных библейских справочников.

До нас дошел в латинском переводе Иеронима справочник, составленный Оригеном, — «Книга о еврейских именах». Согласно преамбуле к этому труду, Ориген, в свою очередь, использовал как основу подобный трактат Филона Александрийского⁴. Принципы организации материала в этих трактатах одинаковы. Однако если труд Филона и Оригена был сосредоточен на вопросах этимологии имен и названий и отчасти на поисках их символических смыслов, то «Ономастикон» Евсевия представляет принципиально иное содержание. Евсевий отделил географические названия от имен и развернул весь материал в сторону проблем локализации известных по Библии объектов на реальной карте Палестины. В этой работе Евсевий не добился полного учета библейских названий, используя лишь ту часть книг, в которых различная географическая информация представлена наиболее широко. Тем не менее этот трактат, несомненно, является выдающимся достижением Евсевия как ученого-систематизатора. Как и во многих других трудах Евсевия, посвященных Библии, главной фундаментальной идеей здесь был поиск доказательств подлинности библейской истории, а также верности ее христианской интерпретации. Поэтому для Евсевия чрезвычайно важным стало стремление сопоставить библейские топонимы с реально существующими местами, городами, селениями, реками, горами современной ему Палестины. Это знание, несомненно, создавало ощущение приближения к древним реалиям, переживание памяти о библейских событиях как их живого осязаемого присутствия в окружающей действительности.

Это знание постепенно увлекло не только Евсевия: в течение IV в. оно стало достоянием и большого круга читателей его трудов — создателей христианской Святой Земли и христианской сакральной археологии. Сама по себе идея почитания реликвий или святынь, связанных с Библией, не была главной в «Ономастиконе». Однако, составляя справочник, Евсевий не отказывался от возможности

³ *Eusebius. Das Onomastikon der biblischen Ortsnamen* / Hrsg. E. Klostermann. Leipzig, 1904; Hildesheim, 1966² (*Eusebius. Werke*. Bd. 3. H. 1). (Далее: *Onomast.*). Рус. пер.: Евсевия Памфилова «О названиях местностей, встречающихся в Свящ. Писании». Блаженного Иеронима «О положении и названиях еврейских местностей» / Пер. И. Помяловского // ППС. Вып. 37. СПб., 1894. (Далее: рус. №).

⁴ *Hieronymi Liber de nominibus Hebraicis* // PL. T. 23. Col. 771–858.

обратить внимание на то, что тот или иной город или место связаны с различными событиями, что они почитаются, показываются паломникам. Среди множества учтенных Евсевием пунктов в «Ономастиконе» таких оговорок набирается много десятков. Их учет и анализ создает картину весьма широко развитой паломнической культуры в Палестине начала IV в., причем большинство учтенных им паломнических мест — иудейские.

«Ономастикон» первоначально был известен европейской ученой традиции в латинском переводе Иеронима (конец IV в.); в XVII в. был издан его греческий оригинал⁵. Однако «Ономастикон» начал постепенно привлекать все большее внимание ученых лишь с конца XIX в., по мере роста археологических знаний о Палестине, которые исследователи стремились подкрепить древними литературными источниками.

«Ономастикон» является предметом довольно интенсивного изучения, однако во многом еще остается загадочным памятником⁶. Согласно заявлению самого Евсевия в преамбуле к «Ономастикону», этот трактат представляет собой четвертую часть большого историко-терминологического и географического труда, посвященного Библии. Три остальные его части утрачены. В них содержались:

- 1) свод библейской просопографии и этнонимов;
- 2) хронография древней Иудеи (видимо, частичный аналог евсевиевой «Всемирной хроники»);
- 3) план и описание древнего Иерусалима и храма Яхве (предполагается, что именно этот труд в наибольшей мере послужил основой для христианских раскопок).

Тематические различия между этими трактатами говорят о том, что каждый из них являлся, по сути, самостоятельной работой. За исключением сведений в преамбуле, внутренних отсылок на эти трактаты «Ономастикон» не содержит. Таким образом, мы можем рассматривать его как отдельное законченное произведение.

«Ономастикон» составлен Евсевием в конце III или начале IV в.⁷ Для нашего исследования принципиальным является то, что он, несомненно, появился до начала христианских раскопок в Иерусалиме. Это позволяет противопоставить

⁵ *Onomastica sacra* / Ed. P. de Lagarde. Gottingae, 1870.

⁶ Основная литература с оценками и обсуждением «Ономастикона»: *Thomsen P.* Palästina nach dem Onomasticon des Eusebius // ZDPV. 1903. Bd. 26. S. 97–141, 145–188; *Klostermann E.* Einleitung // Eusebius. Werke. Bd. 3. H. 1. S. I–XXXVI; *Kubitschek W.* Ein Strassennetz in Eusebius' Onomastikon // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. 1905. Bd. 8. S. 119–127; *Noth M.* Die topographischen Angaben im Onomastikon des Eusebius // ZDPV. 1943. Bd. 66. S. 32–63; *Wallace-Hadrill D.S.* Eusebius of Caesarea. L., 1960; *Wolf C.U.* Eusebius of Caesarea and the Onomasticon // The Biblical Archaeologist. 1964. Vol. 27. P. 65–96; *Barnes T.D.* The Composition of Eusebius' Onomasticon // JTS. 1975. Vol. 26. P. 412–415; *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge (Mass.), 1981. P. 106–111; *Hunt E.D.* Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire: AD 312–460. Oxford, 1984. P. 97–101; *Groh D.E.* The Onomasticon of Eusebius and the Rise of Christian Palestine // SP. 1985. Vol. 18. No 1. P. 23–31.

⁷ Датировка К. Вольфа ок. 330 г. явно неубедительна (*Wolf C.U.* Eusebius of Caesarea... P. 73). Большинство современных специалистов согласны с тем, что «Ономастикон» был составлен в ранний период творчества Евсевия. Т. Барнз, один из крупнейших исследователей наследия Евсевия, высказал идеи, ныне в основном принятые, о как можно более ранней датировке всех трех исторических сочинений Евсевия, относя и работу над «Хроникой», и создание «Ономастикона», и первую редакцию «Церковной истории» ко времени до 303 г., до начала Диоклетиановых гонений на христиан: *Barnes T.D.* The Composition...; *Idem.* Constantine and Eusebius. P. 106–111.

его информацию всем другим более поздним источникам об истории христианской Святой Земли.

Среди ряда обсуждаемых проблем в связи с изучением «Ономастикона» для нас существенным является также вопрос о том, какое имел отношение (и имел ли) «Ономастикон» к проекту христианской Святой Земли. Должны ли мы рассматривать «Ономастикон» как некий начальный этап в формировании знаний христиан о Палестине и топографии ее культурной памяти, который послужил основой для развития всего их проекта Святой Земли? Или же мы должны отделить «Ономастикон» от позднейших событий истории Святой Земли и изучать его как некий памятник христианской библеистики, экзегетики, кабинетной науки, не связанной с общественно-политическими процессами, происходившими вокруг?

Первый вариант ответа представляется более верным, и мы, как и большинство исследователей, в целом, придерживаемся его⁸. Однако в научной литературе нередко звучат и мнения о невозможности связывать труд Евсевия с константиновским проектом Святой Земли. Так, например, Д. Гро оценивает «Ономастикон» исключительно как промежуточный этап исторических исследований Евсевия от «Хроники» к «Истории», призванный свести воедино библейские, римские и христианские реалии таким образом, чтобы увидеть христианство как наследника библейских традиций в римском мире. «Ономастикон» создает Евсевию платформу для его историко-апологетических трудов, а не для начала христианской археологии или паломничества⁹.

Действительно, в «Ономастиконе» нет прямых указаний на какие-либо его связи с константиновским проектом. Но можно было бы утверждать, что «Ономастикон» не связан с ним, если бы им не пользовались христиане позднейших поколений, исследователи Святой Земли, «специалисты» по сакральной археологии. Но было совсем иначе. В позднеантичную эпоху «Ономастикон» был нужен многим. Его востребованность доказывает перевод Иеронима, который внес в текст Евсевия некоторые дополнения, попытавшись тем самым отчасти «актуализировать» его. Следы влияния «Ономастикона» находятся почти во всех паломнических итинерариях этой эпохи¹⁰. Многие сведения паломники и их «гиды» черпали оттуда, особенно если это касалось различных иудейских святынь Иерихона, Мамре и т. п. В самом «Ономастиконе», как было неоднократно отмечено исследователями, очень часто содержатся различные ремарки о том, что те или иные места и святыни в Палестине «показываются паломникам». Т. е., работая над «Ономастиконем», Евсевий ни в коем случае не собирался противопоставлять свои «книжные» занятия интересам путешествующих христиан.

Таким образом, возможно и естественно, что первоначальная задача Евсевия в этом труде была связана в основном с внутренней логикой его научных, религиозно-полемических и творческих поисков; но она не противоречила и

⁸ Ср.: *Maraval P.* The Earliest Phase of Christian Pilgrimage in the Near East // DOP. 2003. Vol. 56. P. 66; *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. P. 109–110; *Hunt E.D.* Holy Land Pilgrimage... P. 96–100.

⁹ *Groh D.E.* The Onomasticon... P. 29.

¹⁰ *Wolf C.U.* Eusebius of Caesarea... P. 77 (считает, что Бурдигалец и Антонин из Плаценции использовали общий с «Ономастиконем» источник; Иероним и Павла использовали его напрямую); *Hunt E.D.* Holy Land Pilgrimage... P. 99 (указывает, что «Ономастикон» мог быть одним из источников для итинерария Эгерии).

той роли, которую «Ономастикон» сыграл в дальнейшем. Вероятно, работая над «Ономастиком», Евсевий еще ничего не думал о каком-либо проекте христианизации Святой Земли. Однако события последующих лет его жизни, несомненно, перевернули многое в его взглядах и ожиданиях. «Ономастикон» стал справочником не только для классически образованных христиан-экзегетов, увлеченных чтением Библии, но и для простых паломников, и для тех представителей христианских общин, кто будет увлеченно заниматься сакральной археологией и настойчиво стремиться превратить Палестину в средоточие интересов всех христиан независимо от их социального статуса и уровня образования.

* * *

«Бурдигальский итинерарий» имеет точную дату возникновения — 333 г. Это описание маршрута путешествия некоей группы христиан из Бурдигалы в Палестину и обратно¹¹. Имена и социальный статус этих паломников не известны. Описание основного пути этой поездки представляет собой классический географический справочник, содержит в основном лишь перечни почтовых станций и расстояния между ними. Период же пребывания паломников в Палестине (ок. июля-октября 333)¹² описан пространно. В нем перечислены все места, куда приезжали паломники, приведены различные показанные им достопримечательности, а также даны пояснения, которые явно записаны большей частью со слов местных христиан, знатоков Святой Земли, «гидов», сопровождавших паломнические группы.

По сравнению с «Ономастиком» внимание к этому памятнику в науке невелико. Он прочно занял место среди «второстепенных» источников; он изучается, а скорее просто просматривается в контексте решения самых разных задач по созданию общеисторических обзоров по римской эпохе, по географии империи и ее дорожной сети, а также истории христианского паломничества и итинерариев. Подробный анализ «Бурдигальского итинерария» был предпринят всего в нескольких публикациях¹³.

Обсуждение «Бурдигальского итинерария» занимает большое место в книге «Легендарная топография Евангелий в Святой Земле» пера ныне знамени-

¹¹ *Itinerarium Burdigalense* // *Itineraria et alia Geographica*. Turnholti, 1965. P. 1–26 (CCSL 175) (пагинация в этом издании повторяет публикацию итинерария: Monubilis / Hrsg. J. Piechotta // *Archiv für lateinische Lexikographie*. 1884. Bd. 1) (далее: *Burd.*). Рус. пер.: Бордосский путник 333 г. // ППС. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1882.

¹² Согласно итинерарию, путешествие происходило в консульство Далмация и Зенофила — 333 г. Группа бурдигальцев покинула Константинополь и отправилась на восток в 3-й день июньских календ (30 мая) и вернулась в Константинополь на 8-й день январских календ (25 декабря).

¹³ Основную литературу см.: Бурдигальский итинерарий // ПЭ. Т. 6. М., 2003. С. 372; *Gelsomino R.* L'itinerarium Burdigalense // *Vetera Christianorum*. 1966. Т. 3. P. 161–208; *Eckhardt R., Mommert C.* Das Jerusalem des Pilgers von Bordeaux (333) // *ZDPV*. 1906. Bd. 29. S. 72–92, 177–193; *Kötting B.* Peregrinatio Religiosa: Wallfahrten in der Antike und das Pilgerwesen in den alten Kirchen. Münster; Regensburg, 1950. S. 89–111, 343–354; *Maraval P.* Lieux saints et pèlerinages d'Orient. Paris, 1985. P. 258–265; *Douglass L.* A New Look at the *Itinerarium Burdigalense* // *Journal of Early Christian Studies*. 1996. Vol. 4. P. 313–333; *Bowman G.* Mapping History's Redemption: Eschatology and Topography in the *Itinerarium Burdigalense* // *Jerusalem, its Sanctity and Centrality to Judaism, Christianity and Islam* / Ed. L.I. Levine. New York; Jerusalem, 1998. P. 163–187; *Elsner J.* The *Itinerarium Burdigalense*: Politics and Salvation in the Geography of Constantine's Empire // *JRS*. 2000. Vol. 90. P. 181–195.

того ученого Мориса Хальбвакса¹⁴. Эта монография является одной из первых в мировой науке попыток систематического применения методологии исследования культурной памяти. Как ученый-новатор Хальбвакс поставил себе целью изучать историю отдельных святынь Палестины в их восприятии христианами разных эпох. Он подчеркивал, что его как исследователя памяти интересует не степень достоверности тех или иных сведений, о которых писали паломники и жители Палестины, а сама структура их знаний, закономерности их развития и сохранения¹⁵.

Сам по себе такой разворот исследовательской проблематики сделал гораздо более значимыми, чем это виделось ранее, множество деталей итинерариев, которые прежде воспринимались лишь как мифы или «обман верующих» и вызывали у специалистов лишь скепсис. В обширной главе, посвященной Бурдигальцу, Хальбвакс следовал за текстом памятника и описывал Иерусалим и другие города Палестины с интересом свидетеля, а не критика, стремясь объяснить, почему и как могла появиться в итинерарии та или иная информация, но отнюдь не почему эта информация может быть «верна» или «ошибочна». Вместе с тем, следуя за паломником 333 г., но «зная будущее», исследователь неизбежно начал сопоставлять его сведения с различными позднейшими описаниями Святой Земли. И на этом пути, часто обнаруживая, что в позднейших источниках присутствуют различные объекты, сведения и подробности, которых нет у Бурдигальца, исследователь рассуждал о том, почему их нет.

Таким образом, большую часть своего внимания Хальбвакс уделяет скорее тому, что у Бурдигальца отсутствует, нежели тому, что у него есть. Все это затемняет изложение материала и заставляет читателя думать в большей степени не о памяти и ее эволюции, а вновь о точности фактических знаний паломников. Таким образом, несовершенство метода не позволило Хальбваксу проанализировать источник структурно и оставило в основном лишь россыпь разноразправленных, хотя и очень любопытных наблюдений. Анализ Хальбвакса выявил ряд деталей процесса (многовекового) развития культуры Святой Земли, но он, к сожалению, не был направлен на установление значения текста Бурдигальца для той эпохи, когда он возник, и его соотношения с другими источниками этого же времени.

В ряде работ последних десятилетий предпринимаются попытки рассмотреть «Бурдигальский итинерарий» в его более сложных связях, как памятник, отражающий процесс формирования христианского мировоззрения и нового, уже христианского восприятия Римской империи. Следует сказать, что эти исследования дают противоречивые результаты. Стремление ученых видеть в итинерарии некое иное понимание географии, на наш взгляд, выглядит неубедительно¹⁶. Также весьма спорна интерпретация труда Бурдигальца как памятника мистико-

¹⁴ *Halbwachs M.* La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: Étude de mémoire collective. Paris, 1941. P. 11–62. В настоящее время к научному наследию М. Хальбвакса обращен всё возрастающий интерес; литература о нем постоянно пополняется. Однако книга о Святой Земле, последняя в ряду монографий ученого, занимает лишь незначительное место в посвященных ему трудах. О ней чаще упоминают, но не подвергают столь скрупулезному анализу, как другие его работы.

¹⁵ *Halbwachs M.* La topographie légendaire... P. 2–3.

¹⁶ *Douglass L.* A New Look...

богословской мысли, отражающего едва ли не эсхатологическое восприятие святынь Палестины первыми христианскими паломниками¹⁷. Более продуктивным и интересным является исследование языка Бурдигальца, использование им различных слов для обозначения еще непривычных для латинского языка христианских понятий (крещение, базилика как христианский храм и т. п.)¹⁸. В целом эти работы в значительной мере направлены на актуализацию «Бурдигальского итинерария» как источника общехристианского значения. В то же время они в значительной мере уводят этот источник от собственно контекста истории Палестины и Святой Земли.

* * *

Оба избранные нами источника — географические справочники, состоящие преимущественно из длинных перечней однотипных позиций, названий мест с их краткими характеристиками. Неизбежным способом их анализа является классификация. Поскольку нашим основным интересом является изучение религиозной ситуации в Палестине, то принципы нашей классификации будут основаны на отношении различных мест, достопримечательностей и святынь к разным религиям, которые в этой стране были распространены в начале IV в. Все или почти все святыни, упоминаемые в наших справочниках, можно распределить по их религиозной принадлежности.

В большинстве случаев мы довольно легко можем понять, какая именно община преимущественно участвовала в почитании той или иной святыни. При первоначальном анализе источников в них хорошо видны группы святынь, принадлежащих к четырем религиозным традициям: языческие, иудейские, самаритянские и христианские. Принадлежность святынь к той или иной религии определяется в основном тем, с какими событиями эти святыни связаны и из чьего священного предания происходят, чью культурную память эти святыни формируют. Для иудеев это события Ветхого завета, для самаритян — места вокруг г. Неаполя (Наблуса) и горы Гаризим, для христиан — Новый завет, для язычников — места, связанные с мифами, преданиями о явлениях и чудесах каких-либо богов греко-римского, финикийского и арамейского круга. Общие или смешанные святыни встречаются крайне редко¹⁹. Следует, однако, иметь в виду, что кажущаяся простота такой классификации может вводить в заблуждение, и в ходе дальнейшего анализа мы продемонстрируем и обсудим ряд мест, где подобная классификация будет неубедительна.

Общий массив сведений из двух источников очень объемный; его комплексный анализ для всех религиозных общин во всей Палестине является слишком большой задачей. Поэтому в настоящей статье мы ограничимся вопросами состояния святых мест только в районе важнейшего исторического центра этой страны — Иерусалима. В этой связи на данном этапе нас будут интересовать отношения

¹⁷ Bowman G. Mapping History's Redemption...

¹⁸ Elsner J. The *Itinerary Burdigalense*...

¹⁹ Наиболее важное общее для всех религий святое место в Палестине — Мамре. Его история и духовно-идеологические смыслы требуют отдельного обсуждения. См.: Taylor J.E. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford, 1993. P. 86–95; Тарханова С.В. Мамре // ПЭ. Т. 43. М., 2016. С. 290–292.

только иудеев и христиан, двух религиозных групп, для которых позиции в Иерусалиме имели принципиальное значение²⁰. Как будет видно из дальнейшего изложения, именно Иерусалим в эту эпоху стал местом наиболее активной борьбы за Святые Места²¹.

Тем не менее здесь необходимо оговориться, что в общей картине религиозных святынь всей Палестины на основе двух источников бросается в глаза выдающаяся роль иудеев. Среди паломников, посещавших различные места, к началу IV в. иудеи абсолютно преобладали. Несмотря на кампании преследований со стороны римлян, они сохраняли свое присутствие в большинстве районов Палестины и везде поддерживали различные места, связанные с исторической памятью о Ветхом завете и межзаветной эпохе. На этом фоне мы также видим, что главными переменами в религиозной жизни Палестины при Константине стали рост удельного веса христиан и быстрый, почти мгновенный всплеск их паломнической культуры.

Итак, какие детали этого развития в Иерусалиме мы можем проследить по нашим источникам? Что мы можем сказать о конкуренции христиан с другими религиями в ходе этого процесса?

* * *

Представим достопримечательности Иерусалима, упомянутые у Евсевия и Бурдигальца, в виде перечней²².

«Ономастикон» (всего 9 мест)²³

Иудейские (5): Купель Вифезда (Визата; Onomast. P. 58.21–26; рус. № 257; Burd. 589.7–11), Силоамская купель (Onomast. P. 102.14–16; рус. № 508; Burd. 591.7–592.3), жертвенник Тафет близ Силоама (Onomast. P. 102.14–16, 164.21–22;

²⁰ Присутствие самаритян в Иерусалиме исторически не зафиксировано. Влияние язычников здесь также было поверхностным; оно фиксируется двумя нашими источниками, но язычники в это время в Иерусалиме оказались лишь пассивными свидетелями или жертвами событий. Их храмы сносили по приказу императора, и это не вызывало заметных протестов. Так или иначе, только для иудеев и христиан Иерусалим обладал священным статусом; для всех прочих религиозных групп империи это вполне рядовой провинциальный полис, уже почти 200 лет носивший название Элия Капитолина.

²¹ Анализ тех же источников показал, что для других регионов Палестины, за пределами Иерусалима и окрестностей, в эпоху Константина были характерны другие тенденции развития, которые лишь отчасти похожи на события вокруг Иерусалима, а отчасти противоречат им. Мы надеемся подробно остановиться на обсуждении этих явлений в наших будущих публикациях.

²² Наше изложение будет полностью сосредоточено на двух источниках, дабы точнее представить состояние города в краткий исторический период с начала до 30-х гг. IV в. Общий очерк истории Иерусалима этой эпохи, развития его как центра христианства, его памятников и литературу по этой теме см. в: *Беляев Л.А., Ткаченко А.А., Попов И.Н., Тарханова С.В., Панченко К.А., Казарян А.Ю., Масиель Санчес Л.К.* Иерусалим // ПЭ. Т. 21. М., 2009. С. 397–445.

²³ Другие сочинения Евсевия могли бы позволить нам несколько расширить этот список достопримечательностей Иерусалима. Так, например, по «Церковной истории» известны стелы царицы Елены Адиабенской (Euseb. Hist. eccl. II.12), трон апостола Иакова (Ibid. VII.19) и его могила «возле Храмовой горы» (Ibid. II.23). Странно, что эти святыни не описаны Бурдигальцем. Однако нам представляется, что подобные частные загадки и нестыковки должны быть предметом отдельного исследования.

рус. № 508, 904), Акелдама (Onomast. P. 38.20–21, 102.14–16; рус. № 59, 508), ущелье Енном (Иосафатова долина; Onomast. P. 70.2–4, 118.18–19, 164.21–22, 170.8–10; рус. № 313, 620, 904; Burd. 594.6).

Христианские (4): Голгофа (к северу от Сиона²⁴; Onomast. P. 74.19–21; рус. № 360; Burd. 593.4)²⁵, Гефсимания (место молитвы Христа; Onomast. P. 74.16–18; рус. № 339), Вади Кедрон (место предательства Христа Иудой; Onomast. P. 118.11–12; рус. № 610, 961; Burd. 594.6–7), Вифания (гробница Лазаря; Onomast. P. 58.15–15; рус. № 250; Burd. 596.1–3).

«Бурдигальский итинерарий» (всего 24 места)²⁶

Иудейские (10): Купель Вифезда (Burd. 589.7–11), Силоамская купель (591.7–592.3), Храмовая гора (место, где был храм Соломона; 590.7–591.1), пробитый камень у форума Адриана (к нему раз в год приходят поклониться иудеи; 591.4–6), дворец Езекии (рядом с форумом Адриана; 591.6–7), дворец Соломона (589.11–590.2, 4–7), место дворца Давида на Сионе (592.5–6), синагога на Сионе (592.6–7), гробница Езекии («Гробница Авессалома»; 595.2–4), гробница пророка Исаяи (возм., «пирамидальная гробница»; Ibid.).

Христианские (14): Голгофа (Burd. 593.4), Константиновская базилика Воскресения (594.2–4), крипта Гроба Господня (594.1–2)²⁷, Башня искушения Христа (589.11–590.4), краеугольный камень в основании башни искушения (590.3–4), кровь праведного Захарии на Храмовой горе (590.7–591.3), Преторий (место суда Пилата; 593.1–3), дом Каиафы на Сионе (592.4), колонна бичевания Христа у дома Каиафы (592.4–5), пальмовое дерево входа в Иерусалим (594.7–595.2), камень предательства Иуды в Иосафатовой долине (594.6–7), холм Преображения и Вознесения на Елеонской горе (595.6–596.1), Елеонская базилика (595.5–6), Вифания (гробница Лазаря; 596.1–3).

Обратим внимание на то, что в «Ономастиконе» общее число топонимов, связанных с Иерусалимом, несколько больше. Но в нашем перечне мы учитываем

²⁴ Сама гора Сион упоминается в «Ономастиконе» также и отдельно, но без каких-либо объяснений и указаний на ее почитание (Onomast. P. 162.12; рус. № 875).

²⁵ Это указание на Голгофу («краниево место Распятия; указывается в Элии к северу от горы Сиона»), топографически точное, принципиально важно во многих отношениях. Поскольку все согласны с тем, что «Ономастикон» создан до раскопок Елены, то это означает, что христиане уже знали это место задолго до того, как проектом его «репрезентации» занялась имперская власть (см. обсуждение этого вопроса и литературу: Drake H.A. Eusebius on the True Cross // The Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 3–5; Walker P.W.L. Holy City, Holy Places? Oxford, 1990. P. 242–244). Это, в частности, также означает, что раскопки на этом месте никак не были «фальсификацией». Их программа определялась не случайными обстоятельствами или волей властей, но реальным состоянием знаний христиан о топографии новозаветной истории.

²⁶ В этом перечне мы выделяем подчеркиванием те места и святыни, которые контролировали и активно развивали христиане в эту эпоху (см. ниже).

²⁷ Одну из важных загадок истории Святой Земли эпохи Константина составляет то, что ни Евсевий, ни Бурдигалец, говоря о Голгофе, базилике Константина и Гробе Господнем, не упомянули о найденном там Животворящем Древе Креста. На это обстоятельство неоднократно обращали пристальное внимание исследователи, но единого мнения на этот счет до сих пор не сложилось (обсуждение см.: Borgehammar S. How The Holy Cross Was Found: From Event to Medieval Legend. Stockholm, 1991. P. 93–96; Drake H.A. Eusebius on the True Cross. P. 1–22).

только те места, о которых Евсевий прямо говорит как о достопримечательностях (то или иное место «показывается паломникам» или «почитается»). Специфика «Ономастикона» как источника влияет на эту выборку мест. Среди них много крупных географических объектов (ущелья, горы), инженерно-архитектурных комплексов и сравнительно мало святынь в обычном смысле этого понятия (могилы, артефакты, отдельные храмы).

Среди мест, указанных в «Ономастиконе», в полном смысле христианскими являются только два: Голгофа и могила Лазаря (они есть и у Бурдигальца). Такие же объекты, как Гефсиманский сад и Вади Кедрон, существовали независимо от отношения к ним христиан. Мы уверенно причисляем их к достопримечательностям для христиан именно потому, что Евсевий, упоминая о них, привел объясняющие ремарки о том, с какими событиями Новозаветной истории они связаны (Гефсимания — место молитвы Христа, Кедрон — место предательства Христа Иудой).

«Бурдигальский итинерарий» в сравнении с «Ономастикомом» создает впечатление явной динамики ситуации в городе. Текст итинерария, безусловно, производит впечатление именно «путеводителя». Его информация очень логично построена по географическому принципу; как правило, упоминаются друг за другом места, расположенные близко друг от друга, так, как было удобно ходить между ними. Сами комментарии Бурдигальца представляют нам не что иное, как «конспект экскурсии», краткую запись того рассказа, который слышали паломники от местных христиан, скорее всего, клириков. Люди, которые общались с паломниками, были, вероятно, именно городскими клириками. Они имели разные чины и занимали некие должности в церкви, служили в отдельных храмах, заведовали странноприимными домами²⁸.

Попробуем пройти по Иерусалиму, держа в руках этот «путеводитель». Какие явления и детали покажутся нам интересными или странными?

Во-первых, число святых мест у Бурдигальца значительно выросло. Большинство достопримечательностей, указанных Бурдигальцем, не упоминались ранее ни Евсевием, ни кем-либо еще. Однако само по себе это ни о чем не говорит; глядя на источники в отрыве от наших знаний об истории константиновских реформ, различия между «Ономастикомом» и итинерарием можно было бы связать с разницей жанров этих сочинений.

Во-вторых, отношение Бурдигальца к тем местам, что были указаны в «Ономастиконе», далеко не однозначно. Из иудейских святынь, указанных Евсевием, Бурдигалец упомянул только о Вифезде и Силоаме. При этом относительно Вифезды Бурдигалец дает подробное (хотя и мифологическое) пояснение о том, что два бассейна были построены Соломоном по обе стороны от улицы, а рядом с ними находится крипта, где Соломон заключил демонов. Очевидно, что купель Вифезда близ центра Иерусалима, которая Евсевию в период работы над «Ономастикомом» была известна исключительно как святое место иудеев, к 333 г. уже перешла в ведение христиан. У Бурдигальца важность Вифезды объясняется через рассказ о чуде исцеления расслабленного, совершенного здесь Христом. Очевидно, паломники, такие как Бурдигалец, получают «компетентные комментарии» гидов о некоей невероятной древности этого места. О Силоаме таких

---

²⁸ Напомним, что в это время о монахах и монастырях в Палестине, да и где-либо еще, сведений нет.

объяснений не дается; ни Соломон, ни иные герои древних преданий не упоминаются; говорится только, что бассейн у источника украшен квадрипортиком (вероятно, еще во II в.). Однако Бурдигалец не упоминает о тофете близ Силоама, который был известен Евсевию. Возможно, это является признаком того, что этот иудейский жертвенник, который еще использовался на рубеже III–IV вв., к 333 г. уже исчез.

Иерусалим, стоящий перед глазами Бурдигальца, по-прежнему сохраняет облик города культурной памяти иудеев. Число различных мест, связанных с иудейской традицией, здесь остается очень значительным. Бурдигалец упоминает о Храмовой горе («место, где находился храм Соломона»; Burd. 590.7–591.1). Странно, что в «Ономастиконе» этот крупный географический объект не значился. Рядом с форумом Адриана в центре города находился некий пробитый камень, к которому раз в год имели право приходить и поклониться иудеи (Burd. 591.4–6)²⁹. Камень этот, скорее всего, принадлежал остаткам каких-то конструкций Иродова храма, и его поврежденное состояние служило символом разрушения храма, катастрофы для иудеев. На Сионе подобным же образом указано «место дворца Давида» (Burd. 592.5–6).

Однако, путешествуя с Бурдигальцем, мы постепенно начинаем ощущать некоторые сложности с логическим определением происхождения ряда достопримечательностей. Наши перечни святых мест, распределенных на иудейские и христианские, кое-где начинают терять смысл. В определении характера достопримечательностей оказывается важным не только их логическая тематическая связь с Ветхим или Новым заветом, но и вопросы о том, какая из общин «проводила исследование» и «локализацию» той или иной достопримечательности и какая из общин ее реально контролирует. Так, у Бурдигальца поблизости от Храмовой горы, форума Адриана и Вифезды, в центре города значится «дворец Соломона» (Burd. 589.11–590.2, 4–7). Скорее всего, тут речь идет о каких-то остатках субструкций в северной части бывшего комплекса Иродова храма. Бурдигалец уделяет много внимания этому месту, указывает, что здесь есть много помещений-спален, а также особо почитается комната из единого камня (очевидно, вырубленная в скале), в которой царь Соломон создавал свои труды. Кроме того, здесь же находится пещера, «в которой Соломон мучил злых духов». Рядом с «дворцом Соломона» находится также «башня искушения Христа» (самое высокое сооружение в городе), и особо почитается ее «краеугольный камень». Таким образом, перед нами возникает довольно пестрая картина мест, расположенных в «шаговой доступности» друг от друга. По смыслу они могут быть отнесены в основном к иудейской традиции, но, скорее всего, были «обнаружены», определены и открыты для обозрения христианами и находились в их распоряжении. Было бы странно думать, что все эти места были исследованы иудеями, которые имели право входить на городскую территорию лишь раз в году. Да и с более ранними сведениями о различных постройках старого иудейского Иерусалима (дворцы, башни) эти указания Бурдигальца никак не связаны. Таким образом, археологический интерес приводил христиан-исследователей к отождествлению ряда строений, как им казалось, древних, с различными громкими именами Ветхозаветной истории, которые могли привлечь внимание паломни-

²⁹ Это сообщение Бурдигальца является одним из древнейших свидетельств о традиции иудейского дня памяти «Девятое ава» (Тиша бэ-Ав), которая сохраняется поныне.

ков. При этом отождествление проводилось с довольно подробной детализацией, выделялись точки, связанные с отдельными конкретными эпизодами истории. На этой основе формировались пространные рассказы для паломников, которые призваны были обосновать и «подлинность» показываемых им мест, и, что также немаловажно, объяснить, почему эти места и объекты находятся в руках у христиан и почитаются именно ими (а не иудеями). Одним из двух важных аргументов в этих объяснениях служили установленные гидами связи тех или иных мест с событиями Новозаветной истории. Другим же аргументом, вероятно, было то, что эти места, объекты и их смысл были открыты и объяснены именно христианами, а не кем-либо другим.

Интересную и не вполне ясную группу достопримечательностей Бурдигалец описывает на горе Сион³⁰. Согласно ему, Сион в это время был обнесен стеной, но не относился к городской территории Иерусалима. Вероятно, здесь находился некий укрепленный пригород или этот район был фактически включен в массив городской застройки, но юридически не считался частью города. Иудеи, которым было запрещено посещать Иерусалим, вполне законно могли жить на Сионе. При этом переход из соборной территории Иерусалима на Сион был хорошо заметен, поскольку Бурдигалец отмечает, что для того, чтобы прийти на Сион, необходимо было выйти из города³¹.

На Сионе Бурдигалец видит «место дворца Давида», синагогу («экскурсоводы» сообщают, что «прежде» на Сионе было семь синагог и ныне осталась последняя), некое здание, которое определяют как дом первосвященника Каиафы, а также колонну рядом с этим домом, у которой был подвергнут бичеванию Христос (Burd. 592.4–5). Все эти достопримечательности также находятся в шаговой доступности друг от друга и могут быть описаны и оценены как единая «экскурсия». Стоит присмотреться к ее деталям. Наличие синагоги (хотя бы одной) ясно указывает на то, что Сион в 333 г. остается местом активного присутствия иудеев³². Здесь живет их община, которая, вероятно, пострадала в предыдущие годы от римлян или христиан (прежде ведь было семь синагог), но сохранилась. О каких-либо христианских храмах на Сионе Бурдигалец не сообщает³³. Однако, как выясняется, христиане на Сионе в это время все же владеют некими участками земли и какими-то объектами городской застройки. Из них наиболее важна колонна бичевания Христа. Едва ли возможно, что эта святыня была «открыта» иудеями. Как и в случае с «дворцом Соломона» и другими подобными реликвиями, колонна, разумеется, была выставлена на обозрение и поклонение христианами.

³⁰ Burd. 591.7–593.1.

³¹ Burd. 591.7, 593.1. По упоминанию Евсевия (Euseb. *Demonstratio Evangelica*. VIII.3.3) известно, что в константиновскую эпоху Сион не был застроен. Таким образом, сведения Евсевия и Бурдигальца вступают в противоречие. Значительное число достопримечательностей, указанных Бурдигальцем, едва ли могло располагаться на пустыре и среди пастбищ. Тем не менее, возможно, район Сионской горы в это время был застроен лишь частично, а различные нижние части ее склонов на западе, востоке и юге еще служили пастбищами.

³² Отчетливо иудейский характер Сиона отмечен уже Хальбваксом: *Halbwachs M. La topographie légendaire...* P. 34.

³³ В описании Сиона ни у Бурдигальца, ни у Евсевия не упомянута Сионская горница (впервые о ней уверенно сообщает только паломник Феодосий ок. 530 г.). Эгерия (80-е гг. IV в.) считала, что Сион был местом, где являлся Иисус ученикам после своего Воскресения.

Колонна связывается с домом Каиафы, хотя, исходя из текстов Евангелий, такая его локализация выглядит более чем сомнительно. Как было многократно отмечено исследователями Нового завета, бичевание Христа происходило, скорее всего, в здании Претория, а не в доме первосвященника (ср. Мк. 15:15; Мф. 27:26). Кроме того, в древних источниках нет каких-либо уверенных указаний на то, что дом Каиафы (вероятно, в реальности бывший единым владением с домом первосвященника Анны) находился именно на Сионе, столь далеко от Храмовой горы и вообще от центра иерусалимского Иерусалима. Вероятно, локализация дома Каиафы на Сионе также принадлежит христианам константиновской эпохи. Как происходило развитие этой достопримечательности, мы можем судить лишь предположительно. И вероятно, что в первую очередь на Сионе христиане обратили внимание именно на колонну, а не на «дом Каиафы»³⁴.

Тем не менее колонна, найденная³⁵ на Сионе, находилась явно слишком далеко от Претория, чтобы можно было бы ее как-то с ним связать. Пришлось создать новое объяснение: колонна находилась в доме Каиафы. Исходя из евангельских текстов, совмещение этих двух объектов, колонны и дома Каиафы, выглядит странным и даже случайным. Создание такого объекта поклонения производит впечатление скороспелого или даже спешного решения (хотя в дальнейшем оно будет закреплено христианской традицией). Тем не менее, скорее всего, эта достопримечательность играла важную для христиан роль, не только религиозную, но и политическую. Присутствие колонны бичевания обозначало претензии христиан, ясно указывало на стремление христиан вытеснить иудеев с Сиона, демонстрировало паломникам этот район не как место былого величия иудеев («дворец Давида»), а как свидетельство их преступления, связанного с именем Каиафы.

Еще одна важная для христиан группа достопримечательностей показывается Бурдигальцу в районе Вади Кедрон и Елеонской горы. Как мы видели в «Ономастиконе», здесь были указаны Гефсимания (как место молитвы Христа; *Onomast. P. 74.16–18*; рус. № 339), Вади Кедрон (как место предательства Христа Иудой; *Ibid. P. 118.11–12*; рус. № 610, 961) и Вифания (с гробницей Лазаря Четверодневного; *Ibid. P. 58.15–17*; рус. № 250). В контексте иудейской традиции этот район не обладал особым значением, поэтому, вероятно, христианизация этих мест в константиновскую эпоху происходила быстрыми темпами. Две из трех указанных в «Ономастиконе» святыни повторены Бурдигальцем. Не упомянута Гефсимания, но по важной причине. Вместо абстрактного места предательства Иуды у Вади Кедрона в «Ономастиконе» Бурдигалец указывает конкретный «камень предательства» Иуды (*Burd. 594.6–7*) — место, которое можно было не просто внести в каталог, но которое, очевидно, показывали паломникам. Предполагалось, что это тот камень, упомянутый в Евангелии от Луки (Лк. 22:41), у которого молился Христос накануне его ареста. Таким образом, сведения «Ономастикона» о Гефсимании как месте молитвы Христа и о Вади Кедроне как месте

³⁴ Сама колонна, обычная архитектурная деталь, привлекла внимание христиан, скорее всего, случайно. Вероятно, она была выточена из поврежденного мрамора, испещренного трещинами, созданными железистой водой, оставившей на мраморе следы ржаво-красного цвета, которые напоминали струи крови и не смывались водой. В таком виде колонна была слишком привлекательным объектом, и отказаться от внимания к ней не было возможности. Видимо, такой же эффект поврежденного железистой водой мрамора привлек внимание христиан (или был ими использован) и на Храмовой горе, где Бурдигальцу показывали «кровь Захарии» (см. ниже).

³⁵ Или сознательно установленная (!).

предательства у Бурдигальца слились воедино. Христианами был «открыт» и опознан камень, у которого происходили известные события. Здесь мы видим наглядный пример того, как в ходе работы христиан-краеведов теоретические и еще не вполне подробные сведения «Ономастикона» быстро преобразовались в реальный объект.

Помимо этого в районе Елеонской горы у Бурдигальца появляется множество новых достопримечательностей. Он пишет о пальмовом дереве «по правую руку от городских ворот», с которого брали ветви во время Входа Господня в Иерусалим, о константиновской Елеонской базилике у вершины горы, и даже о некоем холмике, вероятно, также на вершине, на который взойшел Христос и где происходили его Преображение и Вознесение (Burd. 594.7–596.1). До наших дней в этом районе существует, разумеется, Елеонская базилика.

Однако некоторые другие достопримечательности странны и, как кажется, даже курьезны. О пальмовом дереве после Бурдигальца сообщает лишь епископ Кирилл Иерусалимский (середина IV в.)³⁶, но позднее более никто. Очевидно, дерево просто засохло спустя несколько десятилетий после 333 г. Еще более странным выглядит утверждение о том, что Преображение и Вознесение Господне происходили на одном месте, на Елеонской горе. Однако, как видим, христиане (по крайней мере, многие) в это время считали, что такое совмещение возможно. Вероятно, эта интерпретация евангельской истории может выглядеть логичной с точки зрения традиций древнего мистицизма («пуп земли», «центр земли», «мировая ось» и т. п.) и даже с точки зрения христианской экзегетики (никаких сведений, прямо запрещающих так думать, в Новом завете нет). Вероятно, утверждение и даже выдвижение такой гипотезы должно было породить значительные дискуссии среди христиан того времени. Впрочем, о них мы ничего, к сожалению, не знаем. Известно, что восприятие Елеонской горы как места Вознесения в дальнейшем утвердилось. Но точка Преображения была вскоре определена иначе — на галилейской горе Фавор. Впрочем, в первой половине IV в. о Фаворе как месте Преображения, похоже, еще мало кто слышал. Определение этого места было еще впереди, и у Бурдигальца мы видим лишь первый (и явно неудачный) шаг в работе христиан — специалистов по сакральной археологии над этим вопросом³⁷.

Рядом с этой группой святынь в Иосафатовой долине Бурдигальцем указаны две крупные гробницы, хорошо известные и в наши дни. В источнике они определены как мавзолеи ветхозаветных царя Езекии и пророка Исайи (Burd. 595.2–4)³⁸.

³⁶ Cyril Hierus. Cat. X.19, XII.10–11.

³⁷ В канонических Евангелиях название горы Преображения ни разу не указано. Впервые о Фаворе как месте Преображения, возможно, было сказано в апокрифическом «Евангелии евреев» (один из наиболее ранних апокрифов; II в. или даже рубеж I–II вв.). Но от него сохранились лишь фрагменты и пересказы; поэтому реконструкция текста ненадежна. Ссылаясь на «Евангелие евреев», дважды о Фаворе в своих сочинениях упомянул Ориген (Origen. Comm. in Ioann. II.6; Hom. in Ier. XV.4). Впрочем, Евсевий, который, как известно, изучал Оригена внимательно, о Фаворе как месте Преображения ничего не знал. «Евангелие евреев» он считал подложным (Euseb. Hist. eccl. III.25.4), а в «Ономастиконе» упоминал о Фаворе многократно, но нигде не связывал это место с Преображением (Euseb. Onomast. P. 22.3–5, 28.22–24, 34.8–10, 98.21–23, 110.20–21, 158.12–14; рус. № 63, 185, 491, 576, 28). Впервые эту локализацию Преображения уверенно указал епископ Кирилл Иерусалимский в своих «Катехуменах» (Cyrill Hierus. Cat. XII.16), и позднейшие авторы, начиная с Иеронима, постепенно приняли эту версию.

³⁸ Неясно, почему Бурдигалец говорит о двух мавзолеях, хотя и в наши дни с первого взгляда на

Отождествление гробниц с этими персонажами, разумеется, мифологическое, и установили его, скорее всего, тоже христиане. Версия о принадлежности гробниц Езекии и Исайе в более ранние времена не известна. Скорее всего, это отождествление (как и ряд уже известных нам подобных решений) возникло лишь незадолго до 333 г. на волне начавшегося активного освоения этих мест христианами. Позднее упоминания о Езекии и Исайе более не повторяются. Здесь мы вновь сталкиваемся с некоей неуверенностью и, может быть, торопливостью христиан в определении святых мест. Вероятно, версия определения гробниц, озвученная Бурдигальцем, мало кого удовлетворяла и впоследствии не прижилась³⁹.

Видимо, особую и очень важную роль в топографии Иерусалима играла показанная Бурдигальцу «кровь праведного Захарии» на Храмовой горе (Burd. 18). Значение, внешний облик и функция этой святыни отчасти были сходны с колонной бичевания на Сионе, но ее расположение на Храмовой горе делало эту реликвию одним из главных объектов внимания паломников. Сама фигура Захарии являет пример трансформации внутри Священного Писания. Захария, сын Иодая, мельком упоминается во второй книге «Паралипоменон» как человек, которого иудеи побили камнями «на дворе дома Господня» (т. е. у Иерусалимского храма; 2 Пар. 24:21–22)⁴⁰. В новозаветных канонических Евангелиях о Захарии упоминает Иисус, предъявляя иудеям убийство Захарии «между жертвенником и храмом» как одно из их преступлений, осквернивших храм и их веру (Мф. 23:35; Лк. 11:51). Ранние христиане же, вероятно, не слишком подробно изучавшие Ветхий завет, связали этого Захарию с преданием о праведном Захарии, отце Иоанна Предтечи. В апокрифическом «Протоевангелии Иакова» (II в.) Захария выступает как один из главных героев. Он первосвященник Иерусалимского храма, исповедовавший божественность Иисуса сразу после его рождения и за это убитый иудеями⁴¹.

В «Бурдигальском итинерарии» мы неожиданно находим подтверждение того, насколько этот апокриф и связанные с ним предания были ценны для христиан Палестины. Иерусалимские «гиды» показывают паломникам на Храмовой горе «кровь Захарии», которая растекается по некоему жертвеннику и не может быть ничем смыта⁴². Очевидно, что эта «святыня» была создана христианами как «живая» иллюстрация событий священной истории. Кроме того, эта достопримечательность была особенно важна, поскольку она позволяла христианам начать

долину ясно, что построек, похожих на мавзолеи, там три. Одна из гробниц уже по крайней мере в I в. н. э. была известна иудеям как мавзолей Авессалома, сына Давида (Ios. Flavius. *Antiquitates Iudaicae*. VII.10.3). Другая гробница содержит древние надписи на иврите о том, что она принадлежит семье Бен-Хецира, и эти надписи, безусловно, читались иудеями позднеантичной эпохи. Третья безымянна. Таким образом, версия о принадлежности гробниц Езекии и Исайе не могла возникнуть среди иудеев.

³⁹ Внимание к фигуре царя Езекии у Бурдигальца выглядит даже несколько преувеличенным. Помимо приписанной ему гробницы, рядом с форумом Адриана он указывает на некий «дворец Езекии». Вновь неясно, где находился этот объект и кто таким образом его определил.

⁴⁰ Этого Захарию нельзя отождествлять с пророком Захарией.

⁴¹ *Protévangile de Jacques*. 23–24 // *Évangiles apocryphes* / Ed. Ch. Michel. T. 1. Paris, 1924. P. 46–48. О новозаветном праведном Захарии см.: *Лебедев П.Ю., Афиногенова О.Н., Лосева О.В., Лукашевич А.А., Шевченко Э.В.* Захария // ПЭ. М., 2008. . 19. С. 680–686.

⁴² Технически «святыня», вероятно, представляла собой мраморные плиты, блоки со следами от разрушившихся ржавых железных деталей или с трещинами, которые были окрашены в красный цвет железистой водой.

освоение столь важного объекта, как Храмовая гора, заявить о своих правах на нее. Известно, что Храмовая гора в то время была полузаброшенной территорией, пустырем, но теоретически в условиях провозглашенной Константином религиозной толерантности на владение ею вполне могли претендовать и иудеи, разумеется, обладавшие множеством неопровержимых доказательств своих прав на это место. Присутствие же на Храмовой горе такой «святыни» недвусмысленно указывало паломникам и всем гостям города, что Храмовая гора, центр притяжения внимания всех, вспоминающих о древнем Иерусалиме, воспринимается местными христианами вновь, как и Сион, в качестве свидетельства преступлений (мифических) и современного падения иудеев, а не как памятник их былого величия⁴³.

Сходство внешнего облика «столба бичевания» на Сионе и «крови Захарии» на Храмовой горе, возможно, указывает на их общее происхождение. Возможно, они были «открыты» одной организованной группой христиан и направлены именно против возможных претензий иудеев на владение Сионом и Храмовой горой. К сожалению, сказать что-либо более подробное об этой группе мы пока не можем.

* * *

Таким образом, наша попытка классифицировать достопримечательности (святые места) в Иерусалиме на основе их принадлежности к религиозным традициям иудеев и христиан не дает простого результата. Различные места можно связать с преданиями о событиях Ветхого или Нового завета, но более важным оказывается вопрос о том, кто в действительности «открыл», «создал», определил и контролировал эти места: иудеи или христиане? В связи с этим нам удалось выявить ряд подробностей процесса, который, как представляется, до сих пор мало описан в научной литературе. Мы увидели, что многие достопримечательности, логически связанные с ветхозаветной историей, в действительности были «созданы» христианами буквально в последние 10 лет перед приездом Бурдигальца.

Места, которыми таким образом христиане «овладели», разбросаны по всей карте Иерусалима. В центре города это дворец Езекии и дворец Соломона, а также Храмовая гора, теперь залитая несмываемой кровью Захарии; в Иосафатовой долине — мавзолеи, определенные впервые как гробницы Езекии и Исайи. Совершенно естественно, что рядом с подобными «ветхозаветными» святынями

⁴³ В позднейшие времена «кровь Захарии», как и многие другие святыни, впервые описанные Бурдигальцем, не приобрела устойчивого почитания. Впрочем, в ранневизантийскую эпоху эта реликвия пользовалась некоторым вниманием. О ней, в частности, упоминается в гомилии на Рождество Христово, приписываемой Василию Великому (Basil. Magn. De sancta Christi Generatione. 5 // PG. T. 31. Col. 1468 (CPG. 2913); вероятно, конец IV — начало V в.). В VI в. святыня упомянута в «Бревиарии об Иерусалиме» анонимного паломника, который, правда, не указал это место как Храмовую гору, но сказал лишь, что окровавленный алтарь находится «напротив Гроба Господня»: *Breviarius de Hierosolyma // Itineraria et alia Geographica*. Turnhout, 1965 (CCSL; 175). P. 110.70. Таким образом, неясно, стоял ли в VI в. этот алтарь все еще на Храмовой горе, или был перемещен куда-то ближе к центру города, к площадям, примыкавшим с запада и юга к Константиновской базилике. С VII в., после персидского погрома Иерусалима, следы реликвии теряются.

возникает и большой круг новозаветных, большая часть из которых логически также тесно связана с историей Иудеи: в центре города это башня искушения Христа и ее краеугольный камень; Преторий рядом с Храмовой горой, на Сионе — дом Каиафы и колонна бичевания Христа, в Иосафатовой долине — пальмовое дерево входа в Иерусалим, камень предательства Иуды; на Елеонской горе — место проповеди Христа и холм его Преображения и Вознесения.

Вся эта обширная сеть сакральной топографии появляется в Иерусалиме в считанные годы. Становится очевидно, что эти выявленные нами усилия христиан по «открытию» различных святынь и контролю над ними представляют собой как будто некоторое наступление с целью «захвата» Святой Земли, происходящее параллельно с возведением базилик Константина. Рядом со строительными площадками новых храмов, где составлением смет ведают императорские чиновники, по всему городу идет ежедневная напряженная работа ради развития знаний о святых местах. Таким образом, если Константин, Елена и их советники-епископы заботились об освоении важнейших, принципиально необходимых им мест, то христианские общины и рядовой клир (скорее всего, отчасти организованный теми же епископами) действовали «снизу», своей инициативой подкрепляя программу официальных властей.

Результаты этой напряженной работы, представленные в «Бурдигальском итинерарии», впечатляют, но все же носят противоречивый характер. Многое об атмосфере этих начавшихся поисков святынь говорит ряд скороспелых решений, принятых христианами как будто второпях, в стремлении обязательно выявить как можно больше достопримечательностей. Многие из этих решений, которые мы обсуждали выше, будут отброшены уже к середине IV в. Не будут закреплены в позднейшей традиции ни идентификация гробниц в Иосафатовой долине, ни дворцов Езекии и Соломона в центре Иерусалима; исчезнет и пальмовое дерево Входа Господня, и явно сумбурное представление о Преображении Спасителя на Елеонской горе⁴⁴.

Тем не менее усилия христиан-краеведов этой эпохи необходимо оценить по достоинству. Ими проанализирован (зачастую впервые) большой массив информации, а значительная часть местностей и объектов определена верно. Христиане хорошо знают положение Храмовой и Елеонской гор, уверенно оценивают протяженность территории города в разные эпохи его исторического бытия, места многих отдельных объектов внутри и вне города. Сопоставляя библейские топонимы с реальной местностью, они связывают различные места с определенными событиями истории Иисуса, выстраивают маршруты его переходов от одного места на другое, его прогулок по окрестностям Иерусалима. Всё это, несомненно, очень большая работа «археологов» священного предания. Разумеется, в этой работе христиане опирались на труды предшествующих времен, в том числе на «Ономастикон». Но все же, как показывает сам «Ономастикон», их знания к началу IV в. были еще ограничены и носили некоторый кабинетно-теоретический

⁴⁴ В последующие десятилетия (и столетия) в деятельности христиан Палестины появится еще одна составляющая — «работа над ошибками», пересмотр сделанных прежде идентификаций и интерпретаций. Подробности и механизмы этой работы нам пока не ясны, однако сама ее возможность представляется нам важной, поскольку представляет важную характерную черту всей культуры христианской «сакральной археологии» и процесса развития Святой Земли.

характер. Возникшая же с началом проекта Святой Земли необходимость их применения и развития в «полевых исследованиях», несомненно, породила множество сложностей, которые требовалось скорейшим образом преодолевать.

На наш взгляд, среди этих достижений наиболее сложный ход мысли обнаруживается в определении эволюции территории Иерусалима от эпохи Хасмонеев и Ирода к эпохе Элии Капитолины. Христиане прекрасно знали, что территория города в I в. была расположена иначе, чем в IV в.; места, которые тогда были пустынно, заняты кладбищами и садами, теперь могли оказаться в самом центре нового города, и наоборот: центр прежнего Иерусалима, Храмовая гора, превратилась в пустырь. На основе этого фундаментального понимания истории Иерусалима ими была проведена идентификация Голгофы (еще в III в.) и места погребения Христа. Независимо от нашего отношения к точности этого открытия, следует признать, что тот ход рассуждений и анализа местности, который был проведен христианами, в принципе, основан на весьма высоком уровне историзма, понимания морфологических перемен, происходящих с местностью во времени.

Основываясь на вышеизложенной картине, мы можем сделать вывод о том, что суть проекта Святой Земли при Константине заключалась в значительной мере в том, чтобы превратить Палестину из места паломничества иудеев в место паломничества христиан. Деятельность христиан в Иерусалиме в этой сфере была отчетливо окрашена антииудейскими настроениями. Их первоначальной задачей был именно перехват контроля над святынями у иудеев. Борьба за святыни, насколько можно судить по нашим источникам, не перерастала в открытое противостояние, но носила в основном идеологический характер. Мы видим, прежде всего, примеры «информационного захвата» различных достопримечательностей. Святыни оказываются под контролем у того, кто о них может наиболее подробно и компетентно рассказывать, а также у того, кто способен совершать «новые открытия». Мы видим, что с началом проекта Святой Земли конкуренция между религиозными общинами стала все более приобретать облик некоей «информационной войны». При этом главным полем в этой войне, как и всегда, оказалась культурная память, знания о прошлом и умение их интерпретировать, демонстрировать и отстаивать.

Попов Илья Николаевич

Кандидат исторических наук

Ведущий научный редактор

Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»

ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10А, стр. 1

105120 Москва

Электронная почта: ill.popov@mail.ru

Ilya POPOV

**ONOMASTICON BY EUSEBIUS OF CAESAREA
AND ITINERARIUM BURDIGALENSE
ON THE HOLY PLACES OF JERUSALEM:
SOME SPECIAL FEATURES OF THE INITIAL FASE
OF DEVELOPMENT OF THE CHRISTIAN HOLY LAND**

Abstract: In our investigation we try to imagine means and efforts of the Christians in Palestine at the time of Constantine the Great in the process of development of the Holy Land project. We leave aside famous imperial projects of excavations and basilicas putting our attention to some less recognizable activities of the Palestinian Christians in the sphere of sacred archaeology. For this we review information from *Onomasticon* of Eusebius Pamphilus and *Itinerarium Burdigalense* about the condition of holy places in Jerusalem between the beginning and 30-s of the IVth century. We describe some changes which they underwent during this short historical period. Our overview allows to see the panoramic picture of the symbiosis and ideological concurrence between several religious confessions, especially between Christians and Jews. We see that a large number of places and attractions were «discovered» and prepared for demonstration to the visitors during this very short period. We also can see that these activities, led by Christians, very often appeared to be rush or hasty. The authenticity of these discoveries was estimated in a contradictory way and at later periods many of them were reevaluated. Nevertheless we shouldn't underestimate these activities of native Christians, who especially in this period created a new perspective for the religious development of Palestine.

Keywords: Jerusalem, Holy Land, Palestine, Eusebius of Caesarea, *Onomasticon*, *Itinerarium Burdigalense*, relics, pilgrimage, sacred archaeology.

Literature Cited

- Barnes, T.D. "The Composition of Eusebius' Onomasticon." *Journal of Theological Studies* 26 (1975). P. 412–415.
- Barnes, T.D. *Constantine and Eusebius*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
- Beliaev, L.A., Tkachenko, A.A., Popov, I.N., Tarkhanova, S.V., Panchenko, K.A., Kazaryan, A.U., and Masiel Sanches, L.K. "Ierusalim [Jerusalem]." In *Pravoslavnaya Entsyclopedia*. Moscow, 2009. Vol. 21. P. 397–445 (in Russian).
- Borgehammar, S. *How The Holy Cross Was Found: From Event to Medieval Legend*. Stokholm: Almqvist and Wiksell International, 1991.
- Bowman, G. "Mapping History's Redemption: Eschatology and Topography in the Itinerarium Burdigalense." In *Jerusalem, it's Sanctity and Centrality to Judaism, Christianity and*

- Islam*, ed. by L.I. Levine. N.Y.; Jerusalem: Continuum Press and Magnes Press, 1998. P. 163–187.
- Drake, H.A. “Eusebius on the True Cross.” *The Journal of Ecclesiastical History* 36 (1985). P. 1–22.
- Elsner, J. “The Itinerarium Burdigalense: Politics and Salvation in the Geography of Constantine’s Empire.” *The Journal of Roman Studies* 90 (2000). P. 181–195.
- Gelsomino, R. “L’Itinerarium Burdigalense.” *Vetera Christianorum* 3 (1966). P. 161–208.
- Groh, D.E. “The Onomasticon of Eusebius and the Rise of Christian Palestine.” *Studia Patristica* 18 (1985). P. 23–31.
- Halbwachs, M. *La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte: Étude de mémoire collective*. Paris: Presses Universitaires de France, 1941.
- Hunt, E.D. *Holy Land Pilgrimage in the Late Roman Empire AD 312–460*. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Kötting, B. *Peregrinatio religiosa: Wallfahrt und Pilgerwesen in Antike und alter Kirche*. Münster; Regensburg, 1950.
- Lebedev, P.U., Afinogenova, O.N., Loseva, O.V., Lukashevich, A.A., and Shevchenko, E.V. “Zaharia [Zacharias].” *Pravoslavnyaya Entsyclopedia*. Moscow, 2008. Vol. 19. P. 680–686 (in Russian).
- Limor O., and Stroumsa, G.G., eds. *Christians and Christianity in the Holy Land: From the Origins to the Latin Kingdoms*. Turnhout: Brepols, 2006.
- Maraval, P. “The Earliest Phase of Christian Pilgrimage in the Near East.” *Dumbarton Oaks Papers* 56 (2002). P. 63–74.
- Maraval, P. *Lieux saints et pèlerinages d'Orient: Histoire et géographie des origines à la conquête arabe*. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 1985.
- Noth, M. “Die topographischen Angaben im Onomastikon des Eusebius.” *Zeitschrift des Deutschen Palastina Vereins* 66 (1943). P. 32–63.
- Telfer, W. “Constantine’s Holy Land Plan.” *Studia Patristica* 1 (1957). P. 696–700.
- Walker, P.W.L. *Holy City, Holy Places? Christian Attitude to Jerusalem and the Holy Land in the Fourth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Wallace-Hadrill, D. S. *Eusebius of Caesarea*. London: Mowbray, 1960.
- Wolf, C.U. “Eusebius of Caesarea and the Onomasticon.” *The Biblical Archaeologist* 27 (1964). P. 65–96.

Iliya POPOV

Candidate of Sciences (History), Editor

Church Research Centre

“The Orthodox Encyclopedia”

Nizhnyaya Syromyatnicheskaya 10A, build. 1
105120 Moscow

e-mail: ill.popov@mail.ru

К.В. Норкин

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ПЕРВЕНСТВА АРЛЯ В ГАЛЛИИ И РИМСКИЕ ПАПЫ (398–432 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается процесс становления церковного первенства в южной Галлии (первая половина V в.) и позиция по этому вопросу римских пап Зосима, Бонифация I и Целестина I. Авторитетный для галльских епископов Туринский собор 398 г. увязал церковно-административное деление с гражданским, утвердив юрисдикцию епископа-митрополита столицы гражданского диоцеза над митрополитами входящих в диоцез провинций. Когда возник спор о применении этих норм, арелатский митрополит Патрокл обратился в Рим. Папа Зосим (417–418) подтвердил привилегии кафедры Арля, но в корне изменил их обоснование: арелатский епископ удостоился юрисдикции над группой провинций не в силу административного статуса его города, а в качестве «преемника» апостола Трофима, по легенде проповедовавшего в этих землях. При этом Зосим свел полномочия митрополита к рукоположению епископов и контролю обращений клириков в Рим через предоставление рекомендательных писем. Однако папа Бонифаций I (418–422) демонтировал систему, установленную Зосимом, ограничив юрисдикцию арелатского митрополита его провинцией (со ссылкой на правила I Вселенского собора). Он также усвоил себе право утверждения судебных решений собора южно-галльских епископов и определения границ его юрисдикции. Требуя от митрополитов отчета о проведенных рукоположениях, он фактически включил их в свою юрисдикцию. Далее папа Целестин (422–432), подтверждая постановления своего предшественника, заявил о своем праве «духовного попечения» (*cura spiritualis*) над всеми христианскими общинами. Тем не менее попытки вмешательства римских пап в дела южной Галлии в рассматриваемый период провалились. Митрополиты диоцеза Семи провинций при поддержке местных элит игнорировали требования Рима и постепенно объединились под юрисдикцией епископа Арля.

Ключевые слова: папа Зосим, папа Бонифаций I, папа Целестин, Иларий Арелатский, Патрокл Арелатский, Прокул Марсельский, Туринский собор, папский примат, локальный примат.

К концу IV в. в восточной части Римской империи формируется трехуровневая иерархия епископских кафедр¹. Ее структура соответствует административно-гражданскому делению Римской империи: город — провинция — диоцез. Го-

¹ О формировании иерархии см.: *Fuhrmann H. Studien zur Geschichte mittelalterlicher Patriarchate // Zeitschrift der Savigny Stiftung. Kanonische Abteilung. 1953. Bd. 39. P. 112–176; Кузенков П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2014. Вып. 3 (53). С. 25–51.*

родом и его округом управлял епископ, обладающий полной церковной властью. Епископ столицы провинции (μητρόπολις) — митрополит — координировал деятельность епископов провинции: созывал соборы своей области, председательствовал на них, утверждал выборы местных епископов, а также разрешал их споры, не вмешиваясь при этом в дела подчиненных его епископам приходов (ἐνορίαι). Такая практика нашла свое отражение в каноническом праве. К примеру, 9-е правило Антиохийского собора 341 г. четко указывает на административно-гражданское деление как источник власти митрополита²: «Епископам во всякой провинции надлежит знать, что епископ-предстоятель митрополии принимает на себя заботу обо всей епархии в силу того, что в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие [какие-либо] дела»³. После организации в Империи в первой четверти IV в. более крупных округов — диоцезов — появляется и новый уровень церковного управления — собор всего округа под председательством епископа города, в котором имеет свою резиденцию викарий, т. е. управляющий гражданским диоцезом⁴. Таким образом, четко виден основной принцип, заключающийся в том, что преимущество кафедре давало административно-политическое положение города, в котором она находилась.

Восточные каноны в конце IV — начале V в. распространяются и на Запад, где митрополитанская система начинает складываться позже⁵. Перемены в административном делении, изменения государственных границ в результате варварских нашествий приводили к изменению отношений между кафедрами, выдвиганию новых и угасанию старых церковных центров. В этом контексте мы рассмотрим на примере города Арля (лат. *Arelatum*) историю споров вокруг формирования локального примата в южной Галлии, которые развернулись между арелатскими митрополитами и римскими папами⁶.

Дискуссия о первенстве между Арлем и Вьенной: Туринский собор (398 г.)

Арль был основан как торговая колония Марселя в VI в. до н. э. Город входил в римскую провинцию Нарбонны и получил от Юлия Цезаря статус рим-

² Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων / Ἔκδ. К. Ῥάλλη, Μ. Ποτλῆ, Αθήναι, 1853. Т. 3. Σ. 140–141.

³ Αὐτόθι. Σ. 140–141. См.: *Грацианский М.В.* Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. Вып. 2 (52). С. 9–29 (здесь: С. 18).

⁴ II Всел. 2: Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων / Ἔκδ. К. Ῥάλλη, Μ. Ποτλῆ, Αθήναι, 1853. Т. 2. Σ. 169–170. Подробнее см. в: *Кузенков П.В.* Канонический статус Константинополя... С. 28. О дате создания диоцезов см.: *Zuckerman C.* Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'empire et la date de création des diocèses // *Travaux et Mémoires*. 2002. Vol. 14. P. 617–637.

⁵ О сложении такой системы на Востоке см.: *Lübeck K.* Reichseinteilung und kirchliche Hierarchie des Orients bis zum Ausgange des vierten Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Rechts- und Verfassungsgeschichte der Kirche. Münster, 1901. S. 7–98.

⁶ Подробнее о становлении первенства кафедры Арля см.: *Duchesne M.* La primatie d'Arles. Paris, 1893. P. 167–238; *Малицкий Н.* Борьба галльской церкви против пап за независимость. Опыт церковно-исторического исследования из эпохи IV–VI вв. М., 1903. С. 58–97; *Völker W.* Studien zur päpstlichen Vikariatspolitik im 5. Jahrhundert // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1928. Bd. 46. P. 355–380.

ской колонии около 46/45 г. до н. э. (вместе с Нарбонном, Оранжем и Фрежю). Благодаря своему удобному расположению в долине реки Роны неподалеку от Средиземного моря город быстро развивался как один из важнейших торговых и логистических центров Галлии, уступая по своему экономическому развитию только Триру⁷. При тетрархах провинция Нарбонны была разделена на три части: провинция Вьенны (с наместником во Вьенне), Нарбонна I (наместник в Нарбонне) и Нарбонна II (с центром в Экс-ан-Прованс). Вместе с провинциями Аквитания I, Аквитания II и Новемпопулана они вошли в диоцез Семи провинций с центром в Бордо⁸. В свою очередь этот диоцез входил в префектуру Галлий (*praefectura Galliarum*) с центром в Трире. В IV в. Арль несколько раз становился резиденцией императоров, откуда последние руководили военными операциями против варваров на Западе. Отметим, что в течение всего этого периода Арль не являлся административным центром какого бы то ни было уровня, будучи рядовым городом провинции Вьенны⁹.

Ситуация начинает меняться в конце IV в., когда в Арль из Трира была перенесена резиденция префекта претория (392 г.)¹⁰. Таким образом, Арль становится центром всей римской Галлии, но при этом правитель провинции продолжает находиться во Вьенне, которая остается провинциальным центром. Также и в церковном отношении он входит в юрисдикцию митрополита Вьенны. Арльские епископы, пользуясь близостью высших имперских чиновников, а иногда прибегая к помощи императорского двора, пытались установить свою юрисдикцию над епископами ближайших к Арлю городов, что привело к закономерному конфликту с митрополитом Вьенны¹¹.

Разрешить спор внутри Галлии не удалось, поэтому южно-галльские епископы апеллировали к епископам северной Италии, собравшимся в 398 г. на собор в г. Турине¹². После рассмотрения их дела епископы вторым соборным правилом

⁷ *Fevrier P.-A.* Arles aux IVe et Ve siècles ville imperiale et capitale regionale // XXV corso di cultura sull' arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1978. P. 127–158; *Arcelin P.* Arles protohistorique, centre d'échange économiques et culturels // *Études massaliètes*. 1995. Vol. 4. P. 325–338; *Christol M., Fiches Q.-L.* Le Rhône: batellerie et commerce dans l'Antiquité // *Gallia*. 1999. Vol. 56. P. 141–155; *Arcelin P.* Arles protohistorique, agglomération et structuration urbaine // *Espace et urbanisme à Arles des origines à nos jours: actes du troisième colloque organisé par le Groupe archéologique arlésien*, Arles, 28 novembre 1998 / Ed. M. Baudat. Arles: Groupe archéologique arlésien, 2000. P. 7–23; *Heijmans M.* Arelatensis urbs. La ville d'Arles (Bouches-du-Rhône) à l'époque mérovingienne // *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Bulletin archéologique de Provence. Supplément 3. Éditions de l'APA. Vitrolles*, 2005. P. 113–128; *López Sánchez F.* Arles, la Constantinople gauloise (328–363 ap. J.-C.) // *Cahiers numismatiques*. 2007. No 174. P. 23–48.

⁸ *Heijmans M.* La présence des Wisigoths dans les *sedes regiae* du Midi de la Gaule // *MYTRA*. 2018. Vol. 1. P. 55–77 (здесь: P. 56).

⁹ *Ibid.* P. 57.

¹⁰ *Chastagnol Ch.* Le repli sur Arles des services administratifs gaulois en l'an 407 de notre ère // *Revue Historique*. 1973. Vol. 249. P. 23–40 (здесь: P. 24); *Palanque J.-R.* La date du transfert de la Préfecture des Gaules de Trèves à Arles // *Revue des Études Anciennes*. 1934. T. 36. P. 359–365.

¹¹ *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, 1976. P. 975.

¹² О соборе в Турине см.: *Mommson Th.* Die Synode von Turin // *Gesammelte Schriften*. Bd. 3. 1965. S. 582–584; *Babut E.-Ch.* Le concile de Turin: Essai sur l'histoire des églises provençales au Ve siècle et sur les origines de la monarchie ecclésiastique romaine, 417–450. Paris, 1904; *Palanque J.-R.* Les dissensions des églises des Gaules à la fin du IVe siècle et la date du concile de Turin // *Revue d'histoire de l'église de France*. 1935. Vol. 21. P. 481–501; *Griffe E.* La date du concile de Turin

постановили, «что тот, кто докажет, что его город является митрополией, да получит честь первенства во всей провинции, и он да имеет власть рукоположения, согласно предписаниям канонов»¹³. Таким образом, митрополитом всей области предписано быть тому, чей город обладает правами митрополии; последняя обыкновенно и являлась главным городом провинции. Кроме того, четко определено и содержание власти митрополита, которая заключается в рукоположении епископов и первенстве чести. Туринский собор при рассмотрении дела принимает во внимание два факта: Вьенна на тот момент — центр провинции, а Арль — центр префектуры, поэтому, учитывая важное административное значение обоих городов и во избежание конфликтов, обоим епископам предписано временно осуществлять свою власть над ближайшими к ним городами: «Для сохранения уз мира этот собор выносит более полезное решение, что если угодно упомянутым епископам городов, то каждый из них да имеет попечение о более близких городах внутри провинции, да посещает те церкви, которые к его городу окажутся ближе»¹⁴.

Другой вопрос, который рассмотрели на Туринском соборе (1-е правило), касался юрисдикция пользующегося большим личным авторитетом епископа Марселя Прокула¹⁵. В результате разделения в 382 г. провинции Нарбонна¹⁶ Марсель оказался в составе провинции Вьенны¹⁷, при этом города, в которых его епископ совершал рукоположения, оказались на территории вновь образованной провинции Нарбонна II. Однако, как видно из текста 1-го правила собора, Прокул потребовал сохранить за ним прежнюю юрисдикцию¹⁸: «Прокул, муж святой, епископ города Марселя говорит, что он должен быть митрополитом церквей, которые оказались во второй провинции Нарбонне, а также должен совершать рукоположения в упомянутой провинции, поскольку он основал эти церкви: либо организовал сами общины, либо в них, уже существующих, рукоположил епископов». Собор озвучил и позицию епископов обсуждаемых городов: «А с другой стороны, епископы этой же области отстаивают другую [точку зрения], утверждая, что не должен над ними быть предстоятелем епископ другой провинции»¹⁹.

(398 ou 417) // *Bulletin de littérature ecclésiastique*. 1973. Vol. 64. P. 289–295; *Chastagnol A. In ipso vestibulo resecaudus*: à propos de la date du concile de Turin // *De Tertullien aux Mozarabes: Mélanges offerts à Jacques Fontaine*. Vol. I: Antiquité tardive et christianisme ancien: (IIIe–VIe siècles). Paris, 1992. P. 305–314; *Mathisen R.W. The Council of Turin (398/399) and the Reorganization of Gaul ca. 395/406* // *Journal of Late Antiquity*. 2013. Vol. 6. No 2. P. 264–307. Издание канонов: *Concilia Galliae a. 314 — a. 506* / Ed. C. Munier. [CCL 148]. Turnhout, 1963. P. 55–61 [далее: *Concilia Galliae*].

¹³ *Concilia Galliae*. P. 56 (II.37–41): A sancto synodo definitum est, ut qui ex his approbaverit suam civitatem esse metropolim, is totius provinciae honorem primatus obtineat, et ipse iuxta canonum praeceptum ordinationum habeat potestatem.

¹⁴ *Ibid.* P. 56 (II.42–46): Certe ad pacis vinculum conservandum hoc consilio utiliori decretum est, ut, si placet meritarum urbium episcopis, unaquaeque de his viciniores sibi inter provincias muniat civitates atque eas ecclesias visitet, quas in oppidis suis maximas constiterit.

¹⁵ О Прокуле Марсельском: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire* / Ed. L. Pietri, M. Heijmans. T. 4 (*La Gaule chrétienne (314–614)*). Vol. 2. Paris, 2013. P. 1541 [далее: *Prosopographie chrétienne*. Vol. 2].

¹⁶ *Малицкий Н. Борьба галльской церкви...* С. 43, 49.

¹⁷ *Mathisen R.W. The Council of Turin...* P. 299.

¹⁸ *Concilia Galliae*. P. 55 (I.9–15).

¹⁹ *Ibid.* P. 54 (I.15–16): ... e diverso eiusdem regionis episcopi aliud defensarent ac sibi alterius provinciae sacerdotem praeesse non debere contenderent.

Тем не менее Туринский собор ради уважения роли Прокула в создании общин конкретных городов оставляет лично за ним митрополичьи привилегии до конца его дней (*in die vitae ejus*), но при этом такая уступка осознается как нарушение принципа «единства провинции». В правилах собора Прокул несколько раз называется «отцом» по отношению к епископам: «Ведь достойно, чтобы, хотя они и не удерживаются ничуть единством провинции, однако связываются чувством почтения»²⁰.

Как видно из текста обоих правил, Туринский собор следует принципу соотvetствия церковной юрисдикции гражданскому территориальному делению. Временные исключения из этого правила (как в случае с Прокулом Марсельским) лишь наглядно его иллюстрируют. Собор основывается на известных ему канонах: в преамбуле прямо говорится, что постановления выносятся, «чтобы были сохранены благо мира и установления канонов»²¹.

В начале V в. ситуация с административным положением конкурирующих городов окончательно определяется: из Бордо в Арль переехал викарий диоцеза, примерно в это же время туда же из Вьенны перемещается и наместник провинции²². Тем самым Арль становится гражданско-административным центром, и потому, согласно определениям Туринского собора, вопрос мог бы считаться закрытым.

Модель первенства папы Зосима (417–418)

Однако десятилетие спустя, в 411–415 гг., на Южную Галлию обрушились большие потрясения: вторжения визиготов, а потом захват власти в галльских провинциях узурпатором Константином, столицей которого оказался как раз Арль. Во время боевых действий против узурпатора ставка императора Гонория (395–423) также некоторое время находилась в Арле, в котором император справил в 418 г. свой триумф²³. Епископ Герос (*Heros*)²⁴, который исполнял свое служение при узурпаторе, был смещен, а вместо него Гонорий поставил выдвиженца своего соправителя Констанция (8 февраля 421 — 2 сентября 421) — Патрокла²⁵. Новый арльский епископ стал предпринимать попытки установления своей юрисдикции над провинцией Вьенны, а также ее расширения на соседние провинции Южной Галлии. Однако собственного авторитета ему, по всей видимости, не хватало, вследствие чего он обратился за поддержкой к авторитетной кафедре вне Галлии — в Рим.

²⁰ Ibid. P. 55 (I.22): *Dignum enim visum est, ut, quamvis unitate provinciae minime tenerentur, constringerentur tamen pietatis affectu.*

²¹ Ibid. P. 55.6–7: *ita ut pacis bonum et instituta canonum servarentur...*

²² Малицкий Н. Борьба галльской церкви... С. 150; *Chastagnol Ch. Le repli sur Arles...* P. 27.

²³ *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. Paris; Brussels; Amsterdam, 1959. P. 262–267; Pietri Ch. Roma Christiana. P. 1002.*

²⁴ О Гепосе см.: *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire / Ed. L. Pietri, M. Heijmans. T. 4 (La Gaule chrétienne (314–614)). Vol. 1. Paris, 2013. P. 981 [далее: Prosopographie chrétienne. Vol. 1].*

²⁵ О Патрокле см.: *Prosopographie chrétienne. Vol. 1. P. 1437. Marin R.V. La primacia de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426) // Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell'Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015). Roma, 2017. P. 307–318.*

Первым обращением Патрокла была жалоба на действия епископа Прокула, который поставил епископов в города Китариста и Локус Гаргариус, находящиеся в провинции Вьенны. Текст обращения не сохранился, о его содержании мы узнаем из ответа папы Зосима (417–418) от 22 марта 417 г.²⁶ Поскольку Зосим вззошел на римский престол 17 марта 417 г., то можно предположить, что Патрокл направлял свое обращение еще предыдущему понтифику, Иннокентию I (401–417).

Зосим немедленно отреагировал, отправив послание всем епископам Южной Галлии с утверждением первенства арелатской кафедры: «Итак, мы повелеваем: епископ и митрополит города Арля да имеет особую власть (*graeſiuram auctoritatem*), которой он всегда обладал в рукоположении епископов, и да вернет в свою юрисдикцию (*ad pontificium suum*) провинции Вьенны, Нарбонны Первой и Второй. <...> Поскольку действительно нельзя не поверить в то, что привилегия митрополита города Арелата древняя, ведь к нему первому был послан от этой (т. е. римской) кафедры Трофим, высший предстоятель, и от этого источника вся Галлия получила потоки веры»²⁷.

Далее папа разъясняет, что все споры и разногласия возникают из-за того, что по причине беспорядка, причиненного варварами, древние установления были забыты. Отметим, что папа не забыл подчеркнуть и роль своей кафедры в миссии апостола Трофима: последний был послан из Рима, который, стало быть, является истинным источником христианской традиции на этих территориях. Предание о миссионерской деятельности этого апостола, видимо, существовало в Галлии²⁸, но в качестве аргумента для установления первенства арелатской кафедры оно было привлечено впервые. Тем самым Зосим использовал применительно к конкретной кафедре общие размышления своего предшественника, папы Иннокентия I (401–407), утверждавшего, что все общины на Западе были основаны учениками апостола Петра²⁹.

Письмо папы Зосима очевидно противоречит той системе, которую утвердил Туринский собор и которая подразумевала соответствие пределов церковной юрисдикции государственно-административным границам. Что касается папы, то у него отсутствует какая-либо каноническая аргументация. Кроме того, он вообще не упоминает административное и политическое положение города, в котором кафедра расположена. Тем самым Зосим постулирует наличие иных подходов к определению церковного первенства. С его точки зрения, важна не сложившаяся реальная ситуация (государственно-административное деление, личный

²⁶ Monumenta Germaniae Historica. T. III: Merowingici et Karolini Aevi. I. B., 1892. Ep. 1. P. 5. (далее приводятся указания на номер письма и страницы). Об этом письме см.: Dunn G.D. Zosimus' Synod of Rome in September 417 and His Letter to Western Bishops (*Cum Adversus*) // *Antiquité tardive*. 2015. T. 23. P. 395–495.

²⁷ Ep. 1. P. 6: Iussimus autem: praecipuam, sicuti semper habuit, metropolytanus episcopus Arelatensium civitatis in ordinandis sacerdotibus teneat auctoritatem, Viennensem, Narbonensem primam et Narbonensem secundam provincias ad pontificium suum revocet. <...> Sane quoniam metropolytanae Arelatensium urbi vetus privilegium minime derogandum est, ad quam primum ex hac sede Trophymus summus antistites, ex cuius fonte tote Galliae fidei rivulos accipierunt, directus est.

²⁸ О Трофиме см.: Duchesne M. Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule. T. I. Paris, 1907. P. 253; Griffe E. La Gaule chrétienne à l'époque romaine. T. I : Des origines à la fin de I^e siècle. Paris, 1947. P. 104.

²⁹ См. подробнее: Грацианский М.В. Возникновение и развитие... С. 24.

авторитет епископов), а далекое, легендарное апостольское прошлое, что, в свою очередь, позволяло ему заявить о значении Рима как источника апостольской традиции и как следствие — первого престола.

Впрочем, в Галлии такая позиция папы поддержки не нашла, а требования Зосима были полностью проигнорированы, что явствует из его дальнейшей переписки с галльскими епископами. Так, 26 сентября 417 г. папа направляет послание³⁰ Иларию, епископу Нарбонны³¹, в связи с совершением последним епископской хиротонии в своей провинции без согласования и присутствия епископа Арля. Это свидетельствовало о том, что Иларий продолжал пользоваться своими правами митрополита, не обращая внимания на папские указания.

Зосим, обосновывает свои требования следующим образом: Иларий, по его мнению, должен был действовать не так, как видится правильным ему, а как того требует «древний обычай», состоящий в том, что епископ Арля в силу древности своей кафедры рукополагает епископов в провинциях Вьенны, Нарбонны Первой и Второй. Подтверждением ее древности является служение здесь апостола Трофима, который, будучи послан от апостольской кафедры, проповедовал в этих областях, хотя папа и отмечает, что не только в них³². Обычай же заключается в рукоположении епископов на этой территории и вообще в осуществлении юрисдикции над всей областью, которое имело место до последнего времени и подтверждалось свидетельствами многих епископов, однако было прервано³³. Этот перерыв специально не обсуждался, но здесь, естественно, можно предполагать отсылку к политической нестабильности в Галлии в первые два десятилетия V в., вызванную нападениями варваров и захватом власти узурпаторами.

На основании этих рассуждений Зосим формулирует общее правило, которое отменяет какую-либо необходимость обоснования римских требований: «Поэтому позволено только то, что принято на апостольской кафедре <...> однако также мы этой властью тебя обязываем, чтобы ты в своем упорстве, которое проявил против древнего обычая, <...> не считал, что имеешь право (*pontificatum*) на рукоположение епископов»³⁴. В данном пассаже папа переходит, наконец, к цели своих построений: деятельность Трофима является не столько доказательством митрополичьих прав арелатского епископа, сколько подтверждением власти римского престола над теми землями, где этот посланник апостола Петра якобы проповедовал.

В этом письме, которое не было предназначено для арльского митрополита, главный акцент переносится на права самого Рима: под «древним обычаем» Зосим подразумевает принятую именно в Риме практику, которую папа своим прямым распоряжением предписывает соблюдать митрополиту Нарбоннскому, которого при этом сам римский понтифик признает подчиненным Арлю. Одновременно Зосим объявляет все епископские хиротонии Илария незаконными, а самого Илария в случае, если тот будет упорствовать, отлученным от церковного общения. Папа нигде не оговаривается, что для проведения указанных мер в жизнь требуется решение собора галльских епископов. Получается, что он

³⁰ Ер. 3. Р. 9–10.

³¹ Об Иларии Нарбоннском см.: *Prosopographie chrétienne*. Vol. 1. P. 1008.

³² Ер. 3. Р. 21–25.

³³ *Ibid.* P. 29–30.

³⁴ *Ibid.* P. 30.

считает достаточным по этому вопросу своего собственного решения. Источником такой папской власти является сам Бог, по Его решению папа и устанавливает такие принципы: «Если ты, дорогой брат, выступишь против того, что нами, по приговору Божию, установлено, не только те, кого ты посчитаешь нужным рукоположить, не смогут получить епископство, но и ты сам будешь запоздало оплакивать свое недопустимое упрямство, лишившись соборного общения»³⁵.

После осуждения в Риме Прокула Марсельского на соборе, созванном по делу последнего³⁶, Зосим 26 сентября 417 г. направляет письмо Патроклу, присваивая последнему достоинство митрополита, происходящее, впрочем, от власти апостольского престола. Это назначение обставлено как лишение соответствующих полномочий Прокула, поскольку последний получил их «с помощью недостойного собора»³⁷.

В этом же письме папа дает описание полномочий митрополита: последний контролирует все обращения клириков любой степени за пределы подчиненных ему провинций и, прежде всего, в Рим. Просители должны получать в Арле рекомендательные письма (*litterae formatae*). Папа обещает, что обращения, не завизированные арелатским епископом, приниматься не будут. Это, конечно, давало последнему определенное преимущество, но при этом Зосим ничего не говорит о праве созывать соборы и председательствовать на них для самостоятельного решения дел внутри Галлии. Впрочем, призвать епископов для разбора их дела в Риме папа не может, как следует из его следующего письма в Нарбонну и Вьенну³⁸. К слову сказать, Прокул такое собрание проигнорировал, хотя его, по словам Зосима, очень долго ждали³⁹.

В этом же письме папа четко противопоставляет систему, утвержденную Турином, своей схеме: Прокул, с помощью обмана и интриг, присвоил себе право рукоположения епископов в своей провинции и суда над ними, что является прерогативой митрополита⁴⁰. Причем, по словам папы, эти прерогативы были даны Прокулу собором незаконно, тем более что и сам Туринский собор был создан для рассмотрения других вопросов⁴¹.

Папа дает «проискам» Прокула жесткую и недвусмысленную оценку: «Это просто неприличная дерзость, которую нужно унять в самом начале: вымогать у епископов, устроивших собор ради конкретных дел, то, что в соответствии с постановлениями отцов и почитанием святого Трофима, который был послан от этой (т. е. Римской. — *К.Н.*) кафедры на место митрополита Арелатского, уступить или изменить не мог авторитет даже этого престола!»⁴² Далее папа добавляет, что древность (*antiquitas*), т. е. христианское учение в своей неизменной форме (*inconvulsis radicibus*), хранится в Риме, который и явля-

³⁵ Ibid. P. 36–39.

³⁶ *Pietri Ch. Roma Christiana*. P. 1015.

³⁷ Еп. 4. P. 21: «Также и властью апостольской кафедры усматривай в себе достоинство и личность митрополита» (*Metropolitani in te dignitatem atque personam etiam apostolicae sedis auctoritate considera*).

³⁸ Еп. 5. P. 11.

³⁹ Ibid. P. 18.

⁴⁰ Ibid. P. 22: ... sibi praestaret veluti metropolitano potestatem.

⁴¹ Ibid. P. 21–26.

⁴² Ibid. P. 27.

ется его источником для всех, и из которого был отправлен апостол Трофим. При этом Зосим в утверждении важности этой самой древности ссылается на то, что ее почитание «установили декреты отцов»⁴³. В конце письма Зосим предписывает восстановить ситуацию в ее изначальной, по его мнению, форме, предоставив арльскому митрополиту власть в провинциях Вьенны и Нарбонны Второй и напрямую подчинив ему епископов этих провинций в обход их митрополитов⁴⁴.

Исходя из этого, можно заключить, что местные Церкви, с точки зрения папы, не являлись полноценными хранителями христианской традиции. Тем самым была четко заявлена позиция Римского престола, находящаяся в конфликте с теми каноническими подходами, которые утвердились на Востоке, а также определяли принципы церковного устройства в западной части Римской империи.

Однако, как видно из следующего письма Зосима Патроклу⁴⁵, папские аргументы не возымели значимого действия: Прокул продолжал исполнять свои обязанности митрополита, т. е. рукополагал епископов, причем «из людей, способных к беспорядкам», и «делал то, к чему привык, и даже еще хуже»⁴⁶. А Патроклу предписывалось самому решить проблему непослушного папе митрополита и прекратить эти «противоправные» рукоположения.

Одновременно Зосим направляет письмо клиру и народу Марселя, где описывает местным жителям ту ужасную ситуацию, в которой они оказались: их епископ Прокул смущает народ, терпеть не может мира в Церкви и собирает вокруг себя «людей беспокойного ума», а кроме того, «сам, уже не будучи епископом, рукополагает епископов»⁴⁷. Выход из сложившегося тяжелого положения есть, поскольку папа не оставляет попечения о «христианском народе», препоручая его митрополиту этой провинции (*vestrae metropolitano provinciae*), Патроклу, который должен поставить в Марсель «достойного епископа»⁴⁸. Таким образом, папа открыто заявляет о своем верховном праве распоряжаться делами в этой провинции и напрямую, без соответствующего запроса, своим постановлением смещать митрополитов и назначать на их место новых.

Основанием для такого вмешательства являются слухи о том, что Прокул действует не так, как кажется правильным папе. Конкретных канонических преступлений, за которые можно было бы низложить митрополита, Зосим не приводит. Впрочем, в письме нет никаких указаний, что передача прав митрополита переходит навсегда или что папа устанавливает какой-либо новый принцип (или лишь восстанавливает древний). Основанием для такого изменения оказывается право папы заботиться о порядке, в том числе и в этих провинциях.

Таким образом, свое участие в обсуждении первенства Арля папа Зосим начинал как апелляционная инстанция, действующая по запросу местного митрополита, но при этом фактически заявил притязание на властные полномочия в отношении соответствующих галльских провинций. И даже устанавливая юрисдикцию арельского митрополита на несколько провинций, он ограничивает ее

---

⁴³ Ер. 5. Р. 30.

⁴⁴ Ibid. Р. 31–34.

⁴⁵ Ер. 6. Р. 6.

⁴⁶ Ibid. Р. 16.

⁴⁷ Ер. 7. Р. 9.

⁴⁸ Ер. 7. Р. 17.

содержание правом рукоположения епископов: нигде он не упоминает право созыва собора для рассмотрения внутренних дел. При этом папа выступает не в качестве апелляционной инстанции, а фактически устанавливает свою прямую юрисдикцию над митрополитами Галлии.

Позиция папы Бонифация (418–422): пересмотр системы Зосима

Следующий папа Бонифаций (418–422) в начале своего понтификата оказывается в достаточно шатком положении из-за проблем с преемством: у него имелся соперник в лице Евлалия, но благодаря императорской санкции конфликт разрешился в его пользу⁴⁹.

Впрочем, в отношении Южной Галлии он продолжил политику своего предшественника. В 419 г. он направил письмо⁵⁰ всем епископам Семи провинций, предписав разобраться с делом Максима, епископа Валентины. Дело представлялось вполне ясным: обвиняемый уже преследовался светскими властями за убийство, о чем, moreover, римский епископ умалчивал. Свое вмешательство папа объяснял обращением к нему клириков города, но тем самым он игнорировал процедуру, которую предписывал Зосим: просители не имели рекомендательных грамот (*litterae formatae*) от епископа Арля и не согласовали с последним свое обращение.

Далее Бонифаций предписывает собственную процедуру: все епископы диоцеза Семи провинций должны собраться на суд, на который следует вызвать и обвиняемого. Если он не явится к назначенному сроку, рассмотреть дело в его отсутствие. При этом папа не определяет, где такое заседание должно быть проведено⁵¹ и кто будет на нем председательствовать. Письмо отправлено равным образом всем епископам Южной Галлии⁵². Тем самым он недвусмысленно пренебрегает прерогативами арелатского митрополита, поскольку именно последний должен был назначить суд по делу своего суффрагана, тем более что это право было признано за ним и предшественником Бонифация Зосимом. Все это позволяет утверждать, что папа не принял во внимание предписания последнего, хотя открыто против них пока не выступал.

При этом, однако, Бонифаций четко говорит о том, что любое судебное решение должно быть утверждено папой: «Что бы Ваше блаженство ни сочло нужным постановить (*duxerit discernendum*) по этому делу, когда это будет нам представлено, необходимо, чтобы, как подобает, оно было утверждено нашей властью (*auctoritate*)».

⁴⁹ Подробнее см. в: *Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Bd. 1. Tübingen, 1933. S. 360; *Haller J. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit*. Stuttgart, 1950. S. 130; *Dunn G.D. Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419* // *Journal of Religious History*. 2015. Vol. 39. No 1. P. 1–13; *Idem. Innocent I's Appointment of Boniface as Papal Legate to Constantinople?* // *Sacris Erudiri*. 2012. Vol. 51. P. 135–149.

⁵⁰ *Bonifatii ep.* 3. // *PL*. T. 20. Col. 756–758.

⁵¹ *Ibid.* Col. 758: «Мы постановили, что внутри провинции должен быть Ваш суд» (*Decrevimus vestrum debere intra provinciam esse iudicium*).

⁵² Это последнее обстоятельство папа специально подчеркивает: «Мы направляем письма во все провинции, чтобы [никто] не оправдывался неведением» (*Nos autem per omnes provincias litteras dirigimus, ne excusationem sibi ignoracionis obtendat* — *Ep.* 3. Col. 758).

Хотя, согласно этим воззрениям, в качестве апелляционной инстанции папа должен был рассматривать только спорные дела, которые не могли быть разрешены собранием митрополии, в данном случае Бонифаций усваивает себе исключительное право принятия решения посредством утверждения или отклонения предложенного местными епископами варианта.

2 сентября 421 г. скончался влиятельный покровитель Патрокла Константинопольский, соправитель императора Гонория и муж его сестры Галлы Плацидии. В феврале следующего, 422 г. Бонифаций пишет письмо Иларию Нарбоннскому⁵³, которое окрашено уже в совершенно иные по отношению к Патроклу тона: он требует упразднения всех преимуществ епископа Арля. Впрочем, свое вмешательство и на этот раз папа объясняет «мольбами и слезами»⁵⁴ клира и народа города Лодева (Luteva), которые обратились к нему с протестом, поскольку Патрокл рукоположил туда епископа в обход местного митрополита (*praetermisso metropolitano*)⁵⁵. Как можно видеть, Патрокл продолжал действовать в рамках тех полномочий, которые ему предоставил Зосим, и остальные митрополиты принимали такое положение дел. Однако подход Рима очевидным образом поменялся.

Папа, по его словам, по-прежнему выступал как «усердный хранитель отеческих постановлений», ссылаясь при этом на правила I Вселенского собора, запрещающие подчинение сразу двух провинций одному митрополиту. Однако он не останавливается на простом напоминании о канонических нормах, продолжая рассуждение уже совершенно в ином духе. Он требует от Илария воспользоваться своим правом митрополита поставлять епископов в городах своей провинции, но при этом последний должен был помнить, что, «по правилам отцов, все, что ни делается — делается по нашему позволению», а поэтому необходимо, чтобы «по завершении всего всё, что ты постановишь, стало известно апостольской кафедре из твоего доклада»⁵⁶. Далее папа разъясняет правило: «Никакой наглый нарушитель свои границы да не преступает, и никто да не возбуждает поругание других в своих частях, которые ему не были уступлены [Римом]»⁵⁷. Т. е., иными словами, никто не должен нарушать установленные границы и вторгаться на чужую территорию, кроме тех случаев, когда это разрешено Римом.

Заканчивается письмо строгим предписанием: «Пусть прекратится под тяжестью нашей власти подобное упорство тех, кто распространяет [юрисдикцию] за дозволенную границу своего чина. Поэтому мы говорим, чтобы на это обратило внимание твое блаженство, тем более что [тем самым] мы соблюдаем предписания канонов, да и наше постановление предписывает то же самое: каждая провинция во всех случаях всегда да ожидает рукоположения [епископа] от своего митрополита»⁵⁸.

⁵³ Bonifatii ep. 12 // PL. T. 20. Col. 772–774.

⁵⁴ Ibid. Col. 772.

⁵⁵ Т. е. Илария, в провинции которого находился город.

⁵⁶ Bonifatii ep. 12. Col. 773: Ita ut peractis omnibus, apostolicae sedi quidquid statueris te referente clarescat.

⁵⁷ Ibid. Col. 774: Nemo ergo eorum terminus audax temerator excedat, nec aliquis in illorum contumeliam partibus suis, quae sibi non videntur concessa, defendat.

⁵⁸ Ibid.: Cesset huiusmodi pressa nostra auctoritate praesumptio eorum, qui ultra licitum suae limitem

Трудно судить, возымело ли это письмо папы какое-то действие: сведений о том, выполнил ли Иларию Нарбоннский папские инструкции, не сохранилось⁵⁹, а через год (в сентябре 422 г.) Бонифаций скончался.

Таким образом, Бонифаций отказывается от модели Зосима, заключавшейся в подчинении южно-галльских провинций митрополиту Арля, который, в свою очередь, ставился в зависимость от Рима. Он предоставляет митрополитам провинций равные права без возможности возвышения какой-то кафедры, но при этом декларирует зависимость от Рима каждого из них.

В 423 г. умер император Гонорий и власть захватил примикерий нотариус Иоанн. Арль узурпатору не подчинился, а назначенного префектом претория Эксуперентия там убили. Епископ Патрокл, по-видимому, тоже остался верен семье Констанция, своего прежнего покровителя. Гражданская война продолжалась до 425 г., когда при помощи императора Восточной Римской империи на престол возвели сына Констанция малолетнего Валентиниана III (425–455), регентом при котором стала его мать Галла Плацидия. У Патрокла, епископа Арля, снова появилась мощная поддержка имперского двора, которой он лишился после смерти Констанция⁶⁰.

В благодарность за лояльность новый император в июле 425 г. направляет префекту Галлии письмо⁶¹, в котором утверждает все прежние «привилегии всех церквей и клириков, которые были отменены тираном», а также определяет положение арелатского епископа: теперь к нему на суд нужно приводить епископов со всех провинций Галлии, находящихся в подчинении префекта, заподозренных в следовании учению Пелагия или Целестина. В случае если при епископе Арля они в течение 20 дней не расскаются, их нужно выслать за пределы Галлии. В этом письме император, помимо установления частных привилегий, *expressis verbis* формулирует принцип церковных привилегий: «Привилегии всех церквей или клириков, которых тиран лишил, мы с благосклонным благоговением возвращаем. Само собой, если от божественных принцепсов отдельные предстоятели что-то получили, пусть в этом достоинстве сохраняются в вечности, и чье-нибудь упорство да не думает прельщаться тем, что мы у себя утвердили предстоятеля»⁶². Письмо подобного содержания было направлено и префекту Рима: всех манихеев надлежало приводить на суд к папе и в случае подтверждения обвинения выселять за пределы Рима⁶³. Таким образом, в Западной Римской империи были определены кафедры с равным в правовом отношении статусом. В этих

---

dignitatis extendunt. Quod idcirco dicimus, ut avertat charitas tua, adeo nos canonum praecepta servare, ut ita constitutio quoque nostra definiat, quatenus metropolitani sui unaquaque provincia in omnibus rebus ordinationem semper expectet.

⁵⁹ Mathisen R.W. Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul. Washington, 1989. P. 71.

⁶⁰ Bury J.B. History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (AD 395 to AD 565). Vol. 1. L., 1931; Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. 1. P. 282; Mathisen R.W. Ecclesiastical Factionalism... P. 71.

⁶¹ Theodosiani libri XVI. Vol. II: Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes. Partes 1–2 / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1905. Const. Sirm. 6. P. 910.

⁶² Const. Sirm. 6.4. P. 910–911: Privilegia ecclesiarum vel clericorum omnium, quae saeculo nostro tyrannus inviderat, prona devotione revocamus. Scilicet ut quidquid a divinis principibus singuli quique antistites inpetrarunt, iugi solidata aeternitate servantur nec cuiusquam audeat titillare praesumptio confitemur.

⁶³ Pietri Ch. Roma Christiana. P. 970.

условиях преемнику Бонифация папе Целестину (422–432) не представлялось возможным как-то воздействовать на галльскую иерархию вплоть до смерти Патрокла, убитого в 426 г.

Арльский вопрос при папе Целестине (422–432)

После Патрокла арелатскую кафедру длительное время занимали выходцы из Леринского монастыря: Элладий (426 г.)⁶⁴, затем собственно основатель Леринского монастыря Гонорат (427–429)⁶⁵ и Иларий (427–449)⁶⁶. Избрание выходцев из Лерина активно поддерживала местная элита, что видно из фактов, сообщаемых их житиями: на похоронах Гонората присутствовал префект, а когда Иларий пытался уйти от избрания, то тот же префект отправил за ним погоню и принудил вернуться. Житие Гонората сообщает о том, что к его приходу в городе развернулась бурная дискуссия по поводу избрания епископа, несколько партий боролись за свои интересы, и своей первой задачей он видел примирение спорящих группировок, «потому что понимал, что очень трудно управлять среди разногласий»⁶⁷. По сообщению Илария, Гонорат до своих выборов был совершенно неизвестен в Арле⁶⁸. Как горожанам, так и префекту было предпочтительней пригласить человека со стороны, который не принадлежал к местным аристократическим кругам и представлял собой компромиссную фигуру. По отношению к римской кафедре «леринские» епископы вели себя вполне независимо: папа Целестин в своем письме от 429 г. жалуется галльским епископам, что, получив с Востока обвинения против некоего Даниила, он направил их епископу в Арль, но последний никак не отреагировал, между тем как через некоторое время обвиняемый был поставлен епископом⁶⁹.

Начинает он послание епископам провинций Нарбонны и Вьенны с объяснения причины, побудившей его взяться за перо: «Мы не можем молчать, когда [нужно] удержать других от беззакония, поскольку нас к этому побуждает вдохновение нашей обязанности. Как подтвердившие усердие в своей неусыпной заботе, мы Богом поставлены наблюдать, чтобы отсекал всё, что должно быть обуздано, и освящать всё, что должно быть соблюдено»⁷⁰. Из этого можно заключить, что в данном случае никто в Рим с жалобой не обращался, а стало быть, папа не мог обосновать свое вмешательство правом принимать апелляцию.

В подкрепление своих прав Целестин не ссылался ни на предшествующую практику, ни на каноническую традицию. При этом в его послании присутствовало показательное заявление: «Никакими отдаленными местами не ограничи-

⁶⁴ Prosopographie chrétienne. Vol. 1. P. 969.

⁶⁵ Ibid. P. 1017.

⁶⁶ Ibid. P. 998.

⁶⁷ *Hilaire d'Arles. Vie de saint Honorât / Introduction, texte critique, traduction et notes par M.-D. Valentin. [Sources chrétiennes. Vol. 235]. Paris, 1977; Vita Honorati, 28. P. 146.*

⁶⁸ Vita Honorati, 25. P. 142.

⁶⁹ Celestini ep. 4 // PL. T. 50. Col. 429–436.

⁷⁰ Ibid. Col. 430: Nec silere possumus, cum hoc, ut ab illicitis revocemus aliquos, officii nostri provocemur instinctu; in speculis a Deo constituti, ut vigilantiae nostrae diligentiam comprobantes, et quae coercenda sunt resecemus, et quae observanda sunt sanciamus.

вается духовное попечение (*spiritalis cura*)⁷¹, но распространяется на все (места), где проповедано имя Божие»⁷².

Папа подтверждает со ссылкой на своего предшественника⁷³ норму, согласно которой каждый митрополит имеет юрисдикцию строго в своей провинции. Повторение этого постановления позволяет предполагать, что указания Бонифация не были приняты к исполнению.

Тем самым данное послание было предназначено скорее для того, чтобы вновь обозначить властные притязания папы, впрочем, без каких бы то ни было практических следствий. Целестин, кроме того, подробно рассуждает о том, что нельзя «скачкообразно» (*per saltum*) рукополагать в епископы из монахов, не прошедших прежде всех ступеней церковного служения, о том, что епископ должен быть местным, известным «клиру, народу и городскому сенату» (*cleri, plebis et ordinis*), добавляя также очевидные правила о том, что тот должен был обладать чистотой разума и жизни.

Тем временем епископы Семи провинций решают свои дела самостоятельно, практически ежегодно проводя поместные соборы (к примеру, Риезский 439 г., Оранжский 441 г., Вьезоннский 442 г.), которые устанавливали правила внутри своей юрисдикции. Председательствовал на них епископ, в митрополии которого они обыкновенно и собирались, а именно Иларий Арелатский⁷⁴.

Заключение

Установления первенства церковных кафедр происходило при поддержке (а часто и по инициативе) государственных деятелей (имперских чиновников, а позже — местных правителей) и местных элит, причем проявление активности самих епископов в данном направлении требовало их санкции. Обоснование примата кафедры через соотнесение основания местной христианской общины с апостолами или их учениками (т. е. подведение богословского основания) произошло лишь в одном (кроме самого Рима) случае — к этому прибегли епископы Арля. Впрочем, источником такого воззрения в данном случае являлась римская курия, активно участвовавшая в возвышении арелатской кафедры, когда ей это представлялось полезным: к примеру, при папе Бонифации.

⁷¹ Попечение о чем-либо (*cura, sollicitudo*) является в римской административной практике техническим термином, выражающим исполнение управленческих функций в отношении объекта управления. См.: *Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law // Transactions of the American Philosophical Society Held at Philadelphia for Promoting Useful Knowledge. New Series. Vol. 43. Pt. 2. N.Y., 1953. P. 420 (s.v. Cura (curatio): Appears as a technical term both in public (administrative) and private law. In the first domain cura embraces the duties of public officials connected with various branches of administration); Fichtenau H. Arenga. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz; Köln, 1957. P. 25, 46, 73, 91–94. Ср.: Грацианский М.В. Haeres Petri sive vicarius Petri: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 27–48 (здесь: С. 33–34. Примеч. 41).*

⁷² Celestini ep. 4 // PL. T. 50. Col. 430: Circa quamvis longinqua spiritalis cura non deficit, sed per omnia qua nomen Dei praedicatur extendit.

⁷³ Имеется в виду Бонифаций. Celestini ep. 4. Col. 434: Ut decessoris nostri fata ad Narbonensem episcopum continent constituta.

⁷⁴ Тем не менее на Вьезонском соборе 442 г. председательствовал епископ города Ауспиций (провинция Вьенны): *Mathisen R.W. Ecclesiastical Factionalism...* P. 112.

Преемники Бонифация, однако, эту политику продолжать не стали, видя в усилении влияния Арля препятствие для самих себя в осуществлении контроля над Южной Галлией. Они пытаются выстроить другую схему: вывести митрополитов Семи провинций из подчинения епископу их диоцеза, чтобы затем перевести их в область собственной юрисдикции.

Несмотря на противодействие Рима, Арль тем не менее сформировался как церковный центр Южной Галлии. Причиной тому, однако, была не древность этой кафедры или ее апостольское происхождение, а административно-политическое положение и позиция римских властей и местных элит по этому вопросу.

Норкин Константин Владимирович

Младший научный сотрудник
Лаборатория исследования
церковных институций ПСТГУ
Лихов пер., 6, стр. 1
127051 Москва

Электронная почта: norkin-kostas@yandex.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019
ISSN 0132–3776

Konstantin NORKIN

THE FORMATION OF THE ECCLESIASTICAL PRIMACY OF ARLES IN GAUL AND THE POPES OF ROME IN 398–432

Abstract: The paper examines the establishment of the metropolitan structure in southern Gaul in the first half of the 5th century, in context of papal attitudes towards it. The Gallic bishops recognized the authority of the Council of Turin (398), which aligned the jurisdiction of metropolitan bishops with the civil administrative divisions. A discord over the application of the canons of Turin prompted the metropolitan bishop of Arles Patroclus to appeal to Rome. Pope Zosimus (417–418) confirmed the privileges of the see of Arles, yet sharply revised their justification. The bishop of Arles's jurisdiction over neighbouring provinces was no longer grounded in the civilian status of his city, but in his position as Apostle Trophymus' "successor". Zosimus also restricted the scope of the metropolitan authority to the ordination of bishops and to the control over the clergy's appeals to Rome, exercised through the issue of *litterae formatae*. Pope Boniface I (418–422) deconstructed the system established by his predecessor, reducing (with a reference to canons of the First Universal Council) the jurisdiction of the metropolitan of Arles to his own province. He also claimed the right of ratification of the decisions of the Gallic Councils and of establishing their territorial scope. By requiring reports of all bishops' ordinations, Boniface I actually inserted Gaul into his own jurisdiction. His successor Celestine I (422–432) reaffirmed his

predecessor's rulings, while claiming the right of spiritual care (*cura spiritualis*) over all Christian communities. However, all the attempts of the Roman popes to intervene in the Gallic affairs during the examined period failed. The metropolitan bishops of diocese of Seven Provinces, supported by the local elites, ignored Rome's claims and were gradually united under the jurisdiction of the bishop of Arles.

Keywords: Pope Zosimus, pope Boniface I, pope Celestine I, Hilary of Arles, Patroclus of Arles, Proculus of Marseille, Council of Turin, papal primacy, local primacy.

Literature Cited

- Arcelin, P. "Arles protohistorique, agglomération et structuration urbaine." In *Espace et urbanisme à Arles des origines à nos jours: actes du troisième colloque organisé par le Groupe archéologique arlésien, Arles, 28 novembre 1998*, ed. by M. Baudat. Arles: Groupe archéologique arlésien, 2000. P. 7–23.
- Arcelin, P. "Arles protohistorique, centre d'échange économiques et culturels." *Études massaliètes* 4 (1995). P. 325–338.
- Berger, A. *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*. New York, 1953.
- Bury, J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (AD 395 to AD 565)*. Vol. 1. London, 1931.
- Caspar, E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Vol. 1. Tübingen, 1933.
- Chastagnol, A. "In ipso vestibulo resecandus: à propos de la date du concile de Turin." In *De Tertullien aux Mozarabes: Mélanges offerts à Jacques Fontaine*. Vol. 1. Paris. 1992. P. 305–314.
- Chastagnol, Ch. "Le repli sur Arles des services administratifs gaulois en l'an 407 de notre ère." *Revue Historique* 249 (1973). P. 23–40.
- Christol, M., Fiches, Q.-L. "Le Rhône: batellerie et commerce dans l'Antiquité." *Gallia* 56 (1999). P. 141–155.
- Duchesne, M. *Fastes épiscopaux de l'Ancienne Gaule*. Vol. 1. Paris, 1907.
- Dunn, G.D. "Imperial Intervention in the Disputed Roman Episcopal Election of 418/419." *Journal of Religious History* 39 (2015). P. 1–13.
- Dunn, G.D. "Innocent I's Appointment of Boniface as Papal Legate to Constantinople?" *Sacris Erudiri* 51 (2012). P. 135–149.
- Fevrier, P.-A. "Arles aux IVe et Ve siècles ville imperiale et capitale regionale." In *XXV corso di cultura sill' arte ravennate e bizantina*. Ravenna, 1978. P. 127–158.
- Fichtenau, H. *Arenga. Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln*. Graz; Köln, 1957.
- Fuhrmann, H. "Studien zur Geschichte mittelalterlicher Patriarchate." *Zeitschrift der Savigny Stiftung. Kanonische Abteilung* 39 (1953). P. 112–176.
- Gratsianskiy, M.V. "Haeres Petri sive vicarius Petri. Arguments of Pope Leo the Great for the exceptional prerogatives of power for the bishop of Rome." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta I: Bogoslovie. Filosofia* 89 (2019). P. 27–48 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. "The Emergence and Further Development of the Idea of Papal Primacy in I–IV cent." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta I: Bogoslovie. Filosofia* 53 (2014). P. 9–29 (in Russian)..
- Griffe, E. "La date du concile de Turin (398 ou 417)." *Bulletin de littérature ecclésiastique* 64 (1973). P. 289–295.
- Griffe, E. *La Gaule chretienne à l'époque romaine*. Vol. 1. Paris, 1947.
- Haller, J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit*. Stuttgart, 1950.

- Heijmans, M. “Arelatensis urbs. La ville d’Arles (Bouches-du-Rhône) à l’époque mérovingienne.” In *La Méditerranée et le monde mérovingien: témoins archéologiques. Bulletin archéologique de Provence. Supplément 3. Éditions de l’APA*. Vitrolles, 2005. P. 113–128.
- Heijmans, M. “La présence des wisigoths dans les sedes regiae du midi de la Gaule.” *Monografías y trabajos de arqueología* 1 (2018). P. 55–77.
- Hilaire d’Arles. Vie de saint Honorât / Introduction, texte critique, traduction et notes par M.-D. Valentin. [Sources chrétiennes. Vol. 235]. Paris, 1977.
- Kuzenkov, P.V. “The Canonical Status of Constantinople and Its Interpretation in Byzantium.” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta I: Bogoslovie. Filosofii* 53 (2014). P. 25–51 (in Russian).
- López Sánchez, F. “Arles, la Constantinople gauloise (328–363 ap. J.-C.)” *Cahiers numismatiques* 174 (2007). P. 23–48.
- Marin, R.V. “La primacia de Arlés en las iglesias galas durante el episcopado de Patroclo (411/413–426).” In *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: dalle chiese ‘principali’ alle chiese patriarcali: XLIII Incontro di Studiosi dell’Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)*. Roma, 2017. P. 307–318.
- Mathisen, R.W. “The Council of Turin (398/399) and the Reorganization of Gaul ca. 395/406.” *Journal of Late Antiquity* 6 (2013). No 2. P. 264–307.
- Mathisen, R.W. *Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul*. Washington, 1989.
- Mommsen Th. *Gesammelte Schriften*. Vol. 3. 1965.
- Munier, C., ed. *Concilia Galliae a. 314 — a. 506*. Turnhout, 1963.
- Palanque, J.-R. “La date du transfert de la Préfecture des Gaules de Trêves à Arles.” *Revue des Études Anciennes* 36 (1934). P. 359–365.
- Palanque, J.-R. “Les dissensions des églises des Gaules à la fin du IVe siècle et la date du concile de Turin.” *Revue d’histoire de l’église de France* 21 (1935). P. 481–501.
- Pietri, Ch. *Roma Christiana. Recherches sur l’Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440)*. Rome, 1976.
- Pietri, L., and Heijmans, M., eds. *Prosopographie chrétienne du Bas-Empire*. Vol. 4. Paris, 2013.
- Stein, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. Paris; Brussels; Amsterdam, 1959.
- Völker, W. “Studien zur päpstlichen Vikariatspolitik im 5. Jahrhundert.” *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 46 (1928). P. 355–380.
- Zuckerman, C. “Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l’empire et la date de création des diocèses.” *Travaux et Mémoires* 14 (2002). P. 617–637.

Konstantin NORKIN

Junior researcher

Ecclesiastical Institutions Research Laboratory

St. Tikhon’s Orthodox University for the Humanities

4a Likhov per., Moscow

127051 Russian Federation

e-mail: norkin-kostas@yandex.ru

Е.В. Литовченко

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЭПИСТОЛОГРАФИИ: ПАВЛИН НОЛАНСКИЙ И ЕГО АДРЕСАТЫ

Аннотация: В статье рассматривается жизненный путь и социальные контакты представителя высшего слоя позднеантичного общества Павлина Ноланского через призму его корреспонденции. Анализируются личности его адресатов с целью реконструкции коллективного портрета интеллектуальной элиты латинского Запада IV–V вв. Среди единомышленников Павлина отцы Церкви: Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Гиппонский. Близким другом Павлина был христианский историк Сульпиций Север. Корреспонденция Павлина связала самые разные районы империи: Италию, Галлию, Африку, Ближний Восток, однако львиная доля друзей епископа Нолы приходится на Галлию. Эпистолография, представленная перепиской Павлина, являлась одним из важнейших факторов сохранения духовно-эмоциональных и социальных связей в позднеантичном обществе.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолография, Павлин Ноланский, коллекция писем.

Павлин Ноланский, безусловно, является знаковой фигурой для своего времени: аристократ из сенаторской фамилии, не просто принявший христианство всей душой, но оставивший ради служения Богу успешную светскую карьеру и отринувший все мирские блага. Этот персонаж не особенно популярен в отечественной историографии¹, если сравнивать его, к примеру, с другим галло-римским епископом благородного происхождения, Сидонием Аполлинарием, хотя проблема кризиса идентичности также неоднозначна и актуальна для Павлина, как и для других типичных представителей клира позднеантичного периода. Зарубежные историки и филологи, напротив, довольно активны в изучении наследия данного автора. Исследователей интересуют самые разные аспекты его личности и биографии, начиная с его риторической образованности и литературного таланта и заканчивая его трактовками Священного Писания. Также привлекающим внимание сюжетом является его переписка со своим учителем Авсонием и в связи с этим вопрос дружбы в позднеантичном обществе². Наиболее серьезный вклад в изучение жизни и творчества Павлина, на наш взгляд, внесли такие современные деятели науки, как Деннис Траут и Сигрид Мрачек. Первый посвятил

¹ Петровский Ф.А. Павлин Ноланский // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Отв. ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров. М., 1998. С. 220–232.

² Ausonius & Paulinus of Nola, Ausone et Paulin de Nole: Correspondance / Tr. Introduction, Latin text, French translation & notes D. Amherdt. Bern, 2004; Knight G.R. Friendship and Erotics in the Late Antique Verse-Epistle: Ausonius to Paulinus revisited // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge. 2005. Bd. 148. H. 3/4. P. 361–403.

свой труд обобщению сведений о биографии, письмах и поэзии епископа Нолы³. Немецкая исследовательница является автором монографии и многочисленных научных публикаций, связанных с изучением личности и посланий Павлина⁴.

Настоящая статья посвящена анализу корреспонденции Павлина в контексте его обширных социальных связей, установлению личностей его основных адресатов с целью реконструкции коллективного портрета интеллектуальной элиты латинского Запада IV–V вв.

Большая часть контактов Павлина Ноланского приходится на его родную провинцию Галлию, хотя его корреспонденция охватывает более обширные территории. Роль провинциальной интеллектуальной элиты на фоне утраты Римом своих лидирующих позиций как в административном, так и в культурном плане значительно возрастает в эпоху поздней античности⁵. Галлия с ее главным центром романизации Лионом (Lugdunum)⁶ практически является «цитаделью культурной жизни поздней античности»⁷. Духовные центры сформировались вокруг школ в Марселе, Арле, Ниме, Тулузе, Нарбонне, Вьенне, Пуатье и Бордо⁸. Постепенно Галлия⁹ становится хранилищем римской культуры и образованности, о чем свидетельствует богатое литературное наследие таких выдающихся галло-римлян, как Авсоний, Павлин Ноланский, Сульпиций Север, Сальвиан Марсельский, Сидоний Аполлинарий, а затем и Григорий Турский. Павлин Ноланский за-

³ Trout D.E. Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. (Transformation of the Classical Heritage). Berkeley, 1999.

⁴ Mratschek S. Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen. Göttingen, 2002; Heiligenkult und gesellschaftliche Kontakte des Paulinus von Nola auf dem Apostelfest in Rom // Pietro e Paolo il loro rapporto con Roma nelle testimonianze antiche. Roma, 2001. P. 261–275; Paulinus von Nola // Reallexikon für Antike und Christentum / Ed. G. Schöllgen et al. Bd. 26. Stuttgart: Anton Hiersemann, 2015. S. 1147–1166; Paulinus of Nola and the Gradual Rise of Nola as a Center of Christian Hospitality // Journal of Early Christian Studies. 2001. Vol. 9. P. 511–547 et al.

⁵ Об этом см.: Litovchenko E.V. The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity // Tractus Aevorum. The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces. Online scholarly journal. 2014. No 1(2). P. 195–201.

⁶ Один из самых густонаселенных городов Галлии, в прошлом столица провинции, насчитывал 80–100 тыс. жителей. Современники называли его *gymnasium mundi*.

⁷ Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М., 2005. С. 1410.

⁸ Подробнее об этом см.: Haarioff T. Schools of Gaul: A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire. Johannesburg, 1958; Перфилова Т.Б. Высшее образование в Римской империи: культурологический аспект: Дисс. докт. ист. наук. Ярославль, 2004.

⁹ В целом о Галлии интересующего нас периода см.: Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? / Ed. by J. Drinkwater and H. Elton. Cambridge, 2002; Heinzelmann M. Gallische Prosopographie 260–527 // Francia. 1982. Bd. 10. S. 531–718; Mathisen R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109; Idem. People, Personal Expression, and Social Relations in Late Antiquity. Selected Latin Texts from Gaul and Western Europe. Vol. II. Ann Arbor, 2003; Idem. Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition. Austin, TX, 1993; Idem. The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Roman Gaul // Polis. 1994. No 6. P. 203–219; McLynn B.N. Poetic Creativity and Political Crisis in Early Fifth-Century Gaul // Journal of Late Antiquity. 2009. Vol. 2. No 1. P. 60–74; Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources / Ed. by R.W. Mathisen, D. Shanzer. Ashgate, 2001; Van Dam R. Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley; London; Los Angeles, 1985; Wood I. Continuity or Calamity: the Constraints of Literary Models. Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? // Cambridge Ancient History. Vol. XIV: Late Antiquity: Empire and Successors, AD 425–600 / Ed. by Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2008. P. 416–437 et passim.

нимает особое место среди этих талантливых авторов, поскольку по праву считается основоположником христианской поэтической традиции. Поэзия епископа Нолы неоднократно становилась предметом пристального внимания историков и филологов¹⁰, однако в фокусе нашего исследования — его эпистолярная коллекция¹¹, иллюстрирующая как особенности риторического канона, так и картину социального бытия представителей христианской элиты IV–V вв.

Письма Понтия Меропия Павлина¹², родившегося в 355 г. в римской аристократической семье, в поместье близ Бордо, впоследствии отказавшегося от светской жизни ради служения Богу сначала в монастыре, затем в качестве епископа Нолы (в районе Неаполя), охватывают вторую половину жизни латинского христианского писателя. Нет никаких сведений о его молодости в Аквитании, известно только, что в довольно раннем возрасте, будучи двадцати лет или чуть старше, Павлин занимал пост наместника (губернатора) Кампании, который он оставил через некоторое время и вернулся к частной жизни в Аквитании, примерно в 483 г. Также нет никаких записей, проливающих свет на обстоятельства его женитьбы на Терасии, ради которой он предпринял путешествие в Испанию, об их последующей жизни в поместье в Бордо¹³, о его крещении и возвращении в Испанию в 389 г.¹⁴

В течение почти шести лет, с 389 по 394 гг., Павлин оставался в имении своей жены недалеко от Барселоны. Однажды, вероятно, в Рождество 394 г., местная паства потребовала его рукоположения в качестве пресвитера (Paul. Ep. 3.4), надеясь, возможно, как и в случае с Пинианом в Гиппоне в 411 г., что они получат значительную прибыль от продажи имений Павлина, которая последует за вступлением в должность (Aug. Ep. 126). Если это так, то местные жители были разочарованы, поскольку в течение нескольких месяцев Терасия и Павлин покинули Испанию, отправившись в Нолу. По дороге они побывали у Амвросия в Медиолане, однако в Риме их ждал весьма холодный прием у папы Сириция (Paul. Ep. 5.13–14), поскольку тот в равной степени не любил как официалов, превратившихся в клириков, так и выдающихся аскетов (возможно, потому, что перед его глазами постоянно стоял пример Иеронима)¹⁵, считает британский историк Церкви Уильям Фрэнд. В свою очередь, Кэтрин Конибер обращает вни-

¹⁰ Green R.P.H. The Poetry of Paulinus of Nola. A Study of his Latinity. Bruxelles, 1971; Hudson-Williams A. Notes On Paulinus of Nola, Carmina // The Classical Quarterly. 1977. Vol. 27(2). P. 453–465; Paulinus Nolanus. Carmina / Ed. F. Dolveck. (Corpus Christianorum. Series Latina, 21). Turnhout, 2015.

¹¹ Латинское издание писем Павлина было осуществлено В. Гартелем в 1894 г.: Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus. Opera / Ed. W. Hartel // CSEL. Vol. XXIX–XXX. Pars 1–2. Wien, 1894. О переписке Павлина см., например: Conybeare C. Paulinus Noster Self and Symbols in the Letters of Paulinus of Nola. Oxford, 2000; Lançon B. «Samso recrinito». Paulinus of Nola's Letter 23 as a Treatise of Christian Trichology. (Philologia Antiqua 9). Pisa; Roma, 2016. P. 57–63; Paolino di Nola. Le Lettere. Testo latino con introduzione, traduzione italiana / Ed. G. Santaniello. Vol. 1–2. Napoli; Roma, 1992; Letters of St. Paulinus of Nola / Transl. and annot. by P.G. Walsh. Vol. I. Letters 1–22. N.Y., 1966.

¹² Петровский Ф.А. Павлин Ноланский. С. 220–232. Биография Павлина в очень сжатом виде представлена им самим (Ep. 5. 4–5; Carm. 21. 365–487).

¹³ Упоминание данных событий содержится в поэзии Павлина (Carm. 21. 400).

¹⁴ Определить хронологию можно, ориентируясь на информацию в письмах 1 и 5.

¹⁵ Frend W.H.C. Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire // The Journal of Roman Studies. 1969. Vol. 59. No. 1/2. P. 1–11 (здесь: P. 6).

мание на другой аспект: она полагает, что происхождение Павлина в большей степени роднило его с теми представителями сенаторской аристократии, которые оставались оплотом язычества в Риме, как Квинт Аврелий Симмах¹⁶, что позволяло подозревать его в формальном отношении к христианской вере. С учетом вероятной принадлежности Сириция к незнатному роду (известно только имя его отца), представляется, что все эти факторы в комплексе повлияли на ситуацию.

Супруги прибыли в Нолу в конце 395 г., где и прожили всю оставшуюся жизнь, а Павлин стал епископом вскоре после 408 г.¹⁷

Первые образцы эпистолярного жанра появились в «испанский период» жизни Павлина, до рождения его сына. Эти послания представляют собой своего рода «подготовительный» этап к евангельской деятельности, во время которого Павлин постигает библейскую мудрость под руководством своего духовника Аманда и епископа Дельфина. Именно этот факт позволяет У. Фрэнду утверждать, и мы склонны согласиться с ним, что никакого острого кризиса веры, подобного «августиновскому», Павлин не переживал. Шаг за шагом он отказывался от идеалов, которые до сих пор разделял с Авсонием¹⁸. К тому же родители будущего епископа Нолы ко времени своей смерти являлись христианами, считает Д. Траут¹⁹, хотя этому факту нет никаких подтверждений. Дальнейшие трагические события, связанные со смертью ребенка и убийством его брата, видимо, послужили толчком к отказу от всего мирского ради ревностного служения Богу в монастырских стенах, при этом сознание Павлина было уже заранее подготовлено к такому исходу.

Однако стремление полностью погрузиться в духовные изыскания сопровождалось непрерывной деятельностью, часто нарушавшей тишину обители. Курьерами и письмами, посетителями и ежегодными поездками в Рим Павлин питал разветвленную сеть друзей и единомышленников. В начале V в. его контакты охватывали территории от Северной Галлии на западе, включая Северную Африку, до Верхней Мезии и Палестины на востоке. На фоне трансформации классических идеалов и определения многих фундаментальных доктрин и заповедей западного христианства Павлин был тесно связан с влиятельными мыслителями и церковниками, а Нола имела стратегически удачное расположение, однако само присутствие Павлина также делало Нолу центром непрерывных коммуникаций и дебатов²⁰.

Основной массив писем (сохранилось всего 51 письмо) датируется 395–431 гг. и представляет интерес для исследователей в связи с информацией как о специфике иноческого бытия и мировосприятия самого автора посланий, так и в связи со сведениями об их адресатах, которые позволяют в некоторой степени реконструировать картину бытия интеллектуальной элиты позднеантичного общества.

В особую группу можно выделить три послания в стихотворной форме (Carm. 10, 11, 24). Два из них — ответы Авсонию, в то время как третье адресовано некоему Цизерию, о котором мы узнаем лишь из данного письма. Эти стихотворения содержат в себе все признаки подлинной корреспонденции дан-

¹⁶ *Conybeare C.* Paulinus Noster... P. 5.

¹⁷ *Frend W.H.C* Paulinus of Nola... P. 6.

¹⁸ *Ibid.* P. 4.

¹⁹ *Trout D.E.* Paulinus of Nola... P. 31.

²⁰ *Ibid.* P. 199.

ного времени, хотя письма Авсония, вероятно, в дальнейшем были изменены и существенно расширены издателем²¹.

В письмах к Авсонию Павлин умело использует разнообразие метров: элегические строки, ямбические двустушия, гекзаметры. В своих стихах Павлин интересуется, зачем Авсоний обращается к музам, ведь Павлин отвернулся от них ради другого бога, который, как источник истины, требует избегать всякого тщеславия и полного повиновения. Тяжелый звук (*gravior sonus*) гекзаметров порочит муз и склоняет Авсония обратиться со своими молитвами к Богу.

Затем Павлин отрицает, что живет изолированной жизнью монаха и находится под влиянием своей жены. «Пусть твоя Танаквиль²² (*Tanaquil tua*) ничего не знает об этом», — пишет Авсоний (Ер. 28, 31). Павлин защищает жену²³, говоря, что она «не Танаквиль, а Лукреция²⁴» (*nec Tanaquil mihi, sed Lucretia, coniunx*) (Carm. 10.191–192). Далее Павлин в своем письме переходит к торжественной кульминации. Он пишет, что жизнь человека коротка и у него мало времени на то, чтобы исправить свои ошибки, прежде чем смерть столкнет его лицом к лицу со своим Судьей. Действительно, Христос может появиться в любое время, и горе тем, кто все еще привязан к земным заботам и удовольствиям. Он просит Авсония радоваться вместе с ним или оставить его на суд Христа.

Во втором письме Павлин осуждает гнев Авсония и указывает, насколько осторожно он всегда старался избегать обид. Эти два письма обычно считаются самым большим притязанием Павлина на литературную славу²⁵.

Письмо 24 к Цизерию начинается с длинного описания путешествия некоего Мартиниана в Нолу с письмом, рекомендующим его в качестве дьякона. Он отправился в Нарбон, где потерпел кораблекрушение, в котором Бог продемонстрировал ему как свою защиту, так и суд над утонувшими язычниками. Мартиниан был чудесно спасен в лодке. Сохранив копию писем апостола Павла, он был принят верующими в Марселе. Затем он отправляется в другое морское путешествие и завершает свой путь в Риме. Павлин описывает, как молодой человек сразу же зарекомендовал себя только с хорошей стороны; Мартиниан олицетворял своего отца Цизерия, которого, как отмечает Павлин, Бог избрал, несмотря на его мирскую славу. Затем Мартиниан сравнивается с Самуилом и Самсоном. Обращаясь снова

²¹ *Green R.P.H.* The Poetry of Paulinus of Nola. A Study of his Latinity. Bruxelles, 1971. P. 24.

²² Танаквиль — амбициозная представительница аристократического рода города Тарквинии, жена Луция Тарквиния Приска. Жила в VI в. до н. э. Имела неограниченное влияние на своего менее родовитого мужа, активно занималась политикой (Tit. Liv. I. 34, 39, 41; Plin. Sec. Nat. hist. VIII. 74.194; Dio Cass. II.9).

²³ Терасия, судя по всему, была сильной и благочестивой женщиной такого типа, который играл огромную роль в христианской трансформации мировоззрения как отдельных личностей, так и позднеантичного общества в целом. Достаточно вспомнить о влиянии Макрины на Василия Кесарийского, или Марцеллины на Амвросия, или жен представителей старой языческой аристократии в Риме на сознание своих мужей, чтобы оценить роль образованных женщин в укреплении христианства во второй половине IV в.

²⁴ Лукреция (VI в. до н. э.) прославилась своими добродетелями, соответствующими представлениям о роли и поведении женщины в патриархальном обществе. Согласно Титу Ливию, Дионисию Галикарнасскому и др. античным авторам после надругательства над ней царского сына призналась во всем мужу и убила себя на его глазах, тем самым спровоцировав события, приведшие к свержению царской власти в Риме (Tit. Liv. I.57–59; Dion. Hal. IV.64–67; Ovid. Fast. II.721–844; Dio Cass. II.13–20 et al.)

²⁵ *Green R.P.H.* The Poetry of Paulinus of Nola. P. 25.

к родителям Мартиниана, Павлин надеется, что тот может быть для них Иосифом; развив это сходство в более чем ста строках, он рисует образ орла, кормящего своих родителей и дающего им возможность занять свое место на небесах²⁶.

Духовное наставление, пронизанное цитатами из Писания, наполненное аллегориями, — это именно то, что мы находим и в прозаических письмах, вышедших из-под пера Павлина. Сохранившиеся письма составляют только часть гораздо более обширной корреспонденции, которой мы не располагаем в силу того, что Павлин никогда не делал копий для себя, а возможностью исследовать те послания, что дошли до нас, мы обязаны адресатам, хранившим их как несомненную ценность. Большинство писем предназначалось друзьям из Галлии, где Павлина знали и любили. Он часто упоминает послания, которые утрачены на сегодняшний день, но мы знаем, кому они были отправлены: Иерониму, Анастасию, Амвросию, Венерию, Аврелию из Карфагена. Кроме того, подтверждение факту переписки с данными лицами можно получить и из их ответной корреспонденции (например, три письма св. Иеронима были адресованы Павлину [Ер. 53, 58, 85], в одном из них Иероним настоятельно рекомендовал ему глубоко погрузиться в изучение Писания [Ер. 58.11]).

Из сохранившихся писем тринадцать адресованы близкому другу Павлина Сульпицию Северу, который оказал наибольшее влияние на развитие монашества в Галлии. Именно от Павлина мы узнаем, как его друг, аристократ-аквитанец на несколько лет моложе его самого, стал выдающимся адвокатом, прежде чем решил распродать все свое имущество и выбрать монастырский образ жизни вслед за Павлином. Сульпиций Север причислял себя к последователям Мартина Турского, основателя галльского монашества, и часто посещал Тур за советами в делах духовных, а в 397 г. написал «Житие св. Мартина Турского» (*Vita St. Martini*). Он основал монастырь в местечке Премийак в Галлии (ныне коммуна во Франции Сен-Сюльпис-д'Эксидей). Община данного монастыря жила согласно правилам Мартина Турского. На основании одного замечания Павлина можно предположить, что там была открыта монастырская школа.

Неизвестно, как зародилась дружба Павлина и Севера, но на момент пребывания Павлина в Испании в 389 г. они уже были близкими друзьями. В письмах к Северу, появившихся в десятилетие, последовавшее за уходом Сульпиция в монастырь, Павлин часто акцентирует внимание на исключительности их дружбы, начавшейся еще в светский период их деятельности и увенчавшийся христианской любовью (*caritas Christiana*)²⁷.

Остальные письма чаще всего адресованы Дельфину или Аманду (сохранилось шесть писем к Аманду и пять — к Дельфину). Об их деятельности и особенностях натуры мы узнаем благодаря Павлину. Касательно Дельфина, главы церковной организации Бордо, человека, значительно превосходящего по возрасту самого Павлина, епископ Нолы избирает манеру, свойственную обращению к духовному отцу (*in domino pater*). Именно Дельфину принадлежала честь крестить Павлина; кроме того, он помогал ему в строительстве церкви в Алинго (Ер. 20)²⁸.

²⁶ Green R.P.H. The Poetry of Paulinus of Nola. P. 26.

²⁷ Letters of St. Paulinus of Nola / Transl. and annot. by P.G. Walsh. Vol. I: Letters 1–22. N. Y., 1966. P. 4.

²⁸ Среди обширных владений Павлина значилось и имение в Алинго (ныне Лангон — порт на реке Гаронна).

На страницах писем Дельфин предстает перед нами человеком смиренным, но гордым самим фактом своего обращения; он часто спрашивает Павлина о новостях на духовном поприще или о религиозных размышлениях, которыми он неизменно восхищался. Необходимо упомянуть и о попытках Павлина представить своего коллегу самым выдающимся духовным лицам Италии: он обращался к епископу Милана, Амвросию, побуждая его написать в Бордо, а также обещал добиться для Дельфина послания от папы Анастасия. В 405 г., вскоре после смерти Дельфина, Павлин воздал ему свое почтение, похоронив его рядом с усыпальницами Амвросия Медиоланского и Мартина Турского (Carm. 19.153–154).

Аманд, священник из Бордо, наставник новообращенных, также был товарищем и учителем Павлина. Его письма к Аманду обширнее, чем к Дельфину, и позволяют ему развивать свои мысли о значении некоторых библейских пассажей (Ep. 2, 9, 12, 15, 21, 36).

По прибытии в Нолу, Павлин вступает в переписку с великими Отцами Запада. Кроме связей с Амвросием Медиоланским и Иеронимом Стридонским, он регулярно обменивался письмами со св. Августином. Известны четыре послания Павлина к Августину (Ep. 4, 6, 45, 50), в которых не сообщается никаких новых подробностей о епископе Гиппонском, однако они дают представление о сердечных отношениях между двумя священнослужителями и с особенной ясностью демонстрируют уважение Августина к Павлину не только как к выдающемуся экс-сенатору, но, прежде всего, как к христианскому мыслителю. Около 395/396 г., в письме Сульпицию Северу, будущий епископ Нолы раскрывает мотивы своих поступков и говорит о своем сильнейшем желании узнать о подобных чувствах, пережитых Августином и Алипием: «Возможно, именно его (Павлина) рвение явилось одним из факторов, лежащих в основе решения Августина написать „Исповедь“», — считает Уильям Фрэнд вслед за Пьером Курселем²⁹.

Единственное письмо (Ep. 3) адресовано другому африканскому епископу — Алипию из Тагасты. В нем Павлин выражает благодарность за книги, написанные Августином и, видимо, присланные Алипием. Последний также был другом Августина, увековеченным епископом Гиппонским в письмах и в его «Исповеди». Августин и Алипий написали по крайней мере два совместных послания Павлину: первое датируется 398 г., и в нем спрашивается о трактате самого Павлина против язычников (Aug. Ep. 31.8); второе, двадцатью годами позднее, предостерегает его от пелагианской ереси (Aug. Ep. 186).

Пожалуй, менее важен еще один африканский адресат, Романиан, которому Павлин послал только одно письмо (Paul. Nol. Ep. 7). Романиан — состоятельный патрон Августина, и главной причиной написания письма могло быть установление связи с сыном Романиана Лицентием. Этот молодой человек был вместе с Августином в Кассициаке, поместье Верекунда, друга Августина, куда последний удалился для философских раздумий и подготовки к крещению. Но впоследствии Лицентий, видимо, утратил интерес к христианской жизни. Павлин писал Лицентию, так как Августин выразил беспокойство «мирским поворотом» потенциального христианина.

Паммахий, которому Павлин адресовал утешение (*consolatio*) (Ep. 13) на смерть его жены Павлины, весьма интересный и важный персонаж, более из-

²⁹ *Frend W.H.C. Paulinus of Nola... P. 6; Courcelle P. Les Confessions de Saint Augustine dans la tradition littéraire. Paris, 1963. Appendix III.*

вестный как близкий друг Иеронима (Jer. Ep. 49.1, 57.13, 66). Представитель патрицианского рода Фуриев, Паммахий среди христианских лидеров «остался почти в одиночестве в Риме и посвятил себя религиозной жизни города». Как известно, в римском сенате в конце IV в., членом которого он являлся, преобладали сенаторы-язычники, возглавляемые Симмахом. Слова Павлина показывают, что Паммахий во времена своей мирской карьеры был в изоляции из-за его приверженности христианской традиции. Эта преданность усугублялась святостью его жены, приведшей его после ее смерти к аскетическому образу жизни. Кроме того, этот факт мотивировал Паммахия отдать большую часть богатства на благотворительность. Среди его по-христиански милосердных дел было также учреждение и содержание постоянного двора для паломников (*xenodochium*) в Остии (Paul. Nol. Ep. 13; Jer. Ep. 66 et al.)

Руфин из Аквилеи — другой постоянный адресат, которому Павлин пишет с выраженной симпатией и уважением (Paul. Nol. Ep. 27.5, 40.6). Сохранились два письма (Ep. 46, 47), оба написаны между 406 и 408 г., незадолго до кончины Руфина; также мы располагаем и ответами Руфина³⁰. В послании к Сульпицию (Ep. 9) Павлин характеризует Руфина как праведного сподвижника Мелании Старшей³¹. Портрет этой христианки особенно примечателен. Павлин повествует о ранних годах ее жизни и обращении в христианство, ее отъезде в Иерусалим и противостоянии арианским гонениям на Востоке, ее возвращении много лет спустя. Из своего путешествия она привезла Павлину фрагмент Креста Господня (Ep. 31.1). Описывая ее визит в Нолу, Павлин в полной мере проявил свой риторический талант: необыкновенная процессия рисуется яркими красками, на контрасте между самой предводительницей монашества в бедном одеянии и ее знатными попутчиками в роскошных нарядах. «В то время как Аппиева дорога наполнилась золочеными повозками сенаторов, Мелания прибыла в Нолу на тощей лошаденке, дешевле любого осла. Разодетые в шелк аристократы были рады дотронуться до ее грубой туники и грошового плаща, надеясь таким образом очиститься от грязи своего богатства. Пурпурные шелковые и золотые облачения склонились перед старыми черными лохмотьями» (Ep. 29.12).

Адресат еще одного письма (Ep. 49) — некий Макарий, видимо, занимавший какой-то высокий имперский пост, поскольку Павлин просит его походатайствовать перед соответствующими чиновниками о возвращении груза его законному владельцу после кораблекрушения. Этот Макарий был помощником префекта и живо интересовался христианством³². Палладий Еленопольский упоминает Макария как одного из тех высокопоставленных лиц Рима, которые раздавали свое богатство нуждающимся (Pall. Hist. Laus. 62). Он мог быть также тем Макарием, прибытия которого в Гиппон в 395 г. ожидал св. Августин (Aug. Ep. 29)³³.

Большинство остальных писем рассылалось галльским друзьям Павлина. Наиболее примечательный из них — Виктриций, епископ Руана, одна из самых влиятельных фигур в миссионерстве в то время, ему адресованы письма 18 и

³⁰ Подробнее о нем см.: *Murphy F.X. Rufinus of Aquileia, His Life and Works*. [Catholic University of America. Studies in Mediaeval History. New Series. Vol. 6]. Washington, 1945.

³¹ Подробнее о ней см.: *Murphy F.X. Melania the Elder: A Biographical Note* // *Traditio*. 1947. Vol. 5. P. 59–77; *Melania I (the Elder)* // *PLRE I*. P. 592–593.

³² *Letters of St. Paulinus of Nola*. P. 6.

³³ *PLRE II*. P. 696.

37. Оба эти послания чрезвычайно важны: первое содержит единственное свидетельство обращения Виктриция в христианство и его миссионерской деятельности на севере Галлии; во втором сообщаются детали обвинения в аполлинаризме³⁴, свидетельствующего против его (Виктриция) ортодоксальности. Эти обвинения были сняты специальным указом папы Иннокентия I.

Среди других галльских клириков — братья Флоренций и Алетий. Флоренций, епископ Каора, проявил инициативу, желая контактировать с епископом Нолы. Ему адресовано 42-е письмо Павлина. Также сохранилось одно послание к Алетию (Ер. 33), которое было отправлено перед тем, как Алетий стал преемником Флоренция на посту епископа Каора. Это последнее письмо частично утрачено, но из контекста ясно, что Алетий просил у Павлина образец проповеди, при этом, опираясь на текст письма 34, являющего собой пример религиозного красноречия, отправленный Алетию, мы можем предположить, что оно самым непосредственным образом связано с письмом 33.

Следующее послание (Ер. 26) адресовано некоему Себастиану, о котором, к сожалению, ничего неизвестно. Возможно, он являл собой один из самых ранних примеров отшельнической жизни в Галлии, в отличие от киновийного монашества, практикующегося в Мармутье, Премийаке и других местах. Себастиан не был затворником в строгом смысле этого слова, поскольку он по крайней мере встречался со священнослужителем, снабжающим его пищей. Примечательной особенностью данного текста является не критический энтузиазм Павлина, указывающий на то, что он мало размышлял относительно достоинств этих двух видов монашества³⁵.

Наряду со всеми вышеперечисленными духовными лицами необходимо отметить Иовия — единственного друга Павлина, который, по всей видимости, не был христианином. Препятствием для его обращения выступали его приверженность языческой философии и отсутствие устойчивой мотивации для отказа от богатства (Иовий владел обширной собственностью в Кампании — Ер. 16.1). Его участие в заботах земных не дает ему полностью погрузиться в дела небесные, хотя Павлин, наставляя его на путь истинный, не требует следовать его собственному примеру полного отречения от имущества. Он призывает Иовия посвятить Богу свои таланты и помыслы, прежде всего имея в виду его красноречие (Ер. 16.9). Текст 16-го письма в целом дает представление о характере и интересах Иовия³⁶. Отсюда вырисовывается вызывающий сочувствие портрет человека, который погружен в мысли об отношениях человека с Богом, но не может принять христианскую идею о Провидении Господнем. Это письмо указывает на типичную для духовной культуры того времени проблему, а феномен

³⁴ Богословское учение Аполлинария Лаодикийского и его последователей, признанное еретическим на втором Вселенском соборе. Из-за рассогласованности философских подходов и неразработанности строгой христологической терминологии в раннем христианстве длительное время не могла разрешиться проблема представления, осмысления и описания феномена соединения в одной личности Иисуса Христа двух природ: божественной и человеческой. Аполлинарий Лаодикийский, убежденный сторонник Никейского вероопределения (325 г.), одним из первых начал последовательно разрабатывать именно эту проблематику, но он не различал понятия «природа» и «ипостась». В результате логические выводы Аполлинария предвосхитили монофизитство.

³⁵ Letters of St. Paulinus of Nola. P. 8.

³⁶ Также Иовию посвящено стихотворение (Paul. Nol. Carm. 22).

Иовия представляет собой галльского язычника, который, в отличие от многих номинальных христиан, на самом деле мог понять причину отказа Павлина от мирской жизни³⁷, но не допускал подобной возможности для себя.

Два письма к Криспиниану (Ер. 25, 25*) представляют больший интерес в плане содержания, чем относительно личности адресата. Криспиниан был молодым, ничем не выдающимся солдатом римской армии в Галлии. Когда Павлин услышал о том, что Криспиниан уверовал в свое монашеское призвание, он взял на себя труд, пользуясь оказиями, написать два письма с целью, во-первых, обратить внимание воина на несовместимость одновременного служения Христу и Цезарю и, во-вторых, подтолкнуть Криспиниана к быстрому принятию правильного решения.

Другие письма предназначены друзьям Павлина в Галлии — группе людей, являющих собой впечатляющие примеры духовного просветления, вследствие которого каждый из них отказался от многообещающей карьеры ради реализации на практике идеи евангельской бедности. Один из этой группы — Апер, которому Павлин написал три письма (Ер. 38, 39, 44), уделяя особое внимание его богатству и славе, которые Апер стяжал в качестве юриста и наместника провинции (38.8), и восхваляя его жену Аманду, взвалившую на себя груз ответственности за светские обязанности мужа, когда он удалился от мира. Наиболее важной особенностью этой корреспонденции является факт поддержки женщиной желания ее мужа уйти в монастырь — ситуация, которая вскоре станет настолько распространенной, что потребует канонического регулирования³⁸.

Другой подобный пример — Эвхерий и Галла, которым адресовано 51-е письмо. Хотя эти двое не были близкими друзьями епископа Нолы, они последовали за Павлином и Терасией, совместно выбрав монашескую жизнь: они удалились на остров св. Маргариты и поселились вблизи монастыря, основанного Гоноратом, будущим епископом Арля и еще одним адресатом Павлина, на близлежащем острове³⁹. Эвхерий позднее стал епископом Лиона.

Письма 40 и 41 предназначались близкому другу Павлина по имени Санкт. Можно предполагать, что Санкт также погрузился в религиозную жизнь, судя по данным текстам, которые целиком посвящены толкованию Библии по вопросам, поднятым Санктом и его другом Амандом (не наставником Павлина). Такое же предположение можно сделать и касательно св. Дезидерия, которому адресовано 43-е письмо. Этот человек может быть тем же Дезидерием, которому Сульпиций Север посвятил «Житие св. Мартина Турского», и священником, побудившим Иеронима написать опровержение Вигилияncia, галльского пресвитера, *Contra Vigilantium*, высказывавшегося против почитания мощей.

Таким образом, необходимо констатировать, что в качестве друзей Павлина по переписке выступали в большинстве случаев его коллеги и единомышленники, заинтересованные в рассуждениях теологического характера, обсуждении вопросов, связанных с исполнением обязанностей епископов или духовных наставников разного рода. Среди его адресатов были такие отцы Церкви, как Амвросий Медиоланский, Иероним Стридонский, Августин Гиппонский. Близким

³⁷ Letters of St. Paulinus of Nola. P. 8.

³⁸ Ibid. P. 9.

³⁹ Остров Сен-Онора, названный в честь св. Гонората. Епископство Гонорат принял в 426 г. Подробнее о нем: *Paul J. Vie de saint Honorat // Nice Historique*. 2006. No 493. P. 233–243.

другом Павлина был христианский историк Сульпиций Север. Корреспонденция Павлина связала в географическом плане самые разные районы империи (Италию, Галлию, Африку, Ближний Восток), однако львиная доля друзей епископа Ноланского приходится на Галлию.

О вероятном общении Павлина с несколькими другими галльскими епископами и церковниками свидетельствует фрагмент письма, сохранившийся только у Григория Турского в его «Истории франков». Взор Григория был обращен к письму Павлина группе из восьми епископов Южной Галлии, которых Павлин назвал «достойными Господа»: Экзуперию Тулузскому, Симплицию Вьеннскому, Аманду из Бордо, Диогениану, Динамию из Ангулема, Венеранду из Оверни, Алетию из Каора, и Пегасию из Периге. Аманд и Алетий документируются как корреспонденты Павлина. Сведения Павлина дают практически всё, что известно о Диогениане, Венеранде, Пегасии, Динамии⁴⁰ и Симплиции, которых Павлин мог встретить во Вьенне в 80-х гг. IV в.⁴¹

Экзуперий, по-видимому, разделял многие идеалы Павлина, а также имел общих с ним знакомых. Он проповедовал монашескую жизнь и культ святых в Тулузе, обращался к папе Иннокентию по различным вопросам: от церковного брака до Священного канона и передачи милостыни монахам на Святой Земле и в Египте (Innocent. Ep. 6; Contra Vigil. 17).

Еще одна крупная фигура того времени — епископ Никита Ремесианский⁴² (Дакия) (Ep. 29.14), славный не только своими трудами, среди которых, возможно, и *Te Deum*, но и активной миссионерской деятельностью, за которую и восхвалял его Павлин в поэтической форме, отмечая в качестве его несомненных заслуг распространение Слова Божьего среди варваров, превращающего их тем самым из волков в овец, стремящихся в мирные пределы кошар (Carm. XXVII). В период между 398 и 403 г. Никита предпринял поездку в Нолу, возможно, с целью посещения могилы св. Феликса.

Таким образом, перед нами встает картина разветвленной социальной сети, в центре которой — фигура Павлина, епископа Нолы. Мы видим благочестивого, склонного к аскетизму человека, отдающего почти всё свое время изучению Писания, хотя он и не являлся библеистом в полном смысле этого слова, как многие из его африканских коллег. В отличие от религиозных лидеров Востока Павлин никогда не стремился сочетать монашеский идеализм с напряженной жизнью, связанной с активным участием в публичных и церковных делах, которые поглощали того же Василия Кесарийского, и не рассматривал языческую литературу и философию как первый конструктивный этап в достижении целей христианства. На Западе все чаще возникал вопрос выбора между Афинами и Иерусалимом, и Павлин отринул языческую философию ради последнего.

Хотя мы не можем утверждать, что он полностью отказался от античного наследия: его письма и стихи изобилуют классическими аллюзиями, а его эпистолография сама по себе является фактором, так или иначе способствующим

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Heinzelmann M.* Gallische Prosopographie 260–527 // *Francia — Forschungen zur westeuropäischen Geschichte.* 1982. Bd. 10. S. 531–718.

⁴¹ *Trout D.E.* Paulinus of Nola... P. 201.

⁴² *Martyrologium Romanum.* Vatican, 2001. P. 330. См. также: *Blasen Ph.H.* Nicetas of Remesiana, a missionary in Dacia and a Father of the Romanian Churches? Rereading Paulinus of Nola, Gennadius of Massilia and Ovid // *Studia UBB Theologia Catholica.* 2012. Vol. 57. No 1–2. P. 39–49.

сохранению классических традиций. Он интенсивно переписывался со старыми друзьями — Сульпицием Севером, Дельфином, Амандом, Виктрицием — и новыми знакомыми, в особенности с африканскими «слугами Господа» — Августинном и Алипием. Большинство его адресатов, будучи ревностными христианами и служителями Церкви, воспринимали переписку не только как средство общения, но и как возможность дискутировать по важным аспектам Писания; не покидая пределов своих провинций, ощутить единение с братьями по духу, ведь, как выразился сам Павлин: «Даже если мы физически разобщены землями, пролегающими между нами, мы соединены духом Господним, который наполняет всё и в котором мы живем и пребываем и, как члены одного тела, имеем одно сердце и одну душу в Едином Боге» (Ер. 18.1).

В то же время он оставался в прекрасных отношениях с членами римской сенаторской аристократии, такими как Мелания Младшая и Паммахий. Центром притяжения для этих людей, каждый из которых интересен сам по себе, стала Нола — место жизни и деятельности Павлина, небольшой городок в Западной Римской империи, не сравнимый по масштабам с более крупными, такими как Медиолан или Арль, не говоря уже о Риме. Но на фоне столицы, стремительно теряющей свое значение центра Ойкумены, сравнительно небольшие города, такие как Нола или Клермон, где церковное руководство осуществлял Сидоний Аполлинарий, становятся важными пунктами благодаря тем лицам, которые олицетворяли собой духовную власть в позднеантичном обществе. После смерти св. Павлина его мощи, почитаемые последователями Христа, превратили Нолу в место христианского паломничества.

Литовченко Елена Викторовна

Кандидат исторических наук
Доцент кафедры всеобщей истории
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ул. Студенческая 14, к. 4
308007 Белгородская обл., г. Белгород
Электронная почта: litovchenko@bsu.edu.ru

Elena LITOVCHENKO

LATE ANTIQUE EPISTOLOGRAPHY REVISITED: PAULINUS OF NOLA AND HIS ADDRESSEES

Abstract: The article considers the way of living and social contacts of Paulinus of Nola the representative of the upper stratum of the Late Antique society through the lens of his correspondence. The personalities of his addressees are analyzed with the aim of reconstructing the collective portrait of the Latin West intellectual elite in the 4th–5th centuries AD. Such Fathers of the Church as Ambrose of Milan, Jerome of Stridon, Augustine of Hippo are among Paulinus' like-minded persons. Sulpicius Severus, the well-known Christian historian, was a close friend of the Bishop of Nola. Paulinus' correspondence connected such regions of the Empire as Italy, Gaul, Africa, the Middle East, but the lion's share of his friends was from Gaul. Epistolography represented by the correspondence of Paulinus was one of the most important factors in preserving the spiritual, emotional and social ties in the Late Antique society.

Keywords: Late Antiquity, epistolography, Paulinus of Nola, letter collection.

Literature Cited

- Al'brekht, M. *Istoriya rimskoj literatury* [A History of Roman Literature]. Trans. by A.I. Lyubzhin. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina, 2005 (in Russian).
- Amherdt, D., ed. *Ausonius & Paulinus of Nola, Ausone et Paulin de Nole: Correspondance*. Bern: Peter Lang AG, 2004.
- Blasen, Ph.H. "Nicetas of Remesiana, a missionary in Dacia and a father of the Romanian churches? Rereading Paulinus of Nola, Gennadius of Massilia and Ovid". *Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia Catholica Latina* 1–2 (2012). P. 39–49.
- Conybeare, C. *Paulinus Noster Self and Symbols in the Letters of Paulinus of Nola*. Oxford, 2000.
- Dolveck, F., ed. *Paulinus Nolanus, Carmina*. (Corpus Christianorum. Series Latina, 21). Turnhout: Brepols Publishers, 2015.
- Drinkwater, J., and Elton, H., eds. *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge, 2002.
- Fabre, P. *Saint Paulin de Nole: et l'amitié chrétienne* [Saint Paulinus of Nola and Christian Friendship]. Paris: Éditions de Boccard, 1949.
- Frend, W.H.C. "Paulinus of Nola and the Last Century of the Western Empire." *The Journal of Roman Studies* 59, no. 1/2 (1969). P. 1–11.
- Green, R.P.H. *The Poetry of Paulinus of Nola. A Study of his Latinity*. Bruxelles: Latomus, 1971.
- Haarhoff, T. *Schools of Gaul: A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire*. Johannesburg: Witwatersrand University Press, 1958.

- Heinzelmann, M. "Gallische Prosopographie 260–527". *Francia — Forschungen zur westeuropäischen Geschichte* 10 (1982). P. 531–718.
- Hudson-Williams, A. "Notes On Paulinus of Nola, Carmina." *The Classical Quarterly* 27 (1977). P. 453–465.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., and Morris, J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Knight, G.R. "Friendship and erotics in the Late Antique verse-epistle: Ausonius to Paulinus revisited." *Rheinisches Museum für Philologie Neue Folge* 148, no. 3/4 (2005). P. 361–403.
- Korol, D. *Die frühchristlichen Wandmalereien aus den Grabbauten in Cimitile/Nola: zur Entstehung und Ikonographie alttestamentlicher Darstellungen*. Münster, 1987.
- Lañçon, B. "«Samso recrinito». Paulinus of Nola's Letter 23 as a Treatise of Christian Trichology." *Philologia Antiqua* 9 (2016). P. 57–63.
- Litovchenko, E.V. "The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity." *Tractus Aevorum. The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces. Online scholarly journal* 1, no. 2 (2014). P. 195–201.
- Martindale, J.R., Jones, A.H.M., and Morris, J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Martyrologium Romanum*. Vatican: Libreria Editrice Vaticana, 2001.
- Mathisen, R.W. "Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul." *Transactions of the American Philological Association* 111 (1981). P. 95–109.
- Mathisen, R.W. "The Ideology of Monastic and Aristocratic Community in Late Roman Gaul." *Polis* 6 (1994). P. 203–219.
- Mathisen, R.W. *People, Personal Expression, and Social Relations in Late Antiquity. Selected Latin Texts from Gaul and Western Europe*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003.
- Mathisen, R.W. *Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition*. Austin: University of Texas Press, 1993.
- Mathisen, R.W., and Shanzer, D., eds. *Society and Culture in Late Antique Gaul: Revisiting the Sources*. Aldershot; Burlington; Singapore; Sydney: Ashgate, 2001.
- McLynn, B.N. "Paulinus the Impenitent." *Journal of Early Christian Studies* 3, no. 4 (1995). P. 461–486.
- McLynn, B.N. "Poetic Creativity and Political Crisis in Early Fifth-Century Gaul." *Journal of Late Antiquity* 2, no. 1 (2009). P. 60–74.
- Mratschek, S. "Heiligenkult und gesellschaftliche Kontakte des Paulinus von Nola auf dem Apostelfest in Rom." In *Pietro e Paolo il loro rapporto con Roma nelle testimonianze antiche*. Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 2001. P. 261–275 (in German).
- Mratschek, S. "Paulinus of Nola and the Gradual Rise of Nola as a Center of Christian Hospitality." *Journal of Early Christian Studies* 9 (2001). P. 511–547.
- Mratschek, S. "Paulinus von Nola." In *Reallexikon für Antike und Christentum*, ed. by G. Schöllgen. Vol. 26. Stuttgart: Anton Hiersemann, 2015. P. 1147–1166.
- Mratschek, S. *Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen*. Göttingen: Vandenhoeck Ruprecht, 2002.
- Murphy, F.X. "Melania the Elder: A Biographical Note." *Traditio* 5 (1947). P. 59–77.
- Murphy, F.X. *Rufinus of Aquileia, his Life and Works*. Washington, DC: Catholic University of America Press, 1945 (Catholic University of America. Studies in Mediaeval History. New Series. Vol. 6).
- Paul, J. "Vie de saint Honorat." *Nice Historique* 493 (2006). P. 233–243.
- Perfilova, T.B. *Vysshee obrazovanie v Rimskoj imperii: kul'turologicheskij aspekt [Higher Education in Roman Empire: Culturological Aspect]*. Yaroslavl, 2004 (in Russian).
- Petrovskii, F.A. "Pavlin Nolanskii [Paulinus of Nola]." In *Pamiatniki srednevekovoi latinskoi literatury IV–VII vekov*, ed. by S.S. Averintsev and M.L. Gasparov. Moscow: Nasledie, 1998. P. 220–232 (in Russian).

- Santaniello, G., ed. *Le Lettere. Paolino di Nola. Testo latino con introduzione, traduzione italiana*. Vol. 1–2. Napoli; Roma: Libreria Editrice Redenzione, 1992
- Trout, D.E. *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley: University of California Press, 1999.
- Van Dam, R. *Leadership and Community in Late Antique Gaul*. Berkeley; London; Los Angeles: University of California Press, 1985.
- Walsh, P.G., transl. and annot. *Letters of St. Paulinus of Nola*. Vol. 1. New York: Paulist Press, 1966.
- Wood, I. “Continuity or Calamity: the Constraints of Literary Models. Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?” In *Cambridge Ancient History*, ed. by Av. Cameron, B. Ward-Perkins, and M. Whitby. Vol. XIV. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 416–437.

Elena LITOVCHENKO

Candidate of Science in History

Docent

Department of the World History

Belgorod State University

Studencheskaya str. 14/4

308007 Belgorodskaya obl., Belgorod

e-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

М.В. Грацианский

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИДЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ ПОСЛАНИЯ ПАПЫ ГЕЛАСИЯ I «FAMULI VESTRAE PIETATIS»

Аннотация: В статье исследуется исторический и идейный контекст знаменитого послания папы Геласия I (492–496), составленного в 494 г. и адресованного императору Анастасию I (491–517). Это послание (12-е, согласно изданию А. Тиля) известно своим пассажем «Duo quippe», в котором папа ведет речь о различии светской и духовной властей и соответствующих полномочиях императора и «священников». Послание является одним из фундаментальных «программных» документов папства раннего Средневековья, оказавшим существенное влияние на последующее развитие идеологии папского первенства. Как следствие, существует обширная историографическая традиция, связанная с его изучением. Основным ее свойством является, с одной стороны, акцент на изучении влияния послания Геласия на последующую историю развития папской идеологии, а с другой — изучение его вне контекста целого ряда современных ему папских документов сходного содержания, возникших в контексте тех же исторических событий (прежде всего, речь идет о т. н. «акакианской», или «феликианской», схизме) и содержащих те же или схожие тезисы. Тем самым в рамках данной статьи проводится анализ общеисторического, прежде всего политического, контекста, оказывавшего влияние на возникновение как отдельных документов, так и отдельных идей, которые вместе характеризуют воззрения римских пап второй половины V в. на отношения светской и духовной властей и в более узком смысле — пап и императоров. С учетом всех этих обстоятельств появление послания Геласия «Famuli vestrae pietatis» уже не выглядит изолированным или уникальным явлением ни с содержательной, ни с событийной точки зрения. Вместе с тем оно оказывается последним в ряду и тем самым венчает собой схожие по содержанию папские документы, отстаивающие радикальную точку зрения на прерогативы папской власти в ее отношениях с государственной властью эпохи падения Западной Римской империи.

Ключевые слова: famuli vestrae pietatis, duo quippe, auctoritas, potestas, 12-е послание Геласия I, папа Геласий I, папа Лев Великий, император Маркиан, император Зинон, император Анастасий I, папское первенство, феликианская схизма, акакианская схизма, царство и священство.

Вторая половина V в. была отмечена рядом конфликтов между папством и восточноримскими императорами. Первым эпизодом следует считать конфликт папы Льва I (440–461) с императором Маркианом (450–457) по поводу 28-го правила Халкидонского Собора, а второму, более масштабному конфликту положили начало события 482–484 гг., связанные с поставлением на александрийский патриарший престол Петра Монга (482–490). В ходе этих конфликтов папами была озвучена и обоснована идея о существовании в общественно-политической

системе Римской империи двух отдельных юрисдикций — «дела божественные» (res divinae) и «дела светские» (res saeculares), из которых первая была подчинена священникам, а вторая — императору. Как результат, в западно-христианском ареале было положено начало развитию концепции двух сущностно различных и борющихся за преобладание типов власти — царства и священства. Пройдя через несколько этапов осмысления и трансформации, эта концепция нашла свое полное выражение в период спора об инвеституре, слившись с теорией «двух мечей»¹, основанной на длительной традиции толкования некоторых новозаветных выражений².

Первым среди римских понтификов о различении двух властей (regia et sacerdotalis auctoritas) и двух сфер компетенции (res divinae et res saeculares) заговорил папа Лев Великий³. Между тем основополагающим текстом, содержащим данную концепцию, традиционно считается 12-е письмо папы Геласия (492–496) «Famuli vestrae pietatis», направленное императору Анастасию в 494 г.⁴, на основе которого эта концепция в основном и анализируется исследователями⁵. Зачастую именно

¹ Leclercq J. L'argument des deux glaives (*Luc* xxii, 38) dans les controverses politiques du moyen âge: Ses origines et son développement // *Recherches des sciences religieuses*. 1931. T. 21. No 1. P. 299–339; Caspar E. Geschichte des Papsttums. Bd. 2. Tübingen, 1933. S. 63–73, 753–758; Knabe L. Die gelasianische Zweigewaltenlehre bis zum Ende des Investiturstreits. B., 1936. S. 45–95; Ziegler A.K. Pope Gelasius I and His Teaching on the Relation of Church and State // *The Catholic Historical Review*. 1942. Vol. 27. P. 412–437; Arquillière H.-X. Origines de la théorie des deux glaives // *Studi Gregoriani*. 1947. Vol. 1. P. 501–521; Levison W. Die mittelalterliche Lehre von den beiden Schwertern // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1952. Bd. 9. S. 14–42; Hoffmann H. Die beiden Schwerter im hohen Mittelalter // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1964. Bd. 20. S. 78–114; Ullmann W. Der Grundsatz der Arbeitsteilung bei Gelasius I. // *Historisches Jahrbuch*. 1978. Bd. 97–98. S. 41–70; Benson R.L. The Gelasian Doctrine: Uses and Transformations // *La notion d'autorité au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule. Session des 23–26 octobre 1978* / Éd. par G. Makdisi, D. Sordel, J. Sordel-Thomine. Paris, 1982. P. 13–44; Markus R.A. The Latin Fathers // *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450* / Ed. by J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 93–122; Robinson I.S. Church and Papacy // *Ibid.* P. 252–305; Ottmann H. Geschichte des politischen Denkens. Von den Anfängen bei den Griechen bis auf unsere Zeit. Bd. 2. Teilbd. 2. Stuttgart, 2004. S. 44–69; Dyson R.W. Medieval Rulers and Political Ideology // *A Companion to the Medieval World* / Ed. by C. Lansing, Ed.D. English. L., 2009. P. 354–371; Ronzani R. La lettera «Famuli uestrae pietatis» di Gelasio di Roma all'imperatore Anastasio I (CPL 1667, Ep. 8) // *Augustinianum*. 2011. Vol. 51.2. P. 501–549 (здесь: P. 543–548).

² Ср.: Лк. 22:38; Эф. 6:14–17. Leclercq J. L'argument... P. 300–305; Ensslin W. Auctoritas und Potestas. Zur Zweigewaltenlehre des Papstes Gelasius I. // *Historisches Jahrbuch*. 1955. Bd. 74. S. 661–668 (здесь: S. 662–663); Caspary G.E. Politics and Exegesis: Origen and the Two Swords. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. P. 1–11, 182–192; Markus R.A. The Latin Fathers. P. 92–101; Field L.L. Liberty, Dominion, and the Two Swords: On the Origins of Western Political Theology (180–398). Notre Dame, IN, 1998 (нам недоступно).

³ См., к примеру: Leonis ep. 60 // PL. T. 54. Col. 874; Leonis ep. 104 // PL. T. 54. Col. 994. Специально на эту тему нами подготовлена статья: Грацианский М.В. Res divinae et res saeculares в восприятии папы Льва Великого. К предыстории возникновения «геласианской теории» // *Вестник древней истории*. 2020 (в печати). Там же приведена и соответствующая библиография.

⁴ Epistulae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S. Hilario usque ad Pelagium II // Recensuit et edidit A. Thiel. T. I: A S. Hilario usque ad S. Hormisdam, ann. 461–523. Brunnsbergae, 1868. Gelasii ep. 12. P. 349–358 (далее ссылки на послания пап Феликса III и Геласия I приводятся по этому изданию с указанием имени папы, номера послания и цитируемых страниц).

⁵ Ensslin W. Auctoritas und Potestas... S. 661: Kein anderer Satz aus den in stättlicher Zahl auf uns gekommenen Papstbriefen... hat im weiteren Geschichtsablauf für die Frage nach dem Verhältnis von Staat und Kirche ein solches Gewicht bekommen, wie der des Papstes Gelasius I. von den beiden

это послание и подразумевается при упоминании «геласианской теории» или «геласианской доктрины», причем зачастую авторы ограничиваются цитированием лишь первого предложения соответствующего пассажа, в котором Геласием приводятся термины *auctoritas* и *potestas*. Следует, однако, признать, что ни первый, ни второй подход не является полноценным. Во многих случаях исследователи придают посланию Геласия «вневременное» значение, поскольку в дальнейшем оно применялось в самых разных церковно-политических условиях на протяжении многих веков, когда исторический контекст его появления уже не представлялся важным. Другие же, хотя и ставят послание в контекст эпохи, обособляют его от целого ряда других папских документов, трактующих те же самые вопросы и появившихся в ходе тех же самых событий, что и 12-е послание Геласия⁶.

В настоящей работе мы ставим своей задачей воссоздать непосредственный исторический контекст появления и введения в церковно-политический дискурс римских пап тезисов о различии церковной и светской власти, характерных для 12-го послания Геласия, с учетом церковно-политической обстановки второй половины V в. и обстоятельств отношений римских епископов с римскими императорами в Константинополе в это время. С этой целью нами будет представлен в хронологическом порядке ряд папских документов, которые представляют собой содержательный контекст 12-го послания Геласия и на фоне которых это послание уже не выглядит, по нашему мнению, особенно новаторским.

Итак, впервые в истории отношений римской кафедры с государством тема различия между светской и духовной властью, а также мнение о нежелательности вмешательства императора в дела Церкви прозвучали из уст папы Льва Великого (440–461). Его жесткая позиция по вопросу 28-го правила Халкидонского Собора вызвала ощутимый кризис между Римской Церковью и Церквями Востока, разрешенный в 454 г. путем компромисса⁷.

В следующий раз мысли о соотношении светской и церковной властей находят свое выражение в папской риторике в связи с началом уже куда более серьезного раскола между Римской Церковью и Церквями Востока, инициированного папой Феликсом III (483–492) в 484 г. и завершившегося лишь в 519 г.⁸

Gewalten... Ср. также: *Benson R.L.* The Gelasian Doctrine... P. 14–22; *Cottrell A.* *Auctoritas and Potestas: A Reevaluation of the Correspondence of Gelasius I on Papal-Imperial Relations* // *Medieval Studies*. 1993. Vol. 53. P. 95–109; *Menache S.* The Gelasian Theory from a Communication Perspective: Development and Decline // *Revista de Historia*. 2012. Vol. 13. P. 57–76.

⁶ *Caspary G.E.* Politics and Exegesis... P. 182–192; *Benson R.L.* The Gelasian Doctrine... P. 22–37; *Ottmann H.* Geschichte des politischen Denkens. S. 44–69; *Dyson R.W.* Medieval Rulers... P. 354–371; *Ronzani R.* La lettera «Famuli uestrae pietatis»... P. 504.

⁷ *Jalland T.* The Life and Times of St. Leo the Great. L., 1941. P. 321–349; *Hofmann F.* Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519) // Das Konzil von Chalkedon / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. Bd. II. Würzburg, 1953. S. 13–94 (здесь: S. 15–35); *Frend W.H.C.* The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries. L., 1972. P. 143–155; *Грацианский М.В.* Папа Лев Великий и его толкование 6-го Никейского канона // Церковь в истории России. Сб. 11. К 70-летию Н.Н. Лисового. М., 2016. С. 159–175 (здесь: С. 163–166); *Боровой В., протопр.* Рим, Константинополь и христианский Восток в период «акакианской схизмы» (484–518 гг.). Минск, 2017. С. 178–236; *Грацианский М.В.* Борьба римского папы Льва Великого за церковное первенство в контексте восточных соборов и императорской церковной политики // ВВ. 2018. Т. 102. С. 46–70.

⁸ *Blaudeau Ph.* Motifs et structures de divisions ecclésiiales. Le schisme acacien (484–519) // *Annuaire de l'histoire des Conciliorum*. 2007. Bd. 39. P. 65–98; *Kötter J.-M.* Zwischen Kaisern und Aposteln. Das Akakianische Schisma (484–519) als kirchlicher Ordnungskonflikt der Spätantike. Stuttgart, 2013;

Аргументация Феликса, а затем и его преемника Геласия I, призванная оправдать действия «апостольского престола» в условиях острого внутривосточного конфликта на Востоке⁹, впервые коснулась не только специфического римского взгляда на роль и место «верховного понтифика» во «Вселенской Церкви» (*Ecclesia universalis*), но и его положения относительно римского императора, традиционно со времени Константина Великого (306–337) игравшего важную и во многом определяющую роль в жизни и развитии Церкви.

Поводом для выражения Феликсом своей позиции послужили следующие обстоятельства: римская кафедра открыто встала на сторону противников императора Зинона (474–475, 476–491), принадлежавших к лагерю мятежника Илла. По доносу врагов императора — нелегитимного патриарха Александрийского Иоанна Талайи и патриарха Антиохийского Календиона — 28 июля 484 г. папа Феликс провозгласил анафему важнейшему союзнику Зинона, патриарху Константинопольскому Акакию¹⁰. Формальным поводом для отлучения столичного предстоятеля послужил тот факт, что Акакий вступил в общение с Петром Монгом, признав легитимность вступления последнего на александрийскую патриаршую кафедру в 482 г.¹¹ Дабы подкрепить позицию Петра Монга в Александрии и, с другой стороны, предотвратить антихалкидонитские выступления в Египте, император направил Петру меморандум со своим изложением видения церковно-политической и ситуации, который впоследствии стал известен как «объединительное послание», или Энотикон (от греч. *ἐνωτικὸν*)¹².

В ситуации, когда значительная часть восточных иерархов-халкидонитов оказалась на стороне политических противников императора Зинона и поддерживавшего его Акакия Константинопольского, не удивительно, что последние при-

---

Ronzani R. La lettera «Famuli uestrae pietatis»... P. 513–523; Грацианский М.В. «Акакианская» или всё же «феликианская» схизма? Проблема обоснованности одного историографического клише // ВВ. 2016. Т. 100. С. 44–63.

⁹ Bury J.B. History of the Later Roman Empire. Vol. 1. L., 1931. P. 394–402; Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 8–10, 15–31; Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284–602. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 225–230; Kiel-Freytag A. Betrachtungen zur Usurpation des Illus und des Leontius (484–488 n. Chr.) // ZPE. 2010. Bd. 174. P. 291–301; Kosiński R. The Emperor Zeno. Religion and Politics. Cracow, 2010. P. 147–165; Грацианский М.В. Дело Иоанна Талайи и начало «акакианской схизмы» (484 г.) // ВВ. 2015. Т. 74. С. 31–46.

¹⁰ Felici ep. 6. P. 243–247.

¹¹ Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. P. 20–27; Frend W.H.C. The Rise... P. 143–183; Blaudeau Ph. Alexandrie et Constantinople (451–491). De l'histoire à la géo-ecclésiologie. Rome, 2006. P. 115–239; Грацианский М.В. Причины и обстоятельства начала «Акакианской» схизмы (484 г.) // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. IV. Сборник научных трудов к 50-летию профессора Н.Н. Болгова. Белгород, 2015. С. 188–200; Он же. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М., 2016. С. 63–69.

¹² См. о нем: Salaville S. L'affaire de l'Hénotique ou le premier schisme byzantin au Ve siècle // ÉO. 1918. T. 18. No 114. P. 255–265 (здесь: P. 255); Schwartz E. Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. Neue Folge. Heft 10. München, 1934. S. 198–200; Hofmann F. Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519) // Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. Bd. II: Entscheidung um Chalkedon. Würzburg, 1953. S. 42; Haacke R. Die kaiserliche Politik in den Auseinandersetzungen um Chalkedon (451–553) // Ibid. S. 117–124; Frend W.H.C. The Rise... P. 53; Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Bd. 2/1: Das Konzil von Chalkedon. Rezeption und Widerspruch (451–518). Freiburg; Basel; Wien, 1991. S. 285–289; Kötter J.-M. Zwischen Kaisern... S. 14, 64; Kosiński R. The Emperor Zeno. P. 222.

няли ряд мер по сближению с умеренными антихалкидонитскими кругами, широко представленными во всех без исключения Церквах Востока. Эта политика широкого компромисса с антихалкидонитами, начало которой было положено в 482 г., была продолжена и усилена при императоре Анастасии (491–518), что позволяет считать ее не ситуативным политическим компромиссом, а принципиальным стратегическим решением, основанным на определенном видении внутривосточных интересов Империи. Именно в таком церковно-политическом контексте следует рассматривать послание Феликса III императору Зинону, составленное 1 августа 484 г., в котором находит свое дальнейшее звучание тема противопоставления священнической власти царской¹³.

Тон этого послания нельзя назвать почтительным; более того, его вполне допустимо назвать дерзким¹⁴. Письмо начинается с отказа папы пространно разъяснить свою позицию по той причине, что истина для императора «достойна презрения» (*fastidio dignam... veritatem*). Далее следует фраза, которую можно воспринять даже как угрожающую: «Итак, отбросив формальности, признаюсь, что равным образом боюсь и за Ваше царство, и [за Ваше] здоровье»¹⁵. На основе даже этой фразы не трудно сделать предположение об уверенности Феликса в том, что дни Зиновия на престоле сочтены¹⁶.

Далее папа обвинил императора в том, что тот насильно задержал и удерживал в тюрьме папских посланников, совершив тем самым насилие над посольством «апостола Петра», чего, руководствуясь «правом народов» (*jure gentium*), не делают даже варвары. Поскольку находящийся под властью Одоакра Феликс заявляет, что отношение к его посольству должно регулироваться, так сказать, международным правом, то он представляет его как посольство внешней по отношению к императору силы, а не как представительство одного из подданных императора, состоящее из других его подданных. Своему посольству папа приписывает безусловно более высокий статус, чем посольству иных народов (*barbaras nationes*), ибо оно — «посольство блаженного Петра» (*beati Petri legatio*), прибывшее в Константинополь «по божественным делам» (*in rebus praesertim divinis*)¹⁷. Тем самым Феликс не только не скрывает своей политической нелояльности к императору, он ее настойчиво подчеркивает.

Переходя затем к сути разгоревшегося конфликта, Феликс в довольно оскорбительной форме ставит Зиновия перед выбором: общаться ли императору впредь с Петром-апостолом или с Петром Монгом¹⁸, — а далее переходит к описанию

¹³ Felicitas ep. 8. P. 247–250. См.: *Kissling W.* Das Verhältnis zwischen Sacerdotium und Imperium nach den Anschauungen der Päpste von Leo dem Großen bis Gelasius I. (440–496.). Paderborn, 1921. S. 108–114.

¹⁴ Ср. с традиционно «верноподданническим» тоном послания, написанного в 490 г. в ситуации, когда Зинон твердо держал власть в своих руках: Felicitas ep. 15. P. 270–273.

¹⁵ Felicitas ep. 8. P. 247: Itaque officiositate praemissa timere me fateor regno vestro pariter et salutem.

¹⁶ Хронологически анафема Феликса Акакию и составление письма Зинону совпадают с апогеем мятежа магистра Иллы против Зиновия: за считанные дни до этого, 19 июля 484 г., в Тарсе с подачи Иллы состоялось императорское венчание узурпатора Леонтия. См.: PLRE II. P. 671; *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. 2. P. 29. N. 1; *Броль Р.В., Кузенков П.В.* Астрология и политика в Византии V в. // ВВ. 2013. Т. 72 (97). С. 166–198; *Грацианский М.В.* Дело Иоанна Талайи... С. 41; *Боровой В.* Рим, Константинополь и христианский Восток... С. 217–218.

¹⁷ Felicitas ep. 8. P. 247–248.

¹⁸ Ibid. P. 248: «Посему, коль скоро Вы сочли мое увещание докучливым, я оставляю на Ваше усмотрение, следует ли кому-либо избрать общение с блаженным апостолом Петром или с Петром Монгом».

прегрешений последнего и законности бывшего против него ранее осуждения, вынесенного папой Симплицием (468–483) и патриархом Акакием¹⁹. Далее Феликс переходит к описанию вины самого Акакия Константинопольского, якобы вступившего в общение с «еретиком» (Монг — *ab haereticis institutus*), уже прежде им же самим осужденным. Тем самым «справедливое решение апостольской строгости... обрело его (Акакия. — *М.Г.*) участи тех, за кем он предпочел следовать, а также посредством законной строгости отделило его от общения и апостольского достоинства, которого он сам себя выказал недостойным, вступив в общение с теми, кто ему чужд»²⁰.

Непосредственно после этих слов Феликс переходит к рассуждению, которое является предметом нашего особого интереса. Приведем перевод соответствующего пассажа: «Я же полагаю, что твоему благочестию, которое даже своим законам предпочтет скорее покориться, чем воспротивиться, следует повиноваться небесным постановлениям (*coelestibus decretis*). Тогда оно поймет, что господство над делами человеческими (*humanarum rerum fastigium*) вручено ему таким образом, чтобы оно уже не сомневалось в том, что божественное следует воспринимать через распорядителей, приставленных божеством (*per dispensatores divinitus attributos*). Я полагаю, что вне всякого сомнения будет Вам на пользу, если во время Вашего правления (*principatus*) Вы предоставите кафолической Церкви пользоваться своими законами (*legibus suis*), не позволяя никому нарушать ее свободу, ибо она вернула Вам царство. Ведь точно, что для Ваших дел будет спасительно, если тогда, когда речь идет о делах Бога, Вы, согласно Его установлению, царскую волю (*regiam voluntatem*) потрудитесь подчинять священникам Христа (*sacerdotibus Christi*), а не ставить ее впереди; через их предстоятелей изучать священное (*sacrosancta*), а не наставлять [их]; следовать уставу Церкви (*Ecclesiae formam*), а не ставить впереди него законодательство, которому следует повиноваться по человечеству (*humanitus sequenda jura*); и не желать господствовать над ее постановлениями (*ejus sanctionibus velle dominari*), перед которыми по воле Бога твоему милосердию надлежит благоговейно и благочестиво преклонять шею, дабы мера небесного расположения (*coelestis dispositionis*) не была превышена (*exceditur*) и дело не дошло до оскорбления Устроителя (*contumeliam disponentis*)»²¹.

Таким образом, Феликс объявляет императору о своем единолично принятом решении осудить Акакия Константинопольского и посредством пространного рассуждения о повиновении императора священникам, имеющего общетеоретическое значение, призывает императора признать его.

Феликс не имел возможности обвинить императора в приказном воздействии на дела Церкви: папы в лице Феликса и его ближайших преемников избегали упоминать Энотикон, а вину за нежелательное для них развитие событий на Востоке по преимуществу возлагали на константинопольских первоиерархов. Тем

пом Александрийским» (*Unde quoniam adhortationem meam duxistis onerosam, in vestro relinquo deliberationis arbitrio, utrum beati apostoli Petri an Alexandrini Petri cuiquam sit eligenda communio*).

¹⁹ Felix ep. 8. P. 248.

²⁰ Ibid. P. 249: *eorum, quos sequi maluit, portioni districtiois apostolicae per Tutum Romanae ecclesiae defensorem justa deputavit auctoritas, atque a communione et dignitate apostolica, qua se ipse ejus externis sociando monstravit indignum, legitima severitate discrevit.*

²¹ Ibid. P. 249–250.

не менее опосредованное, но от того не менее мощное влияние императоров вынуждало римского понтифика, ведомого собственными мотивами, решительно реагировать.

В послании Феликса без труда можно различить предпринятые императором меры, которые вызвали у папы неудовольствие. Прежде всего, косвенной критике подвергается Энотикон. Этот документ являлся на тот момент достаточно редким явлением: фактически впервые устами императора провозглашалась некая норма, касавшаяся как вероучения, так и отношения к постановлениям Вселенских соборов, а от церковных иерархов требовалось привести свою позицию в соответствие с этой нормой. И хотя этот документ не имел законодательной силы, будучи всего лишь «адресом» (греч. *προςφώνησις*) императора²², его церковно-политическое значение сохранялось в течение долгого времени даже после того, как в 519 г. порожденная им церковно-политическая практика официально прекратилась.

Именно обстоятельство издания Энотикона имеет в виду Феликс, говоря о том, что Зинон поставил «царскую волю» выше воли священников, а также взялся «наставлять» последних, вместо того чтобы подчиниться им. Также для описания Энотикона хорошо подходит употребленное Феликсом выражение *humanitus sequenda iura*, которое мы переводим как «законодательство, которому следует повиноваться по человечеству». Слово *jus* использовано Феликсом в данном случае намеренно и наилучшим образом отражает двусмысленный характер изданного императором Энотикона, который явным образом не попадал в категорию *leges*, поскольку не имел распорядительной формы эдикта или императорской конституции. Тем не менее отрицать за Энотиконом важное нормативное значение было бы неправильно, и тем самым расплывчатый в данном случае термин *jus* был употреблен Феликсом вполне уместно.

Новаторским и решительным предстает тезис Феликса об особых прерогативах священников²³, являющихся «распорядителями» (или даже «распределителями» — *dispensatores*) всего божественного. Именно они представляют Церковь и вырабатывают законы, по которым она живет. Утверждение Феликса о том, что Церковь имеет свои «законы» (*leges*), ставит ее представителей на один уровень с императором, поскольку законотворчество считалось безраздельной прерогативой последнего. Правда, в отличие от императорских законов, которым следует подчиняться «по человечеству», церковные представляют собой «небесные постановления», пренебрежение которыми приравнивается к оскорблению даже не священников, а самого Бога: по мысли Феликса, Дух Божий проявляет себя именно в решениях священников²⁴.

Следует отметить, что из категории священников, транслирующих «небесные постановления», Феликс самостоятельно исключает Акакия Константинопольского, который, находясь в общении практически со всеми поместными Церквами и их законными предстоятелями, неожиданно для себя оказался в конфликте

²² См. текст Энотикона: *The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia* / Ed. by J. Bidez, L. Parmentier. L., 1898. III.14. P. 111.1–114.5 (далее: *Evagr.*).

²³ Под этим словом традиционно для латинского христианского словоупотребления имеются в виду епископы.

²⁴ Тем самым Феликс умаляет и авторитет Вселенского собора как института, в котором наряду с епископами от имени римского народа равноправно принимали участие сенаторы, императорские чиновники и сами императоры, дававшие юридическую силу соборным постановлениям.

с римским папой. Нетрудно предположить, таким образом, что, по мнению Феликса, в роли транслятора «божественного» от имени священников должен был выступать именно папа. Единоличное решение по «делу» Акакия Константинопольского²⁵, принятое Феликсом в духе идеологических установок папы Льва I²⁶, как раз об этом и свидетельствовало. Таким образом, Феликс вводит между императором и Богом прослойку священников, олицетворяемых папой римским, через которого императору и «следует воспринимать» (*percipienda*) божественное²⁷.

Исследователями признается, что послания Феликса, в которых формулировалась позиция римского престола по отношению к Востоку, возникли под прямым влиянием Геласия, который при Феликсе был диаконом Римской Церкви и папским секретарем²⁸. Это наблюдение вполне согласуется с тем фактом, что в период собственного pontifikата Геласий развил и усилил аргументы, которыми пользовался Феликс III, инициируя раскол между Римом и Константинополем в 484 г. К концу pontifikата Феликса ситуация уже выглядела как раскол между Римом и Востоком, поскольку с Константинополем в 485 г. солидаризировались и остальные крупнейшие Церкви Востока²⁹. Тем не менее, несмотря на определенное смягчение папской риторики в отношении Константинополя к концу pontifikата Феликса, положение не только не изменилось, но даже существенно обострилось в результате кризиса 489 г.

Политика компромисса между про- и антихалкидонскими группами, проводимая императором Зиноном с 482 г., когда им был составлен Энотикон, в 489 г. начала терпеть крах на той территории, замирить которую в социальном и церковно-политическом отношении она была призвана, а именно в Египте. Широкие круги египетского клира и монашества были настроены антихалкидонски, причем прохалкидонская партия, скомпрометировавшая себя вовлеченностью в мятеж Илла, утратила сколь-нибудь заметное влияние. При отсутствии противовеса в лице халкидонитов радикальные антихалкидонские круги стали оказывать сильное давление на александрийского патриарха Петра Монга (482–490) с це-

²⁵ На Востоке упрекали папу в том, что его решение было принято не соборно, а единолично. Его преемник Геласий в ответ начал продвигать ту мысль, что для осуждения Акакия особого собора не требовалось: *Грацианский М.В.* «Secundum Calchedonensem synodum haec ab apostolica sede gesta»: Папа Геласий I и «ересь» Акакия Константинопольского // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2016. С. 62–74.

²⁶ Cp. Leonis ep. 5 // PL. T. 54. Col. 615 (per omnes Ecclesias cura nostra distenditur); ep. 12. Col. 646 (pro sollicitudine quam universae Ecclesiae ex divina institutione dependimus); ep. 16. Col. 695 (Divinis praeceptis et apostolicis monitis incitatur ut pro omnium Ecclesiarum statu impigro vigilemus affectu); ep. 85. Col. 923–924 (horum si satisfactio talis accedit quae non refutanda videatur, maturioribus apostolicae sedis consiliis reservetur, ut examinatis omnibus atque perpensis, de ipsis eorum actionibus quid constitui debeat aestimetur).

²⁷ Cp.: *Ullmann W.* Der Grundsatz der Arbeitsteilung... S. 59–61.

²⁸ *Koch H.* Gelasius im kirchenpolitischen Dienste seiner Vorgänger, der Päpste Simplicius (468–483) und Felix III. (483–492): ein Beitrag zur Sprache des Papstes Gelasius I. (492–496) und früherer Papstbriefe // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. Jahrgang 193. Heft 6. Vorgelegt von E. Schwartz am 10. November 1934. München, 1935. S. 3–4, 59–65; *Ullmann W.* Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. Stuttgart, 1981. S. 116–127.

²⁹ *Theophanes Confessor.* Chronographia / Ed. K. de Boor. Leipzig, 1883. P. 133.39–134.19. (Далее: Theoph.); *Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta* / Interpretatus est E.W. Brooks // CSCO. Vol. 87. SS. T. 41. Versio. Lovanii, 1924. Lib. V. Cap IX. P. 160.31–161.13; Evagr. III, 16–17. P. 114–115.

лю побудить последнего к открытому осуждению Халкидонского собора и тем самым разрушить хрупкое церковно-политическое равновесие на Востоке³⁰.

В тот же самый период император Зинон приступает к ликвидации опасности, которая исходила от контролировавшего с 476 г. Италию Одоакра. Одоакр поддерживал тесные связи с представителями восточной знати, в свою очередь связанной с бывшей Западной империей и противостоящей императору Зинону, в том числе и с теми, кто непосредственно выступил на стороне мятежника Илла³¹. Уже в 486 г., предвзяв возможные враждебные действия Одоакра, Зинон завязывает отношения с королем остроготов из династии Амалов Теодорихом, с тем чтобы подвигнуть последнего начать поход в Италию, а также побуждает короля ругов выступить против Одоакра³².

Если выступление ругов закончилось для последних катастрофой, то предпринятый остроготами осенью 488 г. поход увенчался успехом³³. Вторгнувшись в Италию в августе 489 г., Теодорих в течение последующего года одержал три победы над Одоакром, последняя из которых, на р. Адде 11 августа 490 г., оказалась решающей. Именно после этой победы Одоакр оказался блокирован в Равенне, а римский сенат фактически признал власть Теодориха над всей Италией, вверил ему оборону последней и согласился от его имени вступить в сношения с Константинополем³⁴.

Для характеристики папской позиции в этот период важным является сохранившееся под именем Геласия сочинение, составление которого относится к неопределенному времени до начала 490 г., под названием «*Exemplum rationis reddendae beati Gelasii papae de evitanda communione Acacii*»³⁵. Издатели относят время его составления к 488–489 гг. на том основании, что его конфронтационный стиль должен скорее относиться ко времени жизни Акакия Константинопольского. Кроме того, исходя из некоторых выражений, можно уверенно предположить³⁶, что во время составления документа Акакий бы еще жив и тем самым он был написан до ноября 489 г.

³⁰ Schwartz E. *Publizistische Sammlungen...* S. 117–124; Frend W.H.C. *The Rise...* P. 177–183; Grillmeier A. *Jesus der Christus im Glauben der Kirche*. Bd. 2/4. Freiburg; Basel; Wien, 1990. S. 7–52; Blaudeau Ph. *Alexandrie et Constantinople...* P. 581–617; Kosiński R. *The Emperor Zeno*. P. 135–188; Blaudeau Ph. *L'élection d'archevêques diphysites au trône alexandrin (451–482): une désignation artificielle et contrainte?* // *Episcopal Elections in Late Antiquity* / Ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen, Sh.W.J. Keough, C. Nicolaye. Göttingen, 2011. P. 89–107.

³¹ Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. T. 2. P. 8–54.

³² Bury J.B. *History of the Later Roman Empire*. P. 411–422; Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. T. 2. P. 39–41, 52–54.

³³ Moorhead J. *Theoderic, Zeno and Odovacer* // *BZ*. 1984. Bd. 77. P. 261–266.

³⁴ В 490 г. в столицу из Рима направилось посольство во главе с главой сената (prior senatus) Фестом, основной задачей которого были переговоры о признании нового статуса Теодориха как владетеля Италии. См.: Hartmann L.M. *Geschichte Italiens im Mittelalter*. Bd. 1. Gotha, 1897. S. 51–78; Bury J.B. *History of the Later Roman Empire*. Vol. 1. P. 422–428; Stein E. *Histoire du Bas-Empire*. T. 2. P. 54–58, 107–156; Jones A.H.M. *The Later Roman Empire*. P. 246–247; Prostko-Prostynski J. *Utraeque Res Publicae: The Emperor Anastasius' I Gothic Policy (491–518)*. Poznan, 1994 (нам недоступно); Meier M. *Anastasios I. Die Entstehung des Byzantinischen Reiches*. Stuttgart, 2009. S. 92–102; Heydemann G. *The Ostrogothic Kingdom: Ideologies and Transitions* // *A Companion to Ostrogothic Italy* / Ed. by J.J. Arnold, M. Shane Bjornlie, K. Sessa. Leiden; Boston, 2016. P. 17–46.

³⁵ Gelasii ep. 1. P. 287–311. Об авторстве документа см.: *Epistulae pontificum Romanorum...* P. 21–24; *Regesta pontificum Romanorum* / Ed. Ph. Jaffé. T. 1. Lipsiae, 1885. No 611. P. 82.

³⁶ Gelasii ep. 1. P. 299: Cum Acacio enim nobis fuit prisca communio; haec ut servaretur illaesa, per

Документ содержит полемику с некими неустановленными «греками» и, следовательно, предназначался для отправки на Восток³⁷. Текст этот представляет собой пространное, по пунктам, опровержение позиции «греков». В частности, он содержит пассаж, который характеризует восприятие папами роли императора в церковных вопросах и при этом вполне находится в русле аналогичных высказываний Льва, Феликса и Геласия, однако имеет ту особенность, что сформулирован кратко и емко.

Возражая «грекам», указывавшим на ведущую роль императора в деле оправдания Петра Монга, Геласий весьма резко высказывает то мнение, что император не правомочен совершать подобные действия. Прежде всего, им подчеркивается, что Петр Монг не был принят в общение «согласно церковным правилам» (*ecclesiasticis regulis*). На утверждение «греков» о том, что император был «православен» (*catholicus*) и потому действия его на церковном поприще законны, автор заявлял, что последний является «сыном Церкви, а не предстоятелем» (*filius est, non praesul Ecclesiae*), и в том, что касается Церкви, «ему подобает учиться, а не учить» (*discere ei convenit, non docere*).

Далее говорилось: «У него есть привилегии собственной власти, которым он по божественной воле (*divinitus*) следует при управлении государственными делами (*publicis rebus*); да не присвоит он себе ничего вопреки распоряжениям небесного чина (*contra dispositionem coelestis ordinis*), оказавшись неблагодарным по отношению к Его благодеяниям. Ведь Бог захотел, чтобы то, в чем Церкви следует распоряжаться (*quae Ecclesiae disponenda sunt*), относилось (*pertinere*) к священникам, а не к мирским властям, каковые, если являются правоверными (*fideles*), согласно Его воле, должны подчиняться своей Церкви и священникам. Да не присваивает себе он (т. е. император. — *М.Г.*) чужих прав (*alienum jus*) и служения (*ministerium*), которое доверено другому (*alteri*), чтобы вдруг не устремиться против Того, кем установлено всё, и не оказаться сражающимся с благодеяниями Того, от кого он получил собственную власть. Всемогущий Бог возжелал, чтобы не государственными законами (*legibus publicis*) и не мирскими властями (*a potestatibus saeculi*), а понтификами и священниками поставлялись господа и священники христианской религии (*Christianae religionis dominos et sacerdotes ordinari*), а также судились и принимались те, кто возвращается от заблуждения. Христианские императоры должны подчинять свои решения (*subdere debent executiones suas*) церковным предстоятелям, а не ставить впереди (*praeferre*)»³⁸.

В процитированном нами пассаже следует отметить несколько важных аспектов. Прежде всего, следует подчеркнуть, что как он, так и весь документ в целом составлен в конфронтационном духе, характерном для периода начиная с 484 г., отмеченного «феликианским расколом» и восстанием Илла против Зинона. Общие положения, а также отдельные словесные формулировки идентичны разобранному выше 8-му посланию Феликса. Между тем фразеология представ-

---

quinquennium fere monuimus... Отсюда наиболее вероятным *terminus ante quem* для составления данного документа является 28 июля 489 г., когда должны были истечь пять лет с начала «феликианской» схизмы.

³⁷ Ближайшим поводом озвучить содержащиеся в документе пункты как на высшем уровне, в общении с императором и патриархом, так и на уровне кулуарных дискуссий в Константинополе был обмен посланиями, имевший место в начале 490 г. в связи с восшествием на патриарший престол в столице в ноябре 489 г. Фравиты.

³⁸ Gelasii ep. I. P. 292–293. Ср.: Ullmann W. Der Grundsatz der Arbeitsteilung... S. 59–61.

ляется более «программной». Фактически именно здесь впервые не просто заявлено о существовании некой иной по своей природе «духовной» власти, а говорится о том, что она подчиняется иной правовой системе (*jus*³⁹), более высокой по отношению к государственному праву, поскольку она имеет «небесное» происхождение и реализует «волю Божию». Эта система представляет собой некий неопределенный круг компетенций, описанный как «*dispositio coelestis ordinis*», и является исключительной прерогативой «священников». Тем самым делается попытка полностью вывести духовных лиц из светской юрисдикции именно на основании того, что для них действует особое «право».

Далее, соотношение светских и церковных властей четко обозначается как подчинение первых последним. От светских властей, включая императора, требуется самостоятельно следить за соответствием своих действий критериям церковного права. Даже более того, можно сделать вывод, что все административные действия (*exsecutiones*) «исполнительной» власти должны подчиняться и согласовываться с духовной. При этом в рассуждениях папы отсутствует имеющаяся во всех сходных текстах оговорка, что данная ситуация касается лишь дел духовных. Тем самым можно сделать вывод, что Геласий как наиболее вероятный автор этого документа считал, что духовные лица должны быть полностью выведены из светской юрисдикции⁴⁰.

Впрочем, судить, что относится, а что не относится к делам духовным, составитель документа оставлял за римским епископом. Это подтверждается высказыванием Геласия, содержащимся в другом документе: «Что касается религии, согласно канонам, апостольскому престолу принадлежит полнота всякого суда. А что касается светской власти, то о том, что есть божественное, она не сама должна судить, а от священников узнавать, особенно же от викария блаженного Петра. И да не притязает на это никто, даже самый могущественный мирянин, хотя бы он и был христианином, если только он вдруг не собирается воздвигнуть гонение на религию»⁴¹.

³⁹ Слово *jus* звучит даже более сильно, чем упомянутые Феликсом в 8-м послании *leges*. Такой подход можно характеризовать как попытку запретить императору законодательствовать в церковной сфере.

⁴⁰ Это наблюдение подтверждается анализом позиции Геласия в деле многочисленных епископов антиохийского патриархата, которые были изгнаны со своих кафедр Зином за поддержку мятежника Илла (*Theoph. P. 134.1–4: τρωάσει μὲν τῆς πρὸς τοὺς τυράννους εὐνοίας*). Несмотря на очевидно политический характер этого дела, находящегося в безраздельной компетенции императора, Геласий утверждает, что Зинон не имел права низлагать епископов без согласия Церкви и соответствующих церковных процедур: *Gelasii ep. 26. P. 410 (catholicis sacerdotibus propria sede depulsis... Cur tunc non venit in mentem, ut in talibus causis peteretur a principe saltem qualiscunque synodus celebranda...?)*; *ep. 27. P. 430 (Si crimine respersi erant aliquo, ecclesiastica debuit examinatione cognosci)*. Геласий настаивает на приоритете решений Церкви по отношению к решениям гражданских инстанций, говоря, что «пontiфики» вовсе не находятся в подчинении светских законов (*non esse humanarum legum de talibus ferre sententiam*). Хотя «христианские принципы должны следовать постановлениям Церкви, а не ставить впереди свою власть; склонять голову перед епископами (*episcopis caput subdere*), а не судить о головах последних (*non de eorum capitibus judicare*)», восточные епископы оказались низложены «усмотрением светской власти» (*saecularis potestatis arbitrio*). Ср.: *Gelasii ep. 27. P. 430; Kissling W. Das Verhältnis... S. 136–137.*

⁴¹ *Gelasii ep. 10. P. 347: Si quantum ad religionem pertinet, non nisi apostolicae sedi juxta canones debetur summa judicii totius; si quantum ad saeculi potestatem, illa a pontificibus et praecipue a beati Petri vicario debet cognoscere, quae divina sunt, non ipsa eadem judicare. Nec sibi hoc quisquam potentissimus saeculi, qui tamen Christianus est, vindicare praesumit, nisi religionem forsitan persequens.*

Чрезвычайно важным притязанием, высказанным в данном документе, является право «священников» поставлять (ordinate) «господ и священников христианской религии». Эту фразу необходимо понимать так, что уже в конце V в. папство претендует на то, чтобы поставлять светских владык⁴² точно так же, как им поставлялись (рукополагались, по восточной терминологии) «священники».

В 489 г. император Зинон предпринял меры к общественному и церковному умиротворению Египта: в Александрию был отправлен новый августал с войсками и приказом императора изгонять из своих мест тех, кто не вступит в общение с патриархом Александрийским⁴³. В это же время, в ноябре 489 г., умирает главный союзник императора и соавтор его церковной политики Акакий Константинопольский. Восшествие на константинопольскую кафедру нового патриарха Фравиты (489–490)⁴⁴, а после его скорой кончины — Евфимия (490–496)⁴⁵ дало Константинополю формальный повод в условиях начала готского вторжения в Италию узнать о настроениях папы Феликса и попытаться возобновить отношения с римским епископом, прерванные не по инициативе константинопольской кафедры. При этом выяснилось, что Феликс, по наущению Одоакра активно принявший участие в борьбе против Зинона и, со своей стороны, старавшийся дестабилизировать положение в столице через мобилизацию противников патриарха Акакия Константинопольского, находился в русле прежней политики⁴⁶.

Синодика Фравиты не сохранилась, однако ответ на нее Феликса имеется⁴⁷. Из него становится ясным, что в столице официально не признавали наличия раскола между римской и константинопольской Церквями, поскольку посланцы патриарха даже не поднимали вопрос о восстановлении общения и не признавали наличия проблем, из-за которых Римская Церковь пошла на разрыв отношений с Востоком⁴⁸. Между тем позиция папы осталась неизменной: он отказался восстановить общение с константинопольским предстоятелем, о чем уведомил также императора⁴⁹.

Письмо Феликса императору Зинону представляет значительный интерес, поскольку, во-первых, можно допустить, что диакон и будущий папа Геласий был его автором, а во-вторых, его содержание имеет для характеристики видения папами различия природ светской и духовной власти едва ли меньшее значение, чем гораздо более известное в этом отношении «*Famuli vestrae pietatis*».

⁴² Прежде всего, конечно, императора, к которому по преимуществу прилагался титул *dominus*.

⁴³ Zachar. Lib. VI. Cap. II–IV. P. 2–6; Evagr. III.22. P. 120–121.

⁴⁴ Занимал кафедру примерно три месяца зимой 489–490 гг.

⁴⁵ См. о нем: *Schwartz E.* *Publizistische Sammlungen...* S. 211–215; *Stein E.* *Histoire du Bas-Empire*. T. 2. P. 37–39, 165–171; *Hofmann F.* *Der Kampf der Päpste...* S. 49–51; *Kosiński R.* *Euphemios, Patriarch of Constantinople in the Years 490–496* // *JÖB*. 2012. Bd. 62. P. 57–79.

⁴⁶ *Felices ep.* 11–12. P. 252–259. См.: *Kissling W.* *Das Verhältnis...* S. 114–122.

⁴⁷ *Felices ep.* 14. P. 266–269. См.: *Grumel V.* *Les registes des actes du patriarcat de Constantinople*. T. I. Fasc. I. *Kadiköy-Istanbul*, 1932. No 173. P. 73; *Regesta pontificum Romanorum*. No 613. P. 82.

⁴⁸ *Felices ep.* 14. P. 267.2.

⁴⁹ *Felices ep.* 15. P. 270–273. Следует отметить, что несмотря на содержащийся в письме императору фактический отказ восстановить общение с его ставленником Фравитой, сам тон его выдержан в традиционных «верноподданических» выражениях и тем самым резко контрастирует с дерзким и высокомерным тоном анализируемого выше послания Феликса к Зинону (*Felices ep.* 8), написанного в то время, когда Феликс, по-видимому, был уверен в неизбежном свержении своего адресата.

Прежде всего, в своем письме Феликс признает естественным тот факт, что императору принадлежит ведущая роль в избрании константинопольского патриарха⁵⁰. С сожалением отмечая, что, несмотря на очевидные личные достоинства вновь избранного патриарха и его православие, Рим не может вступить с ним в общение без формального осуждения с его стороны Акакия и Петра Монга, Феликс далее выдвигает ряд важных положений. Применительно к возможной реабилитации и утверждению в сане Петра Монга, которых тот фактически достиг в силу императорского решения, Феликс заявляет: «Высший промысл предоставил возможность положенным порядком отпускать проступки смертных в отношении совести исключительно своим понтификам»⁵¹. Тем самым папа обозначил, что в силу этого, а также в силу своего положения «викария блаженного Петра» он имеет достаточно власти, чтобы требовать отмены решения императора в деле Петра Монга⁵².

Изменить политику Церкви Константинополя, по мнению папы, должен был сам Зинон: именно к нему обращены соответствующие увещевания Феликса, призывающего императора порадеть «о спокойствии священных дел» (*pro sacrarum tranquillitate rerum*). В этом случае после восстановления общения Феликс предвидит, что «оба [Рима] станут [придерживаться] той единой веры римлян, которую, как свидетельствуют, проповедовал по всему миру апостол Павел и которая неразделенной процветала при наших предках». Ради этой цели папе «не стыдно, особенно в таком деле, склониться перед императорскими обязанностями»⁵³.

Из этих слов очевидно, что папа не считает патриарха Константинопольского договороспособной фигурой: надежды на восстановление общения он возлагает целиком на императора⁵⁴. Залогом (*pro mutuo pignore*) единства Церквей он видит союз императора и папы как «главы» «вселенской Церкви» (*Ecclesiae universalis*)⁵⁵ и недвусмысленно допускает возможность и даже необходимость императорских решений в делах, которые он называет «священными», а папа Лев называл «божественными».

Приходится констатировать, что радикальная смена тональности от 8-го к 15-му посланию папы Феликса не привела к такой же смене восточной церков-

⁵⁰ Felicis ep. 15. P. 270: *talem studeretis praefici Constantinopolitanis antistitem...*

⁵¹ Ibid. P. 271–272: *quoniam delicta mortalium secundum conscientiam relaxandi non nisi pontificibus suis ordine competenti superna dederit dispensatio facultatem.*

⁵² Ibid. P. 272: *Haec ego, reverentissime princeps, beati Petri qualiscunque vicarius, non auctoritate velut apostolicae potestatis extorqueo, sed tamquam sollicitus pater...*

⁵³ Ibid.: *Hoc enim hoc expedit, ut si utraque Roma pro mutuo pignore nuncupatur, fiat utraque una fides illa Romanorum, quam per universum mundum praedicari beatus Paulus testatur apostolus, sicut apud nostros floruit indiscreta majores; et quae genere concordat ac nomine, non sit religione divisa, per quam etiam discrepantia copulantur. ... Nec enim piget, in tali maxime causa, imperialibus officiis inclinari...*

⁵⁴ Задачей патриарха Константинопольского является только воздействие на императора в этом смысле: Felicis ep. 14. P. 269 (*et dominum filium nostrum gloriosissimum principem conjugemque ejus, adjuncta tecum mea prece, non desinas suppliciter exorare*).

⁵⁵ Папа отрицал возможность для Александрийской Церкви самой решить вопрос о православии ее предстоятеля Петра Монга. Одновременно в Риме не считали данный вопрос относящимся и к компетенции Вселенского собора. См.: *Ullmann W. Gelasius I. S. 178–188; Грацианский М.В. Папа Геласий I (492–496) и его экклезиологические воззрения // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып. 3 (65). С. 25–41.*

ной политики. Более того, после смерти в 490 г. Петра Монга его преемники на александрийской кафедре заняли куда более жесткую позицию в отношении Халкидонского собора, так что вопрос о восстановлении их общения с Римом уже не вставал. С другой стороны, сменивший на константинопольской кафедре рано умершего Фравиту Евфимий ввиду чрезмерных требований Рима не имел возможности восстановить общение Церквей, хотя между ним и папами Феликсом, а потом Геласием по этому вопросу велась переписка⁵⁶.

Геласий вступил на папский престол 1 марта 492 г.⁵⁷, в то время, когда Одоакр после нескольких поражений от готов Теодориха был блокирован в Равенне и его положение было отчаянным. В этих условиях церковно-политическая позиция Геласия, неразрывно связанная с обстоятельствами заговора и мятежа против Зинона в 481–485 гг., по-видимому, уже не имела перспективы⁵⁸.

К моменту вступления на папский престол Геласия в Константинополе уже правил император Анастасий (491–518). Первые годы его правления были ознаменованы важными событиями в отношениях Константинополя с Италией. Режим Одоакра был ликвидирован остроготами уже в первый год правления Анастасия⁵⁹, и Теодориху пришлось обсуждать свой новый статус правителя Италии с ним, а не с отправившим его Зиномом.

Еще осаждая Одоакра в Равенне, Теодорих в сентябре 492 г. направляет новое посольство в Константинополь, на этот раз во главе с магистром официй Флавием Аницием Пробом Фаустом⁶⁰. Последний вернулся в Рим в 494 г., достигнув с императором определенных договоренностей⁶¹. Очевидным образом отправление посольства в Константинополь не было связано с делами церковными, однако из источников явствует, что о них речь тоже шла. Посольство Фауста не имело для императора никаких писем от папы, и тем самым в его задачу не входило официально представлять в столице Римскую Церковь, что было совершенно естественным ввиду чисто светского характера посольства.

Тем не менее — вероятно, в кулуарах — членам посольства приходилось вести разговоры об обстоятельствах схизмы и о позиции римского епископа, поскольку последняя была важной частью более обширной проблемы, обусло-

⁵⁶ Grumel V. Les registres des actes... P. 132–136; Ronzani R. La lettera «Famuli uestrae pietatis»... P. 520–523; Kosiński R. Euphemios... P. 60–61. No 16.

⁵⁷ Liber pontificalis / Ed. L. Duchesne. T. 1. Paris, 1886. P. 255–257. См.: Sotinel C. Gélase Ier // Dictionnaire historique de la papauté / Sous la direction de Ph. Levillain. Paris, 1994. P. 720–723 (здесь: P. 720).

⁵⁸ О положении Геласия и Римской Церкви при остготах см.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. P. 111–142; Ullmann W. Gelasius I. S. 217–226; Noble T.F.X. Theodoric the Great and the Papacy // Teoderico il Grande e i Goti d'Italia. Atti del XIII congresso internazionale di studi sull'alto medioevo (Milano, 1990). Spoleto, 1993. P. 395–429; Pietri Ch. Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric // Christiana respublica. Éléments d'une enquête sur le christianisme antique. Rome, 1997. P. 1007–1057; Lizzi Testa R. The Roman Church and Its Bishops // A Companion to Ostrogothic Italy / Ed. by J.J. Arnold, M. Shane Bjornlie, K. Sessa. Leiden; Boston, 2016. P. 426–450; Eadem. Bishops, Ecclesiastical Institutions, and the Ostrogothic Regime // Ibid. P. 451–479.

⁵⁹ Решение было принято еще при Зиноне в 488 г.: Moorhead J. Theoderic, Zeno and Odovacer. P. 261–266.

⁶⁰ PLRE II. P. 454–456 (Faustus 9).

⁶¹ Bury J.B. History of the Later Roman Empire. P. 453. No 2; Caspar E. Geschichte des Papsttums... Bd. 2. S. 53–56; Schwartz E. Publizistische Sammlungen... S. 220–222; Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. P. 111–113.

вившей необходимость свержения власти Одоакра в Италии и установления там готского владычества. Возможно также предположить, что глава посольства Фауст и по крайней мере один из его членов, Ириней, самостоятельно инициировали в Константинополе собеседования с целью поддержать позицию папы⁶².

Именно ведением этих собеседований было вызвано появление в конце 493 г. документа, известного под названием «Указания папы Геласия магистру Фаусту, исполняющему посольство в Константинополь»⁶³. Этот документ, составленный в весьма полемическом духе, отстаивает папскую позицию в деле раскола церквей Рима и Востока и опровергает доводы «греков» в пользу незаконности папских действий. Несмотря на то что «Указания» практически не содержат непосредственно касающихся нашей темы положений, они весьма тесным образом связаны с появлением 12-го послания Геласия «*Famuli vestrae pietatis*».

Имея теперь на руках инструкции Геласия и тем самым возможность информировать Константинополь о позиции Римской Церкви по наиболее острому церковно-политическому вопросу, посольство тем не менее не имело официальных «верительных грамот», в которых бы папа подтверждал полномочия Фауста представлять Римскую Церковь и заключать от ее имени соглашения. Эти обстоятельства выясняются уже непосредственно из анализа 12-го послания, адресованного императору Анастасию.

Послание начинается с объяснения Геласием причин, по которым он не переслал императору с посольством Фауста своих «приветственных писем» (*salutationis scripta*). На отсутствие подобных писем Анастасий лично указал членам посольства Фаусту и Иринею. Очевидно, что подобный вопрос мог возникнуть у императора только в том случае, если послы завели разговор перед императором о делах Римской Церкви, что является вполне вероятным, поскольку к тому моменту они получили от папы инструкции о том, как нужно отвечать в Константинополе на критику папской позиции⁶⁴.

По возвращении в Рим Фауст и Ириней передали Геласию слова императора. С одной стороны, эти слова представляли собой упрек папе в несоблюдении принятых правил общения между церковными предстоятелями и особой императора, засвидетельствованных во множестве сохранившихся посланий, которыми обменивались обе стороны. С другой — они же свидетельствовали о готовности императора вступить в переговоры с римским епископом, несмотря на то что тот пренебрег принятым ритуалом и, по-видимому, даже не уведомил императора о своем избрании на папский престол. Для Геласия таким образом возникла возможность написать императору и впервые лично изложить ему свое видение вопроса о расколе⁶⁵. Тем самым «программное» письмо, радикальным образом

⁶² Впоследствии Фауст точно так же поддерживал жесткую линию продолжателя дела Геласия папы Симмаха (498–514) в отношении Константинополя: PLRE II. P. 455 (Faustus 9).

⁶³ Gelasii ep. 10. P. 341–348 (*Gelasii papae commonitorium ad Faustum magistrum fungentem legationis officio Constantinopoli*). См.: *Kissling W.* Das Verhältnis... S. 132–136; *Ullmann W.* Gelasius I. S. 172–178.

⁶⁴ Gelasii ep. 12. P. 349–350: *Famuli vestrae pietatis, filii mei Faustus magister et Irenaeus viri illustres atque eorum comites publica legatione fungentes ad Urbem reversi clementiam vestram quaesisse dixerunt, cur ad vos meae salutationis scripta non miserim*.

⁶⁵ *Kissling W.* Das Verhältnis... S. 123–132; *Knabe L.* Die gelasianische Zweigewaltentheorie... S. 11–19; *Ronzani R.* La lettera «*Famuli uestrae pietatis*»... P. 523–541. Полный русский перевод 12-го послания Геласия содержится в: *Задворный В.Л.* Сочинения римских понтификов эпохи

повлиявшее на типологию церковно-государственных отношений на католическом Западе, возникает в узком историческом контексте раскола между Римом и Константинополем по поводу обстоятельств признания Петра Монга в качестве александрийского патриарха.

Обходя молчанием основополагающие причины слабости контактов между Римом и Константинополем в истекшее десятилетие, Геласий в качестве объяснения отсутствия со своей стороны прямых контактов с императором приводит явно натянутый аргумент: дескать, послы императора, «недавно направленные из земель Востока» (*de partibus Orientis*), исключили саму возможность встречи с папой, ссылаясь на указания императора (*vestris praeceptionibus*)⁶⁶. Тем самым папа явно ставит себя на одну доску с последним, выставляя себя едва ли не стороной межгосударственных отношений. Императору же он предлагает «моральное» объяснение своего поведения: по его утверждению, «это произошло не из-за моего небрежения, но было [делом] уместной осторожности, дабы не причинять скорби противящимся душам»⁶⁷.

Далее, после пространного вступления, в котором он заранее извиняется перед императором за то, что его слова могут прийти последнему не по нраву, и декларирует собственную любовь к «римскому принцепсу», Геласий, переходя к сути текущих разногласий, формулирует базовый теоретический постулат: мир управляется двумя различными властями — «священным авторитетом понтификов и царской властью»⁶⁸. Характеризуя авторитет понтификов через эпитет «священный», в следующем предложении Геласий объясняет, почему при этом «вес» (*pondus*) священников оказывается «больше» (*gravius*)⁶⁹: они держат от-

---

поздней Античности и раннего Средневековья (I–IX вв.). М., 2011. С. 389–398. В этой статье мы приводим собственные переводы.

⁶⁶ Gelasii ep. 12. P. 350. При этом очевидно, что посольство императора не имело даже формальной возможности вступить в сношения с лицом, полномочия которого не были признаны в Константинополе: кандидатура Геласия на папский престол была утверждена Одоакром, который для Константинополя фактически был вне закона, а сам папа не поставил императора в известность о своем вступлении на кафедру.

⁶⁷ Gelasii ep. 12. P. 350.

⁶⁸ Ibid. P. 351: Duo quippe sunt, imperator auguste, quibus principaliter mundus hic regitur: auctoritas sacrata pontificum, et regalis potestas. Мнения по поводу различия между терминами *auctoritas* и *potestas* в приложении к «теории Геласия» см. в: Caspar E. *Geschichte des Papsttums...* Bd. 2. S. 64–73, 753–758; Stein E. *La periode byzantine de la papauté* // *The Catholic Historical Review*. 1935. Vol. 21/2. P. 129–163 (здесь: P. 134–135); Ziegler A.K. *Pope Gelasius I...* P. 431–432; Dvornik F. *Pope Gelasius and Emperor Anastasius I* // *BZ*. 1951. Bd. 44. P. 111–118 (особенно: P. 113–115); Ensslin W. *Auctoritas und Potestas*. S. 665–667; Ullmann W. *The Growth of Papal Government in the Middle Ages*. Cambridge, 1970. P. 20–28; Nelson J.L. *Gelasius I's Doctrine of Responsibility: A Note* // *Journal of Theological Studies*. 1967. Vol. 18. P. 154–162; Benson R.L. *The Gelasian Doctrine...* P. 15–16; Ullmann W. *Gelasius I*. S. 198–212; Idem. *Der Grundsatz der Arbeitsteilung...* S. 52–60; Cottrell A. *Auctoritas and Potestas...* P. 98–104; Ronzani R. *La lettera «Famuli uestrae pietatis»...* P. 528–530. В данной статье мы не рассматриваем различия между этими двумя терминами, сосредотачиваясь на анализе конкретного содержания прерогатив священников в их отношении к прерогативам светской власти, согласно изложению Геласия.

⁶⁹ В. Энслин (*Ensslin W. Auctoritas und Potestas*. S. 664) указывает важность связи эпитета «священный» с понятием *auctoritas pontificum*: по его мнению, от него зависит дальнейшее рассуждение Геласия о «весе» священства (ср.: Nelson J.L. *Gelasius I's Doctrine...* P. 159). Р.Л. Бенсон (*Benson R.L. The Gelasian Doctrine...* P. 15) предлагает понимать слово *pondus* в значении «груз ответственности» (*burden of responsibility*; трактовка восходит к: Voigt K. *Staat und Kirche von Konstantin dem Grossen bis zum Ende der Karolingerzeit*. Stuttgart, 1965. S. 101). В данном кон-

чет перед Богом «за самих людских царей» (*pro ipsis regibus hominum*)⁷⁰. Тем самым, несмотря на то что императору среди людей принадлежит высшее достоинство⁷¹, он должен «смирненно склонять голову» (*colla submittitis*) перед «предстоятелями дел божественных» (*rerum divinarum praesulibus*). В делах получения «небесных таинств» император должен подчиняться «религиозному сословию» (*religionis ordine*), а отнюдь не возглавлять (*praesesse*) его, завися от суда священников (*ex illorum te pendere iudicio*)⁷² и не пытаться подчинить последних своей воле. Со своей стороны «религиозные предстоятели» повинуются законам императора в том, что касается «строга общественного порядка» (*ordo publicae disciplinae*), «дабы не казалось, что они хотя бы и в светских делах противятся вынесенным приговорам» (*exclusae sententiae*). Поскольку, стало быть, священники вынуждены подчиняться царским «приговорам», Геласий делает вывод, что императору тем более следует повиноваться тем, кто «приставлены к преимущественному отпращиванию чтимых таинств» (*praerogandis venerabilibus sunt attributi mysteriis*).

Заключив, что императору, как и всем верующим, полагается «преклонять сердце» перед «вообще всеми священниками, правильно трактующими божественное», понтифик делает принципиальное утверждение, отсутствующее в проанализированных нами выше произведениях: императору прежде всего следует соглашаться с «предстоятелем той кафедры, которого и Бог пожелал поставить выше всех других священников, и благочестие всей Церкви впоследствии постоянно почитало»⁷³. Понимая подчинение императора духовным властям как подчинение римскому епископу, Геласий подчеркивает: «Отсюда твое благочестие с очевидностью замечает, что никто и никогда не может в силу какого бы то ни было человеческого решения возноситься над привилегией или исповеданием того, кого голос Христа поставил впереди всех, кого досточтимая Церковь исповедала и имеет у себя первенствующим»⁷⁴. То, что установлено божественным судом, может подвергаться нападкам со стороны человеческой самонадеянности, однако не может одолеваться ничьей властью!»⁷⁵

В данном пассаже и в дальнейшем Геласий очевидным образом имеет в виду апостола Петра. Согласно воззрению, возникшему при папе Сириции (384–399) и обоснованному при Льве Великом (440–461), Петр обладал не только апостоль-

---

тексте это слово следует скорее трактовать как «значение», «весомость», поскольку далее идет речь о превосходстве священства над царством.

⁷⁰ Об этом см.: *Nelson J.L. Gelasius I's Doctrine...* P. 155–162 (особ.: P. 156–157: It was left to Gelasius to reinforce the vague idea of a *cura communis* with a precise and explicit definition of the pope's *pondus* in terms of a legal obligation to render universal account before God: ultimate responsibility for all Christians and with it ultimate authority, became the monopoly of the Roman pontiff). Ниже Геласий дает понять, что на Страшном суде именно он будет говорить от имени всех священников, как глава последних: *Gelasii ep. 12. P. 352* (me ... in divino iudicio sentias accusantem). Ср.: *Ullmann W. Grundsatz der Arbeitsteilung...* S. 52–54.

⁷¹ *Gelasii ep. 12. P. 351: licet praesideas humano generi dignitate...*

⁷² Ср.: *Nelson J.L. Gelasius I's Doctrine...* P. 158.

⁷³ *Gelasii ep. 12. P. 351–352.*

⁷⁴ Речь идет об апостоле Петре.

⁷⁵ *Gelasii ep. 12. P. 352: Ubi pietas tua evidenter advertit, nunquam quolibet penitus humano consilio elevare se quemquam posse illius privilegio vel confessioni, quem Christi vox praetulit universis, quem Ecclesia veneranda confessa semper est et habet devota primatem. Impeti possunt humanis praesumptionibus quae divino sunt iudicio constituta, vinci autem quorumlibet potestate non possunt.*

ским, но и епископским чином⁷⁶. В силу этого Геласий и говорит о том, что тот возвышался «над всеми священниками» (под последними регулярно имеются в виду именно епископы). До «привилегии и исповедания» Петра возвыситься никто не может, поскольку последний является тем, кого Церковь якобы считает своим «примасом» (*primatem*).

Совокупность последних утверждений фактически ставит императора в полную зависимость от суда римского папы. Они сводят на нет приведенную выше оговорку Геласия о том, что священники подчиняются светским законам, и надеются папу правом решать, что является, а что не является «делами божественными». Из последней приведенной фразы также очевидно, что папы имеют право воздействовать на императора и даже противиться ему, в то время как тот не имеет другого выхода, кроме как «склонить перед ними голову»⁷⁷. Таким образом, в данном послании впервые римский понтифик говорит уже не о превосходстве духовной власти над светской вообще, а открыто заявляет о превосходстве папы над императором⁷⁸.

Геласий подчеркивает, что благополучное царствование (*ut possis regnare cum Christo*) зависит от соблюдения императором чистоты католической веры: «Католическая вера едина. Поистине католической является та, что отделена от общения с неверными и их наследниками цельным, чистым и незапятнанным общением»⁷⁹. Таковой верой является вера св. Петра, «славное исповедание апостола» (*apostoli gloriosa confessio*), в неизменном виде переданное Римской Церкви и хранимое «апостольским престолом»⁸⁰. Анастасий призван защищать и ограждать от ущерба «религию, истину и подлинное католическое общение», для того чтобы взыскать «не только нынешние Христовы благодетия», но и обрести «грядущие награды»⁸¹. Небесное воздаяние императору оказывается напрямую

⁷⁶ Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus / Hrsg. von C. Mirbt, K. Aland. Bd. 1. Tübingen, 1967. P. 160: ...ad sancti apostoli Petri reliquias, per quem et apostolatus et episcopatus in Christo coepit exordium. См.: Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1. Tübingen, 1930. S. 293–295; Batiffol P. Cathedra Petri. Études d'histoire ancienne de l'Église. Paris, 1938. P. 95–121; Haller J. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1: Die Grundlagen. Stuttgart, 1950. S. 111–114; Wojtowysch M. Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. Stuttgart, 1981. S. 138–145; Hornung Ch. Haeres Petri: Kontinuität und Wandel in der Bischofsnachfolge des Siricius von Rom // Episcopal Elections in Late Antiquity / Ed. by J. Leemans, P. van Nuffelen, S.W.J. Keough, C. Nicolaye. Göttingen, 2011. S. 375–388; Грацианский М.В. Haeres Petri sive vicarius Petri: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 27–48.

⁷⁷ На это важное обстоятельство не обращается внимания в известных нам исследованиях. Ср. противоположные высказывания в: Dvornik F. Pope Gelasius... P. 115 (not did his words imply that the secular power should be subordinate to the ecclesiastical).

⁷⁸ В этой связи едва ли можно согласиться со следующим мнением В. Энслина (*Ensslin W.* Auctoritas und Potestas. S. 665): gibt doch der weitere Wortlaut des Briefes an Anastasius keine Handhabe dafür, daß der Papst in der Regierung der Welt mit dem Kaiser in Konkurrenz treten wollte.

⁷⁹ Gelasii ep. 12. P. 353. Cp.: Ronzani R. La lettera «Famuli uestrae pietatis»... P. 531–535.

⁸⁰ Gelasii ep. 12. P. 353. См.: Ullmann W. Gelasius I. S. 141–145, 178–188; Грацианский М.В. Папа Геласий I. С. 25–41.

⁸¹ Gelasii ep. 12. P. 353: Itane verum est, princeps egregie, qui non solum praesentia Christi beneficia sed desideras et futura, ut religioni, ut veritati, ut sinceritati catholicae communionis et fidei temporibus tuis non patiaris quemquam inferre dispendium? Qua fiducia, rogo te, illic ejus praemia petiturus es, cujus hic damna non prohibes?

зависимым от расположения «священников», которые «на божественном испытании должны будут держать ответ за самих людских царей»⁸². Ввиду этого Геласий предупреждает Анастасия, что если последний не исполнит его требований, на Страшном суде папа окажется его обвинителем⁸³.

Соответственно, задачей всех, кто желает остаться «в подлинно католическом и апостольском общении» (*in catholicae atque apostolicae communionis sinceritate*)⁸⁴ и не подвергнуться папским обвинениям ни в этой, ни в будущей жизни, является подчинение «божественному суду», сиречь решениям, выносимым римским епископом. Сам римский понтифик выступает гарантом чистоты веры во всемирном масштабе: если его вера пострадает, это будет иметь роковые последствия для «совокупного круга земель»⁸⁵.

Итак, на основании проделанного выше анализа можно сделать ряд наблюдений. Знаменитое 12-е послание Геласия на момент своего написания отнюдь не являлось изолированным папским документом, содержащим рассуждения о соотношении светской и духовной властей. Фактически оно оказывается последним в целом ряду сочинений Феликса III и самого Геласия. Все они связаны единым церковно-политическим контекстом разразившейся по инициативе римской кафедры схизмы, которую в историографии чаще незаслуженно именуют «акакианской». Непосредственным предшественником воззрений Феликса и Геласия был папа Лев Великий, первым из римских епископов начавший говорить о специфике «божественных дел» в их сравнении с делами «светскими». Однако следует отметить, что папа Лев действовал в ту эпоху, когда императорская власть сохраняла свою силу как на востоке Римской империи, так и на западе. Соответственно, он не пытался оспорить властную роль императора в церковных вопросах⁸⁶, реализуемую, в частности, через институт Вселенских соборов, проводимых по инициативе и под председательством императора. Сбалансированной политики в отношении императорской власти придерживались и преемники Льва — папы Илар (461–468) и Симплиций (468–482).

Переломным моментом в отношении пап к восточным императорам становится 476 г. — год исчезновения императорской власти на западе Римской империи. Доказано, что радикальная антивосточная политика Феликса III была во многом обусловлена политикой Одоакра, вынужденного отстаивать свою политическую независимость от восточного двора и вовлеченного в мятеж, направленный против императора Зинона⁸⁷. В русле этой политики оставался и «со-

⁸² Gelasii ep. 12. P. 351: *etiam pro ipsis regibus hominum in divino reddituri sunt examine rationem.*

⁸³ Ibid. P. 352: *rogo, inquam, ut me in hac vita potius audias deprecantem, quam, quod absit, in divino iudicio sentias accusantem.*

⁸⁴ Ibid. P. 355.

⁸⁵ Ibid. P. 353: *Proinde si pietas tua unius civitatis populum negat posse componi, quid nos de totius orbis terrarum sumus universitate facturi, si, quod absit, nostra fuerit praevaricatione deceptus?*

⁸⁶ Весьма показательным являются слова, обращенные папой Львом к императору Льву в его 162-м послании, написанном в 458 г. (Leonis ep. 162 // PL. T. 54. Col. 1143–1144), где папа восхваляет «священнический дух» (*animus sacerdotalis*) последнего и утверждает, что через императора «ко благу всей Церкви действует Святой Дух» (*non dubie patet quid per vos in totius Ecclesiae salutem Spiritus sanctus operetur*).

⁸⁷ Как политика Одоакра, так и мятеж Иллы встраиваются в более обширный контекст борьбы элит в Восточной Римской империи середины V — начала VI в. См., например: Козлов А. С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476–491 гг. V в. Основные направления и социальное содержание // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 58–74; Brandes W. Familienbande? Odoaker,

автор» политики Феликса — Геласий, понтификат которого проходил уже в ситуации крушения правления Одоакра и перехода власти в Италии к Теодориху. Политика последнего несла на себе многие черты сходства с политикой Одоакра, поскольку Теодорих также стремился к максимальной независимости от восточно-римского двора и потому поощрял тех кандидатов на папский престол, которые не были склонны идти на компромисс с Константинополем⁸⁸.

В таких условиях Феликс и Геласий развивают то видение первенствующего положения «духовной власти» по отношению к «светской»⁸⁹, которое можно назвать «программным», поскольку впоследствии оно находило свое выражение в многочисленных эпизодах столкновения папских интересов с интересами светской власти на протяжении многих столетий. При этом они не скрывают, что под «властью священников» ими понимается именно папская власть, а не духовная власть вообще.

Как можно было видеть, отношения папства с императорской властью оказываются одной из сквозных тем в произведениях Феликса и Геласия. Причем ими предпринимается попытка радикального пересмотра этих отношений с введением тезисов, до той поры отсутствовавших в соответствующем дискурсе. Прежде всего, как было отмечено, Геласием озвучивается тезис о существовании системы «божественного права»⁹⁰, отдельного по отношению к существующему римскому праву. Тем самым он впервые начинает говорить о церковных нормах как об особой категории права, в то время как церковные нормы на самом деле не являлись в тот период правовыми⁹¹. Геласий последовательно проводит ту мысль, что папские распоряжения являются правоустанавливающими в силу особого властного положения римского епископа.

Тем самым, безусловно, имело место вторжение в сферу компетенции императорской власти, поскольку Феликсом и Геласием постулировалось наличие социальной среды, изъятой из действия римского публичного права. Согласно основополагающим римским юридическим воззрениям, религиозная сфера, сфера сакрального целиком подпадала под регламентацию римского публичного пра-

---

Basiliskos und Harmatios // Klio. 1993. Bd. 75. S. 407–437; Козлов А.С. Политическая оппозиция Византии на рубеже V–VI вв. // АДСВ. 1998. Вып. 29. С. 59–78; Caliri E. Gruppi di potere e condizionamenti politici del V secolo // Le trasformazioni del V secolo: L'Italia, i barbari e l'Occidente romano. Atti del Seminario di Poggibonzi (18–20 ottobre 2007) / Ed. P. Delogu, S. Gasparri. Turnhout, 2010. P. 37–63.

⁸⁸ Таким образом, несмотря на то что в последнюю четверть V в. папы оказались за пределами непосредственной власти императора, едва ли этот период можно характеризовать как период папской «свободы» ввиду прямого вмешательства Одоакра и Теодориха в политику папского престола. Ср.: *Ronzani R.* La lettera «Famuli uestrae pietatis»... P. 504: una sovranità territoriale... del vescovo di Roma.

⁸⁹ В отличие от предшествующих десятилетий, когда папы делали акцент на утверждении первенствующего положения римской кафедры среди других «вселенских» кафедр.

⁹⁰ Хотя необходимо оговориться, что Геласий, конечно же, не является автором самого этого термина.

⁹¹ Церковные нормативные термины *καὶ νόμος* и *ῥος* (*regula*, *definitio*) не были взяты из римско-правовой терминологии. Именно папы, прилагая к своим постановлениям названия государственных распорядительных документов (*decretum*, *sanctio*, *constitutio*, *dispositio*, *jussio*), пытались придать церковным нормам юридический (по сути, псевдоюридический) облик и превратить их в источники права. Церковные нормы Геласий начинает даже именовать «законами» (*leges*).

ва, верховной исполнительной инстанцией которого являлся император⁹². Тем не менее Геласий делает попытку увязать понятие священного только с духовными лицами⁹³ и тем самым постулирует неполную юрисдикцию императора в отношении римских граждан, которые оказываются в другой правовой системе — «божественного права». Несмотря на оговорки как Феликса, так и Геласия в отношении того, что в «общественных делах» священники подчиняются светским законам, фактически оказывается, что император не имеет над ними прямой власти: согласно воззрению обоих пап, только Церковь компетентна судить священников, даже в случаях, когда их действия подпадают под юрисдикцию светских законов, в то время как император без церковной санкции не может произвести суд над духовными лицами⁹⁴.

Законные полномочия императора в отношении лиц духовного звания оказываются тем прозрачнее, что папы оставляют за собой право определять, что относится к компетенции *jus divinum*, а что — *jus publicum*. В силу этого приходится констатировать, что в конце V в. в Риме делается заявка на деспотическую власть, ибо право на бесконтрольное определение пределов собственной компетенции в сущности ее и означает⁹⁵. Такой подход лежит в основе средневекового феномена папского абсолютизма, возникшего на фоне серьезной деградации институтов государственной власти и сферы публичного права, к компетенции которых изначально относились, пользуясь словами Геласия, *ordo publicae disciplinae, res mundanae, res publicae administrandae* и т. п.

Это наблюдение подтверждается еще и тем, что, согласно воззрению Геласия, священники держат отчет перед Богом «за самих людских царей» (*pro ipsis regibus hominum*), и в силу этого римский понтифик может оказаться обвинителем императора, пусть, по словам Геласия, только на небесах, а не на земле. Однако этот тезис отрицает наличие у императора обязанности нести ответствен-

⁹² См. определение римского юриста Ульпиана: *Jus publicum ad statum rei Romanae spectat... jus publicum in sacris, sacerdotibus et in magistratibus consistit* (Dig. 1.1.1.2). О положении императора как гаранта и исполнителя публичного права см., к примеру: *Виллемс II*. Римское государственное право. Вып. 2. Киев, 1890. С. 478–503; *Rainer J.M.* Römisches Staatsrecht. Republik und Prinzipat. Darmstadt, 2006. S. 214–231; *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII в. СПб., 2008. С. 17–33, 92–96; *Kaldellis A.* The Byzantine Republic. People and Power in New Rome. Cambridge, MA; London, 2015. P. 32–61.

⁹³ Геласий тем самым разрывает традицию ассоциации должности императора с несением определенных функций в отношении религии, которой следовали папы до и после него: *Dvornik F.* Pope Gelasius... P. 116; *Idem.* Emperors, Popes... P. 1–23.

⁹⁴ Этот подход хорошо иллюстрируется реакцией Геласия на низложение императором восточных епископов, виновных в поддержке мятежа Илла и Леонтия: *numquam de pontificibus nisi ecclesiam iudicasse: non esse humanarum legum de talibus ferre sententiam absque ecclesiae principaliter constitutis pontificibus: obsequi solere principes christianos decretis ecclesiae, non suam praeponeere potestatem, episcopis caput subdere principem solitum, non de eorum capitibus iudicare* (Gelasii ep. 27. P. 430; ср. также выше примеч. 53). Иными словами, Геласий утверждает юридический иммунитет священников в отношении светской власти: *...divinae pariter leges humanaeque censerent, ut sacerdotali concilio de sacerdotibus judicia provenirent, non a saeculari viderentur qualescunque pontifices, etsi errore humanitus accedente, non tamen religionem ullatenus excedentes, potestate percelli* (Gelasii ep. 26. P. 407–408). Ср. также: *Ullmann W.* Das Prinzip der Arbeitsteilung... S. 64.

⁹⁵ Это наблюдение подрывает встречающиеся подчас рассуждения о том, что Геласий не заявлял о превосходстве священства над царством, поскольку, дескать, ограничивал сферу своей компетенции исключительно религиозными делами. Ср.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Bd. 2. S. 65–67, 753–755; *Dvornik F.* Pope Gelasius... P. 114; *Ensslin W.* Auctoritas und Potestas. S. 663–664; *Benson R.L.* The Gelasian Doctrine... P. 18–20.

ность перед Богом за своих подданных. Имплицитно папа указывает, что именно он будет говорить от имени «священников» на Страшном суде, причем им не предполагается, что за императора, к примеру, могут вступить другие «священники». Тем самым Геласий утверждает, что только римский епископ держит отчет перед Богом за вверенную ему паству, в том числе и за императора, и тем самым к его пастве относятся все миряне без исключения.

Утверждением, которое встречается в 12-м послании, о том, что «этот мир управляется двумя [властями]» (*hic mundus regitur*), Геласий недвусмысленно дает понять, что власть «священников» равноправна власти царской, поскольку тоже правит миром⁹⁶. Однако в отличие от духовной власти для власти светской существует сфера, в которую та не смеет вторгаться. Ввиду наличия многочисленных высказываний Геласия, в которых подчеркивается возвышенный характер церковной власти в противоположность светской, вполне позволительно утверждать, что Геласий придерживался мнения о превосходстве духовной власти. Если мы примем во внимание, что среди его высказываний встречается и тезис о том, что священникам должно принадлежать поставление «*Christianae religionis dominos*»⁹⁷, можно сделать вывод, что после Геласия последующим папам осталось только прорабатывать и развивать сформулированные им тезисы.

Впрочем, если на Западе учение Геласия породило в средневековый период долгую традицию политической мысли⁹⁸, питаемую непрерывной борьбой пап за расширение и укрепление собственной власти, на Востоке при сохранении прочной легитимной власти императора на него почти на целое тысячелетие был дан ответ, содержащийся в преамбуле к 6-й новелле Юстиниана (535 г.) и предусматривавший согласное, «симфоническое» соотношение и сосуществование двух «даров Божьих людям» — царства и священства⁹⁹.

ГРАЦИАНСКИЙ Михаил Вячеславович

Кандидат исторических наук

Ведущий научный сотрудник

Лаборатория исследования церковных институций

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Лихов пер., д. 6, стр. 1, комната 418

127051 Москва

Электронная почта: gratsianskiy@mail.ru

⁹⁶ Dvornik F. Pope Gelasius... P. 114: What was really new and an event in the history of Christian political thought was the contrast between the ecclesiastical *auctoritas* and the imperial *potestas*, with the proviso that the world was governed by both. Cp. также: Benson R.L. The Gelasian Doctrine... P. 21.

⁹⁷ При том, что сам Геласий занял папский престол с дозволения Одоакра, утвердившего выбор римского клира, в то время как последующие папы вплоть до возвращения Италии в лоно империи при Юстиниане подлежали утверждению со стороны остготовских королей.

⁹⁸ См. об этом: Benson R.L. The Gelasian Doctrine... P. 13 (Indeed, without too much exaggeration, one can say that till about 1200 and at least in some respects thereafter, medieval political thought consisted of glosses on, and reactions to, Gelasius's doctrine).

⁹⁹ См.: Corpus iuris civilis / Rec. W. Kroll, R. Schoell. Vol. III: Novellae. B., 1954. P. 35–36. Русский перевод в: Максимович К.А. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2007. Вып. 17. С. 27–44 (здесь: С. 30–31).

Mikhail GRATSIANSKIY

THE HISTORICAL AND IDEOLOGICAL CONTEXT OF THE EPISTLE OF POPE GELASIUS I “FAMULI VESTRAE PIETATIS”

Abstract: The article examines the historical and ideological context of the famous epistle of Pope Gelasius I (492–496), compiled in 494 and addressed to the emperor Anastasia I (491–517). This message (the 12th, according to A. Thiel’s edition) is famous for its passage *Duo quippe sunt*, in which the pope talks about the distinction between secular and spiritual authorities and the corresponding powers of the emperor and the priests. The epistle is one of the fundamental “programmatic” documents of the papacy of the Early Middle Ages, which had a decisive influence on the subsequent development of the papal primacy. As a result, there is an extensive historiographic tradition associated with its study. Its main drawback, on the one hand, consists in the emphasis on studying the influence Gelasius’s epistle bore upon the subsequent history of papal ideology, and on the other hand, in studying it outside the context of a number of papal documents of similar content that had been compiled in the context of the same historical events (first of all, we mean the so-called “Acacian” or rather “Felician” schism) and contained the same or similar theses. Thus, within the framework of this article, the author undertakes an analysis of the general historical, primarily political, context, that influenced the emergence of both documents and ideas, which together characterize the views of the popes of the second half of the fifth century on the relationship between secular and spiritual authorities and, in a narrower sense, between popes and emperors. Given all these circumstances, the epistle of Gelasius’s *Famuli vestrae pietatis* no longer looks isolated or unique, either from a contextual or from a political point of view. With all that it turns out to be the last one and thus crowns a series of papal documents of similar content, which defend a radical point of view on the prerogatives of papal authority in its relations with the government at the epoch of the fall of the Western Roman Empire.

Keywords: *Famuli vestrae pietatis*, *Duo quippe sunt*, *auctoritas*, *potestas*, *imperium et sacerdotium*, the Twelfth Epistle of Gelasius I, Pope Gelasius I, Pope Leo the Great, Emperor Marcianus, Emperor Zeno, Emperor Anastasius I, Papal Primacy, the Felician Schism, the Acacian Schism.

Literature Cited

- Batiffol, P. “Petrus initium episcopatus.” *Revue des Sciences Religieuses* 4 (1924). P. 440–453.
Batiffol, P. *Cathedra Petri. Études d’histoire ancienne de l’Église*. Paris, 1938.
Batiffol, P. *Le siège apostolique (359–451)*. Paris, 1924.
Benson, R.L. “The Gelasian Doctrine: Uses and Transformations.” In *La notion d’autorité au*

Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule. Session des 23–26 octobre 1978, ed. by G. Makdisi, D. Sourdel, and J. Sourdel-Thomine. Paris, 1982. P. 13–44.

- Blaudeau, Ph. "Between Petrine Ideology and Realpolitik. The See of Constantinople in Roman Geo-Ecclesiology (449–536)." In *Two Romes. Rome and Constantinople in Late Antiquity*, ed. by L. Grig, G. Kelly. Oxford; New York, 2012. P. 364–384.
- Blaudeau, Ph. "L'élection d'archêveques diphysites au trône alexandrin (451–482): une désignation artificielle et contrainte?" In *Episcopal Elections in Late Antiquity*, ed. by J. Lee-mans, P. van Nuffelen, Sh.W.J. Keough, and C. Nicolaye. Göttingen, 2011. P. 89–107.
- Blaudeau, Ph. "Motifs et structures de divisions ecclésiales. Le schisme acacien (484–519)." *Annuaire historiae Conciliorum* 39 (2007). P. 65–98.
- Blaudeau, Ph. *Alexandrie et Constantinople (451–491). De l'histoire à la géo-ecclésiologie*. Rome, 2006.
- Borovoi, V. Rim, *Konstantinopol' i khristianskii Vostok v period "akakianskoi skhizmy" (484–518 gg.) [Rome, Constantinople and Christian East during the "Acacian Schism"]*. Minsk, 2017 (in Russian).
- Brandes, W. "Familienbande? Odoaker, Basiliskos und Harmatios." *Klio* 75 (1993). P. 407–437.
- Brol', R.V., Kuzenkov, P.V. "Astrologiya i politika v Vizantii V veka." *Vizantiyskiy Vremennik* 72 (2013). P. 166–198 (in Russian).
- Bury, J.B. *History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I. to the Death of Justinian (AD 395 to AD 565)*. Vol. 1. London, 1931.
- Caliri, E. "Gruppi di potere e condizionamenti politici del V secolo." In *Le trasformazioni del V secolo: L'Italia, i barbari e l'Occidente romano. Atti del Seminario di Poggibonzi (18–20 ottobre 2007)*, ed. by P. Delogu, and S. Gasparri. Turnhout, 2010. P. 37–63.
- Caspar, E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Vol. 1. Tübingen, 1930.
- Caspar, E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Vol. 2. Tübingen, 1933.
- Caspary, G.E. *Politics and Exegesis: Origen and the Two Swords*. Berkeley; Los Angeles; London, 1979.
- Cottrell, A. "Auctoritas and Potestas: A Reevaluation of the Correspondence of Gelasius I on Papal-Imperial Relations." *Medieval Studies* 53 (1993). P. 95–109.
- De Vries, W. "Die Struktur der Kirche gemäss dem Konzil von Chalkedon (451)." *Orientalia Christiana Periodica* 35 (1969). P. 63–122.
- Dvornik, F. "Emperors, Popes, and General Councils." *Dumbarton Oaks Papers* 6 (1951). P. 1–23.
- Dvornik, F. "Pope Gelasius and Emperor Anastasius I." *Byzantinische Zeitschrift* 44 (1951). P. 111–118.
- Dvornik, F. *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*. Cambridge, MA, 1958.
- Dyson, R.W. "Medieval Rulers and Political Ideology." In *A Companion to the Medieval World*, ed. by C. Lansing and E.D. English. London, 2009. P. 354–371.
- Ensslin, W. "Auctoritas und Potestas. Zur Zweigewaltenlehre des Papstes Gelasius I." *Historisches Jahrbuch* 74 (1955). P. 661–668.
- Field, L.L. *Liberty, Dominion, and the Two Swords: On the Origins of Western Political Theology (180–398)*. Notre Dame, IN, 1998.
- Frend, W.H.C. *The Rise of the Monophysite Movement: Chapters in the History of the Church in the Fifth and Sixth Centuries*. London, 1972.
- Gratsianskiy M.V. "Haeres Petri sive vicarius Petri: Obosnovanie iskluchitel'nykh vlastnykh prerogativ rimskogo episkopa papoi L'vom Velikim [Haeres Petri sive vicarius Petri. Arguments of Pope Leo the Great for the Exceptional Prerogatives of Power of the Bishop

- of Rome].” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* 89 (2019). P. 27–48 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Akakianskaia ili vse zhe felikianskaia skhizma? Problema obosnovannosti odnogo istoriograficheskogo klishe [“Acacian” or Rather “Felician” Schism? The Problem of Acceptability of a Historiographic Cliché].” *Vizantiyskiy Vremennik* 100 (2016). P. 44–63 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Bor’ba rimskogo papy L’va Velikogo za tserkovnoe pervenstvo v kontekste vostochnykh soborov i imperatorskoi tserkovnoi politiki [The Struggle of Pope Leo the Great for Primacy in the Context of the Eastern Councils and the Church Policy of the Emperors].” *Vizantiyskiy Vremennik* 102 (2018). P. 46–70 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Delo Ioanna Talaii i nachalo akakianskoi skhizmy (484 g.) [The Case of John Talaia and the Beginning of the ‘Acacian Schism’].” *Vizantiyskiy Vremennik* 74 (2015). P. 31–46 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Papa Gelasii I (492–496) i ego ekkleziologicheskie vozzreniia [Pope Gelasius I (492–496) and His Ecclesiological Views].” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* 65 (2016). P. 25–41 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Papa Lev Velikii i ego tolkovanie 6-go Nikeiskogo kanona [Pope Leo the Great and His Interpretation of the Sixth Nicene Canon].” In *Tserkov’ v istorii Rossii. Sbornik 11. K 70-letiiu N.N. Lisovogo*. Moscow, 2016. P. 159–175 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Prichiny i obstoyatel’sтва nachala ‘akakianskoy skhizmy’ (484 g.) [Causes and Circumstances of the Beginning of the ‘Acacian Schism’ (AD 484)].” In *Iresiona. Antichniy mir i yego nasledie. Issue 4. Sbornik nauchnikh trudov k 50-letiyu professor N.N. Bolgova*. Belgorod, 2015. P. 188–200 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Secundum Calchedonensem synodum haec ab apostolica sede gesta: Papa Gelasii I i eres’ Akakii Konstantinopol’skogo [Secundum Calchedonensem synodum haec ab apostolica sede gesta: Pope Gelasius I and the “Heresy” of Acacius of Constantinople].” In *Vizantiyskie ocherki. Trudy rossiiskikh uchenykh k XXIII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. St. Petersburg, 2016. P. 62–74 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V., and Kuzenkov, P.V. “Papa Lev Velikii i paskhalisticheskie spory serediny V veka v kontekste mezhtserkovnykh i tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii [Pope Leo the Great and the Easter Disputes of the Middle of the 5th Century in the Context of Inter-Church and State-Church Relations].” *Vizantiyskiy vremennik* 102 (2018). P. 71–95 (in Russian).
- Grillmeier, A. *Jesus der Christus im Glauben der Kirche*. Vol. 2/1. Freiburg; Basel; Wien, 1986.
- Grillmeier, A. *Jesus der Christus im Glauben der Kirche*. Vol. 2/4. Freiburg; Basel; Wien, 1990.
- Grumel, V. *Les registres des actes du patriarcat de Constantinople*. Vol. 1.1. Kadiköy-Istanbul 1932.
- Haacke, R. “Die kaiserliche Politik in den Auseinandersetzungen um Chalkedon (451–553).” In *Das Konzil von Chalkedon*, ed. by A. Grillmeier and H. Bacht. Vol. 2. Würzburg, 1953. P. 95–177.
- Haller, J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit*. Vol. 1. Stuttgart, 1950.
- Heydemann, G. “The Ostrogothic Kingdom: Ideologies and Transitions.” In *A Companion to Ostrogothic Italy*, ed. by J.J. Arnold, M.S. Bjornlie and K. Sessa. Leiden; Boston, 2016. P. 17–46.
- Hofmann, F. “Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519).” In *Das Konzil von Chalkedon*, ed. by A. Grillmeier, and H. Bacht. Vol. 2. Würzburg, 1953. P. 13–94.
- Hofmann, H. “Die beiden Schwerter im hohen Mittelalter.” *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* 20 (1964). P. 78–114.

- Hornung, Ch. "Haeres Petri: Kontinuität und Wandel in der Bischofsmachfolge des Siricius von Rom." In *Episcopal Elections in Late Antiquity*, ed. by J. Leemans, P. Van Nuffelen, S.W.J. Keough, and C. Nicolay. Göttingen, 2011. P. 375–388.
- Hoskin, M. *Prolegomena to a Critical Edition of the Letters of Pope Leo the Great. A Study of the Manuscripts*. PhD Thesis. The University of Edinburgh, 2015.
- Jalland, T. *The Life and Times of St. Leo the Great*. London, 1941.
- Jones, A.H.M. *The Later Roman Empire 284–602*. Vol. 1. Oxford, 1964.
- Kaldellis, A. *The Byzantine Republic. People and Power in New Rome*. Cambridge, MA; London, 2015.
- Kiel-Freytag, A. "Betrachtungen zur Usurpation des Illus und des Leontius (484–488 n. Chr.)." In *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 174 (2010). P. 291–301.
- Kissling, W. *Das Verhältnis zwischen Sacerdotium und Imperium nach den Anschauungen der Päpste von Leo dem Großen bis Gelasius I. (440–496)*. Paderborn, 1921.
- Knabe, L. *Die gelasianische Zweigewaltenlehre bis zum Ende des Investiturstreits*. Berlin, 1936.
- Koch, H. *Gelasius im kirchenpolitischen Dienste seiner Vorgänger, der Päpste Simplicius (468–483) und Felix III. (483–492). Ein Beitrag zur Sprache des Papstes Gelasius I. (492–496) und früherer Papstbriefe*. München, 1935.
- Kosiński, R. "Euphemios, Patriarch of Constantinople in the Years 490–496." *Jahrbuch des Österreichischen Byzantinistik* 62 (2012). P. 57–79.
- Kosiński, R. *The Emperor Zeno. Religion and Politics*. Cracow, 2010.
- Kötter, J.-M. *Zwischen Kaisern und Aposteln. Das Akakianische Schisma (484–519) als kirchlicher Ordnungskonflikt der Spätantike*. Stuttgart, 2013.
- Kozlov, A.S. "Politicheskaja oppozitsiia pravitel'stvu Vizantii v 476–491 gg. V v. Osnovnye napravleniia i sotsial'noe soderzhanie [Political Opposition to the Government of Byzantium in 476–491. Main trends and social content]." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 24 (1988). P. 58–74 (in Russian).
- Kozlov, A.S. "Politicheskaja oppozitsiia Vizantii na rubezhe V–VI vv. [Political Opposition in Byzantium at the end of the 5th — beginning of the 6th centuries]." *Antichnaia drevnost' i srednie veka* 29 (1998). P. 59–78 (in Russian).
- Kuzenkov, P.V. "Kanonicheskii status Konstantinopolia i ego interpretatsiia v Vizantii [The Canonical Status of Constantinople and Its Interpretation in Byzantium]." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiia. Religiovedenie* 53 (2014). P. 25–51 (in Russian).
- Leclercq, J. "L'argument des deux glaives (*Luc* xxii, 38) dans les controverses politiques du moyen âge: Ses origines et son développement." *Recherches des sciences religieuses* 21 (1931). P. 299–339.
- Levison, W. "Die mittelalterliche Lehre von den beiden Schwertern." *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters* 9 (1952). P. 14–42.
- Lizzi Testa, R. "Bishops, Ecclesiastical Institutions, and the Ostrogothic Regime." In *A Companion to Ostrogothic Italy*, ed. by J.J. Arnold, M.S. Bjornlie and K. Sessa. Leiden; Boston, P. 451–479.
- Lizzi Testa, R. "The Roman Church and its Bishops." In *A Companion to Ostrogothic Italy*, ed. by J.J. Arnold, M.S. Bjornlie and K. Sessa. Leiden; Boston, 2016. P. 426–450.
- Maccarrone, M. "Cathedra Petri und die Idee der Entwicklung des päpstlichen Primats vom 2. bis 4. Jahrhundert." *Saeculum* 13 (1962). P. 278–292.
- Maksimovich, K.A. "Tserkovnye novelly sv. imperatora Iustiniana I (527–565 gg.) v sovremennom russkom perevode: iz opyta raboty nad proektom [Ecclesiastical Novellae of St. Emperor Justinian I (527–565) in a Modern Russian Translation: Working on a Project]." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiia. Religiovedenie* 17 (2007). P. 27–44 (in Russian).

- Markus, R.A. "The Latin Fathers." In *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450*, ed. by J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 93–122.
- Martindale, J.R. *Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1980.
- Meier, M. *Anastasios I. Die Entstehung des Byzantinischen Reiches*. Stuttgart, 2009.
- Menache, S. "The Gelasian Theory from a Communication Perspective: Development and Decline." *Revista de Historia* 13 (2012). P. 57–76.
- Mirbt, C., and Aland, K. eds. *Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus*. Vol. 1. Tübingen, 1967.
- Moorhead, J. "Theoderic, Zeno and Odovacer." *Byzantinische Zeitschrift* 77 (1984). P. 261–266.
- Nelson, J.L. "Gelasius I's Doctrine of Responsibility: A Note." *Journal of Theological Studies* 18 (1967). P. 154–162.
- Noble, T.F.X. "Theodoric the Great and the Papacy." In *Teoderico il Grande e i Goti d'Italia. Atti del XIII congresso internazionale di studi sull'alto medioevo (Milano, 1990)*. Spoleto, 1993. P. 395–429.
- Ottmann, H. *Geschichte des politischen Denkens. Von den Anfängen bei den Griechen bis auf unsere Zeit*. Vol. 2/2. Stuttgart, 2004.
- Pietri, Ch. "Aristocratie et société cléricale dans l'Italie chrétienne au temps d'Odoacre et de Théodoric." In *Christiana respublica. Éléments d'une enquête sur le christianisme antique*. Rome, 1997. P. 1007–1057.
- Powell, D. "Haeres Petri: Leo I and Church Order." *International Journal for the Study of the Christian Church* 8 (2008). P. 203–210.
- Prostko-Prostýnski, J. *Utraque Res Publicae: The Emperor Anastasius' I Gothic Policy (491–518)*. Poznan, 1994.
- Rahner, H. "Leo der Große, der Papst des Konzils." In *Das Konzil von Chalkedon*, ed. by A. Grillmeier, and H. Bacht. Vol. 1. Würzburg, 1953. P. 323–339.
- Rainer, J.M. *Römisches Staatsrecht. Republik und Prinzipat*. Darmstadt, 2006.
- Robinson, I.S. "Church and Papacy." In *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450*, ed. by J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 252–305.
- Ronzani, R. "La lettera «Famuli uestrae pietatis» di Gelasio di Roma all'imperatore Anastasio I (CPL 1667, Ep. 8)." *Augustinianum* 51 (2011). P. 501–549.
- Salaville, S. "L'affaire de l'Hénotique ou le premier schisme byzantin au Ve siècle." *Échos d'Orient* 18 (1918). P. 255–265.
- Schwartz, E. "Das Nicaenum und das Constantinopolitanum auf der Synode von Chalkedon." *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde der Älteren Kirche* 25 (1926). P. 38–88.
- Schwartz, E. *Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma*. München, 1934.
- Sotinel, C. "Gélase Ier." In *Dictionnaire historique de la papauté*, ed. by Ph. Levillain. Paris, 1994. P. 720–723.
- Stein, E. "La période byzantine de la papauté." *The Catholic Historical Review* 21 (1935). P. 129–163.
- Stein, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 1. Paris; Brussels; Amsterdam, 1959.
- Stein, E. *Histoire du Bas-Empire*. Vol. 2. Paris; Brussels; Amsterdam, 1949.
- Stockmeier, P. "Römische Kirche und Petrusamt im Licht frühchristlicher Zeugnisse." *Archivum Historiae Pontificiae* 14 (1976). P. 357–372.
- Stockmeier, P. *Leo I. des Grossen Beurteilung der kaiserlichen Religionspolitik*. München, 1959.
- Studer, B. "Leo der Grosse und der Primat des römischen Bischofs." In *Unterwegs zur Einheit: Festschrift für Heinrich Stirnimann*, ed. by J. Brantschen, and P. Selvatico. Freiburg, 1980. P. 617–630.
- Ullmann, W. "Der Grundsatz der Arbeitsteilung bei Gelasius I." *Historisches Jahrbuch* 97–98 (1978). P. 41–70.

- Ullmann, W. "Leo I and the Theme of Papal Primacy." *Journal of Theological Studies* 11 (1960). P. 25–51.
- Ullmann, W. *Gelasius I. (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter*. Stuttgart, 1981.
- Ullmann, W. *The Growth of Papal Government in the Middle Ages*. Cambridge, 1963.
- Val'denberg, V.E. *Gosudarstvennoe ustroistvo Vizantii do kontsa VII v. [Government Structure of Byzantium till the End of the 7th Century]*. St. Petersburg, 2008.
- Voigt, K. *Staat und Kirche von Konstantin dem Grossen bis zum Ende der Karolingerzeit*. Stuttgart, 1965.
- Wojtowysch, M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. Stuttgart, 1981.
- Zadvornyi, V.L. *Sochineniia rimskikh pontifikov epokhi pozdnei Antichnosti i rannego Srednevekov'ia (I–IX vv.) [Works of the Roman Pontiffs from the Epoch of Late Antiquity and Early Middle Ages]*. Moscow, 2011 (in Russian).
- Ziegler, A.K. "Pope Gelasius I and his Teaching on the Relation of Church and State." *The Catholic Historical Review* 27 (1942). P. 412–437.

Mikhail GRATSIAISKIY

Candidate of Sciences (History)

Leading Researcher

Ecclesiastical Institutions Research Laboratory

St. Tikhon's Orthodox University

Likhov per. 6/1, office 418

127051 Moscow, Russian Federation

e-mail: gratsianskiy@mail.ru

С.В. Назин

ЕЩЕ РАЗ О СКЛАВЕНАХ И АНТАХ, МУРСИАНСКОМ ОЗЕРЕ И ГОРОДЕ НОВИЕТУНЕ

Аннотация: Статья посвящена разбору известия Иордана (Гетика. § 35). Делается вывод о тождестве Мурсианского озера и города Новиетуна с озером Нейзидлерзее и Невиодуном Латобинов (Дрново в Словении). Таким образом, западным рубежом расселения «склавинов» оказывается граница между Нориком и Паннонией. Греческий этноним «анты» толкуется как передача славянского самоназвания этого народа, которое, в свою очередь, происходит от имени венетов.

Ключевые слова: Мурсианское озеро, Новиетун, склавлены, анты, вятичи, венеты.

После выхода в свет знаменитой статьи Елены Чеславовны Скржинской в отечественной литературе не появлялось работ, в которых бы ставилось целью рассмотреть комплекс сведений о славянах, содержащийся в «Гетике» Иордана. Возобладал подход, согласно которому они рассматриваются не как возможно точное описание действительности, понятное современникам писателя, а как ученая конструкция, которой не требовалось высокой точности¹. Это привело к тому, что сведения Иордана о славянах привлекаются в лучшем случае как иллюстрация выводов, сделанных на другой основе — например, на материалах археологии.

О Мурсианском озере и городе Новиетуне

Наибольшее значение имеет описание границ расселения склавлен (Гетика. § 35): «Склавлены живут от города Новиетуна и озера, именуемым Мурсианским, до Данастра, а на север — до Вислы... Анты же — сильнейшие из обоих племен — распространяются от Данастра до Данапра...»² Поскольку Днестр является восточным пределом склавлен (далее до Днепра уже жили анты), а Висла — северным, становится очевидным, что Новиетун и Мурсианское озеро представляют собой западную границу расселения склавлен. Это вполне в духе Иордана: точно так же, по сторонам света, он дает описание границ Скифии, которая «имеет с востока серов, ... с запада — германцев и реку Вистулу, с севера она охватывается океаном, с юга — Персией... Понтом и нижним течением Истра» (Гетика. § 31).

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.). Т. 1. М., 1994. С. 133. (Далее: Свод. Т. 1).

² Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (Из комментария к Иордану) // ВВ. 1957. Т. 12 (37). С. 3–30 (здесь: С. 4).

Поиски западной границы расселения склавен сразу же уведут нас в Подунавье. Название Мурсианского озера явно связано с именем римского города Мурса (совр. Осиек). В 1778 г. географ Ф. Таубе первым отождествил Мурсианское озеро с лежащим рядом с этим городом античным *Hiulsa palus* — болотом, чье имя сохранила впадающая в Дунай р. Вука (венг. *Valkó*)³. Скржинская видела в нем Балатон и связывала название «Мурсианский» с тем же Мурсой-Осиеком⁴. Третьим претендентом на звание Мурсианского озера оказывается озеро Нейзидлерзее, при этом название *Mursianus* рассматривается как искажение первоначального **Musianus lacus* «Мошоньское озеро» (чеш. *Mošonske jezero*)⁵.

Можно категорически утверждать, что единственным природным объектом, с которым можно отождествить Мурсианское озеро, является Нейзидлерзее, при этом название «Мошоньское» не имеет к нему никакого отношения, как, впрочем, и имя Мурсы-Осиека. К востоку от Нейзидлерзее некогда лежал античный *municipium Mursella* — современная Кишарпош-Морицхида между реками Марцаль и Раба в северо-западной Венгрии. В честь этого города, который во времена Иордана мог быть самым населенным местом бывшей Первой Паннонии, Мурсианское озеро, вероятно, и получило свое название.

Мурселла лежала на равном удалении от современных Нейзидлерзее и Балатона. Почему мы делаем решительный выбор в пользу первого? Это вытекает из свидетельства Иордана (Гетика. § 30), что «Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро». Балатон никогда не служил границей, ни естественной, ни политической, между какими-либо областями, тем более невозможно поместить его на границе Скифии и Германии. А вот Нейзидлерзейское озеро находится на исторической границе между Венгрией и Австрией, которая протекает здесь уже второе тысячелетие, разделяя ранее Транслейтанию и Цислейтанию, Венгерское королевство и Священную Римскую империю, Аварский каганат и Франкское королевство, Паннонию и Норик.

Нейзидлерзее располагается на естественном рубеже между двумя крупными географическими областями: Среднедунайской низменностью и Альпами. Иордан не случайно замечает, что Мурсианское озеро простирается там, где рождается река Истр. Именно здесь, в районе Вены, лежит граница между верхним и средним течениями Дуная и неширокая горная река, какой является Дунай от истоков примерно до Вены, выходя на венгерскую равнину, становится настоящим Дунаем. Древние подчеркивали это различие, называя верхний и нижний Дунай разными именами: Данубий и Истр. Плиний в «Естественной истории» (IV.79) ясно пишет, что «рождается он (т. е. Дунай) в Германии, на хребте Абнобы (Шварцвальд)... и, пройдя течением своим под именем Данубия бесчисленные народы, ...получает название Истра едва только начинает омывать берега Иллирика»⁶.

Под Иллириком здесь подразумевается Паннония, и совершенно напрасно Е.Ч. Скржинская пыталась доказать, что смена названия с Данубия на Истр про-

³ *Magdearu A.* About *lacus Mursianus* (Jordanes, *Getica*, 30 and 35) // *Byzantinoslavica*. 1997. 58. P. 87–89 (здесь: P. 87).

⁴ Скржинская Е.Ч. О склавенах и антах... С. 14.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 16.

исходила где-то при впадении в Дунай Савы и Дравы, т. е. неподалеку от Мурсы-Осиека⁷. Древние не хуже нас умели разграничить течение Дуная. Но если мы делим его на три части: верхнее (от истока до Вены), среднее (от Вены до Железных ворот) и нижнее (от Железных ворот до устья), — они делили только на две — верхнюю и нижнюю, Данубий и Истр. При этом естественные границы оставались прежними: если Плиний называл Данубием только современный верхний Дунай, то уже Страбон, согласно которому река меняет название в районе Катакт, т. е. Железных ворот (География. VII.3.13)⁸, называл Данубием уже современные верхнее и среднее течения Дуная. Таким образом, Иордан следует традиции Плиния называть Данубием верхнее, а Истром — среднее и нижнее течения реки.

Следующим доказательством отождествления Мурсианского озера с Нейзидлерзее являются природные особенности последнего. Оно представляет собой огромный, около 330 км², соленый и чрезвычайно мелкий (около метра глубиной) заросший тростником водоем, т. е. именно то, к чему подходит одновременно определение и «озера» (*lacus*), и «стоячей воды, разлива» (*stagnum*). Нужно заметить, что венгерское название Нейзидлерзейского озера, Фертё (Fertő-to), собственно, и означает «стоячее (затхлое, заразное) озеро». Ясно, что понятие *stagnum* нельзя отнести к «венгерскому морю» — озеру Балатон, — с которым пыталась отождествить Мурсианское озеро Е.Ч. Скржинская.

Исследовательницу подвела свойственная не одной ей боязнь «отступить» в поисках Мурсианского озера от Мурсы-Осиека. Поэтому она отвергла отождествление Балатона с озером Пельсо, дважды упомянутым у Иордана (Гетика. § 268, 274), и поместила последнее в уже упомянутый *Hiulca palus*⁹. Таким образом, в традиционной «мурсоцентричной» схеме задействованы оказываются только озеро Балатон и *Hiulca palus* с той разницей, что для большинства исследователей они являются озерами Пельсо и Мурсианским, а для Е.Ч. Скржинской — наоборот, при этом Нейзидлерзее для тех и других словно не существует.

Это тем более странно, что на карте Среднего Подунавья, изобиловавшего водами до мелиорационных работ XIX в.¹⁰, было и есть только два водоема, заслуживающих названия «озеро» (нем. See): Фертё и Балатон (*Neusiedlersee und Plattensee*), на что и указывала сама Елена Чеславовна¹¹. Очевидно, что им и должны соответствовать два озера, Мурсианское и Пельсо (Гетика. § 30 и 35, 268 и 274), упомянутые Иорданом в Подунавье.

Подведем первые итоги. Мурсианское озеро можно отождествить только с Нейзидлерзейским озером. В пользу этого свидетельствуют четыре довода:

- 1) наличие в непосредственной близости от него (включая прилегающее к озеру с востока огромное болото Ханшаг-Ваазен) города с одноименным названием *Mursella* (Малая Мурса);

⁷ Скржинская Е.Ч. О склавенах и антах... С. 12.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Hydrography of the Pannonian basin before the river and lake regulations in 19th century // Wikimedia commons. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Hydrography_of_the_Pannonian_basin_before_the_river_and_lake_regulations_in_the_19th_century.jpg.

¹¹ Скржинская Е.Ч. О склавенах и антах... С. 12.

- 2) расположение на границе двух естественных областей — Альп и Среднего Подунавья (*Scythia si quidem Germaniae terrae confines*);
- 3) нахождение в месте смены течением Дуная своего облика (*ubi Ister oritur*);
- 4) природные особенности (*stagnum, Fertő*).

Прочие гипотезы, согласно которым Мурсианское озеро является *Hiulca palus*, или Балатоном, держатся исключительно на совпадении имени Мурсианского озера с Мурсой-Осиеком и не отвечают ни одному из признаков этого водоема. *Palus* «болото, топь» не может быть названа «озером» (*lacus*), а Балатон — «стоячей водой» (*stagnum*). Указанные природные объекты не лежат ни у границы, разделяющей две страны, одна из которых к тому же является «Германией», ни на естественном рубеже между разными участками течения Дуная. Поэтому оба отождествления должны быть отвергнуты как несостоятельные, а вопрос о местонахождении Мурсианского озера следует разрешить в пользу Нейзидлерзее-Фертё.

Последнее обстоятельство позволяет определиться и с расположением города Новиетуна. В Подунавье известно два города с таким именем (кельт. «новый город»): современная Исакча (*Noviodunum ad Istrum*) в дельте Дуная и Дрново (*municipium Flavium Latobiorum Neviodunum*) в Словении. Исследователи, со времен Любора Нидерле уверенные, что славяне пришли в Подунавье с прародин, располагавшейся к северу от Карпат¹², «инстинктивно» помещают Новиетун у Исакчи¹³. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы усомниться в реальности такого отождествления. Пространство, ограниченное Вислой и Днестром с одной стороны, Новиодуном-Исакчей и Мурсой-Осиеком («общепринятая локализация») — с другой, представляет собой нечто несуразное, поскольку область расселения склавен остается без западной границы.

Все становится на свои места, если мы отождествим город Новиетун Иордана с Невиодуном-Дрново. Несмотря на пренебрежительное замечание Моммзена о «мелком городке в Верхней Паннонии»¹⁴, его трудно было не заметить: город представлял собой крайнюю юго-восточную точку провинции Норик, где граница с Паннонией круто поворачивала на запад.

Линия, соединяющая собой Нейзидлерзейское озеро и Дрново, представляет собой не просто произвольную «черту» на карте, как в случае с отрезками Исакча-Осиек или Исакча-Нейзидлерзее. Напротив, она совпадает с восточной границей провинции Норик, которая в свою очередь, проходила по естественной границе предгорий на высоте 300 м над уровнем моря, прекрасно видной на соответствующей карте¹⁵.

Таким образом, мы должны толковать сообщение Иордана о расселении склавен следующим образом: «Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемым Мурсианским [на западе. — *С.Н.*], до Данастра [на востоке. — *С.Н.*], а на север — до Вислы». Иными словами, к 551 г., когда была завершена «Гетика», склавены занимали всё (!) пространство Карпатской котловины, включая историческую Молдавию до Днестра и, судя по географии их набегов, историческую

¹² Нидерле Л. Славянские древности. М., 2013. С. 29–32.

¹³ Свод. Т. I. С. 132. Примеч. 104.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ La Pannonia Romana nel II secolo d. C. divisa in Superiore ed Inferiore // Wikimedia Commons. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Pannonia_II_secolo_dC.jpg.

Валахию до Дуная. Естественно, что этот вывод способен скандализовать читателя, привыкшего со времен Любора Нидерле считать славян пришельцами из областей, лежащих к северу от Карпат. Поэтому рассмотрим пристальней известия Иордана о склавенах и антах.

Кто такие анты?

Сведения Иордана о расселении склавен и антов (Гетика. § 35), являются продолжением и разъяснением отрывка: «...у левого их («Альп», т. е. Карпат) склона, спускающегося к северу, начиная от рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами» (Гетика. § 34)¹⁶.

Нетрудно заметить, что параграфы 34 и 35 у Иордана противоречат один другому. С одной стороны, склавены как часть венетов живут на северной (внешней) стороне Карпатских гор, с другой — они расселяются от Мурсианского озера и города Новиетуна, которые, при любом варианте их локализации могут быть помещены только в Подунавье, т. е. внутри Карпатской горной дуги. На это уже обращалось внимание в литературе: «Важно, что эта территория очерчена иначе у этих венетов здесь (§ 34), чем очерчивается ниже территория склавенов и антов (§ 35), так что это свидетельство... явно независимо от традиции о склавинах и антах»¹⁷.

На наш взгляд, речь идет не о разных «традициях», а об индивидуальных особенностях Иордана как писателя. Всем ранневизантийским писателям, кроме автора «Гетики», славяне были известны под двумя именами: склавенов и антов. Только Иордан добавил к ним имя венетов (*Venethae/Venethi*), причем в явной германской огласовке¹⁸. Обстоятельство, что Иордан был готов по происхождению и, вероятно, владел готским языком, скорее всего и стало причиной использования им книжного варианта германского этнонима **Winith-* в качестве общего названия для склавенов и антов.

Кого германцы (и готы) первоначально именовали этим словом? В позднейшие времена германское «венды/винды» было равнозначным латинскому «славяне» (*Sclavi*), но изначально это было не так. «Франкская космография» VII в. еще считала их разными народами: «Данубий долго течет среди великих народов... дает пропитание славянам (*Sclavis*)... и насыщает винидов (*Winidisque*)»¹⁹. Имя готского короля Винитария, скорее всего, означает просто «венет», поскольку представляет собой разновидность германского этнонима на *-arii*, наподобие упомянутых в «Гетике» (§ 36) видивариев (*Vidivarii*) или же бавар (*Baioarii*). Очевидно, что этот человек, известный у Аммиана Марцеллина под именем Вити-

¹⁶ Скржинская Е. Ч. О склавенах и антах... С. 4.

¹⁷ Шувалов П. В. Вендская слабость и антская сила: образ ранних славян в позднеантичных источниках // Проблемы античной истории. Сборник научных трудов к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. 2003. С. 354–355.

¹⁸ Свод. Т. 1. С. 129. Примеч. 102.

¹⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.). Т. 2. М., 1995. С. 400. (Далее: Свод. Т. 2).

мира, получил прозвище за «дело» с «венетами». Но Иордан недвусмысленно свидетельствует, что эти «венеты» были именно антами (Гетика. § 247–249).

Предположения об этимологическом тождестве имен антов и венетов, которые высказывались не раз, зачастую встречали самый неистовый отпор²⁰. Основные возражения, помимо лингвистических, можно свести к двум тезисам:

- 1) «ни *венеты*, ни *анты* никогда не были самоназваниями славян, и первоначально означали другие народы на славянских перифериях (*венеды/венеты* — на северо-западе, *анты* — на юго-востоке) и лишь вторично были перенесены на славян в языках третьих народов»²¹;
- 2) греческий этноним Ἄνται имеет убедительные неславянские этимологии²².

Оба утверждения представляются мне «странными», и вот почему. Слова академика Олега Николаевича Трубачева при всем почтении перед памятью выдающегося ученого представляют собой пример логической ошибки. В VI в. славянский язык просто не имел слова для обозначения «славян вообще». Этноним **slověne* был самоназванием только части славян, а именно склавен. Анты не могли использовать это самоназвание в силу простой необходимости как-то отличать себя от тех, кто называл себя «славянами», т. е. тех же склавен. Иначе каким образом выразить по-славянски простейшую мысль «я ант, а не склавен»? Очевидно, что у антов было особое славянское самоназвание, отличное от этнонима **slověne*.

Из этого следует, что греческий этноним Ἄνται, скорее всего, был фонетической передачей славянского самоназвания антов, и прежде чем этимологизировать греческое слово, не дурно было бы поискать соответствующий ему этноним среди славянских племенных названий. В самом деле, никому не придет в голову отрицать связь между греческим этнонимом Σκλαβηνοί и названием летописных «словѣнь». Очевидно, что славянская этническая номенклатура сохранила²³ имя фонетически соответствующее греческому Ἄνται: речь идет о племенном названии вятичей (**vętičĭ/vamichi*). Разумеется, последнее утверждение нельзя воспринимать в том духе, что анты суть вятичи или что анты называли себя «вятичами». Но фонетическое тождество корня (**vęt-/vam-*) и греческого Ἄνται может отрицать только крайне предвзятый исследователь.

Для того чтобы связать между собой названия вятичей и антов, вовсе необязательно реконструировать промежуточный (и нигде не засвидетельствованный) этноним на **ǫnt-* (*жнт-*), находящийся к имени **vętičĭ/vamichi* в том же отношении, что и «узел» (**qъlъ/жъль*) к «вязи» (**vęzъ/vazъ*)²⁴. Это только уведит с правильного пути.

²⁰ См. дискуссию: Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // ВВ. 2012. Т. 71 (96). С. 27–39; Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема как предмет этимологии и этноистории (возражения М.В. Грацианскому) // ВВ. 2014. Т. 73 (98). С. 251–263; Грацианский М.В. Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (ответ С.А. Иванову и А.Е. Аникину) // ВВ. 2014. Т. 73 (98). С. 264–277.

²¹ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. С. 98.

²² Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема... С. 256.

²³ Вопреки мнению Г. Кардараса: Kardaras G. Sclaveni and Antes. Some Notes On the Peculiarities Between Them // Slavia Orientalis. 2018. Vol. 67/3. P. 381.

²⁴ Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты». С. 36–37.

Передача праславянского самоназвания антов **vet-* греческим Ἄνται не представляет какой-то непреодолимой трудности. Очевидно, что заимствование было сделано из устной речи, поэтому нельзя требовать, чтобы праславянское **vet-* передавалось по-гречески непременно как *Ὀβάνται или *Ἐνται. Рефлексы «малого юса» делят славянские языки на две группы: восточные славяне произносили его широко, а южные — узко, что легко увидеть на примере слова «пять» (*petъ* / *пять*): белорус. *пяць*, укр. *п'ять*, но болг. *пет*, серб. *пѣт*, словен. *pet*. У западных славян сочетаются обе формы: словац. *päť*, *piaty*, чеш. *pět*, *páty*, пол. *pięć*, *piąty*, верх.-луж. *rjeć*, *rjaty*, ниж.-луж. *pěś*, *pěty*²⁵. Что касается корня **vet-*, то мы имеем чеш. *Václav* «Вячеслав» (но *větsí* «большой») при пол. *wiekszy* «большой». Поскольку анты «a Danastro extenduntur usque ad Danaprum» (Гетика. § 35), а значит жили восточнее склавен, мы вправе предположить, что анты самоназвание **vet-* произносили на «восточнославянский» лад, т. е. широко, с уклоном в «а», откуда начальная «альфа» в греческом слове.

Потеря начального **v-* тоже не выглядит чем-то необъяснимым²⁶. В VI в. этот звук не был чистым согласным наподобие русского *В*, а представлял собой полугласный в духе английского *W*. Даже сейчас, при наличии словарей и развитой транслитерации этот звук передается достаточно произвольно, ср.: Wallis — Уэльс и устаревшее Валлис (откуда «валлиец»), Water (gate scandale) «Уотер (гейтское дело)» и Water polo «ватерпол, водное поло», имя известного литературного героя доктора Watson'a в переводах Корнея Чуковского читается как Уотсон, а в названии популярной экранизации — как Ватсон и т. д.

Если мы сами не в состоянии добиться «правильной» передачи начального полугласного, почему мы должны ожидать от грубых византийских воинов — первых, кто сталкивался с задунайскими варварами, — «научной» транслитерации «дикого» имени антов в виде *Ὀβάνται или *Βάνται? Даже если она и существовала в таком виде, то могла быть вытеснена антикизирующим «придыхательным» вариантом Ἄνται в духе геродотовского Ἐνετοί «венеты» (ср. написания Βενέτικοί/Ἐνετικοί у Константина Багрянородного²⁷).

Итак, поэтические «украинные» (по отношению к ираноязычным), или «присягнувшие» (по отношению к тюркским кочевникам), славяне, какими представляются анты некоторым увлекающимся филологам, должны уступить место прозаичным славянам, называвшим себя именем, родственным этнониму вятичей и, вероятно, толковавшимся как «вятишие (сильнейшие, большие)», чем только и можно объяснить замечание Иордана «Antes vero, qui sunt eorum fortissimi» («анты же, которые из них самые сильные»)²⁸.

²⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2: панцырь — ящур. 2-е изд., стереотип. М., 1994. С. 91.

²⁶ Предположение об утрате начального **v-* также было сделано М.В. Грацианским: *Грацианский М.В.* К вопросу о происхождении этнонима «анты» // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византистов. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 74–77 (здесь: С. 76). Впоследствии он оставил его в пользу предположения о диалектной обусловленности наличия/отсутствия начального **v-*: *Грацианский М.В.* Анты, венеты, вятичи, славяне... С. 266–268.

²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 104–105, 491.

²⁸ Ср. *Грацианский М.В.* Анты, венеты, вятичи, славяне... С. 273. Примеч. 56.

Реконструкция славянского самоназвания антов не входит в задачу данной статьи; с большой вероятностью можно предположить только, что в единственном числе мужского рода оно могло выглядеть как **vętinъ* / **ватинъ* «вятин», в множественном — склоняться по модели существительных с основой на -и: **vętove* / **ватове*²⁹ и образовывать притяжательное местоимение **vętskъ(jь)* / **ватъскъ(и)* «вятский», т. е. соответствовать позднему этнонимическому ряду «татарин — „(злы) татарове“ — татарский». Во всяком случае, реконструкция звучания имени **vętove* в более вероятной для VI в. форме **ǫANTǫE* (полугласные для наглядности написаны строчными) весьма точно соответствует греч. ANTAI / лат. ANTAЕ.

Поскольку этимологическое родство древнего племенного названия «венетов» и вятичей не отрицается теперь даже скептиками³⁰, мы можем сделать вывод о том, что германское название «вендов» первоначально относилось не к славянам вообще и тем более не к «славянам» в узком смысле этого слова (склавам), а только к предкам антов. Заселявшие во времена Иордана «безмерные пространства» по внешней стороне Карпат венеты (Venethi), которые у Тацита уже «обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами»³¹, не могут считаться предками склавен. Судя по всему, Иордан просто использовал известную ему из литературы латинскую транслитерацию германского названия восточноевропейских праславян (предков антов) в качестве общего имени обоих родственных народов антов и склавен.

Кто такие склаваны?

Как было показано выше в разделе, посвященном Мурсианскому озеру, склаваны во времена Иордана проживали преимущественно внутри Карпатской котловины. Возникает вопрос: каким образом они туда попали? Вопрос об обстоятельствах появления славян в Среднем Подунавье и Восточных Альпах «покрыт мраком». Памятники пражской культуры, с которой в археологии принято связывать распространение славян по Европе, известны только в Словакии. Далее на юг обнаружены только ее крайне немногочисленные и малоубедительные «компоненты»: редкие трупосожжения, полуземлянки с печами-каменками, лепные сосуды³², которые, в отличие от коренных областей этой культуры к северу от Карпат, никогда не сочетаются в целостный комплекс и совершенно теряются на фоне местных древностей³³.

А между тем наличие и преобладание славян в Карпатской котловине к середине VI в. совершенно очевидно хотя бы в силу того, что писавший свою книгу в Италии Иордан неоднократно и как нечто само собой разумеющееся использует

²⁹ В чешском и польском имя антов выглядит именно так: Antové и Antowie.

³⁰ Аникин А.Е., Иванов С.А. Антская проблема... С. 251, 254.

³¹ Свод. Т. I. С. 39.

³² Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 7–25.

³³ Pohl W. The Avars. A Steppe Empire in Central Europe, 567–822. Itaka; London, 2018. P. 145; Stadler P. Etnische Verhältnisse im Karpatenbecken und Beziehungen zum Westen zur Zeit des Awarischen Khaganat im 6. und 7. Jahrhundert // Kulturwandel im Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen. Bonn, 2008. S. 677. Fig. 19.

название *Tisia* для обозначения Тисы (Гетика. § 33, 178). Как известно, классическим, вероятно, дакийским по происхождению, названием реки был гидроним «Па(р)тисс» — *Pathiscus* Плиния (Естественная история. IV.80), *Partiscus* Аммиана Марцеллина (История. XVIII.13–14)³⁴. Превращение первоначального Патисса в Тису возможно объяснить только на славянской языковой почве в духе народной этимологии: *Pathiscus* > *Potisje «Потисье» > праслав. *Tisa с изменением названия реки с мужского рода на характерный для славянских речных имен женский³⁵. Остается непонятным, каким образом «незначительный по численности, еще в V в. н. э. обитавший на задворках истории народ»³⁶ с «налаженной системой бегства в лес или болота при приближении неприятеля»³⁷ добился в Среднем Подунавье такого веса, чтобы славянское по облику название *Tisa полностью вытеснило из обихода классический «Патисс», при том что название Тиса (*Τίσας из *Τίϋας*) было известно уже Приску Панийскому, писавшему в середине V в., за сто лет до Иордана?³⁸ Очевидно, что тезис о «просачивании отдельных групп славян» не может удовлетворительно объяснить это обстоятельство.

Если мы обратимся к запискам Приска Панийского, получится, что уже во времена Аттилы «просочившиеся славяне» в буквальном смысле затопили Среднее Подунавье, поскольку все без исключения записанные им «туземные» слова: *Τίϋας* (*Τίσας), *strava*, *μέδος*, *κάμιν* — имеют славянскую этимологию (или же как в случае с Тисой — «облик»)³⁹. Естественно, ее многократно ставили под сомнение⁴⁰, но убедительных «готских» (германских), «гуннских» (алтайских?) или «авсонских» (романских) толкований этих слов нет. Но ведь именно готский, гуннский и «авсонский» были языками господствующего слоя в державе Аттилы, и именно их в первую очередь должен был услышать и записать Приск.

Маловероятна и кельтская принадлежность языка «смешанных скифов», хотя бы потому, что, по свидетельству Юлия Африкана, кельты в отличие от «пеонов» (позднегреческое название паннонцев) называли пиво не *κάμιν*, а *κερβησία* (ср. исп. *cerveza*, португ. *cerveja* — «пиво»)⁴¹.

Этнолингвистическая ситуация в Среднем Подунавье описана Приском с предельной ясностью: «[Скифы], будучи смешанными, сверх собственного варварского языка ревностно стремятся [овладеть языками] или гуннов, или готов, или даже авсониев, у кого из них сношения с римлянами. Но никто из них не говорит свободно по-гречески, кроме пленников, которых угнали из Фракии или с иллирийского побережья»⁴².

³⁴ Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 64.

³⁵ Там же. С. 65.

³⁶ Тохтасьев С.Р. Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (Славянские языки). СПб., 1998. С. 49.

³⁷ Шувалов П.В. Проникновение славян на Балканы // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (Славянские языки). СПб., 1998. С. 10.

³⁸ Свод. Т. 1. С. 92. Примеч. 15.

³⁹ Гиндин Л.А. К хронологии... С. 65 (*Τίσας), 71 (*strava*), 82 (*μέδος*); Свод. Т. 1. С. 94. Примеч. 18 (*κάμιν*).

⁴⁰ Тохтасьев С.Р. Древнейшие свидетельства... С. 31–30.

⁴¹ Свод. Т. 1. С. 94. Примеч. 18.

⁴² Там же. С. 87.

Попытка передать смысл этого отрывка так: «Смешанные многоязычные варвары не ограничиваются каждый знанием своего языка, но стремятся изучить и другие языки (престижные, по их понятиям), причем гунны учат готский, а готы — гуннский, при том что и те, и другие иногда знают латынь»⁴³ — вызывает возражения. Состав «скифов» явно не исчерпывается гуннами и готами, поскольку в него включаются и греческие пленники. Последнее свидетельствует против того, чтобы под «смешанными скифами» подразумевался господствующий варварский слой. Речь явно идет о податном населении гуннской державы, которое помимо прочего должно было снабжать проезжавших ко двору Атиллы послов продовольствием и «женщинами для соития»⁴⁴.

Какова этническая принадлежность «смешанных скифов», которые не были ни гуннами, ни готами, ни «авсониями»? Процитируем С.Р. Тохтасьева: «Едва ли Л.А. Гиндину удалось доказать непременно славянскую принадлежность слова *мѣдосъ*. С одной стороны, продолжения и.-е. **medhu-* известны едва ли не во всех и.-е. языках, с другой — те же варвары, которые угощали Приска и его спутников этим *мѣдосъ*, давали им также и другой напиток — *кѣмовъ*, который определяется Юлием Африканом (III в.) как пеонский. Пеоны — фракийское или иллирийское племя, обитавшее севернее Македонии; но уже в поздней античности термин „Пеония“ стали часто использовать вместо Паннония...; учитывая, что Приск пил *камон* именно в Паннонии, под „пеонами“ Африкана, скорее всего, следует понимать именно паннонцев. О языке (языках) последних известно лишь то, что он был индоевропейским. Таким образом, есть все основания полагать, что Приск зафиксировал местное паннонское название „медовухи“»⁴⁵.

Рассуждения исследователя вполне логичны: основным населением державы Атиллы должны были быть коренные жители бывших римских провинций (в нашем случае — паннонцы), которые, собственно, и содержали осевших в империи варваров. Между тем для «паннонского» слова *кѣмовъ*/samum «род пива из проса» существует единственная приемлемая этимология от славянского слова **kоть*⁴⁶: серб. «коми́на» — виноградные выжимки, коми́няк — брага или водка из «комины».

Поскольку «смешанные скифы» должны были учить латынь (язык авсониев), мы должны сделать вывод, что провинциальное население Паннонии (подобно тому, как это было в Британии) так и не было романизовано и в начале эпохи Великого переселения народов продолжало говорить на своем «варварском» языке, который, видимо, и служил *lingua franca* Среднего Подунавья во времена Атиллы.

Живучесть местной речи подтверждается, в частности, тем, что еще в 375 г. «паннонский выродок» (*Pannonius degener*: Аммиан Марцеллин. XXVI.7.16) император Валентиниан I во время аудиенции в Карнунте допрашивал наместника Паннонии префекта Проба, используя «родную речь» (*genuinus sermo*: Аммиан Марцеллин. XXX.5.8–30) — вероятно, упомянутый еще Тацитом (Германия. 43.1) «паннонский язык» (*Pannonica lingua*)⁴⁷.

⁴³ Свод. Т. 1. С. 95. Примеч. 24.

⁴⁴ Там же. С. 87.

⁴⁵ Тохтасьев С.Р. Древнейшие свидетельства... С. 30.

⁴⁶ Свод. Т. 1. С. 94.

⁴⁷ Colombo M. Il *genuinus sermo* di Valentiniano I: la *Pannonica lingua* e le altre lingue di sostratto nell'Europa continentale della Tarda Antichità // *Museum Helveticum*. 2014. Vol. 71. No 2. P. 173.

Природа этого языка остается совершенной загадкой, хотя Тацит прямо указывает, что тот не был ни галльским, ни германским. В литературе *Pannonica lingua* считается «иллирийским» наречием, но последнее определение ничего не проясняет: «почти полное отсутствие достоверных языковых данных, в первую очередь апеллятивной лексики», дает основание рассматривать иллирийский как «наименее известный индоевропейский язык»⁴⁸. Можно утверждать только, что этот язык был очень близок к славянскому: «Многие рефлексy сближают иллирийский язык с балтийскими и славянскими языками»⁴⁹.

Поскольку большинство «туземных» слов, записанных Приском Панийским, имеют славянскую этимологию, мы должны предположить, что Тацитова *Pannonica lingua* представляла собой праславянский диалект, а византийские Σκλαβηνοί были прямыми потомками античных паннонцев. Эта мысль была впервые высказана югославским археологом Воисловом Трбуховичем и получила горячую поддержку со стороны известного сторонника дунайского происхождения славян академика О.Н. Трубачева, который привел в подтверждение этой версии латинскую эпитафию из паннонского города Интерциса: *DEo DoBRATI EUNICES SER(vus). DE(dit) «Богу Добрату Евтихий раб воздал»*⁵⁰. В связи с этим стоит привести высказывание Л. Нидерле: «Чрезвычайно интересно, что этот славянский тип (речь идет о т. н. «городищенской керамике» распространенной в X–XI вв. по всему славянскому миру. — *С.Н.*) был в сущности не чем иным, как украшенной волнистым орнаментом римской посудой, широко распространенной в северных римских провинциях от нижнего Дуная до Рейна»⁵¹.

Только вывод о праславянской принадлежности паннонцев позволяет примирить между собой славянскую традицию, выводящую славян из Иллирика и Паннонии, с недвусмысленными свидетельствами Тацита, Плиния и Птолемея о восточноевропейских венетах. Обе версии казались ученым взаимоисключающими, и предпочтение, естественно, отдавалось восточноевропейской, а не дунайской прародине славян⁵².

А между тем речь идет о двух разных праславянских народах: склавенах, или собственно «славянах», носителях самоназвания **slověne*, с одной стороны, и антах, носителях самоназвания **vətove* — с другой, причем ни один из них не может быть признан частью друг друга⁵³. Как совершенно справедливо заметил ведущий специалист в области раннеславянской археологии И.О. Гавритухин: «Был конкретный народ, который так и назвался „славяне“. Он так и назывался в письменных источниках, греко- и латиноязычных (в соответствии с их произношением — „склавлены“, „стлавины“ и т. п.), и, что очень важно, из этих же письменных

⁴⁸ *Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М., 1978. С. 156–157.

⁴⁹ Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 101.

⁵⁰ *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян... С. 98. Изображение надгробия в виде всадника попирающего поверженного врага можно посмотреть по ссылке: http://sparotok.blogspot.com/2019/06/blog-post_23.html

⁵¹ *Нидерле Л.* Славянские древности... С. 483.

⁵² Славяне и их соседи в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. Археология СССР. М., 1993. С. 5–18. Карты 1–4.

⁵³ *Васильев М.А.* Славяне и анты: к проблемам этногенетических и раннеисторических процессов // Славяноведение. 1993. № 2. С. 7–14 (здесь: С. 13); *Он же.* Анты, словене, немцы, греки: славянский мир и его соседи в раннесредневековое время // Славяноведение. 2005. № 2. С. 3–19 (здесь: С. 5).

источников следует, что представители этого народа сами себя называли славянами. Также есть круг археологических культур, отражающих древнюю общность, которую археологи, лингвисты и другие ученые считают носителями славянских языков и в этом смысле славянами»⁵⁴. Очевидно, что вывести весь «круг раннеславянских археологических культур (и пражскую культуры в первую очередь) из Среднего Подунавья не получится, но «конкретный народ, который так и назывался „славяне“», может быть выведен только оттуда. Среднее Подунавье — единственное место на карте (за исключением Приильменья, где жили летописные «словѣне»), которое можно назвать «Славянской землей», поскольку именно там расположен ступок названий Словакия, Словения и Славония, и где до сих пор проживают «конкретные» народы, называющие себя «славянами»: словаки и словенцы.

И, наконец, последний вопрос: почему имя славян появилось в источниках только в VI в. и не было известно ранее? Полагаю, что этот этноним утвердился сравнительно поздно, только после римского завоевания Паннонии, как самоназвание местного населения провинции, говорящего не на латыни, а на своем собственном языке; точно так же, как возникли самоназвания двух других автохтонных народов, сохранившихся в романском море — албанцев и басков (*shqiptarët* и *eusaldunak*), означающие «говорящих по-своему» и семантически тождественные этнониму **slověne*⁵⁵. Впрочем, римскую, как и любую имперскую администрацию, мало занимали вопросы этнического самосознания покоренных народов, и она продолжала называть новоявленных «славян» привычными именами «паннонцев» и «илирицианов».

Как показывает история, собственные самоназвания входят в обиход только в условиях распада империй, когда носящие их этносы в силу тех или иных причин заставляют бывших властителей так или иначе считаться с собой. Именно поэтому нем. *Böhmen* «чехи» превратились в *Tschechen*, венг. *Tótok* «словаки» в *Szlovákok*, рус. «черемисы», «вотяки», «киргизы» — в марийцев, удмуртов и казахов. Кроме того, самоназвания даже очень крупных народов зачастую так и остаются неизвестными их соседям. Русские называют носителей самоназваний «ханьцзу», «дойч» и «хай» «китайцами», «немцами» и «армянами» и в свою очередь зовутся у литовцев, латышей и финнов соответственно *gudai*, *krievi*, *venä(läiset)*, т. е. «готами», «кривичами» и «венетами». Поэтому отсутствие самоназвания того или иного народа в определенной письменной традиции само по себе не может служить достаточным свидетельством в пользу незнакомства ее носителей с этим народом.

Поскольку «в славянском культурно-лингвистическом мире... существовали параллельно две равноправные и равноценные славяноязычные метаэтнические общности — словене и анты»⁵⁶, следует выдвинуть предположение, что праславяне были известны в римских источниках под двумя именами. Предками собственно «славян», или склавинов были античные паннонцы, коренные жители западной части Среднего Подунавья. Предками антов были упомянутые Тацци-

⁵⁴ Гавритухин И.О. Происхождение славян — две разные проблемы // Русский обозреватель. 11 сентября 2008 г. URL: <http://www.rus-obr.ru/idea/1148>.

⁵⁵ Назин С.В. Славяне и Рим. К вопросу о дунайской прародине славян // Сборник русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002. С. 219–229.

⁵⁶ Васильев М.А. Анты, словене, немцы, греки... С. 5.

том, Птолемеем и Плинием венеты, обитавшие в Восточной Европе к востоку от Вислы, на север от Карпатских гор.

Назин Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук

Преподаватель истории и философии

ГБПОУ «Колледж архитектуры,

дизайна и реинжиниринга № 26» («26 КАДР») Электронная почта:

sergnasin@yandex.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019

ISSN 0132–3776

Sergey NAZIN

SCLAVENI AND ANTES, LACUS MURSIANUS AND CIVITAS NOVIETUNENSIS REVISITED

Abstract: The article is dedicated to the analysis of the information of Jordan (Getica. § 35). The conclusion is made about the identity of the *lacus Mursianus* and the *civitas Novietunensis* with the *Neusiedlersee* and *Neviodunum Latobicorum* (Drnovo in Slovenia), thus the western frontier of the *Sclaveni* settlement is the border between Noricum and Pannonia. Ethnonym *Antes* is interpreted as the Slavic self-name of this people derived from the name of the *Venethi*.

Keywords: Lacus Mursianus, Civitas Novietunensis, Sclavenes, Antes, Vjatiči, Venethi.

Literature Cited

- Anikin, A.E., and Ivanov, S.A. “The Problem of Antes as a Subject of Etymology and Ethnohistory (a Refutation to Mikhail Gratsianskiy).” *Vizantiyskiy vremennik* 73 (2014). P. 251–263 (in Russian).
- Chernykh, P.Y. *Istoriko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological Dictionary of the Modern Russian Language]*. 2nd ed. Vol. 2. Moscow, 1994 (in Russian).
- Colombo, M. “Il *genuinus sermo* di Valentiniano I: la *Pannonica lingua* e le alter lingue di sostratto nell’Europa continentale della Tarda Antichità.” *Museum Helveticum* 71, no. 2 (2014). P. 172–188.
- Gavritukhin, I.O. “Ponyatiye prazhskey kul’tury [The Concept of the Prague Culture].” In *Slozheniye russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta*, ed. by B.S. Korotkevich, D.A. Machinsky, and T.B. Senichenkova. St. Petersburg, 2009. P. 7–25 (in Russian).
- Gindin, L.A. “K khronologii i kharakteru slavyanizatsii Karpato-Balkanskogo prostranstva (po lingvisticheskim i filologicheskim dannym) [On the Chronology and Nature of the Slavi-

- cization of the Carpathian-Balkan Space (According to the Linguistic and Philological Data)].” In *Formirovaniye rannefeodal’nykh slavyanskikh narodnostey*, ed. by V.D. Koryuk. Moscow, 1981. P. 52–96 (in Russian).
- Gindin, L.A., and Litavrin G.G., eds. *Svod drevneyshikh pis’mennykh izvestiy o slavyanakh [The Code of the Oldest Written Data concerning the Slavs]*. Vol. 1–2. Moscow, 1994–1995 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “Antes, Veneti, Vjatiči: Kinship of Names and Kinship of Tribes (an answer to S.A. Ivanov and A.E. Anikin).” *Vizantiyskiy vremennik* 73 (2014). P. 264–277 (in Russian).
- Gratsianskiy, M.V. “K voprosu o proishozhdenii etnonima *anty* [The Issue on the Origin of the ethnonym ‘Antes’ Revisited].” In *Rossiiskoe vizantinovedenie: Traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov*, ed. by S.P. Karpov. Moscow, 2011. P. 74–77.
- Gratsianskiy, M.V. “On the Origin of the Ethnonym ‘Antes’.” *Vizantiyskiy vremennik* 71 (2012). P. 27–39 (in Russian).
- Kardaras, G. “Sclaveni and Antes. Some notes on the Peculiarities between them.” *Slavia Orientalis* 67/3 (2014). P. 377–393.
- Litavrin, G.G., and Novosel’tsev, A.P., eds. *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii imperiyey. Tekst, perevod, kommentariy [Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Text, translation, comments]*. Moscow, 1989 (in Russian).
- Magdearu, A. “About *lacus Mursianus* (Jordanes, *Getica*, 30 and 35).” *Byzantinoslavica* 58, no. 1 (1997). P. 87.
- Nazin, S.W. “Slaviane i Rim: k voprosu o dunayskoi prarodine slavian [Slavs and Rome: on the Issue of the Danube Ancestral Home of the Slavs].” *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva* 5 (2002). P. 219–229 (in Russian).
- Neroznak, V.P. *Paleobalkanskiye yazyki [Paleobalkan languages]*. Moscow, 1978 (in Russian).
- Niderlé, L. *Slavyanskiye drevnosti [Slavic antiquities]*. Moscow, 2013 (in Russian).
- Pohl, W. *The Avars. A Steppe Empire in Central Europe, 567–822*. London, 2018.
- Rusanova, I.P., Rybakov B.A., and Simonovich, E.A., eds. *Slavyane i ikh sosedi v I tysiacheletii do n. e. — pervoy polovine I tysiacheletia n. e. [Slavs and their neighbours in the 1st millennium BC and the first half of the 1st millennium AD]*. Moscow, 1993 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. “Proniknoveniye slavyan na Balkany [Penetration of the Slavs into the Balkans].” In *Osnovy balkanskogo yazykoznaniya. Yazyki balkanskogo regiona. Part 2*, ed. by A.V. Desnitskaya and N.I. Tolstoy. St. Petersburg, 1998. P. 5–28 (in Russian).
- Shuvalov, P.V. “Venedskaya slabost’ i antskaya sila: obraz rannikh slavyan v pozdneantichnykh istochnikakh [The Weakness of the *Venethi* and the Strength of the *Anti*: the Image of the Early Slavs in Late Antique Sources].” In *Problemy antichnoy istorii. Sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu so dnia rozhdeniya prof. E.D. Frolova*. St. Petersburg, 2003. P. 352–359 (in Russian).
- Skrzhinskaya, E.Ch. “O sklavenakh i antakh, o Mursianskom ozere i gorode Noviyetune (iz kommentariya k Iordanu) [About *Sclaveni* and *Antes*, about *Mursianus lacus* and *civitas Novietunensis* (from a commentary on the Jordan)].” *Vizantiyskiy vremennik* 12 (1957). P. 3–30 (in Russian).
- Stadler, P. “Ethnische Verhältnisse im Karpatenbecken und Beziehungen zum Westen zur Zeit des Awarischen Khaganats im 6. Und 7. Jahrhundert.” In *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden — Awaren — Slawen*, ed. by J. Bemmman and M. Schmauder Bonn, 2008. P. 657–678.
- Tokhtas’ev, S.R. “Drevneyshiye svidetel’sstva slavyanskogo yazyka na Balkanakh [The Oldest Evidence of the Slavic Language in the Balkans].” In *Osnovy balkanskogo yazykoznaniya. Yazyki balkanskogo regiona. Part 2*, ed. by A.V. Desnitskaya and N.I. Tolstoy. St. Petersburg, 1998. P. 20–57 (in Russian).

- Trubachev, O.N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya* [*Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs. Linguistic research*]. 2nd ed. Moscow, 2003 (in Russian).
- Vasil'yev, M.A. "Anty, slovene, nemtsy, greki: slavyanskiy mir i yego sosedi v rannesredn-evekovoye vremya [Antes, Slavs, Germans, Greeks: Slavic World and Its Neighbors in Early Medieval Times]." *Slavyanovedeniye* 2 (2005). P. 3–19 (in Russian).
- Vasil'yev, M.A. "Slavyane i anty: k problemam etnogeneticheskikh i ranneetnoistoricheskikh protsessov v slavyanskom mire [Slavs and Antes: the Problems of Ethnogenetic and Early Ethno-historical Processes in the Slavic World Revisited]." *Slavyanovedeniye* 2 (1993). P. 7–14 (in Russian).

Sergey NAZIN

Candidate of Science in History
Professor of History and Philosophy
Moscow College of Architecture,
Design and Reengineering No 26
109263, Moscow, Shkuleva street, 27
e-mail: sergnasin@yandex.ru

А.В. Майоров

АПОСТОЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ, НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И РУСЬ В ЭКУМЕНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СЕРЕДИНЫ XIII в.*

Аннотация: В статье показана роль русских иерархов Византийской церкви — архиепископа Петра и митрополита Кирилла II — в установлении прямых контактов между Апостольским Престолом и правителями Никейской империи, приведших к новому раунду переговоров об объединении Римской и Византийской церквей. Контакты, начатые архиепископом Петром, были продолжены папским посланником Иоанном де Плано Карпини на переговорах с русскими князьями Даниилом и Василько Романовичами. В переписке папы с князем Даниилом обсуждались наиболее спорные догматические вопросы, разделявшие позиции латинян и греков. Согласие папы на литургическое использование квасного хлеба, полученное русским князем, способствовало дальнейшему прогрессу церковно-союзных переговоров.

Ключевые слова: Апостольский Престол, Никейская империя, Византийская церковь, папа Иннокентий IV, император Иоанн III Дука Ватац, русский архиепископ Петр, митрополит Кирилл II, князь Даниил Романович.

Монгольская угроза, которую первыми испытали христиане Ближнего Востока и Восточной Европы, способствовала новому усилению и расширению экуменических процессов. Эти процессы охватывали теперь не только христиан халкидонской богословской традиции, но и доктринально чуждых им яковитов, маронитов, несториан и др.

Новый папа Иннокентий IV (1243–1254) рассматривал союз с Константинопольской и другими восточно-христианскими церквями как один из главных своих приоритетов¹. К реализации экуменической стратегии он приступил уже в самом начале своего понтификата, прибегая к помощи членов нищенствующих орденов доминиканцев и францисканцев. Первым документом, свидетельствующим об этом, можно считать послание от 22 марта 1244 г. генеральному магистру доминиканцев Иоганну фон Вильдесхаузену, которому папа поручил направить

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10137П.

¹ Подробно см.: *De Vries W.* Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten // *Ostkirchliche Studien*. 1963. Bd. 12. S. 113–131. См. также: *Halecki O.* Diplomatie pontificale et activité missionnaire en Asie aux XIIe–XVe siècles // XIIe Congrès International des Sciences Historiques. T. II. Vienna, 1965. P. 7–10; *Pisanu L.* Innocenzo IV e i francescani (1243–1254). Rome, 1968. P. 135–149; *Gill J.* Byzantium and the Papacy, 1198–1400. New Brunswick, 1979. P. 95–96; *Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986. P. 216.

братьев-проповедников к различным христианским общинам Востока, среди которых были названы яковиты, несториане и греки².

При этом Иннокентий IV, как и его предшественник, избегал прямого обращения к никейскому императору и патриарху. Император Иоанн III Дука Ватац (1222–1254) был официально отлучен от церкви папой Григорием IX (1227–1241). Об этом он сообщил германскому императору Фридриху II (1220–1250) в письме от 17 марта 1238 г.³ Более раннее упоминание об отлучении Ватаца (*Vatácii excommunicati*) можно найти в послании Григория IX к венгерским архиепископам, датированном 1236 г.⁴ Вероятнее всего, отлучение произошло в ответ на осаду Константинополя, предпринятую греками в 1234–1236 гг. после провала переговоров о церковном союзе в Никее и Нимфее⁵. Правители Никей — с точки зрения римского первосвященника, виновники церковного раскола — должны были сами обратиться к нему с просьбой о возобновлении переговоров об объединении церквей.

Активизация миссионерской деятельности среди христианских общин Ближнего Востока, с одной стороны, и прямые контакты с христианскими правителями Восточной Европы, — с другой, несомненно, усиливали позиции Апостольского Престола в переговорах с Никеей. В настоящей статье мы рассмотрим первый этап этих переговоров (1245–1248 гг.), начало которым было положено визитом в Лион русского архиепископа Петра.

Русский архиепископ Петр на Лионском соборе

Иннокентий IV с первых дней своего понтификата был озабочен защитой Европы от монгольской угрозы ввиду возможности нового нашествия. Еще в августе 1243 г. папа обратился к аквилейскому патриарху Бертольду с инструкциями проповедовать крестовый поход в Германии против монголов, обещая всем, взявшим крест в защиту Венгрии, равные привилегии с крестоносцами, воевавшими за Святую Землю⁶.

Тем не менее новый папа почти два года воздерживался от отправки своих агентов к монголам для разведки и сбора необходимой для Запада информации

² *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254)* / Ed. T.T. Haluyčšynskyj, M.M. Wojnar // *Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Series 3. T. IV/1. Rome, 1962. No 8. P. 11–15. Paras 25, 26.* См. также: *Baldwin M.W. Missions to the East in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // History of the Crusades. T. V: The Impact of the Crusades on the Near East / Ed. by N.P. Zacour, H.W. Hazard. Madison, 1985. P. 472–473.*

³ *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)* / Ed. A.L. Tăutu // *Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Series 3. T. III. Rome, 1950. No 236. P. 314–315.*

⁴ *Les Registres de Grégoire IX* / Ed. L. Auvray. T. II. Paris, 1907. No 3156. P. 391; *Acta Honorii III et Gregorii IX. No 214. P. 290.*

⁵ Подробно см.: *Langdon J.S. The Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault and Siege of Constantinople, 1235–1236, and the Breakup of the Entente Cordiale between John III Ducas Vatatzes and John Asen II in 1236 as Background to the Genesis of the Hohenstaufen-Vatatzes Alliance of 1242 // Byzantine Studies in Honor of Milton V. Anastos / Ed. S. Vryonis. (Byzantina kai metabyzantina. T. 4). Malibu, 1985. P. 105–135.*

⁶ *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia* / Ed. A. Theiner. T. I. Rome, 1859. No 348. P. 187–188.

о пришельцах. Это тем более удивительно, если учитывать наличие большого числа добровольцев среди членов нищенствующих орденов, желавших исполнить поручение папы. Доминиканский летописец Жеро из Фраше сообщает, что, когда Иннокентий IV обратился к французскому провинциалу найти добровольцев для поездки к татарам в миссионерских целях, от желающих не было отбоя: братья-проповедники со слезами на глазах упрашивали выбрать их для этого святого дела⁷.

По-видимому, причиной нерешительности папы был страх перед монголами, вызванный ужасающими последствиями их нашествия на Польшу и Венгрию. Перемены в отношении к монголам стали происходить после появления на Западе русского архиепископа Петра, достигшего папского двора осенью 1244 г. В своих показаниях Петр стремился убедить папу и кардиналов в том, что монголы благосклонно (*benigne*) принимают послов и не причиняют им никакого вреда⁸. Похоже, именно эти показания убедили Иннокентия IV в том, что свирепые завоеватели соблюдали дипломатический этикет и что его представители не будут просто убиты⁹. Новые сведения о монголах, предоставленные русским информатором, настолько обнадежили и воодушевили папу, что он решил отправить сразу несколько посольств на Восток, не дожидаясь открытия церковного собора в Лионе, призванного выработать меры по противодействию монгольской угрозе.

Влияние показаний русского архиепископа Петра, сообщившего о трех монгольских армиях, действующих соответственно против вавилонян (Багдадский халифат), турок (Сельджукский/Румский султанат) и христиан Европы (Русь, Польша и Венгрия) — эти три армии должны были затем соединиться, чтобы напасть на Сирию¹⁰, — также подтверждается последующими решениями Иннокентия IV относительно маршрутов папских посольств: брат Иоанн (Джованни дель Плано Карпини) отправился в Польшу и Русь, Андре де Лонжюмо — в Сирию, а Асцелин Ломбардский (судя по отчету Симона де Сен-Кантена) собрал множество сведений о Румском султанате, которые могли быть получены только в результате длительного пребывания среди сельджуков¹¹.

⁷ *Géraud de Frachet. Vitae fratrum ordinis praedicatorum* / Ed. B. Reichert // *Monumenta Ordinis Fratrum Praedicatorum Historica*. T. I. Rome, 1896. P. 151. Б. Райхерт предположительно датирует это сообщение 1253 г., но из общего контекста можно заключить, что речь здесь могла идти о событиях более раннего времени.

⁸ *Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/35) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischof Peter über die Tartaren* // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I: Philologisch-historische Klasse*. 1956. Bd. 6. S. 194.

⁹ *Jackson P. The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation?* // *Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3*. 2016. T. 26/1–2. P. 73–75, 77. См. также: *Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans*. L., 1971. P. 86; *Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden, 1993. S. 193; *Schmieder F. Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen, 1994. S. 76.

¹⁰ *Annales monastici* / Ed. H. R. Luard // *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*. T. XXXVI/1. L., 1864. P. 273; *Dörrie H. Drei Texte...* S. 190.

¹¹ См.: *Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow; New York, 2005. P. 92–93. См. также: *Pelliot P. Les Mongols et la papauté (3)* // *ROCh*. 1931. T. 8. P. 36–40; *Guzman G. G. Simon of*

Вместе с тем роль русского архиепископа Петра при папском дворе не ограничивалась только сообщением новых сведений о монголах. В *Анналах бенедиктинского аббатства в Бёртон-апон-Трент в Стаффордшире* («Бёртонские анналы», вторая половина XIII в.), составитель которых использовал документы, полученные по преимуществу от центральных властей Английского королевства, а также из архивов нескольких епископов¹², сохранились важные подробности участия русского архиерея в Лионском церковном соборе, отсутствующие в других источниках: «Среди прочих прелатов мира прибыл на собор в Лионе рутенский архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшийся с собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и всё же через толмача блестяще, пред лицом его святейшества папы изложил Евангелие. Он также, особо приглашенный, с его святейшеством папой и другими прелатами, [как и они] облаченный в священные одежды, но не такого вида, как у них, присутствовал при богослужении»¹³.

Выявить «блестящее» знание Евангелия у русского архиепископа можно было, вероятно, путем специального расспроса с целью установить, насколько правильно Петр интерпретировал наиболее значимые евангельские тексты в греческом православном или в католическом смысле¹⁴. Подобный расспрос мог интересовать папу и кардиналов, если русский архиерей доставил в Лион не только сведения о монголах, но и предложение возобновить переговоры о союзе Римской и Константинопольской церквей, преодолев существующие догматические разногласия.

Выступление Петра перед латинскими прелатами должно было состояться в ходе обсуждения вопроса о церковном расколе и его преодолении, включенного папой в основную повестку Лионского собора, объявленную на его первой сессии¹⁵. О намерении Иннокентия IV обсуждать вопрос о союзе церквей также свидетельствует его послание к болгарскому царю Коломану I Асеню от 21 марта 1245 г. с призывом преодолеть церковный раскол и прислать своих делегатов на совет, который должен был состояться в Лионе¹⁶. Такой же призыв через несколько дней был адресован папой православным иерархам болгар, владов, сербов,

---

Saint-Quentin as Historian of the Mongols and Seljuk Turks // *Medievalia et Humanistica*. 1972. T. 3. P. 155–178.

¹² См.: *Gransden A. Historical Writing in England c. 550 to 1307*. L., 1974. P. 408–409; *Hilpert H.-E. Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris*. Stuttgart, 1981. S. 180.

¹³ *Annales monastici*. T. 1. P. 272: Inter ceteros mundi prelatos venit ad concilium Lugdunum archiepiscopus Ruthenus nomine Petrus, qui, prout quidam asserebant de concilio venientes, neque Latinam neque Grecam neque Hebraicam novit linguam et tamen per interpretem peroptime coram domino papa exposuit euangelium. Ipse etiam seorsum vocatus cum domino papa ceterisque prelatis in divinis, sacris vestibus indutus, set non eo modo quo ipsi, divinatorum assistebat celebrationi. Русский перевод: *Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий*. М., 1979. С. 180.

¹⁴ См.: *Dörrie H. Drei Texte...* S. 185.

¹⁵ *Relatio de Concilio Lugdunensi* / Ed. L. Weiland // *Monumenta Germaniae Historica. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum*. T. II. Hannover, 1896. No 401. P. 514; *Matthaei Parisiensis Chronica majora* / Ed. H.R. Luard // *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*. T. LVII/4. L., 1877. P. 434. См. также: *Wolter H., Holstein H. Histoire des conciles œcuméniques*. T. 7: Lyon I et Lyon II. Paris, 1966. P. 64–65; *Roberg B. Zur Überlieferung und Interpretation der Hauptquelle des Lugdunense I von 1245* // *Annuaire Historiae Conciliorum*. 1990. Bd. 22. S. 55–58.

¹⁶ *Acta Innocentii PP. IV*. No 20. P. 46.

алан, грузин, нубийцев, несториан «и других христиан Востока» (булла «Cum simus super» от 25 марта 1245 г.)¹⁷.

Можно предположить, что в первоначальные планы папы входило обеспечить участие в работе Лионского собора представителей нескольких восточно-христианских церквей, обладавших полномочиями обсуждать вопрос о единстве с Римом. Однако по разным причинам этого не произошло, и в итоге на соборе в Лионе восточных христиан представлял только один иерарх — русский архиепископ Петр. Вследствие этого широкого обсуждения вопроса об объединении церквей не было: дело ограничилось лишь небольшим эпизодом — кратким догматическим диспутом с русским архиепископом, полностью удовлетворившим папу и кардиналов, пригласивших Петра к совместному богослужению¹⁸.

Новые сведения об архиепископе Петре, недавно введенные в научный оборот, позволяют уточнить его статус и роль на переговорах с папой. В одной из сохранившихся копий текста показаний русского архиерея (Линцкий манускрипт первой трети XIV в.), уточняется, что Петр был «архиепископом из Белграба в России» (*Petrus archiepiscopus de Belgrab in Ruscia*), т. е. занимал кафедру в Белгороде, располагавшемся близ Киева¹⁹. Белгородский епископ играл важную роль в управлении церковью, замещая в качестве викария киевского митрополита во время длительных отъездов последнего из Руси, например в Константинополь, или выполняя обязанности первосвященника в периоды, когда митрополичий престол становился вакантным²⁰.

После бегства или гибели митрополита Иосифа в период завоевания монголами Южной Руси (1240 г.) белгородский епископ Петр должен был стать временным главой Русской митрополии и оставаться таковым до официального назначения нового митрополита константинопольским (никейским) патриархом. Поскольку в 1240–1243 гг. патриарший престол в Никее был вакантным, пребывание белгородского епископа Петра в статусе временного главы Киевской митрополии затянулось на несколько лет. Приход к власти нового патриарха Мануила II (осень 1243 г.)²¹, поддерживавшего курс Иоанна III Ватаца на поиск компромисса с Римом, по-видимому, должен был активизировать политику Никей в отношениях с папством. Возможно, в связи с этим следует рассматривать неожиданное, на первый взгляд, появление осенью следующего года при папском дворе одного из иерархов Константинопольской церкви — русского архиепископа Петра.

Едва ли можно сомневаться в том, что при папском дворе Петр воспринимался как официальное лицо — глава Русской митрополии. Об этом свидетельствует применяемый к нему в западных источниках титул «архиепископ Руси» (*archiepiscopus Russiae/Russciae*), соответствовавший титулу «митрополит Руси»

¹⁷ Acta Innocentii PP. IV. No 21. P. 48–49.

¹⁸ Подробнее см.: *Maierov A.V.* The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // *Journal of Ecclesiastical History* (в печати).

¹⁹ *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other. Helsinki, 2001. P. 154; *Jackson P.* The Mongols and the West. P. 87, 105; *Селарт А.* Архиепископ Петр и Лионский собор 1245 года // *Rossica Antiqua*. 2011. № 1. С. 108–109.

²⁰ *Назаренко А.В.* Архиепископы в Русской церкви домонгольского времени // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2015. № 4. С. 71–72.

²¹ *Laurent V.* La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208–1309) // *REB*. 1969. T. 27. P. 138–139.

(μητροπολίτης Ῥωσίας, μητροπολίτης πάσης Ῥωσίας), использовавшемся в официальных документах Константинопольской церкви (судя по сохранившимся печатям киевских митрополитов)²². Заметим также, что в первой половине XIII в. русские митрополиты использовали на своих печатях титул «архиепископ Русской митрополии» (ἀρχιεπίσκοπος τῆς μητροπόλεως Ῥωσίας)²³, прямо соответствующий титулованию Петра на Западе.

Монгольский агент или посланник никейского патриарха?

По сообщению Матвея Парижского, крупнейшего английского хрониста середины XIII в., архиепископ Петр, изгнанный татарами из Руси, прибыл на Запад для получения помощи, совета и убежища, надеясь, что Римская церковь и западные князья согласятся ему помогать²⁴. В соответствии с этим некоторые новейшие исследователи воспринимают Петра как беженца, вынужденного укрываться на Западе²⁵. Если так, то он должен был покинуть родину незадолго до взятия монголами Киева в декабре 1240 г. и тем самым спас свою жизнь. Но где в таком случае находился Петр еще почти четыре года? Источники не дают ответа на этот вопрос, создавая трудно разрешимое противоречие с версией о Петре как беженце.

На наш взгляд, появление русского архиерея на западе спустя несколько лет после завоевания монголами Руси, Польши и Венгрии, когда их войска уже были выведены из Центральной Европы, а Киев и Южная Русь оказались под властью завоевателей, требует пересмотра устоявшегося мнения о Петре и целях его визита в Лион.

Некоторые исследователи уже высказывали предположение, что Петр в действительности не был беженцем, спасавшимся от монголов, а преследовал совсем другие цели. По мнению Питера Джексона, будучи монгольским агентом, Петр из всех сил стремился убедить папу отправить послов к правителям монголов, поскольку последние воспринимали подобные посольства как первый шаг в признании политической зависимости²⁶. Не отрицая в целом такой возможности, мы с не меньшими основаниями можем предположить, что, отправляясь к папе, Петр мог выполнять поручение нового никейского патриарха, заинтересованного в возобновлении контактов с Римом.

²² Soloviev A.V. Metropolitensigel des Kiewer Russlands // BZ. 1962. Bd. 55. S. 298–300; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. No 41, 43. С. 27, 118, 222; Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands. (Mainzer Veröffentlichungen zur Byzantinistik, 6). Wiesbaden, 2004. Nr. 3.2.3.1–3.2.3.3. S. 252–257.

²³ Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати... Т. III. No 53. С. 341; Bulgakova V. Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Nr. 3.2.3.10. S. 266–267. См. также: Поннэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 466. Примеч. 13; С. 470–471. Примеч. 15.

²⁴ Matthaei Parisiensis Chronica majora. T. IV. P. 386. Русский перевод: Мамузова В.И. Английские средневековые источники... С. 151.

²⁵ Ruotsala A. Europeans and Mongols... P. 153; Jackson P. The Mongols and the West. P. 87; Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 29). Leiden; Boston, 2015. P. 211.

²⁶ Jackson P. The Testimony... P. 73–75.

В отличие от православных церквей Сербии, получившей независимость в 1219 г., и Болгарии (Тырновский патриархат), чья автокефалия была признана никейским патриархом в 1235 г., Русская митрополия неизменно оставалась частью Константинопольской церкви. По всей видимости, в первой половине XIII в. Русь не получила никаких ощутимых церковных привилегий и, похоже, даже не пыталась получить их (если, конечно, не считать хиротонии митрополита Кирилла II, русского по происхождению). Киевские (русские) митрополиты по-прежнему назначались и подчинялись константинопольскому (никейскому) патриарху. Из четырех известных ныне киевских митрополитов периода Никейской империи трое были греками²⁷.

У нас нет оснований считать, что русский архиепископ Петр, фактический глава Киевской (Русской) митрополии, демонстрировал лояльность папе на Лионском соборе исключительно по собственной инициативе или по поручению кого-то из русских князей (хотя нельзя полностью отвергать и такой возможности)²⁸. По нашему мнению, Петр как высокопоставленный иерарх Константинопольской церкви вел переговоры с папой и участвовал в Лионском соборе, прежде всего, в качестве представителя никейского патриарха, уполномочившего его обсуждать возможные перспективы объединения Римской и Константинопольской церквей.

Сказанное тем более вероятно, если вспомнить, что еще за несколько лет до Лионского собора никейский император через венгерского короля обращался к папе с предложением вернуться под власть Римской церкви. Этот факт отмечен в ответном письме Григория IX к Беле IV (1235–1270) от 10 февраля 1241 г. Приветствуя усилия короля Белы, папа писал: «...при Вашем посредничестве славный муж Ватац со всеми своими землями и народами, духовенством и церквями, которые <...> оставались, как известно, вне единства Римской церкви, пожелал, по здравом, хоть и запоздалом, размышлении, смиренно вернуться к ней, как к главе и матери овец»²⁹.

В своем настойчивом стремлении вернуть Константинополь под власть греков Ватац постоянно сочетал политическое давление и военные действия против Латинской империи с дипломатическими уловками и предложениями возобновить переговоры о союзе церквей.

²⁷ См.: Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 504–505; *Irmischer J.* Das Nikäische Kaisertum und Russland // *Byzantion*. 1970. Т. 40/2. S. 379–380; *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. New York; Washington, 1971. P. 240–242; *Жаворонков П.И.* Никейская империя и княжества Древней Руси // ВВ. 1982. Т. 43. С. 81–89; *Preiser-Kapeller J.* Der Episkopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolen und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453. Saarbrücken, 2006. S. 489–490.

²⁸ Большинство исследователей считает, что Петр был отправлен в Лион кем-то из русских князей: Михаилом Черниговским, Даниилом Галицким, Ярославом Суздальским или другим менее известным князем и действовал в его интересах. Новейший обзор мнений по этому вопросу см.: *Паславський І.* Український епізод Першого Ліонського собору (1245 р.). Львів, 2009. С. 12–49.

²⁹ *Acta Honorii III et Gregorii IX.* No 265. P. 347: Cum enim, sicut per easdem nobis litteras intimasti, Graecorum populum quas caliginosum montem gratiae suae radiis Dominus videatur adeo illustrare, ut tuo studio mediante nobilis vir Battacius, cum terris suis et populis, cleris et ecclesiis universis, qui, ut Effraim, quae dudum velut columba seducta invocavit Aegyptum, extra unitatem Romanae Ecclesiae permansisse dinoscitur, ad eam, quasi ad caput et matrem ovium, sano, quamvis sero, usus consilio, desideret cum humilitate redire...

Смерть Григория IX и наступивший затем период, когда папский престол оставался вакантным, на несколько лет отодвинули реализацию мирной инициативы Ватаца. Церковный собор в Лионе создавал удобный повод, чтобы снова вернуться к ней. На этот раз представителем Никеи на переговорах с папой выступал уже не венгерский король (не принимавший участия в Лионском соборе), а духовное лицо — русский архиепископ (= киевский митрополит) Константинопольской церкви, что, разумеется, более соответствовало данному случаю.

Против предлагаемой нами интерпретации говорит распространенное среди исследователей мнение, будто некоторые русские князья и, прежде всего, галицко-волынский князь Даниил Романович сам искал сближения с Римом в надежде найти помощь против монголов и повысить свой международный статус на Западе, получив королевскую корону от папы. Однако, как показали наши недавние исследования, контакты Даниила с Иннокентием IV были обусловлены, прежде всего, проходившими на рубеже 40–50-х гг. XIII в. переговорами Апостольского Престола с правителями Никейской империи о церковной унии. Отказ Никеи от продолжения этих переговоров в середине 50-х годов незамедлительно привел к разрыву с Римом со стороны русского князя³⁰.

Следуя в фарватере внешней политики Никейской империи, правители Руси неоднократно участвовали в переговорах с Римом, инициированных греками. В частности, переговорам об объединении Римской и Константинопольской церквей, проходившим в 1232–1234 гг., предшествовали контакты с папой Григорием IX того же галицко-волынского князя Даниила Романовича, заявлявшего о своей готовности «оказать почтение и повиновение Апостольскому Престолу». В ответном послании от 18 июля 1231 г. папа просил, чтобы русский правитель «благочестиво принял и соблюдал культ и обряды латинских христиан», подчинив власти Римской церкви себя и «все свое королевство»³¹.

На переговорах с Римом власти Никеи стремились подчеркнуть свое влияние на множество других народов, исповедовавших греческое православие. В письме к римским кардиналам (1232 г.) константинопольский (никейский) патриарх Герман II (1222–1240) ссылаясь на огромное множество христиан, «непоколебимых в своем православии», которые смотрели на него как на своего верховного пастыря, отметив эфиопов, сирийцев, грузин, лазов, алан, готов, хазар, «победоносное царство» болгар (*regnum magnae victoriae Vulgarorum*) и «бесчисленный народ Руси» (*innumerabilis plebs Russiae*)³².

Эти слова не были лишь пустым звуком, по крайней мере в отношении Руси. В мае 1228 г. в послании к киевскому митрополиту Кириллу I никейский патриарх запретил возводить в священники рабов и потребовал от русских епископов не совершать посвящений, пока не предъявлена вольная грамота; русским князьям под угрозой отлучения запрещалось вмешиваться в имущественные дела

³⁰ См.: *Maierov A.V. Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 2015. Bd. 126/1. P. 11–34.*

³¹ *Acta Honorii III et Gregorii IX. No 67. P. 221–223. Подробнее см.: Maierov A.V. Church-union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237 // Orientalia Christiana Periodica. 2018. T. 84/2. P. 385–405.*

³² *Acta Honorii III et Gregorii IX. No 179b. P. 251. См. также: Laurent V. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 4: Les registres de 1208 à 1309. Paris, 1971. No 1257. P. 65–68.*

церквей и монастырей, равно как и в церковную юрисдикцию вообще³³. Подобными требованиями патриарх заявлял о себе как о высшей инстанции в области церковного права и претендовал на роль арбитра в спорах между церковными и светскими властями.

Катастрофическое падение авторитета императорской власти после потери Константинополя в 1204 г. никейские патриархи и, прежде всего, Герман II старались восполнить путем усиления влияния Константинопольской церкви, стремясь выполнять роль арбитра в отношениях церковных иерархов с их папством во всем православном мире³⁴. Эта политика также должна была способствовать усилению роли Никеи в противостоянии с Западом. По мнению Джонатана Шепарда, патриарх Герман II первым обнаружил, что признание его в качестве высшего арбитра в области церковного права русскими и другими православными народами могло иметь значение в отношениях с папством как противовес универсалистским притязаниям последнего³⁵.

По нашему мнению, в 30–40-е гг. XIII в. именно русские князья и церковные иерархи, оставшиеся верными Константинопольской церкви, должны были продемонстрировать в отношениях с папством растущую роль Никеи как главного центра православного мира. Прибегая к помощи русских в качестве своих представителей на переговорах с папством, власти Никеи тем самым стремились укрепить свои собственные переговорные позиции. Говоривший только по-русски и подчеркивавший незнание греческого и других языков, архиепископ Петр своим появлением при папском дворе и выступлением на Лионском соборе как бы демонстрировал латинским прелатам, что несмотря на пережитую катастрофу Константинопольская церковь не утратила статуса мировой (вселенской) православной церкви и по-прежнему объединяла бесчисленные и разноязыкие народы по всему миру.

О роли русского архиепископа Петра в Лионе как представителя властей Никеи, выражавшего стремление последних к взаимопониманию с папой, может свидетельствовать еще один важный факт, недооцененный исследователями.

Помимо архиепископа Петра сигнал о готовности никейских греков к союзу с латинянами был доставлен в Лион официальным представителем императора Фридриха II Таддео да Свесса, заявившем на предварительной сессии собора о возможности привести к единству с Римской церковью Греческую империю. По словам Матвея Парижского, «чтобы примириться с папой и вернуть прежнюю дружбу», император Фридрих через своего представителя «уверенно предложил восстановить в единстве с Римской церковью всю Романию, т. е. Греческую империю»³⁶.

³³ Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т. VI. Ч. 1 СПб., 1880. No 5. Стб. 79–84. См. также: *Laurent V. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople*. Vol. 1. Fasc. 4. No 1247. P. 53–55.

³⁴ См.: *Angold M. A Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. L., 1975. P. 58.

³⁵ *Shepard J. The Byzantine Commonwealth, 1000–1550* // *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 5: *Eastern Christianity* / Ed. M. Angold. Cambridge, 2006. P. 21–22.

³⁶ *Matthaei Parisiensis Chronica majora*. Т. IV. P. 432: *Pro cuius pace et pristinae amicitiae reformatione optulit pro domino suo confidenter ad unitatem Romanae ecclesiae totum Romaniae, id est, Graeciae imperium, revocare*. Об этом и других предложениях Фридриха II, а также реакции на них со стороны папы см. в: *Folz A. Kaiser Friedrich II. und Papst Innocenz IV. Ihr Kampf in den*

Разумеется, это был пропагандистский ход со стороны Фридриха, преследовавшего собственные политические цели. Но вместе с тем подобное предложение не могло быть сделано без согласования с правителями Никеи. С конца 30-х гг. XIII в. Иоанн III Ватац и Фридрих II были союзниками, проводившими согласованную внешнюю политику. Войска, присланные Ватацем, сражались на стороне Фридриха в Северной Италии. Около 1241 г. союз двух императоров был закреплён династическим браком: Ватац женился на незаконнорожденной дочери Фридриха Констанции³⁷. Папа знал об этом альянсе и еще в марте 1238 г. осудил его, видя в нем прямую угрозу латинскому Константинополю³⁸. Кроме того, гарантами исполнения обещаний Фридриха, сделанных в Лионе, готовы были стать короли Англии и Франции³⁹, что, несомненно, свидетельствует о тщательной дипломатической подготовке предложений германского императора.

Таким образом, по нашему мнению, ко времени открытия Лионского собора к папе поступили сигналы о готовности к союзным переговорам как от светских, так и от церковных властей Никеи, доставленные русским архиепископом Петром и представителем императора Фридриха II.

Полученный через русского архиепископа (киевского митрополита) сигнал о готовности Константинопольской церкви к новым переговорам о союзе с Римом, по всей видимости, побудил папу форсировать контакты с главами других восточно-христианских церквей. Предлагая им союз с Римской церковью на основе признания папского первенства, Иннокентий IV одновременно заботился об усилении своих позиций на главном и самом трудном направлении переговоров о церковной унии — с никейским императором и патриархом.

Брат Иоанн, архиепископ Петр и митрополит Кирилл II

Успешная миссия архиепископа Петра в Лион, которая, по нашему мнению, не могла состояться без соответствующей санкции церковных и светских властей Никейской империи, обусловила готовность русских князей оказывать содействие папскому посланнику на Восток, брату Иоанну (Плано Карпини), не только в организации его безопасной поездки к монголам, но и, — что более важно, — в исполнении его прозелитической миссии на Руси.

По словам папского посланника, волынский князь Василько Романович (брат Даниила Галицкого), лично сопровождавший Карпини в поездке из Польши на Русь, «приказал явиться к нам своим епископам», чтобы «мы прочли им грамоту господина папы, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к

Jahren 1244 und 1245. Straßburg, 1905. S. 65–66; *Baaken G.* Ius imperii ad regnum. Königreich Sizilien, Imperium Romanum und Römisches Papsttum vom Tode Kaiser Heinrichs VI. bis zu den Verzichtserklärungen Rudolfs von Habsburg. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 299–300; *Stürner W.* Friedrich II. T. 2. Darmstadt, 2003. S. 533–534.

³⁷ См.: *Kiesewetter A.* Die Heirat zwischen Konstanze-Anna von Hohenstaufen und Kaiser Johannes III., Batatzes von Nikaia (Ende 1240 oder Anfang 1241) und der Angriff des Johannes Batatzes auf Konstantinopel im Mai oder Juni 1241 // *Römische Historische Mitteilungen.* 1999. Bd. 41. S. 239–250.

³⁸ *Acta Honorii III et Gregorii IX.* No 236. P. 314–315.

³⁹ *Matthaei Parisiensis Chronica majora.* T. IV. P. 432–434.

тому же самому, насколько могли, как князя, так епископов и всех других, которые собрались»⁴⁰.

Примечательно, что ни со стороны епископов, ни со стороны других лиц, слушавших проповедь брата Иоанна, не заметно никаких возражений, неприятия или хотя бы удивления по поводу призыва к единению с Римом. Какова бы ни была действительная реакция русских епископов на проповедь Карпини, их молчаливая готовность внимать подобному призыву подсказывает, что визит папского посланника был воспринят на Руси как следствие новой стадии союзных переговоров между Римской и Константинопольской церквами, старт которым был дан на Лионском соборе.

Вопреки ожиданиям, в своем отчете о поездке к монголам Карпини ничего не говорит об архиепископе Петре. Между тем папский посланник, несомненно, был осведомлен о визите Петра на Запад и его развернутых показаниях о монголах, составленных в форме ответов на вопросы, интересовавшие папскую курию. Показания русского архиепископа были записаны еще до открытия Лионского собора и переданы в распоряжение Плано Карпини и других посланников папы к монголам. Во всяком случае, в ходе своей миссии Карпини стремился проверить показания русского информатора. Замечено, что добытые сведения о монголах папский посланник располагал в том же порядке, в каком давал свои показания Петр: девять глав «Истории Монгалов» Карпини в целом соответствуют девяти вопросам, заданным русскому архиепископу⁴¹.

Весьма вероятно, что в задачу Карпини входило не только проверить истинность показаний Петра в отношении монголов, но и по возможности убедиться в готовности Константинопольской церкви к возобновлению единства с Римом, расспросив об этом русских князей и епископов.

Отсутствие упоминания об архиепископе Петре в отчете Карпини легко объясняется, если учесть его главную цель, декларируемую им самим: папский посланник стремился описывать только те факты и обстоятельства своего путешествия, которые могли подтвердить живые свидетели, встретившиеся ему на пути⁴². Конечно, архиепископ Петр, лично известный папе, мог бы стать важнейшим свидетелем пребывания Карпини на Руси, но по каким-то причинам последний не смог с ним встретиться. Возможно, ко времени прибытия брата Иоанна в Киев (конец января — начало февраля 1246 г.) Петр отправился в поездку в Нижею. Во всяком случае, русскому архиерею надлежало сообщить о результатах своего визита в Лион греческому патриарху, и, как мы предполагаем, он должен был сделать это лично.

⁴⁰ *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestò et al. Spoleto, 1989. P. 304: ...et fecisset nobis venire episcopos suos de nostro rogatu, legimus eis litteras domini pape, in quibus monebat eos quos deberent redire ad Ecclesie unitatem sancte matris. Nos etiam monuimus eos et etiam induximus, in quantum potuimus, tam ducem quam episcopos et alios omnes qui convenerant ad illud idem.

⁴¹ *Bezzola G.A.* Die Mongolen in Abendländischer Sicht, 1220–1270: Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern, 1974. S. 124–126; *Schmieder F.* Europa und die Fremden. S. 199. Anm. 8; *Jackson P.* Franciscans as Papal and Royal Envoys to the Tartars (1245–1255) // *The Cambridge Companion to Francis of Assisi* / Ed. M.J.P. Robson. Cambridge; New York, 2012. P. 234–235.

⁴² *Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli. P. 302: Dicto quomodo bello occuratur eisdem, ultimo dicemus de via quam fecimus, et de situ terrarum per quas transivimus, et ordinatione curie imperatoris et principum eius, et testibus qui in terra Tartarorum nos invenerunt.

Молчание брата Иоанна о русском госте Лиона, архиепископе Петре, также наводит на мысль, что этот последний не был связан с волынскими князьями, как иногда считается⁴³, а скорее был близок к конкурировавшему с ними за власть над Киевом владими́ро-суздальскому князю Ярославу Всеволодовичу. Став по решению Батия киевским князем (1243 г.), Ярослав мог претендовать и на контроль над Киевской митрополией через своего ставленника Петра. Исследователями неоднократно высказывались более или менее обоснованные предположения о том, что Петр был лично связан с князем Ярославом и отправился на Запад по его поручению⁴⁴.

В противовес Петру волынские князья выдвинули своего ставленника Кирилла (ок. 1243 г.). В итоге именно Кирилл был утвержден никейским патриархом в качестве нового русского митрополита (Кирилл II)⁴⁵. Карпини, проезжая через Киев на обратном пути в Лион (июнь 1247 г.), должен был узнать об этом. Таким образом, молчание папского легата об архиепископе Петре могло быть также обусловлено его скорым уходом с политической арены.

Дело, начатое русским архиепископом Петром в Лионе, было продолжено новым русским митрополитом Кириллом II. По нашим расчетам, Кирилл отправился на поставление в Никею в начале июня 1246 г.⁴⁶ и к концу того же года, вероятно, уже должен был вернуться на Русь в ранге митрополита. По сообщению Галицко-волынской летописи, на пути в Никею Кирилла сопровождал почетный эскорт, предоставленный венгерским королем Белой IV⁴⁷. Бела был союзником и родственником никейского императора и, используя свое влияние, способствовал утверждению Кирилла в качестве нового русского митрополита в обход архиепископа Петра.

Примечательно, что Кирилл, хотя, очевидно, и был священником, не принадлежал к числу иерархов Константинопольской церкви и в ранговом отношении уступал архиепископу Петру. До того, как стать киевским митрополитом, Кирилл, вероятнее всего, был печатником князя Даниила Романовича, т. е. возглавлял княжескую канцелярию⁴⁸. В этом качестве Кирилл, возможно, сопровождал князя Даниила в его поездке к Батю и в других важных делах, а также был причастен к составлению княжеского летописания⁴⁹.

⁴³ См.: *Паславський І.* Український епізод... С. 50–51.

⁴⁴ *Abraham W.* Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. I. Lviv, 1904. S. 119. Przyp. 1; *Ammann A.M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Roma, 1936. S. 246–247. Anm. 4; *Dörrie H.* Drei Texte... S. 183, 187; *Толочко О.П.* Петро Акеревич — гаданий митрополит всея Русі // Український історичний журнал. 1990. No 6. С. 53.

⁴⁵ Подробнее о митрополите Кирилле см.: *Avenarius A.* Nikaia und Rußland zur Zeit der tatarischen Bedrohung // *Byzantinoslavica*. 1980. T. 41. S. 33–43; *Поннэ А.* Митрополиты и князья... С. 468–471.

⁴⁶ *Майоров А.В.* «Cum quodam rege Rucsie singelariter in prelio dimicans...»: был ли Даниил Галицкий участником битвы на Лейте? // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2016. № 4. С. 48–49.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись / Под ред. А.А. Шахматова. М., 1998. Стб. 809.

⁴⁸ См.: *Stökl G.* Kanzler und Metropolit // *Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas*. 1966. Bd. 5. S. 150–175; *Jusupović A.* Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne. Kraków, 2016. S. 281–283.

⁴⁹ См.: *Паушто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 90–92, 237; *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. С. 318, 324, 335, 337, 356–357, 360–364.

Сразу после возвращения Даниила из ставки Батыя (начало весны 1246 г.⁵⁰) между венгерским королем и галицко-волынскими князьями была заключена политическая сделка, о которой прямо говорит русская летопись: в обмен на примирение и заключение династического союза с Даниилом венгерский король помог его ставленнику Кириллу получить назначение на русскую митрополию в Никее⁵¹. Пойти на этот шаг венгерского короля заставляла не только угроза нового вторжения армий Батыя, чьим вассалом стал князь Даниил, но и желание получить военную помощь галицко-волинского князя в предстоящей войне с австрийским герцогом Фридрихом Воинственным⁵².

С большой вероятностью можно предполагать, что новый митрополит Кирилл II привез на Русь не только подтверждение своих прав первосвященника, но и санкцию никейских властей на продолжение переговоров с папством об унии, начатых архиепископом Петром. Об этом свидетельствуют несколько важных для нас фактов, отразившихся в латинских источниках.

О своих недавних контактах с никейским императором Иоанном III Ватацем и его готовности к переговорам с Римом об унии в конце 1246 г. Иннокентия IV уведомила венгерская королева Мария Ласкарина (супруга Бела IV и сестра первой жены Ватаца). Сохранилось ответное письмо папы к королеве Марии, датированное 30 января 1247 г., в котором римский понтифик с воодушевлением писал: «...ты в меру сил радеешь и стараешься о том, чтобы Ватац и его народ вернулись в лоно Матери-Церкви, мы поистине возликовали, услышав об этом, и славим тебя за это». Далее папа просил королеву продолжить ее усилия и безотлагательно направить к Ватацу новых послов-переговорщиков⁵³. По нашему мнению, в своем несохранившемся письме к Иннокентию IV королева Мария могла сообщить о состоявшейся при непосредственном участии венгерской королевской семьи успешной поездке в Никею нового русского митрополита, доставившего подтверждение готовности Никее к переговорам о союзе церквей. Это тем более вероятно, если вспомнить, что на пути в Никею и, следовательно, на обратном пути до Венгрии Кирилла сопровождал эскорт, предоставленный венгерским королем.

Всего через несколько дней после письма к королеве Марии, 4 февраля 1247 г. папа направил другое письмо, адресованное ее супругу, королю Беле IV. В этом новом письме Иннокентий IV обещал при первой необходимости оказать военную помощь Венгрии против монголов, перенаправив для этого крестоносцев, обязавшихся воевать за Святую Землю или защищать Латинскую империю⁵⁴.

Послания папы в адрес венгерской королевы и короля от 30 января и 4 февраля 1247 г., по-видимому, связаны между собой и отражают важные перемены полити-

⁵⁰ О хронологии этой поездки см.: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий в пути к хану Батыею: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // *Stratum plus*. 2016. No 6. С. 195–202.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.

⁵² См.: *Майоров А.В.* Cum quodam rege Rucsie... С. 35–51.

⁵³ *Acta Innocentii PP. IV. No 34. P. 77: ...exultantes accepimus et referimus gloriantes, quod pro tuis insistis viribus et laboras, ut ad sinum matris Ecclesiae redeat Vatacius et gens eius, ex quo tanto tibi maiores actiones referimus gratiarum, quanto magis id ad laudem cedit et gloriam Jesu Christi, exaltationem contigit et commodum Sponsae suae, nostram et tuam utilitatem respicit pariter et honorem.*

⁵⁴ *Les Registres d'Innocent IV. T. I. Nos. 2957, 4000.* Полный текст документов см.: *Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. T. I. Nos. 379, 388. P. 203–204, 206.*

ки Апостольского Престола в отношении латинского Константинополя. Согласно Джозефу Джиллу, «Иннокентий IV, оказав щедрую помощь Латинской империи на соборе 1245 г., решил, что в действительности у него мало шансов спасти ее, и поэтому сосредоточил свои усилия на других проектах и избрал другие, более мирные средства для подчинения Востока»⁵⁵. По мнению Николаоса Криссиса, оба приведенных выше папских послания можно рассматривать как две стороны одной медали: «С одной стороны, ресурсы, предназначавшиеся для защиты латинского Константинополя, очевидно, были остро необходимы в других местах. С другой стороны, Иннокентий, вероятно, уже в более позитивном свете рассматривал возможность урегулирования ситуации в Романии путем взаимопонимания с никейскими греками [...] После этого момента со стороны папства не прилагалось никаких дальнейших усилий для того, чтобы мобилизовать силы Запада для защиты Латинской империи. Фактически, вышеупомянутая коммутация обетов крестоносцев в пользу Венгрии, нуждавшейся в защите от татар, является последним упоминанием о „крестоносцах для Латинской империи“ вплоть до 1261 г.»⁵⁶

Так или иначе, заметное ослабление усилий Иннокентия IV по поддержке Латинской империи силами крестоносцев, произошедшее около 1247 г., может свидетельствовать, что к этому времени папа получил обнадеживающие подтверждения готовности Никеи к возобновлению переговоров об унии на приемлемых для него условиях. Вместе с тем обещание перенаправить высвобождающиеся силы крестоносцев на защиту Венгерского королевства от монголов выглядит как своего рода благодарность Апостольского Престола за помощь в урегулировании отношений с греками, оказанную венгерской королевской семьей.

Русские князья и церковные иерархи в переговорах о единстве церквей

Еще одно свидетельство готовности Константинопольской церкви к новому сближению с Римом находим в отчете Плано Карпини. Когда летом 1247 г. на обратном пути в Лион он вновь посетил Волынь, князья Даниил и Василько, а также русские епископы уже не имели никаких сомнений в отношении готовности к союзу с Римом: князья и епископы заверили папского посланника, что «желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей»⁵⁷. По нашему мнению, этот несомненный поворот в пользу Рима церковных и светских правителей Руси был обусловлен готовностью властей Никеи признать папское первенство в обмен на соответствующие политические уступки, главной из которых было содей-

⁵⁵ Gill J. Byzantium and the Papacy. P. 80–81. См. также: Hussey J.M. The Orthodox Church... P. 216–217.

⁵⁶ Chrisis N.G. Crusading in Frankish Greece: A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012. P. 159. См. также: *Idem*. Crusades and Crusaders in Medieval Greece // A Companion to Latin Greece / Ed. by N.I. Tsougarakis, P. Lock. (Brill's Companions to European History. Vol. 6). Leiden, 2015. P. 32–33.

⁵⁷ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 330: Medio tempore inter se et cum episcopis et aliis probis viris consilium habentes super iis que locuti fuimus eisdem, quando ad Tartaros procedebamus, nobis responderunt communiter dicentes quod dominum papam vellent habere in dominum specialem et in patrem, et sanctam Romanam Ecclesiam in dominam et magistram.

ствии в возвращении грекам Константинополя. Об этом на Руси стало известно после возвращения из Никеи митрополита Кирилла, получившего необходимые инструкции от никейского патриарха и, вероятно, полномочия для продолжения переговоров с Римом.

В своем повествовании брат Иоанн далее поясняет, что при встрече с ним волынские князья и епископы «подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу через своего аббата»⁵⁸. По-видимому, речь в этом не вполне ясном известии идет о том, что еще до того, как Карпини, возвращаясь в Лион, достиг Волыни, русские князья и епископы отправили к папе своего посла в ранге игумена или архимандрита с теми же словами, которые затем услышал и записал Карпини. Надо думать, это посольство было отправлено в Лион вскоре после возвращения на Русь митрополита Кирилла, т. е. в первые месяцы 1247 г.

Упомянутый Карпини русский аббат, очевидно, достиг Лиона и провел новый раунд церковно-союзных переговоров с папой. Этого русского иерарха как «аббата Горы Святого Даниила» (*abbatis de Monte Sancti Danielis*) по имени Григорий, посла «дражайшего во Христе сына нашего Даниила, короля Руси» (*carissimi in Christo filii nostri Danielis, regis Ruscie*), как кажется, упоминает Иннокентий IV в письме к майнцскому архиепископу и эрцканцлеру Священной Римской империи Зигфриду III фон Эпштейну от 13 сентября 1247 г.⁵⁹ Из названного документа также можно заключить, что папа был вполне удовлетворен результатами визита аббата Григория и проведенных с ним переговоров. По просьбе последнего понтифик просил майнцкого архиепископа вознаградить еще одного участника этих переговоров — клирика Гецело из Вильсдорфа (*Hezelo de Vilstorf*), предоставив ему доходную должность в Меце⁶⁰.

Как сообщает брат Иоанн, для дальнейшего обсуждения вопросов церковной унии летом 1247 г. волынские князья отправили еще одно посольство в Лион в сопровождении его самого: «И послали также с нами касательно этого к господину папе свое письмо и послов»⁶¹.

Как видим, в 1247 г. происходили интенсивные контакты и обмен посольствами между галицко-волынскими князьями и папой. О повышенном интересе к этим контактам со стороны Иннокентия IV свидетельствуют сохранившиеся в папских регестах послания на Русь, датированные 1246–1248 гг.⁶² Насколько можно судить, это был период самых интенсивных контактов с Русью за всю историю средневекового папства.

Описанные выше события происходили накануне нового раунда переговоров об унии между Апостольским Престолом и властями Никеи на высшем уровне и выглядят как непосредственная подготовка к нему.

⁵⁸ Ibid. P. 330: ...confirmantes etiam omnia que de hac materia prius per suum abbatem transmiserant.

⁵⁹ Les Registres d'Innocent IV. T. I. No 3251. P. 489. См.: *Abraham W. Powstanie organizacji...* T. I. S. 122. Przyp. 1; *Pelliot P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient.* Paris, 1973. P. 72.

⁶⁰ *Analecta Vaticana, 1202–1366* / Ed. J. Ptaśnik. (Monumenta Poloniae Vaticana. T. III). Cracoviae, 1914. No 60. P. 33.

⁶¹ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 330: Et super hoc nobiscum ad <dominum> papam suas litteras et nuntios transmiserunt.

⁶² Подробнее см.: *Майоров А.В. Послания римского папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому: материалы для историко-археографического комментария* // *Rossica Antiqua.* 2015. No 1. С. 63–120.

Уже в 1248 г. никейский император предложил Иннокентию IV направить представителя для обсуждения союза между Константинопольской и Римской церквами. И хотя письмо Иоанна III Ватаца к папе не сохранилось, о его содержании можно судить по сообщению фра Салимбене де Адам, минорита из Пармы, автора обширной хроники, посвященной политике Святого Престола и истории Италии середины XIII в.: «услышав о святости брата Иоанна Пармского, Ватац, император греков, направил послание папе Иннокентию IV с просьбой прислать к нему генерального министра, брата Иоанна, ибо он надеялся, что под влиянием брата Иоанна греки вернутся к послушанию Римской церкви»⁶³.

По сообщению францисканского хрониста первой половины XIV в. Паулино Венецианца, осенью 1248 г. никейский патриарх Мануил II обратился с письмом подобного содержания непосредственно к Иоанну Пармскому (Джованни Буралли), генеральному министру Ордена францисканцев⁶⁴.

Вскоре делегация францисканцев во главе с министром Иоанном, получившая широкие полномочия от папы, была отправлена в Никею и начала переговоры с Иоанном III Ватацем. С большой вероятностью можно предполагать, что главным политическим вопросом этих и последовавших за ними переговоров было признание греками папского *plenitudo potestatis* в обмен на отказ папы оказывать помощь латинским властям в Константинополе и тем самым способствовать возврату грекам их столицы⁶⁵.

В начале 1250 г. под руководством никейского императора и патриарха в Нимфее состоялся церковный собор, созданный для преодоления догматических расхождений с Римом и восстановления церковного единства. Для продолжения переговоров ответная делегация Никеи, состоявшая из высших сановников и церковных иерархов, в мае 1250 г. была отправлена в Лион⁶⁶. Как следует из письма никейского патриарха Мануила II к папе Иннокентию IV, датированного 1250 г., все спорные догматические вопросы, не решенные на соборе в Нимфее, было предложено передать на рассмотрение будущего Вселенского собора с участием всех христианских церквей, который должен был созвать папа. Никейская делегация, направлявшаяся для участия в этом церковном соборе, получала

⁶³ *Chronica fratris Salimbene de Adam* / Ed. O. Holder-Egger // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. XXXII. Hannover, 1905–1913. P. 304: Vattatius similiter, imperator Grecorum, audiens sanctitatem fratris Iohannis de Parma, misit ad papam Innocentium quartum rogando quod mitteret ei fratrem Iohannem generalem, quia sperabat quod per eum Greci redirent ad precepta Romane Ecclesie.

⁶⁴ *Chronicon XIV vel XV Generalium Ministrorum Ordinis Fratrum Minorum* // *Analecta Franciscana sive Chronica aliaque varia documenta ad Historiam fratrum Minorum spectantia* / Ed. a patribus collegii S. Bonaventurae. T. III. Quaracchi, 1897. P. 697: Ipse recepit litteras a Manuele dicto, patriarcha Constantinopolitano, et a Iohanne dicto, imperatore Graecorum, de Ecclesia adunanda. См. также: *Laurent V. Les registres des actes...* Vol. 1/4. No 1311. P. 118.

⁶⁵ См.: *Gill J. Byzantium and the Papacy*. P. 93; *Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legazione di Giovanni da Parma. Il ruolo di Federico II*. Roma, 1981. P. 119–129; *Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge, 1995. P. 525; *Chrissis N.G. Crusading in Frankish Greece...* P. 164.

⁶⁶ Подробнее см.: *Gill J. Byzantium and the Papacy*. P. 88–95; *Franchi A. La svolta politico-ecclesiastica...*; *Angold M. Church and Society in Byzantium...* P. 525–526; *Chrissis N.G. Crusading in Frankish Greece...* P. 158–165.

самые широкие полномочия, и патриарх обязался признать все принятые собором решения⁶⁷.

Таким образом, в середине 40-х гг. XIII в. церковные иерархи Руси, архиепископ Петр и митрополит Кирилл II, возглавлявшие Киевскую (общерусскую) митрополию Константинопольской церкви, сыграли, по нашему мнению, важную и все еще недооцененную историками роль в установлении прямых контактов между последней и Римской церковью в возобновлении переговоров о церковном единстве.

Несомненно, этому способствовали внешнеполитические и династические связи русских князей, и в первую очередь галицко-волынского князя Даниила Романовича, ставшего к середине 40-х гг. XIII в. сильнейшим правителем Южной Руси. В 1246 г., как мы видели, Даниил возобновил свой военно-политический союз с венгерским королем Белой IV, скрепив его браком своего сына Льва с принцессой Констанцией, дочерью Белы⁶⁸. Кроме того, Даниил Романович, как и его отец Роман Мстиславич, был самым близким и последовательным союзником Византийской (Никейской) империи среди русских князей⁶⁹. Мать Даниила происходила из династии Ангелов, царствовавшей в Константинополе в конце XII — начале XIII вв.⁷⁰ Ее влияние на внешнюю и внутреннюю политику галицко-волынских князей прослеживается в течение нескольких десятилетий⁷¹. Тем самым Даниил Романович был союзником и родственником обоих ключевых участников переговоров о союзе Римской и Константинопольской церквей в 40–50-х гг. XIII в. — венгерского короля и никейского императора.

Даниил Галицкий в споре об азимах (опресноках)

В то время как король Бела IV и его супруга королева Мария были посредниками в переговорах о церковной унии, князь Даниил Романович, очевидно, был их непосредственным участником. В своей переписке с папой Даниил обсуждал богословские проблемы, которые вызывали самые серьезные противоречия между латинянами и греками. В частности, в ответном письме Даниилу от 27 августа 1247 г. папа писал: «Поскольку мы особенно выделяем тебя среди тех, кто почитает церковь, мы с Божьей помощью охотно устремляем слух к твоим просьбам и оказываем милостивое благоволение твоим пожеланиям. Поэтому, наш дражайший сын во Христе, уступая твоим просьбам, мы разрешаем этим письмом епископам и другим пресвитерам Руси придерживаться обычаев, связанных с

⁶⁷ Acta Innocentii PP. IV. Appendix. P. 195–199. О датировке этого документа см.: *Hofmann G.* Patriarch von Nikaia Manuel II. und Papst Innozenz IV // *Orientalia Christiana Periodica*. 1953. T. 19. P. 64–65. Ср.: *Laurent V.* Les registres des actes... Vol. I/4. No 1319. P. 126–128.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 809.

⁶⁹ См.: *Maierov A. V.* The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204 // *Russian History*. 2015. Vol. 42. P. 272–303. См. также: *Maierov A. V.* Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich? // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2016. Vol. 56. P. 343–376.

⁷⁰ См.: *Maierov A. V.* The Daughter of a Byzantine Emperor — the Wife of a Galician-Volhynian Prince // *Byzantinoslavica*. 2014. Vol. 72. P. 188–233.

⁷¹ См.: *Maierov A. V.* The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik Dynasty // *Slavic and East European Journal*. 2015. Vol. 59/3. P. 345–366. См. также: *Maierov A. V.* The Emperor Manuel's Cross in Notre Dame: On its Origin and Path // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2017. Vol. 57. P. 771–791.

[приготовлением святых даров] из дрожжевого теста, и других религиозных обычаев, которые не противоречат католической вере, т. е. вере Римской церкви»⁷².

Насколько нам известно, в приведенном документе Иннокентий IV впервые выразил свое отношение к литургическому использованию квасного хлеба. Этот вопрос оставался в числе главных на переговорах с властями Никеи. По сообщению Никколо ди Кальви, капеллана и биографа Иннокентия IV, Иоанн Пармский должен был говорить с греками: «как о происхождении Святого Духа, который, по их утверждению, исходит не от Сына, а только от Отца, так и о почтенном таинстве причастия, которое, по их словам, должно совершаться не из пресного теста, а из квасного»⁷³.

Однако после договоренности касательно квасного хлеба, закрепленной в переписке папы с князем Даниилом, вопрос об опресноках более не становился препятствием для сближения сторон на переговорах о церковной унии. Об этом свидетельствуют как греческие, так и латинские источники.

28 мая 1249 г. Иннокентий IV поручил Иоанну Пармскому, отправлявшемуся в Никею, убедить греков принять филиокве и не обсуждать с ними никаких других вопросов⁷⁴. Наш главный источник сведений о диспуте 1250 г. — автобиографический рассказ Никифора Влеммида, крупнейшего греческого богослова XIII в., — подтверждает, что основным обсуждаемым вопросом, по которому стороны так и не смогли прийти к согласию, был вопрос о филиокве⁷⁵. Другие богословские проблемы, если и поднимались в ходе этого диспута, не вызвали заметных разногласий⁷⁶.

Совершенно иначе ситуация развивалась во время предыдущих попыток латинян и греков достичь компромисса в доктринальных вопросах, в частности в ходе диспута 1234 г. (участником которого также был Никифор Влеммид)⁷⁷.

В то время как Римская церковь в целом терпимо относилась к использованию дрожжевого хлеба на подконтрольных ей территориях, где сохранялось

⁷² Acta Innocentii PP. IV. P. 87: Cum te de cetero specialem inter devotos Ecclesiae reputemus, petitiones tuas, quantum cum Deo possumus, libenter ad gratiam exauditionis admittimus et votis tuis favorem benevolum impertimus. Eapropter, carissime in Christo fili, tuis supplicationibus inclinati, episcopis et aliis presbyteris de Ruscia, ut liceat eis more suo ex fermentato conficere et alios eorum ritus, qui fidei catholicae, quam Ecclesia Romana tenet, non obviant, observare, auctoritate praesentium indulgemus.

⁷³ Vita Innocentii IV scripta a fr. Nicolao de Carbio // *Melloni A.* Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della christianità come regimen unius personae. (Testi e ricerche di scienze religiose. T. 4). Genua, 1990. P. 271: ...tam super processione Spiritus sancti, quem asserebant non a Filio sed solum a Patre procedere, quam de reuerendo sacramento eucharistie, quod dicebant debere confici non de aq̃imo sed potius fermentato...

⁷⁴ Acta Innocentii PP. IV. No 71. P. 125. См.: *Gill J.* Byzantium and the Papacy. P. 89; *Chrissis N.G.* Crusading in Frankish Greece. P. 163.

⁷⁵ См.: *Nicephorus Blemmydes.* Autobiographia sive curriculum vitae necnon epistula universalior / Ed. J.A. Munitiz. (Corpus Christianorum. Series Graeca. T. 13). Turnhout, 1984 P. 67–73.

⁷⁶ См.: *Franchi A.* La svolta politico-ecclesiastica... P. 75–82.

⁷⁷ Подп. см.: *Doran J.* Rites and Wrongs: The Latin Mission to Nicaea, 1234 // *Unity and Diversity in the Church* / Ed. by R.N. Swanson. Oxford, 1996. P. 131–144; *Brubaker J.D.* Nuncii or Legati: What makes a Papal Representative in 1234? // *Cross-Cultural Exchange in the Byzantine World, c. 300–1500 AD* / Ed. by K. Stewart, J.M. Wakeley. Oxford, 2016. P. 115–128; *Exarchos L.* «Und ihr wagt nicht euren Glauben zu bekennen». Formen des Bekennens im Rahmen der Unionsverhandlung zwischen römischer und orthodoxer Kirche in Nikaia und Nymphaion 1234 // *Orthodoxa Confessio? Konfessionsbildung, Konfessionalisierung und ihre Folgen in der östlichen Christenheit Europas* / Hrsg. von M.-D. Grigore, Fl. Kührer-Wielach. Göttingen, 2018. S. 139–162.

влияние Греческой церкви (Южная Италия, Франкская Греция, Кипр и др.), православные греки упорно отвергали латинскую практику опресноков. Впрочем, большинство латинских богословов XII–XIII вв. также не принимали или прямо отвергали греческий обычай квасного хлеба⁷⁸.

Наибольшей остроты вопрос об азимах достиг в мае 1231 г., когда на Кипре по приказу латинских властей были публично подвергнуты пыткам и сожжены на костре тринадцать греческих монахов (из Кантарского монастыря Пресв. Богородицы) за отказ использовать опресноки в Евхаристии⁷⁹. Получив известия об упорном отрицании азимов кантарскими монахами, папа Григорий IX приказал поступать с ними как с еретиками (*contra predictos monachos sicut contra hereticos processurus*), обрекая тем самым на мученическую смерть (послание к латинскому архиепископу Никосии Евсторгию от 5 марта 1231 г.)⁸⁰.

Гонения на Кипре вызвали широкий отклик в православном мире, в частности в Южной Италии⁸¹. Жестокость латинян осудил никейский патриарх в послании к папе Григорию (1232 г.)⁸². Во время дебатов 1234 г. греки настаивали, что Евхаристию невозможно совершить на пресном хлебе. В доказательство даже был представлен некий письменный документ, подтверждающий веру греков в то, что хлеб, данный Иисусом ученикам на Тайной Вечере, был заквашен. Папские послы отвергли это доказательство как не основывающееся на Священном Писании и свидетельствах Отцов Церкви⁸³.

Не найдя компромисса, стороны продолжили конфронтацию. 9 марта 1238 г. в письме к латинским патриархам Антиохии и Иерусалима, а также латинскому архиепископу Никосии папа Григорий IX потребовал не позволять никому из православных священников совершать службы, если они не принесли клятву послушания Риму, отказавшись от всякой ереси и особенно от осуждения латинской мессы с использованием пресного хлеба⁸⁴. В ответ на новые гонения ок. 1240 г. православные иерархи Кипра во главе с архиепископом Неофитом бежали в Киликийскую Армению, запретив оставшимся на острове священникам подчиняться латинянам под страхом отлучения⁸⁵.

⁷⁸ О конфликтах и полемике по вопросу об азимах см.: *Bayer A.* Spaltung der Christenheit. Das sogenannte Morgenländische Schisma von 1054. Köln, 2002. S. 214–221; *Avvakumov G.* Entstehung des Unionsgedankens. Die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche. B., 2002. S. 87–116, 346–357; *Schabel Ch.* The Quarrel over Unleavened Bread in Western Theology, 1234–1439 // *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500* / Ed. by M. Hinterberger, Ch. Schabel. Leuven, 2011. P. 85–127.

⁷⁹ См.: *Schabel Ch.* Martyrs and Heretics, Intolerance of Intolerance: The Execution of Thirteen Monks in Cyprus in 1231 // *Idem.* Greeks, Latins, and the Church in Early Frankish Cyprus. Farnham; Burlington, 2010. III. P. 1–33.

⁸⁰ *The Cartulary of the Cathedral of Holy Wisdom of Nicosia* / Ed. by N. Coureas, Ch. Schabel. Nicosia, 1997. No 69. P. 175–176.

⁸¹ См.: *Angold M.* Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile // *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204* / Ed. by B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L., 1989. P. 70–71.

⁸² *Acta Honorii III et Gregorii IX.* No 179a. P. 246.

⁸³ *Golubovich G.* Disputatio Latinorum et Graecorum seu relatio apocrisarium Gregorii IX de Gestis Nicaeae in Bithynia et Nymphaeae in Lydia, 1234 // *Archivum Franciscanum Historicum.* 1919. T. 12. P. 454–455.

⁸⁴ *Acta Honorii III et Gregorii IX.* Gregorii IX. No 230. P. 310–311.

⁸⁵ См.: *Coureas N.* The Latin Church in Cyprus, 1195–1312. Aldershot, 1997. P. 286–287; *Schabel Ch.*

Разрядка наступила только после прихода к власти папы Иннокентия IV и назначения им 7 июля 1246 г. францисканца Лаврентия Португальского (Лоренцо де Орте) легатом и «ангелом мира» на Ближнем Востоке, попечителем над всеми восточными христианами в Малой Азии, в Антиохийском и Иерусалимском патриархатах и в королевстве Кипра⁸⁶. Ок. 1247 г. Лаврентий склонил к союзу с Римом православного патриарха Антиохии Давида, добивавшегося в обмен на прямое подчинение папе расширения своей юрисдикции на все православное население церковной провинции Тира. Ок. 1248 г. папский легат вернул из ссылки кипрского архиепископа Неофита, после чего православные иерархи острова заявили о готовности прямого подчинения папе в обход местной латинской церковной администрации⁸⁷.

Заметим, что деятельность Лаврентия по умиротворению православных христиан Ближнего Востока совпадает во времени с началом переговоров об унии с властями Nikei, проходивших при участии русских князей и церковных иерархов.

Эти переговоры потребовали возобновления усилий сторон по поиску компромиссного решения наиболее спорных доктринальных вопросов. Предыдущий опыт показывал, что такой компромисс должен был стать основой и условием успеха новых переговоров. Убедившись в твердой решимости Римской церкви отстаивать свои позиции в вопросе о филиокве, греки, по всей видимости, ограничились требованием официального признания своего права на евхаристическое использование дрожжевого хлеба. Предварительная договоренность по этим вопросам была достигнута до начала основных переговоров о союзе церквей, благодаря усилиям русских церковных иерархов. Пример архиепископа Петра, принявшего участие в совместной мессе с папой и кардиналами во время проведения Лионского собора, должен был продемонстрировать всем восточно-христианским иерархам возможный путь к евхаристическому единству с Римом.

Роль русского князя Даниила Романовича состояла в том, что благодаря его стараниям был достигнут и письменно закреплён компромисс по одному из наиболее спорных доктринальных вопросов, разделявших позиции латинян и греков. Письменное согласие папы на литургическое использование квасного хлеба, полученное Даниилом в 1247 г., должно было распространяться не только на Русскую митрополию, но и на всю греческую церковь.

В ходе дальнейших переговоров Апостольского Престола и властей Nikei вопрос об опресноках уже не считался препятствием на пути к церковному единству. Кроме того, компромисс, достигнутый при участии русского князя, как кажется, стал основой для последующего урегулирования религиозных противоречий на Кипре. В письме к своему новому легату на Ближнем Востоке кардинал-епископу Тускула Одо из Шатору, датированном 6 марта 1254 г., Иннокентий IV, возвращаясь к принципам Четвертого Латеранского собора, говорит о допустимости греческих обрядов при условии повиновения Римской церкви⁸⁸.

Martyrs and Heretics... P. 30–31; *Kyriacou Ch. Orthodox Cyprus under the Latins, 1191–1571: Society, Spirituality, and Identities*. Lanham, 2018. P. 12.

⁸⁶ Acta Innocentii PP. IV. No 31. P. 73.

⁸⁷ См.: *Hamilton B. The Latin Church in the Crusader States: The Secular Church*. Abingdon; Oxon, 2016. P. 322–324; *Coureas N. The Latin Church in Cyprus...* P. 287–296.

⁸⁸ Acta Innocentii PP. IV. No 105. P. 171–175.

«Constitutio instruens Graecos» папы Александра IV (ок. 1260 г.) признает одинаково допустимыми латинский и греческий евхаристические обычаи; при этом греческим епископам и священникам было предложено совершать Евхаристию с использованием обоих видов хлеба — как пресного, так и дрожжевого⁸⁹.

Майоров Александр Вячеславович

Доктор исторических наук

Профессор, заведующий кафедрой музеологии

Институт истории СПбГУ

Университетская набережная, 7/9

199034 Санкт-Петербург

Электронная почта: a.v.maiorov@gmail.com

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019

ISSN 0132–3776

Alexander MAIOROV

APOSTOLIC SEE, EMPIRE OF NICAËA AND RUS' IN THE ECUMENICAL PROCESSES OF THE MID-13TH CENTURY

Abstract: The article shows the role of the Russian hierarchs of the Byzantine Church, Archbishop Peter and Metropolitan Cyril II, in establishing direct contacts between the Apostolic See and the rulers of the Nicene Empire, which led to a new round of negotiations on the unification of the Roman and Byzantine churches. The contacts initiated by Archbishop Peter were continued by the papal envoy John of Pian de Carpine in negotiations with the Rus' princes Daniel and Vasilko Romanovich. In the correspondence of the Pope with Prince Daniel, the most controversial dogmatic questions that divided the positions of the Latins and the Greeks were discussed. The papal consent to the liturgical use of leavened bread, obtained by the Rus' prince, contributed to the further progress of church-union negotiations.

Keywords: Apostolic See, Empire of Nicaea, Byzantine Church, Pope Innocent IV, Emperor John III Doukas Vatatzes, Rus' Archbishop Peter, Metropolitan Cyril II, Prince Daniel Romanovich.

Literature Cited

Ammann, A.M. *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie*. Roma: Pontificium Institutum Orientalium, 1936.

⁸⁹ Acta Alexandri PP. IV. No 46a. P. 106–107.

- Angold, M. *A Byzantine Government in Exile. Government and Society Under the Laskarids of Nicaea (1204–1261)*. London: Oxford University Press, 1975.
- Angold, M. *Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Angold, M. "Greeks and Latins after 1204: The Perspective of Exile." In *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204*, ed. by B. Arbel, B. Hamilton and D. Jacoby. London: Frank Cass, 1989. P. 63–86.
- Avenarius, A. "Nikaia und Rußland zur Zeit der tatarischen Bedrohung," *Byzantinoslavica* 41 (1980). P. 33–43.
- Avvakumov, G. *Entstehung des Unionsgedankens. Die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche*. Berlin: Akademie Verlag, 2002.
- Baaken, G. *Ius imperii ad regnum. Königreich Sizilien, Imperium Romanum und Römisches Papsttum vom Tode Kaiser Heinrichs VI. bis zu den Verzichtserklärungen Rudolfs von Habsburg*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 1993.
- Baldwin, M. W. "Missions to the East in the Thirteenth and Fourteenth Centuries." In *A History of the Crusades*, ed. by N. P. Zacour and H. W. Hazard. Vol. 5. Madison (Wis.): The University of Wisconsin Press, 1985. P. 452–518.
- Bayer, A. *Spaltung der Christenheit. Das sogenannte Morgenländische Schisma von 1054*. Köln: Böhlau, 2002.
- Bezzola, G. A. *Die Mongolen in Abendländischer Sicht, 1220–1270: Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen*. Bern, Munich: Francke, 1974.
- Brubaker, J. D. "Nuncii or Legati: What makes a Papal Representative in 1234?" In *Cross-Cultural Exchange in the Byzantine World, c. 300–1500 AD*, ed. by K. Stewart and J.M. Wakeley. Oxford: Peter Lang, 2016. P. 115–128.
- Bulgakova, V. *Byzantinische Bleisiegel in Osteuropa. Die Funde auf dem Territorium Altrußlands*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Chrissis, N.G. "Crusades and Crusaders in Medieval Greece." In *A Companion to Latin Greece*, ed. by N. I. Tsougarakis and P. Lock. Leiden: Brill, 2015. P. 23–72.
- Chrissis, N.G. *Crusading in Frankish Greece: A study of Byzantine-Western relations and attitudes, 1204–1282*. Turnhout: Brepols, 2012.
- Coureas, N. *The Latin Church in Cyprus, 1195–1312*. Aldershot: Ashgate, 1997.
- Coureas, N., and Schabel, Ch., eds. *The Cartulary of the Cathedral of Holy Wisdom of Nicosia*. Nicosia: Cyprus Research Centre, 1997.
- Doran, J. "Rites and Wrongs: The Latin Mission to Nicaea, 1234." In *Unity and Diversity in the Church*, ed. by R.N. Swanson. Oxford: Blackwell, 1996. P. 131–144.
- Dörrie, H. "Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen: Die Missionsreisen des fr. Julianus O. P. ins Uralgebiet (1234/35) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischof Peter über die Tartaren." *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I: Philologisch-historische Klasse* 6 (1956). P. 125–202.
- Exarchos, L. "'Und ihr wagt nicht euren Glauben zu bekennen'. Formen des bekennens im Rahmen der Unionsverhandlung zwischen römischer und orthodoxer Kirche in Nikaia und Nymphaion 1234." In *Orthodoxa Confessio? Konfessionsbildung, Konfessionalisierung und ihre Folgen in der östlichen Christenheit Europas*, ed. by M.-D. Grigore and Fl. Kührer-Wielach. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. P. 139–162.
- Franchi, A. *La svolta politico-ecclesiastica tra Roma e Bisanzio (1249–1254). La legatione di Giovanni da Parma. Il ruolo di Federico II*. Roma: Pontificium Atheneum Antonianum, 1981.
- Gill, J. *Byzantium and the Papacy, 1198–1400*. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1979.
- Gransden, A. *Historical Writing in England c. 550 to 1307*. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.

- Guzman, G.G. "Simon of Saint-Quentin as historian of the Mongols and Seljuk Turks." *Medievalia et Humanistica* 3 (1972). P. 155–178.
- Halecki, O. "Diplomatie pontificale et activité missionnaire en Asie aux XIIe–XVe siècles." In *XIIIe Congrès International des Sciences Historiques*. T. 2. Vienna: Verlag Ferdinand Burger & Sohne, 1965. P. 5–32.
- Haluyčynskij, T. T., and Wojnar, M. M., eds. *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254)*. Roma 1962.
- Hamilton, B. *The Latin Church in the Crusader States: The Secular Church*. Abingdon; Oxon: Routledge, 2016.
- Hilpert, H.-E. *Kaiser- und Papstbriefe in den Chronica majora des Matthaeus Paris*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.
- Hofmann, G. "Patriarch von Nikaia Manuel II. und Papst Innozenz IV," *Orientalia Christiana Periodica* 19 (1953). P. 59–70.
- Hussey, J.M. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire*. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Irmsher, J. "Das Nikäische Kaisertum und Russland," *Byzantion* 40 (1970). P. 369–381.
- Ivanov, S.A. *Vizantijskoe missionerstvo: Možno li sdelat' iz "varvara" khristianina? [Byzantine missionary work. Is it possible to make a Christian a "barbarian"?]*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003 (in Russian).
- Jackson, P. "Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars (1245–1255)." In *The Cambridge Companion to Francis of Assisi*, ed. by M.J.P. Robson. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. P. 224–239.
- Jackson, P. "The Testimony of the Russian 'Archbishop' Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation?" *Journal of the Royal Asiatic Society* 26 (2016). P. 65–77. doi: 10.1017/S135618631500084X.
- Jackson, P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow, New York: Longman, 2005.
- Jusupović, A. *Elity ziemi halickiej i wołyńskiej w czasach Romanowiczów (1205–1269). Studium prozopograficzne*. Kraków: Avalon, 2016.
- Kiesewetter, A. "Die Heirat zwischen Konstanze-Anna von Hohenstaufen und Kaiser Johannes III, Batatzes von Nikaia (Ende 1240 oder Anfang 1241) und der Angriff des Johannes Batatzes auf Konstantinopel im Mai oder Juni 1241." *Römische Historische Mitteilungen* 41 (1999). S. 239–250.
- Klopprogge, A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.
- Kyriacou, Ch. *Orthodox Cyprus under the Latins, 1191–1571: Society, Spirituality, and Identities*. Lanham: Lexington Books, 2018.
- Langdon, J. S. "The Forgotten Byzantino-Bulgarian Assault and Siege of Constantinople, 1235–1236, and the Breakup of the Entente Cordiale between John III Ducas Vatatzes and John Asen II in 1236 as Background to the Genesis of the Hohenstaufen-Vatatzes Alliance of 1242." In *Byzantine studies in honor of Milton V. Anastos*, ed. by S. Vryonis. Malibu (C.A.): Undena Publications, 1985. P. 105–135.
- Laurent, V. "La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe siècle (1208–1309)." *Revue des Études Byzantines* 27 (1969). P. 129–150.
- Laurent, V. *Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople*. Vol. 1. Fasc. 4: Les regestes de 1208 à 1309. Paris 1971.
- Levchenko, M.V. *Očerki po istorii russko-vizantijskikh otnosheniy* [Essays on the History of Rus'-Byzantine relations]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956 (in Russian).
- Maierov, A.V. "Angelos in Halych: Did Alexios III Visit Roman Mstislavich?" *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56 (2016). P. 343–376.
- Maierov, A.V. "Church-union Negotiations between Rome, Nicaea and Rus', 1231–1237." *Orientalia Christiana Periodica* 84 (2018). P. 385–405.

- Maiorov, A.V. "Cum quodam rege Ruscie singelariter in prelio dimicans...: Byl li Daniil Galitskiy uchastnikom bitvy na Leyte? [Cum quodam rege Ruscie singelariter in prelio dimicans...: Was Daniel of Galich a participant in the battle of the Leitha?]" *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2016. No. 4. P. 35–51 (in Russian).
- Maiorov, A.V. "Daniil Galitskiy v puti k khanu Batyyu: k sporam o prodolzhitel'nosti poezdki knyazya v Ordu [Daniel of Galicia en Route to Batu Khan: on the disputes about the duration of the Prince's trip to the Hord]." *Stratum plus* 6 (2016). P. 195–202 (in Russian).
- Maiorov, A.V. "Ecumenical Processes in the mid-13th century and the Union between Russia and Rome." *Zeitschrift für Kirchengeschichte* 126 (2015). P. 11–34.
- Maiorov, A.V. "Poslaniya rimskogo papy Innokentiya IV k Daniilu Galitskomu: materialy dlya istoriko-arkheograficheskogo kommentariya [Messages from Pope Innocent IV to Daniel of Galicia: materials for historical and archaeographic commentary]." *Rossica Antiqua* 1 (2015). P. 63–120 (in Russian).
- Maiorov, A.V. "The Alliance between Byzantium and Rus' before the Conquest of Constantinople by the Crusaders in 1204." *Russian History* 42 (2015). P. 272–303. doi: 10.1163/18763316-04203002.
- Maiorov, A.V. "The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik Dynasty." *Slavic and East European Journal* 59 (2015). P. 345–366.
- Maiorov, A.V. "The daughter of a Byzantine Emperor — the Wife of a Galician-Volhynian Prince." *Byzantinoslavica* 72 (2014). P. 188–233.
- Maiorov, A. V. "The Emperor Manuel's Cross in Notre Dame: On its Origin and Path." *Greek, Roman and Byzantine Studies* 57 (2017). P. 771–791.
- Maiorov, A.V. "The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon." *Journal of Ecclesiastical History* (in print).
- Melloni, A. *Innocenzo IV. La concezione e l'esperienza della christianità come regimen unius personae*. Genua: Marietti, 1990. P. 259–293.
- Munitiz, J.A., ed. *Nicephorus Blemmydes. Autobiographia sive curriculum vitae necnon epistvla universalior*. Turnhout: Brepols, 1984.
- Nazarenko, A. V. "Arkhiyeiskopy v russkoy tserkvi domongol'skogo vremeni [Archbishops in the Russian Church of pre-Mongol time]." *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 4 (2015). P. 67–76 (in Russian).
- Obolensky, D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453*. New York; Washington: Praeger Publishers, 1971.
- Pashuto, V. T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the history of Galician-Volhynian Rus']. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR 1950 (in Russian).
- Paslavs'kyy, I. *Ukrayins'kyy epizod Pershogo Lions'kogo soboru (1245)* [Ukrainian episode First Council of Lyon (1245)]. Lviv: Ukrains'ki tekhnolohii, 2009 (in Ukrainian).
- Pelliot, P. "Les Mongols et la papauté (3)." *Revue de l'Orient chrétien* 8 (1931). P. 3–84.
- Pelliot, P. *Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*. Paris: Imprimerie Nationale, 1973.
- Pisanu, L. *Innocenzo IV e i francescani (1243–1254)*. Roma: Edizioni francescane, 1968.
- Poppe, A. "Mitropolity i knyaz'ya Kievskoy Rusi [Metropolitans and princes of Kievan Rus']." In Podskalsky, G. *Khristianstvo i bogoslovskaya literatura Kievskoy Rusi (988–1237)* [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus' (988–1237)]. St. Petersburg: Vizantinorossika, 1996. P. 443–499 (in Russian).
- Preiser-Kapeller, J. *Der Episkopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolitane und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453*. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2006.
- Rachewiltz, I. de. *Papal Envoys to the Great Khans*. London: Faber & Faber, 1971.
- Ruotsala, A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century. Encountering the Other*. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2001.

- Schabel, Ch. *Greeks, Latins, and the Church in Early Frankish Cyprus*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2010.
- Schabel, Ch. "The Quarrel over Unleavened Bread in Western Theology, 1234–1439." In *Greeks, Latins, and Intellectual History, 1204–1500*, ed. by M. Hinterberger and Ch. Schabel. Leuven: Peeters, 2011. P. 85–127.
- Schmieder, F. *Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.
- Selart, A. "Arkhiiepiskop Petr i Lionskiy sobor 1245 goda [Archbishop Peter and the Council of Lyons in 1245]." *Rossica Antiqua*. 2011. No. 1. P. 100–113 (in Russian).
- Selart, A. *Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century*. Leiden, Boston: Brill, 2015.
- Shepard, J. "The Byzantine Commonwealth, 1000–1550." In *Eastern Christianity*, ed. by M. Angold. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3–52.
- Soloviev, A. V. "Metropolitensigel des Kiewer Russlands." *Byzantinische Zeitschrift* 55 (1962). S. 292–301.
- Stökl, G. "Kanzler und Metropolit." *Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas* 5 (1966). S. 150–175.
- Stürner, W. *Friedrich II*. Vol. 2. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003.
- Tăutu, A. L., ed. *Acta Honorii III (1216–1227) et Gregorii IX (1227–1241)*. Roma 1950.
- Tolochko, O. P. "Petro Akerovych — hadanny mytropolyt vseya Rusi [Peter Akerovich — imaginary metropolitan of all Rus]." *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal* 6 (1990). P. 45–53 (in Ukrainian).
- Uzhankov, A. N. *Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIII vv. [Problems of historiography and textology of ancient Russian monuments of the XI–XIII centuries]*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2009 (in Russian).
- Vries, W. de. "Innozenz IV. (1243–1254) und der christliche Osten." *Ostkirchliche Studien* 12 (1963). P. 113–131.
- Yanin, V. L., Gaydukov, P. G. *Aktovye pechaty Drevney Rusi X–XV vv. [Charter's Seals of Old Rus' 10th–15th centuries]*. Vol. 3. Moscow: Intrada, 1998 (in Russian).
- Zhavoronkov, P. I. "Nikeyskaia imperiya i knyazhestva Drevney Rusi [Nicene empire and the principality of ancient Russia]." *Vizantiiskii vremennik* 43 (1982). P. 81–89 (in Russian).

Alexander MAIOROV

Doctor of Historical Sciences

Professor, Head of the Department of Museology

Institute of History, St. Petersburg State University

University Embankment, 7/9

199034 Saint Petersburg

e-mail: a.v.maiorov@gmail.com

П.В. Ермилов

УЧРЕЖДЕНИЕ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРШЕСТВА И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ СОБОРЫ 1590 И 1593 гг.

Аннотация: В статье предложен новый взгляд на историю создания московской патриаршей кафедры, сосредоточенный на внутривосточном конфликте вокруг попыток канонически оформить учреждение нового патриархата. Автор показывает, что повторный Константинопольский собор 1593 г. пересмотрел решение собора 1590 г., обрушив задуманный в Москве и осуществленный патриархом Иеремией масштабный греческо-русский проект. Неприятием на Руси грамоты Константинопольского собора 1593 г. автор объясняет длительное выпадение самого собора и его идеологии из исторической памяти Московского государства. Запоздалая рецепция выгодных для Русской Церкви положений соборного определения предопределила деформацию его образа в отечественной историографии.

Ключевые слова: учреждение патриаршества на Руси, Константинопольские соборы 1590–1593 гг., Иеремия Транос, Мелетий Пигас, главенство в Церкви, пентархия.

Изложение истории учреждения патриаршества на Руси традиционно начинается с приезда в Москву весной 1586 г. Антиохийского патриарха Иоакима, когда данный проект был впервые предан огласке русскими властями¹. Однако есть все основания сдвигать начало переговоров о возвышении московской кафедры в статус патриархата в более раннее время, поскольку Иоаким прибыл в Москву специально для обсуждения вопроса о патриаршестве, а не просто для сбора милостыни: последнее служило лишь прикрытием его конфиденциальной миссии. В грамоте, посланной патриархом из Смоленска в Москву для вручения «в царские руки», он сообщал, что его поездке предшествовали переговоры в Константинополе с двумя другими восточными патриархами — Константинопольским и Александрийским, и что по итогам совместного обсуждения он «умысли не возвратитися до епархии своея во Антиохию дондеже видит царское лице». Иоаким подчеркивал, что прибыл не по личной инициативе, а «изволением от братии и единослужителей во Христе патриархов». Важность порученного

---

¹ «Преж сего, как приходил к нам... антиохейский патриарх Иоаким милосты ради, и тогда мы, великий государь царь и великий князь Феодор Иванович всеа Русии самодержец..., помыслия о том, о патриаршеском поставленьи в Российском царьстве, объявили тайно шурином нашим... Борисом Феодоровичем Годуновым. И святейший патриарх Иоаким рекся о том посоветовати со всеми патриархи, и с архиепископы, и с епископы, со всем освященным собором» (Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. / Подготовили М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. М., 1988. С. 35–36).

ему дела подтверждались тем, что ради его выполнения он не пожалел «великого тружания и путного долгаго шествия во старости своей»². Прозрачный намек на то, что Иоаким приехал в Москву для переговоров о патриаршестве, можно усмотреть в следующем пассаже его послания:

Аще изволиши ми приити к тебе здравия ти посетити и благословити, тебе же и всем во области царствия твоего христианом сущим о Христе братиям, бо писано есть: «приемля пророка во имя пророче мзду пророчю примет», також приемля патриарха во имя патреарха мзду патреаршу примет³.

В послании Иоакима говорится о событиях первой половины 1585 г., когда и он, и патриарх Александрийский Сильвестр вместе находились в Константинополе, в том числе участвовали в избрании Константинопольского патриарха Феопипта II (1585–1587), состоявшемся в феврале того года⁴. Иерусалимского патриарха тогда с ними не было, но Александрийский предстоятель подписал связанные с замещением Константинопольской кафедры акты и за Иерусалимского тоже, указав, что имеет его голос⁵. Значит, поездке Иоакима в Москву в самом деле мог предшествовать собор трех названных в послании к царю восточных патриархов, имеющих голос и четвертого, что придавало их собранию необходимое правомочие для того, чтобы поручить Иоакиму вести переговоры в Москве от их общего лица. В другом документе, составленном в ходе поездки Иоакима в русские земли, — в грамоте Львовскому братству, датированной январем 1586 г., — он отмечал, что был «послан от собора патриархов» (ἀπεσταλμένος ἀπὸ συνόδου πατριάρχων)⁶. Позже, в 1589 г., Константинопольский патриарх Иеремия II свидетельствовал, что эта грамота Иоакима львовским мещанам была дана «соизволением всех нас», подтвердив тем самым, что Антиохийский патриарх выступал в той поездке от лица прочих восточных патриархов⁷.

В то же самое время, с начала апреля по начало июня 1585 г., в столице Османского государства находилось русское посольство во главе с Борисом Благовым⁸, который встречался со всеми тремя патриархами и получил от них несколько

² Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Т. 2: Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Приложения. Ч. 1. Одесса, 1912. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Впрочем, Ю. Эвангелу обратила внимание на то, что подпись Антиохийского патриарха Иоакима на акте избрания патриарха Феопипта не совпадает с подписями того же патриарха под рядом других документов, в том числе под определением Константинопольского собора 1590 г., и несомненно принадлежит другому лицу. См.: *Εὐαγγέλου Γ. Ὁταν πατριαρχικὲς υπογραφὲς ἀναζητοῦν ταυτότητα* // *Ὁ Εὐανιστής*. 2005. Т. 25. Σ. 61–86.

⁵ *Σάβας Κ.Ν. Βιογραφικὸν σχέδιωμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου Β΄ (1572–1594)*. Ἐν Ἀθῆναις, 1870. Σ. 136–144.

⁶ *Diplomata statuaria a Patriarchis Orientalibus confraternitati Stauropigianae Leopoliensi a. 1586–1592 data, cum aliis litteris coevis et appendice*. Т. 2. Leopoli, 1895. Р. 11; Акты, относящиеся к истории Южнозападной Руси / Изд. А. Петрушевич. Львов, 1868. С. 106.

⁷ Шустова Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 230: «Пришедши пред нас мещане красновоставские показали нам копию листа его милости отца Иоакима патриарха Антиохийского, данного прежде соизволением всех нас славным паном мещаном львовским на утверждение братства».

⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы. Т. 1. М., 1957. С. 45: «И жил Борис во Царегороде 9 недель... А из Царягорода пошли июня в 8 день».

писем к царю, царице и московскому митрополиту⁹. Следуя русским источникам, тогда же посланники и сообщили восточным патриархам о царском желании учредить на Руси патриаршую кафедру. В «Истории о первом патриархе Иове Московском» читаем:

В лето осмыа тысящи 93-го году (т. е. 1585 г. — П.Е.) ... царь и великий князь Феодор Иоаннович... послал бити челом восточным четьрем патриархом вселенским, дабы сотворили духовную любовь, еже бы в Велицей России поставили патриарха...¹⁰

Указание на посольство 1585 г. мы находим и в «Известии о начале патриаршества в России», составленном в 20-х гг. XVII в. при патриархе Филарете, где об учреждении патриаршества в России говорится следующее:

Благочестивыи же царь, сия слышав, ... абие слово в дело произвести повеле, и писанием убо царstim и святителским к четьрем патриархом и ко многим митрополитом с таковем вопрошением вскоре посылаемым. Посланныи же со многим желанием пути емляхуся и благодатию Божиею искомое получиша... В третье ж лето по посланных прииде в царствующи град Москву Иеремя, Божиею милостию архиепископ Констянтинаграда и Вселенский патриарх...¹¹

Поскольку патриарх Иеремия прибыл в Москву в 1588 г., то успешное посольство, бывшее за три года до того, приходится на 1585 г. Согласно тому же источнику, якобы уже тогда послы возвестили, что «поставления ради патриаршескаго яже в велицей Росии изволися святым отцем приити в царствующи град Москву единому от патриарх». Даже если не принимать во внимание данное указание, с уверенностью можно утверждать, что поездка патриарха Иоакима в Москву для личной встречи с царем стала результатом переговоров в Константинополе первой половины 1585 г.¹² А поскольку посольство Благова отправилось на Восток вскоре после вступления Феодора Иоанновича на царство, то переданное с ним пожелание об устройении в России патриаршества следует считать одной из первых инициатив нового русского правителя.

Спустя год после отъезда Антиохийского патриарха из Москвы, в июне 1587 г., в пределы Московского царства прибыл за милостыней представитель восточных патриархов «греченин Миколай», который «в роспросе сказал, что отпустили его из Царягорода патриархи Цареградцкой да Антиохейской», которым прежде «государь приказывал, чтоб патреарха учинити на Руси». Николай также сообщал, что «Цареградской да Антиохейской патреархи соборовав, послали по Ерусалимского и по Александрейского патреархов, а велели им быть во Царьгород и о том деле соборовать хотят, что государь приказывал, и с собору хотят послати патреарха Ерусалимского и с ним о том наказать, как соборовать и патреарха учинить»¹³. Согласно переданным сведениям, на Востоке готовился собор всех четырех патриархов, по итогам которого в Москву должен был отправиться

⁹ Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 145–164.

¹⁰ Русская историческая библиотека. СПб., 1891. Т. 13. Ст. 925.

¹¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1846. С. 191–192; Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 422–423.

¹² С посольства Благова начинается свое изложение истории московского патриаршества и греческий ученый С. Забелиос: Ζαμπέλιος Σ. Καθίδρυσις Πατριαρχείου ἐν Ρωσσίᾳ. Ἐν Ἀθήναις, 1859. Σ. 7.

¹³ Шпаков А.Я. Государство и церковь... Приложения. Ч. 1. С. 45–46.

Иерусалимский предстоятель для поставления первого русского патриарха. Тем временем, в апреле 1587 г. Константинопольский патриарх Феопит был смещен с кафедры, и на его место было приказано возвратиться из ссылки патриарху Иеремии II¹⁴. Тяжелейшее финансовое положение, в котором оказалась патриархия, побудило Иеремию не вступать на кафедру, но сразу же отправиться на пару с Феопитом за сбором средств в христианские страны: Феопит поехал в Иверию, а Иеремия в Московское государство¹⁵. Каждый из них при этом выступал в качестве действующего Константинопольского патриарха.

Приезд Иеремию оказался в Москве большой новостью, ведь ожидали там Иерусалимского патриарха, а все переговоры до того момента велись с патриархом Феопитом. Поэтому, как только Иеремия явился в июне 1588 г. в Смоленск, посланный ему навстречу от царя дьяк должен был разведать, «для чего патриарх едет»¹⁶, и «из Царягорода он ко государю со всех ли приговору патриархов поехал, и ото всех ли с ним патриархов ко государю есть какой приказ... и хто во Царегороде ныне патриарх... и Феопитос, которой преже тово был патриарх, куды ныне пошел»¹⁷. Однако и в Смоленске, и даже первоначально в Москве Иеремия заверял, что приехал «ради милостыни»¹⁸, и только в ходе переговоров за закрытыми дверями сообщил, что целью его визита было «учинение патриарха», подтвердив достоверность сообщения, переданного годом ранее через грека Николая:

Нашему смиренню о Христе брат наш, антиохейский патриарх Иоаким, государя вашего благочестиваго царя и великого князя желанье о патриаршестве в Российском царьстве извещал. И мы, прося у Бога милости, о том все вкупе с олександрейским патриархом Селивестром, и с ерусалимским патриархом Нифонтом, и с антиохейским патриархом Иоакимом, и с архиепископы, и с епископы, и с архимандриты, и с ыгумены, и со всем освященным собором советовали и, советовав, приговорили, что пригоже в государя вашего благочестиваго царя в Российском царьстве патриаршеству быти и патриарха учинити¹⁹.

Из этих слов явствовало, что вопрос о русском патриаршестве на Востоке считался решенным, по всей видимости, еще при Феопите, и Иеремия имел до-

¹⁴ Μέρτζιος Κ.Α. Πατριαρχικά, ἤτοι, Ἀνέκδοτοι πληροφορίαι σχετικαὶ πρὸς τοὺς πατριάρχας Κωνσταντινουπόλεως ἀπὸ τοῦ 1556–1702 // Πραγματεῖαι τῆς Ακαδημίας Ἀθηνῶν. Τ. 15. Ἀρ. 4. Ἐν Ἀθήναις, 1951. Σ. 18: «[29 Ἀπριλίου 1587] ... ὁ Πατριάρχης τῶν Ἑλλήνων ἐπαύθη ἀπὸ τὸν Αὐθέντην καὶ ἀντ' αὐτοῦ ἐπαναδιωρίσθη ὁ Ἱερεμίας, προκάτοχος τούτου καὶ ὅστις εἶχεν ἀπελαθῆ εἰς Ῥόδον... [13 Μαΐου 1587] ... ὡς ἔγραψα ἤδη, τὸ Πατριαρχεῖον ἐδόθη ἀπὸ τὸν Μέγαν Αὐθέντην εἰς τὸν Ἱερεμίαν, ὄντα ἐξόριστον εἰς Ῥόδον καὶ μέχρι τῆς ἐπανόδου του τὸν ἀντικαθιστᾷ ἓνας κάποιος Νικηφόρος, ὅστις προϊστάτο τῶν γενομένων διαπραγματεύσεων περὶ ἐπαναφορᾶς τοῦ Ἱερεμίου».

¹⁵ Kresten O. Das Patriarchat von Konstantinopel im ausgehenden 16. Jahrhundert: der Bericht des Leontios Eustratios im Cod. Tyb. MB 10: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Wien, 1970. S. 50: «... τούτου δὲ γεγονότος ἐπανήλθεν ὁ κύριος Ἱερεμίας εἰς τὸν ἑαυτοῦ θρόνον. ἀλλὰ πλῆθος χρημάτων ἀναλωθέντων ἐπὶ τῷ τοιοῦτῳ καὶ ἐπὶ ταῖς προλαβοῦσι διαφοραῖς καὶ τούτων τῷ κοινῷ τῆς ἐκκλησίας ἀναφερομένων ἔκριναν τὸν κύριον Ἱερεμίαν καὶ τὸν κύριον Θεόκλητον εἰς τὴν τοσούτων χρημάτων ἄγυριν ἐξελθεῖν. ὃν ὁ μὲν κύριος Ἱερεμίας ἐπορεύθη εἰς Μοσχοβίαν, ὁ δὲ κύριος Θεόκλητος εἰς Ἰβηρίαν καὶ συλλέξαντες τὰ τυχόντα». См. также: Τομαδάκης Ν.Β. Ὁ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας Σιλβεστρος (1569–1590) καὶ ὁ διάδοχός του Μελέτιος ὁ Πηγᾶς // Νέα Χριστιανικὴ Κρήτη. 1989. Τ. 1. Σ. 35–36.

¹⁶ Посольская книга. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 22, 34.

¹⁹ Там же. С. 36–37.

статочные полномочия на «учинение» в Москве патриарха²⁰. Отсюда становится понятным, почему в Уложенной грамоте об утверждении в России патриаршего престола, датированной 1589 г.²¹, заявлялось, что поставление Московского патриарха было осуществлено не только «избранием пресвятейшего Иеремии архиепископа Константинополя, нового Рима и Вселенского патриарха», но «и прочих вселенских патриархов Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и всего собора греческого»²², а изложенные в грамоте «великие дела» последовательно приписывались не только собору «великого Российского Царствия», но и «собору Греческого Царствия», полноправными представителями которого считались прибывшие в Москву Константинопольский патриарх и сопровождающие его лица. Таким образом, в основополагающем документе было прописано, что патриарх Иеремия действовал в Москве как выразитель воли всей восточной Церкви.

Предложенная выше реконструкция находит подтверждение еще в одном важном источнике, ранее уже привлекавшем внимание исследователей, но так до сих пор и не опубликованном, — «памяти», выданной в апреле 1591 г. великому посольству в Речь Посполитую Михаила Салтыкова и Игнатия Татищева, где приводится официальная версия истории учреждения патриаршей кафедры в Москве²³. В силу того интереса, который представляет данный памятник, его текст уместно поместить здесь полностью²⁴:

[л. 82] Приходил к великому государю нашему к благочестивому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси самодержцу из греческого государства антиохийский патриарх Иаким и извещал великого государя нашего шурина и ближние думы конюшему боярину и наместнику казанскому и астраханскому Борису Федоровичу Годунову, што из давних лет по заповедом господним и по апостолскому предан(ь)ю и по правилу святых отец на седми соборах было уложено в Риме папа греческие веры, а в греческом государстве учинены четыре патреархи. А как составил суемысленный осмый собор [л. 82 об.] Евгение папа римский и с того времени папы римские от греческие веры отстали, и толко бы не для греха христианского по се время в греческом государстве были благочестивые цари христианские, и о том бы они патреархи со всем освященным собором советовав, учинили папу в греческом государстве. Да для греха всего христианства греческое государство ныне обладаем(о) богомерзкими

²⁰ В свете данного признания Иеремии нужно весьма критически отнестись к повествованию в Хронике Псевдо-Дорофея, согласно которому Иеремия будто бы ехал на Русь с целью возведения Московской митрополии в статус автокефальной архиепископии и, только оказавшись под сильным давлением в Москве, был вынужден поддаться уговорам русских и поставить им патриарха. См. в качестве характерных примеров трактовки истории о русском патриаршестве в свете данных Хроники Псевдо-Дорофея: *Снегаров Ив.* Учредяването на Московската патриаршия (1589–1721) и Охридската архиепископия // *Македонски преглед*. 1942. Год. 13. Кн. 1. С. 3–12; *Gudziak B.A.* The Creation of the Moscow Patriarchate: A Prelude to Patriarchal Reforms in the Kyivan Metropolitanate Preceding the Union of Brest (1595–1596) // *Logos: A Journal of Eastern Christian Studies*. 1996. Vol. 37. P. 243–259.

²¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. С. 95–103.

²² Там же. С. 97.

²³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 21. Лл. 82–85 об. См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 2-е издание. Кн. 2. Т. 7. СПб., 1896. Гл. 4. Ст. 658; *Флоря Б.Н.* Вопрос об основании Московской патриархии в дипломатическом документе 1591 г. // *IV Centenario dell'istituzione del patriarcato in Russia. 400-летие учреждения патриаршества в России*. Roma, 1991. С. 145–151.

²⁴ Автор выражает признательность к. и. н. З.Е. Оборновой за помощь в наборе текста по рукописи.

агаряны, и ныне они все четыре патреархи: вначале вселенский патреарх Иереми Костентинопольский и Селиверст патреарх Александрейской и Софроней, патреарх Иерусалимский, Иаким патреарх Антиохейский советовали с митрополиты и со архиепископы и епископы и архимариты и игумены и со всем вселенским собором греческих государств дабы [л. 83] вместо папы римского учинить вселенского патриарха Костентинопольского, а в то место учинити четвертого патриарха великого государя нашего в Московском государстве Росийского царствия. Занеже всемогущаго Бога неизреченным милосердием и пречистые Богородицы и великих чудотворцов московских молитвами. А по вере великих государей наших благочестивых царей, а наипаче великого государя нашего благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси самодержца в великого государя нашего государстве в Росийском царстве истинная благочестивая вера христьянская цветет и пребывает непоколебимо. И великого государя нашего конюшеи боярин и наместник казанской и астраханской [л. 83 об.] Борис Федорович Годунов доносил те речи до государя нашего великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси самодержца и до благочестивые царицы и великие княгини Ирины, и государь наш великий государь, царь и великий князь Федор Иванович всея Руси самодержец, помысля с своею благоверною царицею и великою княгинею Ириною и советовав о том з богомолцом своим Иевом митрополитом всея Руси и со архиепископы и епископы и с архимариты и игумены и со всем освещенным собором всего Росийского царствия со всеми бояры, приговоря о том деле, приказали с Антиохейским патриархом Иакимом к цареградскому патриарху Иеремию вселенскому и ко всем патриархом и ко всему вселенскому собору, чтобы они, соборне о том помысля и уложя, как такому великому делу совершиться, ко государю о том деле писмо [л. 84] прислали или сам вселенский патреарх Иереми для такова великого дела приехал государевы очи видети. И то дело совершил. И после того приходил к великому государю нашему царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси самодержцу из Царя-города вселенский патреарх Иереми о том деле государю нашему великому государю, царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси самодержцу извещал свои приговор и всех патриархов александрейского и антиохейского и ерусалимского и митрополитов и архиепископов и епископов и всего вселенского собору греческого царствия. Советовав, уложили, чтобы благочестивый государь, царь и великий князь то великое дело совершил и поволит патриарха в царствующем граде Москвы [л. 84 об.] всего Росийского царствия поставити. И государь наш великий государь, царь и великий князь Федор Иванович всея Руси, выслушав патреарха Иереми, помысля с своею благоверною и христолубивою царицею и великою княгинею Ириною и советовав о том деле с патреархом и с Иеремеем цареградским и всея вселенныя митрополиты и с архиепископы греческими и с митрополитом с Иевом московским и всея Руси всего росийского царствия с архиепископы и епископы и со всем освещенным собором всего Росийского царствия и со всеми бояры, преговоря: поставил в патриархи в Московском государстве во всем Росийского царствия Иева патреарха всея Руси, а митрополитов государь наш советовав с патреархом [л. 85] вселенским Костантином града, в своем государстве в Росийском царстве приговорил четырех митрополитов в Великом Новгороде, в царствующем граде в Казане, в Ростове, на Москве сарского и полонского и многих архиепископов и епископов по многим местом. И грамоту благословенную соборне уложя патреарх вселенский Иереми со всеми митрополиты и с архиепископы греческих государств, которые с ним были, и за все патреархи вселенские всего греческого собора написав, за своими руками и за печатми дал патреарху Иеву Московскому и всея Руси всего Росийского царствия, что и вперед патреархом в великого государя нашего государстве в Росийском царстве поставлялися от митрополитов и архиепископов и епископов [л. 85 об.] и всего освещенного собора Московского государства и всего Росийского царствия, не ходя в Царь-город, толко

обсылатися грамотам, согласными со всеми патреархи с цареградским и с александрийским и с ерусалимским и с антиохейским. И то дело стало по божей воле, а по вере великого государя нашего благочестивого царя и благоверной царицы и великой княгини Ирины к Богу молитвами.

Прежде всего, в приведенном тексте обращает на себя внимание то, что об Антиохийском патриархе Иоакиме сказано, что тот прибыл в Россию с уже согласованным со всеми патриархами планом учинения в Москве патриаршего престола. В ответ на инициативу греческой стороны через Иоакима на Восток был передан «приговор всего освященного собора всего Российского царствия» о желании «совершения такого великого дела», так чтобы «все патриархи и весь вселенский собор соборно о том помыслили и уложили» и прислали в Москву либо письменные указания, либо отправили патриарха (понятно, что имя Иеремии здесь названо уже по факту его приезда, ведь переговоры велись с Феолиптом, и о том, кто из патриархов действительно сможет приехать на Русь, не было известно до самого последнего момента). Второе важное свидетельство — указание на то, что патриарх Иеремия по пришествии в столицу известил царю «свой приговор и всех патриархов Александрийского, и Антиохийского, и Иерусалимского и всего вселенского собора греческого царствия», а значит Иеремия явился в Москву ставить патриарха, предварительно заручившись согласием всех прочих восточных патриархов, а не по собственному произволу. И наконец, о составленной в Москве Уложенной грамоте сказано, что патриарх Иеремия ее «написал за всех патриархов вселенских всего греческого собора». Таким образом, данный источник становится в один ряд с прочими свидетельствами, проливающими свет на подлинную цель приезда патриарха Иеремии в Московское государство.

Из этого же документа можно узнать о том, что вопрос о московском патриаршестве замыслился в широком церковно-политическом контексте, выстроенном вокруг концепции пентархии. Во время встречи с прибывшим в Москву в мае 1591 г. Тырновским митрополитом Дионисием патриарх Иов, рассказывая о произошедших исторических событиях, говорил:

Понеже греха ради христьянского римская церковь падеся богомерскими латыни и с православною истинною верою хрестьянскою греческою ни в чем не согласует. И в папино бы место быти старейшим отцом светейшему великому господину Иерею, архиепископу Костянтинополя — Нового Рима и вселенскому патриарху, потом четверем патреархом: александрейскому, и антиохейскому, и ерусалимскому, и царствующего града Москвы Росийскаго царствия²⁵.

Суть данного проекта патриарх Иов излагал позже и в написанной им «Повести о житии царя Федора Ивановича»²⁶. О том же сообщается и в «Новом лето-

²⁵ Посольская книга. С. 92.

²⁶ «Патриарх же, слышав совет благочестивого царя, зело удивися царскому великому благочестия желанию и нача помышляти в себе, како устроити на престоле Руския митрополии патриарха, поминая предания святых Апостол и заповеди святых Отец, яко четверем токмо быти патриархом: в Велицей Антиохии и во Иерусалиме и в Константинограде и во Александреи, пятому быти папе в Риме. Известно бо веде, яко Римский папа многими леты благочестия отлучися и христьянские истинные веры отпаде, ово же помышляя, яко ныне царствующий Костянтиноград неверными обладаем..., в Велицей же Росии видево толикое православие..., поставляет... патриарха на Рускую митрополию бывшего тогда митрополита Иова в лето 7097-го, нарицаая его быти четвертому патриарху; вместо же папино Костянтинополский патриарх оттуду начат нарицатися» (Полное собрание русских летописей. Т. 14. Пол. 1. СПб., 1910. С. 5).

писце»²⁷. Как видно из совокупности приведенных показаний, создание патриархата в Москве изначально представлялось как общецерковное событие: новый патриарший престол призван был заместить вакантное место, освободившееся после отпадения Римского папы, и восполнить древнюю пентархию²⁸, а Константинопольский патриарх в этой схеме должен был занять принадлежавшее раньше папе первенствующее положение²⁹. Все подобные перемены стали предметом обсуждения на церковном соборе, спешно созванном патриархом Иеремией по возвращении в свой кафедральный город.

Константинопольский собор 1590 г.

Иеремия вернулся в Константинополь не позднее апреля 1590 г.³⁰ Собор прошел уже в мае. Его целью было каноническое закрепление деяний Иеремии, осуществленных им в Москве от лица прочих патриархов и общевосточного собора. События в Москве и в Константинополе представлялись как поэтапно реализуемое единое действие³¹. В тексте соборного определения говорится, что «прочие святейшие патриархи — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский — это дело одобрили и с ним согласились (συνήνεσαν καὶ ἔστερξαν εἰς τοῦτο)»³², и что все участники собора «утвердили» (ἐτικροῦμεν καὶ ἐπίβεβαλοῦμεν) совершившиеся в Москве поставление и патриаршее наречение митрополита Иова, а также московскую Уложенную грамоту, названную в соборном деянии «произошедшим по этой причине патриаршим хрисовулом, в котором обо всем этом написано подробнее»³³. Продемонстрированное единомыслие трех присутствовавших на соборе восточных патриархов в очередной раз подтверждает, что все

²⁷ «Патриарх же Иеросалимский и Цареградский Еремей советовав с царем Федором Ивановичем, — что был в православной вере папа Римский да четыре патриархи: Александрийский, Антиохийский, Цареградский, Иерусалимский, и папа де окаянный от православных веры отпал, владе в ересь, в Латынскую веру, и ныне де благочестия пятаво напрестольника несть, а здесь в Московском государстве православная християнская вера, — чтобы быти в Московском государстве пятому патриарху. Царю же Федору совет ево был благополучен, и положил на ево волю. Патриарх же Иеремей поставил с Московскими архиепискупы и епискупы первого патриарха Иева митрополита...» (Там же. С. 38).

²⁸ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 495–517; Mureşan D.I. Rome hérétique? Sur les décisions des conciles de Moscou et de Constantinople (1589, 1590 et 1593) // *Mélanges de l'École française de Rome — Italie et Méditerranée modernes et contemporaines*, 2014. Т. 126. Fasc. 2. P. 275–288.

²⁹ Согласно «Известию о начале патриаршества», первоначально «верховнейший брат бе папа Римский», но впоследствии он «от божественных вселенских церквей... извержен бывает и старейшинства отпадает» (Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга... С. 414–416).

³⁰ См.: Μέρτζιος Κ.Α. Πατριρχικά... Σ. 21.

³¹ В русских переводах греческих текстов грамота Константинопольского собора по аналогу с московской называлась «уложенной». См.: Посольская книга. С. 68, 80, 82, 83.

³² Regel W. *Analecta Byzantino-Russica*. Petropoli, 1891. P. 86.

³³ Ibid. P. 87. О смысле подобного наименования см.: Παῖζη-Αποστολοπούλου Μ. «Χρυσόβουλλον πατριρχικόν». Τὰ παράδοξα τῆς διπλωματικῆς καὶ ἡ ἵδρυση τοῦ Πατριαρχείου Μόσχας // *Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии*. 1998. Т. 1. С. 335–345. Просьба русских «утвердить на веки» уложенную грамоту «вселенским собором Греческого царствия» упоминается в послании царя Феодора Иоанновича патриарху Иеремии, переданному через Тырновского митрополита Дионисия: «Егда Бог изволит вашему чеснейшему архиерейству достигнути свой престол константинопольские церкви Нового Рима, и соборати бы православных святейших пат-

действия Иеремии в Москве не были произвольными, но велись в русле достигнутых ранее договоренностей. Подобным образом и упоминание в тексте одобрения со стороны Александрийского патриарха, который на самом деле не принимал участия в соборе, также можно объяснить тем, что он прежде давал свое согласие на поставление патриарха в Москве³⁴.

Кроме формального утверждения факта создания новой патриаршей кафедры собор внес и предложенные изменения в порядок патриарших престолов. В деянии провозглашалось первенство Константинопольского патриарха (πρῶτος μὲν ὁ Κωνσταντινουπόλεως οἰκουμενικὸς πατριάρχης), а Московский патриарх в соответствии с новым счетом объявлялся не шестым, как должно было бы быть, если начинать счет с Римского, а именно пятым патриархом (ἵνα ὁ αὐτὸς ἀρχιεπίσκοπος Μοσχοβίου κύρ Ἰωβ ὑπάρχη πέμπτος πατριάρχης). Вслед за этим собор буквально воспроизвел согласованную в Москве схему: во главе четырех патриархов был поставлен Константинопольский предстоятель. В определении говорилось, что Московский патриарх должен «своим главой и первым иметь и считать апостольский Константинопольский престол, как имеют и прочие патриархи (καὶ κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ πρῶτον ἔχειν καὶ νομίζειν τὸν ἀποστολικὸν θρόνον Κωνσταντινουπόλεως, ὡς καὶ οἱ λοιποὶ ἔχουσι Πατριάρχαι)»³⁵.

Участники собора, по всей видимости, вполне осознавали масштаб принимаемых ими решений, ведь они не только выносили судьбоносное постановление о создании новой патриаршей кафедры, но и пересматривали каноны древних Вселенских соборов, закрепивших порядок патриарших престолов в Римской империи и первенствующее положение в нем Римской кафедры³⁶. Учитывая, что изменять правила Вселенского собора мог лишь равносильный церковный орган, становится понятным, почему в тексте деяния и в последующих источниках собор уверенно выставляется как «Вселенский»³⁷. А поскольку ключевым атрибутом древних Вселенских соборов являлся его созыв императором, соборное определение начиналось с описания инициативы в данном деле царя Феодора Иоанновича, который именуется не только царем русским и подвластных ему государств, но царем «и прочих православных христиан», и вообще — «единствен-

---

риархов александрийского, и антиохейского, и ерусалимского, и всех митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимаритов, и игуменов всего вселенского собора Греческого царствия во едину мысль... и уставленную грамоту о поставлении первопрестолника и богомолца нашего Иева на патриаршеский престол... соборне уложя, утвердити на веки...» (Посольская книга. С. 111).

³⁴ Патриарх Сильвестр скончался 19 февраля 1590 г., а его преемник Мелетий Пигас был рукоположен во епископа и возведен на кафедру только 5 июля, так что на момент проведения собора Александрийская кафедра была вакантна. См.: *Μαζαράκης Γ.Γ. Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς ἐν Αἰγύπτῳ Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας* // *Ἐκκλησιαστικὸς φάρος*. 1927. Т. 26. Σ. 411.

³⁵ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 87.

³⁶ Имеется в виду прежде всего 36-е правило Трулльского собора: «Возобновляя законоположенное сто пятидесятию Святыми отцами, собравшимися в сем Богохранимом и царствующем граде, и шесть сот тридесятию, собравшимися в Халкидоне, определяем, да имеет престол Константинопольский равныя преимущества с престолом древняго Рима, и, якоже сей, да возвеличивается в делах церковных, будучи вторым по нем: после же онаго да числится престол великаго града Александрии, потом престол Антиохийский, а за сим престол града Иерусалима» (Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. С. 399–400).

³⁷ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 86: «ἰδοὺ καὶ πάλιν ἡ μετρίότης ἡμῶν μετὰ τῶν πατριαρχῶν τούτων καὶ τῆς οἰκουμενικῆς ταύτης συνόδου...»

ным ныне на земле царем великим православным», воли которого «недостойно было не учинити»³⁸.

Спустя некоторое время в Москву с грамотой собора был отправлен митрополит Тырновский Дионисий. По приезде в Россию представитель восточных патриархов сообщал:

Приехав на свой престол в стольнийший Костянтинград, святейший патриарх Иереми собрал всех патриархов, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и архимаритов, и игуменов, и весь вселенский собор греческого государства и то дело всем известил. И мы все, слышав о том, порадовались и, хвалу Богу воздав, все соборне патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены всем вселенским собором приговорили и уложили: быти в вашем государстве, в Росийском царьстве, пятому патриарху³⁹.

Митрополит Дионисий привез с собой и несколько официальных писем. В грамоте Константинопольского собора 1590 г. на имя патриарха Иова повторялась основная мысль соборного определения:

И мы... имеем тебя себе всегда братом и сослужебником своим, пятым патриархом под ерусалимским... И как мы промеж собою поминаемся..., да и ты нас поминай тако же всегда имена наши на молитвах: в начале святейшаго патриарха, брата нашего и сослужебника, архиепископа Константинополя господина Иеремея. И имей его в началех тако же как и мы его начальником имеем и большим братом именуем⁴⁰.

Решения собора были приняты на Руси с одобрением. Сам государь объявлял о «совершении» этого «великого и преславного дела»⁴¹. В Москве подтверждали провозглашенное на соборе первенствующее положение Константинопольского патриарха. В речи на проводах митрополита Дионисия патриарх Иов отмечал, что собор в Константинополе приговорил «именоватися в первых старейшим отцом великому господину светейшему патриарху Иеремею вселенскому, тому в папино место быти»⁴². Эта же идея повторялась в письме Иова к Иеремии, где Константинопольский патриарх именовался не иначе как «против римского папы первопрестольник и старейший брат»⁴³. В том же послании патриарх Иов одобрял и совершившееся восстановление пентархии, отмечая с удовлетворением: «яко ж и преже бысть во всем мире пять патриарх»⁴⁴.

Казалось бы, в деле учреждения московского патриаршества была поставлена точка, но внезапно возникла непредвиденная коллизия. В том, как в соборном определении описывалось соотношение патриархов между собой, в Москве, похоже, усмотрели отступление от достигнутых ранее договоренностей. В русских

---

³⁸ Ibid. P. 85, 86.

³⁹ Посольская книга. С. 67–68.

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Там же. С. 113: «И мы, великий государь и великий князь Федор Иванович всеа Руси самодержец, грамоту вашу соборную о патриарше утверждение у митрополита у Деонисия приняв любительно, выслушали, и по-премному благодарим всеильного Бога... о неизреченной его милости, и хвалу Богу воздаем, еже сподобил Бог такому великому делу... совершиться».

⁴² Там же. С. 93.

⁴³ Там же. С. 131.

⁴⁴ Там же.

источниках уверенно проводилась идея о равночестности всех пяти патриархов⁴⁵ с признанием главенствующего положения одного из них, из чего можно сделать вывод, что изначально обсуждалась условная дифференциация между первым патриархом и четырьмя остальными. В деянии же Константинопольского собора при желании можно было усмотреть идею порядка чести среди всех пяти патриархов. Хотя Московский патриарх объявлен там имеющим «патриаршее достоинство и честь» и «причислен к прочим патриархам», тем не менее, ему предписывалось «иметь чин и поминование после патриарха Иерусалимского».

Указание на последовательность патриархов могло быть воспринято как введение некоей субординации внутри пентархии, что конечно же не могло не насторожить русских⁴⁶. В Москве наверняка знали о том, что два столетия тому назад притязания болгарских и сербских патриархов на равночестность с патриархами древних церковных престолов были решительно отвергнуты на Востоке⁴⁷, а из примечательного эпизода с Московским митрополитом Дионисием, который показательно первым благословил Антиохийского патриарха Иоакима при их встрече в Успенском соборе, следовало, что на Руси придавали большое значение положению московского предстоятеля сравнительно с восточными патриархами⁴⁸. По всей видимости, результатом иерархического прочтения порядка между патриархами и стало решение, представленное от лица «всего освященного собора великого Российского царствия» о том, что Московского патриарха надлежит поминать не на пятом, а на третьем месте, после патриарха Александрийского. Об этом посланника восточных патриархов известил сам государь:

А мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец... с первопрестольником и богомольцем нашим, святейшим Иевом патриархом, и наших государств с митрополиты, и со архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором нашего великого Росийского царствия советовав, уложили есмя и

⁴⁵ См., например, ответное послание царя Феодора патриарху Иеремии: «Да будет новопоставленный патриарх Иев, и которые по нем будут в нашем граде Москве, равночестен и почитаем в божественных службах с вами, вселенскими патриархи... а в божественной службе вам, святейшим вселенским патриархом... поминати... нашего царствующего града Москвы Иева патриарха с вами, с великими вселенскими патриархи, равночестна» (Посольская книга. С. 112, 115).

⁴⁶ Можно обратить внимание на колебание в способе передачи греческого предлога *μετά* («после») в русских переводах тех мест, где говорится о «чине» Московского патриарха сравнительно с Иерусалимским. Например, в Посольской книге первоначальный перевод фразы соборной грамоты «и будет чин на нем и в молитвах с патриархом с ерусалимским», сглаживавший идею последовательности чинов, был исправлен на точное соответствие: «... после патриарха ерусалимского» (Там же. С. 70–71). То же самое, но без последующего исправления: «Да будет на Москве пятый патриарх с ерусалимским» (Там же. С. 61). А в переводе грамоты, посланной от лица Константинопольского собора патриарху Иову, используется уже предлог «под»: «И мы... имеем тебя себе всегда братом и сослужебником своим, пятым патриархом под ерусалимским» (Там же. С. 76). И самое двусмысленное выражение встречается в письме Иеремии Иову: «Будешь почитаться под ерусалимским патриархом» (Там же. С. 78).

⁴⁷ Mureşan D.I. Le patriarcat œcuménique et les patriarchats balkaniques (Tarnovo, Peć). Enjeux ecclésiastiques et impériaux au XIVe siècle // Le Patriarcat œcuménique de Constantinople et Byzance hors-frontières (1204–1586). Actes de la table ronde organisée dans le cadre du 22e Congrès International des Études Byzantines, Sofia, 22–27 août 2011 / Ed. par M.-H. Blanchet, M.-H. Congourdeau et D.I. Mureşan. Paris, 2014. P. 203–242.

⁴⁸ См.: Маркевич А.Л. История местничества в московском государстве в XV–XVII веке. Одесса, 1888. С. 148.

утвердили навеки: ... в молитвах и в божественной службе поминати святейших благочестивых вселенских патриарх: в первых — константинопольского — Новаго Рима вселенского патриарха, потом — александрийского вселенского патриарха, потом — нашего Российского царствия царствующаго града Москвы и всеа Русии патриарха, потом — антиохейского патриарха, потом — иерусалимского патриарха⁴⁹.

Выходило так, что «собор Российского царства», корректировавший решение общевосточного собора о пятом месте московского первосвященителя, рассматривался в тот момент как вполне сопоставимый и даже больший «вселенского собора всего греческого царствия»⁵⁰. Истолковать столь неожиданный ход можно только одним образом: русские посчитали, что, признав московского государя «своим царем»⁵¹, восточные иерархи будут и дальше послушно следовать его воле. И действительно, без всяких оговорок и разъяснений патриархи были письменно извещены о приговоре российского самодержца.

Никаких намеков на необходимость проведения повторного собора в источниках, связанных с принесением грамоты собора 1590 г. в Москву, не просматривается. Вероятно, этот проект возник или же был предан огласке несколько позже, поскольку первоначально от новоизбранного Александрийского патриарха из Москвы попросили лишь письменно присоединиться к решению собора 1590 г.⁵² Тем не менее, речь о втором соборе все же зашла. Царь Феодор Иоаннович обратился к патриарху Александрийскому Мелетию Пигасу с «повелением» поспособствовать созыву повторного и на этот раз «совершенного» собора по вопросу о московском патриаршестве⁵³. Очевидно, что отсутствие Александрийского патриарха на соборе, заявленном в качестве Вселенского, было сочтено серьезной уязвимостью, которая могла бы в перспективе дать возможность кри-

⁴⁹ Посольская книга. С. 114–115.

⁵⁰ Примечательно, что еще до возникновения московского патриаршества общерусские церковные соборы стали именоваться «вселенскими», как соборы всего российского государства. Соловецкий летописец приписывает поставление первого русского патриарха в Москве царю «со вселенским собором» (*Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 241). См. также: *Ключевский В.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 464; Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900. С. 1; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. 2. СПб., 1836. С. 16–54; Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством. Т. 4 (1598–1608). М., 1912. С. 17, 39, 117, 245, 276, 350, 755 и т. д. Как верно заметил Н.Ф. Каптерев, эти «соборы называются вселенскими потому, что на них были представители всех классов общества, начиная с духовенства, и по возможности представители от всех областей Руси. Соборы эти были не церковными, а занимались делами общегосударственного значения и потому эти вселенские соборы правильнее называть *земскими*, какими они были в действительности» (Царь и церковные московские соборы XVI и XVII столетий. [Сергиев Посад], 1906. С. 6).

⁵¹ См., например, послание Константинопольского собора 1590 г. патриарху Иову: «Прияхом прозволение и повеление святого царя нашего самодержца всеа Русии господина Феодора Ивановича... Послали к самодержавному святому царю нашему всеа Русии» (Посольская книга. С. 76–77). В послании патриарха Иеремии патриарху Иову: «святого царя нашего... богопоставленному царю нашему и великие царицы наши» (Там же. С. 77–78).

⁵² Там же. С. 121: «И вам бы, святейшему Мелентью патриарху, быти во едином согласии с Еремеем, вселенским патриархом, и с прочими патриархи, и со всем вселенским собором... и о поставлении бы еси и о утвержении богомольца нашего, Иева патриарха, писаньем к нашему царскому величеству известил».

⁵³ Патриарх Мелетий Александрийский писал, что проведение «полного собора» было заповедано ему «священными письмами благоверного царя» (ἦν καὶ ἡμεῖς κελευσθέντες τοῖς ἱεροῖς γράμμασι τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως δοκίμασαι ἐπὶ τελείᾳ συνόδῳ...) (Analecta Byzantino-Russica. P. 97).

тики и даже пересмотра определения о возвышении московской кафедры в статус патриархата. В любом случае, русские воспользовались аргументом о неполноте собора 1590 г. как поводом к проведению нового собора, на котором можно было бы заодно добиться признания третьего места своего патриарха в пентархии. На этот раз московские власти более основательно подошли к проведению нужных решений в жизнь. В Константинополь для присутствия на соборе был направлен царский представитель, а в январе 1593 г. на Восток отбыло посольство для раздачи грандиозной милостыни по случаю рождения в семье царя Феодора и царицы Ирины первеницы царевны Феодосии⁵⁴.

Константинопольский собор 1593 г.

Новый собор состоялся в Константинополе 12 февраля 1593 г. и оказался намного представительнее предыдущего, особенно если учесть историю с подписями, проставленными за отсутствовавших на первом соборе иерархов⁵⁵. Ведущую роль на нем играл патриарх Александрийский Мелетий Пигас, который лично составил текст соборного деяния. Участникам собора надлежало повторно утвердить решение об учреждении московского патриаршества и отреагировать на одностороннее изменение русскими порядка поминаения православных патриархов. Обычно итоги этого собора представляют так, будто он всего лишь подтвердил решение собора 1590 г. и проигнорировал решение русских властей о третьем месте Московского патриарха. Однако подобную оценку собора 1593 г. следует считать неверной. На самом деле проведенный Мелетием собор принципиальным образом пересмотрел решение предыдущего.

Известно, что патриарх Мелетий выступал с критикой действий Иеремии. Еще в 1591 г. он писал своему Константинопольскому собрату:

Я рассердился из-за возведения Московской митрополии в статус патриархата. Ведь не секрет для тебя, что это дело не одного патриарха (οὐχ ἑνὸς εἶναι τοῦτο Πατριάρχου) (если конечно новый Рим не решил последовать Риму ветхому), но собора, притом собора Вселенского: имею в виду, конечно, православных. Именно таким образом учреждены и все существующие до сего дня патриархаты. Нужно было поэтому священной твоей душе заручиться голосами и остальных братьев (ἔδει σου καὶ τῶν λοιπῶν ἀδελφῶν συμπαραλαβεῖν τὴν ψῆφον), ведь подобает всем (как определили отцы на третьем соборе) знать, что делается, когда рассматривается какое-то общее дело. И очевидно же, что никакой патриарший престол не подчиняется другому, но связан с католической Церковью⁵⁶.

В другом письме Мелетий повторял свою мысль: вышло так, что «один Вселенский [патриарх] учредил патриарха в Московии, не заручившись голосами

⁵⁴ Посольство прибыло в Константинополь в апреле месяце, уже после собора, застав в городе патриарха Мелетия и некоторых митрополитов, из числа участников собора. См.: Посольская книга. С. 154–170; Хождение Трифона Коробейникова 1593–1594 гг. / Подг. Х.М. Лопарев // ППС. 1889. Вып. 27. С. 72–103.

⁵⁵ См.: Фонкич Б.Л. Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Он же. Греческие рукописи и документы в России в XIV — нач. XVIII в. М., 2003. С. 377–384.

⁵⁶ Μεθόδιος Γ. Φούγιας, μητρ. Ἐπιστολαὶ Μελετίου Πηγᾶ, Πάπα καὶ Πατριάρχου Ἀλεξανδρείας (1590–1601) ἐκδιδόμενα ἐκ τοῦ ὑπ' ἀριθ. 296 χειρογράφου τῆς Βιβλιοθήκης τοῦ Πατριαρχείου Ἀλεξανδρείας. Ἀθήνα, 1976. Σ. 19–21.

остальных братьев-предстоятелей Православной Церкви»⁵⁷. Жалобы Александрийского патриарха очевидно не относились к поездке Иеремии в Россию, ведь в Москве тот заявлял, что согласовал свой приезд и решение поставить здесь патриарха с прочими собратями-патриархами, да и единогласная поддержка его действий собором 1590 г. свидетельствовала о том же. Мелетий критиковал Иеремию за приписывание себе одному факта создания новой патриаршей кафедры и за крайне тенденциозное оформление дела о московском патриаршестве в соборном определении 1590 г., к которому и относится замечание Мелетия о подчинении патриарших престолов Константинопольскому патриархату.

Исходя из источников, установление патриаршества на Руси было осуществлено в следующей последовательности: царь обратился ко всем четырем восточным патриархам, они провели совместное собрание и делегировали Константинопольскому патриарху право поехать в Москву и поставить там патриарха, Иеремия приехал и осуществил делегированное ему право, а по возвращении его в Константинополь общий собор восточной Церкви канонически узаконил совершенные им действия. Но в грамоте собора 1590 г. мы находим другую схему: патриарх Иеремия приезжает в Москву, там царь просит его поставить патриарха, он соглашается, ставит патриарха и выдает «патриарший хрисовул», действуя исключительно от своего лица, затем он возвращается в Константинополь и объявляет о своем решении прочим патриархам, те соборно его одобряют. При этом соборная грамота надписывается одним его именем, и к ней прикладывается одна только его печать. Таким образом соборное определение 1590 г. выводило на первый план царя и Константинопольского патриарха, а прочим патриархам уделяло совершенно пассивную роль — тех, кто соглашается и одобряет действия первенствующего и главенствующего среди них. Подобная несправедливость должна была рассердить Мелетия, усмотревшего в таком изложении нарушение сложившегося на Востоке церковного порядка и умаление его собственных прав.

В составленном Мелетием деянии собора дважды отмечается, что политическое возвышение Москвы стало проявлением божественной воли, которой подобает следовать всей Церкви⁵⁸. Тем самым Мелетий как бы показывал, что создание патриаршества в далеких «северных землях» не было решением русского царя и Константинопольского патриарха, а делом воли Божией и согласия «восточной Церкви» во главе со всеми четырьмя патриархами. В преамбуле соборного деяния было специально прописано, что собор проходил «под председательством святейших православных патриархов» и «с участием» (συνεδρευόντων) «архиереев из всех областей восточной Церкви православных» (ἀρχιερέων ἐκ πάσης ἐπαρχίας τῆς ἀνατολικῆς ἐκκλησίας τῶν ὀρθοδόξων). О русском же царе было сказано только то, что собор проходил «во дни» (ἐν ἡμέραις) царя Феодора Иоанновича и «в присутствии» (ἐνδημούντος) царского посланника Григория

⁵⁷ Αὐτόθι. Σ. 17: «Ἔστι τι τὴν καθολικὴν Ἐκκλησίαν παραβλάψαν· εἴ γε μόνος ὁ Οἰκουμενικὸς κατέστησε Πατριάρχην ἐν Μοσκόβιᾳ, μὴ παραλαβὼν συμψήφους καὶ τοὺς λοιποὺς ἀδελφοὺς τοὺς τῆς Ὀρθοδόξου Ἐκκλησίας προστατεύοντας...»

⁵⁸ Фонкич Б.Л. Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского патриархата // *Он же*. Греческие рукописи и документы в России в XIV — нач. XVIII в. М., 2003. С. 393, 395: «δίκαιον εἶναι τὴν Θεοῦ φιланθρωπία καὶ χάριτι κοσμηθεῖσαν βασιλεία πόλιν τὴν ὀρθοδοξοτάτην Μοσκόβιαν καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς μεγαλύνεσθαι πράγμασι <...> διὰ τὸ βασιλείας ἀξιώθηται παρὰ Θεοῦ τὴν χάραν ταύτην».

Афанасьева⁵⁹. И хотя собор предписал совершать «за богослужениями восточной Церкви» уставное поминовение московского царя «как православнейшего василевса»⁶⁰, в его определении нет никаких намеков на распространение царского влияния на христианский Восток, подобных тем, что содержались в грамоте предыдущего собора.

Позже в письме Московскому патриарху Иову, написанном уже после собора 1593 г., Мелетий сформулировал свое понимание соотношения двух соборов: царь с Константинопольским патриархом, «созвав собор, начали устройство высочайшего московского престола», а «полный собор» всех четырех патриархов доводит это дело до завершения⁶¹. При таком отношении к собору 1590 г., как промежуточному и погрешившему против братского единства четырех вселенских патриархов, становится понятным, почему собор 1593 г. фактически игнорирует предысторию установления московского патриаршества и рассматривает этот вопрос как будто заново. В соборном деянии отсутствует идея преемственности двух соборов: второй собор не утверждал принятое ранее решение, а принимал его заново, восстанавливая представлявшийся Мелетию правильным канонический порядок.

Особенно значимым является приведенное в соборном акте основание для учреждения московского патриаршества: поскольку град Москва оказался возвышен политически, так что стал «царствующим градом», то и в делах церковных он должен быть возвеличен в силу принципа, положенного в основу 28-го правила IV Вселенского собора. Применяя это правило к Московской кафедре, собор наделял ее теми же самыми «преимуществами», которые имели Римский и Константинопольский престолы, благодаря чему московский предстоятель полностью уравнивался с патриархами древних церковных центров. В соборном определении была подтверждена и усилена столь важная для русских идея равенственности Московского патриарха с прочими предстоятелями. Патриарх Московский объявлялся «братом православных патриархов... тождественным по чину и сопрестольным, равным по чину и достоинству» (*ἀδελφόν... τῶν ὀρθοδόξων πατριάρχων... ὁμοταγῇ καὶ σύνθρονον, ἴσον τε τῇ τάξει καὶ τῇ ἀξίᾳ*)⁶². В письме патриарху Иову с отчетом о своем участии в соборе и принятых на нем решениях патриарх Мелетий отмечал, что возвышение Москвы в церковном плане — это не вопрос порядкового места, а введение в сам этот порядок, место в котором не имеет значения. По словам Мелетия, Московский патриарх получил не просто равный чин с прочими патриархами (*ἴσην τάξιν*), а тот же самый чин (*ὁμοταγῆς τάξις*), исключающий всякую мысль об иерархии между патриархами⁶³. Так он пытался убедить московские власти в том, что последнее место русского патриарха ни в коем случае не подразумевало умаления престола «царского града», а соответствовало лишь хронологии возникновения новой патриаршей кафедры.

⁵⁹ Там же. С. 391.

⁶⁰ Там же. С. 395.

⁶¹ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 97: «ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς Θεόδωρος Ἰωάννης σὺν τῷ ἀρχιεπισκόπῳ Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμένικῃ πατριάρχῃ συγκροτήσαντες σὺνὸδον τὴν καλὴν καὶ θεάρεστον οἰκοδομὴν τοῦ ὑψηλοτάτου θρόνου Μοσκοβείας ἤρξαντο, ἣν καὶ ἡμεῖς... ἐπὶ τελείᾳ συνόδῳ... ἡσφαλίσαμεν κρίναντες...»

⁶² *Фонкич Б.Л.* Акт Константинопольского собора... С. 395.

⁶³ *Analecta Byzantino-Russica*. P. 97.

Вторым важным результатом собора стала отмена церковных реформ 1590 г. Мелетий постарался полностью дезавуировать неканоническую идею о главенстве и первенстве одного из патриархов в Церкви, против чего он последовательно выступал в своих многочисленных богословских сочинениях⁶⁴. Собор четко ограничил применение принципа первого епископа на областном уровне, исключая возможность его распространения на всю Церковь. В его деянии подчеркивалось, что патриарху Московскому надлежит «быть и признаваться главой (κεφαλὴν) той области — Московской и всея России и северных земель — по 34-му [правилу] святых и всехвалых апостолов»⁶⁵. Никакое главенство над ним уже не предполагалось, поскольку все патриархи имеют «одинаковый чин», а значит ни один из них по определению не может возвышаться над другим.

Собор выступил и против пересмотра порядка патриарших престолов, как восходящего к «некоему древнему обычаю кафолической Церкви» (παλαιᾷ τινὶ συνηθείᾳ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας)⁶⁶. Можно понять греческих иерархов: допустить они изменение этого порядка, был бы создан опасный прецедент, на основании которого мнимая иерархия престолов стала бы постоянно корректироваться в последующем, открыв дорогу чуждому Церкви политическому соперничеству. В тексте определения была подчеркнута необходимость сохранения всего, что было законоположено отцами, и устранения любых нововведений, поскольку «новшества всегда становились причинами смут и разделений в церквях»⁶⁷. Именно поэтому патриарху Московскому предписывалось «иметь место после всесвятейшего патриарха Иерусалимского как в священных диптихах, так и на церковных собраниях, дабы соблюсти незыблемыми... каноны святых отцов» (ἵνα τοὺς... τῶν ἁγίων πατέρων κανόνας ἀπαρασαλεύτους διατηρήσωμεν)⁶⁸. Отсюда становится понятным, почему нигде в тексте соборного определения принципиально не оговаривается порядковый номер московского патриаршего престола, но только его место «после патриарха Иерусалимского». Ведь если порядок не меняется, то Константинопольский патриарх остается на своем втором месте, а место Московской кафедры остается неопределенным по причине подобной же неопределенности положения Римской кафедры, которая хотя и продолжа-

⁶⁴ См., напр.: «Каждая область (ἐπαρχία) имеет своего начальника (ἀρχηγός), о чем сказано в 34-м правиле святых апостолов... Но кафолическую главу кафолической Церкви правда евангельская одного знает и одного проповедует — Христа <...> Церковь имеет, согласно апостольскому правилу, первенствующих (πρωτεύοντα) каждого народа и их считает главами, но вся вообще Церковь (ἡ καθόλου Ἐκκλησία) только Христа да считает главой, соответствующей всему вообще телу (τῷ καθόλου σώματι)» (Περὶ τῆς ἀρχῆς τοῦ Πάπα ὡς ἐν εἰδεί ἐπιστολῶν. [Κωνσταντινούπολη, 1627]. Σ. 3, 15); «Мы исповедуем и провозглашаем одну Церковь, а не две, и у нее — этой кафолической Церкви — знаем одну и кафолическую главу — Христа... И в этой единой кафолической Церкви знаем многие главы отдельных (κατὰ μέρος) великих Церквей — разумею патриархов кафолических престолов» (Τοῦ σοφωτάτου Πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Μελετίου τοῦ Πηγᾶ (1549–1601) ἐπιστολαὶ πρὸς διαφόρους Χίους // Νέα Σιδων. 1913. Τ. 13. Σ. 391); «Церкви являются друг для друга членами, а не главами (ἀλλήλων οὖν αἱ ἐκκλησίαι μέλη εἰσίν, οὐ κεφαλαί)» (Ὁρθόδοξος διδασκαλία. [Μοσχόπολις], 1769. Σ. 153).

⁶⁵ Фонкич Б.Л. Акт Константинопольского собора... С. 395.

⁶⁶ Там же. С. 393.

⁶⁷ См. об этом: Белякова Е.В. «Церковные новины» и учреждение патриаршества в России (К вопросу о значении учреждения патриаршества в XVI в.) // IV Centenario dell'istituzione del patriarcato in Russia. 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1991. С. 81–95.

⁶⁸ Фонкич Б.Л. Акт Константинопольского собора... С. 395.

ет мыслиться первой, но пребывает в ереси и расколе. Соответственно, при таком подходе упразднялась всякая почва для разговоров о восстановлении древней пентархии.

Судьба рецепции собора

Как известно, в Москве собор 1593 г. вызвал решительное неприятие. Вместо того, чтобы поставить точку в московском проекте, собор практически полностью его пересмотрел и открыто выступил против царской воли. Итоги собора были сочтены русскими оскорбительными, что проявилось в том, что прибывший в Москву вместе с соборной грамотой представитель патриарха Мелетия был брошен в тюрьму якобы за какие-то некорректные высказывания, а поток царской милостыни на Восток оказался существенно снижен. Отправившееся в 1594 г. в Константинополь русское посольство Д. Исленьева получило заведомо малую сумму денег для передачи патриарху наряду с указаниями, как объяснять очевидную скромность пожертвований⁶⁹, а уже в 1596 г. венецианский байло сообщал в своих донесениях из Константинополя, что местные иерархи озабочены сбором средств для патриаршей казны, «которая испытывает великие денежные затруднения... в силу отсутствия поступающей из Москвы милостыни»⁷⁰. Неудача собора наложилась и на трагедию в царской семье: 25 января 1594 г. скоропостижно скончалась царевна Феодосия, из-за чего царь Феодор впал «в великую жалобу»⁷¹. На протяжении нескольких лет патриарх Мелетий вел переписку с государем, пытаясь донести до него смысл соборного постановления и убедить его в том, что оно было составлено в интересах Московской кафедры, однако все усилия патриарха остались тщетными. В Москве собор был отвергнут, его грамота была скрыта в царском книгохранилище, а определение собора 1590 г. стало считаться окончательным.

Подобная реакция русских не осталась без ответа на Востоке. Поскольку там прекрасно понимали, что собор 1593 г. пересмотрел решение собора 1590 г., благодаря чему окончательным являлось решение второго собора, его неприятие на Руси вызвало двусмысленную ситуацию, когда оба церковноправовых акта о московском патриаршестве оказались не имеющими полной силы: принятое в Москве постановление собора 1590 г. считалось неактуальным на Востоке, а постановление собора 1593 г. напротив было отвергнуто в Москве. И если сам Мелетий вел себя еще довольно сдержанно в своей критике русских властей⁷², то его ученик и прямой преемник на кафедре патриарх Кирилл Лукарис открыто

⁶⁹ Корогодина М.В. Неизвестное послание царю Федору Ивановичу из Константинополя // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2. С. 102.

⁷⁰ Μέρτζιος Κ.Α. Πατριарχικά... Σ. 25: «διότι λείπουν αἱ ἐκ τῆς Μοσχολίας καταφθάνουσαι ἐλεημοσύναι».

⁷¹ См.: Шереметев С.Д. Царевна Феодосия Феодоровна. 1592–1594 гг. // *Труды по истории Смутного времени* / Сост. М.Д. Ковалева, А.В. Топычканов, С.Ю. Шокарев. М., 2015. С. 100–167.

⁷² М.В. Корогодина резонно обращает внимание на факт умолчания о Московском патриархе в одном из посланий патриарха Мелетия, написанном им в 1597 г., объясняя это реакцией на вызывающее поведение русских властей: Корогодина М.В. Неизвестное послание... С. 107. Впрочем, речь в том послании шла о восточной Церкви, к которой Московский патриарх не принадлежал, и потому перечисление восточных патриархов логично завершается на Иерусалимском. К тому же в другом письме Мелетия в 1599 г. он упоминает о московском престоле, «возве-

ставил под сомнение легитимность московского патриаршества, заявляя о существовании в православной Церкви только четырех «законных патриархов»⁷³. В противовес провалившемуся проекту восстановления пентархии на Востоке стала декларироваться непреложность тетрархии — существования в Церкви лишь четырех патриархов без всякого учета Московского патриарха⁷⁴.

Впрочем, рецепция собора 1593 г. на Руси со временем все же произошла. Первым важным шагом стало упоминание соборного акта в Утвердительной грамоте Иерусалимского патриарха Феофана о поставлении патриарха Филарета, писанной в Москве в 1619 г. Грамота была составлена в подражание определению собора 1590 г., которое местами дословно воспроизводилось в тексте. В качестве учредительных документов о московском патриаршестве там названы «хрисовул царя Феодора Иоанновича» (а вовсе не Константинопольского патриарха!) и «соборная грамота патриарха Иеремии» (то есть деяние Константинопольского собора 1590 г.), о которой сказано, что она была «подтверждена и засвидетельствована от святейших же патриархов кир Мелетия Александрийского, Иоакима Антиохийского и Софрония Иерусалимского и от всех Восточных церкви Архиереев» (то есть на соборе 1593 г.)⁷⁵. Таким образом в грамоте патриарха Феофана осуществлялась попытка связать два соборных определения так, будто собор 1593 г., как более представительный, подтвердил определение собора 1590 г. Видимо, за этим совершенно произвольным подходом просматривалось желание представить все три документа в качестве трехчастного акта утверждения московского патриаршества: а) грамота

денном в патриархию»: Материалы для истории архиепископии Синайской горы // ППС. 1908. Вып. 58. Ч. 1. С. 229. При этом Мелетий вполне правомерно отличал древние патриаршие кафедры от новой московской, пользуясь, например, категорией «патриархи апостольских престолов»: Documente privitoare la istoria românilor. Vol. 13: Texte grecești privitoare la istoria românească / Publ. A. Papadopoulos-Kerameus. București, 1909. P. 351.

⁷³ В 1613 г. в письме реформату Уиттенбогарту патриарх Кирилл Лукарис писал: «Греческая Церковь делится на многие народы: иверов, колков, арабов, халдеев, эфиопов, египтян, московитов, рутенов, болгаров, сербов, или же славян, албанцев, караманов, валахов, молдавы и греков... Эти народы имеют четырех законных патриархов (hae nationes habent 4 legitimos patriarchas), среди которых первое место занимает Константинопольский, второе — Александрийский, третье — Антиохийский, последнее — Иерусалимский» (*Legrand É. Bibliographie hellénique du XVII siècle*. T. 4. Paris, 1896. P. 303).

⁷⁴ В качестве характерных примеров можно упомянуть сочинение преемника Кирилла Лукариса на Александрийской кафедре патриарха Митрофана Критопула, писавшего в 1623 г.: «...существуют четыре патриарха: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Под Константинопольским находятся многие архиепископы (они же митрополиты) и епископы и неисчислимое множество христиан, слагающееся из различных народов: греков, болгар, славян, русских, москвитов, албанцев, караманов, мизийцев, которых сегодня называют влахами, молдовлахов» (*Διοβουνιώτης Κ.Ι. Μητροφάνης Κριτόπουλος. Ἐν Ἀθήναις*, 1915. Σ. 51); Шестое деяние Большого московского собора 1666 г., где сказано, что «[святейшими патриархи греческими] вся тягота церковная аки столпы непозыбаемыми утверждается... их благословением и учением вся вселенная яко четырьмя реками райскими окропляется, оживляется и убогается» (Деяния Московских Соборов 1666 и 1667 г. М., 1881. Л. 22–22 об.); Соборное послание о повторном осуждении Синайского архиепископа Анании (1691 г.), где сказано, что «внутри четырех патриархов заключено [словно в стенах] всё христианство» (ἐντὸς γὰρ τῶν τεσσάρων Πατριάρχων ὅλος ὁ Χριστιανισμὸς περιτεχίζεται) (*Καλλίνικος Δελικανής, ἀρχιμ. Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεπομυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἔγγραφα*. Τ. Β'. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1904. Σ. 438). См. также: Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004. С. 85–106.

⁷⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. М., 1822. С. 204.

московского царя, учреждающая патриаршество, б) грамота Константинопольского патриарха, утверждающая царскую, в) грамота трех остальных патриархов и общевосточного собора, утверждающая грамоту Константинопольского патриарха.

Подобная искусственная интерпретация во многом предопределила дальнейший ход рецепции собора 1593 г. При этом, несмотря на упоминание о втором соборе в московской грамоте Иерусалимского патриарха, о нем показательно умолчали обе редакции важнейшего в идеологическом плане «Известия об учреждении патриаршества», первая из которых была составлена в 20-е гг. XVII в. при патриархе Филарете, а вторая помещена в качестве вводной статьи к первой русской печатной Кормчей 1653 г.⁷⁶ Обе редакции упоминают только о царской Уложенной грамоте 1589 г. и о деянии Константинопольского собора 1590 г. В Кормчей книге тексты обоих документов приведены полностью.

Продвижение соборной грамоты 1593 г. в качестве важного церковного акта началось при патриархе Никоне, который «обрел» ее в книгохранилище и включил целиком в текст деяния Московского собора 1654 г.⁷⁷ Никон не усматривал никакого различия в решениях соборов 1590 и 1593 гг., ошибочно приписывая, например, восполнение пятеричного числа патриархов собору 1593 г., который напротив перечеркнул попытки восстановления древней пентархии⁷⁸. Для Никона крайне важен был факт утверждения московского патриаршества всеми четырьмя восточными патриархами, на что он ссылался в послании Газскому митрополиту Паисию Лигариду⁷⁹. Большое внимание в последующей рецепции собора 1593 г. на Руси уделялось также титулатуре и области Московского патриарха в тексте этого определения⁸⁰.

Запоздалое встраивание собора в историческую память Московского государства с произошедшим к тому времени переосмыслением его значения пред-

⁷⁶ Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А. Кормчая книга... С. 412–447.

⁷⁷ Деяние Московского собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162, от воплощения же Божия Слова 1654. М., 1873. Л. 3 об.–15 об.

⁷⁸ Предисловие к Служебнику 1655 года. Л. 6–7: «И обрете [всесвятейший государь патриарх Никон] еще книгу писанную с собору вселенских патриархов, греческими же писмены, бе же собор той святей в новом риме в константинополи в лето 7101... писано же в той книзе, яко святейший архиепископ московский, и патриарх всея руссии брат есть православных вселенских патриархов: и с сим именованьем единочине им и сопрестолен, и чином и достоинством равен, яко пятое чюство вселенския церкви».

⁷⁹ Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С. 596: «Изволи благодать Святаго Духа о нашем смиреннии посадитися на патриаршеском столе по уставу, преданному от святейших вселенских патриарх, якоже предание имамы, zde написанное, и уставы, утвержденное руками святейших вселенских четырех патриарх и с прочими, яже суть тамо преосвященными митрополиты, архиепископы и епископы и запечатлени коеждо тех печатью во дни благочестивейшаго царя и великого князя Феодора Ивановича Московского и всеа Русии». О том, что речь в данном случае идет об определении собора 1593 г. или же о грамотах обоих соборов вместе, можно заключить из упоминания патриархом Никоном печатей всех четырех патриархов, поскольку к грамоте 1590 г. приложена печать одного Константинопольского патриарха Иеремии, и только на грамоте собора 1593 г. стоят печати всех трех присутствовавших патриархов.

⁸⁰ См.: Страхова О.Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15/2. P. 117–206; Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью. 1676–1686 гг.: Исследования и документы. М., 2019. С. 423–427, 615–619, 635–638, 644–648.

определило интерпретацию собора 1593 г. и в русской историографии⁸¹. Он не сразу стал упоминаться в исторических трудах, посвященных возникновению патриаршества⁸², а когда о нем вспомнили, то стали представлять лишь как неудавшуюся попытку утвердить третье место Московской кафедры, не принесшую ничего нового в оформлении ее статуса⁸³, разве что закрепление последнего на «целосовершенном» соборе⁸⁴.

Автор наиболее полного обзора истории установления патриаршества на Руси П. Николаевский хотя и писал, что новый собор был «созван по царской просьбе о пересмотре соборного определения 1590 г.»⁸⁵, не усматривал никакого конфликта между двумя соборами. В его представлении, «речь патриарха Мелетия в существе своем нимало не противоречила определениям собора 1590 г. и представляла собой только точную, полную и каноническую формулировку определений прежнего собора»⁸⁶. Замечательным примером восприятия двух этих соборов как дополняющих друг друга стала известительная грамота патриарха Московского Тихона, составленная по случаю восстановления патриаршества в Русской Церкви в 1917 г. профессором Московской духовной академии И.И. Соколовым⁸⁷. Автор текста включил в текст грамоты главные идеи обоих соборных

⁸¹ Собор 1593 г. вообще не упоминается ни у Карамзина (История государства Российского. Т. 10. СПб., 1824. С. 116–124), ни у Соловьева (История России с древнейших времен. 2-е издание. Кн. 2. Т. 7. СПб., 1896. Гл. 4. Ст. 652–658). Не упоминает о соборе и автор одного из самых первых очерков истории установления патриаршества А.П. Зернин: Учреждение в России патриаршества // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. М., 1855. С. 3–34.

⁸² Например, о нем не говорится в ранних работах по истории Русской Церкви: *Платон Левшин, митр. Московский*. Краткая церковная российская история. Т. 2. М., 1805. С. 92–105; *Иннокентий Смирнов, митр.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. Отд. 2. М., 1842⁶. С. 431–432; *Муравьев А.Н.* История российской церкви. СПб., 1845³. С. 165–174; *Толстой М.* Рассказы из истории русской церкви. Кн. 4. М., 1870. С. 106–111; *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870. С. 138–139; *Филарет Гумилевский, архиеп. Черниговский*. История русской церкви. М., 1888⁵. Пер. 4. С. 5–12, и мн. др.

⁸³ См.: *Соколов Н.К.* Учреждение патриаршества в России, в 1589 году // Прибавления к Творениям св. Отцов. Ч. 18. Кн. 3. 1859. С. 288–338; *Макарий, митр. Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. Т. 10. Кн. 1. СПб., 1881. С. 1–54; *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях М., 1885. С. 55–56; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 495–517.

⁸⁴ См., например: *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи Трапезунтского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 29.

⁸⁵ *Николаевский П., свящ.* Сношения русских с Востоком об иерархической степени Московского патриархата // Христианское чтение. 1880. № 1–2. С. 128–158 (здесь: С. 150).

⁸⁶ Там же. С. 151. Слово в слово эта интерпретация была воспринята А.Я. Шпаковым: *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Т. 2: Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912. С. 381: «Речь эта, представлявшая собою точную, полную каноническую формулировку, вполне отвечала постановлению собора 1590 года и была встречена с полным сочувствием, а вновь составленная „уложенная грамота“ опять содержала указание на пятое место русского патриарха».

⁸⁷ Церковные ведомости. 15(28) июня 1918. № 21–22. С. 144–149; *Мазырин А.В., Смолякова И.Н.* «Господь явил новую великую Свою милость Православной Российской Церкви». Известительная грамота святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России, предстоятелям Православных Церквей // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 75. С. 123–135.

определений⁸⁸, что красноречиво свидетельствовало о том, что к началу XX в. даже у экспертов в области церковной истории не было понимания того, что между двумя соборами существовало принципиальное различие. Подобная картина сохраняется в отечественной науке до сих пор.

Заключение

В истории учреждения московского патриаршества мы усматриваем столкновение разных интересов. Московско-константинопольский проект, получивший оформление в грамотах 1589–1590 гг., можно рассматривать как грандиозный геополитический замысел, призванный ответить на основные вызовы эпохи. Один только факт признания окончательного отпадения Рима от христианской Церкви мог иметь колоссальное значение для противостояния латинской церковно-политической экспансии и сопутствующей католической пропаганде, в том числе и папским планам по созданию униатского патриархата в русских землях. Восстановление византийской пентархии и актуализация православной царской власти в лице московского «василевса и автократора» призваны были придать новый жизненный импульс восточному христианству в опоре на великое наследие древности, подчеркнуть самодостаточность греко-православной Церкви и ее единство, возвышающееся над политической неустроенностью.

Вопрос о том, насколько оправданными и осуществимыми были подобные идеи, нуждается в особой оценке, но неудача совместной русско-греческой инициативы во многом объясняется попыткой каждой из сторон использовать общее начинание в собственных целях. Неосторожные амбиции московских властей, взявшихся пересматривать вековые церковные устои, вызвали естественную защитную реакцию на Востоке. Напротив, попытка использовать русский фактор для возвышения Константинопольской кафедры в Церкви и противопоставления идеи первенства одного патриарха сложившейся на Востоке тетрархии привела к внутривосточному конфликту и волне критики в адрес идеологов проекта, в том числе и русских.

По всей видимости, в самой Москве со временем также осознали, что согласие на признание мнимого главенства Константинопольского престола над Московским звучало двусмысленно и подрывало самостоятельность последнего, что привело к тиражированию утверждений о патриархах как «крайних или вы-

---

⁸⁸ Церковные ведомости... С. 145: «По силе соборных деяний Великой Константинопольской Церкви, священный престол благочестивого града Москвы был и именовался престолом патриаршим, и сему патриаршему престолу подчинялась вся поместная Российская Церковь, а патриарх Московский и вся России занимал в священной пентаде восточных патриархов место после патриарха Иерусалимского, пользуясь сим местом как в священных диптихах, так и в церковных собраниях. Превышая всех епископов, архиепископов и митрополитов во всей Православно-кафолической Церкви Христовой, Всероссийский Святейший Патриарх, по силе церковных канонов и соборных определений, был, признавался и почитался главою автокефальной Российской церкви, а равно был, признавался и назывался братом православных патриархов, сочинным и сопредельным и равночестным с ними по сану и достоинству, надписывался и подписывался по обычаю прочих православных патриархов и вообще совершал свое высокое назначение и служение в Церкви Христовой в согласии с каноническим установлением восточно-кафолического патриаршества».

сочайших святителях»⁸⁹ и сглаживанию идеи главенства Константинопольской кафедры в поздних переводах грамоты собора 1590 г.⁹⁰ Вполне можно согласиться с Н.Ф. Каптеревым, писавшим, что «глухой антагонизм, скрытая борьба между греками и русскими из-за преобладания и главенства в православном мире, невольно чувствуются во всем деле учреждения московского патриаршества»⁹¹. Как итог, намеченное в этом уникальном греческо-русском проекте сотрудничество не сложилось, быстро сменившись усилением антагонизма. На последовавшую затем на Востоке критику московского патриаршества русские ответили встречной критикой патриаршества восточного, нашедшей яркое выражение у Арсения Суханова⁹².

Крайности московско-константинопольского проекта был призван выправить подход александрийцев, положенный в основу определения собора 1593 г. и отстаивавший интересы восточной Церкви перед лицом как русских претензий, так и притязаний Константинопольских патриархов на уникальное положение в Церкви. Его особенностью является стремление опереться на традиционное церковное учение, авторитетным выразителем которого считался автор соборного определения ученейший патриарх Мелетий Пигас.

На первый взгляд, занятую им охранительную позицию можно счесть реакцией на дерзновенное реформаторство патриарха Иеремии, отважившегося на пересмотр, а на самом деле на размывание утвержденной византийскими императорами пентархии, не предполагавшей главенства среди равных элементов. Но при пристальном рассмотрении можно убедиться, что подход Мелетия был более прогрессивным, чем подход Иеремии. Московско-константинопольский проект был направлен на консервацию византийского опыта и сформировавшихся там практик и потому оказывался в некотором смысле антиисторическим. Мелетий, напротив, предлагал не становиться заложником очевидно случайного числа главных церковных центров, пусть и допуская замену одного на другой, а дополнять это число, открывая тем самым возможность его последующего роста.

Революционным был именно проект Мелетия, в котором впервые, пусть хотя бы на словах, декларировалась равночестность и даже тождественность византийского и не византийского православия, признавалось равенство «царствующего града» Москвы с древними Римом и Константинополем. В этом смысле данный собор, намечавший путь развития православной Церкви в новой исторической ситуации, можно рассматривать как важную идейную веху в истории мирового православия. Остается лишь пожалеть, что столь широкие взгляды пат-

⁸⁹ См., например «Сказание известно...»: «Патриаршества бо имя ничтоже ино именуется, токмо отцем отец или, истее рещи, отцначальник и сущим под ним глава и пастырь, и святитель крайний или высочайший» (*Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга... С. 417).

⁹⁰ Ключевое место грамоты собора 1590 г. в первом русском переводе в составе посольской книги звучит так: «А в головах и в началех держати и почитати апостольский престол константинопольский, как и иные патриархи» (*Посольская книга.* С. 71). В печатной кормчей 1653 г. мы встречаем уже другой перевод: «И начало свое и первый имети и непщевати, апостольский престол константинопольский, якоже и прочии имеют патриарси» (л. 22 об.). Отступление переводчика от строгой канонической терминологии никак нельзя счесть случайным.

⁹¹ *Каптерев Н.Ф.* Характер отношений России... С. 59.

⁹² *Богданов А.П.* «Прения с греками о вере» Арсения Суханова: полный авторский текст // Литературный факт. 2019. № 2 (12). С. 145–188.

риарха Мелетия, выраженные в соборном деянии 1593 г., не получили полноценной рецепции ни на Руси, ни на Востоке.

Наконец, можно удивляться и тому, сколь огромное влияние на прочтение истории учреждения московского патриаршества оказал тенденциозный эпизод в Хронике Псевдо-Дорофея, откровенно искажающий исторические факты, известные нам из других источников⁹³. Стремление переложить всю вину за провал Московско-константинопольского проекта 1589–1590 гг. на русских и выставить Москву в качестве источника распространения неправильных и опасных для церковного единства взглядов, по всей видимости, восходило к внутривосточной полемике вокруг факта создания московского патриаршества и идеологическому противостоянию с растущими русскими претензиями. Отечественная историография во многом стала заложником этой поздней полемической и антирусской традиции, влияние которой необходимо рано или поздно преодолеть в опоре на всю совокупность доступных источников.

Ермилов Павел Валерьевич

Кандидат исторических наук
Заведующий Лабораторией
исследований церковных институций
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Лихов пер., д.6, стр.1, комн. 418
127051 Москва

Электронная почта: pavel_ermilov@mail.ru

---

⁹³ *Ченцова В.Г.* Поставление первого русского патриарха по хронике Псевдо-Дорофея: замечания к изучению // *Человек в пространстве и времени культуры*. Барнаул, 2008. С. 306.

Pavel ERMILOV

ESTABLISHMENT OF THE MOSCOW PATRIARCHATE AND THE COUNCILS OF CONSTANTINOPLE IN 1590 AND 1593

Abstract: The author presents a new outlook on the history of the establishment of the Moscow Patriarchate with special attention to the conflict within the Greek East triggered by attempts to canonically legalize the new patriarchate. The author shows how the second Council of Constantinople in 1593 revised the decision of the Council in 1590, bringing down a large-scale Greek-Russian project, conceived in Moscow and implemented by Patriarch Jeremiah. The rejection of the synodal act of 1593 in Russia explains the prolonged fallout of the Council and its teaching from Muscovite historical memory. The late reception of the conciliar formulas favorable to the Russian Church predetermined the deformation of the image of the Council in Russian historiography.

Keywords: Establishment of the Moscow Patriarchate, Councils of Constantinople in 1590–1593, Jeremiah Tranos, Meletios Pigas, primacy in the Church, pentarchy.

Literature Cited

- Beliakova, E.V. “Tserkovnye noviny i uchrezhdenie patriarshestva v Rossii (K voprosu o znachenii uchrezhdeniia patriarshestva v XVI v.) [“Tserkovnye noviny and the establishment of the patriarchate in Russia (On the importance of establishing of the patriarchate in the XVI c.)”]. In *IV Centenario dell’istituzione del patriarcato in Russia*. Roma, 1991. P. 81–95 (in Russian).
- Beliakova, E.V., Moshkova, L.V., Oparina, T.A. *Kormchaia kniga: ot rukopisnoi traditsii k pechatnomu izdaniuu* [Kormchaia: from a manuscript tradition to a print edition]. Moscow; Saint Petersburg, 2017 (in Russian).
- Bogdanov, A.P. “The Debate on Faith with the Greeks by Arseny Sukhanov: complete author’s text.” *Literaturnii fact* 12 (2019). P. 145–188 (in Russian). doi: 10.22455/2541–8297–2019–12–145–188.
- Demidova, N.F., Kusheva, E.N., Persov, A.M., eds. *Kabardino-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy* [Kabardian-Russian relations in XVI–XVIII c.: Documents and materials]. Vol. 1. Moscow, 1957 (in Russian).
- Eyaggeley, G. “Otan patriarchikes ypografes anazhtoun taytotēta [Patriarchal signatures: in search of their identity].” *The Gleaner* 25 (2005) P. 61–86 (in Greek). doi: 10.12681/er.33.
- Floria, B.N. “Vopros ob osnovanii Moskovskoi patriarkhii v diplomaticheskome dokumente 1591 g. [The issue of the founding of the Moscow Patriarchate in a diplomatic document from 1591].” In *IV Centenario dell’istituzione del patriarcato in Russia*. Roma, 1991. P. 145–151 (in Russian).
- Floria, B.N., et al. *Vossoedinenie Kievskoi mitropolii s Russkoi Pravoslavnoi Tserkoviiu. 1676–1686 gg. Issledovaniia i dokumenty* [Reunification of the Kievan Metropolis with

- the Russian Orthodox Church. 1676–1686. Studies and documents*]. Moscow, 2019 (in Russian).
- Fonkich, B.L. “Akt Konstantinopol’skogo sobora 1593 g. ob osnovanii Moskovskogo patriarkhata [The Act of the Council of Constantinople in 1593 on the foundation of the Moscow Patriarchate].” In *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV — nach. XVIII v. [Greek manuscripts and documents in Russia in XIV — beg. XVIII c.]*, ed. by B. Fonkich. Moscow, 2003. P. 385–399 (in Russian).
- Fonkich, B.L. “Iz istorii uchrezhdeniia patriarshstva v Rossii. Sobornye gramoty 1590 i 1593 gg. [From the history of the establishment of the patriarchate in Russia. Synodal acts of 1590 and 1593].” In *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV — nach. XVIII v. [Greek manuscripts and documents in Russia in XIV — beg. XVIII c.]*, ed. by B. Fonkich. Moscow, 2003. P. 377–384 (in Russian).
- Fougiar, M.G. *Epistolai Meletiou Pēga, Papa kai Patriarchou Aleksandreias (1590–1601) ekdidomenai ek tou yp’ arith. 296 cheiografou tēs Vivliothēkēs tou Patriarcheiou Aleksandreias [Letters of Meletios Pigas, Pope and Patriarch of Alexandria (1590–1601) edited from Manuscript number 296 from the Library of the Patriarchate of Alexandria]*. Athens, 1976 (in Greek).
- Gudziak, B.A. “The Creation of the Moscow Patriarchate: A Prelude to Patriarchal Reforms in the Kyivan Metropolitanate Preceding the Union of Brest (1595–1596).” *Logos: A Journal of Eastern Christian Studies* 37 (1996). P. 219–271.
- Koretskii, V.I. “Solovetskii letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky Chronicle from the end of the XVI c.].” In *Letopisi i khroniki [Letopisi and Chronicles]*. Moscow, 1980. P. 223–243 (in Russian).
- Korogodina, M.V. “Unknown Epistle to Tsar’ Fedor Ivanovich from Constantinople.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2 (2018). P. 98–114 (in Russian). doi: 10.21638/spbu19.2018.206
- Kresten, O. *Das Patriarchat von Konstantinopel im ausgehenden 16. Jahrhundert: der Bericht des Leontios Eustratios im Cod. Tyb. MB 10: Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar*. Wien, 1970.
- Lukichev, M.P., and Rogozhin, N.M., ed. *Posol’skaia kniga po sviaziam Rossii s Gretsiei (pravoslavnymi ierarkhami i monastyriami), 1588–1594 gg. [Ambassadorial book on the relations of Russia with Greece (orthodox hierarchs and monasteries), 1588–1594]*. Moscow, 1988 (in Russian).
- Mazarakēs G.G. “Symbolē eis tēn istorian tēs en Aigyptō Orthodoxou Ekklēsiās [“Contribution to the History of the Orthodox Church in Egypt”].” *Ekklesiastikos faros* 26 (1927). P. 385–412 (in Greek).
- Mazyrin, A.V., Smoliakova, I.N. “The Lord has revealed his new great mercy upon the Russian Orthodox Church. Notifying charter of St. Tikhon, Patriarch of Moscow and Russia, to heads of Orthodox Churches.” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* 75 (2017). P. 123–135 (in Russian). doi: 10.15382/sturII201775.123–135
- Mertzios, K.D. “Patriarchika, ētoi, Anekdotoi plēroforiai schetikai pros tous patriarchas Kōnstantinoupolēōs apo tou 1556–1702 [Patriarchal issues, i.e. Unpublished reports on the Patriarchs of Constantinople from 1556–1702].” In *Pragmateiai tēs Akadēmias Athēnōn*. Vol. 15, issue 4. Athens, 1951 (in Greek).
- Mureșan, D.I. “Le patriarcat œcuménique et les patriarchats balkaniques (Tarnovo, Peć). Enjeux ecclésiastiques et impériaux au XIVe siècle.” In *Le Patriarcat œcuménique de Constantinople et Byzance hors-frontières (1204–1586). Actes de la table ronde organisée dans le cadre du 22e Congrès International des Études Byzantines, Sofia, 22–27 août 2011*, ed. by M.-H. Blanchet, M.-H. Congourdeau and D.I. Mureșan. Paris, 2014. P. 203–242.

- Mureșan, D.I. “Rome hérétique? Sur les décisions des conciles de Moscou et de Constantinople (1589, 1590 et 1593).” *Mélanges de l'École française de Rome — Italie et Méditerranée modernes et contemporaines* 126, issue 2 (2014). P. 275–288.
- Paizē-Apostolopoulou, M. “Chrysoboullon patriarchikon. Ta paradoksa tēs diplōmatikēs kai hē idrysē tou Patriarcheiou Moshas [Patriarchal Chrysobullon. The Diplomatic Paradoxes and the Establishment of the Moscow Patriarchate].” In *Moskoviia. Problemy vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii* 1 (1998). P. 335–345 (in Greek).
- Sevast'ianova, S.K. *Epistol'noe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [The Epistolary Heritage of Patriarch Nikon. Correspondence with Contemporaries: Research and Texts]. Moscow, 2007 (in Russian).
- Sheremetev, S.D. *Trudy po istorii Smutnogo vremeni* [Works on the History of the Time of Troubles]. Moscow, 2015 (in Russian).
- Shustova Iu.E. *Dokumenty L'vovskogo Uspenskogo Stavropigiiskogo bratstva (1586–1788): Istochnikovedcheskoe issledovanie* [Documents of the L'vov Uspensky Stavropigial Brotherhood (1586–1788): Source Study]. Moscow, 2009 (in Russian).
- Snegarov, I. “Establishment of the Moscow Patriarchate (1589–1721) and the Okhrid Archbishopric.” *Makedonski pregled* 13, issue 1 (1942). P. 3–12 (in Bulgarian).
- Strakhov, O.B. “Ofitsial'naia titulatura russkikh patriarchov v izdaniikh Moskovskogo Pechatnogo Dvora (1589–1700) [Official titles of Russian Patriarchs in editions of the Moscow Print Yard (1589–1700)].” *Palaeoslavica* 15, issue 2 (2007). P. 117–206 (in Russian).
- Tchentsova, V.G. “Postavlenie pervogo russkogo patriarkha po khronike Psevdo-Dorofeia: zamechaniia k izucheniiu [Installing of the first Russian patriarch in the chronicle of Pseudo-Dorotheus: preliminary notes].” In *Chelovek v prostranstve i vremeni kul'tury*. Barnaul, 2008. P. 289–306 (in Russian).
- Tōmadakēs, N.V. “O patriarchēs Aleksandreias Silvestros (1569–1590) kai o diadochos tou Meletios o Pēgas [Patriarch of Alexandria Sylvester (1569–1590) and his successor Meletios Pigas].” *Nea Christianikē Krētē* 1 (1989). P. 21–46 (in Greek).
- Uspenskii, B.A. *Tsar' i patriarch: harizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [Tsar and Patriarch: Charisma of Power in Russia (Byzantine model and its Russian reinterpretation)]. Moscow, 1998 (in Russian).
- Zhivov, V.M. *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: issledovaniia i materialy* [From Church History of the Time of Peter the Great: Studies and Materials]. Moscow, 2004 (in Russian).

Pavel ERMILOV

Candidate of Sciences in History

Head of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory

St. Tikhon's Orthodox University

Likhov per., 6/1, office 418

127051 Moscow, Russia.

e-mail: pavel_ermilov@mail.ru

К.Б. Образцова

МОЗАИКИ РОТОНДЫ В ФЕССАЛОНИКЕ: ПРОБЛЕМА СТИЛЯ В РАННЕХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: Статья посвящена мозаикам Ротонды в Фессалонике и их месту в истории раннехристианской живописи. Ансамбль не имеет точной датировки и не находит прямых аналогий среди известных нам памятников. В статье рассматриваются некоторые тенденции в искусстве V в., на основе которых предложена датировка ансамбля. В то же время мозаики Ротонды свидетельствуют о сложности и нелинейности выявленных закономерностей. Это позволяет говорить о принципиальной свободе в обращении с художественными средствами, функционирующими в раннехристианской живописи подобно риторическим приемам.

Ключевые слова: Ротонда св. Георгия, Фессалоника, раннехристианская монументальная живопись.

Примечательной особенностью раннехристианского искусства является его стилистическая неоднородность: оно не знает ни общего канона, ни признанного образца для подражания. Едва ли не каждый ансамбль периода выделяется своей художественной индивидуальностью, что значительно затрудняет попытки связать отдельные, часто недатированные памятники между собой и выявить в их ряду какие-либо стилистические обобщения.

Несмотря на выдающееся значение, мозаичный ансамбль Ротонды в Фессалонике (рис. 1–4) не имеет точной даты. Предложенные исследователями варианты датировок занимают весь раннехристианский период от первой половины IV в. до начала VI в. Они основаны на разнообразных трактовках исторических и археологических сведений, степень убедительности которых мы не будем пытаться оценить в данной статье. Вместо этого мы сосредоточим внимание на тех стилистических контекстах, в которых оказываются мозаики Ротонды в рамках той или иной концепции. В этом смысле можно выделить две основные трактовки стилистического содержания ансамбля.

Сторонники первой позиции помещают мозаики Ротонды в контекст искусства IV в. Наиболее существенным для них оказывается эллинизирующий характер живописи. Ранние исследователи видели в ней, прежде всего, декоративные качества, заимствования нейтральных мотивов позднеэллинистической декорации¹. По тем же причинам до сих пор актуальна точка зрения, что убранство

¹ *Texier Ch., Pullan R.P. Byzantine Architecture Illustrated by Examples of Edifices Erected in the East During the Earliest Ages of Christianity. L., 1864. P. 132–141; Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 147–152; Кондаков Н.П. Македония. Археоло-*

Ротонды относится ко времени Константина Великого². Долгое время общепринятой считалась датировка концом IV в.³, наиболее последовательным сторонником которой стал Х. Торп⁴. Он рассматривал мозаики как произведение «Феодосиевского ренессанса». Обращая внимание на вытянутые пропорции, пышные прически, мягкую и гладкую трактовку лиц, маленькие рты, исследователь сравнивал мозаики с такими произведениями светской пластики, как Миссорий Феодосия (379–395 гг.) или портрет Валентиниана II (375–392 гг.) из Археологического музея в Стамбуле.

Вторая позиция отстаивает позднюю датировку мозаик. К ней можно отнести все те варианты, которые вписываются в промежуток со второй половины V в.⁵ до начала VI в.⁶ Для этой точки зрения принципиальна идея художественной эволюции раннехристианской живописи в сторону большей условности и преодоления классической образности. Особое внимание сторонники этой позиции обращали на упорядоченный способ укладки смальты, который станет нормой для второй половины — конца V в. Лица святых Ротонды подчеркнута симметричны, брови и нижние веки трактованы как параллельные изгибы, пластика лица лепится сегментами круга. В качестве аналогий назывались скульп-

---

гическое путешествие. СПб., 1909. С. 76–89; Лазарев В.Н. История византийской живописи. М., 1986. С. 23–25.

² Bakirtzis Ch., Mastora P. Are the Mosaics in the Rotunda into Thessaloniki Linked to Its Conversion to a Christian Church? // Niš and Byzantium. Ninth Symposium (Niš, 3–5 June 2010) / Ed. by M. Rakocija. Nis, 2011. P. 33–45; Bakirtzis Ch., Kourkoutidou-Nikolaïdou E., Mavropoulou-Tsioumi Ch. Mosaics of Thessaloniki: 4th to 11th Century. Athens, 2012. P. 51–127.

³ Diehl Ch., Le Tourneau M., Saladin H. Les monuments chrétiens de Salonique // Monuments de l'art byzantine. Vol. 4. P. 19–31; Hébrard E. Les travaux du Service Archéologique de l'Armée d'Orient à l'arc de triomphe de Galère et l'église de St. Georges à Salonique // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1920. No 44. P. 15–40; Dyggve E. Recherches sur le palais impérial de Thessalonique // Studia Orientalia Ioanni Pedersen. Copenhagen, 1953. P. 59–70; Dyggve E. La région palatiale de Thessalonique // Acta Congressus Madvigiani (Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague 11). Vol. 1. Copenhagen, 1958. P. 353–365; Ćurčić S. Some Observations and Questions Regarding Early Christian Architecture in Thessaloniki. Thessaloniki, 2000.

⁴ Torp H. Quelques remarques sur les mosaïques de l'église Saint-Georges à Thessalonique // Acts of the IX International Congress of Byzantine Studies. Athens, 1954. P. 489–498; Idem. Mosaikkene i Sankt Georg-Rotunden i Thessaloniki. Oslo, 1963; Torp H. The Date of the Conversion of the Rotunda at Thessaloniki into a Church // Papers from the Norwegian Institute at Athens 1. Athens, 1991. P. 13–28; Idem. Un décor de voûte controversé: L'ornementation «sasanide» d'une mosaïque de la Rotonde de Saint-Georges à Thessalonique // AAAH. 2001. No 15. P. 295–317; Idem. Les mosaïques de la Rotonde de Thessalonique: l'arrière-fond conceptuel des images d'architecture // Cahiers archéologiques. 2002. No 50. P. 3–20; Idem. Dogmatic Themes in the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki // Arte Medievale. 2002. N.S. 1. P. 11–34; Idem. An Interpretation of the Early Byzantine Martyr Inscriptions in the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki // AAAH. 2011. No 24. P. 11–43; Torp H., Küllerich B. Η Ροτόντα της Θεσσαλονίκης και τα ψηφιδωτά της. Αθήνα, 2016; Torp H. La rotonde palatine à Thessalonique: architecture et mosaïques. Athens, 2018.

⁵ Vickers M. The Date of the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki // Papers of the British School at Rome. 1970. No 38. P. 183–187; Kleinbauer E. The Iconography and the Date of the Mosaics of the Rotunda of Hagios Georgios, Thessaloniki // Viator. 1972. No 3. P. 27–107.

⁶ Weigand E. Der Kalenderfries von Hagios Georgios in Thessalonike // BZ. 1939. Bd. 39. S. 116–145; Spieser J.-M. Thessalonique et ses monuments du IVe au VIe siècle. Contribution à l'étude d'une ville paléochrétienne. Paris, 1984; Spieser J.-M. Remarques sur les mosaïques de la Rotonde de Thessalonique // VIIIth Conference of the International Committee for the Conservation of the Mosaics: Wall and Floor Mosaics: Conservation, Maintenance, Presentation, Thessalonique / Ed. by Ch. Bakirtzis. Thessaloniki, 2005. P. 437–446.

турный портрет Евтропия из Вены, некоторые образы из Архиепископской капеллы и Сант Аполлинаре Нуово. Если некоторые лики Ротонды и напоминают ранний эллинизирующий тип образа, то соседство с более условным, схематичным типом, по мнению исследователей, не могло возникнуть раньше второй половины V в.

Вариант поздней датировки кажется нам более убедительным. В пользу нее говорят и результаты радиоуглеродного анализа раствора. Согласно последним, с вероятностью 95% мозаики Ротонды были созданы не раньше второй четверти V в.; а с вероятностью 68% — не ранее середины V в.⁷ Однако и чисто художественные тенденции, на наш взгляд, свидетельствуют скорее о поздней датировке ансамбля. Чтобы определить место Ротонды в этих процессах, мы попытались не просто найти аналогии отдельным элементам ансамбля, но проследить основные направления в развитии стилистики V в.

В качестве отправной точки стилистического развития можно рассмотреть мозаики капеллы Сант Аквилينو в церкви Сан Лоренцо в Милане (рис. 5)⁸. Для раннехристианской живописи начала V в. характерны свободные естественные позы, пространственность среды, активное использование эффектов света. Миланскую мозаику вряд ли можно причислить к произведениям высочайшего художественного уровня, судя по небрежной трактовке ликов и некоторой диспропорциональности фигур. Тем показательнее, однако, то, насколько естественной нормой для этого периода является классическая трактовка человеческой фигуры, сближающая мозаики Сант Аквилينو с произведениями скульптуры, такими как, например, Саркофаг с городскими воротами из Лувра⁹.

В более поздних памятниках эти качества получают новое звучание. В некоторых из них можно наблюдать стремление к ослаблению пластики и превращению изображения в нечто родственное плоскости стены. По сравнению с Сант Аквилينو формы из Мавзолея Галлы Плацидии (425–450 гг.) выглядят более определенными и очерченными, жесты — застылыми и декларативными (рис. 6). Разлетающиеся одежды Св. Лаврентия не производят впечатления естественного движения материи — мы видим в них сложные формы, разложенные на плоскости. Подобное тяготение к плоскостности демонстрируют и женские фигуры персонификаций из Санта Сабина в Риме (432–440 гг.). Рисунок складок в них упрощен, ведущее значение приобретает обобщенный контур.

⁷ Κορόζη Μ., Φακορέλλης Γ., Μανιάτης Γ. Μελέτη και Χρονολόγηση με Άνθρακα-14 Αφροστοκοινισμάτων Εντοιχίων Ψηφιδωτών // Αρχαιομετρικές Μελέτες για την Ελληνική Προϊστορία και Αρχαιότητα. 2001. No 1. Σ. 317–326. Критика данного исследования основана на том факте, что образец для анализа был взят не непосредственно с купола, а с фрагмента кладки, упавшего во время землетрясения 1978 г.: *Torp H. La rotonde palatine...* P. 81–82.

⁸ Мозаики не имеют точной даты, однако общепринятой считается датировка около 400 г., основанная на исторических и архитектурно-археологических данных (между 372 и 402 гг.) и подтвержденная стилистическим анализом. *Bovini G. I mosaici del S. Aquilino di Milano // Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. No 17. 1970. P. 82; Заиграйкина С.П. Художественные особенности мозаик в капеллах Сант Аквилино и Сан Витторе ин Чьел д'Оро в Милане. Проблемы эволюции стиля в искусстве V века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015.*

⁹ *Repertorium der christlich-antiken Sarkophage / Hrsg. von T. Ulbert. Bd. 3. Mainz am Rhein, 2003. S. 39–40. No 53. Taf. 19.*

Более поздняя фигура Христа из церкви Осиос Давид в Фессалонике (рис. 7)¹⁰ и вовсе лишена какого-либо объема. Пластическую моделировку заменяют здесь сложный плавный силуэт и складки одежд, обозначенные толстыми черными линиями.

В других ансамблях мягкость складок заменяется большей стилизацией форм, но усиления плоскости при этом не происходит. Так, фигуры апостолов из Сан Джованни ин Фонте в Неаполе (рис. 8)¹¹, обращают на себя внимание телесностью, активной светотенью, обеспечивающей разворот в пространстве. Но тональные переходы получают в них более геометрические очертания, закрепленные за цветом плоскости. Этот подход разделяют также фигуры пророков из церкви Осиос Давид в Фессалонике (рис. 9). Их пластика также стилизована, но не сведена к минимуму. Света на округлых формах одной из фигур трактованы более подробно, на второй же драпировки сводятся к почти абстрактным закруглениям. По-своему тяготение к ужесточению и стилизации без редукции пластики отразилось в мозаиках Арианского баптистерия (493–526 гг.). Фигуры апостолов предельно объемны, они скованны в движениях, но каждое членение тела показано со всей отчетливостью и дополнительно очерчено. Их силуэты лапидарны, а формы чуть кажутся рублеными, за счет скупости колорита ясно прочитываются градации светотени.

Еще один вариант связан с использованием эффекта света не для выявления объема, а разрушения и растворения пластики, дематериализации формы. Таким образом трактованы некоторые фигуры из Сан Джованни ин Фонте, например, в сцене «Traditio legis» (рис. 10), но наиболее ярко возможности этой манеры были реализованы в мозаиках Баптистерия Православных (середина V в.; рис. 11). Активное использование сияющей смальты в мозаиках нивелирует подробно разработанную пластическую моделировку. Объемные фигуры как будто скрываются просвеченными невесомыми тканями: отчетливость членения человеческой фигуры теряется за счет того, что оттенки цвета в моделировках складок чрезмерно нюансированы. Подобным образом растворенной в золоте фона ока-

¹⁰ Памятник принято датировать второй половиной — концом V в. *Ἐγγρόπουλος Α.* Τὸ καθολικὸν τῆς Μονῆς τοῦ Λατόμου ἐν Θεσσαλονίκῃ καὶ τὸ ἐν αὐτῷ ψηφιδωτὸν // *Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον*. Т. 12. 1929. Σ. 142–180; *Tsigaridas E. N.* Latomou Monastery: (the Church of Hosios David), Thessaloniki, 1988; *Spieser J.-M.* Nouvelles remarques sur la mosaïque de l'abside de Osios David a Thessalonique // *Βυζαντινὴ Μακεδονία* 324–1430 μ.Χ. Διεθνὲς Συμπόσιο (Θεσσαλονίκη 29–31 Οκτωβρίου 1992). Θεσσαλονίκη, 1995. Σ. 295–306.

¹¹ Мозаики не имеют точной даты, упоминания о баптистериях в Неаполе допускают различные трактовки. Одни относят мозаики к рубежу IV–V вв., ко времени епископата Севера: *Bovini G.* I mosaici del Battistero di San Giovanni in Fonte a Napoli // *Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina*. Vol. I. Ravenna, 1959. P. 5–26; *Strazzullo F.* Il battistero di Napoli // *Arte cristiana*. Vol. 62. Milano, 1974. P. 145–176; *De Castris P.L.* I mosaici del battistero di San Giovanni in Fonte nel Duomo di Napoli. La letteratura, i restauri antiche e quello attuale // *Mosaici di San Vitale e altri restauri*. Il restauro «in situ» di mosaici parietali. Atti del Convegno nazionale, tenuto 1–3 ottobre 1990 a Ravenna. Ravenna, 1992. P. 203–212. Другие соотносят баптистерий с «fontis maioris» епископа Сотера и датируют мозаики второй половиной V в.: *Bettini S.* Pittura delle origini cristiane. Novara, 1942. Tav. 57–58. P. LII; *Rice T.* Arte bizantina. Bologna, 1958. P. 120; *Зауграйкина С.П.* Мозаики баптистерия Сан-Джованни ин Фонте в Неаполе (V век). Стиль и атрибуция // *Искусствознание*. № 3–4. М., 2013. С. 262–275. Также существует не опирающаяся на источники атрибуция мозаик первой половиной V в.: *L'Orange H. P., Von Nordhagen P.H.* Mosaikk fra Antikk til Middelalder. Oslo, 1958. P. 67. Pl. 49.

зывается фигура Св. Виктора из Сан Витторе ин Чьел д'Оро¹². Другой пример такого подхода можно обнаружить в фигурах ангелов из Архиепископской капеллы (494–519 гг.), отношения объемов которых сведены к абстрактным переживаниям сменяющей смальты.

В мозаиках Ротонды мы находим воплощение всех этих тенденций. Во-первых, это усиление плоскости фона и стремление расплести фигуры на изобразительной поверхности. Несмотря на многочисленные развороты, переходы от интерьера к внешнему облику строений, архитектура Ротонды представляет собой сквозной и растворяющийся в фоне фасад-стенку. Идея фасадности соответствует и трактовка фигур — как хоровод они стоят параллельно плоскости архитектуры. Во-вторых, это упрощение силуэта, хотя в данном случае, лаконичность достигается без помощи стилизации. В этом отношении фигуры святых Ротонды можно сравнить с фигурой Христа из Осиос Давид. В-третьих, это ослабление пластики в трактовке одежд, скрывающих за собой и объем фигур. Драпировки ниспадают ровными прямолинейными складками, почти не встречающимися никакими препятствиями на своем пути. Тем не менее, они сохранили потенциальное стремление к объему: в нескольких крупных складках мы все же чувствуем тяжесть и мягкость тканей. Здесь также можно увидеть тяготение к дематериализации через растворение телесности в мерцании света. Одежды мучеников трактованы чрезвычайно подробно и многоцветно, и эта тщательность передачи оттенков в трактовке драпировок ослабляет ощущение тяжести в фигурах ораторов. Получается определенный контраст растворенной материи и монументальных пропорций фигур, обусловленных, прежде всего, широкими одеждами. Наконец, это усиление линейного начала, проявившееся в упорядоченном способе укладывать смальту длинными рядами.

В трактовке ликов уже в первой половине V в. можно говорить о различных вариантах образного строя, которые оказываются подходящими для тех или иных художественных задач. Для первого из них, представленного образами Доброг Пастыря и Св. Лаврентия из Мавзолея Галлы Плацидии (рис. 12), характерно классическое понимание гармонии и красоты, естественная, слабо выраженная пластика, нейтральное выражение лица, живой, но слабо акцентированный взгляд, из чего складывается отстраненный идеализированный облик. Для второго типа главным становится выражение эмоции, реакции на окружающие события. Так, лики апостолов из Сант Аквилано (рис. 13) выглядят практически гротескными, но они производят впечатление живых и эмоционально окрашенных. Ощущение момента гротеска проявляется также в ликах апостолов из Мавзолея Галлы Плацидии. Если в этих случаях характерность проявлена через очень небольшой набор средств, то в других мозаиках первой половины V в. индивидуальность и эмоциональная наполненность образов, напротив, достигаются с помощью очень подробно разработанной пластики. Так, например, трактованы лики из Санта Пуденциана (первая четверть V в.; рис. 14). В ликах апостолов из

¹² Большинство исследователей датируют ансамбль второй половиной — концом V в., прежде всего, на основании стилистического анализа. *Bovini G.* I mosaici di S. Vittore «in Ciel d'Oro» di Milano // *Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina*. Ravenna. 1969. Vol. 16. P. 71–80 (здесь: P. 80); *Bertelli C.* Mosaici a Milano // *Atti dei 10 Congresso Internazionale di Studi sull'Alto Medioevo* Milano 26–30 settembre 1983. Spoleto, 1986; *Заурайкина С.П.* Художественные особенности мозаик...

Сан Джованни и Фонтане черты лица ближе к нейтральности классического типа образа, но за счет многоцветия и контрастного противопоставления светов и теней сама пластика лица кажется более экспрессивной.

Еще один вариант демонстрирует лик персонификации Церкви, отошедшей от Синагоги, из Санта Сабина. В нем много условного и линейного: линии бровей, носа, губ кажутся прочерченными и упорядоченными, а взгляд совершенно безжизненным. Способ укладки смальты в Санта Сабина отличается от ранних мозаик, она уложена абстрактными концентрическими кругами вокруг глаз. К произведению данного круга также можно причислить фресковые изображения римских пап из Сан Паоло¹³. Эти изображения датируются первой половиной века, тогда как отмеченные черты связывают их скорее с произведениями второй половины V в. В таких ансамблях, как Осиеос Давид (рис. 15), или в центральном образе из Сан Витторе (рис. 16) тонкие линии бровей, глаз, носа и общий абрис лица словно процарапаны на поверхности ликов. Хотя моделировка лица подробно разрабатывается на основе нюансированных цветовых переходов, смальта такая мелкая, что пластика превращается в недифференцированную рябь. Другой особенностью становится появление антинатуралистических черт в ликах апостолов Баптистерия Православных (рис. 17). Неестественными кажутся чрезмерно плоские, очерченные тонкой линией глаза. Условную трактовку также приобрели губы, как бы сложенные «бантиком». Как и в трактовке фигур, естественную пластику лица в этом ансамбле изменяет свет. Вкрапления цветной смальты, которые были отдельными точками в ранних памятниках, укладываются рядами и сгустками, она обнаруживает себя на всей поверхности лица.

Для поздних мозаик рубежа V–VI вв. характерно перенесение всей полноты образа на лик. В них стало меньше эмоционального и подвижного, но не меньше индивидуального. Различные по образному строю мозаики этого периода обладают схожими чертами. Для них характерна упорядоченная кладка смальты, преувеличенный размер глаз; направленный проникновенный взгляд; пластика разной степени интенсивности редко обходится без контуров. Контурные Арианского баптистерия отчетливы и уравновешены, они превращают голову в лаконичную по силуэту каменную глыбу (рис. 18). Лики Архиепископской капеллы почти монотонны по цвету, объем в них трактован куда сдержаннее. Важную роль играет линия, свободная по рисунку и разнообразная по нажиму. Некоторые лики ансамбля (образы Андрея, Иакова) обладают заостренной выразительностью нервной дрожащей линии. Другие (Поликарп, Косьма, Дамиан), напротив, тяготеют к усилению абстрактного начала и ужесточения форм.

Отношение к лику в Ротонде согласуется с поздними явлениями в живописи V в. Образы орантов определенно идеализированы, все средства использованы для того, чтобы продемонстрировать их красоту; их взгляды открыты и интенсивны. Лики сохраняют элемент разнообразия, но это не касается их эмоциональной окраски: в содержательном плане они выступают единым фронтом. Технические особенности также указывают на позднюю датировку: мелкая смальта выкладывается аккуратными рядами, следующими за формой. Пластика лица мало выражена, но построена на тонких цветовых переходах. На такой относительно ровной поверхности появляются абстрактные цветные вставки в виде шашечек,

¹³ *Brandenburg H. Ancient Churches of Rome: From the Fourth to the Seventh Century. Turnhout, 2005. P. 128–129. Fig. 59–60.*

цветные контуры и линейные обрисовки черт лица. В строении лика проявляется определенная декоративность: цветные многослойные веки-брови, глаза, уподобленные драгоценным камням на колоннах окружающей архитектуры. Характерно, что при всем этом образы кажутся очень живыми. Это живоподобие, однако, создано из абстрактных приемов.

По сравнению с наиболее поздними ансамблями рассматриваемого периода мозаики Ротонды выделяются тонкостью графической прорисовки. В этом отношении наиболее близкой аналогией для них выступает образ ангела из Осиос Давид и близкий к нему круг памятников. Таким образом, осознавая условность такой датировки, время создания мозаик мы можем отнести к третьей четверти V в.

Однако, нам кажется принципиальным не столько установить датировку мозаик Ротонды в Фессалонике, сколько подчеркнуть ту свободу в выборе художественных средств, которым обладает этот и другие памятники раннехристианского искусства. Ротонду сложно рассматривать в качестве ключевого памятника для выявления какой-либо линии развития рассматриваемого периода, однако она прекрасно демонстрирует сложность и нелинейность этого процесса. По своему образному строю и стилистическим приемам этот ансамбль оказывается столь многосложным и многосоставным, что наилучшим образом его художественное своеобразие раскрывает не сравнение с другими памятниками, а сопоставление различных элементов самого ансамбля друг с другом.

Среди образов Ротонды есть совершенно условные, сконструированные из абстрактных геометрически чистых деталей: наиболее отчетливо этот подход демонстрирует лик Леонтия. В других (лики Филимона, Ферина, Молодого воина с западной панели, Анании и его спутника с неизвестным именем на букву «А») весь арсенал художественных средств используется для того, чтобы создать изображение, скрывающее не только свою искусственность, но и мозаичность. Они построены на мягких тональных переходах или на линиях, своей неоднородностью, как будто нажимом, имитирующих движения кисти. Естественность в трактовке отдельных черт лица и пропорциональных отношениях между ними заставляет вспомнить о традиции римского портрета, который, вероятно, стал отправной точкой для этих образов. В Ротонде используются и более универсальные типы, такие как образы прекрасного юноши (Порфирий и Онисифор, а также другой тип, представленный Приском) и старца-философа (Косьма, Кирилл и Филипп). Но за счет тончайших формальных нюансов в трактовке отдельных черт условные типы обогащаются жизненностью и индивидуальностью, которые делают типологически близкие образы такими разными.

Существование различных вариантов в трактовке ликов в рамках единого ансамбля не уникально для раннехристианского искусства. В качестве характерного примера такого подхода можно назвать мозаики Сан Витторе, где лики Св. Виктора, во-первых, Св. Амвросия, во-вторых, и всех прочих святых, — в-третьих, выглядят столь стилистически неоднородными¹⁴. Для создания палитры образов используются не столько вариации в рамках единой художественной системы, сколько существующие типы и стилистические формулы, задающие тон и характеристику того или иного персонажа. Если в других ансамблях боль-

¹⁴ Foletti I. Physiognomic Representations as a Rhetorical Instrument: "Portraits" in San Vittore in Ciel d'Oro, the Galla Placidia "mausoleum" and San Paolo Fuori le Mura // *The Face of the Dead and the Early Christian World* / Ed. by I. Foletti. Roma, 2013. P. 61–83.

ший «натурализм» как будто используется для выделения главных образов¹⁵, то в случае Ротонды различные варианты существуют как равноправные риторические приемы.

Два подхода к трактовке образов, как будто бы более натуралистичный «эллинистический» и более условный, в этом искусстве не противопоставляются. В нем нет боязни перед классической образностью и нет никакой надобности искать способы ее преодоления и нивелировки. В нем нет и стремления освоить новую систему знаков: раннехристианское искусство начинает не с чистого листа, оно не пытается приблизиться к чужой изобразительной системе и приспособить ее под свои собственные категории. Поэтому, прослеживая взятый в отдельности прием в разных памятниках, мы не обнаруживаем никакого последовательного развития. Те черты, которые мы считаем признаками более поздней датировки, появляются довольно рано и с самого начала они используются как готовые и развитые формальные варианты. Раннехристианское искусство изначально обладает широкой палитрой различных подходов к трактовке форм. С течением времени не происходит замещения одних приемов другими, но происходит их накопление. Таким образом, классическая составляющая не просто ложится в основу этого искусства, то есть прячется под абстрагирующими одеждами, но уравнивается с другими антиклассическими приемами. Она становится не вариантом, но элементом образного строя. Раннехристианское искусство не боится прошлого, оно свободно использует не только сам классический строй и эллинистические художественные приемы, но и всевозможные мотивы и типы, и свободно их комбинируют для создания того или иного образа.

Впрочем, вопрос о преобладании художественной свободы или художественной регуляции во многом зависит от того, с чем сравнивать произведения раннехристианского искусства. Так, вольное комбинирование приемов выступает на первый план при взгляде со стороны более позднего византийского искусства. Однако необходимо отметить, что при всем разнообразии для искусства раннехристианского периода в целом не характерен эклектизм. Заимствование отдельных художественных элементов редко приводит к их случайному и недуманному соединению. Несмотря на разнородность использованных мотивов, целостность образа или даже многосоставного ансамбля едва ли производит впечатление «разностилицы». Не последнюю роль в достижении такого стиливого единства играет отбор художественных средств, каждый раз адекватный той или иной задаче, той или иной характеристике образа.

ОБРАЗЦОВА Ксения Борисовна

Аспирант

Кафедра историографии и источниковедения

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: vos-chod@yandex.ru

---

¹⁵ Ibid. P. 68–71.

Ksenia OBRAZTSOVA

THE MOSAICS OF THE ROTUNDA IN THESSALONIKI: THE PROBLEMS OF STYLE IN THE EARLY CHRISTIAN ART

Abstract: The paper is dedicated to the mosaics of the Rotunda in Thessaloniki and their place in the context of the Early Christian art. The ensemble has no precise date and lacks accurate analogies among other known monuments of the period. The article surveys certain tendencies in art of the 5th century, which allow to suggest a new date to the ensemble. Simultaneously, the mosaics act as an evidence of complexness and nonlinearity of the processes under consideration. The Rotunda is considered as a proof for the rhetorical approach and deliberate choice of artistic means in the Early Christian art.

Keywords: St. George Rotunda, Thessaloniki, Early Christian mural painting.

Literature Cited

- Bakirtzis, Ch., and Mastora, P. “Are the mosaics in the Rotunda into Thessaloniki linked to its Conversion to a Christian church?” In *Niš and Byzantium. Ninth Symposium (Niš, 3–5 June 2010)*, ed. by M. Rakocija. Niš: University of Niš Publ., 2011. P. 33–45.
- Bakirtzis, Ch., Kourkoutidou-Nikolaidou, E. and Mavropoulou-Tsioumi, Ch. *Mosaics of Thessaloniki: 4th to 11th Century*. Athens: Kapon Editions Publ., 2012.
- Bertelli, C. “Mosaici a Milano.” In *Atti dei 10 Congresso Internazionale di Studi sull’Alto Medioevo Milano 26–30 settembre 1983*. Spoleto: Fondazione CISAM, 1986. P. 333–350.
- Bettini, S. *Pittura delle origini cristiane*. Novara: Istituto geografico de Agostini, 1942.
- Bovini, G. “I mosaici del S. Aquilino di Milano.” In *Corso di cultura sull’arte ravennate e bizantina* 17 (1970). P. 61–82.
- Bovini, G. “I mosaici di S. Vittore «in Ciel d’Oro» di Milano.” In *Corso di cultura sull’arte ravennate e bizantina*. Vol. 16. Ravenna: Edizioni Dante, 1969. P. 71–80.
- Bovini, G. “I mosaici del Battistero di San Giovanni in Fonte a Napoli.” In *Corsi di cultura sull’arte ravennate e bizantina*. Vol. 1. Ravenna: Azienda autonoma di soggiorno e turismo di Ravenna, 1959. P. 5–26.
- Brandenburg, H. *Ancient Churches of Rome: From the Fourth to the Seventh Century*. Turnhout: Brepols, 2005.
- Ćurčić, S. *Some Observations and Questions Regarding Early Christian Architecture in Thessaloniki*. Thessaloniki: Aimos, 2000.
- De Castris, P.L. “I mosaici del battistero di San Giovanni in Fonte nel Duomo di Napoli. La letteratura, i restauri antiche e quello attuale.” In *Mosaici di San Vitale e altri restauri. Il restauro «in situ» di mosaici parietali. Atti del Convegno nazionale, tenuto 1–3 ottobre 1990 a Ravenna*. Ravenna: Longo, 1992. P. 203–212.

- Dyggve, E. "La région palatiale de Thessalonique." In *Acta Congressus Madvigiani (Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague 11)*. Vol. 1. Copenhagen: E. Munksgaard Publ., 1958. P. 353–365 (in French).
- Dyggve, E. "Recherches sur le palais impérial de Thessalonique." In *Studia Orientalia Ioanni Pedersen*. Copenhagen: E. Munksgaard Publ., 1953. P. 59–70.
- Foletti, I. "Physiognomic Representations as a Rhetorical Instrument: "Portraits" in San Vittore in Ciel d'Oro, the Galla Placidia "Mausoleum" and San Paolo Fuori le Mura." In *The Face of the Dead and the Early Christian World*, ed. by I. Foletti. Roma: Viella, 2013. P. 61–83.
- Hébrard, E. "Les travaux du Service Archéologique de l'Armée d'Orient à l'arc de triomphe de Galère et l'église de St. Georges à Salonique." In *Bulletin de Correspondance Hellénique* 44 (1920). P. 15–40.
- Kleinbauer, E. "The Iconography and the Date of the Mosaics of the Rotunda of Hagios Georgios, Thessaloniki." In *Viator* 3 (1972). P. 27–107.
- Korozi M., Fakorellis, G. and Maniatis, G. "Meletē kai chronologēsē me anthraka-14 asbestokoniamatōn entichion psifidotōn [The Study and Dating of Mortar of the Wall Mosaics Using Carbon-14]." In *Archaeometric Studies of Greek Prehistory and Antiquity* 1 (2001). P. 317–326 (in Greek).
- L'Orange, H.P., and Nordhagen von, P.H. *Mosaikk fra Antikk til Middelalder*. Oslo: Dreyer, 1958.
- Rice, T. *Arte bizantina*. Bologna: Cappelli Publ., 1958.
- Spieser, J.-M. "Nouvelles remarques sur la mosaïque de l'abside de Osios David a Thessalonique." In *Byzantine Macedonia, 324–1430 AD. International Symposium (Thessaloniki, 29–31 October 1992)*. Thessaloniki: Etaireia Makedonikon Spoudon, 1995. P. 295–306.
- Spieser, J.-M. "Remarques sur les mosaïques de la Rotonde de Thessalonique." In *VIIIth Conference of the International Committee for the Conservation of the Mosaics: Wall and Floor Mosaics: Conservation, Maintenance, Presentation, Thessalonique*, ed. by Ch. Bakirtzis. Thessaloniki: Mavrogenis Publ., 2005. P. 437–446.
- Spieser, J.-M. *Thessalonique et ses monuments du IVe au VIe siècle. Contribution à l'étude d'une ville paléochrétienne*. Paris: de Boccard Publ., 1984.
- Strazzulo, F. "Il battistero di Napoli." In *Arte cristiana* 62 (1974). P. 145–176.
- Torp, H. "An Interpretation of the Early Byzantine Martyr Inscriptions in the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki." In *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 24 (2011). P. 11–43.
- Torp, H. "Dogmatic Themes in the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki." In *Arte Medievale* 1 (2002). P. 11–34.
- Torp, H. "Les mosaïques de la Rotonde de Thessalonique: l'arrière-fond conceptuel des images d'architecture." In *Cahiers archéologiques* 50 (2002). P. 3–20.
- Torp, H. "Quelques remarques sur les mosaïques de l'église Saint-Georges à Thessalonique." In *Acts of the IX International Congress of Byzantine Studies*, vol. 1. Athens: Typografion Mirtidi Publ., 1954. P. 489–498 (in French).
- Torp, H. "The Date of the Conversion of the Rotunda at Thessaloniki into a Church." In *Papers from the Norwegian Institute at Athens*, ed. by Ø. Andersen, H. Whittaker. Vol. 1. Athens: Norwegian Institute at Athens Publ., 1991. P. 13–28.
- Torp, H. "Un décor de voûte controversé: L'ornementation "sassanide" d'une mosaïque de la Rotonde de Saint-Georges à Thessalonique." In *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia* 15 (2001). P. 295–317.
- Torp, H. *La rotonde palatine à Thessalonique: architecture et mosaïques*. Athens: Kapon Editions Publ., 2018 (in French).
- Torp, H. *Mosaikkene i Sankt Georg-Rotunden i Thessaloniki*. Oslo: Gyldendal Norsk Publ., 1963.
- Torp, H., and Kiilerich, B. *I Rotoda tēs Thessalonikēs kai ta psifidōta tēs [The Rotunda in Thessaloniki and its Mosaics]*. Athens: Kapon Editions Publ., 2016 (in Greek).

- Tsigaridas, E.N. *Latomou Monastery: (the Church of Hosios David)*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1988.
- Ullbert, T., ed. *Repertorium der christlich-antiken Sarkophage*. Vol. 3. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern Publ., 2003.
- Vickers, M. "The Date of the Mosaics of the Rotunda at Thessaloniki." In *Papers of the British School at Rome* 38 (1970). P. 183–187.
- Weigand, E. "Der Kalenderfries von Hagios Georgios in Thessalonike." In *Byzantinische Zeitschrift* 39 (1939). P. 116–145.
- Xyngopoulos A. "To katholikon tēs Monēs tou Latomou en Thessalonikē kai to en avtō psifidō-ton [The Catholicon of the Latomou Monastery in Thessaloniki and the Mosaic therein]." In *Archeologikon Deltion* 12 (1929). P. 142–180 (in Greek).
- Zaigraykina, S.P. "*Khudozestvennyye osobennosti mozaik v kepellach Sant Aquilino i San Vittore in Chiel d'Oro v Milane. Problemi evolutsii stilia v iskusstve V veka [The Artistic Features of the Mosaics in the Chapels of Saint Aquilino and San Vittore in Chiel d'Oro in Milan. Evolution of Style in the 5th Century Art]*". PhD diss., The State Institute for Art Studies, Moscow, 2015.
- Zaigraykina, S.P. "The 5th Century Mosaics of Baptistery of San Giovanni in Fonte in Naples. Its Style and Attribution." In *Iskusstvoznanie* 3–4 (2013). P. 262–275 (in Russian).

Ksenia OBRAZTSOVA

Postgraduate Student
Faculty of History
Moscow State University
Lomonosovskiy Prospect, 27/4
119192 Moscow, Russian Federation
e-mail: vos-chod@yandex.ru

А. Криза

БОГОМАТЕРЬ «ЗНАМЕНИЕ» И ПРЕНИЕ ОБ ОПРЕСНОКАХ*

Аннотация: В XI в. популярный образ Богоматери Никопеи, который изображает Богородицу с Эммануилом в мандорле перед грудью, изменился. В новом варианте Никопеи Богородица уже не держит мандорлу, а изображается с поднятыми руками, тогда как Младенец в мандорле сверхъестественным образом парит перед Нею. Эта модифицированная версия Никопеи, Богоматерь Знамение, постепенно заменила первоначальный образ, который практически исчезает после XII в. В данной статье выявлено евхаристическое значение образов и Никопеи, и Знамения. Подтверждается значимость византийского литургического богословия XI в. для истории византийского искусства, на которое оказало глубокое влияние мистическое учение Симеона Нового Богослова. Последователем Симеона был Никита Стифат, один из лидеров спора об опресноках между латинянами и греками. Эти споры о евхаристическом хлебе привели к взаимному отлучению между Константинополем и Римом в 1054 г. В статье показано, как иконография Богоматери Знамения визуализирует основные аргументы православных в прениях об опресноках.

Ключевые слова: Византийское искусство, иконография Богоматери, Евхаристия, анти-латинская полемика, искусство Новгорода.

В XI в. в византийской иконографии происходили значительные изменения¹. Одно из таких изменений было связано с иконографическим типом, известным как Богоматерь Никопея (рис. 1): на изображениях этого популярного в первом тысячелетии типа изображалась Богоматерь, держащая медальон с образом Эммануила². В XI в., однако, появилась новая версия (рис. 2–4), которая по-

* Выражаю свою благодарность Петеру Тоту и Ричарду Марксу за их совет и помощь. Благодарю Андрея Заварзина за исправление моего русского текста. Переводы, если не указано иначе, принадлежат мне.

¹ *Walter Ch.* Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982. P. 164–225.

² Об иконографии Никопеи см. *Cantone V.* Iconografia mariana e culto popolare nel codice Siriaco 341 di Parigi // *Rivista di storia della miniature*. 2011. Num. 5. P. 17–25; *Tamuh-Bypuñ M.* Студии о Богородице. Београд, 2007. С. 159–177; *Baltoyanni Ch.* The Mother of God in Portable Icons // *The Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art* / Ed. M. Vassilaki. Milan, Athens, 2000. P. 139–141; *Seibt W.* Der Bildtypus der Theotokos Nikopoios: Zur Ikonographie der Gottesmutter-Ikone, die 1030/31 in der Blachernenkirche wiederaufgefunden wurde // *Byzantina*. 1985. Vol. 13. P. 549–564; *Weis A.* Die Madonna Platytera: Entwurf für ein Christentum als Bildoffenbarung anhand der Geschichte eines Madonnen-themas. Königstein im Taunus, 1985. P. 20–37; *Wellen G.A.* Theotokos: eine ikonographische Abhandlung über das Gottesmutterbild in frühchristlicher Zeit. Utrecht, 1961. P. 178–183; *Grabar A.* Iconographie de la Sagesse Divine et de la Vierge // *Cahiers Archéologiques*. 1956. Vol. 8. P. 259–261; *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. I. СПб., 1914. С. 304–319; *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. II. СПб., 1915. С. 124–136.

степенно вытеснила оригинальный образ: в то время как Богоматерь Никопея держит перед собой медальон в руках, в новом изображении Она стоит с поднятыми в молитве руками, а медальон чудесным образом парит в воздухе перед ней³. Поскольку подлинность монеты императриц Зои и Феодоры 1042 г. вызывает сомнения⁴, с полной уверенностью самым ранним датированным примером такой иконографии можно считать изображение на печати императрицы Евдокии Макремволитиссы (1059–1067 гг.)⁵. Это изображение является комбинацией икон Никопеи и Оранты с поднятыми руками без медальона, обе они связываются письменными источниками с Церковью Влахерны в Константинополе, так же как и появившаяся позднее икона Влахернитисса, называемая также Эпискеписис, а позднее Платитера по-гречески и «Знамение» на Руси⁶.

Особенно примечательно в отношении этой трансформации Никопеи то, что после распространения Знамения, то есть после XII в., старый тип Никопеи практически исчез. Фреска церкви св. Софии Охридской середины XI в. (рис. 1) является последним сохранившимся изображением Никопеи в центральной апсиде, в то время как Знамение стало одним из самых популярных богородичных образов православных апсид в византийском и в поствизантийском искус-

³ Об иконографии Знамения см. *Tamuh-Ђурић М.* Студије о Богородици... С. 178–198; *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 309–311, 358–67; *Papaioannou E.N.* The «Usual Miracle» and an Unusual Image: Psellos and the Icons of Blachernai // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 2001. Vol. 51. P. 177–188; *Pitarakis B.* À propos de l'image de la Vierge orante avec le Christ-Enfant (XIe–XIIe siècles): l'émergence d'un culte // *Cahiers Archéologiques*. 2000. Vol. 48. P. 45–58; *Baltoyanni Ch.* The Mother of God... P. 139–141; *Ousterhout R.* The Virgin of the Chora // *The sacred image East and West* / Eds. R. Ousterhout, L. Brubaker. Urbana, 1995. P. 91–109; *Смирнова Э.С.* Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы Богородичной иконографии XII в // *Древнерусское искусство: Балканы. Русь* / Под ред. А.И. Комеча, О.Е. Этингоф и др. СПб., 1995. С. 288–310; *Carr A.W., Morrocco L.J.* A Byzantine Masterpiece Recovered: The Thirteenth-Century Murals of Lysi, Cyprus. Austin, Texas, 1991. P. 43–47; *Seibt W.* Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // *Studies in Byzantine Sigillography*. 1987. Vol. 1. S. 53–55; *Lechner G.M.* Zur Ikonographie der «Gottesmutter des Zeichens» // *Kunst der Ostkirche: Ikonen, Handschriften, Kultgeräte* / Ausstellung des Landes Niederösterreich, Stift Herzogenburg ed. by G. Egger. Wien, 1977. S. 77–90; *Belting-Ihm Ch.* «Sub matris tutela»: Untersuchungen zur Vorgeschichte der Schutzmantelmadonna. Heidelberg, 1976. S. 50–56; *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Т. II... С. 105–125.

⁴ О монете императриц Зои и Феодоры 1042 г.: *The Byzantine Emperors on Coins: Online Exhibition of the Dumbarton Oaks Research Library and Collection*. URL: <http://www.doaks.org/museum/online-exhibitions/byzantine-emperors-on-coins/the-macedonians-and-their-immediate-successors-867--1081/nomisma-histamenon-of-zoe-and-theodora-1042> (дата обращения 21.01.2019); О ее подлинности см. *Seibt W.* Die Darstellung... S. 53; *Seibt W.* Der Bildtypus... S. 559–560.

⁵ *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. Vol. I/1. Basel: J.J. Augustin, 1972. P. 80; No 89. Конечно, есть многочисленные примеры этой иконографии (в основном печати) с более ранними датировками, однако эти датировки неопределенны. Вернер Зайбт, который предположил, что монета императриц Зои и Феодоры 1042 г. может быть подделкой, писал: «ebenfalls fand ich bislang kein einziges Siegel, das zwingend vor 1050 zu datieren wäre» (*Seibt W.* Die Darstellung... S. 53). Более того, икона в Византийском музее фонда Макария III в Никосии на сюжет Знамения, ранее датированная VIII–IX вв., теперь датируется XIII в. См.: *Online Catalogue of the Byzantine Museum of the Archbishop Makary III Foundation, Nicosia*. URL: <http://www.makariosfoundation.org.cy/bmen001.html> (дата обращения 21.01.2019.); о ранней датировке см.: *Sophocleous S.* Icons of Cyprus, 7th–20th Century. Nicosia, 1994. P. 76; Pl. 2; *Baltoyanni Ch.* The Mother of God... P. 140.

⁶ *Pitarakis B.* À propos de l'image... P. 45–46; *Pentcheva B.V.* Icons and power: The Mother of God in Byzantium. University Park, PA, 2006. P. 75–79, 146; *Belting-Ihm Ch.* «Sub matris tutela»... S. 50–56.

стве. Наиболее ранние известные изображения Платитеры в конхе апсиды находятся в Алалии (плохо сохранившие фрагменты фрески в Шоанинском храме, датируемые серединой XI в.)⁷, в церкви Св. Николая близ Сангри, на острове Наксос (первый слой фрески, возможно, конца XI в.) и первые полностью сохранившиеся стенописи Знамения в церквях XII в. на Кипре (напр. ц. Панагии в Трикомо)⁸.

Тот факт, что все эти три изображения — Никопея, Знамение и Оранта — тесно связаны с Влахернами, исключительной сокровищницей Богородичных реликвий и местом знаменитых чудес⁹, натолкнул ученых на мысль связать преобразование Никопеи в Знамение с этой церковью. Согласно данной теории, Знамение — это абстрактный образ так называемого «Обычного чуда», которое происходило в этой церкви каждую пятницу¹⁰.

Эта гипотеза основана на отождествлении чудотворного образа Никопеи, найденного в апсиде Влахерн в 1031 г., с иконой «Обычного чуда»¹¹. Краеугольным камнем теории является рассказ Михаила Пселла о чуде, описывающий как завеса, покрывающая икону, чудесным образом поднимается, и одновременно «вид образа Девы меняется... принимая одушевленное (ἐμψυχος) посещение» Богородицы¹². Согласно Пселлу, чудо имеет особенный смысл: «святая завеса таинственным образом поднимается, Богородица как бы принимает в свое лоно» толпу, входящую в церковь, «как в новое прибежище и непреодолимый приют»¹³. В свете этого описания преобразование иконографии Никопеи в новое Знамение истолковывается как отражение «Обычного чуда» в иконографии. Оно якобы демонстрирует, что «одушевленное посещение» Богородицы было воспринято византийцами таким образом, что Богородица больше не держит медальон, а охватывает людей и молится за них: таким образом, медальон Христа, парящий на груди Девы без физической поддержки, делает чудо наглядным.

⁷ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. М., 2011. С. 215–216, 312–314. Я выражаю благодарность А.Ю. Виноградову за то, что он обратил мое внимание на этот памятник.

⁸ Смирнова Э.С. Новгородская икона... С. 292; Carr A.W., Morrocco, L.J. A Byzantine Masterpiece... P. 43–44; Belting-Ihm Ch. «Sub matris tutela»... S. 54; Megaw A.H.S., Hawkins E.J.W. The Church of the Holy Apostles at Perachorio, Cyprus, and its frescoes // *Dumbarton Oaks Papers*. 1962. Vol. 16. P. 297–300.

⁹ Шалина И.А. Реликвии... С. 355–359; Ousterhout R. The Virgin of the Chora... P. 94–95.

¹⁰ Pentcheva B.V. Icons and power, P. 154–161; Papaioannou E.N. The “Usual Miracle”... P. 177–188. Об «Обычном чуде» см. также: Barber Ch. Movement and Miracle in Michael Psellos’s Account of the Blachernae Icon of the Theotokos // *Envisioning experience in late antiquity and the Middle Ages* / Eds. G. De Nie, T.F.X. Noble. Farnham, Burlington: Ashgate, 2012. P. 9–22; Barber Ch. Contesting the Logic of Painting: Art and Understanding in Eleventh-Century Byzantium, Leiden, Boston, 2007. P. 80–83; Fisher E.A. Michael Psellos on the “Usual” Miracle at Blachernae, the Law, and Neoplatonism // *Byzantine Religious Culture: Studies in Honor of Alice-Mary Talbot* / Eds. D. Sullivan, E.A. Fisher, S. Papaioannou. Leiden; Boston, 2011. P. 187–204; Pentcheva B.V. The Sensual Icon: Space, Ritual, and the Senses in Byzantium. University Park, PA, 2010. P. 188–191; Шалина И.А. Реликвии... С. 359–367.

¹¹ Шалина (Шалина И.А. Реликвии... С. 359–367, особенно прим. 67) оспаривает отождествление иконы «Обычного чуда» с Никопеей, и она считает, что чудотворная икона была Эпискепис-Знамение.

¹² Michaelis Pselli Orationes hagiographicae / Ed. E.A. Fisher. Stuttgart; Leipzig, 1994. P. 205–206.

¹³ Michaelis Pselli... P. 206.

Другие ученые, однако, подчеркивают евхаристический смысл описания Пселла¹⁴. Михаил описывает чудо иконы Богородицы как литургическое событие, в кульминации которого завеса алтаря, катапетасма поднимается, чтобы «вызвать верующих внутри сокровенного алтаря»¹⁵, то есть пригласить их к Евхаристии. Описывая чудо как литургическое событие, Пселл подчеркивает евхаристический смысл этой чудотворной Богородичной иконы. Это евхаристическое-литургическое толкование иконы и ее чуда заставляет нас взглянуть на изменения в Богородичной иконографии XI в. через призму византийского евхаристического богословия той эпохи. Задача этой статьи заключается в том, чтобы исследовать, как новые тенденции греческой теологии повлияли на развитие богородичной иконографии.

Предшественником иконы Знамения является Богоматерь Никопея — древний иконографический тип. Известны четыре группы изображений Никопеи:

- 1) печати и монеты, созданные между VI и началом XII в., свидетельствующие о популярности этого образа в первом тысячелетии;
- 2) ранние энкаустические иконы;
- 3) кроме этого Никопея появляется в Миниатюрах VI–VII вв., в том числе в Миниатюре Армянского «Эчмиадзинского Евангелия»;
- 4) и, наконец, на фресках, в основном в конхах апсид церквей.

Ранние примеры находятся в Египте, а фреска в Охридской церкви Св. Софии говорит о том, что Никопея была популярна и в византийском храмовом убранстве.¹⁶

Искусствоведы интерпретируют иконографию Никопеи в зависимости от того, что они считают ее дохристианским прототипом. Андре Грабар утверждал, что медальон в руках Богоматери Никопеи происходит от римского изображения *imago clipeata* — щита с погребальным портретом похоронного человека, которое позже было принято императорской триумфальной иконографией как мотив апофеоза¹⁷. Христианская версия *imago clipeata*, овального или круглого щита с портретом Христа или святого, таким образом, показывает царскую славу человека, который является иначе невидимым. Щит в руках Богородицы — это изображение нового Царя, знак воплощенного Логоса, визуализация пророчества Исайи о воплощении Христа (Ис. 7:17; Мф. 1:23).

¹⁴ Pitarakis B. À propos de l'image... P. 47; Шалина И.А. Реликвии... С. 365. Хотя в своей книге 2006 г. (Pentcheva B.V. Icons and power... P. 154–161) Пентчева полностью упустила из виду евхаристический аспект рассказа Пселла об «Обычном чуде»: в своей монографии 2010 г. (Pentcheva B.V. The Sensual Icon... P. 186–91) она уже приходит к выводу, что Пселл отождествляет икону с евхаристией, якобы связывая чудо иконы с евхаристической концепцией транссубстанции (пресуществления). Эта интерпретация, однако, ошибочна по двум причинам: во-первых, Пентчева пренебрегает аргументами византийских иконопочитателей против отождествления икон с евхаристией (см. Gero S. The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and Its Sources // Byzantinische Zeitschrift. 1975. Vol. 68. P. 12–15), а во-вторых, евхаристическая доктрина транссубстанции — латинское учение, совершенно чуждое византийскому богословскому мышлению.

¹⁵ «ἡ ἐνδὸν τῶν ἁδύτων τοῦς πιστεύσαντας προσκαλέσεται»: Michaelis Pselli... P. 206.

¹⁶ См. прим. 3.

¹⁷ Grabar A. L'imago clipeata chrétienne // L'art de la fin de l'antiquité et du moyen âge. Vol I. Paris, 1968. P. 607–613; Grabar A. Iconographie de la Sagesse Divine et de la Vierge // Cahiers Archéologiques. 1956. Vol. 8. P. 259–260.

Томас Ф. Мэтьюз, однако, указал, что христианский медальон — не простой щит, а скорее ореол, который иногда составляется из концентрических красочных кругов. Он связывал этот ореол с изображениями Будды в раннем Буддистском искусстве Средней Азии, на которых ореол визуализирует сияние света¹⁸.

Наконец, другие ученые интерпретировали медальон Никопеи как изображение беременности¹⁹. Существуют некоторые дохристианские, главным образом египетские изображения, на которых женская фигура держит в руках свое собственное чрево, подобно Никопее. Наиболее яркими примерами являются образы египетской богини небес Нут, которая держит в руках солнце в своем чреве с изображением Ра, бога солнца, которого она родит с восходом²⁰.

Все эти сходства, а также различия между Никопеей и различными языческими иконографиями свидетельствуют о том, что Никопея одновременно унаследовала и объединила разные языческие иконографические элементы — имперский щит, божественный ореол и образ чрева, — но в то же время эти элементы были преобразованы и помещены в новый христианский контекст, чтобы выразить новое христианское содержание.

Богоматерь держит в своем чреве воплощенного Бога, излучающего божественный свет, вечного Царя и Солнце Правды, в то время как она сама является образом обожения человеческой природы, носящей самого Бога в своей утробе. В результате Никопея стала наглядным изображением греческого святоотеческого учения о теозисе, идеи о взаимосвязи между воплощением Бога и обожением человека²¹. Тем не менее полный смысл иконографии Никопеи выявляют те изображения, на которых данная иконография появляется в более широком контексте, то есть на миниатюрах и на фресках в конхах апсид. В обоих случаях контекст говорит о евхаристическом содержании иконографии.

С этой точки зрения роспись апсиды церкви св. Софии в Охриде (рис. 1, 5, 6) является самой информативной²². Здесь Никопея является центральным обра-

¹⁸ Mathews T. An Early Armenian Iconographic Program of the Ejmiacin Gospel (Erevan, Matenadaran MS 2374, olim 229) // East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period / Eds. N. Garsoian, T. Mathews, R. Thomson. Washington, 1982. P. 208–209.

¹⁹ Cantone, V. Iconografia mariana... P. 17–25; Weis A. Die Madonna Platytera...; Luquet G.H. Représentation par transparence de la Grossesse dans l'Art Chrétien // Revue archéologique. 1924. No 19 (janvier–juin). P. 142. См. резкую критику интерпретации Луке у Леклерка: «on se demande quelle imagination malade a pu découvrir ici une représentation de la grossesse de Marie» (Leclercq H., Cabrol F. Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. Tome X. Paris, 1932. Col. 2012–2014) и от Грабапа: «Le Vierge byzantine avec l'Enfant en médaillon ne prétend nullement représenter le Logos incarné installé dans le corps de la Vierge» (Grabar A. Iconographie de la Sagesse Divine... P. 259.).

²⁰ Weis A. Die Madonna Platytera... Таблицы 55–65.

²¹ Pitarakis B. À propos de l'image... P. 51; Шалина И.А. Реликвии... С. 365.

²² О фресках XI в. в соборе Св. Софии Охридской см. Попова О.С. Фрески собора Св. Софии Охридской и искусство 40-х — 50-х гг. XI в. // Византийский временник. Том 74. С. 212–224; Лидов А.М. Икона: Мир святых образов в Византии и Древней Руси. М., 2014. С. 237–274; Тодић Б. Архиепископ Лав — творца иконографског програма фресака у Светој Софији Охридској // Византијски свет на Балкану. Том I. / Ред. Б. Крсмановић, Љ. Максимовић, Р. Радић. Београд, 2012. С. 119–136; Schellewald B. Ohrid, Malerei // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Vol VII / Eds. Klaus Wessel, Marcell Restle. Stuttgart: Hiersemann, 2009. P. 252–319; Gerstel S. Beholding the Sacred Mysteries: Programs of the Byzantine Sanctuary. Seattle; London, 1999. P. 59, 63, 83–84; Walter Ch. Art and Ritual... P. 175–176, 194, 198; Grabar A. Les peintures murales dans le chœur de Sainte-Sophie d'Ohrid // Cahiers Archéologiques. 1965. Vol. 15. P. 257–265.

зом сложной и инновационной евхаристической иконографической программы. Богоматерь сидит на монументальном троне, держит перед собой в радужном ореоле Эммануила, правая рука которого поднята в благословляющем жесте. Ниже Богоматери находится другое изображение Христа, стоящего за алтарем, и фланкировано приближающимися к причащению апостолами в сцене «Причащение апостолов». Христос здесь также правой рукой благословляет, а в левой держит большую круглую просфору. Благословляющий жест Христа с поднятой правой рукой является мотивом, который соединяет два вышеупомянутых изображения Христа с третьим его образом, написанном на своде над алтарем — это прославленный Христос в сюжете Вознесения. Более того, два ореола в руке Марии и ангелов Вознесения также подчеркивают эту связь между украшениями апсиды и свода алтаря: они представляют собой зрительную параллель двух ореолов и круглой просфоры в руках Христа. Таким образом, Богоматерь Никопея над настоящим алтарем и его изображением, за которым Христос стоит с евхаристическим хлебом в руке, является живописным и концептуальным центром алтарной декоративной программы. Дева держит медальон как евхаристический диск с «хлебом жизни», Христом. Медальон — это одновременно щит и знак, небесная сфера, ореол Божественной славы и чрево Богоматери со своим Божественным Сыном и Жертвой за грехи мира. Богоматерь возносит его и над настоящим, и над изображенными алтарями, зрительно отсылая к возношению даров — хлеба и вина — на литургии.

Тем не менее, изображение Богоматери Никопеи с ее евхаристическими отсылками в Охриде имеет более конкретный смысл. Заказчиком охридских фресок был архиепископ Лев (1037–1056 гг.), главный участник спора с латинянами об опресноках²³. Эти споры о евхаристическом хлебе привели к взаимному отлучению между Константинополем и Римом в 1054 г.²⁴ Лев написал три антилатинских письма против опресноков. В то время как для латинян закваска была символом греха (см. 2 Кор 5:8), Лев считал закваску жизненной силой, душой в хлебе. Он и греческие богословы в этом споре отстаивали фундаментальное византийское учение о животворящем Телe Христа как источнике обожения.

Основы учения о животворящем теле Христа были разработаны Кириллом Александрийским в ходе несторианских споров в V в.²⁵ Концепция квасного, то есть обоженного тела-хлеба Христа составляла основу евхаристического бо-

²³ Büttner E. *Erzbischof Leon von Ohrid (1037–1056 гг.): Leben und Werk*. Bamberg, 2007.

²⁴ О прении об опресноках см. *Беневич Г.И.* Полемика об опресноках при патриархе Михаиле Кируларии // Антология восточно-христианской богословской мысли, Т. 2 / Под ред. Г.И. Беневича, Д.С. Бирюкова. М.-СПб., 2009. С. 402–420; *Бармин А.В.* Полемика и схизма: история греко-латинских споров IX–XII веков. М., 2006.; *Avvakumov G.* Die Entstehung des Unionsgedankens. Die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche. B., 2002; *Smith M.H.* «And Taking Bread...»: Cerularius and the Azyeme Controversy of 1054. Paris, 1978; *Erickson J.H.* Leavened and Unleavened: Some Theological Implications of the Schism of 1054 // *St Vladimir's Theological Quarterly*. 1970. Vol. XIV. P. 155–76; *Чельцов М.* Полемика между греками и латинянами по вопросу опресноков в XI–XII веках. СПб. 1879. О влиянии этого конфликта на искусство см.: *Kriza Á.* The Russian Gnadestuhl // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 2016. Vol. 79. P. 79–130; *Лудов А.М.* Икона... С. 169–236.

²⁵ *Gray P.T.R.* From Eucharist to Christology: The Life-giving Body of Christ in Cyril of Alexandria, Eutyches and Julian of Halicarnassus // *The Eucharist in Theology and Philosophy* / Eds. I. Perczel, R. Forrai, G. Geréby. Leuven, 2005. P. 23–35.

гословия Симеона Нового Богослова (949–1022 гг.) на рубеже тысячелетий²⁶. В евхаристическом богословии Симеона закваска — это душа «в тесте нашей природы», которая была взята Христом, чтобы полностью обожествить человеческое естество:

Таким же образом, взяв воодушевленную плоть от Пресвятой Богородицы и Присно Девы Марии, как своего рода закваски и маленькие первенцы из теста (φύραμα) нашей природы, то есть, из души и тела вместе, Бог Создатель и Творец объединил это к Его непостижимой и непреступной Божественности, или скорее Он существенно соединил к нашему веществу всю ипостась Его Божественности.²⁷

Последователи Симеона — Лев и Никита Стифат (ок. 1005 — ок. 1090), биограф Симеона, — в прении об опресноках излагают возражение против латинян, непосредственно происходящее из евхаристического учения Симеона, а именно, что хлеб Евхаристии без закваски не может быть антитипом обоженного тела Христа, так как он мертв, безжизнен, отделен от живой души, будучи всего лишь мертвой материей:

Смотрите же, что в опресноках нет никакой жизненной силы, так как они мертвы; во хлебе же, то есть в Теле Христовом, есть три жизненных начала, которые дают жизнь тем, кто его достойно вкушают: дух, вода и кровь. Как и сам наперсник Христов, Иоанн свидетельствует об этом: «Три свидетельствуют — говорит он — дух, вода и кровь; и сии три об одном» (1 Ин 5:8) — очевидно, что о Теле Христовом, что стало явным во время Распятия Господа, когда вода и кровь истекли из пречистого Его ребра, после того как Его тело было пронзено копьем, но живой и Святой Дух оставался в Его обоженной плоти, которую мы вкушаем в хлебе... и живем в Нем, как вкушающие живую и обоженную плоть подобно тому, как пьем Его живую и теплую кровь.²⁸

Поэтому не случайно, что хлеб в руках Христа в сцене Причащения Апостолов в Софии Охридской явно квасной. Это изображение квасного хлеба в руке Христа визуально связано как с облаченным в золото Христом в сцене Вознесения, так и с медальоном Никопеи. Смыслом этой зрительной центральной оси в конхе апсиды является то, что только квасной хлеб,

²⁶ Perczel I. The Bread, the Wine and the Immaterial Body: Saint Symeon the New Theologian on the Eucharistic Mysteries // *The Eucharist in Theology and Philosophy*. P. 131–156. См. также (с библиографией) Кирилл и Мефодий (Зинковские) Историческое и евхаристическое Тело Христа в сотериологии прп. Симеона Нового Богослова // Преподобный Симеон Новый Богослов и его духовное наследие / Под ред. А.Р. Фокина. М., 2017. С. 232–252.

²⁷ *Первое нравственное Слово*, 3. Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques. introduction, texte critique, traduction et notes par J. Darrouzès. T. 1. Paris, 1966. P. 196. (в русском переводе Феофана Затворника это Слово 45), см. Perczel I. The Bread... P. 136.

²⁸ *Слово Никиты Стифата против латинян* — *Αντιδιάλογος*, 3.1–2. (Michel A. Humbert und Kerullarios: Quellen und Studien zum Schisma des 11. Jahrhunderts. Vol II. Paderborn, 1930 S. 324–25.). Славянский перевод текста был распространен в древней Руси: «Смотрите же, яко убо въ опресноцѣхъ ни едина каа есть животнаа сила, мертво бо есть. Въ хлѣбѣ же сии рѣчь тѣлеси Христовѣ три животѣна и животъ подающа, иже того достойнѣ ядушимъ, духъ вода и кровь. Якоже и самъ ты парьсникъ Христовъ Иоаннъ съсвѣдѣтельствуетъ ми слову: три суть свѣдѣтельствующей, рече, духъ вода и кровь, и три въ единомъ суть, сии рѣчь тѣлѣ Христовѣ; еже и въ время Христова распятия явѣ бысть, внегда вода и кровь отъ прѣчистаго ребра его истече копиемъ прободышуся ему, живыи же и святыи духъ прѣбысть въ обоженной плоти его, юже ядуще мыи въ хлѣбѣ, прѣлагаемъмъ въ тѣло Христово, живемъ въ немъ, яко живу и обоженну плоть ядуще и кровь живу и топлотну его пиюще...». *Чельцов М.* Полемика... С. 359. Об антилатинских сочинениях Никиты Стифата в древней Руси см. Ibid. С. 22–25.

животворящее тело Христа, может возносить обоженное человечество одесную Отца. Такова была фундаментальная позиция православных в споре об опресноках.

Но почему этот наглядный евхаристический образ Богоматери Никопеи исчез из православных апсид после XI в., и почему он был заменен Знаменем с парящим медальоном? Интересно, что прение об опресноках дает объяснение и исчезновению иконографии Никопеи²⁹. Чудесное движение ореола на груди Богородицы демонстрирует, что воплощенный Христос в девственной утробе одушевлен, оживлен и божественен. Таким образом, сверхъестественность медальона прекрасно показывает одну из основных идей современной византийской теологии: обожение человека через Евхаристию с квасным хлебом, который является одушевленным, животворящим, божественным телом Христа. Это соотношение становится еще более убедительным в свете этимологического аргумента Льва Охридского по поводу греческого слова *ἄρτος* («хлеб»):

Согласно всем евангельским описаниям Тайной Вечери, Иисус взял хлеб – *ἄρτος*. Но *ἄρτος* происходит от *αἴρω* и *ἐλαίρω*, поднимать, возвышать и возносить ввысь. И он получает свое повышение и теплоту от закваски и соли. Пресный хлеб, однако, ничем не отличается от бездушного камня и глины черепицы...³⁰

Медальон на груди Богоматери Знамения не просто движется, но поднимается, возвышается и парит, а не падает как опресноки, которые являются «бездушными камнями и глинами черепицы». В то время как Богородица Никопея жестом возвышения ссылается на евхаристическую жертву, Знамение отображает идею того, что евхаристия — это оживленное, воодушевленное тело Христа, которое обожает тех, кто участвуют в ней. Именно это евхаристическое содержание сделало Знамение успешным конкурентом Никопеи после появления прений об опресноках и широко распространенным центральным элементом программы алтарной декорации в позднем и поствизантийском периоде, позволив ему остаться популярным до XIX в. С этой точки зрения особенно важно, что основы данной евхаристической программы росписей византийского алтаря сформировались одновременно с распространением иконографии Знамения после Схизмы 1054 г.³¹

Евхаристическое значение Богоматери Знамения также подчеркивается тем, что это изображение часто появляется на литургических сосудах, называемых

²⁹ Неопределенность в датировке ранних изображений Знамения, обсуждавшаяся в начале статьи, не дает возможности установить точную хронологию развития этой иконографии. Тем не менее, исходя из имеющихся данных, нельзя исключать заманчивую гипотезу о том, что даже само появление такой иконографии было прямо связано с прением об опресноках, которое началось в 1052 г. между греками и латинянами. Питаракис уже обнаруживала косвенную связь между иконографией Знамения и прением об опресноках: *Pitarakis B. À propos de l'image... P. 48–49.*

³⁰ *Ep. ad Ioannem Tranensem // Büttner E. Erzbischof Leon... S. 182.* Перевод Юлии Зубковой (*Эрик-сон Дж.* Квасной хлеб и опресноки: к вопросу о богословском смысле раскола 1054 г. URL: http://arhiv.orthodoxy.org.ua/node/16967#_ednref20; дата обращения: 21.01.2019).

³¹ *Kriza A. The Life-Giving Body of Christ: The Leaven Debate and Byzantine Sanctuary Decoration // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016: Thematic Sessions of Free Communications / Eds. Dejan Dželebdžić and Stanoje Bojanin. Belgrade, 2016. P. 743–744; Lidov A. Byzantine Church Decoration and the Great Schism of 1054 // Byzantion. 1998. Vol. 68. P. 381–405.*

панагиарами³². Они связаны с появившимся именно около XI в. так называемым «Чином возвышения панагии» (или «Чином о панагии»)³³. Панагия — эта часть просфоры, посвященная Богоматери, а панагиар является хранилищем Богородичного хлеба. Образ Знамения часто изображается на внутренней стороне панагиара, куда Богородичный хлеб помещается священником. На панагиаре XIV в. из Ксиропотама на Афоне (рис. 7) литургическая ссылка читается явно: в наружном кольце около Богоматери Знамения, представленной в полный рост, изображена композиция Небесной Литургии³⁴. Русские панагиары (рис. 8) чаще всего имеют два изображения: так называемую Ветхозаветную Троицу и вариант Знамения с Христом без ореола³⁵. Здесь, подобно панагиару из Ксиропотама, центр иконографической программы — Христос на груди Богоматери, связанный с изображением трапезы Святой Троицы на верхней створке панагиара: его парящая фигура символизирует и одушевленность Божественного Сына в девственной утробе, и квасной евхаристический хлеб. Это сочетание изображений Знамения и Святой Троицы наглядно визуализирует слова древнерусского антилатинского сочинения предположительно XI в., приписываемого Феодосию Печерскому и сохранившего под названием «Вопрошение князя Изяслава игумена Федосея Печерского монастыря о латыньстей вере»:

«Латиняне» мертвымъ тѣломъ служатъ, аки мертва Господа мняще, а мы службу творимъ живымъ тѣломъ самого Господа, видяще одесную Отца сѣдящаго, а паки приидеть судити живымъ и мертвымъ. Вы есте о латыно мертвии, и мертву жертву сдѣлываете. Мы же живу Богу, и живу жертву, чисту и непорочну приносяще, живот вѣчныи обрести³⁶.

³² О панагиарах см.: *Милькович Б.* Српски панагијар из Ватопеда // Сборник радова византолошког института. 2012. Т. 49. С. 355–364; *Drpić I.* Notes on Byzantine Panagiaria // *Zograf*. 2011. Vol. 35. P. 51–61; *Стерлигова И.А.* Псковское серебряное блюдо XV в. для «Богородичного хлебца» // Древнерусское искусство: Художественная жизнь Пскова и искусство поздневизантийской эпохи / Под ред. М.А. Орловой. М., 2008. С. 383–390; *Рындина А.В.* О литургической символике древнерусских серебряных панагий // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство / Под ред. А.М. Лидова. СПб., 1994. С. 204–209; *Пуцко В.* Византийские панагиары на Афоне // Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов / Под ред. В.И. Велкова. София, 1994. С. 247–256.

³³ Об этом обряде см.: *Милькович Б.* Српски панагијар... С. 356–357; *Скабалланович М.* Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 3. Киев, 1915. С. 50–71. *Дрпич (Drpić I.)* Notes... P. 52) пишет о доказательствах обряда X в., но с неточной ссылкой. *Гоар (Goar J.)* Euchologion sive Rituale graecorum. Venetia, 1730. P. 680–681) опубликовал описание обряда на основе Константинопольского Евхология кардинала Виссариона (Grottaferrata, Biblioteca Statale del Monumento Nazionale, Г. β. 1), который в настоящее время датируется XIII в. (*Parenti S., Velkovska E.* A thirteenth century manuscript of the constantinopolitan euchology: Grottaferrata G. b. 1, alias of Cardinal Bessarion // *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*. 2007. Vol. 4. P. 175–196).

³⁴ *Kalavrezou I.* Mother of God in Steatite // *The Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art* / Ed. M. Vassilaki. Milan, Athens: Skira, 2000. P. 190–92; *Loverdou-Tsigarida K.* Panagiarion, known as “The Pulcheria Paten” // *Treasures of Mount Athos* / Exh. Catalogue ed. by A.A. Karakatsanis et al. Thessaloniki, 1997. P. 292–293; *Kalavrezou-Maxeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. Vol. I. Wien, 1985. P. 204–205.

³⁵ *Стерлигова И.А.* Псковское серебряное блюдо... С. 383–390. Об этой иконографии за пределами Руси см.: *Ryder E.C.* Panagiarion with the Virgin and Christ // *Byzantium: Faith and Power (1261–1577)* / Exh. Catalogue ed. by H. Evans. N.Y., 2004. P. 237–238.

³⁶ *Бармин А.В.* Полемика и схизма... С. 509. О тексте см. *Ibid.* С. 222–236; *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. С. 6–23.

В свете этих наблюдений особенно замечательно, что некоторые из самых ранних примеров иконографии Знамения происходят из Новгорода. Новгородская икона Знамение (рис. 2), датированная серединой XII столетия, является старейшей сохранившейся иконой Богородицы с парящим медальоном³⁷, тогда как Знамение в рост появляется во фреске конха апсиды, как и поясный образ в конхе жертвенника в разрушенной новгородской церкви Спаса на Нередице (после 1198 г.; рис. 4)³⁸. Как эти ранние образы, так и более поздние, в том числе и русские панагиары, свидетельствуют не только о распространенности этой иконографии, но и о ее подчеркнутом евхаристическом значении в русском контексте. Русская история Знамения, таким образом, свидетельствует об актуальности антилатинской полемики в Древней Руси — не только вербальной, но и визуальной — с самого раннего периода. Перед будущими исследованиями стоит задача изучить ее более широкое значение в истории византийского и древнерусского искусства.

Криза Агнеш

Стипендиат фонда
Александра фон Гумбольдта
Славянский институт
Университет Кёльна
Weyertal 137
50931 Cologne, Germany
Электронная почта: agnes.kriza@gmail.com

---

³⁷ *Смирнова Э.С.* Богоматерь Знамение, Богоотцы Иоаким и Анна (?) // Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI веков / Под ред. Е.В. Гладышевой, Л.В. Нерсисяна, и др. М., 2008. С. 89–99.

³⁸ *Пивоварова Н.В.* Фрески Спаса на Нередице. Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. С. 28, 38.

Ágnes KRIZA

THE ZNAMENIE-PLATYTERA IMAGE OF THE THEOTOKOS AND THE AZYMES CONTROVERSY

Abstract: In the eleventh century the Theotokos *Nikopoios*, the popular image of the Virgin holding the *mandorla* of Emmanuel, went through a profound transformation: in the novel image, the Theotokos does not hold the *mandorla* any more, but she appears with arms raised, thus, the Child in the *mandorla* is supernaturally hovering on her chest. This modified version of the *Nikopoios*, the so-called *Znamenie* or *Platytera*, gradually superseded the original image, which practically disappeared after the twelfth century. This paper highlights the Eucharistic meaning of both the *Nikopoios* and the *Znamenie* images. It maintains the significance of eleventh-century Byzantine Eucharistic theology for the history of Byzantine art which was profoundly influenced by mystical teachings of Symeon the New Theologian. Symon's follower was Niketas Stethatos, a protagonist of the *azymes* controversy between the Latins and the Greeks. This debate over the Eucharistic bread led to the mutual excommunication between Constantinople and Rome in 1054. This paper demonstrates how the *Znamenie* with hovering medallion conveyed the main arguments of the Orthodox in the *azymes* controversy.

Keywords: Byzantine art, Marian iconography, Eucharist, anti-Latin polemics, art of Novgorod.

Literature Cited

- Avvakumov, Georgij. *Die Entstehung des Unionsgedankens: die lateinische Theologie des Hochmittelalters in der Auseinandersetzung mit dem Ritus der Ostkirche*. Berlin: Akademie Verlag, 2002.
- Baltoyanni, Chryssanthi. "The Mother of God in Portable Icons." In *Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art*, edited by Maria Vassilaki, 138–53. Milan: Skira, 2000.
- Barber, Charles. *Contesting the Logic of Painting: Art and Understanding in Eleventh-Century Byzantium*. Leiden: Brill, 2007.
- Barber, Charles. "Movement and Miracle in Michael Psellos's Account of the Blachernae Icon of the Theotokos." In *Envisioning Experience in Late Antiquity and the Middle Ages: Dynamic Patterns in Texts and Images*, edited by Giselle de Nie and Thomas F.X. Noble, 9–22. Farnham, Burlington: Ashgate, 2012.
- Barmin, A.V. *Polemika i Skhizma: Istoriia Greko-Latinskikh Sporov IX–XII Vekov [Polemics and Schism: History of Greek-Latin Controversies from the Ninth to the Twelfth Century]*. Moskva: Bibliotheca Ignatiana, 2006 (in Russian).

- Beletskiy, D.V., and Vinogradov, A.IU. *Nizhniy Arkhyz i Senty: Drevneyshie Khramy Rossii [Nizhny Arkhyz and Senti: The Oldest Churches of Russia]*. Moskva: Indrik, 2011 (in Russian).
- Belting-Ihm, Christa. *"Sub Matris Tutela": Untersuchungen Zur Vorgeschichte Der Schutzmantelmadonna*. Heidelberg: Winter, 1976.
- Benevich, G.I. "Polemika Ob Opresnokakh Pri Patriarkhe Mikhaile Kirularii [The Controversy about Unleavened Bread under the Patriarch Michael Keroularios]." In *Antologiya Vostochno-Khristianskoy Bogoslovskoy Mysli: Ortodoksiia i Geterodoksiia [Anthology of Eastern Christian Theological Thought]*, edited by G.I. Benevich and D.S. Biriukov, 402–20. Moskva: Nikeia, RKhGA, 2009.
- Büttner, Elmar. *Erzbischof Leon von Ohrid (1037–1056): Leben und Werk*. Bamberg, 2007.
- Cabrol, Fernand, and Henri Leclercq, eds. *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*. Vol. 10. Paris: Letouzey et Ané, 1932.
- Cantone, Valentina. "Iconografia Mariana e Culto Popolare Nel Codice Siriaco 341 Di Parigi." *Rivista Di Storia Della Miniature* 5 (2011): 17–25.
- Carr, Annemarie Weyl. *A Byzantine Masterpiece Recovered: The Thirteenth-Century Murals of Lysi, Cyprus*. Austin: University of Texas Press, 1991.
- Chel'tsov, M.P. *Polemika Mezhdru Grekami i Latinyanami Po Voprosu Opresnokov v XI–XII Vekakh [Polemics between the Greeks and the Latins over the Question of Azymes in 11th–12th Centuries]*. Sankt-Peterburg: Tip. F.G. Eleonskago, 1879 (in Russian).
- Drpić, Ivan. "Notes on Byzantine Panagiaria." *Zograf* 35 (2011): 51–61. doi: 10.2298/ZOG1135051D.
- Erickson, John H. "Leavened and Unleavened: Some Theological Implications of the Schism of 1054." *St Vladimir's Theological Quarterly* 14 (1970): 155–76.
- Erickson, John H. "Kvasnoy Khleb i Opresnoki: K Voprosu o Bogoslovskom Smysle Raskola 1054 g. [Leavened and Unleavened: Some Theological Implications of the Schism of 1054]." Translated by Yuliya Zubkova. http://arhiv.orthodoxy.org.ua/node/16967#_ednref20 (access 15.09.2019).
- Fisher, Elizabeth A. "Michael Psellos on the 'Usual' Miracle at Blachernae, the Law, and Neoplatonism." In *Byzantine Religious Culture: Studies in Honor of Alice-Mary Talbot*, edited by Denis Sullivan, Elizabeth A. Fisher, and Stratis Papaioannou, 187–204. Leiden: Brill, 2012.
- Gero, Stephen. "The Eucharistic Doctrine Of The Byzantine Iconoclasts And Its Sources." *Byzantinische Zeitschrift* 68 (1975): 4–22. doi: 10.1515/byzs.1975.68.1.4.
- Gerstel, Sharon E.J. *Beholding the Sacred Mysteries Programs of the Byzantine Sanctuary*. Seattle; London: College Art Association; University of Washington Press, 1999.
- Grabar, André. "Iconographie de La Sagesse Divine et de La Vierge." *Cahiers Archéologiques* 8 (1956): 254–61.
- Grabar, André. "Les Peintures Murales Dans Le Chœur de Sainte-Sophie d'Ohrid." *Cahiers Archéologiques* 15 (1965): 257–65.
- Grabar, André. "L' imago Clipeata Chrétienne." In *L'art de La Fin de l'Antiquité et Du Moyen Age*, 1:607–13. Paris: Collège de France, 1968.
- Gray, Patrick T.R. "From Eucharist to Christology: The Life-Giving Body of Christ in Cyril of Alexandria, Eutyches and Julian of Halicarnassus." In *The Eucharist in Theology and Philosophy: Issues of Doctrinal History in East and West from the Patristic Age to the Reformation*, edited by István Perczel, Réka Forrai, and György Geréby, 23–35. Leuven: Leuven University Press, 2005.
- Kalavrezou, Ioli. *Byzantine Icons in Steatite*. 2 vols. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1985.
- Kalavrezou, Ioli. "Mother of God in Steatite." In *Mother of God: Representations of the Virgin in Byzantine Art*, edited by Maria Vassilaki, 185–93. Milan: Skira, 2000.

- Karterouli, Konstantina. "Nomisma Histamenon of Zoe and Theodora (1042)." Exhibit Item. *The Byzantine Emperors on Coins. Online Exhibition of the Dumbarton Oaks Research Library and Collection*. <https://www.doaks.org/resources/online-exhibits/byzantine-emperors-on-coins/the-macedonians-and-their-immediate-successors-867--1081/nomisma-histamenon-of-zoe-and-theodora-1042>. (13.09.2019)
- Kondakov, N.P. *Ikonografija Bogomateri [Iconography of the Mother of God]*. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Tipografija imperatorskoy akademii nauk", 1914 (in Russian).
- Kondakov, N.P. *Ikonografija Bogomateri [Iconography of the Mother of God]*. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Tipografija imperatorskoy akademii nauk", 1915 (in Russian).
- Kriza, Agnes. "The Life-Giving Body of Christ: The Leaven Debate and Byzantine Sanctuary Decoration." In *Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies, Belgrade, 22–27 August 2016: Thematic Sessions of Free Communications*, edited by Dejan Dželebdžić and Stanoje Bojanin, 743–44. Belgrade: The Serbian National Committee of Byzantine Studies, 2016.
- Lechner, Gregor M. "Zur Ikonographie Der 'Gottesmutter Des Zeichens.'" In *Kunst Der Ostkirche. Ikonen, Handschriften, Kultgeräte: Ausstellung Des Landes Niederösterreich, Stift Herzogenburg*, edited by Gerhart Egger, 77–90. Wien: Niederösterreichisches Landesmuseum, 1977.
- Lechner, Gregor M. *Maria gravida: zum Schwangerschaftsmotiv in der bildenden Kunst*. München: Schnell & Steiner, 1981.
- Lidov, A.M. "Byzantine Church Decoration and the Great Schism of 1054." *Byzantion* 68, no. 2 (1998): 381–405.
- Lidov, A.M. *Ikony : mir sviatykh obrazov v Vizantii i na Rusi [Icons: the world of holy images in Byzantium and Rus]*. Moskva: Feoriia, 2014 (in Russian).
- Loverdou-Tsigarida, Katia. "Panagiarion, Known as 'The Pulcheria Paten.'" In *Treasures of Mount Athos*, edited by Athanasios A. Karakatsanis and Basile Atsalos, 292–93. Thessaloniki: Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, Holy Community of Mount Athos, 1997.
- Luquet, Georges-Henri. "Représentation Par Transparence de La Grossesse Dans l'Art Chrétien." *Revue Archéologique* 19, janvier–juin (1924): 137–149.
- Mathews, Thomas F. "An Early Armenian Iconographic Program of the Ejmiacin Gospel (Erevan, Matenadaran MS 2374, Olim 229)." In *East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period*, edited by Nina G. Garsoïan, Thomas F. Mathews, and Robert W. Thomson, 199–215. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1982.
- Megaw, Arthur H.S., and Hawkins, Ernest J.W. "The Church of the Holy Apostles at Perachorio, Cyprus, and Its Frescoes." *Dumbarton Oaks Papers* 16 (1962): 277–348. doi: 10.2307/1291165.
- Michel, Anton. *Humbert und Kerullarios: Quellen und Studien zum Schisma des 11. Jahrhunderts*. Vol. 2. Paderborn: F. Schöningh, 1930.
- Miljković, Bojan. "Srpski Panagijar Iz Vatopeda [The Serbian Panagiarion from Vatopedi]." *Zbornik Radova Vizantološkog Instituta*, 49 (2012): 355–64. doi: 10.2298/ZRV11249355M (in Serbian).
- Ousterhout, Robert G. "The Virgin of the Chora." In *The Sacred Image East and West*, edited by Robert G. Ousterhout and Leslie Brubaker, 91–109. Urbana: University of Illinois Press, 1995.
- Papaioannou, Eustratios N. "The 'Usual Miracle' and an Unusual Image: Psellos and the Icons of Blachernai // *Jahrbuch Der Österreichischen Byzantinistik* 51 (2001): 177–88.
- Parenti, Stefano, and Velkovska, Elena. "A Thirteenth Century Manuscript of the Constantinopolitan Euchology: Grottaferrata G.b. I, Alias of Cardinal Bessarion." *Bollettino Della Badia Greca Di Grottaferrata* 4 (2007): 175–96.

- Pentcheva, Bissera V. *Icons and Power: The Mother of God in Byzantium*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2006.
- Pentcheva, Bissera V. *The Sensual Icon: Space, Ritual, and the Senses in Byzantium*. University Park: Pennsylvania University Press, 2010.
- Perczel, István. "The Bread, the Wine and the Immaterial Body: Saint Symeon the New Theologian on the Eucharistic Mysteries." In *The Eucharist in Theology and Philosophy: Issues of Doctrinal History in East and West from the Patristic Age to the Reformation*, edited by István Perczel, Réka Forrai, and György Geréby, 131–156. Leuven: Leuven University Press, 2005.
- Pitarakis, Brigitte. "À Propos de l'image de La Vierge Orante Avec Le Christ-Enfant (XIe–XIIe Siècles): L'émergence d'un Culte." *Cahiers Archéologiques* 48 (2000): 45–58.
- Pivovarova, N.V. *Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode [Frescoes of the Saviour Church on Nereditsa in Novgorod]*. Sankt-Peterburg: ARS, D. Bulanin, 2002 (in Russian).
- Popova, O.S. "Freski Sobora Sv. Sofii Okhridskoy i Iskusstvo 40-Kh — 50-Kh Gg. XI v. [Frescoes of the St. Sophia Cathedral of Ohrid and the Art of the 40^s–50^s of the 11th Century]." *Vizantiyskiy Vremennik* 74 (2015): 212–24 (in Russian).
- Psellus, Michael. *Michaelis Pselli Orationes Hagiographicae*. Edited by Elizabeth A. Fisher. Stuttgart: Teubner, 1994.
- Putsko, V.G. "Vizantiyskie Panagiary Na Afone [Byzantine Panagiaria on Mount Athos]." In *Sbornik v Chest Na Akad. Dimitŭr Angelov*, edited by V.I. Velkov, 247–256. Sofia: BAN, 1994 (in Russian).
- Ryder, Edmund C. "Panagiaron with the Virgin and Christ." In *Byzantium: Faith and Power (1261–1557): Exhibition Catalogue*, Metropolitan Museum of Art, New York, edited by Helen C. Evans, 237–38. New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press, 2004.
- Ryndina, A.V. "O Liturgicheskoy Simvolike Drevnerusskikh Serebrianykh Panagiy [On the Liturgical Symbolism of Medieval Russian Silver Panagiaria]." In *Vostochnokhristianskiy Kham: Liturgiia i Iskusstvo [Eastern Christian Church: Liturgy and Art]*, edited by A.M. Lidov, 204–209. Sankt-Peterburg: D. Bulanin, 1994 (in Russian).
- Schellewald, Barbara. "Ohrid, Malerei." In *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*, edited by Klaus Wessel and Marcell Restle, 7:252–319. Stuttgart: Hiersemann, 2009.
- Seibt, Werner. "Der Bildtypus Der Theotokos Nikopoios. Zur Ikonographie der Gottesmutter-Ikone, Die in 1030/31 in der Blachernenkirche Wiedergefunden Wurde." *Byzantina* 13 (1985): 549–564.
- Seibt, Werner. "Die Darstellung Der Theotokos auf Byzantinischen Bleisiegeln, Besonders Im 11. Jahrhundert." *Studies in Byzantine Sigillography* 1 (1987): 35–56.
- Shalina, I.A. *Relikvii v Vostochnokhristianskoy Ikonografii [Relics in Eastern Christian Iconography]*. Moskva: Indrik, 2005 (in Russian).
- Skaballanovich, Mikhail. *Tolkovyy Tipikon; Obŭasnitel'noe Izlozheniē Tipikona s Istoricheskim Vvedeniēm [Tolkovyy Tipikon: Commentary and Historical Introduction]*. Vol. 3. Kŭev, 1915 (in Russian).
- Smirnova, E.S. "Novgorodskaya Ikona «Bogomater' Znamenie»: Nekotorye Voprosy Bogorodichnoy Ikonografii XII v [Novgorod Icon 'Our Lady of the Sign': Some Questions of 12th-Century Marian Iconography]." In *Drevnerusskoe Iskusstvo: Balkany, Rus'*, edited by A.I. Komech and O.E. Etingof, 288–310. Sankt-Peterburg: D. Bulanin, 1995 (in Russian).
- Smirnova, E.S. "Bogomater' Znamenie, Bogoottsy Ioakim i Anna (?) [Znamenie Mother of God, Joachim and Anna, Ancestors-of-God (?)]." In *Ikony Velikogo Novgoroda XI — nachala XVI vekov [Icons of Veliky Novgorod 11th–early 16th century]*, edited by A.V. Nersesian, 89–99. Moskva: Severnyy palomnik, 2008 (in Russian).
- Smith, Mahlon H. *And Taking Bread: Cerularius and the Azyne Controversy of 1054*. Paris: Beauchesne, 1978.

- Sophokleous, Sophokles. *Icons of Cyprus: 7th–20th Century*. Nicosia: Museum Publications, 1994.
- Sterligova, I.A. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Velikogo Novgoroda: khudozhestvennyy metall XI–XV veka [Decorative arts in Veliky Novgorod: Art metal-work of 11th–15th centuries]*. Moskva: Nauka, 1996 (in Russian).
- Sterligova, I.A. “Pskovskoe Serebrianoe Bliudo XV v. Dlia ‘Bogorodichnogo Khlebitsa’ [15th-Century Pskov Silver Dish for the ‘bread of the Mother of God’].” In *Drevnerusskoe Iskusstvo: Khudozhestvennaia Zhizn' Pskova i Iskusstvo Pozdnevizantiyskoy Epokhi*, edited by M.A. Orlova, 383–90. Moskva: Severnyy palomnik, 2008 (in Russian).
- Syméon le Nouveau Théologien. *Traité théologiques et éthiques*. Edited by Jean Darrouzès. Vol. 1. Paris: Éditions du Cerf, 1966.
- Tatić-Đurić, Mirjana. *Studije o Bogorodici [Studies on the Mother of God]*. Beograd: Jasen, 2007 (in Serbian).
- Todić, Branislav. “Arkhiepiskop Lav — tvorac ikonografskog programa fresaka u Svetoj Sofiji okhridskoj” [Archbishop Leo — The Creator of the Iconographic Fresco Program in Saint Sophia in Ohrid].” In *Vizantijski svet na Balkanu = Byzantine World in the Balkans*, edited by Bojana Krsmanović, Ljubomir Maksimović, and Radivoj Radić, 1:119–36. Beograd: Vizantološki institut SANU, 2012 (in Serbian).
- “Virgin Vlachernitissa.” In *Online Catalogue of the Byzantine Museum of the Archbishop Makary III Foundation, Nicosia*. <http://www.makariosfoundation.org.cy/bmen001.html> (access 15.09.2019).
- Walter, Christopher. *Art and Ritual of the Byzantine Church*. London: Variorum Publications, 1982.
- Weis, Adolf. *Die Madonna Platytera: Entwurf für ein Christentum als Bildoffenbarung Anhand der Geschichte eines Madonnenthemas*. Königstein im Taunus: Langewiesche, 1985.
- Wellen, Gerard A. *Theotokos: eine ikonographische Abhandlung über das Gottesmutterbild in frühchristlicher Zeit*. Utrecht: Het Spectrum, 1961.
- Will, Cornelius. *Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae Graecae et Latinae*. Leipzig, Marburg, 1861.
- Zacos, George, and Veglery, Alexander. *Byzantine Lead Seals*. Vol. 1. Basel: J.J. Augustin, 1972.

Ágnes KRIZA

Alexander von Humboldt

Postdoctoral fellow

Slavic Institute

University of Cologne

Weyertal 137

50931 Cologne, Germany

e-mail: agnes.kriza@gmail.com

Э.Н. Добрынина

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ «КРУГА ПРОТОСПАФАРИЯ НИКИТЫ» ОКОЛО 970 г.

Аннотация: В статье проводится почерковедческий анализ двух греческих патристических сборников: Слов Григория Богослова ГИМ, Син. греч. 62 (Влад. 145) и Гомилий Иоанна Златоуста Sinait. gr. 360. Устанавливается принадлежность основного минускульного текста, маюскульных заглавий и колонтитулов в обоих кодексах одному писцу (писец S), а орнаментальной декорации — одному художнику. Писец S отождествляется с писцом колофона 970 г., а также колонтитулов и заглавий в сборнике Слов Василия Великого Paris, BnF, gr. 497, основной текст которого переписан протоспафарием Никитой в 966 г. В оформлении синодального, синайского и парижского сборников принимал участие один художник. В результате исследования сделан вывод о связи трех рукописей с одной мастерской, скорее всего придворной, а также уточнена датировка Sinait. gr. 360 и Син. греч. 62 временем около 970 г. На основе изучения колофона на л. 321 об. и записи на л. 329 об. в Par. gr. 497 сделан вывод о вкладе и длительном пребывании этой рукописи в монастыре св. вмч. Георгия Ориата (Ригати) в Морфу на Кипре.

Ключевые слова: греческие рукописи, греческая палеография, византийский орнамент, лепестковый стиль.

Греческий рукописный сборник Син. греч. 62 (Влад. 145) содержит двадцать три Слова Григория Богослова¹, написанных на пергамене высокого качества, белого цвета, с листами разной толщины². На верхних полях некоторых листов с началами Слов содержатся первые строки предисловий к ним, два из которых

¹ См. о рукописи: *Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архимандрит*. Палеографическое описание греческих рукописей уставного письма и скорописного со снимками. Дополнения к т. III. М., 1883. С. 318–320; Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть I: Рукописи греческие / Сост. архимандрит Владимир (Филантропов). М., 1894. С. 150–151; *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 89; *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Синодальной библиотеки: Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. No 145; *Repertorium Nazianzenum. Orationes. Textus Graecus*. 3: *Codices Belgii, Bulgariae, Constantinopolis, Germaniae, Graeciae (Pars prior), Helvetiae, Hiberinae, Hollandiae, Poloniae, Russiarum, Scandinaviae, Ucrainae et codex uagus* / Rec. I. Mossay. N.F. 2. [Forschungen zu Gregor von Nazianz; Bd. 10]. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1993. No 274.

² Состав кодекса: 384 лл.: 381+I бум. Л. 1–2 об. — середина X в. 48 тетрадей. Фолиация конца XVIII в. проставлена темно-коричневыми чернилами арабскими цифрами в верхнем правом углу листа.

опубликованы в полном виде под именем Никиты Серрского, епископа Ираклийского³. Предисловия написаны черными чернилами, рукой одного писца, по мнению Б.Л. Фонкича, в Константинополе во второй половине XIV — начале XV вв.⁴ (рис. 1, 2).

Либо в это время, либо позднее, когда кодекс оказался на Афоне, он был обрзан и переплетен вторично, а в начало книги вставлены два защитных листа⁵. Затем рукопись была приобретена Арсением Сухановым в монастыре Ивирон и в 1655 г. привезена в Москву⁶. Она находилась в собрании Синодальной (Патриаршей) библиотеки, где в конце XVIII в. вместе с другими рукописями собрания получила третий, так называемый «синодальный» переплет: картонные крышки с покрытием из коричневой кожи⁷. В 1920 г. кодекс поступил в Государственный исторический музей.

Во время работы в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае⁸ нами был изучен сборник Sinait. gr. 360, который содержит 30 Гомилий Иоанна Златоуста на Шестоднев⁹, написанных на хорошо обработанном пергамене белого цвета. На этой книге стоит вторичный переплет: доски с прямыми торцами с покрытием из черной кожи и тиснением, выполненным методом прокатки. С внутренних сторон обе переплетные крышки обклеены бумажными форзацами. Капталы сплетены из нитей синего, зеленого и светло-бежевого цвета. По мнению Георгия Будалиса, переплет типичен для середины XVII в., а система крепления шитья в досках указывает на север Балкан¹⁰. На л. 1, 15 об. имеются две поздние

³ PG. T. 36. Col. 944, 969. См. Тж.: *Sajdak J. Historia critica scholiastarum et commentatorum Gregorii Nazianzeni*, I. [Meletemata patristica, I]. Kraków, 1914. P. 166–174; *Бруни А.М.* Θεολόγος. Древнеславянские кодексы Слов Григория Назианзина и их византийские прототипы. [Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 6]. М.; СПб., 2004. С. 192–199.

⁴ Сердечно благодарю Б.Л. Фонкича за устную консультацию.

⁵ Эти листы происходят из рукописи середины X в., написанной минускулом типа *écriture bouletée*, и содержат фрагменты Слова Иоанна Дамаскина на Успение Богородицы (л. 2 об.–2, 1 об.–1). *Владимир, архимандрит.* Систематическое описание. С. 150; *Каврус Н.Ф.* «Алмазное» письмо в греческих рукописях Москвы и Ленинграда // ВВ. 47. 1986. С. 197–198; *Agati M.L.* La minuscola «bouletée» / Prefazione di P. Canart [Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica. Littera Antiqua. 9/1–2]. Vol. I–II. Città del Vaticano, 1992. P. 110.

⁶ На нижнем поле л. 3 имеется помета темно-коричневыми чернилами Арсения Суханова 1654 г.: **Арсеній**; на верхнем поле — помета библиотекаря черными чернилами: τὸν ἱβήρον.

⁷ О времени установки переплета свидетельствует филигрань «1794 года» на бумажном защитном листе голубого цвета в конце книги (л. I). См. филигрань близкого типа: *Uchastkina Z.V.* A History of Russian Hand Paper-mills and Their Watermarks / Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia; or Collection of Works and Documents Illustrating the History of Paper // Ed. E.J. Labarre. IX. Holland, 1962. No 555.

⁸ Выражаю признательность о. Юстину (Синаиту) за возможность ознакомиться с драгоценными рукописями монастырского собрания и за консультации во время моего непродолжительного визита в феврале 2019 г., а также за предоставленные для настоящей публикации иллюстрации.

⁹ *Gardthausen V.* Catalogus codicum graecorum sinaiticorum. Oxonii, 1886. P. 81 (X–XI вв.); *Clark K.W.* Checklist of manuscripts in St. Catherine's monastery. Washington, 1952. P. 6; *Kamil M.* Catalogue of all Manuscripts in the Monastery of St. Catherine. Wiesbaden, 1970. P. 77. No 422 (X–XI вв.); *Weitzmann K., Galavaris G.* The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Illuminated Greek Manuscripts. Vol. I: From the Ninth to the Twelfth Century. Princeton (N. J.), 1990. P. 42. Figs. 88–91.

¹⁰ Благодарю Георгия Будалиса за сотрудничество и подробную консультацию по истории переплета этой рукописи.

записи о вкладе рукописи в Синайскую обитель, сделанные одной рукой черными чернилами.

По нашему мнению, оба сборника переписаны во второй половине X в. рукой одного каллиграфа, которого условно назовем писцом S по начальной букве Синайского и Синодального собраний. Он пишет светло-коричневыми чернилами округлым минускулом со слегка выраженным наклоном вправо, буквы пронизаны линиями разлиновки или подвешены к ним, диакритические знаки проставлены регулярно, употребляется приписная йота. Оба списка демонстрируют сходную манеру соединения *эпсилон-кси* и *эпсилон-пи*. В последнем случае правая ножка *пи* немного длиннее левой и имеет крючкообразное завершение (например, л. 282 об., второй столбец, 9-я строка сверху) (рис. 3). В минускуле регулярно встречаются маюскульные *альфа*, *эпсилон*, *тета*, *каппа*, *лямбда*, *ню*, *кси* и *сигма*. Выделяется высокая маюскульная *гамма* со слегка волнистым широким горизонтальным штрихом. К индивидуальным особенностям почерка этого писца относится лигатура *эпсилон-йота*, в которой у *эпсилон* тяжелая нижняя часть со сплюсненными сторонами как бы вписана в невидимый треугольник, а *йота* подвешена к ней наподобие крючка. Например, в Син. греч. 62, л. 314, второй столбец, 1-я строка сверху; л. 5 об., 1-й столбец, 7-я строка сверху (рис. 4) и Sinait. gr. 360, л. 57 об., 1-й столбец, 14-я строка сверху (рис. 8). Сокращение *каі* представлено в двух вариантах: один — S-образный, другой — с высоким, почти вертикальным верхним штрихом. Например, в Син. греч. 62, л. 152 об., 1-й столбец, 3-я, 6-я и 7-я строки сверху (рис. 1) и в Sinait. gr. 360, л. 182 об., 1 столбец, 13 строка сверху и 2 столбец, 6-я и 7-я строки сверху (рис. 10).

Помимо основного текста в обоих сборниках писцом S выполнены заглавия акцентирующим маюскулом и колонтитулы с порядковыми номерами эпиграфическим акцентирующим маюскулом. Для маюскульного письма характерно начертание *беты* с прямым горизонтальным верхним штрихом и остроугольными верхним и нижним элементами (рис. 1, 7); *сигма* приближена к эллипсу с вытянутой по левой диагонали «затылочной» частью (рис. 3, 10). Индивидуальным признаком писца S служат и простейшие орнаментальные мотивы: крестик с волнообразной перекладиной или композиция из трех волнистых штрихов (двух горизонтальных и одного вертикального). Эти мотивы используются либо порознь, либо совместно, чтобы отметить конец заглавий (рис. 1–3, 8)¹¹ или раздела (рис. 2, 3, 6)¹².

В нижеследующей таблице приводятся кодикологические параметры обеих рукописей:

	ГИМ, Син. греч. 62	Sinait. gr. 360
Формат	340 × 250/273	360 × 252
Площадь текста	215/220 × 170	220 × 170
Столбцы	70+33+70	70+33+70
Количество строк	24	25
Интервал между строками	10 мм	10 мм

¹¹ Пример из Sinait. gr. 360 см. в изд.: Weitzmann K., Galavaris G. The Monastery of Saint Catherine... Fig. 89.

¹² Ibid. Fig. 88–91.

Тип разлиновки	C-K 36D2f K 36D2f (иногда A, B, E)	K 35E2df
Система	1	1
Сигнатуры	—	Нижний внутренний угол 1 л.

Приведенные в таблице кодикологические данные позволяют предположить, что сборники были созданы по одному проекту в одной скриптории и, возможно, составляли одно многотомное «издание» святоотеческих творений. Характер письма и кодикологические особенности сборника Син. греч. 62 позволили Н.Ф. Каврус связать его с кругом рукописей, которые объединяются понятием «скрипторий Ефрема», и датировать приблизительно серединой X в.¹³ Позднее это отождествление было поддержано Б.Л. Фонкичем с датировкой второй половиной X в.¹⁴ Листы с орнаментальными заставками сборника Sinait. gr. 360 впервые опубликованы К. Вайцманом и Г. Галаварисом в 1990 г. с датировкой второй половиной X в.¹⁵ П. Орсини включил этот кодекс в число рукописей *minuscule informali* (Typologia 2)¹⁶.

Оформление обеих рукописей относится к регулярной декоративной системе, формирование которой завершилось к середине X в.¹⁷ В сборниках отсутствуют колофоны с повтором заглавия (*end-titles*), орнаментальные дополнения последних строк и концовки. Заставки и заглавия открывают новый столбец текста, колонтитулы с порядковыми номерами вынесены на верхнее поле над столбцом с началом текста¹⁸. Ярко выражен общий принцип организации текстов, выявлена типология книги, выдержана единая композиция листов. Сборники украшает чередой однотипных заставок в форме «Π», заполненных орнаментом одного стиля.

Возникает вопрос: если обе рукописи скопировал один писец, то кто их украсил? Известны греческие рукописи, в том числе X в., в которых работу орнамен-

¹³ Каврус Н.Ф. Книгописные мастерские Константинополя IX–X веков. Дисс. на соиск. степени канд. истор. наук. М., 1983. С. 112–113.

¹⁴ Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи... № 145.

¹⁵ См. Примеч. 11.

¹⁶ Orsini P. Minuscule greche informali del X secolo // Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque (Drama, 21–27 septembre 2003) [Vivlioamphiastis — Annexe 1] / Ed. par B. Atsalos, N. Tsironis. Athènes, 2008. P. 41–70 (здесь: P. 61).

¹⁷ Более подробно о переходном периоде в истории византийского искусства книги и о сложении регулярной декоративной системы см.: Hutter I. Decorative Systems in Byzantine Manuscripts, and the Scribe as Artist: Evidence from Manuscripts in Oxford // Word & Image. 12/1. 1996. P. 4–22; Добрынина Э.Н. Группа рукописей «переписчика Златоуста» конца IX — начала X веков (к характеристике переходного периода в византийской книжной декорации) // Монфокок. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. Т. 1. М., 2008. С. 94–115; Она же. Сводный каталог греческих иллюминированных рукописей в российских хранилищах. Т. I: Рукописи IX–X вв. в Государственном историческом музее. Часть 1. М., 2013. С. 18–31.

¹⁸ Dobrynina E.N. Colophons and Running Titles: On New Terminology in Describing Greek Manuscripts of the Ninth–Tenth Centuries // Greek Manuscript Cataloguing: Past, Present, and Future. [Bibliologia: elementa ad librorum studia pertinentia. Vol. 48] / Ed. by P. Degni, P. Eleuteri, M. Maniaci. Turnhout, 2018. P. 239–251.

талиста выполнял писец¹⁹. В IX — пер. пол. X вв. такая практика в наибольшей мере была распространена в монашеском или монастырском книгописании. Чаще всего орнаментика выполнялась в виде рисунка чернилами или с его частичной монохромной раскраской²⁰. Вместе с тем, в рукописях того же периода, в том числе созданных разными писцами, можно идентифицировать руку одного художника, владевшего техникой полихромной живописи и имевшего свой собственный стиль.

После того, как все основные тексты в Син. греч. 62 и Sinait. gr. 360 были написаны, в мастерской приступили к выполнению орнаментального декора (заставки и большие инициалы). Сверяясь с образцом, писец определял, сколько свободного места ему следует оставить для заставки: ее внутреннее поле должно было вместить заглавие. Затем художник-орнаменталист написал заставки и большие инициалы во всей книге, стараясь соблюсти их композиционное и стилистическое единство. Ширина всех заставок соответствует ширине одного столбца, а их опоры доходят до той линии разлиновки, которая предшествует первой строке основного текста. Затем к работе вновь приступил писец, который вписал заглавия во внутренние поля заставок: в Син. греч. 62 в два слоя — золотом поверх лилово-розовой краски²¹, а в Sinait. gr. 360 — только лилово-розовой краской.

То, что работа над рукописью шла именно в такой последовательности, подтверждают следующие наблюдения. Во-первых, слева от некоторых инициалов сохранились репрезентанты, которые писец также написал кармином, указав художнику, какую именно букву ему следует написать в красках. Например, в Synod. gr. 62, л. 152 об. (*xu*) (рис. 1), л. 282 (*эпсилон*). Во-вторых, на некоторых листах последние строки заглавий заметно стеснены, поскольку для них не хватило места во внутреннем поле заставок (Sinait. gr. 360, л. 1, 182 и др. **Рис. 7, 10**). В-третьих, когда заглавие не доходило до конца заставки и последняя строка во внутреннем поле оставалась свободной, писец заполнял пустое пространство мелкими значками в виде крестиков и волнистых штрихов. Этим обусловлена упомянутая выше индивидуальная манера писца (различные комбинации значков), которая проявилась в двух сборниках²².

Если оба списка созданы рукой одного каллиграфа, можно ли сказать то же об их орнаментальном декоре? Чтобы ответить на этот вопрос следует отчасти вступить в смежную область, применив метод палеографического исследования к живописному изображению. Выписывание тонких деталей орнамента сродни

¹⁹ Madigan S.P. Three Manuscripts by the “Chrysostom Initialer”: the Scribe as Artist in Tenth-century Constantinople // *Scriptorium*. 41. 1987. P. 205–220; Hutter I. Decorative Systems. P. 4–22; Добрынина Э.Н. Писец Николай монах как художник: по рукописям начала X в. ГИМ, Син. гр. 96 и Афины, gr. 2651, происходящим с острова Халки // *Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции. К 2000-летию христианства. Памяти Ольги Ильиничны Подобедовой (1912–1999). Сборник статей / Отв. ред. М.А. Орлова. М., 2005. С. 123–132.*

²⁰ Такой рисунок нельзя считать «иллюминацией» в полном смысле слова, хотя подобное оформление обычно служит поводом для включения книги в состав специализированных каталогов иллюминированных рукописей.

²¹ В некоторых случаях заглавия написаны только золотом (л. 194 об.).

²² Например, в Син. гр. 62, л. 152 об., 282 об., 345 об. и др. и в Sinait. gr. 360, л. 25 об., 46 об., 78, 208, 297 об. и др. Отметим попутно, что постановка подобных крестиков известна в практике так называемого «скриптория Ефрема» не только в сочетании с сигнатурой, но и аналогичным способом в конце текстов. См., напр., Genavensis gr. 30, л. 15 об.; Andrist P. Genavensis gr. 30. Un manuscrit d’Ephrem dans la bibliotheque de Theodose IV Princeps? // *Scriptorium*. 52. 1998. Pl. 12.

каллиграфии, и отождествление индивидуальной манеры художника проводится на основе принципов палеографического исследования с учетом всех особенностей письма: направления движения кисти, силы нажима и мельчайших деталей узора²³. Избранный для оформления сборников лепестковый стиль, как и всякий другой орнамент, создан по определенной схеме, образцу или канону. Индивидуальная манера автора проявляется в деталях, которые на первый взгляд кажутся несущественными, но отличаются уникальным исполнением. Поиск таких деталей и сближает исследование конкретного орнаментального узора с выявлением особенностей того или иного почерка.

Цветок лилии (крин) с различным количеством и по-разному скомпонованных лепестков стал основным мотивом в византийском орнаменте лепесткового стиля (*Blütenblattstil*)²⁴. Орнаменты часто повторяли друг друга в силу своей зависимости от образцов и популярных схем. Например, очень близки узоры в заставках Син. греч. 62, л. 5 об., 125 об. и Sinait. gr. 360, л. 220 об., 251: в них чередуются вертикально и горизонтально расположенные крины в медальонах, образованных стеблем; у цветов контрастно выделена сердцевина, широко расправлены нижние лепестки и скрученные верхние. Сходна и техника живописи: в обоих случаях нижнюю часть крина оживляют три мазка более светлого оттенка, расходящиеся веером, и по два мазка на верхних лепестках, брошенных наискосок наподобие «челки» (рис. 7, 11). Очень близок орнамент в заставках в Син. греч. 62, л. 283 об. и Sinait. gr. 360, л. 329. Аналогичен и колорит живописи, который затруднительно оценить в полной мере из-за значительных осыпей синей краски в Син. греч. 62. Большую роль в синайском и синодальном кодексах играет свободное пространство золотого фона, изящные повороты стебля, крупные формы лепестков. Используются схемы как с равномерно чередующимися мотивами (рис. 1, 2, 5, 11), так и с составленными попарно (рис. 3, 4). Однако эти черты нельзя считать признаками индивидуальной манеры художника: они лишь характеризуют общую для них стадию развития лепесткового орнамента, который приближается к зрелой фазе²⁵.

Но как бы не менялся основной узор от заставки к заставке, в каждом изображении можно найти неизменно повторяющиеся детали: это украшения на верхних углах заставок и крины на нижних боковых карнизах у их основания. Способ

²³ Об отождествлении мастеров-орнаменталистов см.: *Dobrynina E. Unknown “Stile Blu” Manuscripts of the Tenth and Eleventh Centuries in Russian Collections // Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque, Drama, 21–27 septembre 2003 [Vivlioamphiastis — Annexe 1] / Ed. par B. Atsalos, N. Tsironis. T. 2. Athènes, 2008. P. 483–484 ; T. 3. Athènes, 2008. P. 1174–1173; Добрынина Э.Н. О двух рукописях «мастера арабескового стиля» (ГИМ, Влад. 144 и Wien, Theol. gr. 240) // Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной конференции. Москва, 5–7 сентября 2005 г. / Сост. и отв. ред. Э.Н. Добрынина. М., 2009. С. 42–61; *Dobrynina E.N. Illuminated Manuscripts from the Family of the Hippatrika Codex (Berlin, Staatsbibliothek, Phillipps 1538) // Scripta & e-Scripta. Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies. Vol. 14–15. 2015. P. 365–372.**

²⁴ *Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul). B., 1935 (Nachdruck: II. Addenda und Appendix, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philologisch-historische Klasse, Denkschriften. 244), Wien, 1996. S. 22–26.*

²⁵ Примером зрелого лепесткового стиля служит, на наш взгляд, декорация сборника ГИМ, Син. греч 130 (Влад. 174), близкая по композиции, схемам орнамента и мотивам, но с более плотным заполнением живописного поля и более активной пластикой растительных форм.

исполнения таких повторяющихся деталей допустимо рассматривать как признак, позволяющий идентифицировать руку художника. Наугольные украшения выполнены в виде трифолия с округлыми контурами лепестков и одним или тремя изогнутыми «усиками» (или «тычинками») в вершине. Трифолии стоят на опорах разной формы: плоские, треугольные и четырехугольные с бусинами на углах. Художник настолько привык чередовать эти формы, что поместил разные опоры на углах одной заставки в Син. греч. 62, л. 345 об. (рис. 6). Эти же специфические черты находим в иллюминации сборника Sinait. gr. 360. Еще более показательна манера исполнения кринов на боковых карнизах заставок. Как своеобразная *hallmark* этого мастера воспринимается изображенный в профиль цветок, состоящий из трех лепестков с единым контуром, который выведен вверх волнистым росчерком пера. Крин на высокой прямой или слегка наклоненной цветоножке в обеих рукописях имеет одни и те же пропорции и удален на одинаковое расстояние от боковых границ заставки. Чашечку цветка и цветоложе художник изображает тремя мазками более светлого оттенка. Все отмеченные признаки присущи иллюминации двух рассматриваемых кодексов.

В итоге, на основе анализа почерка и художественного оформления рукописей Син. греч. 62 и Sinait. gr. 360 приходим к заключению, что они созданы двумя сотрудниками: писцом S, написавшем основной минускульный текст, маюскульные заглавия, колонтитулы и малые инициалы, и художником-орнаменталистом, который выполнил заставки и большие инициалы. С учетом сопоставления кодикологических данных можно сформулировать вывод о том, что обе рукописи создавались по одному проекту в условиях одной мастерской.

Можно ли уточнить время работы над этим проектом и связать его с одним из известных книгописных центров X в.? Для решения этого вопроса обратим внимание на рукопись Par. gr. 497 (Colbert. 499) (рис. 12)²⁶. В основной состав книги входят 27 Слов Василия Великого и Слово Григория Богослова на его кончину, написанные в два столбца одним писцом. Сборник содержит 40 тетрадей, 341 лл.: А–В+329. Листы с основным текстом разлинованы по типу 20C2²⁷, по 29–30 строк, чернила коричневые, заглавия написаны золотом поверх лилово-розовой краски. Минускул основного писца имеет тенденцию к легкому наклону вправо, подвешен к линии разлиновки, иногда стоит на ней или пронизан ею. К.М. Мазукки относит письмо к «типу Ефрема»²⁸, П. Орсини включил в перечень «неформализованного» минускула (Typologia 2).²⁹

Сборник Par. gr. 497 неоднократно привлекал внимание исследователей благодаря колофону на л. 321, написанному более светлыми чернилами, чем основной текст: «Ἐγράφη ἡ παροῦσα βιβλος. οἰκεῖται χειρὶ νικῆτα ἀ΄σπαθα(ριου) καὶ γεγονότος [δρουγγαρίου τοῦ πλοῖμου· ...άντου· ἀδελφοῦ] μιχαηλ πατρι(κιου) πραιποσίτου καὶ βέστου· γεγονότος (πρωτο)βεστιαρίου, νικηφόρου τοῦ φιλοχρίστου δεσπότη· ὄντος αὐτοῦ ἐν τῷ δεσμωτηρίῳ ἀφρικῆς· μηνὶ σεπτεμβρίῳ· ινδ(ικτιονος)

²⁶ URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84965501/f9.item.zoom> (дата обращения 17.03.2019).

²⁷ Répertoire de réglure dans les manuscrits grecs sur parchemin / Ed. J.-H. Sautel. [Bibliologia: Elementa ad librorum studia pertinentia. 13]. Turnhout, 1995. P. 388.

²⁸ Mazzucchi C.M. Venetus A e Ambr. B 114 sup. Due codici del medesimo copista e la loro storia // Aevum. 2012. Vol. 86. P. 417–456 (здесь: P. 420).

²⁹ См. Примеч. 16.

ι'· (καὶ) ἐπεδόθη ἐν τῷ ναῶι τοῦ [ἁγίου ἐνδόξου μ(ε)γ(α)λ(ο)μάρτ(υ)ρ(ος) γεωργίου τ(ου) ὁρίατου πλησί(ν) θεομόρφ(ου) (?)] ἐν ἔτει ζυοθ' · ινδ ιδ.» Приведем здесь дословный перевод этой записи: «Эта книга собственноручно написана протоспафарием Никитой, бывшего [друнгарием флота ... , братом] патрикия Михаила — препозита и веста, бывшего протовестиарием христолюбивого владыки Никифора, когда он был в плену в Африке, в месяце сентябре, 10 индикта; и была вложена в храм [святого славного великомученика Георгия Ориата близ Теоморфу], в лето 6479, 14 индикта»³⁰. Первая из указанных дат определяется как 966 г., вторая как 970 г. Братья Никита и Михаил, а также упомянутые в колофоне обстоятельство известны в изложении Льва Диякона³¹. Протоспафарий Никита, поставленный императором Никифором II Фокой во главе флотилии и посланный в Сицилию, чтобы отвоевать ее у арабов, был пленен, передан халифу аль-Муиззу в Африку, где провел около двух лет в городе Мехедия³². Затем в обмен на богатые дары, отправленные императором халифу, он был освобожден и вернулся в 967 г. в Константинополь.

Несмотря на свидетельства исторических источников, в интерпретации сведений колофона имеются расхождения. А. Омон опубликовал рукопись с первой из указанных дат (966 г.)³³, затем со второй, упомянув, что в колофоне имеется поздняя правка по счищенному тексту³⁴. К. и С. Лэйки приводят вторую дату (970 г.) и отмечают, что колофон написан рукой основного каллиграфа, но немного ретуширован, а некоторые слова добавлены второй рукой³⁵. М. Фогель и В. Гардтхаузен полагают, что до конца не ясно, на кого указывает колофон: на писца, на императора Никифора или на патрикия Михаила³⁶. Считается, что по возвращении в столицу, Никита вложил рукопись в храм Георгия Ориата близ Теоморфу во исполнение обета, однако это место не было установлено³⁷. Кроме того, в одном случае высказано предположение, что писец *Par. gr. 497*, протоспафарий Никита, определенный как Ἀβαλάντης, был заказчиком так называемой Библии Никиты³⁸, а в другом выражено несогласие с возможностью такой идентификации³⁹.

³⁰ В квадратных скобках приведена правка текста.

³¹ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C.B. Hase. [Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 30]. Bonn, 1828. IV, 7:43–49, 8:50; V, 1:3–4.

³² Schlumberger G. Ὁ αὐτοκράτωρ Νικηφόρος Φωκᾶς / Μετ. Ι. Λαμπρίδου. Ἀθήναι, 1905. Σ. 531–533.

³³ Omont H. Facsimiles des manuscrits grecs dates du IX au XVI s. Paris, 1891. P. 2. Pl. VI; См. также: Lefort L.T., Cochez J. Album palaeographicum codicum Graecorum minusculis litteris saec. IX et X certo tempore scriptorum. Accedunt quaedam exempla codicum saec. XI–XVI. Leuven, 1932. No 39, 84.

³⁴ Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale et des autres bibliothèques de Paris et des Départements, Paris, 1886–1898. P. 59–60.

³⁵ Lake K., Lake S. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. T. IV. Part 1. Boston, 1935. Ms 140. P. 10. Pl. 239–240.

³⁶ Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance [Zentralblatt für Bibliothekswesen. Beiheft 33]. Leipzig, 1909 (repr.: Hildesheim, 1966). S. 336. Anm. 4.

³⁷ Ευαγγελάτου-Νοταρά Φ. Σημειώματα ἑλληνικῶν κωδίκων ὡς πηγὴ διὰ τὴν ἔρευναν τοῦ οἰκονομικοῦ καὶ κοινωνικοῦ βίου τοῦ Βυζαντίου ἀπὸ τοῦ 9ου αἰῶνος μέχρι τοῦ 1204. Ἀθήναι, 1982. Σ. 133.

³⁸ Gamillscheg E., Harlfinger D., Hunger H. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil: Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachträge zu den Bibliotheken Großbritanniens. Wien, 1989. No 414.

³⁹ Belting H., Cavallo G. Die Bibel des Niketas. Wiesbaden, 1979. P. 27. N. 122 (с ошибкой в шифре *Par. gr.* 464).

Во всех публикациях колофона его почерк либо отождествлен с писцом основного текста, т. е. с протоспафарием Никитой, либо этот вопрос не рассматривается. Однако при непосредственной работе с рукописью становится очевидным, что колофон написан другой рукой (рис. 13). Письмо колофона отличается большей слитностью и округлостью букв, нежели «рыхлое» письмо Никиты. Важно, что писец колофона употребляет шесть раз *iota adscriptum* даже в столь коротком тексте, в то время как Никита не использует ее вовсе. С этими наблюдениями согласуется то, что в колофоне речь ведется в третьем лице. Иными словами, колофон был добавлен в конце сборника, чтобы изложить историю его создания («в узилище», и сообщить, что его написал патрикий Никита «собственноручно»). Кто же мог оставить эту важную приписку в конце рукописи?

По нашему мнению, в работе над парижским списком принимали участие те же сотрудники (писец и художник), которые создали сборники Син. греч. 62 и Sinait. gr. 360. В заглавиях Слов Василия Великого в Par. gr. 407 (написанных золотом по лилово-розовой краске как в Син. греч. 62) находим все упомянутые выше признаки маюскульного письма писца S: *бета* с горизонтальным верхним штрихом и остроугольными верхним и нижним элементами, выступающая прямоугольная *гамма* с почти равными по длине сторонами, *дельта* и *лямбда* с занесенным влево и загнутым вниз верхним элементом, эллипсоидная *сигма* с крупным «затылком», использование *iota adscriptum*, обе формы сокращения *ка*ι, а также проставленные в конце заглавий значки в виде крестиков и волнистых штрихов. Не менее убедительно выглядит сопоставление колонтитулов, особенно в Син. греч. 62 и Par. gr. 497, где они даны в одинаковом сокращении Λόγο(ς) со следующими особенностями начертания: аналогичная форма острого ударения в виде галочки; две бусины на конце перекладки у *гаммы*; *омикрон* в виде едва заметного кружочка над *гаммой*; штрих в виде запятой в конце сокращения и две крупные точки, стоящие перед колонтитулом.

В минускульном письме колофона отметим слияние лигатуры *сигма-тау* с сокращением *омикрон-упсилон* с каплевидной *сигмой* и округлой перекладной у *тау* (рис. 13, 4-я строка сверху). Аналогичное начертание находим в Sinait. gr. 360, л. 312, 2-й столбец, 1-я строка снизу⁴⁰. Писец колофона в лигатуре *эпсилон-сигма* тесно смыкает эти буквы, ставя *сигму* немного ниже и накрывая ее резким горизонтальным штрихом (строки 7, 9, 11), а в слове βέστω — *эпсилон* лишь соприкасается с *сигмой*, которая переходит в округлую перекладную *тау* (6-я строка). Первое начертание используется повсеместно в обоих сборниках, второе см. в Sinait. gr. 360, л. 183, 1-й столбец, 6-я строка сверху; л. 207 об., 1-й столбец, 2-я строка снизу⁴¹.

Художественное оформление Par. gr. 497 состоит из ленточных заставок с золотыми и голубыми полосами и инициалами «эмальерного типа»⁴². Заставки

⁴⁰ URL: <https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279380058-ms/?sp=321\&r=0.496,0.344,0.429,0.249,0>; дата обращения 31.03.2019.

⁴¹ URL: <https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279380058-ms/?sp=190\&r=0.406,0.108,0.442,0.257,0> и URL: <https://www.loc.gov/resource/amedmonastery.00279380058-ms/?sp=215\&r=0.234,0.155,0.151,0.088,0>; дата обращения 31.03.2019.

⁴² Подробно о различии орнамента лепесткового стиля и эмальерного типа см.: Добрынина Э.Н. О термине «эмальерный стиль» в истории византийской книжной орнаментики X–XII вв. // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и

отличаются от «П»-образных заставок лепесткового стиля, но инициалы в трех сборниках выдают руку одного художника. Они имеют аналогичные пропорции (например, широко разнесенные перекладыны *хи* и опоры у *пи*), составлены из однотипных мотивов (нанизанные на ствол квадрифолии и кольца) и содержат детали, присущие только этому мастеру: широкие вогнутые штрихи в основаниях опор; отростки с листочком на конце; пальметты с изогнутым штрихом в вершинах *альфы*, *дельты* и *йоты*; крупный квадрифолий в середине *хи* и «узлы» на концах перекладын с мягкими, как бы оплывающими очертаниями. На полях *Par. gr.* 497, л. 159 об. как и в *Син. греч.* 62 лилово-розовой краской слева от больших инициалов проставлены репрезентанты. Наличие в *Par. gr.* 497 заставок-полос, в отличие от «П»-образных в синодальной и синайской рукописях, объясняется историей парижского кодекса, а именно тем, что изначально он создавался обособленно от серии столичных патристических сборников. Парижский список имеет существенные кодикологические отличия, и поскольку эта рукопись не входила в серию, то и не было необходимости украшать ее сходными заставками. Однако одна деталь все же связывает орнамент в *Par. gr.* 497 и в двух других сборниках: на л. 1 в середине заставки-полосы помещен тот самый мотив крина в профиль с волнистым штрихом, который в полной мере выдает манеру этого художника⁴³.

Итак, если обе наши идентификации верны, и в работе над сборником *Par. gr.* 497 принимали участие писец и художник синодальной и синайской рукописей, то какова последовательность их работы? Как следует из колофона, протоспафарий Никита написал сборник Слов Василия Великого за время своего пребывания в плену в Африке и привез его в столицу после своего освобождения. Остается догадываться, как и где ему удалось приобрести для этой работы 39 полных тетрадей с листами *in folio*, необходимые писчие материалы, а главное, образец для копирования. Предположим, что столь благоприятными были условия его содержания в плену. Однако этот сборник не мог быть украшен живописью и оформлен хризографией (заглавия и колонтитулы) в городе Хемедия теми же мастерами, которые работали над двумя другими рукописями — *Син. греч.* 62 и *Sinait. gr.* 360, по-видимому, в столице. Он был создан независимо от упомянутого «проекта» по личному желанию и замыслу Никиты, а после возвращения в столицу отдан в книгописную мастерскую для завершающих работ — хризографии и иллюминации. Выполнив свою работу (заглавия и колонтитулы), писец S оставил в конце книги колофон, в котором изложил все обстоятельства ее создания в третьем лице. Сделал он это, главным образом, для того, чтобы упомянуть о вкладе книги в некий храм в 970 г.

Следует обратить внимание на тот факт, что вклад рукописи должен был произойти вскоре после убийства Никифора II Фоки 11 декабря 969 г. Иоанном Цимисхием, его племянником и преемником на императорском троне (969–976). Следовательно, в колофоне намеренно описаны исторические события недавне-

---

славянских рукописей и документов: Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, сост. Д.Н. Рамазанова. М., 2013. С. 83–93.

⁴³ URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84965501/f13.item.zoom>; дата обращения 31.03.2019.

го прошлого, но не упомянут действующий властитель. Кроме того, в колофоне отсутствует традиционная и почти обязательная в таких случаях формула с прошением о помине души вкладчика или писца. Возможно, такая формула и была написана на подобающем месте, т. е. после названия храма на двух соскобленных строках. В любом случае, в посвяtitельной записи приводится не только имя писца рукописи, но и его брата, с подробным перечислением должностей этих придворных вельмож — соратников христоролюбивого императора, только что предательски лишенного власти и жизни. Не исключено, что вкладчиками являются оба названных патрикия — Никита и Михаил, его сподвижники, чья дальнейшая судьба пока не известна. Однако известно, что некоторое время спустя назначение вклада было изменено и текст колофона скорректирован.

Сейчас затруднительно установить, какой именно храм был указан в первоначальном тексте колофона и заменен на храм св. Георгия τοῦ Ὁριάτου близ Теоморфу. Во всех публикациях парижской рукописи этот топоним сопровождается вопросительным знаком. В издании колофонов греческих рукописей 1982 г. местонахождение храма также не определено, но лишь указано, что его нет среди известных столичных построек⁴⁴. Однако рукопись была вложена вовсе не в столичный храм: монастырь св. вмч. Георгия Ригати (Ὁριάτη) является экзархатом Иерусалимского патриархата (метох Святого Гроба) и находится в Морфской епархии в сорока километрах от местности Кира на севере Кипра. Этот монастырь был основан в городе-государстве Теоморфу (ныне Морфу) в правление Никифора II Фоки, изгнавшего арабов с Кипра в 964 г. Не потому ли кодекс, собственноручно написанный одним из полководцев Никифора II Фоки, и в котором упомянут сам христоролюбивый император, был отправлен на Кипр, где им была одержана победа, и вложен в недавно основанный им монастырь?

Со времени основания в X в. монастырь существовал до 1974 г., а в настоящее время разрушен⁴⁵. В.Г. Григорович-Барский посетил его в 1735 г. и описал свое десятидневное пребывание в нем⁴⁶. Рукопись Pap. gr. 497 находилась в этой обители долгие годы, что следует из позднейшей записи на л. 329 об., ранее не публиковавшейся: «τοῦτω το βῶϊβηλη συγγενη (?) τοῦ ἀγιοῦ καὶ μαγάλωματος γεωργιοῦ» (в орфографии оригинала)⁴⁷. Дополнение кодекса последней 40-й тетрадью (л. 322–327), скорее всего, было связано с ремонтом переплета, установкой защитных л. А–В, 328–329, происходящих из агиографического сборника XI в., и проставления общего ряда сигнатур. В результате рукопись была дополнена Словом о святых мучениках Иоанна Златоуста (CPG 4365; BHG 1188–1188aa), что соответствовало ее местонахождению в храме великомученика Георгия. Текст на л. 322–327 написан в один столбец минускулом X в., который отличается как от почерка Никиты, так и от писца S. Для этих работ, которые выполнялись,

⁴⁴ *Εναγγέλιον-Νοταρᾶ Φ. Σημειώματα...* Σ. 85. Σημ. 669.

⁴⁵ *Παπαγεωργίου Α. Γεωργίου Αγίου Ρηγάτη εκκλησία // Μεγάλη Κυπριακή Ἐγκυκλοπαίδεια*. 4. 1986. Σ. 54; *Χατζηψάλτης Κ. Προσωπογραφικά — Τοπωνυμικά — Μοναστηριακά // Ἐπετηρίδα Κέντρου Μελετῶν Ἱερᾶς Μονῆς Κύκκου*. 2. 1993. Σ. 245–256.

⁴⁶ Странствования Василия Григорьевича Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы православным палестинским обществом по подлинной рукописи под редакцией Николая Барсукова. Часть 2. СПб., 1886. С. 256–258.

⁴⁷ Об особенностях кипрского стиля письма см.: Canart P. Un style d'écriture livresque dans les manuscrits chypriotes du XIVe siècle: la Chypriote «bouclée» // *La Paléographie grecque et byzantine (Colloque international du CNRS, Paris, 21–25 octobre 1974)*. Paris, 1977. P. 303–321.

по-видимому, на Кипре в XIV в. использовали находившуюся там рукопись, пришедшую в негодность⁴⁸. Из дальнейшей истории парижского сборника известно, что в 1676 г. он поступил в коллекцию Жан-Батиста Кольбера (1619–1683)⁴⁹. Теперь с большой долей вероятности можно установить, что его привезли с Кипра вместе с другими рукописями этого собрания⁵⁰.

Таким образом, сделанные наблюдения приводят к следующим выводам. Две рукописи — Слова Григория Богослова Син. греч. 62 (Влад. 145) и Гомилии Иоанна Златоуста Sinait. gr. 360 — были созданы одним писцом и украшены одним художником для одного «издания» или «серии» творений отцов церкви. Работа выполнялась в конце 60-х или в начале 70-х гг. X в., скорее всего, придворными мастерами, поскольку они же участвовали в окончательном оформлении Слов Василия Великого Par. gr. 497, который был переписан и привезен в византийскую столицу патриkiem Никитой. Сотрудничество этих мастеров и три созданные ими рукописи формируют представление о «круге протоспафария Никиты». Приведенные в колофоне Par. gr. 497 даты следует отнести к разным частям сборника: 966 г. к основному тексту (автографу Никиты), а 970 г. — ко времени завершения работы художника и писца S (автора колофона).

Добрынина Элина Николаевна

Старший научный сотрудник
Государственный институт искусствознания
Козицкий переулок, д. 5
125009 Москва

Электронная почта: edobrynina@mail.ru

---

⁴⁸ О предполагаемом количестве такого материала можно судить хотя бы по перечню греческих рукописей, вывезенных с Кипра в XVII в.: *Darrouzès J. Les manuscrits originaux de Chypre à la Bibliothèque Nationale de Paris* // REB. T. 8. 1950. P. 162–196.

⁴⁹ *Jackson D. The Colbert Greek Library from 1676 to 1678* // *Codices manuscripti*. 73–74. 2010. P. 43–57 (здесь: P. 47).

⁵⁰ Кодекс Par. gr. 497 не упомянут в исследовании: *Darrouzès J. Les manuscrits originaux de Chypre...*

Elina DOBRYNINA

**GREEK MANUSCRIPTS
FROM THE “CIRCLE OF PROTOSPATHARIOS NIKETAS”
CIRCA 970 AD**

Abstract: The article presents a handwriting analysis of two Greek patristic miscellanies: the Orations of Gregory the Theologian Mosq. Synod. gr. 62 (Vlad. 145) and Homilies of John Chrysostom Sinait. gr. 360. It is concluded that the main minuscule text, majuscule titles, headings and running titles in both codices can be ascribed to a single hand (scribe *S*), and the decoration to a single artist. Scribe *S* is identified with the scribe responsible for the colophon of 970, as well as the running titles and titles in the miscellany Orations of Basil the Great Par. gr. 497, the main text of which was copied by protospatharios Niketas in the year 966. The artist of the Synodal and Sinai miscellanies also produced the illumination in Par. gr. 497. As a result of this research we established that the three manuscripts are linked to one scriptorium, probably a court workshop, while a date of circa 970 was ascribed to Sinait. gr. 360 and Synod. gr. 62. Based on the study of the colophon on f. 321v and the inscription on f. 329v in Par. gr. 497, assumptions were made on the donation to and subsequent presence of this manuscript in the monastery of Great Martyr Saint George, Agios Georgios Oriatos (Rigati) in Morphou, Cyprus.

Keywords: Greek manuscripts, Greek palaeography, Byzantine ornament, petal style.

Literature Cited

- Agati, M.L. *La minuscola “bouletée”*, pref. di P. Canart. [Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica. Littera Antiqua. 9/1–2]. Vol. 1–2. Città del Vaticano, 1992.
- Andrist, P. “Genavensis gr. 30. Un manuscrit d’Ephrem dans la bibliotheque de Theodose IV Princeps?” *Scriptorium* 52 (1998). P. 12–36.
- Belting, H., and Cavallo, G. *Die Bibel des Niketas*. Wiesbaden, 1979.
- Bruni, A.M. *Theologos. Drevneslavianskie kodeksy Slov Grigoriia Nazianzina i ikh vizantiiskie prototipy [Theologos. Old Slavic Codices of the Homilies by Gregory Nazianzenus and Their Byzantine Prototypes]*. Moscow, Saint-Petersburg, 2004 (in Russian).
- Canart, P. “Un style d’écriture livresque dans les manuscrits chypriotes du XIVe siècle: la Chypriote «bouclée».” *La Paléographie grecque et byzantine (Colloque international du CNRS, Paris, 21–25 octobre 1974)*. Paris, 1977. P. 303–321.
- Chatzipsaltis, K. “Prosōpografika — Topōnymika — Monastēriaka.” *Epetērida Kentrou Meletōn Hieras Monēs Kykkou* 2 (1993). P. 245–256 (in Greek).
- Clark, K.W. *Checklist of manuscripts in St. Catherine’s monastery*. Washington, 1952.
- Darrouzès, J. “Les manuscrits originaux de Chypre à la Bibliothèque Nationale de Paris.” *Revue des études byzantines* 8 (1950). P. 162–196.

- Dobrynina, E. "Unknown 'Stile Blu' Manuscripts of the Tenth and Eleventh Centuries in Russian Collections." *Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque (Drama, 21–27 septembre 2003)*, eds. B. Atsalos, N. Tsironis. Vol. 2. Athens: Hellēnike Hetaireia Vivliodesias, 2008. P. 483–484.
- Dobrynina, E. "Unknown 'Stile Blu' Manuscripts of the Tenth and Eleventh Centuries in Russian Collections." *Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque (Drama, 21–27 septembre 2003)*, eds. B. Atsalos, N. Tsironis. Vol. 3. Athens: Hellēnike Hetaireia Vivliodesias, 2008. P. 1174–1173.
- Dobrynina, E.N. "Colophons and Running Titles: On New Terminology in Describing Greek Manuscripts of the Ninth–Tenth Centuries." In *Greek Manuscript Cataloguing: Past, Present, and Future* (Bibliologia: elementa ad librorum studia pertinentia 48), eds. P. Degni, P. Eleuteri, and M. Maniaci. Turnhout: Brepols, 2018. P. 239–251.
- Dobrynina, E.N. "Gruppa rukopisei «perepischika Zlatoust» kontsa IX — nachala X vekov (k kharakteristike perekhodnogo perioda v vizantiiskoi knizhnoi dekoratsii)." [Manuscripts of "Chrysostom" Scribe of the Turn of the 9th — 10th Centuries (A Characteristic of the Transition Period in Byzantine Book Illumination)]. In *Monfokon. Issledovaniia po paleografii, kodikologii i diplomatike*, ed. B.L. Fonkich. Vol. 1. Mjscow, 2008. P. 94–115 (in Russian).
- Dobrynina, E.N. "Illuminated manuscripts from the Family of the *Hippiatrika* Codex (Berlin, Staatsbibliothek, Phillippis 1538)." *Scripta & e-Scripta. Journal of Interdisciplinary Mediaeval Studies* 14–15 (2015). P. 365–372.
- Dobrynina, E.N. "O termine emal'ernyi stil' v istorii vizantiiskoi knizhnoi ornamentiki X–XII vv." [On the Terminology 'Enameled Style' in the History of Byzantine Book Illumination of the 10th–12th Centuries]. In *Paleografiya, kodikologiya, diplomatika: Sovremennyyi opyt issledovaniya grecheskikh, latinskikh i slavyanskikh rukopisei i dokumentov: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v chest 75-letiya doktora istoricheskikh nauk, chlena-korrespondenta Afinskoi Akademii B.L. Fonkicha. Moskva, 27–28 fevralya 2013 g.*, eds. I.G. Konovalova, and D.N. Ramazanova. Moscow, 2013. P. 83–93 (in Russian).
- Dobrynina, E.N. "Pisets Nikolai monakh kak khudozhnik: po rukopisiam nachala X v. GIM, Sin. gr. 96 i Afiny, gr. 2651, proiskhodyashchim s ostrova Khalki [Scribe Nikolaos as Artist: the Manuscripts of the Beginning of the 10th Century Mosq. Synod. gr. 96 and Athens, gr. 2651 Originated from the Island Chalki]." In *Vizantiiskii mir: iskusstvo Konstantinopolya i natsionalnye traditsii. K 2000-letiyu khristianstva. Pamyati Olgi Ilinichny Podobedovoi (1912–1999)*, ed. M.A. Orlova. Moscow, 2005. P. 123–132 (in Russian).
- Dobrynina, E.N. "Two Manuscripts by a 'Master of the Arabesque Style' (Moscow, Syn. gr. 63 and Wien, Theol. gr. 240)." In *Srednevekoveye knizhnye tsentry: mestnye traditsii i mezhregional'nye svyazi. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 5–7 sentiabria 2005 g. 5 (Chrysograph, vol. 3)*, ed. E.N. Dobrynina. Moscow: Scanrus, 2009. P. 42–61 (in Russian).
- Dobrynina, E.N. *Corpus of Greek Illuminated Manuscripts in Russian Collections*. Vol. 1. Part 1. Moscow: Scanrus, 2013. P. 18–31 (in Russian).
- Euangelatou-Notara, F. *Sēmeiōmata hellēnikōn kōdikōn hōs pēgē dia tēn ereunan tou oikonomikou kai koinōnikou biou tou Byzantiou apo toy 9ou aiōnos mehri tou 1204*. Athens, 1982 (in Greek).
- Fonkich, B.L. *Grechesko-russkie kulturnye svyazi v XV–XVII vv. (Grecheskie rukopisi v Rossii) [Greek-Russian Cultural Relations in 15th–17th Centuries (Greek Manuscripts Kept in Russia)]*. Moscow, 1977 (in Russian).
- Fonkich, B.L., and Polyakov, F.B. *Grecheskie rukopisi Sinodalnoi biblioteki: Paleograficheskie, kodikologicheskie i bibliograficheskie dopolneniia k katalogu arkhimandrita Vladimira (Filantropova) [Greek manuscripts of the Moscow Synodal Library: Paleographic, Codicological and Bibliographical Additions to the Catalogue of Archimandrite Vladimir (Filantropov)]*. Moscow: Sinodalnaya biblioteka Publ., 1993 (in Russian).

- Gamillscheg, E., Harlfinger, D., and Hunger, H. *Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600*. Part 2. Wien, 1989.
- Hutter, I. “Decorative Systems in Byzantine Manuscripts, and the Scribe as Artist: Evidence from Manuscripts in Oxford.” *Word & Image* 12, issue (1996). P. 4–22.
- Jackson, D. “The Colbert Greek Library from 1676 to 1678.” *Codices manuscripti* 73–74 (2010). P. 43–57.
- Kamil, M. *Catalogue of all Manuscripts in the Monastery of St Catherine*. Wiesbaden, 1970.
- Kavrus, N.F. “«Almaznoe» pismo v grecheskikh rukopisyakh Moskvyy i Leningrada [Ecriture boultée in Greek manuscripts of Moscow and Leningrad].” *Vizantiiskii vremennik* 47 (1986). P. 197–198 (in Russian).
- Kavrus, N.F. *Knigopisnye masterskie Konstantinopolia IX–X vekov [Constantinopolitan scriptoria in the 9th–10th centuries. PhD thesis]*. Moscow, 1983 (in Russian).
- Lake, K., and Lake, S. *Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200*. Vol. 4. Part 1. Boston, 1935.
- Lefort, L.T., and Cochez, J. *Album palaeographicum codicum Graecorum minusculis litteris saec. IX et X certo tempore scriptorum. Accedunt quaedam exempla codicum saec. XI–XVI*. Leuven, 1932.
- Madigan, S.P. “Three Manuscripts by the ‘Chrysostom Initialer’: the Scribe as Artist in Tenth-century Constantinople.” *Scriptorium* 41 (1987). P. 205–220.
- Mazzucchi, C.M. “Venetus A e Ambr. B 114 sup. Due codici del medesimo copista e la loro storia.” *Aevum* 86 (2012). P. 417–456.
- Mossay, I., ed. *Repertorium Nazianzenum. Orationes. Textus Graecus. 3: Codices Belgii, Bulgariae, Constantinopolis, Germaniae, Graeciae (Pars prior), Helvetiae, Hiberinae, Hollandiae, Poloniae, Russiarum, candinauiae, Ucrainae et codex uagus. (Forschungen zu Gregor von Nazianz 10)*. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1993.
- Orsini, P. “Minuscole greche informali del X secolo.” In *Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque (Drama, 21–27 septembre 2003)*, eds. B. Atsalos, N. Tsironis. Athens: Hellēnike Hetaireia Vivliodesias, 2008. P. 61.
- Papageorgiou, A. “Geōrgiou Rēgatē ekklēsia.” In *Megalē Kypriakē Egkyklopaideia* 4 (1986). P. 54.
- Sajdak, J. *Historia critica scholiastarum et commentatorum Gregorii Nazianzeni I (Meletemata patristica, I)*. Kraków, 1914. P. 166–174.
- Sautel, J.-H., ed. *Répertoire de réglure dans les manuscrits grecs sur parchemin (Bibliologia: Elementa ad librorum studia pertinentia. 13)*. Turnhout: Brepols, 1995.
- Weitzmann, K. *Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts (Archäologisches Institut des Deutschen Reiches, Abteilung Istanbul)*. Wien, 1996. P. 22–26.
- Weitzmann, K., and Galavaris, G. *The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: The Illuminated Greek Manuscripts, I: From the Ninth to the Twelfth Century*. Princeton (N.J.), 1990.

Elina DOBRYNINA

Senior Researcher
State Institute for Art Studies
Kozitskiy pereulok, 5
125009 Moscow
e-mail: edobrynina@mail.ru

О.С. Попова

ГРЕЧЕСКОЕ ЧЕТВЕРОВЕАНГЕЛИЕ В ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ (COISLIN GR. 21)

Аннотация: Евангелие Coislin 21 из Национальной библиотеки Франции в Париже украшено таблицами канонов и миниатюрами с изображениями евангелистов, которые до сих пор не были предметом искусствоведческого исследования. Эту рукопись исследователи ранее относили к XII в. В данной статье проводится стилистический анализ ее художественного оформления, которое рассматривается в контексте раннекомниновского искусства второй половины XI в. Особенно близкими миниатюрам этой рукописи автор считает изображения евангелистов из другого греческого Евангелия в той же библиотеке, грес 189.

Ключевые слова: византийская миниатюра, иллюстрированные рукописи, византийская живопись XI в., Четвероевангелие, Coislin 21, Национальная библиотека Франции.

Греческое Четвероевангелие Coislin 21 в Национальной библиотеке Франции в Париже¹ представляет собой крупный и чрезвычайно эффектный кодекс второй половины XI в., содержащий 357 лл. размером 310 x 240 мм. Листы манускрипта, начиная с л. 23, с трех сторон вокруг текста исписаны толкованиями.

Рукопись обладает целым рядом художественных элементов: восемь таблиц канонов с разнообразным птичьим миром наверху над триумфальными арками; большое количество заставок перед текстами Евангелий, предисловия, оглавления; наконец, четыре крупные портрета евангелистов, каждый из которых обрамлен орнаментированной рамой² (Рис. 1–6).

Рукопись выглядит как один из лучших экземпляров византийской иллюстрированной книги XI в., почти всегда отличающейся великолепием и изысканностью художественного убранства. Кроме того, листам с миниатюрами в этой рукописи свойственен некий особый оттенок как будто светского характера: кажется, что украшающие их детали пришли из каких-то роскошных дворцовых покоев. Вверху каждой композиции, охватывая ее целиком, простирается занавес, имеющий крепления в трех точках (в центре и по краям) и спускающийся

¹ *Bordier H.* Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1883. No LIX. P. 172–173; *Omout H.* Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1929. P. 47. Pl. LXXXIII; *Devreesse R.* Bibliothèque Nationale. Catalogue des manuscrits grecs, II. Le fonds Coislin. Paris, 1945. P. 17–18; *Byzance et la France médiévale.* Paris, 1958. No 20. P. 13; *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. Т. 1. С. 89, 221, прим. 7.

² *Omout H.* Miniatures des plus anciens manuscrits... Pl. LXXXIII; (цифровые фотографии рукописи доступны в электронной базе <http://mandragore.bnf.fr/jsp/rechercheExpert.e.jsp>)

с боков вниз эффектными фалдами. Крепления бывают самые разные: человеческие, львиные и всевозможные звериные маски; собачьи головы с длинными шеями; руки, а иногда изогнутые крючки, на которых висят эти занавесы.

Мотив занавеса, простертого над сценой и свисающего с боков, — это, видимо, вариант темы византийского велума, имеющий несколько отличную от него, более театрализованную природу. Возможно, он наследует традиции архитектурных фонов в миниатюре македонского времени, когда между декоративными тканями и зданиями были сложные связи, и ткани, как и архитектура, обрамляли и определяли пространство³. Такую роль они теперь потеряли и стали эффективным декоративным завершением композиций, придавая им слегка сценический характер.

Такой мотив занавеса, поднятого над сценой, встречается в рукописях XI в., хотя и не часто. Обычно он сопровождается рукописи с миниатюрами великолепными. Впрочем, закономерностей тут нет. Перечислим некоторые такие кодексы: Четвероевангелие cod. 2 из монастыря Ивирон на Афоне⁴; Четвероевангелие Vat. gr. 358 из Ватиканской библиотеки⁵; Евангельские чтения Vat. gr. 1156 оттуда же⁶; Четвероевангелие cod. Palat. 5 из Палатинской библиотеки в Парме⁷; Четвероевангелие gr. Z. 27 из Библиотеки Марциана в Венеции⁸ и многие другие.

Все орнаменты в рукописи представляют собой разнообразные вариации на темы византийского так называемого «лепесткового» узора, типичного или даже обычного для греческих кодексов XI в. Такой узор, состоящий из комбинации лепестков чаще всего ярко синего, похожего на эмаль цвета, получивший в работах К. Вайцмана название *Blütenblattstiel*, широко использовался в греческих рукописях с X в., а в XI в. приобрел характер почти обязательного элемента в убранстве художественно украшенных кодексов⁹.

³ Например, некоторые миниатюры в Минологии Василия II. См.: El «Menologio» de Basilio II, emperador de Bizancio (Vat. gr. 1613) [Codices e Vaticanis selecti, Series maior No LXIV]. Madrid, 2005. P. 29, 88, 94, 116, 177, 192, 226 и др.

⁴ Pelekanidis S.M., Christou P.C., Tsioumis C., Kadas S.N. The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts. Vol. 2. Athens, 1975. P. 295, 296, figs. 9, 10; The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261 / Ed. by H.C. Evans and W.D. Wixom. N.Y., 1997. No. 45. P. 92; Galavaris G. Holy Monastery of Iveron. The Illuminated Manuscripts. Mount Athos, 2002.

⁵ I vangeli dei popoli: la parola e l'immagine del Cristo nelle culture e nella storia. Mostra, Città del Vaticano, Palazzo della Cancelleria, 21 giugno — 10 dicembre 2000 / A cura di F. D' Aiuto, G. Morello, A.M. Piazzoni. Città del Vaticano, 2000. N. 53. P. 242–244.

⁶ Dolezal M.-L. The Middle Byzantine Lectionary: Textual and Pictorial Expression of Liturgical Ritual. University of Chicago, 1991 (Unpublished Ph.D. thesis). P. 218–303; I vangeli dei popoli... No 54. P. 244–248; Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А. Византийская миниатюра второй половины X — начала XII в. М., 2012. С. 91, 94–99, ил. 68, 69, 71.

⁷ I manoscritti greci della Biblioteca Palatina di Parma / A cura di P. Eleuteri. Milano, 1993 (Documenti sulle arti del libro, 17). P. 3–13; Byzantium 330–1453. Exhibition catalogue. Royal Academy of Arts, London, 25 October 2008–22 March 2009 / Ed. by R. Cormack and M. Vasilaki. L., 2009. No 211. P. 433; Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А. Византийская миниатюра... С. 402–422, ил. 372–375.

⁸ Oriente cristiano e santità: figure e storie di santi tra Bisanzio e l'Occidente / A cura di S. Gentile. Milano, 1998. P. 156, 159; Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А. Византийская миниатюра... С. 91–94, ил. 66.

⁹ Weitzmann K. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. 2. Aufl. Wien, 1996. Bd. I. S. 22–32; Добрынина Э.Н. О термине «эмальерный стиль» в истории византийской книжной орнаментики X–XII вв. // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследо-

Такой орнамент, при всей своей типологической повторяемости и потому некоторой стандартности, играет в рукописях большую роль. Его эмалеподобная яркость придает листам, где он располагается, особый оттенок какого-то благородного великолепия. В парижской рукописи он заполняет десять таблиц канонов, состоящих из заставок с двойными арками, опирающихся на тоненькие, сплошь украшенные узорами колонки. Он покрывает также поверхности всех, прямоугольных или узких, разделителей текста во всех четырех Евангелиях. Все это придает кодексу особую изысканность, столь свойственную византийским рукописям второй половины XI в.

Таблицы канонов, кроме орнаментов с их переливающимися лепестковыми формами, имеют вверху, на своей крыше, занимательные сценки, где разные существа, в парижской рукописи всегда пернатые, подходят к сосудам с водой живой — источнику жизни. Этот мир, разнообразный, забавный и всегда веселящий душу привносит в рукописную книгу радостные ноты. В некоторых рукописях (например, в Четвероевангелии грес 64 из Национальной библиотеки в Париже¹⁰) эта тема обогрета столь искусно, с такой фантазией и изобретательностью мотивов, что становится одним из главных смысловых акцентов. В парижской рукописи Coislin 21 среди существ, подходящих к кувшинам, вазам и разным сосудам с водой живой, есть и утки, и птицы разных пород, и цапли, и тетерева, и петухи. Всех птиц специалисты и просто знатоки могли бы опознать по породам, так точно и натурально они изображены. Думаем, что при тщательном изучении этой темы, которое мы не могли осуществить, можно было бы сделать некоторые выводы о десятилетиях, когда были популярны в рукописях те или иные особи. Кажется, что такое разнообразие существ, как и всевозможных чаш с водой, было свойственно не раннему этапу второй половины XI в., когда подобные композиции были более разреженными¹¹, а скорее второй половине этого периода.

Все листы с миниатюрами в целом похожи, несмотря на то, что образы евангелистов в них разные. Все листы впечатляют нарядностью, красочностью, эффектностью. У них много общего: образы и предметы погружены в мерцающие золотые фоны, представленные как единая светонесущая среда. Нет даже линии пола или земли — только золотое пространство, ничем не ограниченное, представляющее собой бесконечный по глубине иррациональный фон. Немногие преобладающие в нем предметы составляют окружение евангелистов, изображенных за работой будто в писцовой мастерской. Все предметы традиционны и предстают в знакомом обличье: сидение и подножие для писца, столик с предметами,

---

вания греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия Б.Л. Фонкича. М., 2013. С. 83–93.

¹⁰ *Bordier H.* Description... No XVI. P. 103–106; *Omout H.* Miniatures des plus anciens manuscrits... P. 46. Pl. LXXXIV–LXXXVI; *Grabar A.* La peinture byzantine, étude historique et critique. Genève, 1953. P. 175–178; *Byzance et la France médiévale*. ... No 19. P. 12–13; *Лазарев В.Н.* История... С. 71, 215, прим. 63, ил. 117–119; *Byzance. L'art byzantine dans les collections publiques françaises.* Musée du Louvre, 3 novembre 1992–1er février 1993. Paris, 1992. No 268. P. 356–357; *Саминский А.Л.* Возникновение и назначение рукописи Национальной библиотеки в Париже грес 64 // *Московия: К 60-летию Б.Л. Фонкича.* М., 2001. Т. 1. С. 405–418; *Попова О.С., Захарова А.В., Орецакая И.А.* Византийская миниатюра... С. 389–393; URL: <http://visualiseur.bnf.fr/CadresFenetre?O=COMP-6&I=11&M=imagesseule> (дата обращения: 29.06.2018).

¹¹ Например, в Евангелии cod. 163 из Афин, см.: *Попова О.С.* На рубеже двух периодов византийского искусства XI в. Евангелие-апракос cod. 163 из Национальной библиотеки в Афинах // *Византийский временник.* 2014. Т. 73. С. 204–218.

необходимыми в скриптории, столб или — по традиции — дельфин, держащий пюпитр с кодексом на нем. Иногда видно то, что лежит на полках в столике. Например, у Иоанна в шкафчике — крупный кодекс, вероятно, уже изготовленный. Как уже говорилось, во всех сценах наверх поднят занавес, держащийся на петлях или масках. Каждая композиция обрамлена красивой рамой, одинаковой во всех листах. Иногда появляются какие-либо особые детали, нужные в мастерской. Например, у Марка рядом со столиком поставлен некий особый восьмигранный шкафчик, пригодный для того, чтобы держать большого толстого дельфина, на хвосте которого закреплен кодекс.

По общему облику эта рукопись похожа на манускрипт примерно этого же времени, Евангелие *cod. gr. 189* в парижской Национальной библиотеке¹². Оба манускрипта — *Coislin 21* и *gr. 189* — очень крупного размера. Оба оснащены обширными толкованиями на полях с трех сторон от текста. Оба украшены портретами евангелистов перед их текстами. В миниатюрах обоих — сплошные золотые фоны без выделения каких-либо зон. Но более всего миниатюры этих кодексов похожи каким-то общим сверканием. При этом портреты евангелистов все индивидуально разные, хотя некоторые переклички имеются. Особенно большое сходство — в образах Иоанна в той и другой рукописи (Рис. 6, 7). Можно сказать даже шире, что это вообще излюбленный образ евангелиста Иоанна в греческих рукописях второй половины XI в.¹³: благородное лицо с удлинненным овалом и огромным лбом; задумчивый самопогруженный облик; характерный для комниновского периода физиогномический тип с повторением всех примет — вплоть до формы носа, количества морщин на лбу и мест, где лежат световые блики в виде единичных белых отметин. Такие облики могут быть более напряженными и казаться более суровыми, как в рукописи *gres 189*, а могут быть более созерцательными, спокойными и выглядеть как портреты философов, как в рукописи *Coislin 21*.

Попробуем различить варианты такой типологии. Можно отметить конкретную, ставшую традиционной привязанность к определенному физиогномическому и психологическому типу лица, повторяющемуся во многих рукописях, иногда почти буквально или очень близко — именно таковы образы Иоанна в двух парижских рукописях (*gres 189* и *Coislin 21*). Но можно увидеть сходство другого рода, сходство, свойственное образам целой эпохи, обусловленное преимущественным выбором какого-то портретного типа. Для периода второй половины XI в. это именно такой тип — с вытянутым овалом лица, не имеющий ни малейшей простоватости, напротив, тип ученого человека, напоминающий интеллектуала и особенно философа. Подобная аристократическая типология была распространенной, в результате многие портреты евангелистов в рукописях

¹² *Bordier H.* Description... No LIX. P. 181–182 (дата — XII в.); *Omont H.* Miniatures des plus anciens manuscrits... P. 47. Pl. LXXXVIII–LXXXIX (дата — XII в.); *Byzance et la France médiévale...* No 38. P. 23; *Лазарев В.Н.* История... С. 224, прим. 51 (дата — XII в.); *Anderson J.C.* The New York Cruciform Lectionary. University Park, Pennsylvania, 1992. P. 93–94 (дата — первая половина XII в.); *Попова О.С.* Греческое Евангелие XI в. в Национальной библиотеке Франции (*cod. gr. 189*) // Византийский временник. 2018. Т. 102. С. 279–287 (дата — вторая половина XI в.).

¹³ В качестве примеров можно привести миниатюры таких рукописей как Евангелия из Национальной библиотеки Греции *cod. 163* и *cod. 57*; из ГИМ в Москве, Син. гр. 518 и Син. гр. 41; из РНБ в Санкт-Петербурге, греч. 72 и др. См.: *Попова О.С., Захарова А.В., Орецкая И.А.* Византийская миниатюра... С. 70–94, 236–332.

и даже мозаиках этих десятилетий (например, евангелист Иоанн — утраченная мозаика 1065–1067 г. в нартексе церкви Успения в Никее¹⁴) похожи. В парижском Евангелии грес 189 не только Иоанн, но и все другие персонажи наделены портретами подобного облика, некоторые из них — с особенно яркой выразительностью (Марк).

В то же время, в Евангелии Coislin 21 только один Иоанн принадлежит к такому типу. Остальные три евангелиста обладают иными обликами, некоторые черты которых напоминают создания второй четверти — середины XI в.: лица широкие, с преувеличено крупными чертами; у всех — большие расширенные глаза, без конкретного направления взгляда, несколько остановившиеся и потому более отрешенные. Обобщенности и сходства в них больше, чем портретной остроты. В типах лиц мало разнообразия; напротив, именно сходство усиливает выразительность образов.

Облик евангелиста Иоанна отличается от такой типологии не только поверхностно, внешне, но и весьма значительно. Возникает впечатление, что произошло рождение иного образа, в котором обобщенность интересует меньше, чем индивидуальность. Взгляды теперь всегда конкретные, часто острые; вместо округленной и укрупненной живописной поверхности художники стали стремиться к ее более тонкой проработанности, вскрывающей много нюансов в форме, в оттенках цвета; блики света лежат на лице сообразно пластике формы, как будто это естественный свет, удачно подчеркивающий ее структуру.

Все эти наблюдения относятся только к лицам, их типологии и их письму. Именно в лицах есть различия, свидетельствующие о происхождении образов из разных стилистических рядов. Возможно, мы несколько преувеличили эту разницу, но она существует. Она выявляет новый тип образа, характерный для комниновской эпохи, тип образованного византийского человека. Возможно, рождение такого типа произошло именно в эти десятилетия второй половины XI в. Облики персонажей в миниатюрах этого периода показывают этот процесс с наибольшей отчетливостью.

Мы не сравниваем, разумеется, ценность образов и типов позднемакедонской эпохи (второй четверти XI в.) и раннекомниновской (вторая половина XI в.). В каждом из них воплощены представления об определенной стороне византийской духовной и интеллектуальной жизни. Мы хотели только отметить их соседство, а временами — сменяемость.

Можно сказать, что в византийском искусстве где-то после середины XI в. характер образов значительно изменился, и от образности обобщенной, крайне строгой, монументальной перешли к совсем другой, смягченной, более индивидуальной и более «очеловеченной». Все это осуществлялось вместе с изменениями художественного стиля в целом и соответствующими им заметным изменениями типологии лиц. Во второй половине века в искусстве почти совершенно исчезают ширококостные, простоватые и при этом полные энергии и силы лица, характерные для произведений искусства позднемакедонской эпохи. Их типология соответствовала ценностям какого-то особого порядка, иным, чем во времена Комнинов. Рафинированная культура пришла после этого и воцарилась с династией Дук, а потом Комнинов. До этого утонченность для искусства не была

---

¹⁴ Лазарев В.Н. История византийской живописи... С. 92, ил. 266.

свойственна, гораздо больше ему была присуща простота и сила, придававшие ему характер общедоступный, близкий не кругу интеллектуалов, а широким слоям, и сделавший его популярным в монастырской среде¹⁵.

Все перемены, повороты, изменения стилей происходят в XI в. внутри устоявшихся византийских художественных ценностей. Осознавать такие перемены можно, всматриваясь в оттенки происходящих изменений. Их волнующийся многосоставный процесс и определяет живую жизнь византийского искусства. Одному из таких изменений, заметному в обликах персонажей, но отражающему важные перемены в общем художественном стиле эпохи, и посвящена эта статья.

В миниатюрах Евангелия Coislin 21 существуют рядом два типа образов, характерных для произведений двух периодов, — около середины XI в. и второй половины XI в. Это не значит, что рукопись возникла на границе этих этапов. Описанные здесь типологические признаки были широко распространены и могли использоваться одновременно на протяжении всей второй половины XI в. Как было отмечено, повторяемость типов образов и приемов исполнения сближает миниатюры этой рукописи с аналогичными страницами в Евангелии из Парижской библиотеки грес. 189. Наверное, оба манускрипта созданы близко по времени, во второй половине XI в., скорее всего не в начале этого периода, но ближе к его концу (возможно, в последней четверти XI в.). Однако, мы бы не хотели твердо связывать эти кодексы с определенными десятилетиями из-за слишком малого количества сохранившихся достоверных дат.

Попова Ольга Сигизмундовна

Доктор искусствоведения, профессор
Кафедра всеобщей истории искусства
Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4
119991 Москва

Электронная почта: popovy@mail.ru

---

¹⁵ Интересно отметить, что атмосфера жизни в те годы, когда создавались эти столь разные художественные произведения, была весьма различной. В первой половине XI в., особенно при Михаиле IV Пафлагенете (1034–1041), доминировали аскетические настроения: таков был вечно кающийся за свои грехи император (а грехи были велики: убийство его предшественника императора Романа III). Константин Мономах, последний император Македонской династии, был, судя по характеристикам историков, человеком не особенно образованным. Императоры следующей династии — Дуки, потом их родственники — Комнины, были в большинстве своем хорошо или даже превосходно образованными персонами и соответствовали той утонченной культуре, которая преобладала в Византии во второй половине XI в. См.: *Михаил Пселл. Хронография* / Перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. Москва, 1978; *Lemerle P. Cinq études sur le XIe siècle byzantin*. Paris, 1977; *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. Москва, 1977.

Olga POPOVA

THE GREEK FOUR GOSPELS AT THE NATIONAL LIBRARY OF FRANCE (COISLIN GR. 21)

Abstract: The Four Gospels Coislin 21 from the National Library of France in Paris is decorated with the ornamental canon tables and four full-page images of the Evangelists. It has not yet been the subject of art-historical research. Other scholars dated this manuscript to the 12th century. The present paper analyzes the style of miniatures and ornaments in this manuscript in the context of Early Comnenian art of the second half of the 11th century. Especially close to these miniatures are the images of the Evangelists in another Byzantine book of Gospels in the same library, grec 189.

Keywords: Byzantine miniature, illustrated manuscripts, Byzantine painting of the 11th century, Gospels, Par. Coislin 21, National Library of France.

Literature Cited

- D'Aiuto, F., Morello, G., and Piazzoni, A.M., eds. *I vangeli dei popoli: la parola e l'immagine del Cristo nelle culture e nella storia. Mostra, Città del Vaticano, Palazzo della Cancelleria, 21 giugno — 10 dicembre 2000*. Città del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 2000.
- Anderson, J.C. *The New York Cruciform Lectionary*. University Park, Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1992.
- Byzance et la France médiévale*. Paris: Bibliothèque Nationale, 1958.
- Byzance. L'art byzantine dans les collections publiques françaises. Musée du Louvre, 3 novembre 1992–1er février 1993*. Paris: Réunion des Musées Nationaux, 1992.
- Cormack, R., and Vasilaki, M., eds. *Byzantium 330–1453. Exhibition catalogue. Royal Academy of Arts, London, 25 October 2008–22 March 2009*. London: Royal Academy of Arts, 2009.
- Devreesse, R. *Bibliothèque Nationale. Catalogue des manuscrits grecs, II. Le fonds Coislin*. Paris: Imprimerie Nationale, 1945.
- Dobrynina, E.N. "O termine 'emal'ernyi stil' v istorii vizantiiskoi knizhnoi ornamentiki X–XII vv." [On the term 'emal'ernyi stil' in Byzantine book ornaments from the 10th to the 12th c.]. In *Paleografia, kodikologija, diplomatika. Sovremennyyi opyt issledovaniia grecheskikh, latinskikh i slavianskikh rukopisei i dokumentov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v chest' 75-letii B.L. Fonkicha* [Paleography, codicology, diplomatics. Modern essays in researching Greek, Latin and Slavic manuscripts and documents. Materials of the international scientific conference for the 75th anniversary of B.L. Fonkich]. Moscow: Institut Vseobschei Istorii RAN, 2013. P. 83–93 (in Russian).
- Dolezal, M.-L. *The Middle Byzantine Lectionary: Textual and Pictorial Expression of Liturgical Ritual*. University of Chicago, 1991 (Unpublished Ph.D. thesis).

- Eleuteri, P., ed. *I manoscritti greci della Biblioteca Palatina di Parma*. Milano: Il Polifilo, 1993 (Documenti sulle arti del libro, 17).
- El “Menologio” de Basilio II, emperador de Bizancio (Vat. gr. 1613) [Codices e Vaticanis selecti, Series maior LXIV]; Madrid: Biblioteca apostolica vaticana y Testimonio Compañía Editorial con la colaboración de Dicaonía Apostolica de la Iglesia de Grecia, 2005.
- Evans, H.C., and Wixom, W.D., eds. *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261*. New York: Metropolitan Museum, 1997.
- Galavaris, G. *Holy Monastery of Iveron. The Illuminated Manuscripts*. Mount Athos, 2002.
- Gentile, S., ed. *Oriente cristiano e santità: figure e storie di santi tra Bisanzio e l'Occidente*. Milano: Centro Tibaldi, 1998.
- Grabar, A. *La peinture byzantine, étude historique et critique*. Genève: Skira, 1953.
- Lazarev, V.N. *Storia della pittura bizantina*. Torino: Einaudi, 1967.
- Lemerle, P. *Cinq études sur le XIe siècle byzantin*. Paris: CNRS, 1977.
- Litavrin, G.G. *Vizantiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v X–XI vv. Problemy istorii odnogo stoletii: 976–1081 gg. [Byzantine society and state in the 10th — 11th centuries. Issues of history of one century: 976–1081]*. Moskva: Nauka, 1977 (in Russian).
- Michael Psellos. *Chronography*. Trans. by Ya.N. Lyubarskiy. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian).
- Omout, H. *Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale*. Paris: H Champion, 1929.
- Pelekanidis, S.M., Christou, P.C., Tsioumis, C., and Kadas, S.N. *The Treasures of Mount Athos. Illuminated Manuscripts*. Vol. 2. Athens: Ekdotike Athenon, 1975.
- Popova, O.S. “At the turn of two periods in Byzantine art around the middle of the 11th century: Lectionary cod. 163 in the National library of Athens.” *Vizantiyskiy Vremennik* 98 (2014). P. 204–218 (in Russian).
- Popova, O.S. “The Greek 11th century Four Gospels at the National library of France (cod. gr. 189).” *Vizantiyskiy Vremennik* 102 (2018). P. 279–287 (in Russian).
- Popova, O.S., Zakharova, A.V., and Oretskaia, I.A. *The Byzantine miniature from the second half of the 10th to early 12th century*. Moscow: Gamma-press, 2012 (in Russian).
- Saminskii, A.L. “Vozniknovenie i naznachenie rukopisi Natsional’noi biblioteki v Parizhe grec 64”. In *Moskoviya: K 60-letiiu B.L. Fonkicha [Muscovy: for the 60th anniversary of B.L. Fonkich]*. Moscow: Indrik, 2001. T. 1. P. 405–418 (in Russian).
- Weitzmann, K. *Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts*. 2nd ed. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1996.

Olga POPOVA

D. Sc. in Art History, professor
 Department of Universal Art History
 Lomonosov Moscow State University
 Faculty of History
 Lomonosovsky prospect, 27–4
 119991 Moscow
 e-mail: popovy@mail.ru

Я. Чехановец, Л.А. Беляев

ПАЛЕСТИНСКИЙ МУЗЕЙ АНТОНИНА КАПУСТИНА: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Аннотация: В статье делается попытка собрать воедино сведения о коллекциях, которые архимандрит Антонин (Капустин) составил во время руководства Русской Духовной миссией в Иерусалиме в 70–80-е гг. XIX в. Это большое и типичное для Святой Земли XIX в. собрание содержало памятники лапидарной эпиграфики, скульптуру, монеты и другие археологические предметы. Более всего в нем было вещей римского и византийского периодов. Часть этого собрания к настоящему времени оказалась в государственных музеях России и Израиля. Лучшие вещи идентифицированы и опубликованы. Часть предметов исчезла из коллекции, остальные сейчас недоступны для осмотра. Впрочем, фотографии и документы позволяют представить общий состав коллекции, создать род виртуальной описи. Развитие науки за более чем столетие допускает также атрибуцию предметов, включение их в историко-культурные контексты, выделение подделок. То, что часть вещей подробно не описаны и пока недоступны для анализа, не мешает общей оценке коллекции, которая в ее нынешнем виде не представляет серьезной научной ценности. Однако предметы могут быть полезны для организации выставок, а их анализ помог бы обучить новое поколение российских ученых, которые готовы принять участие в составлении подробного каталога.

Ключевые слова: изучение Ближнего Востока, Святая Земля, археология, эпиграфика, коллекционирование, подделки.

О необходимости изучения русского наследия в Палестине говорят с 90-х гг. XX в., благодаря чему тема участия ученых из России XIX — начала XX вв. в открытии древностей сиро-палестинского региона, в первую очередь древностей христианского, византийского периода, постепенно оживает после столетнего забвения. В Палестине возобновились, пусть в небольшом объеме, полевые работы российских археологов, на их основе формируется первая научная группа. Заметен интерес к теме и в кругах израильских ученых. Также всё чаще затрагиваются сюжеты, связанные с археологическими увлечениями выдающегося деятеля русской церкви на Востоке, архимандрита Антонина (Капустина)¹.

* Статья написана в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075.

¹ Беляев Л.А. Христианские древности. М., 2001. С. 52–55; *Он же*. Традиция русских археологических исследований в Святой Земле // Палестинский Православный сборник. 2007. Вып. 105. С. 43–55; Беляев Л.А., Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Археологические памятники русской Палестины по архивным материалам 1870–1910-х годов // Российская археология. 2009. Вып. 4.

В предлагаемой статье речь идет о коллекции, которую архимандрит надеялся преобразовать в полноценный музей Русской Духовной Миссии (далее: РДМ). Испытав много превратностей, коллекция распределилась между церковными и светскими хранилищами. В последние полвека основная масса ее экспонатов не была доступна исследованию. Не удивительно, что ее важность для науки то преувеличивают, то резко преуменьшают. Не раз звучало и мнение, что русское собрание утратило всякое значение из-за того, что экспонаты не имеют паспортов, а их происхождение смутно.

Однако значение старого собрания определено уже тем, что часть его предметов связана с важными в историко-культурном отношении комплексами и ключевыми точками на карте региона, благодаря чему они давно вошли в историографический и атрибуционный дискурсы.

Требуется найти верный прагматический подход к этой коллекции. Мы считаем возможным, даже без прямого контакта с уцелевшими предметами, объективно оценить состав экспонатов, отчасти восстановить их происхождение и выделить фальсификаты. Для этого можно привлечь материалы, касающиеся истории составления и последующей жизни Музея, уже довольно хорошо изученной по публикациям XIX–XX вв. и архивным материалам, а также разрозненным, но обильным сведениям о его предметах. Это стало возможным еще и потому, что общее развитие науки позволяет уточнять атрибуцию вещей по аналогиям с опорой на тексты и фотографии, через привязки находок к археологическим контекстам и их анализ в свете новых знаний.

В попытках создать такую виртуальную инвентарную книгу у нас есть предшественники, прежде всего В.В. Гурулева. Ею уже была документально прослежена история собрания и судьба коллекции. Она также оценила активность архимандрита Антонина как собирателя монет и щедрого жертвователя древностей в музей Санкт-Петербурга и Киева². К этому мы можем добавить новые архивные данные и, главное, анализ самих археологических предметов.

Нужно подчеркнуть, что в силу самой исторической географии Палестины и устройства памятников ее археологии, а также интенций архимандрита Антонина, страстного почитателя и знатока византийской культуры, в поле его зрения попадали прежде всего памятники римской и византийской эпохи. Русские участки зачастую насыщали древности и постройки именно V–VII вв.: их в Палестине можно было собирать, почти не обращаясь к правильным раскопкам. Но архимандрит ценил все объекты, какие можно было уложить в рамки христианской и библейской археологии. Адекватная оценка собрания требует уделить им равное внимание.

Идея формирования коллекций религиозных древностей Святой Земли, своего рода евлогий, была ментально близка христианству. Православным она напоминала о традиции «собирания святыни» — мощей, вторичных реликвий и чудотворных икон, которые в век прогресса заменили, подчас не менее курьезные, носители достоверной информации — археологические, этнографические,

---

С. 43–55; *Беляев Л.А.* Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. / Под ред. академика Н.А. Макарова. М.: Индрик, 2016.

² *Гурулева В.В.* «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // ВИД. 2007. Вып. 30. С. 384–395.

естественнонаучные экспонаты³. В собраниях XIX в. все еще смешивали личные мемории посещения Святых Мест с «антиками», привезенными из дальних путешествий, которыми, в свою очередь, могли быть и настоящие археологические находки⁴.

Местные жители удовлетворяли потребность паломников в «сувенирах культуры», вырабатывая в массовом порядке подделки и дополняя оригинальные артефакты надписями. Двумя известными центрами этого процесса были Рим и вообще Италия, с которой могла состязаться только Святая Земля, особенно Иерусалим, где охота за древностями носила ярко выраженную религиозную окраску и, отчасти, средневековый характер.⁵

Процесс собирания и реконструкция состава коллекции

Архимандрит Антонин начал собирать древности, еще пребывая в Стамбуле, поэтому в Иерусалиме (с 1865 г.) он легко вошел в среду местных собирателей и поставщиков, действуя с характерной для них увлеченностью, почти лихорадочно. Через его руки пошел поток вещей, которые не только покупались, но и поступали с вновь приобретаемых участков: их находили при строительных и иных работах, а также при целенаправленных раскопках. Целые коллекции таких вещей архимандрит отправлял в Россию, где на их основе возникали церковно-археологические музеи Духовных академий (прежде всего Киевской).

В 1894 г., согласно завещанию архимандрита, процесс перераспределения остановился, и коллекция обрела форму музея РДМ. Вещи хранились под замком, но были доступны осмотру: так, их видел Ф.И. Успенский, упомянувший не менее 5 000 монет⁶ (включая более 70 византийских золотых), более 2000 мелких вещей и фрагментов античного и христианского периода, а также камни с надписями, части скульптур, вазы, статуэтки и кресты. В состав наследия входила также библиотека, включавшая рукописи и листы карт, гравюр и т. п. Тем не менее сама коллекция не воспринималась как по-настоящему ценная.

Для ее реконструкции можно опираться прежде всего на фотографии. Известные нам снимки собрания были выполнены, вероятно, уже после смерти о. Антонина. Высокое качество снимков из коллекции ИППО в ГМИРе (Санкт-Петербург)⁷ позволяет установить количество предметов, подробно разглядеть даже небольшие вещи, прочесть и идентифицировать надписи (рис. 1–3).

³ Об этом писали неоднократно. См. в частности: *Silberman N.A. Structuring the Past: Israelis, Palestinians, and the Symbolic Authority of Archaeological Monuments // The Archaeology of Israel: Constructing the Past, Interpreting the Present / Ed. by N.A. Silberman, D. Small. Sheffield, 1997. P. 62–81.*

⁴ Хороший пример — перстень из Геркуланума, подаренный поэту Дмитрию Веневитинову Зинаидой Волконской и найденный при вскрытии его погребения в 1930 г.

⁵ Один из ранних очерков об этом: *Ростовцев М. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Т. 1. Вып. 3. 1912. С. 247–266.*

⁶ Сразу отметим, что к настоящему времени они считаются пропавшими. См.: *Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей». С. 394–395.*

⁷ Инв. номера П–6155, П–6156, П–6157. О коллекции см.: *Федотов П. Ближний Восток в снимках конца XIX — начала XX в. Обзор фотографий из «Палестинской коллекции» ГМИР // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М., 2016. С. 177–200.*

Рис. 1. Археологическая коллекция о. Антонина (Капустина) в зданиях РДМ. На верхней полке собрание кипрской керамики бронзового века; в нижней части снимка — иудейские оссуарии и мраморный торс юноши, за ним — клейменная черепица римского X Легиона. Коллекция ИППО. ГМИР, инв. ном. П-6155

Рис. 2. Археологическая коллекция о. Антонина (Капустина). В центре снимка слепок «головы Ирода»; справа «табличка Озии»; в нижнем правом углу — самарянские и латинские надписи и христианское византийское надгробье; на стене стеклянные сосуды из Яффо. Коллекция ИППО. ГМИР, инв. ном. П-6157

Рис. 3. Археологическая коллекция о. Антонина (Капустина). На столе египетские древности и керамические светильники; в нижней части снимка «моавские идола». Коллекция ИППО. ГМИР, инв. ном. П-6156

Ценная информация об археологических находках содержится в дневниках самого Капустина. Многое можно почерпнуть как в опубликованных, так и рукописных отчетах других европейских исследователей, входивших в общий круг профессиональных ориенталистов и любителей древностей, живших и работавших в Иерусалиме в последней трети XIX в. На протяжении своих палестинских лет Капустин поддерживал тесные отношения с Германом Гюте, Конрадтом Шиком и Шарлем Клермон-Ганно. Последний часто выступал советчиком Капустина при покупке «антиков». Их отношения не прервались и после отъезда Клермон-Ганно во Францию в 1882 г.: известно, что в особых случаях Капустин советовался с ним письменно.

В составе коллекции выделяются три неравноценные по объему и научной ценности группы. Наиболее важны вещи, найденные в ходе строительства и раскопок на русских участках: некоторые можно идентифицировать по публикациям самого Капустина и других работавших в Палестине ученых XIX в. Вторую группу формируют предметы, купленные у торговцев антиквариатом, зачастую приносившими свой товар прямо на дом⁸. Остаются вещи неизвестного происхождения, хотя, по нашей оценке, эта последняя категория не так велика, как

⁸ См., например, только опубликованные записи дневника Капустина за 1881 г.: встречи с торговцами древностями упоминаются 6 февраля, 17 марта, 3 июля и 25 сентября (Дневник архиманд-

прежде думали. Хронологически основная коллекция делится на вещи римского и византийского периода (встречаются и более ранние предметы, и более поздние), по большей части местного происхождения.

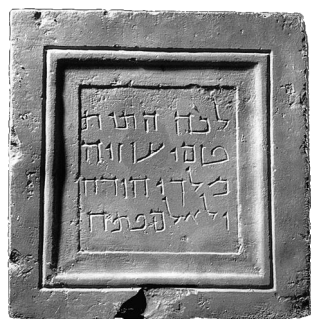

Рис. 4. «Табличка Озии». Музей Израиля, инв. ном. 68.56.38

а в одном из местных, палестинских погребений в пещерах, для которых характерны находки целых, не разбившихся сосудов; наконец, часть предметов может оказаться и местной имитацией кипрской продукции¹⁰. Понять это можно, лишь изучив каждый сосуд *de visu*.

Невозможно уточнить и происхождение античных памятников скульптуры, таких как мраморный торс юноши, голова Александра (с характерным наклоном), с десятков мраморных и каменных фрагментов, включая небольшие мраморные головы Геракла и Гарпократа. Все они произведены за пределами Святой Земли, но найти их могли в любой части Римской Империи, в том числе и в Палестине¹¹. К категории покупных, несомненно, относятся популярные у коллекционеров «египетские древности», в том числе десятки мелких бронзовых (?) статуэток ушебти и фрагменты явно поздних саркофагов¹².

Эпиграфические находки, — в палестинской археологии редкие, — традиционно привлекали основное внимание исследователей и коллекционеров. Значительную долю русской коллекции составляли памятники лапидарной эпиграфики, в основном римского и византийского времени. Часть их уже изучена.

Наиболее интригующий артефакт — «**Табличка Озии**», считающаяся одним из важнейших памятников библейской эпиграфики¹³ (рис. 4). Это небольшая

рита Антонина (Капустина). 1881 год / Под ред. Н.Н. Лисового, Р.Б. Бутовой. М., 2011. С. 38, 59, 124, 166. (Далее: *Дневник*).

⁹ *Дневник*. С. 305.

¹⁰ Подобная кипрская керамика позднего бронзового века была обнаружена на десятках палестинских памятников, в т.ч. в Мегиддо, Хацоре, Гезере, Лахише, Бет-Шеане, Доре и Иерусалиме. См. *Amiran R. The Ancient Pottery of Eretz Israel*. Jerusalem, 1971. P. 210–217; *Artzy M. Late Bronze I–II Cypriot Imports // The Ancient Pottery of Israel and Its Neighbors*. Vol. 3: From the Middle Bronze Age through the Late Bronze Age / Ed. S. Gitin. Jerusalem, 2019.

¹¹ О подобных скульптурных находках в Иерусалиме, см.: *Peleg O. The Roman Marble Sculptures from the Temple Mount Excavations // Temple Mount Excavations*, Vol. IV: The Tenth Legion in Aelia (Qedem 52) / Ed. E. Mazar. Jerusalem, 2011. P. 305–317.

¹² Египетские древности не редкость в палестинских коллекциях. Так, небольшой музей иерусалимского отделения Папского Библейского института (Pontifical Biblical Institute), созданный в 1927 г., представляет даже собственную мумию.

¹³ Полную библиографию по надписи см.: *Yardeni A., Price J. Corpus Inscriptionum Iudae — Palaestinae*. Vol. I/1: Jerusalem. Part I (1–704). B., 2010. No 602.

каменная доска с профилированной рамкой и текстом на арамейском, повествующим о перезахоронении костей ветхозаветного царя Озии (4 Цар. 15; 2 Парал. 26). Около сорока лет надпись пролежала в хранилище безо всякого внимания и не была опубликована русскими владельцами, оставаясь неизвестной ученому миру. В 1931 г. ее опубликовал Э.Л. Сукеник, случайно обнаружив ее при осмотре русской коллекции древностей¹⁴. Затем табличка была анонимно выставлена на торги в США и приобретена Музеем Израиля (инв. № 68.56.38).

Место и обстоятельства обнаружения предмета до недавнего времени оставались не проясненными. Сопоставление неопубликованных дневниковых записей о. Антонина и фотографий русской коллекции позволило их установить¹⁵. Надпись Озии попала в руки Капустина 1 июля 1887 г., он частично скопировал ее, назвав в дневнике «Елеонской», но точнее место и обстоятельства находки не указал. Видимо, табличка была принесена с русского участка на вершине Елеоны, а не куплена у антиквара: в таких случаях архимандрит Антонин обычно подробно записывал, кто продал ему тот или иной предмет и сколько за него пришлось заплатить.

Через некоторое время о. Антонин возвратился к надписи, попытавшись расшифровать ее самостоятельно, но, не преуспев, изготовил оттиск, который он отправил с сопроводительным письмом Ш. Клермон-Ганно, к тому времени уже покинувшему Палестину. Согласно дневниковым записям, через месяц из Парижа пришел ответ с окончательным вердиктом: надпись фальшивая. Очевидно, находка полного текста о перезахоронении останков библейского царя показалась французскому ученому слишком неправдоподобной. Но если табличку и в самом деле извлекли из земли при строительстве на русском участке на Елеоне, оснований для столь категоричного суждения не было бы. Скорее всего, Капустин не был уверен в происхождении надписи или недостаточно подробно изложил обстоятельства ее обнаружения в письме в Париж. Он все же оставил табличку у себя, но, видимо, полностью принял мнение великого ориенталиста, что может объяснить ее место в коллекции, зафиксированное на фотографиях: табличка стоит сбоку, в темном углу, перевернутая вверх ногами.

Табличка могла быть изготовлена, судя по использованному шрифту и орфографическим особенностям текста, в I в. до н. э. — I в. н. э., возможно, при переносе древнего захоронения (у этого типа каменных досок обнаружались и аналоги)¹⁶. Когда при Ироде Великом (I в. до н. э.) или его приемниках (I в. н. э.) Иерусалим расширили, могла возникнуть необходимость перенести царские останки. Объяснить выбор для захоронения именно вершины Елеоны можно не только общими соображениями о размещении на горе городского некрополя: израильский исследователь Э. Бен-Элиягу¹⁷ приводит (не вполне ясный) текст из найденного в Каирской генизе еврейского путеводителя по Иерусали-

¹⁴ *Sukenik E.L.* Funerary Tablet of Uzziah, King of Judah // *Palestine Exploration Quarterly*. 1931. Vol. 63. P. 217–221.

¹⁵ *Чехановец Я., Вах К.* О происхождении иерусалимской надписи ветхозаветного царя Озии // *Иерусалимский Православный Семинар*. Вып. 7. М., 2017. С. 9–18.

¹⁶ *Yardeni A., Price J.* Corpus... Vol. I/1. No 10–12.

¹⁷ *Ben-Eliahu E.* The Source of the Tombstone Inscription of Uzziah // *Cathedra*. 2000. Vol. 98. P. 157–158 (на иврите).

Рис. 5. Фрагмент алтарной преграды с участка на Елеоне и надписи из яффского некрополя. Коллекция ИИПО. ГМИР, инв. ном. П-2315.

му IX–X в. н. э., где упомянута высеченная в западном склоне Масличной горы длинная лестница, на вершине которой «крепость царя Озии, называемая его усыпальницей»¹⁸.

Несомненно, при раскопках на Елеоне были получены греческие надписи византийского периода, найденные в 1871–1886 гг. на участке строительства церкви Вознесения (рис. 5). Среди них нижняя часть мраморной алтарной преграды VI в. с уцелевшим фрагментом рельефа с изображением двух колонн (?) и концом посвяtitельной надписи «в год... девятого индикта»¹⁹. По мнению Ди Сеньи, эпиграфические характеристики надписи указывают на ее происхождение из Газы: возможно, жертвователю привез алтарную преграду оттуда²⁰. Здесь же, в пределах византийской базилики, открытой на русском участке, найдена мраморная надгробная плита кубикулярии Феодосии, основательницы или жертвовательницы древней церкви, скончавшейся 14 сентября 592 г.²¹

¹⁸ Braslavi J. A "Guide to Jerusalem" from the Cairo Genizah // Erets Israel. Vol. 1. Jerusalem, 1964. P. 69–80 (на иврите).

¹⁹ Clermont-Ganneau Ch. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. 1. Paris, 1896. P. 328.

²⁰ Di Segni L. Corpus Inscriptionum Iudae — Palaestinae. Vol. I/2: Jerusalem. Part 2 (705–1120). B., 2012. No 840.

²¹ Открытие надписи зафиксировано в дневнике Капустина за 24 января 1871 г.: РГИА, Собрание Св. Синода. Ф. 834. оп. 4. д. 1126, л. 5 об.–6. См. также: Clermont-Ganneau Ch. Archaeological Researches... Vol. 1. P. 337–341; Дмитриевский С.М. Русские раскопки на Елеонской горе. М., 2006. P. 58; Di Segni L. Corpus... Vol. I/2. No 1006.

На своих местах на Елеоне в ходе русских раскопок обнаружены многочисленные армянские мозаичные надписи и эпитафии, а также посвятельная мозаичная надпись той же кубикюлярии Феодосии²².

Надписи-эпитафии из Яффского некрополя составляют отдельную категорию эпиграфических находок познеримского и ранневизантийского периода. В последней трети XIX в. в Абу-Кабаре, в то время — дачном пригороде быстро развивающегося портового города Яффо (Иоппии) на берегу Средиземного моря²³, в процессе добычи камня, местные жители обнаружили несколько древних надписей. Ш. Клермон-Ганно, первым из европейцев узнавший о новом памятнике, приобрел несколько надписей сам и обратил внимание о. Антонина на интересный участок²⁴. Между 1868 и 1883 гг. последнему удалось выкупить несколько соседних земельных наделов, в т.ч. участок, известный как «Ард Табита» («земля Тавифы»: Деян. 9:36–42). Здесь впоследствии был построен русский храм апостола Петра и праведной Тавифы (освящен в 1894 г.) и разбит большой сад.

Выбор этого места для русских построек был обусловлен исключительно археологическими причинами. На вновь приобретенной русской земле провели раскопки, в которых участвовал Конрад Шик. Был найден еще ряд надписей и погребальная часовня со скромной византийской мозаикой²⁵. Правда, о. Антонину не удалось собрать все надписи, довольно значительную их часть купил известный коллекционер, житель Яффы Платон Устинов²⁶. Позднее, в 50–60-е гг. XX в., израильский археолог Я. Каплан при спасательных раскопках в окрестностях Абу-Кабира выявил еще несколько захоронений и десятков надписей. Первые выводы Клермон-Ганно подтвердились: в Яффо был обнаружен еврейский некрополь римско-византийского времени.

Десять лет назад для исследования яффского некрополя была создана особая группа, включающая ученых Иерусалимского и Тель-Авивского университетов, в т.ч. одного из авторов статьи (Я.Ч.). Задачей группы было собрать воедино разрозненную информацию о памятнике, составить полный каталог разбросанных по разным хранилищам и зачастую утраченных надписей, заново проанализировать материалы точечных раскопок XIX и XX вв. и поместить все полученные данные в общий историко-археологический контекст римского и византийско-

²² Tchekhanovets Y. The Caucasian Archaeology of the Holy Land: Armenian, Georgian and Albanian Communities Between the Fourth and Eleventh Centuries CE. Leiden and Boston, 2018. P. 55–76.

²³ Kark R. Jaffa: A City in Evolution. 1799–1917. Jerusalem, 1992. P. 32–38, 70–72.

²⁴ История открытия участка и первые находки подробно описаны: Clermont-Ganneau Ch. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. 2. Paris, 1896. P. 130–147.

²⁵ Schick C. Tabitha Ground at Jaffa // Palestine Exploration Quarterly. 1893. Vol. 25. P. 286–293. См. также: Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. Киев, 1875–1878. С. 173–175.

²⁶ Причудливая биография барона Платона фон Устинова (1840–1919) и его коллекция, частично размещенная в прекрасном саду, среди фонтанов, экзотических растений и попугаев, несомненно, заслуживают отдельного подробного исследования. Пока отметим, что Устинов жил в Яффо с 1878 по 1913 гг. и перед отъездом из Палестины продал свою огромную коллекцию древностей. Ее часть, включая надписи яффского некрополя, хранится в Осло, в университетском музее Института классической археологии, где ее и обнаружила Х. Коттон-Палтиэль. См. неопубликованную работу: Cotton-Paltiel H.M. The Fascinating History of Baron Plato von Ustinov and the Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palestinae. Мы благодарим автора за возможность ознакомиться с этой статьей.

го Яффо — позднеантичного города, парадоксальным образом, мало известно-го ученым²⁷.

На сегодня известно 80 эпитафий, из них только 11 обнаружено при систематических раскопках. Все они выполнены на небольших каменных табличках, с короткими текстами, обычно содержащими только имя усопшего на греческом, иногда повторенное на иврите или арамейском. Некоторые надписи содержат благословения на иврите или слово «шалом» (мир); часть таблиц несет простые изображения пальмовой ветви или семисвечника-меноры. В текстах нет дат, но тщательный осмотр сопутствующего материала (монет, керамики, стекла), вместе с эпиграфическим анализом позволяет утверждать, что первые захоронения еврейского некрополя датируются концом III — началом IV вв., а самые поздние — концом VI в.

Даже поверхностный анализ фотографий русской коллекции позволяет атрибутировать несколько каменных табличек с надписями. Они несомненно происходят из яффского некрополя и известны по давним публикациям К. Шика и Ш. Клермон-Ганно. На одном из снимков хорошо заметны и стеклянные сосуды сложной формы, обнаруженные при раскопках Шика на русском участке²⁸.

Прочие надписи. На фотографиях Музея видны и другие надписи, большей частью греко-византийские. В их числе несколько раннехристианских надгробий. Эти простые каменные стелы с вырезанным «латинским» крестом и греческими надписями обнаружены в Иерусалиме на вершине Елеоны, совсем рядом с Вознесенским русским участком, во время строительства греческого православного монастыря Мужей Галилейских (Viri Galilaei) в 1881 г.²⁹ В числе надписей есть также позднеантичные самаритянские, раннеарабские и датирующиеся периодом Крестовых походов латинские³⁰. Учитывая необыкновенный интерес исследователей XIX в. к редким эпиграфическим находкам и их немедленную публикацию, мы полагаем современную атрибуцию этих надписей вполне возможной.

Вероятно, в составе коллекции находились и слепки, сделанные с наиболее интересных и актуальных эпиграфических находок. Так, в дневниковой записи Капустина от 7 августа 1881 г., в дни, изобилующие упоминаниями осмотра и попыток самостоятельной расшифровки недавно обнаруженной «Силоамской надписи»³¹, упомянут мастер Кристоф Павлюс, житель иерусалимской Немец-

²⁷ Авторы признательны участникам «Яффского проекта» Х. Коттон-Палтиэль Дж. Прайсу, А. Эккеру и А. Веронезе за любезное разрешение использовать еще не опубликованные результаты их исследования. Первые материалы по археологии некрополя см.: *Ecker A. The Abu Kabir Necropolis of Jaffa. MA Thesis, Hebrew University of Jerusalem. 2010; Veronese A. The Inscriptions of the Jaffa Necropolis. MA Thesis, Hebrew University of Jerusalem. 2009; Price J.J. The Necropolis at Jaffa and its Relation to Beth She'arim // Judea-Palaestina, Babylon and Rome: Jews in Antiquity / Ed. by B. Isaac, Y. Shahar. Tübingen, 2012. P. 215–225. См. также: Arbel Y. The Jews of Jaffa in the Roman Period // Arise, Walk through the Land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld in the Tenth Anniversary of His Demise / Ed. by J. Patrich, O. Peleg-Barkat, E. Ben-Yosef. Jerusalem, 2016. P. 173*–184*.*

²⁸ *Schick C. Tabitha Ground... P. 292. Fig. 11.*

²⁹ *Di Segni L. Corpus... No 917–919.*

³⁰ Среди расставленных на полках находок заметен и фрагмент армянского средневекового каменного креста-хачкара, но без надписи.

³¹ «Силоамская надпись» VIII в. до н. э. — важнейший памятник древнееврейской эпиграфики, рассказывающей о строительстве водного туннеля во времена правления царя Езекии, была об-

кой колонии, изготавливающий для желающих алебастровые слепки: «Заказ и для меня подобного слепка»³².

«Голова Ирода». Главным сокровищем своей коллекции о. Антонин Капустин считал мраморную римскую голову царя, которую он (единственную из экспонатов) завещал Эрмитажу (рис. 6). Эту голову с диадемой, украшенной изображением императорского орла нашли в 1873 г. в Иерусалиме при строительстве дома к северу от Дамасских ворот. Обстоятельства находки, первые соображения о датировке и атрибуции изложены Ш. Клермон-Ганно³³. После долгих торгов голову приобрел Капустин. В вышедшем недавно исследовании А. Нагорской и Ш. Гибсона³⁴ приводятся многочисленные выдержки из дневника, свидетельствующие о многодневных занятиях со скульптурой, изготовлении слепков и попытках ее идентификации. Капустин, как и Клермон-Ганно, и другие европейские исследователи, колебался в выборе между императором Адрианом и царем Иродом, прибегнув даже к спиритическому сеансу, вызывая дух царя³⁵.

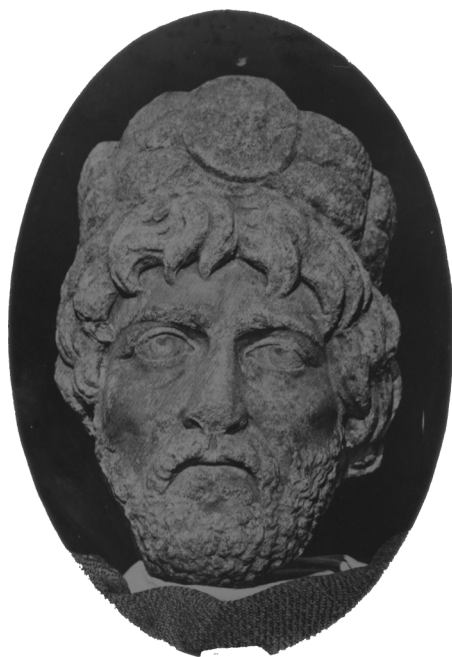

Рис. 6. Голова Ирода. Коллекция ИППО. ГМИР, инв. ном. П-2309

Через несколько лет после смерти Капустина по его завещанию³⁶ голова поступила в Эрмитаж³⁷, в Иерусалиме же остался ее слепок. В эрмитажной коллекции она была идентифицирована как «голова священника Юпитера с венком»³⁸, а позднее, в 70-е гг. XX в., как портрет императора Адриана в лавровом венке³⁹.

наружена в 1880 г. в деревне Силуан в Иерусалиме. См.: Sayce A. The Inscription at the Pool of Siloam // *Palestine Exploration Quarterly*. 1881. Vol. 13. P. 69–73.

³² Дневник. С. 142.

³³ Clermont-Ganneau Ch. *Archaeological Researches...* Vol. 1. P. 259–266.

³⁴ Нагорская А., Гибсон Ш. История одной иерусалимской находки: о так называемой «иерусалимской голове императора Адриана» // *Иерусалимский православный семинар*. Вып. 6. М., 2015. С. 135–154.

³⁵ Там же. С. 143.

³⁶ «Принадлежащий мне музей древностей завещаю Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, с тем, чтобы музей этот оставался постоянно в оной. Из всего собрания этого делаю исключение для одного предмета, а именно — для мраморной головы Ирода. Эту редчайшую вещь завещаю Императорскому Эрмитажу в С. Петербурге» (Духовное завещание начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). Иерусалим, 19 марта 1894 г. / Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Том 2. Ч. 1 (Документы по истории Русской духовной миссии в Иерусалиме). М.: Индрик, 2017. С. 227.

³⁷ Кат. № 210804.

³⁸ Вальдгауер О.Ф. Государственный Эрмитаж. Античная скульптура. Петроград, 1924. С. 106.

³⁹ Воицинина А.И. Голова императора Адриана из Элии Капитолины и некоторые замечания о портретной скульптуре Сирии // *Труды Государственного Эрмитажа*. 1972. Т. XIII. С. 124–134.

Сегодня отождествление памятника как головы царя Ирода считается анахронизмом. По мнению Ш. Клермон-Ганно, голова — уцелевший фрагмент мраморной статуи Адриана, установленной после 132 г. на Храмовой горе, превращенной римлянами в Капитолийское святилище⁴⁰. Гибсон и Нагорская с осторожностью определяют скульптуру как портрет императора Диоклетиана⁴¹. Они полагают, что это не часть большой статуи, а самостоятельное, законченное произведение, украшавшее нишу ворот в так называемой «Третьей стене» Иерусалима, перестроенных римлянами, видимо, во II в. Эта фаза постройки археологически известна; в пользу гипотезы говорят и обнаруженные поблизости фрагменты двух императорских латинских надписей⁴². Мы полагаем возможным идентифицировать памятник с Юлианом Отступником⁴³.

Оссуарии. На снимках хорошо видны несколько оссуариев («костьяников», как называет их в дневниковых записях Капустин) для вторичного иудейского погребения⁴⁴. Они явно взяты из пещерных захоронений раннеримского периода, которых много в Иерусалиме и его окрестностях, в том числе на русских участках Елеонской горы, где в древности находился главный городской некрополь⁴⁵. В одном из писем, адресованных М.П. Степанову, архимандрит Антонин, ссылаясь на авторитет Конрадта Шика, упоминает об открытии на участке строительства церкви св. Марии Магдалины древнееврейских скальных гробниц с характерными небольшими нишами для оссуариев⁴⁶. Вероятно, те же самые погребальные пещеры впоследствии осматривал Ш. Клермон-Ганно⁴⁷, а еще позднее — Г. Лукьянов⁴⁸.

Похожие погребальные пещеры с оссуариями обнаружили и на участке строительства церкви Вознесения на вершине Елеоны. В дневниковой записи от 29 декабря 1881 г. Капустин отмечает: «Цыган елеонский с известием, что нашлась

⁴⁰ *Clermont-Ganneau Ch.* La tête de la statue d'Adrien placée dans le temple de Jérusalem, séance du 29 mai 1874 // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1874. Vol. 18 (2). P. 146–152.

⁴¹ *Gibson S., Nagorsky A.* On the So-Called Head of Hadrian and A Hypothetical Roman Triumphal Arch on the North Side of Jerusalem // *Arise, Walk through the Land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld in the Tenth Anniversary of his Demise* / Ed. by J. Patrich, O. Peleg-Barkat, E. Ben-Yosef. Jerusalem, 2016. P. 149*–172*.

⁴² Детальное обсуждение вопроса см.: *Gibson S., Nagorsky A.* On the So-Called Head of Hadrian... P. 157*–165*.

⁴³ Об археологических свидетельствах времен правления Юлиана см.: *Reuven P.* A Statue of an Eagle with a Medallion Containing a Monogram, Found on the Temple Mount // *Eretz-Israel.* 2007. Vol. 28. P. 206–210 (на иврите); *Idem.* Archeological Evidence of Emperor Julian's Attempt to Rebuild the Jewish Temple // *New Studies on Jerusalem.* Vol. 18 / Ed. E. Baruch. Ramat Gan, 2012. P. 333–349 (на иврите).

⁴⁴ Оссуарии для вторичного захоронения широко использовались в древней Иудее, начиная с 30-х гг. I в. до н. э. вплоть до разрушения Иерусалима в 70 г. н. э. В общей сложности сегодня известно около 4000 подобных оссуариев, многие украшены резьбой и надписаны: *Rahmani L. Y.* A Catalogue of Jewish Ossuaries in the Collections of the State of Israel. Jerusalem, 1994.

⁴⁵ *Bagatti B.* Gli scavi del «Dominus Flevit» (Monte Oliveto, Gerusalemme). Vol. 1: La necropolis del periodo romano. Jerusalem, 1958; *Kloner A., Zissu B.* The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period. Jerusalem, 2003.

⁴⁶ Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Под ред. Н.Н. Лисового. Т. 1. М., 2000. С. 414.

⁴⁷ *Clermont-Ganneau Ch.* Archaeological Researches... Vol. 1. P. 325–326.

⁴⁸ *Loukianoff G.* Les lieux historiques dans les propriétés Russe de Palestine // *Extrait du Bulletins de l'Institut d'Égypte.* Vol. XIV. Cairo, 1931–1932. P. 70.

пещера с древними гробами на нашем месте. (...) Действительно, восточнее дальнейшей из могил наших нашли три костяника грубой работы, без крышек. Один разломан на куски. Ни малейшей надписи, ни заметки»⁴⁹. В записи от 19 августа 1881 г. упомянут другой оссуарий с надписью, но происхождение его не указано: «Сидение [с Клермон-Ганно] в „Музее“ и попытка прочесть полустертую греческую надпись на одном из музейных костяников (ossuaire)»⁵⁰. Оссуарии, декорированные рельефами, видел на Елеоне в 1901 г. и Н.П. Кондаков: «... главное внимание на себя обращают 11 погребальных урн, украшенных резьбою, представляющей двери мавзолея и иные орнаменты»⁵¹.

Массовый местный материал, вероятно происходящий из раскопок на русских земельных участках, составляет основную часть коллекции. Как и во всяком представительном палестинском собрании XIX в., здесь прекрасно представлены керамические светильники, показывающие развитие этого типа в широком хронологическом диапазоне от позднего железного века (VII–VI вв. до н. э.) до раннеисламского периода (VII–VIII вв. н. э.)⁵². Как минимум десятком экспонатов представлена каждая из категорий вещей, чрезвычайно распространенных в местной археологии, таких как: каменные сосуды раннего римского периода (I в. до н. э. — I в. н. э.), отвечающие иудейским требованиям соблюдения ритуальной чистоты⁵³; костяные и каменные пряслица разного времени⁵⁴; черепица, производившаяся в Иерусалиме во II–III вв. н. э., с клеймами X Легиона римской армии⁵⁵, и более поздняя, с клеймами частных поставщиков⁵⁶.

Нумизматическую часть коллекции наиболее сложно восстановить. Отдельные сообщения о находках древних монет есть в дневнике Капустина и других архивных документах; достоверно известно об одном обнаруженном на русском участке кладе⁵⁷. Но счет в коллекции шел на многие тысячи, и львиную долю, конечно, составляли покупки. Первый из русских ученых, осмотревший

⁴⁹ Дневник. С. 214.

⁵⁰ Дневник. С. 148.

⁵¹ Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 257.

⁵² Параллели см.: Rosenthal R., Sivan R. Ancient Lamps in the Schloessinger Collection. Jerusalem, 1978. (Qedem 8).

⁵³ Magen Y. The Stone Vessel Industry in the Second Temple Period: Excavation at Hizma and Jerusalem. Jerusalem, 2002; Gibson S. Stone Vessels of the Early Roman Period from Jerusalem and Palestine: A Reassessment // One Land — Many Cultures: Archaeological Studies in Honour of S. Loffreda OFM / Ed. by G.C. Bottini, L. Di Segni, D. Chrupcala. Jerusalem, 2003. P. 187–308.

⁵⁴ Shamir O. Loomweights and Whorls // Excavations at The City of David 1978–85 / Ed. by D.T. Ariel. Vol. IV (Qedem 35). Jerusalem, 1996. P. 135–170.

⁵⁵ Barag D. Brick Stamp-Impressions of the Legio X Fretensis // Bonner Jahrbücher. 1967. Vol. 167. P. 244–267; Geva H. Stamp Impressions of the Legio X Fretensis / Jewish Quarter excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982 / Ed. by H. Geva. Vol. 2: The Finds from Areas A, W and X-2, Final Report. Jerusalem, 2003. P. 405–422.

⁵⁶ Di Segni L. An Inscribed Roof Tile from the Bakery // The Temple Mount Excavations in Jerusalem, 1968–1978, Directed by Benjamin Mazar / Ed. by E. Mazar. Vol. 4: The Tenth Legion in Aelia Capitolina (Qedem 52). Jerusalem, 2011. P. 235–238.

⁵⁷ Большой клад из 1116 серебряных монет эпохи Крестовых походов был найден на Гефсиманском участке: Письмо начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина секретарю ППО М.П. Степанову // Россия в Святой Земле... Т. 1. С. 416. Другой клад, византийского времени, состоящий из 11 солидов VI–VII вв., двух золотых браслетов и перстня, преподнесенный Капустиным великой княгини Елизавете Федоровне в подарок к ее крещению, по всей видимости, был просто куплен: в сопроводительном письме вещи описаны как найденные «в прошлом году при произво-

музей после смерти Капустина, Ф.И. Успенский, директор Русского археологического института в Константинополе, в письме от 1896 г. на имя русского посла в Константинополе А.И. Нелидова, упомянул среди прочих экспонатов коллекции «свыше 5000 монет»⁵⁸. Тщательнейшая архивная работа по реконструкции нумизматической части коллекции предпринята В.В. Гурулевой⁵⁹. Согласно собранному ею данным, тысячи монет были подарены еще при жизни Капустина четверым Духовным Академиям России (Санкт-Петербург, Москва, Киев⁶⁰ и Казань), Эрмитажу, музею Русского археологического общества в Петербурге и музею одесского отделения общества. Большой дар монет получило ИППО и только эта часть, впоследствии попав в Эрмитаж, была опубликована⁶¹. Гурулева смогла выделить в фондах Государственного Эрмитажа 53 византийские монеты из 76, входивших в состав собрания Капустина.

Подделки столь же обильны в русском собрании, как и во всех составлявшихся в XIX в. в Палестине коллекциях. Предположение, что Капустин покупал фальшивые древности намеренно, осознавая важность коллекционирования даже поддельных памятников⁶², мы отводим, опираясь на ныне опубликованные страницы его дневника. Вот только несколько записей, из которых явственно следует, что подделки о. Антонин чистосердечно принимал за подлинные древности:

7 февраля 1874 г. [Клермон-Ганно] просит верить безусловно, что все Шабирины (sic — Я.Ч., Л.Б.) антики подделка или Селима, или самого Шабиры⁶³.

3 июля 1881 г. Евреос [Шапира] с сердоликовой печатью ... *муш лязем* (искаж. арабск. «не нужно»)⁶⁴.

25 сентября 1881 г. Найдена якобы у Силоама древняя сребренная печать с финикийской надписью, начерченной по рамке кружка, в котором изображена кадильница или лампада. Просят за антику, м.б., вчерашней даты, 13 меджиде.

26 сентября. Запрос в Яффу тамошнему археологу [Клермон-Ганно] о перстне Соломоновом.

27 сентября. Яффа молчит.

28 сентября. Ответ из Яффы: «Defiez-vous... Monument probablement faux»⁶⁵.

дивившихся внутри Иерусалима частных раскопках». См. письмо Капустина председателю ИППО вел. кн. Сергею Александровичу от апреля 1891 г.: Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 73–74.

⁵⁸ Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей». С. 386.

⁵⁹ Гурулева В.В. Архимандрит Антонин как нумизмат // Государственный Эрмитаж. Нумизматический сборник 1998. К 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998. С. 235–243. См. также: Гурулева В.В. Русские коллекционеры памятников нумизматики на Православном Востоке (вторая половина XIX — начало XX века) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. Сборник научных трудов. СПб., 2001. С. 168–169.

⁶⁰ Гурулева В.В. Вклад архимандрита Антонина (А.И. Капустина) в формирование коллекции Киевского церковно-археологического музея. 2013. URL: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/vklad-arhimandrita-antonina-kapustina-v-formirovan-201218>; дата обращения: 24.5.2019.

⁶¹ Помяловский И.В. Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому обществу архимандритом Антонином, начальником Духовной миссии в Иерусалиме // Палестина и Синай. I. Вып. 2. СПб., 1886.

⁶² Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей». С. 390.

⁶³ Дневник. С. 38.

⁶⁴ Там же. С. 124.

⁶⁵ Там же. С. 166–168.

Неизвестно, приобрел ли в конце концов Капустин «серебряный перстень Соломона с финикийской надписью», но на снимках коллекции можно рассмотреть множество «моавитских идолов» — причудливых каменных и терракотовых артефактов, зачастую исписанных буквами «моавитского письма»⁶⁶.

Клермон-Ганно не раз предостерегал своего русского друга от любых покупок у известного антиквара Мозеса Шапира⁶⁷. Эти постоянные консультации с Клермон-Ганно не случайны: французский ориенталист и семитолог, так много сделавший для исследования палестинских древностей, обладал редким археологическим чутьем. Он первым объявил войну фальсификаторам древностей и собрал множество образцов эпиграфических подделок в небольшой, но чрезвычайно занимательной брошюре, вышедшей в свет уже после его отъезда из Палестины⁶⁸. В ней Клермон-Ганно впервые раскрыл механизм появления археологических подделок, всякий раз возникавших следом за важными открытиями настоящих древностей. Так, масса «моавитских идолов» затопила Иерусалим вслед за обнаружением в Трансиордании Стелы Меши; после находки греческой надписи с Храмовой горы, запрещающей иноверцам вход на священную территорию Иерусалимского Храма, было изготовлено множество поддельных и не читающихся греческих надписей; найденная возле Дамасских ворот скульптурная царская голова («голова Ирода») породила множество других каменных протом, исписанных таинственными письменами.

В Иерусалиме XIX в. подделывали саркофаги, оссуарии, надписи на разных языках, и разумеется, кольца и печати. Клермон-Ганно был убежден, что большую часть фальшивок делали местные мастерские Салима аль-Кари и Мартина Булоса под прямым руководством и по заказам Мозеса Шапира, отвечавшего за рекламу и сбыт⁶⁹. Похоже, что несмотря на предостережения, Капустин долго оставался одной из главных жертв ловкого фальсификатора. Не стоит строго судить его за доверчивость: в чудесном мире ранних исследований Святой Земли каждый год приносил массу фантастических находок, и любое археологическое чудо казалось возможным⁷⁰.

Отметим, что помимо археологических предметов, в коллекцию входили местные курьезы, способные заинтересовать образованного европейца: окаменелости, олени рога, корни мандрагоры⁷¹. По своему пестрому составу коллек-

⁶⁶ Сегодня исследователям известно около 1700 «моавских идолов», по-прежнему хранящихся во множестве европейских и палестинских музейных и частных коллекций. См. каталог выставки фальшивых древностей в Музее Израиля: *Salmon I. "Truly Faked": Moses Wilhelm Shapira, Master Forger. Exhibition Catalogue. Jerusalem, 2000.*

⁶⁷ Шапира был разоблачен в 1883 г. Клермон-Ганно и британскими библеистом К.Д. Гинсбургом при попытке продать Британскому музею «древнейшую рукопись Второзакония». В 1884 г. он покончил с собой. См.: *Allegro J.M. The Shapira Affair. Doubleday, Garden City, 1965.*

⁶⁸ *Clermont-Ganneau Ch. Les fraudes archéologiques en Palestine. Paris, 1885.*

⁶⁹ См.: *Sabo Y. Between Apostate and Forger: Moses Wilhelm Shapira and the Moabite Pottery Affair // Zmanim. 2013. Vol. 123. P. 70–81 (на иврите).*

⁷⁰ Сомнения Капустина прекрасно иллюстрирует записанный им в дневнике 3 сентября 1881 г. сон: «Производятся за городом раскопки. Огромнейшие половинные колонны порфиновые открываются и выкапываются на средину. Оказывается, впрочем, что они только выкрашены под порфир. Отыскиваю и я античную голову, с едва заметными чертами носа, щек и рта, и мараю о нее руки. Ибо и она подкрашена» (Дневник. С. 156).

⁷¹ Так, ректор Киевской Духовной Академии благодарит Капустина в письме от 19 декабря 1881 г. за присланные «две статуэтки, один светильник, один алавастр и тринадцать глиняных сосудов

ция мало отличалась от иерусалимских собраний других церковных и светских институций, таких как доминиканской École Biblique, францисканского Studium Biblicum Franciscanum, частных коллекций иностранных дипломатов и т. п.

Отдельные собрания древних находок на русских участках

В двух комнатах музея в доме начальника РДМ в Иерусалиме поначалу хранились только самые ценные и интересные владельцу экспонаты. Крупные находки — фрагменты архитектурного декора, тяжелые надгробья, да и некоторые мелкие вещи — оставляли там, где обнаружили, непосредственно на русских участках. Такие малые собрания имелись, согласно описям русского имущества, составленным после смерти Капустина в 1894 г., при передаче и.о. начальника РДМ архимандриту Арсению (Изотову): в Иерусалиме на Елеоне возле церкви Вознесения и на участке церкви Марии Магдалины в Гефсимании, и в других городах (Яффо, Иерихон, Тиверия, Хеврон)⁷².

В церкви Марии Магдалины упомянут «музей и в нём: пятьдесят разных вещей, как-то: два черепа, стекл(янные) вазы, глиняные светильники и каменные обломки; каменный саркофаг; десять маленьких крестов и один побольше; тридцать четыре старинных монеты. (...) В подвале: три камня со старинными надписями»⁷³.

Хранилище на Елеоне описано еще более скупо: «Восемнадцать древних каменных обломков перед приютом, один у ворот»⁷⁴.

На яффском участке: «В боковых комнатах. (...) В стенном шкафе: восемнадцать старинных надгробных камней; надписи на них — греческие и еврейские. Шесть глиняных старинных лампочек, шесть старинных стеклянных сосудов. Обломки старинных сосудов и чел(ове)ческих костей. Одна каменная плита с углублениями с одной стороны, с четырехугольным впуском с другой; на верхней толще камня в три длинных строки — финикийская надпись. (...) На дворе (...) одна мраморная колонна, вставленная в землю, на ней верх другой колонны; пять обломков мраморных колонн. Два камня с надписями. Одна мраморная колонна без основания и вершины. (...) Пять обломков гранитных колонн. Пять обломков мраморных колонн»⁷⁵.

Последняя, уже военного времени, опись русского имущества, составленная в 4 ноября 1914 г., также упоминает древности: «Миссия имеет музей древних вещей, частью оставшихся еще от покойного архимандрита Антонина, а частью поступивших при архимандрите Леониде. Большинство этих вещей найдено при раскопках в Иерусалиме и других местах Палестины во время производства построек, а часть пожертвована разными лицами. Музей помещается в двух комна-

---

с острова Кипра, три окаменелости с Иудейских гор, корень растения «мандрагора» и несколько желудей с Дуба Мамврийского» (Дневник. С. 305. Примеч. 1215).

⁷² Документы опубликованы: *Зеленина Я., Белик Ж.* Первые русские храмы в Иерусалиме: Троицкий собор и церковь мученицы Александры. М., 2011. С. 154–182.

⁷³ «Опись имущества церкви равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании», от 28 марта 1894 г.: Там же. С. 169.

⁷⁴ «Опись имущества русского приюта на Елеонской горе», от 8 апреля 1894 г.: Там же. С. 174.

⁷⁵ «Опись имущества церкви апостола Петра и праведной Тавифы в Яффе», от 30 марта 1894 г.: Там же. С. 174–178.

тах и размещен плохо. Кроме него есть еще маленькие собрания палестинских древностей в Елеонской общине, в Иерихонском, Хевронском и Тивериадском приютах»⁷⁶. Отметим, что мало-мальски подробных сведений о древностях на участках вне Иерусалима описи не содержат.

По скупому описанию можно опознать 18 старинных надгробий с греческими и еврейскими надписями — это, несомненно, эпитафии из яффского некрополя⁷⁷.

Три камня из подвала церкви Марии Магдалины также легко идентифицировать: это византийские христианские надгробья с греческими надписями, опубликованные в XIX в. или до сих пор находящиеся на участке (на самом деле, их больше трех). В заметке из Иерусалима, датированной 1891 г., архимандрит Антонин описывает процесс освоения Гефсиманского участка: «Когда рыты были основания церкви св. Марии Магдалины, то 5 или 6 раз рабочие наталкивались на могилы, бывшие частью обрушенными и засыпанными мусором, с остатками мертвенных лож, в виде грядок, разделяемых одна от другой возвышающими рамками. Некоторые из них было возможно сохранить, но большая часть сравнена с поверхностью земли»⁷⁸.

В одной из гробниц, найденных на месте, расчищенном для строительства храма, была обнаружена толстая известняковая плита с греческой эпитафией Иоанна. В заметке приводится копия надписи⁷⁹. На середине западного склона Елеоны в 1891–1892 гг. была обнаружена пещера с надгробной греческой надписью Мамаса из Кадиса в Испании, и его детей⁸⁰. При осмотре участка удалось опознать эту гробницу по фотографии 1893 г. Современное местонахождение надписи неизвестно.

Еще одно надгробие с Гефсиманского участка, также найденное в 1891–1892 гг., содержало чрезвычайно интересный и довольно длинный греческий текст: «Могила принадлежит Феодулу, бывшему привратником Святого Воскресения, и Петру, богобоязненному привратнику того же [храма], его сыну, и всему их дому»⁸¹. Из надписи ясно, что хозяевами гробницы были несколько поколений привратников храма Воскресения. Местонахождение этой надписи также неизвестно.

Еще одна плита с греческой эпитафией была найдена на русском участке в 1885 г. Сегодня она установлена напротив дома настоятельницы (рис. 7). Текст

⁷⁶ «Отчет по ревизии денежного и материального хозяйства и по обозрению недвижимых имуществ, счетоводства и отчетности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»: Россия в Святой Земле... Т. 2. С. 162.

⁷⁷ К 1935 г. никаких древностей на участке, по всей видимости, уже не осталось. Описывая археологические открытия в Яффо, Г. Лукьянов пишет, что в 60-е гг. XIX в. «найденные предметы и надписи были отправлены в Петербург»: Лукьянов Г. Исторические места в русских владениях в Святой Земле // Святая Земля. 1935. Вып. 6. С. 134. На самом деле, яффские находки находились в Иерусалиме как минимум до начала 70-х гг. XX в.: здесь несколько надписей из русской коллекции были сфотографированы яффским археологом Я. Капланом, а впоследствии даже выставлялись в Музее Израиля. См. каталог выставки: *Inscriptions Reveal*. Israel Museum, Jerusalem, 1972. No 265–267. Р. 264–267 (помечены как собственность РПЦЗ).

⁷⁸ *Архим. Антонин*. Древнехристианские гробницы на месте православной церкви св. Марии Магдалины // Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М., 2010. С. 334–338.

⁷⁹ Там же. С. 336. Рис. 1.

⁸⁰ *Di Segni L.* Corpus... Vol. I/2. No 912.

⁸¹ *Ibid.* No 913.

надписи гласит: «Могила Иоанна, в земной жизни кожевенника»⁸². По всей видимости, родственники Иоанна использовали старый надгробный камень со сбитым текстом: поверхность плиты чрезвычайно неровная, а сама надпись расположена в нижней части плиты, что нехарактерно для подобных надгробий.

В 1892 г. при строительстве домов в память великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Георгиевны в северной части участка были обнаружены еще две древние погребальные пещеры. Первая оказалась пуста, а во второй была найдена надгробная плита с греческой надписью, упоминающая Иоанна Армянина, хозяина гостиницы (рис. 8). В заметке Капустина, посвященной этим находкам, типографски воспроизведен только текст надписи⁸³. Снимок этой прежде неизвестной эпитафии обнаружился в архиве ГМИР в Петербурге, в составе фотографической коллекции ИППО (П-2477)⁸⁴. Сегодняшнее местонахождение надписи неизвестно.

Еще одно надгробье, хранящееся сегодня в Русской Гефсимании, не было найдено непосредственно на участке (рис. 9). По свидетельствам XIX в., его обнаружили в 1892 г. на противоположном берегу Кедрона, рядом с греческой церковью св. Стефана. Греческий текст надписи гласит: «Могила принадлежит монастырю дев-аполинарианок»⁸⁵. Согласно византийским литературным источникам, в середине V в. на Святой Земле побывала преподобная Аполония, дочь римского императора Антемия, жившая тогда монахиней в Египте. В Иерусалиме она основала женский монастырь, в котором селились монахини италийского происхождения. Где именно находился монастырь, в точности неизвестно, но его предлагалось локализовать на Масличной горе. Скорее всего, надпись была приобретена о. Антонином для русской коллекции. Как видно из нашего перечня, на Гефсиманском участке было найдено пять византийских плит с надписями; еще одна, обнаруженная поблизости, хранилась здесь же.

Иерихонские находки XIX в. можно реконструировать благодаря архивной работе, предшествовавшей возобновлению раскопок на так называемом «Иосафовском участке» экспедицией Института археологии РАН, возглавляемой одним из авторов настоящей статьи (Л.Б.). Это части архитектурного декора, главным образом фрагменты колонн, и сегодня находящиеся на месте, каменная и керамическая посуда византийского и раннеисламского периода и бронзовая византийская утварь, видимо, церковного назначения: эти мелкие вещи вскоре после раскопок перевезены в Иерусалим⁸⁶.

Останься каждое из малых собраний на своем месте, идентифицировать их древности было бы значительно проще. Однако, большая часть находок вскоре была сконцентрирована в Иерусалиме.

⁸² Ibid. No 989.

⁸³ *Архим. Антонин*. Новые археологические находки на Русском месте близ церкви Св. Марии Магдалины на Елеонской горе // Сообщения ИППО. Вып. 3. СПб., 1892. С. 355–356.

⁸⁴ *Tchekhanovets Y. A Byzantine Epitaph of Ioanes the Armenian from the Mount of Olives, Jerusalem // Scripta Classica Israelica*. 2017. Vol. 36. P. 141–147.

⁸⁵ *Di Segni L. Corpus...* Vol. I/2. No 901.

⁸⁶ Подробный разбор этих находок и архивные материалы опубликованы в: *Беляев Л.А.* Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М., 2016. С. 65–82. Илл. 74–75. См. также: *Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н.* К истории русских археологических исследований в Иерихоне // *Российская Археология*. 2009. № 3. С. 153–161.

Рис. 7. Надгробие Иоанна кожевенника, Гефсиманский участок. Фото авторов

Рис. 9. Надгробие дев-аполинарианок, Гефсиманский участок. Фото авторов

Рис. 8. Надгробие Иоанна армянина. Коллекция ИП-ПО. ГМИР, инв. ном. П-2477

Судьба коллекции в XX в.

После смерти Капустина в 1894 г. две комнаты в зданиях РДМ, содержавшие коллекцию древностей, были опечатаны, но их приходилось открывать (например, чтобы во исполнение завещания Капустина отправить в Эрмитаж монеты и «голову Ирода»). Ведущие русские ученые — Ф.И. Успенский, А.А. Олесницкий, М.И. Ростовцев — неоднократно выражали свое беспокойство о судьбе русского собрания⁸⁷. В дневнике о. Антонин упоминает о «нумерации» экспонатов⁸⁸, но после его смерти ничего похожего на каталог в его бумагах не оказалось. Описать коллекцию после долгих проволочек предложили А.А. Олесницкому, но он приехать в Иерусалим не смог⁸⁹.

Мы убедились, что и профессор Московской Духовной Академии В.Н. Мышцын, прибыв в Иерусалим в 1900 г., научного описания вещей не составил. В его каталоге библиотеки архимандрита Антонина последние листы заполнены неряшливыми черновыми записями, относящимися к коллекции⁹⁰. Там упомянуты обломки каменных плит, в том числе «греч. и евр. Schalom» (это плиты из яффского некрополя), плита с надгробием из Елеонской церкви (вероятно, надгробие кубикулярии Феодосии), «египетские головы» и «кипрские кувшины», «слепок с т. н. головы Ирода», «саркофаги — 11 штук» (судя по замерам, это каменные оссуарии, боковой рельеф одного из них зарисован), и т. д. Эта опись несравненно менее информативна, чем фотографии, и не дает даже отдаленного представления о богатстве русской коллекции. На снимки не попал только один памятник, отраженный в записях Мышцына — каменный рельеф, обнаруженный при раскопках византийской базиликальной церкви на Елеоне, фрагмент притолоки с христограммой и буквами Α и Ω, вписанными в медальон⁹¹.

Уже не надеясь получить подробный каталог, Синод разрешил передать коллекцию РДМ без всякой описи. По некоторым свидетельствам, между 1903 и 1914 гг. о. Леонид (Сенцов), деятельный глава РДМ, устроитель новых русских владений, продолжал пополнять коллекцию⁹². Мы не знаем, покупал ли он новые экспонаты или только складывал в хранилище случайные находки с русских участков, поступавшие в его время. Когда именно в Иерусалим перевезли древности с других участков, предстоит проверить: согласно описи имущества РДМ от ноября 1914 г., они еще оставались на своих местах⁹³.

С началом Первой Мировой войны граждане России, в том числе духовенство, должны были покинуть Святую Землю, и здания Русского подворья заняли османские учреждения⁹⁴. Когда в 1919 г., после установления британского мандата над Палестиной, русские вернулись, многие их здания, в том числе большую

⁸⁷ Дневник. С. 264.

⁸⁸ Дневник. С. 294.

⁸⁹ Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей». С. 388.

⁹⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1240. л. 160–163.

⁹¹ *Clermont-Ganneau Ch. Archaeological Researches...* Vol. 1. P. 328.

⁹² Гурулева В.В. «В Палестине скоро будет русский музей». С. 393.

⁹³ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 162.

⁹⁴ Занемонец А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в Первую мировую войну: выживание // Иерусалимский Православный Семинар. 2013. Вып. 4. С. 107–112.

Рис. 10. Члены РДМ и паломники у здания будущего музея на Елеоне, 1890-е гг.
В центре о. Антонин Капустин и А.И. Кадышева

часть зданий Миссии, заняли британские военные и гражданские службы. Видимо, вскоре начался и процесс консолидации коллекции.

Чрезвычайно интересные сведения, проливающие свет на новую организацию собрания в хранилище на Елеоне в конце 20-х гг. XX в., содержат недавно опубликованные дневники о. Киприана (Керна), недолго занимавшего пост начальника РДМ в Иерусалиме⁹⁵. На протяжении нескольких месяцев в 1929 г. коллекцию разбирали русские ученые-эмигранты, Г.И. и Е.С. Лукьяновы. Именно они создали первый русский музей древностей, поместив его на территории Спасо-Вознесенского монастыря на Елеоне, в «доме Кадышевой», выстроенном над византийской мозаикой, раскрытой в 70-е гг. XIX в.⁹⁶ Лукьяновы написали и первые научные работы по археологии русских участков⁹⁷. Керн описывает готовый музей: «Был сегодня на Елеоне с Лукьяновыми, осмотрел устроенный уже ими музей. Действительно что-то очень хорошее. Прежде всего создается

⁹⁵ о. Киприан (Керн). «Се восходим в Иерусалим». Иерусалимские дневники (октябрь 1928 — июнь 1930 года) / Публ. А. Занемонец. Иерусалим, 2013.

⁹⁶ Loukianoff E. Le musée du couvent Russe du Mont des Oliviers à Jérusalem // Extrait du Bulletins de l'Institut d'Égypte. 1930–1931. Vol. 13. P. 97–101.

⁹⁷ Loukianoff G. Les lieux historiques dans les propriétés Russe de Palestine // Extrait du Bulletins de l'Institut d'Égypte. 1931–1932. Vol. 14. P. 69–77; Idem. 'Ο 'Ελαιών // Memoirs présentés à l'Institut d'Égypte. 1939. Vol. 42.

впечатление культурного уголка, оборудованного с любовью, старанием и, вероятно, знанием дела. Все расставлено по сорту, роду, виду, эпохам и т. д.; куски мумий и окантованные банделеты с них развешаны по стенам. Стелы тоже рассортированы и расставлены... Словом, отрадное впечатление»⁹⁸.

Но культурная инициатива неожиданно встретила серьезное противодействие монастырских насельниц. Позволим себе процитировать обширный фрагмент дневниковой записи о. Киприана, проливающий свет на новый раздел собраний и во многом объясняющий дальнейшие долгие годы полного пренебрежения к древним экспонатам:

Думалось, что с отъездом Лукьяновых атмосфера елеонских скорбей и смущений рассеялась, но, оказывается, враг силен и весьма опытен. То монашкам неугоден был музей, потому что скоро конец мира будет, и они боялись Лукьянова, что он останется. А теперь нашлось другое — «идолы». Не знаю, где первопричина, но это и неважно, какая Марья или Дарья это первое выдумала, важно, что это со смаком и удовольствием распространяется. И кем? Добро бы еще какой-нибудь фанатичной м. Поликсенией, которая из-за музея и Лукьянова готова была с аввакумовой ревностью идти чуть ли на костер. Нет, а то ведь главные распространители и разжигатели — это интеллигентные люди. На днях пришла в миссию Вал. Ник. Цветкова, зашла ко мне в кабинет и давай мне среди всей прочей чепухи доказывать: «Нет, Вы подумайте, отец Архимандрит, ведь это ужасно, на том месте, где вознесся Спаситель, где так молилась Божия Матерь — Вы собираете идолов!» Я спервоначалу не понял, а потом, когда узнал, что это египетские фараоны и боги, всякие Аменхотепы и Озирисы, то не знал, смеяться ли или возмущаться. Так и нельзя разубедить. Вместо того, чтобы разубеждать матушек-кликуш, рассеивать темноту и невежество ханжеского суеверия, они еще их поддерживают. Еще и ссылаются на авторитет какого-то там ее знакомого католического папстера, который уверяет всех (ей подобных), что «les diables et les mauvaise esprits s'accrochent ces pierres vertes (?) et morceaux de bois». Она мне долго толковала про какую-то отравленную атмосферу вокруг этих «идолов».

Вчера уже новая версия и новое кликушество. Копия той головы Ирода, которую так ценил о. Антонин и которую отправил в Эрмитаж, копия ее стоит на Елеоне в музее. Казалось бы ничего! Ан и тут враг попутал — «вот, говорит, тут в часовне под мозаикой было место первого погребения главы Предтечевой, — а они тут голову Иродову хранят!» (sic!).

В результате Владыка⁹⁹ решил сегодня перенести сюда в Миссию идолов и все смущающее строгое благочестие елеонских подвижниц (...) В результате о. Серафим¹⁰⁰ и А.А. Петров¹⁰¹ сегодня привезли с Елеона голову Ирода и пять штук идолов (...).

«Я ей (Марье Петровне Кузнецовой — хитроумной и елейной старице) говорю, — рассказывает о. Серафим, — ведь это же музей. А разве вы не понимаете, что такое это значит. Ведь в музее все что хотите найдете. Там и не такое бывает. Ведь эти-то статуи ни кто-нибудь нашел да принес, а их семьдесят лет тому назад сам батюшка о. Антонин нашел да сюда привез. Про них во всех книжках написано, только у нас эти книги теперь потеряны. А Вы говорите, идолы!»¹⁰².

⁹⁸ Запись от 2 (15) сентября 1929 г.: о. Киприан (Керн). «Се восходим в Иерусалим». С. 66.

⁹⁹ Архиепископ Анастасий (Грибановский), наблюдающий за делами РДМ в Иерусалиме от Синода РПЦЗ.

¹⁰⁰ О. Серафим (Седов), член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

¹⁰¹ Александр Петров, вскоре принявший постриг как иером. Афанасий, в 1930–1931 г. глава РДМ в Иерусалиме.

¹⁰² Запись от 11 (24) сентября 1929 г.: о. Киприан (Керн). «Се восходим в Иерусалим». С. 70–71.

Избавившись от главных идолов, более уже не появлявшихся в поле зрения ученых, обитательницы монастыря, видимо, постепенно привыкли к собранию. Посещение музея скоро стало неперенным пунктом программы осмотра монастыря, и в 30–40-е гг. XX в. туда охотно ходят посетители¹⁰³.

По окончании Второй Мировой войны и образования государства Израиль в 1948 г. ситуация снова усложнилась: Иерусалим оказался разделенным между Израилем и Иорданией. В западной части города открывается Русская Духовная Миссия РПЦ Московской Патриархии, заявляющая свои права на земельное и церковное имущество. Зарубежная РПЦ открывает собственное новое представительство на Елеоне¹⁰⁴. У нас нет сведений о состоянии русской коллекции древностей на протяжении нескольких десятилетий. После Шестидневной войны 1967 г. восточная часть города также оказывается в израильских руках. В начале 70-х гг. XX в., при начальнике РДМ РПЦЗ еп. Антонии (Габбе), на аукцион был выставлен самый ценный экспонат коллекции, «табличка Озии», немедленно купленный Музеем Израиля¹⁰⁵.

Судьба других памятников из русского собрания и до сего дня неизвестна, остатки коллекции по-прежнему остаются на Елеоне и по-прежнему скрыты от посетителей. Думаем, однако, что это не наносит серьезного урона мировой науке. Как мы видим, самые важные вещи попали в собрания крупных музеев и хорошо изучены; другие (по крайней мере, основная масса монет) так или иначе, уже утрачены и, видимо, безвозвратно; третьи можно охарактеризовать по фотографиям и другим документам.

Мы имеем полное основание характеризовать собрание о. Антонина (Капустина) как соответствовавшее своей эпохе. Это была хорошая основа для системы сайт-музеев русских участков и, пожалуй, для учебной коллекции образцов некоторых видов палестинских древностей. К сожалению, такие музеи не были устроены, а собрание в значительной мере расстроено.

Все же даже остаток коллекции представляет известный интерес. Открытие собрания для публики, несомненно, привлечет к монастырю и к его истории особое внимание не одних только паломников из России, но и ученых, русских и зарубежных, особенно исследующих древности византийской эпохи в Святой Земле.

Для развития науки был бы важен и сам процесс обработки коллекции для полного введения в научный оборот: он может стать полем подготовки будущих русских специалистов по византийской и, в целом, сиро-палестинской археологии. Для этого есть и потребность, и необходимые кадры: сотрудники Иерихон-

¹⁰³ «Русский Елеонский монастырь посетил Верховный Комиссар Палестины, Его Превосходительство сэр Артур Воукоп в сопровождении свиты из 10 человек. Встреченный у ворот обители Начальником РДМ, архимандритом Антонием и настоятельницей монастыря игуменией Меланией, Верховный Комиссар обошел монастырь, посетил храм, древнюю мозаику на месте обретения Главы Иоанна Крестителя, и музей, внимательно расспрашивая о монастырской жизни»: Хроника // Святая Земля. 1935. Вып. 1. С. 18.

¹⁰⁴ Гультяев Р. К истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме: период арабо-еврейской войны в Иерусалиме 1948 г. / Иерусалимский Православный Семинар. 2013. Вып. 4. С. 69–90.

¹⁰⁵ Деятельность еп. Антония на постах главы РДМ РПЦЗ и главы ИППО отмечена мощной волной продаж русских земельных участков по всей стране, объемом значительно превосходящей «апельсиновую сделку» 1964 г. между советским и израильским правительствами по продаже части Русского подворья в Иерусалиме.

ской экспедиции уже накопили серьезный опыт работы с вещами византийского и античного периодов, они в состоянии обеспечить экспертизу собрания.

ЧЕХАНОВЕЦ Яна

PhD, старший научный сотрудник

Институт археологии

Тель-Авивский университет

Служба древностей Израиля (Иерусалим)

P.O.B. 586 Jerusalem

Электронная почта: yanatchk@gmail.com

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич

Член-корреспондент РАН

Доктор исторических наук

Заведующий отделом археологии

Московской Руси

Институт археологии РАН (Москва)

Ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

117036 Москва

Электронная почта: labeliaev@bk.ru

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019

ISSN 0132–3776

Yana TCHEKHANOVETS, Leonid BELYAEV

THE PALESTINIAN MUSEUM OF ANTONIN KAPUSTIN: CURRENT STATE AND PERSPECTIVES OF RESEARCH

Abstract: The article presents the current understanding of the antiquities collections assembled by archimandrite Antonin Kapustin during his years as a head of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, in the decades 70–80-s of the 19th c. The collection, typical for the 19th century Holy Land assemblages, contained numerous epigraphic and numismatic finds and various archaeological objects, mainly dated to the Roman and Byzantine periods. Certain parts of the collection are exhibited today in Russian and Israel state museums. The pearls of the Russian collection were long ago identified and published; other disappeared or remain unavailable for contemporary research. However, photos and archival documentation of the finds may help to reconstruct the outline of the collection and to create a sort of its “virtual catalogue”. Centenarian enhancement of archaeological research of the Holy Land facilitates the contemporary attribution of the finds, their merging into historical and cultural context, and discerning the forgeries. It seems that in its contemporary state of preservation, the collection does not represent considerable scientific value. Nevertheless, its finds may serve future exhibitions, and the future study of the collection could be used as an educational basis for a new generation of Russian scholars, willing to take a part in its research.

Keywords: Near Eastern studies, the Holy Land, archaeology, epigraphy, collections, forgery.

Literature Cited

Allegro, J.M. *The Shapira Affair*. Doubleday, 1965.

Amiran, R. *The Ancient Pottery of Eretz Israel*. Jerusalem, 1971.

- Arbel, Y. "The Jews of Jaffa in the Roman Period." In *Arise, Walk through the Land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld in the Tenth Anniversary of his Demise*, ed. by J. Patrich, O. Peleg-Barkat, E. Ben-Yosef. Jerusalem, 2016. P. 173–184.
- Bagatti, B. *Gli scavi del "Dominus Flevit" (Monte Oliveto, Gerusalemme)*. Vol. 1. Jerusalem, 1958.
- Barag, D. "Brick Stamp-Impressions of the Legio X Fretensis." *Bonner Jahrbücher* 167 (1967). P. 244–267.
- Belyaev, L.A. "Tradiciia russkikh arheologicheskikh issledovanii v Svyatoj Zemle [The tradition of Russian Archaeological Research in the Holy Land]." *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* 105 (2007). P. 43–55 (in Russian).
- Belyaev, L.A. *Hristianskie drevnosti [Christian antiquities]*. Moscow, 2001 (in Russian).
- Belyaev, L.A. *Vizantijskij Ierihon: raskopki spustya stoletie. Materialy Rossijsko–Palestinskoj arheologicheskoi ekspedicii 2010–2013 gg. [Byzantine Jericho: excavations a century later. Materials of the Russian–Palestinian archaeological expedition 2010–2013]*, ed. by N.A. Makarov. Moscow: Indrik, 2016 (in Russian).
- Belyaev, L.A., Butova, R.B., and Lisovoi, N.N. "Arheologicheskie pamyatniki russkoi Palestiny po arhivnym materialam 1870–1910-h godov [Archaeological Sites of Russian Palestine Based on Archival Materials of the 1870–1910s]." *Rossiiskaia arheologija* 4 (2009). P. 43–55 (in Russian).
- Ben-Eliahu, E. "The Source of the Tombstone Inscription of Uzziah." *Cathedra* 98 (2000). P. 157–158 (in Hebrew).
- Braslavi, J. "A Guide to Jerusalem from the Cairo Genizah." *Erets Israel* 1 (1964). P. 69–80 (in Hebrew).
- Butova, R.B., and Lisovoi, N.N. "K istorii russkikh arheologicheskikh issledovanij v Ierihone [On the history of Russian archaeological research in Jericho]." *Rossiiskaia Arheologija* 3 (2009). P. 153–161 (in Russian).
- Chekhanovec, Y.A., and Vah, K. "O proiskhozhdenii ierusalimskoi nadpisi vethozavetnogo caria Ozii [On the Origin of the Jerusalem Inscription of the Old Testament King Uzziah]." *Ierusalimskii pravoslavnyi seminar* 7 (2017). P. 9–18 (in Russian).
- Di Segni, L. "An Inscribed Roof Tile from the Bakery." In *The Temple Mount Excavations in Jerusalem, 1968–1978, Directed by Benjamin Mazar*, ed. by E. Mazar. Vol. 4. Jerusalem, 2011. P. 235–238.
- Di Segni, L. *Corpus Inscriptionum Iudae — Palaestinae*. Vol. I/2. Berlin, 2012.
- Dmitrevskii, S.M. *Russkie raskopki na Eleonskoj gore [Russian excavations on the Mount of Olives]*. Moscow, 2006 (in Russian).
- Fedotov, P. "Blizhnij Vostok v snimkah konca XIX — nachala XX v. Obzor fotografij iz «Palestinskoj kolekcii» GMIR [The Middle East in the photographs of the late XIX — early XX centuries. Review of photos from the "Palestinian Collection" GMIR]." *Ierusalimskii pravoslavnyi seminar* 6 (2016). P. 177–200 (in Russian).
- Geva, H. "Stamp Impressions of the Legio X Fretensis." In *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982*, ed. by H. Geva. Vol. 2. Jerusalem, 2003. P. 405–422.
- Gibson, S. "Stone Vessels of the Early Roman Period from Jerusalem and Palestine: A Reassessment." In *One Land — Many Cultures: Archaeological Studies in Honour of S. Loffreda*, ed. by G.C. Bottini, L. Di Segni, and D. Chrupcala. Jerusalem, 2003. P. 187–308.
- Gibson, S. and Nagorsky, A. "On the So–Called Head of Hadrian and A Hypothetical Roman Triumphal Arch on the North Side of Jerusalem." In *Arise, Walk through the Land. Studies in the Archaeology and History of the Land of Israel in Memory of Yizhar Hirschfeld in the Tenth Anniversary of his Demise*, ed. by J. Patrich, O. Peleg-Barkat, and E. Ben-Yosef. Jerusalem, 2016. P. 149–172.

- Gul'tyaev, R. "K istorii Russkoj Duhovnoj Missii v Ierusalime: period arabo-evrejskoj vojny v Ierusalime 1948 g. [To the history of the Russian Spiritual Mission in Jerusalem: the period of the Arab-Jewish war in Jerusalem 1948]." *Ierusalimskii pravoslavnyi seminar* 4 (2013). P. 69–90 (in Russian).
- Guruleva, V.V. "Arhimandrit Antonin kak numizmat [Archimandrite Antonin as a numismatist]." In *Gosudarstvennyi Ermitazh. Numizmaticheskii sbornik 1998. K 80-letiiu V.M. Potina*. Saint-Petersburg, 1998. P. 235–243 (in Russian).
- Guruleva, V.V. "Russkie kollekcionery pamyatnikov numizmatiki na Pravoslavnom Vostoke (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Russian Collectors of Numismatic Monuments in the Orthodox East (Second Half of the 19th — early 20th centuries)]." In *Piligrimy. Istoriko-kul'turnaya rol' palomnichestva Pilgrims. Sbornik nauchnykh trudov*. Saint Petersburg, 2001. P. 168–169 (in Russian).
- Guruleva, V.V. "V Palestine skoro budet russkii muzei. Muzei arhimandrita Antonina v Ierusalime [There will soon be a Russian museum in Palestine. Archimandrite Antonin Museum in Jerusalem]." *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* 30 (2007). P. 384–395 (in Russian).
- Kark, R. *Jaffa: A City in Evolution. 1799–1917*. Jerusalem, 1992.
- Kern, C. "Behold we ascend to Jerusalem". *Jerusalem Diaries (October 1928 — June 1930)*, ed. by A. Zananon. Jerusalem, 2013.
- Kloner, A. and Zissu, B. *The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period*. Jerusalem, 2003.
- Lisovoi, N.N., and Butova, R.B., eds. *Dnevnik arhimandrita Antonina (Kapustina). 1881 god. [The Diary of Archimandrite Antonin (Kapustin). The year 1881]*. Moscow, 2011 (in Russian).
- Lisovoi, N.N., ed. *Rossii v Svyatoy Zemle. Dokumenty i materialy [Russia in the Holy Land. Documents and materials.]*. Vol. 1. Moscow, 2000 (in Russian).
- Loukianoff, E. "Le musée du couvent Russe du Mont des Oliviers à Jérusalem." *Extrait du Bulletins de l'Institut d'Égypte* 13 (1930–31). P. 97–101.
- Loukianoff, G. "Les lieux historiques dans les propriétés Russe de Palestine." *Extrait du Bulletins de l'Institut d'Égypte* 14 (1931–32). P. 69–77.
- Magen, Y. *The Stone Vessel Industry in the Second Temple Period: Excavation at Hizma and Jerusalem*. Jerusalem, 2002.
- Nagorskaya, A., and Gibson, S.H. "Istoriia odnoi ierusalimskoi nahodki: o tak nazyvaemoi ierusalimskoi golove imperatora Adriana [The Story of a Jerusalem Find: the so-called Jerusalem Head of Emperor Hadrian]." *Ierusalimskii pravoslavnyi seminar* 6 (2015). P. 135–154 (in Russian).
- Peleg, O. "The Roman Marble Sculptures from the Temple Mount Excavations." In *Temple Mount Excavations*, ed. by E. Mazar. Vol. 4. Jerusalem, 2011. P. 305–317.
- Price, J.J. "The Necropolis at Jaffa and its Relation to Beth She'arim." In *Judea–Palestina, Babylon and Rome: Jews in Antiquity*, ed. by B. Isaac, and Y. Shahar. Tübingen, 2012. P. 215–225.
- Rahmani, L.Y. *A Catalogue of Jewish Ossuaries in the Collections of the State of Israel*. Jerusalem, 1994.
- Reuven, P. "Archeological Evidence of Emperor Julian's Attempt to Rebuild the Jewish Temple." In *New Studies on Jerusalem*, ed. by E. Baruch. Vol. 18. Ramat Gan, 2012. P. 333–349 (in Hebrew).
- Reuven, P. "A Statue of an Eagle with a Medallion Containing a Monogram, Found on the Temple Mount." *Eretz-Israel* 28 (2007). P. 206–210 (in Hebrew).
- Rosenthal, R., and Sivan, R. *Ancient Lamps in the Schloessinger Collection*. Jerusalem, 1978.
- Salmon, I. "Truly Faked": *Moses Wilhelm Shapira, Master Forger. Exhibition Catalogue*. Jerusalem, 2000.
- Shamir, O. "Loomweights and Whorls." In *Excavations at The City of David 1978–85*, ed. by D.T. Ariel. Vol. 4. Jerusalem, 1996. P. 135–170.

- Silberman, N.A. “Structuring the Past: Israelis, Palestinians, and the Symbolic Authority of Archaeological Monuments.” In *The Archaeology of Israel: Constructing the Past, Interpreting the Present*, ed. by N.A. Silberman, and D. Small. Sheffield, 1997. P. 62–81.
- Sukenik, E.L. “Funerary Tablet of Uzziah, King of Judah.” *Palestine Exploration Quarterly* 63 (1931). P. 217–221.
- Tchekhanovets, Y. “A Byzantine Epitaph of Ioanes the Armenian from the Mount of Olives, Jerusalem.” *Scripta Classica Israelica* 36 (2017). P. 141–147.
- Tchekhanovets, Y. *The Caucasian Archaeology of the Holy Land: Armenian, Georgian and Albanian Communities between the Fourth and Eleventh Centuries CE*. Leiden and Boston, 2018.
- Val’dgauer, O.F. *Gosudarstvennyj Ermitazh. Antichnaya skul’ptura [State Hermitage Museum. Antique sculpture]*. Petrograd, 1924 (in Russian).
- Voshchinina, A.I. “Golova imperatora Adriana iz Elii Kapitoliny i nekotorye zamechaniya o portretnoj skul’pture Sirii [Head of Emperor Hadrian of Elia Capitolina and some comments on the portrait sculpture of Syria].” *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* 13 (1972). P. 124–134 (in Russian).
- Yardeni, A., and Price, J. *Corpus Inscriptionum Iudae — Palestine*. Vol. 1. Berlin, 2010.
- Zanemonec, A. “Russkaia Duhovnaia Missiia v Ierusalime v Pervuiu mirovuiu voinu: vyzhivanie [Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem in World War I: Survival].” *Ierusalimskii Pravoslavnyi Seminar* 4 (2013). P. 107–112 (in Russian).
- Zelenina, Y.A., and Belik, Z.H. *Pervye russkie hramy v Ierusalime: Troickij sobor i cerkov’ muchenicy Aleksandry [The first Russian Churches in Jerusalem: Trinity Cathedral and the Church of the Martyr Alexandra]*. Moscow, 2011 (in Russian).

Yana TCHEKHANOVETS

PhD, Senior researcher
Institute of Archaeology
Tel Aviv University
Israel Antiquities Authority,
P.O.B. 586 Jerusalem

e-mail: yanatchk@gmail.com

Leonid BELYAEV

Corresponding member
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of History
Head of Moscow Rus Archeology Department
Institute of Archeology of the Russian
Academy of Sciences (Moscow)
Dmitry Ulianov str. 19
117036 Moscow

e-mail: labeliaev@bk.ru

К.В. Федосеева

ИСТОРИЯ ВЕНЕЦИИ И ВИЗАНТИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.П. СОКОЛОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАЩИТЫ ЕГО ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ И НОВЫМ АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Аннотация: Рассматриваются новые факты научной биографии горьковского историка Николая Петровича Соколова (1890–1979). Особое внимание уделено аспектам, касающимся взаимодействию Н.П. Соколова с ведущими советскими византистами из сектора, возглавляемого Е.А. Косминским. В фокусе исследования находилась также защита докторской диссертации Н.П. Соколова «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы» (1954 г., Ленинград). В связи с защитой диссертации рассмотрены особенности взаимоотношений Н.П. Соколова с коллегами и научными оппонентами как вовремя, так и после защиты докторской диссертации. Изучены основные направления научной работы Н.П. Соколова в связи его научными интересами в области отношений Византии и Венеции.

Ключевые слова: Н.П. Соколов, С.И. Архангельский, Н.В. Пигулевская, А.Д. Люблинская, И.И. Любименко, В.И. Рутенбург, М.В. Левченко, история Венеции, история Византии, история науки, научная биография.

В 2019 г. исполняется 40 лет со дня смерти видного отечественного историка Николая Петровича Соколова (14 ноября 1890 г. — 16 августа 1979 г.). Н.П. Соколов, будучи представителем «младшего поколения школы Н.И. Кареева, являющейся преемницей русской исторической школы», сумел сохранить традиции «*École russe*» после 1917 г.¹ Его работы вызвали живой интерес у отечественных и зарубежных ученых².

В современной историографии интерес к творчеству Н.П. Соколова также сохранился³. Одним из дискуссионных вопросов научной деятельности Н.П. Соколова является подготовка и защита им докторской диссертации «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы»⁴ и связанные с ней публикации ученого.

¹ Зезегова О.И. Традиции «*École russe*» в исследованиях советских историков // Диалог со временем. 2008. Вып. 24. С. 248–262.

² И.Е. Зезегова указала на работу Н.П. Соколова «Образование Венецианской колониальной империи» (1963 г.), изданную в 1985 г. в Варшаве на польском языке: *Sokolov N. Narodziny Weneckiego Imperium Kolonialnego*. Warszawa, 1985. 447 s.

³ См. например: Учёный. Эпоха. Память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Сборник статей и материалов. Нижний Новгород, 2011. 139 с.

⁴ Климанов Л.Г. «В порядке научной дискуссии»: В.И. Рутенбург и Н.П. Соколов о Венеции XIII в. // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб., 2014. С. 41–49.

Путь Н.П. Соколова к защите докторской диссертации начался с конца 1943 г. «Стержнем задуманного труда становится возникновение и развитие колониальной экспансии крупнейшей городской республики европейского средневековья — Венеции»⁵, — отмечали его ученики. его коллега, историк С.И. Архангельский давал научной работы Н.П. Соколова такую характеристику: «Н.П. Соколов вступил в ряды преподавателей Горьковского Педагогического Института в 194_ г. (sic!), имея основательную научную подготовку и длительный стаж работы в средней школе, обладая знанием двух древних языков, он уже в скором времени защитил кандидатскую диссертацию об общественно-философских взглядах Тюрго и выдвинулся среди преподавателей кафедры всеобщей истории как вполне подготовленный к учебной и научной работе ее представитель. На этом рост его не остановился; он продолжил упорную работу над овладением марксистско-ленинской методологии, участвуя в научно-технических конференциях»⁶.

На выбор темы докторской диссертации Соколова повлияло формирование группы по истории Византии Института истории АН СССР⁷. Многих историков, стоящих у ее истоков, он знал лично. Известно, что учителями Соколова в Императорском Петроградском университете были Н.И. Кареев, И.М. Гревс и М.И. Ростовцев. В семинаре М.И. Ростовцева по аграрной истории византийских провинций вместе с Соколовым занимался впоследствии известный византист Митрофан Васильевич Левченко⁸. Н.П. Соколов, судя по его более поздним публикациям, был хорошо знаком с историей развития отечественного византиноведения⁹.

Итак, Е.А. Косминский¹⁰ просил С.И. Архангельского найти историков для работы в группе по истории Византии. В начале января 1944 г. Архангельский

⁵ Кузнецов Е.В., Меженин В.М. Николай Петрович Соколов // Горьковский Государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Выдающиеся ученые. 1988. С. 130.

⁶ АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 552. Л. 1.

⁷ Соколов Н.П. Сорок лет советского византиноведения. Горький, 1959. С. 4: «В 1939 г. по инициативе академиков Грекова, Жебелева и Косминского при Ленинградском отделении АН СССР была создана первая византийская группа...»

⁸ Замечены параллели в происхождении и начале жизненного пути историков. В 1911–1915 гг. Левченко учился на историческом отделении Нежинского историко-филологического института князя Безбородко. Н.П. Соколов в 1914 г., а М.В. Левченко в 1915 г., окончив институт, продолжили обучение в Петрограде. М.В. Левченко был направлен в столицу Ученым Советом Нежинского института, как один из лучших выпускников. Рекомендую М.В. Левченко, Ученый Совет Нежинского института ссылаясь на оценки преподавателей Ф.В. Режабека и В.В. Новодворского. Особый интерес для биографов Н.П. Соколова представляет исторический семинарий Новодворского, где занимался М.В. Левченко. Тема работы Левченко типологически схожа с темой выпускной работы Н.П. Соколова, посвященной «Философско-исторической идее Тюрго» (переработанный текст этой работы был положен в основу его кандидатской диссертации). Однозначный вывод о руководстве В.В. Новодворского научной работой Н.П. Соколова в Нежинском институте позволяет сделать заметка Соколова, опубликованная в 1972 г. в газете «Горьковский Университет». В.В. Новодворский назван им одним из учителей. С учетом этих данных можно предположить, что Н.П. Соколов оказался в столице также являясь одним из лучших выпускников института. См.: Проф. Н.П. Соколов // Горьковский университет. 1972. 21 апреля. № 8 (921). С. 1.

⁹ Соколов Н.П. Сорок лет... С. 3.

¹⁰ Подробнее о роли Е.А. Косминского см.: Сашианов В.В. От группы к сектору: неизвестные страницы советского византиноведения (к публикации писем Е.А. Косминского и З.В. Удальцовой) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия История. 2015. Вып. 66. № 24. С. 210–214; Он же. Становление советского византиноведения в 40–50-е годы XX века: инсти-

пригласил в нее Н.П. Соколова¹¹. Архангельский отмечал готовность последнего к такому исследовательскому повороту: «В середине 40-х гг. он (Н.П. Соколов — *К. Федосеева*) приступил к собиранию и изучению источников своей докторской диссертации, выбрав тему, до того времени не освященную в советской исторической науке, — об образовании и внешней политике Венеции XI–XIII вв. С большим напряжением воли он шел к поставленной цели — раскрыть подлинные силы, двигавшие внешней политикой государства, соприкасавшегося с Византией, и со славянами, и с венграми, и с западными государствами. Н.П. Соколов не только перечитал и проанализировал множество источников и латинских, и греческих, и итальянских, но он ознакомился с обширной буржуазной историографией, вскрыв ее ошибки и ... приемы»¹².

Одной из недавно опубликованных работ, где упоминается имя Н.П. Соколова в связи с защитой им докторской диссертации, является статья Л.Г. Климанова 2014 г.¹³ Заслугой этого автора является публикация полного текста ответа Н.П. Соколова на замечания одного из оппонентов — В.И. Рутенбурга. Ответ на замечания «дает полное представление» об исследовательской позиции Соколова. Эти материалы весьма дополняют заметку В.А. Якубского «Защита докторской диссертации Н.П. Соколова «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы» в Ленинградском университете» 1956 г.¹⁴ «14 января 1954 г. на заседании Ученого совета Исторического факультета Ленинградского Государственного ордена В.И. Ленина университета им. А.А. Жданова состоялась защита докторской диссертации Н.П. Соколовым на тему «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы (XI–XIII)»¹⁵. К этому времени «Отдельные разделы работы опубликованы: «К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов» (Виз. вр. т. V, 1952), «Венецианская доля в византийском наследстве» (Виз. вр. т. VI, 1953), «Восточная политика венецианской плутократии в XII в.» (Уч. Записки Горьк. Гос. Унив., вып. 18, 1950), «Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником» (Научные труды Исторического факультета Горьк. Гос. Пед. инст. 1950)»¹⁶. Позднее она вышла в виде монографии. Официальными оппонентами на защите Н.П. Соколова выступили член-корреспондент АН СССР Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970), профессора Инна Ивановна Любименко (1878–1959) и Митрофан Васильевич Левченко.

Обстоятельства подготовки защиты докторской диссертации Н.П. Соколовым упомянуты в переписке С.И. Архангельского с ленинградским историком Инной Ивановной Любименко. Инна Ивановна, видимо, по просьбе С.И. Ар-

---

туциональный аспект // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 840–850.

¹¹ Григорьева Е.А., Кузнецов А.А. Историк Николай Петрович Соколов (новые данные к биографии ученого) // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 172.

¹² АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 552. Л. 2.

¹³ Климанов Л.Г. «В порядке научной дискуссии»: В.И. Рутенбург и Н.П. Соколов о Венеции XIII в. // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб. 2014. С. 41–49.

¹⁴ Якубский В.А. Защита докторской диссертации Н.П. Соколова «Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы» в Ленинградском университете // ВВ. 1956. Т. 8. С. 391–393.

¹⁵ Там же. С. 391.

¹⁶ Там же.

хангельского, занималась организационными вопросами защиты Н.П. Соколова. Она информировала Архангельского и Соколова по ряду вопросов: «Будьте добры передать проф. Соколову, что перед отъездом я отдала отзыв на его диссертацию М.В. Левченко, как заведующего кафедрой средних веков в Ленинградском университете. Если бы защиту назначили на май или первые числа июня, то могут зачитать мой отзыв ввиду отсутствия оппонента. Если понадобится экземпляр диссертации, который у меня, то его можно будет получить, т. к. в квартире моей будут жить родственники». И далее, в следующем письме: «Интересуюсь вопросом о плане Соколова, диссертация которого лежит у меня без движения. В его возрасте время терять как будто бы не следовало. Уезжая в Кисловодск, я отдала один экземпляр своего отзыва, который у меня давно написан, Левченко и предупредила племянницу, чтобы, в случае требования, она выдала находящийся у меня экземпляр диссертации. Ведь в крайнем случае мой отзыв могли бы просто зачитать. Но, по-видимому, все осталось в прежнем положении. Сроки защит подходят к концу, следовательно дело откладывается на осень?»¹⁷

Позднее в переписке С.И. Архангельский упомянул Нину Викторовну Пигулевскую: «Диссертация Н.П. Соколова передана Н.В. Пигулевской. Скоро будет защита, если Н.В. даст благоприятный отзыв»¹⁸. Любименко ответила: «Пигулевская обещает дать отзыв о работе Соколова в феврале. Она очень занята...»¹⁹ Позже Любименко писала: «Нина Викторовна Пигулевская говорила мне, что она ознакомилась с диссертацией Соколова и дала свой отзыв Левченко. Она считает, что допустить ее к защите можно; однако находит, что при ценном разборе политической ситуации социально-экономическая недостаточно развита; у меня тоже было впечатление, что экономического недостаточно принято во внимание»²⁰.

Диссертация была рекомендована к защите. В мае 1953 г., по словам Любименко, «Реферат Соколова наконец подписан к печати. Левченко пытался навязать Пигулевской и мне подписку его без себя, но мы настояли, чтобы он, как заведующий кафедрой, подписал в первую очередь. Вообще он страшно затянул это дело, давно можно было его повернуть. Не знаю, успеют ли до конца семестра теперь устроить защиту. Ведь после разсылки (sic!) реферата должен, кажется, пройти месяц. Хорошо, если быстро напечатают. В копии было очень много описок»²¹.

Но потом возникли проблемы. Из письма И.И. Любименко к С.И. Архангельскому от 3 мая 1953 г.: «А как поживает Соколов и думает ли он вообще защищать свою диссертацию? В первый раз в жизни мне пришлось столкнуться с такой тяжелой защитой и как раз у такого престарелого и почтенного кандидата. Конечно виноват в первую очередь Левченко, но и сам Соколов, по-видимому, не проявлял в этом вопросе никакой энергии»²².

Предоставим слово Н.П. Соколову, который в письме к И.И. Любименко от 5 января 1954 г. представил свое видение ситуации вокруг защиты:

¹⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 109.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 250. Л. 21об.

¹⁹ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 5.

²⁰ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 7.

²¹ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 10.

²² АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 12об.

Прошло более года, как я получил Ваш в высшей степени для меня лестный отзыв о моей работе и до сих пор еще не выразил Вам чувства глубочайшей признательности за Ваш бескорыстный труд и Ваше внимание. Вероятно Вы в первый раз в Вашей жизни встречаете столь неблагодарного автора, работа которого была предметом Вашего внимания. Позвольте, поэтому, начать это письмо с просьбы о Вашем великодушном прощении моего столь неблагодарного поведения.

Я должен, однако, сказать, глубокоуважаемая Инна Ивановна, что на пути к выполнению этого моего долга вежливости стояло одно препятствие довольно деликатного свойства. Сейчас есть возможность откровенно остановиться на этом обстоятельстве.

Вы, глубокоуважаемая Инна Ивановна, первой признали мою работу полностью отвечающей требованиям марксистско-ленинской методологии, — в частности, Вы согласились с моей характеристикой венецианского хозяйства, как хозяйства феодального.

Однако именно это положение встретило ожесточенную критику со стороны всех, кроме М.В. Левченко, членов кафедры истории средних веков университета. От меня потребовали в связи с этим переделать IV, XVI и XVIII гл. моей работы, причем, по мысли моих критиков, я должен был обнаружить уже в XI–XIII вв. «зачатки», «зародыши» и тому подобные вещи «от капитализма». Я наотрез отказался это сделать. Тогда дело с дальнейшим продвижением работы остановилось...

В это время я получил Ваш отзыв... Вы поймете, какой моральной поддержкой он был тогда для меня. Первой моей мыслью было послать Вам письмо с выражением величайшей благодарности... Но мысль, что работа моя задержана, почти забракована, чем косвенно «браковался» и Ваш отзыв, заставила меня остановиться: мне было грустно писать Вам, что в своем падении я в какой-то степени поставил и Вас в неловкое положение. Тогда я решил бороться и только после победы над своими противниками — их возглавляли А.Д. Люблинская и В.И. Рутенбург — выразить Вам свою признательность.

Началась «война» по почте. Кафедра мне прислала свое «заключение», я на него ответил своими «разъяснениями». Написала мне потом письмо сама А.Д. Люблинская о ее расхождении со мной, я ответил ей со своей стороны.

Все это проходило с медлительностью геологических периодов: Люблинская, например, написала мне свое письмо 5 января 1953 г., а кафедра мне послала его лишь 18 марта, правда этого же года и т. д. Я не обвиняю в этом кафедру, — мне нужно было съездить в Ленинград самому и с живыми людьми обменяться живой человеческой речью, а я этого не сделал.

Пока шла эта переписка вышел труд И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Одно из положений этой работы, именно суждение И.В. Сталина о товарном производстве в докапиталистических формациях подтвердило мой основной тезис и подорвало позиции моих критиков. Они начали тогда отступление...

Нет возможности, да пожалуй и необходимости, описывать, как оно протекало. Скажу только, что на диспуте они едва ли поднимут этот вопрос...

Не знаю, случилось ли Вам прочесть в последнем (IV) томе сборника «Средние века», в редакционной статье, посвященной основным задачам советской медиевистики, следующие строки: «Товарное и капиталистическое производство не разграничивались достаточно четко. Между ними порой ставился знак равенства. Такое положение открывало возможность проникновения в советскую медиевистику буржуазно-модернизаторских извращений, утверждая, что развитие товарно-

²³ Орфография и пунктуация автора сохранены.

денежных отношений уже знаменовало собою зачатки капиталистических форм производства» (стр. 5).

Это как раз и есть то, против чего я боролся.

Сегодня я получил отзыв Н.В. Пигулевской, также довольно благоприятный, где моя характеристика венецианского хозяйства, как хозяйства феодального, признается правильной.

Правильной признает ее и С.И. Архангельский, также, по-видимому, и М.В. Левченко, отзыва которого я, однако, пока еще не имею.

Таким образом, поддержанная Вами моя точка зрения на характер венецианского хозяйства окончательно восторжествовала. Это одновременно победа и Вашей точки зрения на этот вопрос. Вот почему теперь я с легким сердцем и с величайшей готовностью выражаю Вам, глубокоуважаемая Инна Ивановна, свою признательность за Ваш отзыв о моей работе и за ту высокую моральную поддержку, которую Вы мне в свое время этим отзывом оказали.

Позвольте закончить это письмо пожеланием Вам всего лучшего в новом, уже наступившем году.

Простите, что пишу на машинке, — мой почерк очень неразборчив.

Н. Соколов²⁴

Лишь 28 декабря 1953 г. И.И. Любименко сообщила С.И. Архангельскому:

Левченко полагает, что защита Соколова состоится в конце января, давно пора. По просьбе диссертанта они обещали выслать ему один экземпляр его отзыва, который передан им уже давно»²⁵. С.И. Архангельский вложил много сил в защиту докторской диссертации Н.П. Соколова. В частности, он писал Любименко: «Вам предстоит выступать на совете и оппонировать Н.П. Соколову, диссертация которого, наконец, ставится на защиту. Это первая русская работа по истории Венеции Средних веков и появление такого труда, который одновременно с историей Венеции также дает понятие о международных отношениях XI–XIII веков, в которых участвуют многие силы: Венеция, славяне, венгры, норманны и Византия, можно только приветствовать, как большое достижение нашей науки. Ведь Н.П. поднял массу источников, пролил свет на многие темные моменты прошлой жизни. Он предложил новую точку зрения на формы эксплуатации, имевшие место в венецианских владениях (Крит) и отверг теорию Зомбарта, как ложную и суетную»²⁶.

Интересно также письмо Н.П. Соколова Н.В. Пигулевской (также от 5 января 1954 г.), отправленное незадолго до защиты:

Сегодня получил Ваш отзыв с извещением, что защита назначена на 14-е января. Нахожу Ваш отзыв благосклонным и сердечно Вам благодарен за Вашу любезность и внимание. Мне очень приятно констатировать, что в основном вопросе, вопросе о характере венецианского хозяйства, Вы со мной согласны. Это был основной вопрос, вокруг которого вращались все мои споры с А.Д. Люблинской и В.И. Рутенбургом. И тот и другая требовали от меня признания в венецианском народном хозяйстве XI–XIII вв. «зародышей», «зачатков» капитализма. Я категорически отказался внести какие-либо изменения в мою работу в этом духе.

Соколов в защиту своей позиции привёл цитату из статьи «Очередные задачи Советской медиэвистики»:

²⁴ СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.

²⁵ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 15.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 250. Л. 22.

Не знаю, пришлось ли Вам обратить внимание на одно место в редакционной статье в последнем 4 сборнике «Средние века»²⁷, посвященной очередным задачам советской медиевистики. Здесь, между прочим, есть такое место: «Товарное и капиталистическое производство не разграничивалось достаточно четко. Между ними порой ставился знак равенства. Такое положение открывало возможность проникновения в советскую медиевистику буржуазно-модернизаторских извращений, утверждений, что развитие товарно-денежных отношений уже знаменовало собою зачатки капиталистических форм производства (стр. 5)»²⁸.

После цитаты Н.П. Соколов удовлетворенно подчеркнул: «Выходит, что не всегда полезно соглашаться со своими критиками». Н.В. Пигулевская, обращаясь в письме к Н.П. Соколову, назвала его профессором. Соколов ей заметил в конце своего письма: «...Вы ошибаетесь, именуя меня профессором, — я всего лишь скромный доцент... Эту поправку в Ваш отзыв внести ничего не стоит»²⁹.

По словам И.И. Любименко защита «... прошла блестяще и оставила в ней очень яркое воспоминание»; «она напомнила мне далекие времена, когда докторская защита была своего рода словесным турниром, а не чтением казенного образца по бумажкам, которое вошло теперь в такую печальную скучную моду»³⁰.

Любименко в последующих своих письмах к Архангельскому всегда передавала «привет» Соколову, интересовалась его судьбой. Так, в письме от 27 декабря 1954 г. она интересовалась у Архангельского: «Давно хотела Вас спросить, как устроился Соколов? Получил ли он профессиру после защиты? Он произвел на меня впечатление очень солидного и талантливого человека; жаль, что он поздно вернулся к исторической работе. Удастся ли ему напечатать свою книгу? Она безусловно очень ценная и жаль, если не увидит света. При случае, если он в Горьком, передайте ему от меня привет»³¹. Архангельский отвечал: «Н.П. Соколов работает на моей кафедре в университете»³². В степени доктора еще не утвержден. Работу печатает статьями в разных журналах, в том числе в наших „Ученых Записках“»³³. С осени 1954 г. Н.П. Соколов перешел «на штат университета»³⁴.

О защите писал В.А. Якубский:

Официальный оппонент проф. И.И. Любименко охарактеризовала диссертацию как весьма обстоятельное и серьезное исследование... В целом ... диссертация является интересным исследованием, в котором дан методологически правильный, а потому приводящий к ценным новым выводам анализ широко поставленной проблемы. ... Официальный оппонент член-корреспондент АН СССР, проф. Н.В. Пигулевская отметила, что исследование Н.П. Соколова восполняет пробел в советской историографии... Он опровергает распространенное в буржуазной исторической литературе мнение о том, что Венеция уже XI–XIII вв. была капиталистической, убедительно показывая, что здесь имело место товарное производство, но никак не капиталистическое, а венецианская знать не являлась буржуазной. ... Мало места в работе уделено народным движениям... Официальный оппонент проф. М.В. Левченко остановился

²⁷ Задачи Советской медиевистики // Средние века. 1953. Вып. 4. С. 3–8.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 371. Л. 1.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 371. Л. 1.

³⁰ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 17.

³¹ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 22–23.

³² Кафедра всеобщей истории.

³³ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 68. Л. 25.

³⁴ АРАН. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 52. Л. 186.

на тех разделах работы, в которых рассматриваются вопросы взаимоотношений Венеции и Византии. По его мнению, диссертация Н.П. Соколова внесет ценный вклад в советское византиноведение. Автор разрушил ошибочные представления буржуазных историков о доле Венеции при разрушении Византийской империи, которые смешивали «бумажные» права Венеции с ее действительными приобретениями в результате IV крестового похода...³⁵

На защите развернулась дискуссия между Н.П. Соколовым и В.И. Рутенбургом: «В.И. Рутенбург... считает, что в работе нужно также поставить вопрос, почему в обстановке общего упадка итальянских государств Венеция сохранила свое могущество... Дело ... в том, что это была „специфическая феодальная держава“». Во время защиты Н.П. Соколов, объясняя свою позицию по поводу предложения В.И. Рутенбурга «уточнить и унифицировать термины „класс“ и „классы“ в Венеции», представил причины употребления различных терминов в разных контекстах; а на предложение «показать основу Венеции как не чисто феодальную, а более сложную с элементами будущих зародышей капиталистических отношений» диссертант, обезоруживая оппонента, сослался на Маркса и Энгельса: «Из того, что Маркс и Энгельс не называют Венецию феодальным государством, вовсе не следует того, чтобы они отрицали феодальный характер феодального производства XI–XIII вв.»³⁶ «М.А. Коган также считает, что в диссертации недостаточно ясно поставлен вопрос о характере производства в Венеции XIII в.»³⁷ После замечаний оппонентов Н.П. Соколов представил ответы на них.

Ученый совет Ленинградского университета постановил присудить Н.П. Соколову ученую степень доктора исторических наук. После защиты, как писал С.И. Архангельский, «Н.П. Соколов не почил на лаврах, которые он себе завоевал. Он продолжает изучать историю Венеции XIV–XV вв.; в Византийском временнике появляются его статьи по вопросам византийской истории. Кафедра всеобщей истории и институт в целом может поставить в пример такого исследователя и такого вдумчивого и опытного преподавателя, передающего свои знания молодому поколению и приучающего его самостоятельно, творчески подходить к источникам исторического знания, как это делает сам Н.П. Соколов»³⁸.

С 1954 по 1982 гг. был опубликован ряд работ Соколова, посвященных различным аспектам изучаемой им проблемы. Н.В. Пигулевская на защите докторской диссертации Соколова заметила, что «мало места в работе уделено народным движениям»³⁹. Н.П. Соколов «ответил» в дальнейшем на это замечание статьями: «Социальные группировки и социальная борьба в Венеции в период раннего Средневековья»⁴⁰, «Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества»⁴¹, «Из истории социальных движений в Венеции в первой половине XIV в.»⁴²

³⁵ Якубский В.А. Защита докторской диссертации Н.П. Соколова... С. 391.

³⁶ Климанов Л.Г. «В порядке научной дискуссии»: В.И. Рутенбург и Н.П. Соколов о Венеции XIII в. // Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга. СПб., 2014. С. 41–49.

³⁷ Якубский В.А. Защита докторской диссертации Н.П. Соколова... С. 393.

³⁸ АРАН. Ф. 1530. Оп. 1. Д. 552. Л. 2–3.

³⁹ Якубский В.А. Защита докторской диссертации Н.П. Соколова... С. 393.

⁴⁰ Средние века. 1955. Вып. 7. С. 217–235.

⁴¹ Ученые записки Горьковского Государственного Университета. 1959. Вып. 46. С. 31–51.

⁴² Ученые записки Горьковского Государственного Университета. 1971. Вып. 95. С. 3–24.

Отвечая на замечания, высказанные на защите: 1) «остается неясным, в каком направлении шло развитие промышленности» (В.И. Рутенбург); 2) «в диссертации недостаточно ясно поставлен вопрос о характере производства в Венеции XIII в. и о тех изменениях в нем, которые происходят на рубеже XIII–XIV вв. Хотя конец XIII и XIV век выходят за рамки исследования, желательно было бы внести ясность в этот вопрос» (М.И. Коган) — Н.П. Соколов развил свои размышления в статье «Венецианские цеха в XIII–XIV вв.»⁴³ Еще одним важным направлением исследований Н.П. Соколова в эти годы стали взаимоотношения метрополии и колоний, о чем говорят названия статей «Метрополии Венецианской колониальной державы во второй половине XIII в.» и «Колониальная политика Венеции в XIII в.»⁴⁴

Впоследствии Н.П. Соколов в г. Саратове опубликовал монографию «Образование Венецианской колониальной империи». Остановимся на обстоятельствах публикации этой работы. В упомянутом ранее письме И.И. Любименко от 27 декабря 1954 г., последняя интересовалась у Архангельского: «Удастся ли ему (Соколову — *К. Федосеева*) напечатать свою книгу? Она безусловно очень ценная и жаль, если не увидит света». Архангельский тогда ей ответил, что Николай Петрович печатает ее частями в «Записках Горьковского Государственного Университета». Известно, что С.И. Архангельский в июне 1957 г. спрашивал Е.А. Косминского, насколько реальной кажется ему публикация работы Н.П. Соколова. Косминский тогда же ответил: «Что касается книги Н.П. Соколова, то мне кажется, что у Горьковского университета есть все основания ... возбудить ходатайство перед Отделением Исторических наук АН СССР о внесении ее в издательский план Академии... Конечно, я поддерживаю это ходатайство»⁴⁵. Из-за отсутствия источников на сегодняшний день невозможно раскрыть обстоятельства подготовки публикации труда Соколова. В 1963 г. была опубликована книга Соколова «Образование Венецианской колониальной империи»⁴⁶. В Предисловии Соколов выразил благодарность «за сделанные по работе указания И.И. Любименко, Н.В. Пигулевской и С.И. Архангельскому, взявшему на себя также труд по редактированию работы».

После выхода книги Н.П. Соколова в 1964 г. в «Византийском Временнике» появилась заметка о ней. Автор А.К. (Александр Петрович Каждан — *К. Федосеева*) отметил, что «уже обзор источников (с. 12–51) свидетельствует о колоссальном труде, проделанном автором»⁴⁷. И Н.П. Соколов, по мнению рецензента, допустил ошибки (например, он не указал ряд классических и современных исследований по теме работы; отсутствие объективной оценки трудов Е.Ч. Скржинской; несовпадение оценок работ М.В. Левченко в разных частях монографии). Но общее впечатление о книге было благоприятным.

Обратим внимание на две детали, которые могут ускользать от внимания исследователей при знакомстве с текстом рецензии А.П. Каждана. Первое, имена

⁴³ Средние века. 1959. Вып. 15. С. 31–47.

⁴⁴ Средние века. 1954. Вып. 5. С. 170–195.

⁴⁵ АРАН. Ф. 1530. Оп. 4. Д. 55. Л. 23.

⁴⁶ Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 546 с. Тираж книги составил 600 экземпляров.

⁴⁷ А.К. [Александр Каждан — *К. Федосеева*] Рец. на: Н.П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, 542 стр. // ВВ. 1964. Т. 25. С. 271.

Н.П. Соколова и Е.Ч. Скржинской часто упоминаются рядом в общих работах по византиноведению. Это не случайно, ведь оба автора рассматривали историю Византии сквозь призму ее международного положения и внешней политики. Их объединял интерес к генуэзским и венецианским колониям, но исследователи занимали разные позиции. Историк С.В. Фрязинов писал в Горький о том, что Соколов «воевал» со Скржинской⁴⁸. Н.П. Соколов опубликовал по этой теме статьи: в 1957 г. — «Возникновение „адриатического вопроса“»⁴⁹, в 1959 г. — «Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными республиками в XII и XIII вв.»⁵⁰, в 1973 г. — «Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв.»⁵¹, в 1975 г. — «Венеция между гвельфами и гибеллинами»⁵².

В последние годы жизни Н.П. Соколов рассматривал указанные темы сквозь призму церковной истории и церковных отношений. Первая работа с таким уклоном была им опубликована в 1968 г.: «Договор о перевозке» как источник для решения вопроса о преднамеренности изменения направления четвертого крестового похода (1201 г.)⁵³, в 1978 г. — работа «Христианская церковь и арианская ересь» (IV–V)⁵⁴, и, наконец, в 1982 г. уже после смерти Н.П. Соколова была опубликована его статья «Колониальная политика Венеции в сфере церковных отношений»⁵⁵. Приводятся сведения о том, что Соколов «воевал» со Скржинской на защите ее докторской диссертации в 1961 г., проходившей в Ленинграде⁵⁶. Эти сведения обнаружены в письмах С.В. Фрязинова. Также приводятся многочисленные примеры того, насколько Н.П. Соколов был бескомпромиссен в спорах с другими историками. Он дискуссировал одинаково принципиально и со столичными историками А.И. Неусыхиным, А.Я. Гуревичем, Е.Ч. Скржинской и горьковскими, его коллегами — В.В. Пугачевым, В.Г. Боруховичем⁵⁷.

На наличие скрытой конфронтации, с одной стороны, А.П. Каждана и М.А. Заборова и, с другой, — Н.П. Соколова обратил в своей работе Артем Николаевич Маслов, при публикации работы Н.П. Соколова⁵⁸ «„Договор о перевозке“»

⁴⁸ Григорьева Е.А., Кузнецов А.А. Историк Николай Петрович Соколов... С. 175.

⁴⁹ Соколов Н.П. Возникновение «адриатического вопроса» (Из истории захвата Венецией Истрии и Далмации // Ученые записки Горьковского Государственного Университета. Вып. 43. 1957. С. 89–108.

⁵⁰ Соколов Н.П. Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западноитальянскими республиками в XII–XIII вв. // Ученые записки Горьковского Государственного Университета. Вып. 46. 1959. Указать страницы.

⁵¹ Соколов Н.П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1973. С. 5–25.

⁵² Соколов Н.П. Венеция между гвельфами и гибеллинами // ВИ. 1975. № 9. С. 142–153.

⁵³ Соколов Н.П. «Договор о перевозке» как источник для решения вопроса о преднамеренности изменения направления четвертого крестового похода (1201 г.) // Ученые записки Горьковского Государственного Университета. 1968. Вып. 88. Ч. 1. С. 5–19.

⁵⁴ Соколов Н.П. Христианская церковь и арианская ересь» (IV–V). Горький, 1978.

⁵⁵ Соколов Н.П. Колониальная политика Венеции в сфере церковных отношений // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1982. Указать страницы!

⁵⁶ Григорьева Е.А., Кузнецов А.А. Историк Николай Петрович Соколов... С. 175.

⁵⁷ Там же. С. 175–176.

⁵⁸ Учёный. Эпоха. Память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Сборник статей и материалов. Нижний Новгород, 2011. С. 139.

как источник для решения вопроса о преднамеренности изменения направления четвертого крестового похода»⁵⁹. Так, А.П. Каждан отмечает⁶⁰: «Соколов подробно останавливается здесь на советских учебниках (стр. 138), но не упоминает о трудах М.А. Заборова, где большое внимание уделено IV крестовому походу (см., стр. 456)». Однако для исследователя, который решил бы проверить тот факт, что Н.П. Соколов действительно проигнорировал труды одного из самых известных исследователей IV крестового похода в СССР, открылась бы картина того, что Соколов, — напротив, — внимательно изучал труды Заборова, более того, — включил его в один ряд с «буржуазными» историками. Подобный демарш Н.П. Соколова продемонстрировал его сомнения к аргументам М.А. Заборова в пользу «теории преднамеренности».

Кроме того, о работах Михаила Абрамовича Заборова Соколов высказался и в примечаниях к X главе (стр. 498, 502). Н.П. Соколов назвал аргументацию Заборова «совершенно недостаточной» и «сомнительной» для сделанных им выводов, и, не разрывая преемственности в исследованиях М.А. Заборова и Ф.И. Успенского⁶¹, в достаточно жесткой форме указал на одни и те же ошибки. Подобная «невнимательность» Каждана может быть объяснена тем, что он находился в близких дружеских отношениях с Заборовым и попросту не хотел указывать на недочеты в работах Михаила Абрамовича⁶². И в рецензии на монографию Соколова, А.П. Каждан просто дипломатично не упомянул о его критике работ своего друга.

Таким образом, текст А.П. Каждана о работе Н.П. Соколова хотя и благоприятен в целом, но содержит целый ряд скрытых смыслов, которые были понятны в первую очередь Соколову, Каждану и Заборову. Впоследствии, Н.П. Соколов, желая ответить на столь несправедливые замечания в его адрес, опубликовал уже упомянутую работу о «Договоре по перевозке». В этой статье Соколов многократно в жесткой форме упоминает М.А. Заборова, подчеркивая и доказывая то, что он хорошо знаком с его работами. «Похоже на то, что М.А. Заборов писал о договоре, не потрудившись заглянуть в него», — отметил Н.П. Соколов.

К дискуссиям Н.П. Соколова со столичными медиевистами многократно обращался профессор Всеволод Иванович Золотов, ученик Н.П. Соколова. Благодаря исследованиям Всеволода Ивановича были поставлены вопросы: «в какой историографической среде он (Н.П. Соколов — *К. Федосеева*) существовал, как он позиционировал себя в сообществе коллег-медиевистов, каковы были его представления о проблемах исторического знания»⁶³. В.И. Золотов убедительно доказал, что Н.П. Соколов «не воспринял идею поиска некоего механизма смены формаций», выступал против ввода термина «дофеодальный», так как тот не нес «сколько-нибудь определенного смысла», поднимал «вечные вопросы» о временных рамках эпохи средневековья, об универсальности европейской исключительности средневекового общества.

⁵⁹ Соколов Н.П. «Договор о перевозке» как источник... С. 5–19.

⁶⁰ А.К. [Александр Каждан — *К. Федосеева*] Рец. на: Н.П. Соколов. Образование... С. 271.

⁶¹ «Мы полагаем, что ни Ф.И. Успенскому, ни следующему по его стопам Заборову...»

⁶² См. переписку: Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 623.

⁶³ Золотов В.И. В стремлении к обновлению исторического знания (Н.П. Соколов в дискуссии с столичными медиевистами) // Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка. Нижний Новгород, 2009. С. 177–189.

Признанием заслуг Н.П. Соколова, кроме прочего, являлась и рекомендация С.И. Архангельского пригласить Николая Петровича в качестве делегата на XI Конгресс историков, который был запланирован на 21–28 августа 1960 г. в Стокгольме. Подготовка делегации из СССР, выбор участников и их докладов, начались еще в 1956 г. 9 марта 1956 г. Архангельский направил Председателю Национального комитета историков Советского Союза, академику Анне Михайловне Панкратовой (1897–1957) список участников от Г. Горький, среди которых был указан и доктор исторических наук, доцент Н.П. Соколов с докладом «Ремесленное производство в экономической жизни Венеции XIV–XV вв.»⁶⁴

15–20 сентября 1958 г. в Мюнхене проходил XI Международный конгресс византинистов. Советскую делегацию представляли Н.В. Пигулевская и З.В. Удальцова. Как указала Н.В. Пигулевская, на нем «присутствовало свыше 600 ученых из 28 стран»⁶⁵. В Личном фонде ленинградской ученой хранится, как следует из оцифрованной описи к ее фонду, неопубликованный доклад, подготовленный ею и двумя ее соавторами В.С. Шандровской и К.Н. Юзбашьяном — «Наука о Византии в Советском Союзе» (январь 1959 г.)⁶⁶.

Название этого доклада схоже с названием работы Н.П. Соколова «Сорок лет советского византиноведения», которая была опубликована в 1959 г. в Горьком⁶⁷. Вполне возможно, что этот труд Н.П. Соколова также готовился для Конгресса 1958 г.⁶⁸ Во всяком случае, тон работы Соколова был восторженным. Он явно находился под впечатлением от результатов X Конгресса византинистов, проходившего 15–21 сентября 1955 г. в Стамбуле. Соколов был воодушевлен успехами советских ученых⁶⁹: по результатам X-го Конгресса Советский Союз вошел в Международную Ассоциацию византинистов, два советских делегата В.Н. Лазарев и З.В. Удальцова были приглашены на ее заседания, русский язык был признан четвертым языком конгресса, советские академические журналы получили высокую оценку иностранных специалистов. Позднее Н.В. Пигулевская отметила, что «во время Конгресса состоялось два заседания Международного

⁶⁴ АРАН. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 23. Л. 1.

⁶⁵ Пигулевская Н.В. Международный конгресс византинистов в Мюнхене // ВИ. № 8. август 1959. С. 204. З.В. Удальцова привела другие цифры: свыше 400 делегатов из 22 стран. См.: Удальцова З.В. Международный конгресс византинистов в Мюнхене // ВВ. 1959. Т. 16. С. 395.

⁶⁶ СПФ АРАН. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 121. Л. 46. Год указан по данным из описи.

⁶⁷ Н.П. Соколов недавно защитил докторскую диссертацию, где уделил значительное место особенностям отношений Византии и Венеции, имел ряд других опубликованных работ по этой теме. См., напр.: Соколов Н.П. К вопросу взаимоотношений Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171–1185) // ВВ. 1952. Т. 5. С. 139–152; Он же. Венецианская доля в византийском наследстве // ВВ. 1953. Т. 6. С. 156–186; Он же. Рецензия на Сборник документов по социально-экономической истории Византии // ВВ. 1953. Т. 6. С. 269–279; Он же. Венеция и Византия при первых Палеологах, 1263–1328 // ВВ. 1957. Т. 12. С. 75–97 и др.

⁶⁸ Н.П. Соколов указал еще одну причину, которая побудила его подготовить эту работу: «Большое значение таких обзоров очевидно: провинциальные работники в области византиноведения, не имея прямого доступа к иностранной византиноведческой литературе, получают таким путем совершенно необходимую им, в интересах науки и преподавания, информацию. Издающиеся в настоящее время библиографические справочники о поступающей в столичные библиотеки византиноведческой литературе, при всей полезности этого начинания, не могут заменить хорошо составленных библиографических обзоров по предмету» (Соколов Н.П. Сорок лет... С. 18).

⁶⁹ Удальцова З.В. X Международный конгресс византинистов в Истамбуле // ВВ. 1956. Т. 10. С. 248. Н.П. Соколов опирался на опубликованный Удальцовой материал, подтверждая ее тезисы дополнительными фактами в своей работе.

комитета византинистов. На заседаниях решались вопросы о созыве следующих конгрессов... были приняты решения: 1) на Международном конгрессе историков в Стокгольме в 1960 г. провести коллоквиум по истории Византии...»⁷⁰ Анализ историографии Конгресса показал, Соколов не вошел в состав делегации от Советского Союза. 7 октября 1958 г. скоропостижно скончался профессор, член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский и, таким образом, некому стало заниматься организационными вопросами, связанными с отстаиванием интересов горьковских историков и их продвижения для участия в работе Конгрессов.

Главным делом работы профессора Соколова было, естественно, преподавание⁷¹. Обобщая воспоминания учеников и студентов, можно назвать основные спецкурсы, которые читал в эти годы Н.П. Соколов: «Истории раннего христианства», «История Крестовых походов», «Возникновение современных христианских церквей и сектантских движений», занятия по латыни и латинской палеографии, «История южных и западных славян»⁷² и другие. В 1958 г.⁷³ Н.П. Соколов возглавил кафедру всеобщей истории Горьковского государственного университета. Как отметили ученики Н.П. Соколова Е.В. Кузнецов и В.М. Меженин, Соколов «выдвинул в качестве общекафедральной проблему развития атеистической мысли в Западной Европе и привлек для ее решения специалистов из различных профилей: античников, медиевистов, специалистов по новой истории и др.»⁷⁴ Результатом этих совместных усилий стала книга «История свободомыслия и атеизма в Европе», вышедшая под общей редакцией Н.П. Соколова в 1966 г.⁷⁵ К этой работе примыкает методическое пособие для «спецсеминарских занятий» «Атеистическая критика Нового Завета»⁷⁶. Коллективная работа по «Истории свободомыслия и атеизма» не была единственной работой, которую Н.П. Соколов писал в соавторстве с другими исследователями. В 1971 г. он совместно с Татьяной Михайловной Червонной (1931–1997) опубликовал учебное пособие «Документы по истории крестьянских восстаний во Франции и на острове Кипр»⁷⁷. Последняя известная работа Н.П. Соколова «О движущих силах перехода от рабства к феодализму в Западной Европе»⁷⁸ была опубликована после его смерти в 1982 г.

Таким образом, Н.П. Соколов, историк, который в настоящее время известен, главным образом, как автор работы «Образование Венецианской колониальной империи», написанной по материалам его докторской диссертации, внес значительный вклад и в изучение истории Византии. Как было установлено, на выбор темы для его докторской диссертации напрямую повлияла тематика ра-

⁷⁰ *Лигулевская Н.В.* Международный конгресс византинистов в Мюнхене. С. 205.

⁷¹ *Кузнецов Е.В., Меженин В.М.* Николай Петрович Соколов // Горьковский Государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Выдающиеся ученые. Горький, 1988. С. 133.

⁷² АРАН. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 59. Л. 3.

⁷³ Дата указана в работе: *Кузнецов Е.В., Меженин В.М.* Николай Петрович Соколов. С. 132.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ История свободомыслия и атеизма. М., 1966. 412 с.

⁷⁶ *Соколов Н.П.* «Атеистическая критика Нового Завета». На сегодняшний день это пособие не найдено.

⁷⁷ *Соколов Н.П., Червонная Т.М.* Документы по истории крестьянских восстаний во Франции и на острове Кипр. Учебное пособие. Горький, 1971. 31 с.

⁷⁸ *Соколов Н.П.* О движущих силах перехода от рабства к феодализму в Западной Европе. // Философские проблемы общественного прогресса. 1982. С. 58–76.

бот группы по истории Византии, действовавшая при Институте истории АН СССР под руководством Е.А. Косминского. В силу этого одной из главных задач, поставленных Соколовым в докторской диссертации, было изучение особенностей венециано-византийских отношений. Данной проблеме посвящен ряд статей Н.П. Соколова, которые были опубликованы в ведущих советских научных журналах. Эти работы Соколова встретили интерес со стороны наиболее авторитетных исследователей того времени, вызвав оживленную дискуссию и обсуждение.

С проблемой освещения двусторонних отношений Венеции и Византии был связан другой, не менее важный вопрос, поставленный Соколовым, «венецианская доля в византийском наследстве». Многие исследователи и научные оппоненты горьковского историка признавали, что общей чертой этих работ было изучение Соколовым «колоссального» объема источников. Совокупность работ по указанной теме, а также значимость выводов для науки, подчеркнутые рядом ведущих византинистов, позволили рекомендовать Соколова в качестве делегата от СССР для участия в международных Конгрессах. Возможно, это обстоятельство повлияло на подготовку Соколовым работы «Сорок лет советского византиноведения», где в полной мере были отражены его взгляды на особенности становления и развития византиноведения в советский период.

Федосеева Ксения Владимировна

Соискатель

Кафедра историографии и источниковедения

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: kvfedoseeva@yandex.ru

Kseniia FEDOSEEVA

HISTORY OF VENICE AND BYZANTIUM IN THE ACADEMIC WORK OF N.P. SOKOLOV (ACCORDING TO THE MATERIALS OF HIS DOCTORAL DISSERTATION AND NEW ARCHIVAL SOURCES)

Abstract: The article deals with hitherto unknown facts concerning the scientific biography of a historian from Gorky (now Nizhniy Novgorod) Nikolai Petrovich Sokolov (1890–1979). Special attention is paid to the aspects, concerning Sokolov's relations with the leading Soviet scholars of Byzantine studies from the department of E.A. Kosminsky. The article is also focused on the defense by N.P. Sokolov of his doctoral dissertation «Establishment and the initial organization of the Venetian colonial power» (1954, Leningrad). In connection with the defense of the dissertation, the author considered the peculiarities of N.P. Sokolov's relations with his colleagues and scientific opponents both during and after the defense of the dissertation. The article also studied the main directions of N.P. Sokolov's scientific work concerning the relations of Byzantium and Venice.

Keywords: N.P. Sokolov, S.I. Arkhangelskii, I.I. Liubimenko, N.V. Pigulevskaia, A.D. Liublinskaia, V.I. Rutenburg, M.V. Levchenko, Venetian history, Byzantine studies, science history.

Literature Cited

- Grigorieva, E.A., and Kuznetsov, A.A. "Istorik Nikolai Petrovich Sokolov (novye dannye k biografii uchenogo) [Historian Nikolai Petrovich Sokolov (new information for the scholar's biography)]." *Dialog so vremenem* 41 (2012). P. 165–180 (in Russian).
- Zezegova, O.I. "Traditsii «École russe» v issledovaniyakh sovetskikh istorikov [Traditions of the «École russe» in the researches of Soviet historians]." *Dialog so vremenem* 24 (2008). P. 248–262 (in Russian).
- Zolotov, V.I. "V stremlenii k obnovleniyu istoricheskogo znaniya (N.P. Sokolov v diskussii s stolichnymi medievistami) [In an effort to update historical knowledge (N.P. Sokolov in discussion with the medievalists of the capital)]." In *Vremya, sobytie, istoricheskii opyt v diskurse sovremennogo istorika*, ed. by A.V. Hazin. Nizhnii Novgorod, 2009. P. 177–189 (in Russian).
- Sokolov, N.P., ed. *Istoriya svobodomyслиya i ateizma [History of Freethought and Atheism]*. Moscow: Mysl', 1966 (in Russian).
- Klimanov, L.G. "V poryadke nauchnoi diskussii: V.I. Rutenburg i N.P. Sokolov o Venetsii XIII v. ["As a matter of scientific discussion": V.I. Ruthenburg and N.P. Sokolov about Venice of the 13th century]." In *Italiya i Evropa. Sbornik pamyati Viktora Ivanovicha Rutenburga*, ed. by I.P. Medvedev. Saint-Petersburg: Nestor History, 2014. P. 41–49 (in Russian).

- Chekalova, A.A., ed. *Mir Aleksandra Kazhdana. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya* [The World of Alexander Kazhdan: on the Occasion of the 80th birthday]. Saint-Petersburg: Aletea, 2003 (in Russian).
- Pigulevskaya, N.V. "Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Myunkhene [International Congress of Byzantine Studies in Munich]." *Voprosy istorii* 8 (1959). P. 204–205 (in Russian).
- Sashanov, V.V. "Ot gruppy k sektoru: neizvestnye stranitsy sovetskogo vizantinovedeniya (k publikatsii pisem E.A. Kosminskogo i Z.V. Udal'tsovoi) [From the Group to the Sector: the Unknown Pages of Soviet Byzantine Studies (to the Publication of the Letters of Kosminskii E.A to Udal'tsova Z.V.).]" *Bulletin of Chelyabinsk State University* 24. History. Issue 66 (2015). P. 210–214 (in Russian).
- Sashanov, V.V. "Stanovlenie sovetskogo vizantinovedeniya v 40–50-e gody XX veka: institucional'nyi aspekt [Formation of Soviet Byzantine studies in the 1940–1950s: Institutional aspect]." *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* 158 (2016). P. 840–850 (in Russian).
- Udal'tsova, Z.V. "Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Myunkhene [The International Congress of Byzantine Studies in Munich]." *Vizantiiskii vremennik* 16 (1959). P. 395–401 (in Russian).
- Udal'tsova, Z.V. "X Mezhdunarodnyi kongress vizantinistov v Istambule [The 10th International Congress of Byzantine Studies in Istanbul]." *Vizantiiskii vremennik* 10 (1956). P. 236–253 (in Russian).
- Mahlayuk, A.V., ed. *Uchenyi. Epokha. Pamyat'. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya professora Nikolaya Petrovicha Sokolova* [Scholar. Epoch. Memory. To the 120th birthday of Professor Nikolai Petrovich Sokolov]. Nizhny Novgorod: NNGU, 2011 (in Russian).
- Yakubskii, V.A. "Zashchita doktorskoi dissertatsii N.P. Sokolova Obrazovanie i pervonachal'naya organizatsiya Venetsianskoi kolonial'noi derzhavy v Leningradskom universitete [N.P. Sokolov's defense of the doctoral thesis "Establishment and the Initial Organization of the Venetian Colonial Power" at the University of Leningrad]." *Vizantiiskii vremennik* 8 (1956). P. 391–393 (in Russian).
- Sokolov, N. *Narodiny Weneckiego Imperium Kolonialnego*. Warszawa, 1985.

Kseniia FEDOSEEVA

Postgraduate Student

Department of Historiography and Source Studies

Faculty of History

Moscow State University

Lomonosovskiy Prospect, 27/4

119192 Moscow, Russian Federation

e-mail: kvfedoseeva@yandex.ru

Е.В. Рыбакова

ИОАНН АКТУАРИЙ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИЕТОЛОГИЯ

Аннотация: В статье вводится в научный оборот вторая часть медицинского трактата «Об энергиях и болезнях душевной пневмы» придворного врача середины XIV в. Иоанна Актуария. Ранее трактат Иоанна Актуария не переводился ни на один европейский язык, это первая публикация на современном языке, обеспеченная лингвистическим и контекстуальным комментарием. На основании данного трактата можно рассмотреть особенности византийской медицинской науки, диетологии и фармакологии, а также общие представления о человеке и его функционировании.

Ключевые слова: Иоанн Актуарий, византийская медицина, диетология, фармакология.

Введение

«Врач — философ, ведь нет большой разницы между мудростью и медициной», — писал Гиппократ, определив во многом главные направления развития медицины на столетия. Знания о методах лечения и медикаментах тщательно собирались, записывались и публиковались. Нередко врачи стремились дать философское и богословское осмысление медицинской теории и практики. В итоге византийская медицинская традиция накопила богатейший материал, зафиксированный в многочисленных трудах разного жанра и назначения, являющихся важнейшим памятником византийской интеллектуальной культуры. Однако материал этот по большей части не переведен на современные языки, что препятствует широкому изучению данной темы. Настоящая работа призвана хотя бы отчасти восполнить имеющуюся в науке лакуну и ввести в полноценный научный оборот важный и обширный медицинский трактат «Об энергиях и болезнях душевной пневмы», принадлежащий перу известного автора XIV в. Иоанна Актуария.

Эпоха написания трактата Иоанна Актуария весьма знаменательна для истории византийского интеллектуализма и в частности медицины: с одной стороны, к XIV в. был накоплен значительный багаж сведений, практического и теоретического опыта, опирающихся на античную культуру, а с другой — чувствовалась необходимость в дальнейшем движении вперед и обновлении корпуса имеющихся знаний. Именно на это время, на период правления византийского императора Андроника II (1282–1328), известного покровителя наук и искусств, приходится начало деятельности Иоанна сына Захарии, получившего титул придворного врача — «актуария», и вошедшего в историю как Иоанн Актуарий¹.

---

¹ Подробнее о биографии И. Актуария см.: *Hohlweg A. John Actuarius' De methodo medendi — on the new Edition // DOP. 1984. No. 38. P. 121–134.*

Перу Иоанна Актуария принадлежит несколько трактатов, различающихся по тематике и объему. Центральная работа Иоанна Актуария — «Об энергиях и болезнях душевной пневмы» — занимает особое место в системе традиционной науки, вбирая в себя различные аспекты натурфилософских знаний (медицина, диетология, философия, теология) и ярко иллюстрируя принципы систематизации и развития научных представлений византийцев. Первая часть трактата посвящена проблемам устройства человека, месте пневмы в организме человека, возможным заболеваниям и ухудшениям состояния, различным методам лечения; во второй части дается подробное описание основного способа лечения — диеты, перечисляются продукты и лекарства. Вторая часть — более предметная и, на наш взгляд, лучше всего подходит для начала аналитической разработки научного наследия Актуария. Ниже мы представим комментированный перевод второй, диетологической части трактата «Об энергиях и болезнях душевной пневмы». Публикация диетологического раздела из трактата Актуария продолжит, в частности, традицию, начатую в 1971 г. академиком Г.Г. Литавриным, опубликовавшим русский перевод другого византийского медицинского из Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции². Сравнение двух византийских трудов, содержащих богатую информацию по диетологии, весьма расширит возможности отечественного читателя для изучения этой отрасли византийской науки.

Обстоятельства создания трактата

Вопрос о дате написания нашего трактата уже получил достаточное освещение в историографии. А. Холвег полагал, что работа скорее всего была закончена до 1330/1331 г., так как она посвящена учителю Актуария Иосифу Ракендиту. Иосиф Ракендит (или Философ) изучал многие науки и составил труды по математике, риторике, психологии, физиологии, антропологии, физике, музыке, астрономии³; находился в переписке с Никифором Григорой, Никифором Хумном, Михаилом Гаврой, Фомой Магистром. Иосиф рано принял монашество в Фессалонике, а затем отправился на Афон, где, как отмечает Метохит, он нашел безмолвствующих монахов⁴. После Афона Ракендит, руководствуясь мыслью получить больше знаний, переехал в Константинополь, где обрел славу большого ученого, хорошо образованного человека. Он проявил себя не только как знаток богословских тем, но и как медик⁵. Примерно в 1330/1331 г. Иосиф Ракендит скончался⁶, видимо, от болезни, за помощью в лечении которой он и обратился к Иоанну Актуарию. Предложенную А. Холвегом датировку уточнил С. Курусес, установив, что трактат Актуария «Об энергиях» был создан примерно в то

² Литаврин Г.Г. Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // ВВ. 31(56). 1971. С. 249–301.

³ М. Трой отмечает, что Актуарий учился медицине именно у Ракендита. См.: *Treu M. Der Philosoph Joseph* // BZ. 1899. No. 8. P. 45. С этим утверждением справедливо не согласен К. Константи́нидис, который указывает, что Актуарий закончил свое обучение раньше, чем Иосиф Ракендит прибыл в Константинополь. См.: *Constantinides C.N. Higher education in Byzantium in the thirteenth and early fourteenth centuries*, 1204 — ca. 1310. Nicosie, 1982. P. 86.

⁴ *Stiernon D. Joseph le Philosophe* // DSAMDH. 1974. Vol. 8. Col. 1388–1392.

⁵ *Ibid.* Col. 1388.

⁶ *Hohlweg A. Op. cit.* P. 129.

же время, что и другой текст Актуария — «О медицине» (De Methodo Medendi, Θεραπευτικὴ Μέθοδος), посвященный Алексею Апокавку, направлявшемуся в посольство в Золотую Орду в 1325–1326 гг.⁷

Рукописная традиция

Известно большое количество копий трактата «Об энергиях и болезнях душевной пневмы»⁸, сохранившихся в кодексах самого разнообразного содержания. Основную их часть составляют сборники медицинских трактатов. Таковы, в частности, рукописи, хранящиеся в Париже (Paris. 2098: s. XIII. f. 119: 2153: s. XV. f. 435: 2232: s. XV. f. 63; 2234: s. XVI; 2256: s. XV. f. 240; 2304: s. XV. f. 114; 2305: a. 1418. F. 121; 2306: s. XV. f. 289; 2307: s. XVI. f. 453^v; 2308: s. XV. f. 204^v).⁹, Вене (Med. gr. 26; s. XV. f. 120–173.)¹⁰, Венеции (Marcian. Cod. 298; s. XV.; Cod. 529. s. XV.), Флоренции (Laur. plut. 75, 9; s. XV. p. 114. 75, 11; s. XV. p. 82. 75, 16; s. XV. p. 105), Милане (Ambros. R 20 Sup.; s. XV.), Ватикане (Vatic. 111. s. XVI.), Падуе (CM.644. s. XV.), Берлине (Phillips.1582; s. XV. f. III.), Брюсселе (Bruxell. 11337–41; s. — XVI. f. 1.), Дрездене (Dresd. Da 5; a. 1519. f. 2. Da 67; s. XVI. (Exempl. impress. a Ch.F. Matthaei c. Cod. Da 5 collat.)), Эскориале (Escorial: Scorial. Ф. III. 12; s. XV. f. 130), Лейдене (Vossian. fol. 32; s. —), Мюнхене (Monac. 69; s. XVI. f. 1.). Лондоне (Arundel. (Brit. Lib.) 537; s. XV. f. 156. Medical Society NH 21.22 = We 28.29; s. XV. f. 1.), Варшаве (Boz. Cim. 155. s. XV.). В этих рукописях наряду с трактатом «Об энергиях и болезнях душевной пневмы» встречаются другие работы византийского медика, а также произведения известных античных и византийских врачей — Гиппократов, Галена, Орибасия, Павла Эгинского, Меркурия и Симеона Сифа. В то же время трактат Иоанна Актуария представлен в рукописных сборниках, содержащих труды Василия Великого, Иоанна Кантакузина, псевдо-Катона (во второй рукописи, хранящейся в Ватикане — Vatic. 429; s. XIV–XVI. f. 315 (только книга II)), тексты Иосифа Философа, Никифора Влеммида, Георгия Пахимера и философа Прокла (в флорентийской рукописи Riccard.31 (К.П. 4); s. XIV. f. 275)¹¹. Бодлианская рукопись (MS. Roe. 15; s. XV. f. 184.)¹² содержит медицинские сочинения, а именно три работы Актуария, а также Галена, Феофила Протоспафария «Об урине» и анализы, Авиценны «Об урине». В той же рукописи представлены и сочинения иного содержания, такие, как письма Брута, сочинение монаха Мелетия «О натуре человека», Маноила Мосхопула по грамматике, и астрологический трактат. Рукописи из Глазго

⁷ Kourousis S.I. Το επιστολάριον Γεωργίου Λακαπηνού — Ανδρονίκου Ζαρίδου (1299–1315 ca.) και ο ιατρὸς-ακτουάριος Ἰωάννης Ζαχαρίας (1275 ca.–1328?). Αθήναι, 1988. P. 372–376.

⁸ Информация о рукописях представлена согласно работе: Diels H. Die Handschriften der antiken Ärzte, II. Teil: Die übrigen griechischen Ärzte außer Hippokrates und Galenos. B., 1906. P. 108–109.

⁹ Costomiris D.G.-A. Études sur les écrits inédits des anciens médecins grecs // Revue des études grecques. Paris, 1897. T. 10. P. 414–445.

¹⁰ Приводим шифр рукописи согласно актуальному каталогу Г. Хунгера и О. Крестена (Hunger H., Kresten O. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek 2: Codices juridici, codices medici. Wien, 1969. Bd. 1. T. 2. P. 72). У Костомириса (Costomiris D.G.-A. Op. cit. P. 433) тот же кодекс обозначен как Vindob. med. XXI.

¹¹ Gielen E. A New Source of the Synopsis of Joseph Rhakendytès // Revue des études byzantines. Vol. 69. 2011. P. 265–270.

¹² Coxе H. Catalogi codicum manuscriptorum Bibliothecae Bodleianae. Oxford, 1853 (repr. 1969.) P. 469.

(Hunter Ecian V.5. 11; s. XV. f. 1.) и Будапешта (Gr. 4. Kubiniy 4. s. XV.) содержат только трактат «Об энергиях и болезнях душевной пневмы». В рукописи, хранящейся в Софии (D.gr. 156. s. XV.), обнаруживаются сочинения юридического содержания, среди которых трактаты Константина Арменопула (юриста XIV в.), выдержки из канонического права, хрисовул Никифора Вотаниата III, кодекс Юстиниана и другие произведения.

Издания и переводы

Приведенные сведения из рукописной традиции исследуемого нами сочинения Актуария указывают на то, что оно было чрезвычайно популярно в среде его современников, имело весьма широкое хождение в XIV–XV вв., а также и в поствизантийское время. Это подтверждается и тем обстоятельством, что «Об энергиях и болезнях душевной пневмы» — единственное из всех произведений Актуария, которое издавалось до начала XIX в.¹³ Впервые оно было издано в греческом оригинале в 1557 г. в Париже Ж. Гупилом (Goupyl) — издателем, опубликовавшим много средневековых медицинских трактатов¹⁴. Следующая публикация появилась в 1774 г. в Лейпциге под редакцией Дж. Фишера¹⁵. Этот трактат вошел также в состав сборника Дж. Иделера «Physici et Medici Graeci Minores»¹⁶. Именно в последней публикации трактат получил свое нынешнее название «Περὶ ἐνεργείων καὶ παθῶν τοῦ ψυχικοῦ πνεύματος καὶ τῆς κατ' αὐτὸ διαίτης». В этом названии опущено имя человека, которому посвящено произведение. Лишь из рукописной традиции мы можем узнать, что адресатом работы был Иосиф Ракендит. Об этом в предисловии к изданию 1774 г. упоминает Дж. Фишер, он также приводит краткую биографию Иоанна Актуария, известные ему рукописи и указывает на перевод трактата на латынь¹⁷.

Трактат переводился на латынь несколько раз: в 1547 г. в Венеции усилиями Юлия Александра де Нойстена, затем в 1554 г. его перевод был опубликован вместе с трактатом «О медицинской науке» (De methodo medendi), еще раз — в 1556 г. в Opus Actuarii и, наконец, в 1567 г. в одном из сборников¹⁸.

Стоит отметить, что публикация Дж. Иделера, по которой мы переводили трактат, выполнена, видимо, по поздней и довольно неисправной рукописи, содержит большое количество ошибок и неточностей, исследователь при этом не указал рукописный источник. Поэтому в процессе перевода нам пришлось обратиться к рукописным копиям трактата, доступным в сети Интернет — Parisin. Gr. 2098 и Parisin. Gr. 2304. В решении палеографических проблем нам оказал неоценимую помощь А.М. Крюков, за что мы выражаем ему искреннюю благо-

¹³ Hohlweg A. Op. cit. P. 129.

¹⁴ Actuarius // The Biographical Dictionary of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. L., 1842. No 1. P. 259.

¹⁵ Actuarius. De actionibus et Affectibus Spiritus animalis ejusque Victu. Libri II. Graece / Ed. J.F. Fischer. Leipzig, 1774.

¹⁶ Joannes Actuarius. De spiritu animali // Physici et medici graeci minores / Hrsg. J.L. Ideler. Leipzig, 1841–1842. Vol. I. Σ. 312 — 349.

¹⁷ Actuarius. De actionibus et Affectibus... (J.F. Fischer). P. III–XIII.

¹⁸ Actuarius // Handbuch der Bücherkunde für die ältere Medicin, zur Kenntniss der griechischen, lateinischen und arabischen Schriften im ärztlichen Fache und zur bibliographischen Unterscheidung ihrer verschiedenen Ausgaben, Übersetzungen und Erläuterungen. Leipzig, 1841. P. 153.

дарность. Очевидно, что существует насущная необходимость в новом, критическом переиздании этого трактата Иоанна Актуария.

Наш трактат ныне активно изучается английским ученым греческого происхождения Петром Бурас-Валианатосом¹⁹ и афинской исследовательницей Антониной Какавелиаки²⁰. Однако он так и не был переведен на современные европейские языки. Ниже мы представляем первый комментированный перевод второй части трактата на русский язык.

Об энергиях и болезнях душевной пневмы и об относящейся к ней диете. Часть вторая²¹

Вступление

1. Подобно тому, как в применении к нашей жизни мы исполняем нечто, обдумав его заранее — сначала мысленно обозначив необходимое и найдя основания и причины ему, далее очерчиваем в воображении его образы, а потом стремимся воплотить их на деле (ведь невозможно поступить иначе, ибо необходимое дело требует подготовки), — так и тут следует осуществить нечто подобное.

2. Поскольку [предыдущая] часть открыла методы, связанные с настоящим предметом²², а именно посредством чего душа соединяется с телом, и каким образом в связи с этим действуют в нас ее энергии и, будучи поврежденными, [как эти] энергии действуют в нас неверно, то далее следует рассмотреть, какие диеты необходимо применять, и благодаря каким лекарствам можно исцелить постра-

¹⁹ Bouras-Vallianatos P. Galen's Reception in Byzantium: Symeon Seth and his Refutation of Galenic Theories on Human Physiology // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2015. Vol. 55. P. 431–469; *Idem*. Case Histories in Late Byzantium: Reading the Patient in John Zacharias Aktouarios' 'On Urines' // Homo Patiens: Approaches to the Patient in the Ancient World / Eds. G. Petridou, C. Thumiger. Leiden, 2016. P. 390–409; *Idem*. Medizinisches Schrifttum // Neuer Pauly, Supplemente (Byzanz. Historisch-kulturwissenschaftliches Handbuch) / Hrsg. F. Daim. Stuttgart, 2017. B. 11. S. 1025–1031; *Idem*. Reading Galen. The fate of Therapeutics to Glaucón // Greek Medical Literature and its Readers. From Hippocrates to Islam and Byzantium. N.Y., L., 2018. P. 180–230.

²⁰ Kakavekaki A. Diogenes of Apollonia, Hippocratic thought, and Aristotelian «pneuma» // Устный доклад на конференции «Aristotle and his predecessors on Heat, Pneuma and Soul». Прага, 2014; *Idem*. The notion of pneuma (πνεῦμα) in the work of John Philoponus (490 AD–570 AD) // Устный доклад на World Congress of Philosophy. Athens, 2013; *Idem*. The threefold distinction of «pneuma» in ancient Greek medicine // Νεῦσις. Vol. 24. 2016. P. 225–241.

²¹ Перевод выполнен по изданию: *Physici et medici graeci minores* / Ed. J.L. Ideler. Vol. I. Leipzig, 1841–1842. P. 312–349 с учетом следующих рукописей: BNF. Parisin. Gr. 2098; Parisin. Gr. 2153.

²² В первой части своего трактата Иоанн Актуарий описывал строение человеческого тела, роль пневмы и возможные заболевания. Во второй же части он ставит перед собой задачу сформулировать медицинские предписания и описать необходимый для поддержания здоровья образ жизни. Стоит обратить внимание на термин «неправильные энергии». Греческое слово ἐνέργεια может переводиться как «энергия», «действие» или «сила» в смысле того, что в реальности действует. Другой термин δύναμις, переводимый как «сила», обозначает способность к действию. (См.: Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 91.) Так как пневма является проводником сил души, то энергии пневмы являются действиями по исполнению ее сил. Неправильные энергии — нарушение исполнения задуманного пневмой действия.

давшее. Если продолжить речь и далее в таком ключе, то вопрос сам по себе решится благоприятно.

3. Итак, как уже выше сказано, поскольку из учения следует, что пневма изменяется вместе с пищеварением и господством соков, то нужно обратить внимание на то, как пищеварение могло бы происходить по уму, и как обуздать неумеренность соков. Тогда здоровье всего тела таким образом сочеталось бы с чистотой пневмы.

I. О болезнях пищеварения

1. Несварения (*ἀλεψία*) бывают [из-за] отягощения желудка [избыточным] количеством [пищи]; преобладания [какого-либо] качества [пищи]; особенности пищи; плохих соков в устье желудка (*τῷ στόματι τῆς γαστρός*); привычных упражнений; задержанных выделений; или же когда нечто похожее [на вышеперечисленное] препятствует преобразующей силе.

2. То, что тяготит [желудок] количеством, является очевидной причиной, ибо переваривающее тепло уступает по объему той самой переваренной пищи.

3. Лечение — вернуться к меньшему количеству пищи и возратить ослабленную силу²³ при помощи умеренно теплых и закрепляющих продуктов.

4. То, что вредит посредством качества, чрезмерно охлаждает желудок, согревает, или как-либо иначе [его] беспокоит. Ведь естественное пищеварение действует при помощи умеренной теплоты и влажности, а если эти качества будут либо ограничиваться, либо становятся чрезмерными, то, вероятно, что пищеварение потерпит ущерб.

II. Как определить соки, преобладающие в желудке

1. Всякое естественное смешение в желудке получает пользу от похожих на него средств питания, а от противоположных — страдает. Подвергшись какому-нибудь неправильному смешению (*δυσκρασίαν*)²⁴, желудок благодаря противоположным [продуктам питания] вновь восстанавливает силу.

2. Если пища задержится в желудке надолго и отягощает его больше положенного времени, или же будет кислая отрыжка, [которая] указывает на простое качество пищи, то тогда мы говорим о том, что охлаждение (*ψύξις*) возобладавало над каким-либо другим качеством.

3. Когда беспокоит головокружение и происходит обильное слюноотделение во время переваривания [пищи], тогда мы приходим к выводу, что такое прояв-

²³ Под ослабленной способностью (*κακοῦσαν τὴν δύναμιν*) Иоанн Актуарий имеет в виду силу пневмы, отвечающую в теле за различные действия. Так как в организме наличествует три вида пневмы (естественная, животная и душевная), то каждый вид отвечает за свою область человеческой деятельности: естественная — за физическое развитие, животная — за чувства и эмоции (аффективная часть), душевная — за разумную деятельность.

²⁴ Под «дурным» смешением подразумевается нарушение баланса между соками, возникшего вследствие неправильного питания — основного источника соков. Иоанн Актуарий называет это первой причиной болезней. Метод лечения строился на принципе противоположного, основополагающем принципе античной философии и науки, по которому мир диалектичен. Введение принципа противоположности в медицину приписывают Гиппократу и Галену. См.: *Гален. Сочинения*. М., 2015. Т. II. С. 311–312.

ляется из-за влажности [в организме]. Когда же язык сух и вместе с сухостью по всему телу [распространяется] жажда, то здесь господствует сухость. Таким образом, с помощью [использования] противоположных [качеств] ты исцелишь неправильное смешение.

4. Когда одерживает верх жар, [то] случается, что жажда сопутствует [этому], особенно, если болезнь сопровождается сухостью. [Присутствует] ощущение жара внутри организма, [возникает] более теплая отрыжка с запахом жареного, сухость вокруг рта и желание прохлады. [При этом] простые симптомы [проявляются] при простых качествах, а сложные — при сложных²⁵.

5. Вот на что следует обратить внимание в отношении пищи: если принимаемое [внутри] будет чрезмерно холодным или горячим, или неудобоваримым, или вредным для желудка, то не меньше упомянутых ранее [обстоятельств] [оно] нарушает нормальную работу желудка.

6. Неудобоваримой (δύσπεπτα) является богатая сухожилиями и волокнистая [пища], а также костистая рыба, сухая, жесткая и сильно засоленная, и овощи с сильно развитыми корнями, короче говоря, все то, что подобно земле и жесткое. Если же случится, что это хорошо переваривается, то мы говорим, что не природа изменилась, но лишь только господствующее в пище качество смешалось с качеством в желудке.

7. Пищеварение по своей природе всегда следует правильному соотношению смешений. То, что мы называем плохим, не переваривается, но расслабляет прямую кишку. Так же жирное и маслянистое по природе является расслабляющим.

8. Вяжущая [пища] противостоит этому [расслаблению желудка], так как такие продукты укрепляют прямую кишку. Пищеварение с легкостью вышло бы из строя, если желудок не заворачивался сам в себя²⁶ и не вытеснял опасную пищу. Это, как сказано, расслабляет напряжение желудка и способствует несварению.

9. Соки, находящиеся в желудке, препятствуют пищеварению другим способом, очевидно для того, чтобы желудок не общался напрямую с вкушаемой пищей. Ведь насколько принятая [пища] избегает [прямого] общения [с желудком], настолько переваривание пищи остается [в пределах] нормального.

10. Чем вреднее находящиеся [в желудке] соки, тем больше проявятся несварение и сопутствующие симптомы. Ты можешь это узнать по тяжести желудка и остальных внутренностей, а иногда можешь обнаружить по [изменению] ощущений, появляющихся на языке.

11. Острота и вяжущий вкус, солёность и горечь, неестественные, неприятные ощущения и противная отрыжка, рыбный, илистый привкус, неприятный запах и другие проявления нездоровых качеств у человека, колики в прямой кишке, уколы и тяжести [и] какие-либо [другие] подобные симптомы указывают на господствующие [в желудке] соки.

12. Какая в этом случае обнаруживается тяжесть головы, тревожность, бессонница, сонливость, шум в голове и особенно в ушах, головокружения, сби-

²⁵ Выделение простых и сложных симптомов и качеств берет начало от теоретической установки Галена в одном из его трактатов — «О причинах болезней». Любая болезнь может быть проанализирована с позиции простых, первичных причин, которые могут объединяться и вызывать более сложные и тяжелые заболевания. См.: *Гален. Сочинения*. М., 2015. Т. II. С. 618–678.

²⁶ В тексте: «πρὸς ἐαυτὴν περικλυθεῖσθαι τῆς γαστρὸς». Скорее всего, имеется в виду сокращение желудка и освобождение от содержимого.

вающие с толку и летаргические сны (κοιμάτῳδεῖς ὕπνοι)²⁷, неуместные сновидения — об этом долго можно говорить, но ограничимся этими указаниями на господствующие в желудке соки.

13. Головокружения и кислые качества, отсутствие жажды и летаргические сны, тяжесть головы и гудящие звуки, а также безрассудные желания показывают, что господствует сок похожий на флегму.

14. Соленый сок, похожий на флегму, подчиняет язык своему качеству и провоцирует жажду. Потребляющие питье несвоевременно испытывают вред не меньше предыдущих.

15. Вяжущее чувство на языке, сухость во всем теле, тревожные и страшные сны, смятения и страхи, печали, возникающие без всякой причины, это, скорее всего, свидетельство меланхолического сока (τοῦ μελαγχολικοῦ χυμοῦ)²⁸.

16. Уколы и укусы, сердечная боль, горечь, головокружение, бессонница, резкие головные боли и звуки в ушах — все от желчного сока.

17. [Поэтому] следует знать, каким образом при сочетании [соков] проявляются симптомы, ими вызываемые. Исходя из простейшего можно судить и о сложных: если многочисленные смещения, качества и вредные [материи] превратились в чужеродные [для тела], то подумай, какие по качеству и количеству симптомы присутствуют и отчего растревоженная душевная пневма приходит в смятение.

18. Я не буду говорить сейчас об остальных пневмах (τῶν λοιπῶν πνευμάτων), при том, что и они тоже изменяются, и мимоходом толковать о явственных кризисах и состояниях души, как когда кто-нибудь, имея проблемы со слухом и слыша с искажениями, не воспринимал бы большую часть того, что господин приказывал ему, [а потому] совершал одно вместо другого из-за ущерба органа слуха.

19. Однако таким образом распознав подобные соки, находящиеся в желудке, ты вылечишь его, о чем мы далее и расскажем.

20. Если [соки] дальше продвинутся, доберутся вплоть до самих внутренностей и там закрепятся, то [произойдет] ухудшение болезни, особенно если будут угрожать более густые и более землистые [весьма плотные и тяжелые] соки.

21. Ведь из-за этого зарождается так называемая ипохондрическая болезнь (τὸ ὑποχονδριακὸν πάθος)²⁹, возникает ужасное безмерное отчаяние, так как во внутренностях образовалась тяжесть. Следом появляются тревожные сны и тяжелые сновидения как при хронической меланхолии (μελαγχολία). И это ты мог бы вылечить с помощью приемов, которые будут изложены [далее].

²⁷ Летаргический сон, летаргия — один из семи видов ментальных заболеваний, выделенных Галеном. Это острое заболевание, сопровождаемое лихорадкой, затрагивающее сам мозг или окружающие его оболочки; летаргия — состояние ступора, характеризующееся снижением умственной и физической активности; причиной ее является избыток холода и влажности, но также избыток или разложение мокроты. См.: *Ларше Ж.-К.* Исцеление психических болезней. Опыт христианского Востока первых веков. М., 2007. С. 55–56.

²⁸ См. ссылку 33.

²⁹ Ипохондрическая (подреберная) болезнь, встречается в описаниях Галена и связана с пищевым расстройством из-за дисбаланса соков и преобладания черной желчи. Отсюда связь ипохондрической болезни с меланхолией — расстройством сознания. См.: *Baur S.* Hypochondria: Woeful Imaginings. Berkeley, 1988. P. 23

III. О болезнях крови

1. Избыток крови делает [нас] ленивыми и сонливыми, не чувствующими аппетита и жажды, а иногда даже беспричинно потеющими, так что такие [больные] больше пользы получают от малого количества пищи. [Их] лучше освободить от [избытка] крови, чтобы тело снова начало питаться, ведь всякий избыток, как говорится, враждебен природе.

2. Кровь, оказавшись испорченной, или размягченной из-за какого-либо постороннего жара или вредной пищи, страдает умеренно и создает умеренные отклонения. Тогда следует избавиться от [подобной] испорченной [крови], восстановив силу пищей, производящей хорошие соки.

3. Если же кровь изменится в другой вид и теряет свое качество, то сообщают организму те из болезней, к которым склоняют несведущих избыливающие соки, образовавшиеся из [испорченной] крови.

4. Ведь в то время как кровь изменяется в чужеродный сок (εἰς ἄλλοιον χυμόν)³⁰, пневма, что из нее [образуется], портится, и появляются меланхолические болезни: умеренные — при умеренных изменениях, более опасные — при более серьезных.

5. Начинает проявляться все тягостное и неприятное в нашей познавательной и начальственной способности³¹, [а именно]: страхи и отчаяние, печаль и душевная болезнь, тяжесть и лень, бессилие, безрассудные желания, пробуждения [во сне], малодушие, непостоянство мыслей и действий, а иногда [ощущение] словно части тела сводит спазм.

6. [Недуги], порожденные сродством [соков и крови], характеризуются более умеренной и предупредительной тяжестью в желудке, неприятными ощущениями и различными качествами, что бывают около языка. Такие болезни беспокоят в меньшей мере, [их] легко перенести и победить с помощью подходящих диет.

7. [Болезни], касающиеся головного мозга, появляются либо когда происходит изменение всей крови в черную желчь, либо когда чудесная сеть в голове³² воспринимает качества, что появились из-за изменений [соков]. Ведь отсюда питается головной мозг, так что и пневма, находящаяся в головном мозге, принимает [измененный] вид. Болезнь, дошедшую до такого состояния, вылечить труднее всего.

8. Если из-за изменения крови образуется меланхолический сок (ὁ μελαγχολικὸς χυμός), то виды меланхолии более умеренные, чем те, что образовались от чистой черной желчи (μελαίνης χολῆς)³³. Если же меланхолический сок по-

³⁰ Об изменении соков в организме можно подробнее узнать в работах Галена. См.: *Гален. Сочинения*. Т. II. С. 308.; *Афонасин Е.В., Афонасина А.С.* Ιατρικὴ τέχνη. Очерки истории античной медицины. СПб., 2017. С. 131

³¹ Имеется в виду разум.

³² Чудесная сеть (rete mirabile) — комплекс артерий и вен, близко расположенных друг к другу и оплетающих головной мозг. По мнению Галена, именно в этой сети происходит трансформация животной пневмы в душевную. В эпоху Ренессанса было доказано отсутствие «чудесной сети» в анатомии головного мозга человека. См.: *Wickens Andrew P.* A History of the Brain. From Stone Age surgery to modern neuroscience. L., 2014. P. 43.

³³ Наряду с четырьмя основными соками — черной и желтой желчью, флегмой и кровью, Иоанн Актуарий выделяет «меланхолический сок», который типологически связан с черной и желтой желчью, образуясь в результате их изменений. Об изменениях желтой и черной желчи как при-

явится в результате изменения желтой желчи, то появляются жестокие и острые помешательства.

9. Едкость желтой желчи, все еще сохраняющаяся в возникшем меланхолическом соке, беспокоя и раздражая чувство, приводит к неукротимым и тяжелым состояниям. Если кровь не полностью изменилась в черную желчь, скорее возникают мании (μανίαι)³⁴ и безумие, преимущественно сопровождаемое смехом.

10. Под заботливым крылом [медицинского] искусства такие болезни умиряются в течение долгого времени при помощи кровопускания, действенных очищающих лекарств, требуемых диет.

11. Об этом долго было бы рассказывать, и находится это за пределами нашего повествования, ведь мы не ставили перед собой целью говорить о всякой болезни и всяком лечении, так что довольно будет и сказанного.

12. Тот, кто внимательно [нас] слушает, исходя из уже сказанного, может понять и то, что сообщить мы еще не успели.

IV. О различии качеств и их действующих сил

1. Далее было бы уместным прибавить к речи [рассуждение] о различии качеств и сил пищи, а также упражнений, остальных средств питания, и о том, какие из лекарств имеют способность либо изменять и переделывать качества, присутствующие в нас, либо же блокировать и очищать, или же восстанавливать и уплотнять в нас соки. Ибо, построив рассуждения таким образом, можно извлечь для себя пользу.

2. Однако предварительно следует коснуться вопроса о качествах, обнаруживаемых в пище и лекарствах, и какой силой обладает каждое из них. Затем, продвигаясь далее, рассуждения могли бы уточнить [знания] о конкретных видах пищи, лекарствах и остальных назначениях.

3. В частных разновидностях пищи и лекарств проявляются то качества простые, то сложные, одни — интенсивные, другие — умеренные. Есть те, что растворяются в действующем качестве, усиливая [его действие], а есть и те, [что действуют] противоположным образом. Исследуя конкретные качества, ты сможешь познать многочисленные различия между ними.

4. Одно из качеств — сладкое (γλυκεῖα), другое — жирное (λίπαρά), третье — кислое (ὀξύδης), четвертое — вяжущее (στυφουσα), пятое — соленое (ἄλμυρά), затем же — горькое (πικρά), а потом — острое (δριπεῖα). Это как бы некие родовые качества относящиеся к нашему чувству. Даже если некоторые [качества] и окажутся другими, не являющимися именно таковыми, но по схожей внутренней сущности и они сводятся к [вышеупомянутым]³⁵.

чин психических заболеваний, таких как мании и помешательства, можно найти в работе Павла Эгинского. См.: *Paulus Aegineta. Medical Works of Paulus Aegineta, the Greek Physician: Tr. Into English; with a Copious Commentary Containing a Comprehensive View of the Knowledge Possessed by the Greeks, Romans, and Arabians, on All Subjects Connected with Medicine and Surgery* / Ed. F. Adams. Welsh, Treuttel, Würtz, 1834.

³⁴ Мания — хроническая болезнь, поражающая мозг; симптомами является патологическое возбуждение при отсутствии лихорадки; вызвана желтой желчью. См.: *Ларше Ж.-К.* Указ. соч. С. 55–56.

³⁵ В анонимном византийском диетологическом трактате, переведенном на английский и прокомментированном Э. Долби, упоминаются следующие вкусы: сладкий, острый (пикантный), соле-

5. Влажные сладкие [вкусы] сопоставляются с общей категорией сладкого, маслянистые же качества рассматриваются вместе с жирными яствами. Например, к вяжущему свойству относится острое и терпкое [качество], проявляющееся больше или меньше посредством различий.

6. Помимо перечисленных качеств следовало бы назвать влажное и зерновидное (σιτώδης)³⁶, не передающее языку никакого явного изменения [вкуса]. Они представляются нам по большей части похожими и рассматриваются в расширительном смысле.

7. Кто-нибудь мог бы назвать винное качество неким смешением по-разному сочетаемых качеств. Оно принимает бесчисленные различия и склоняется то к одному, то к другому качеству.

8. Зерновидным мы называем [качество], которое обнаруживается в плодах, порождаемых землей, стручках и подобном, а влажным — которое проявляется в овощах и травах, некоторых плодах и кореньях, не изменяя [при этом] никоим образом чувства.

9. Мы называем также сие качество прохладным, рассматривая его как соответствующее нашему, и правильно смешанным, и которое можно повсеместно наблюдать.

10. Следующее качество, которое мы называем влажной сладостью, как кажется, настолько отклонилось от охлаждения простого влажного качества, насколько, как можно подумать, прибавило к себе сладкого. Считается, что это качество, рассматриваемое в соразмерном смешении, является умеренно влажным. [Каждое из двух качеств по отдельности] более влажное, чем [одно] соразмерное.

11. Сладкое [качество] в идеале является соразмерным смешению. [Однако] насколько [оно может] оказаться увеличенным, [насколько] приобретет теплоту сверх соразмерности и теряет нечто от соразмерной [ему] влаги.

12. Жирное же и маслянистое, будучи само по себе соразмерным и приятным по природе, обладает силой, чтобы освободить и ослабить [что-либо] напряженное. [В этих качествах], кажется, преобладает некоторым образом [свойство] сладкого, при условии, что происходит правильное пищеварение. И если оба [качества] портятся, то приобретают больше тепла, и лишаются избытка влаги.

13. И совершенная сладость со временем превращается в горечь, изменяясь в противоположное качество, когда не может получить подкрепления.

14. По справедливости, я бы относил жирное к сочному, а также отнес к этому [одно] из связанных с ним ощущений, которые я не знаю, как назвать, так как для этого чувства не существует собственного названия. Сходные [ощущения] про-

---

ный, острый, жирный, вяжущий, безвкусный, нежный. В другом кратком трактате того же типа «De cibis», как отметил Э. Долби, последние два вкуса заменены на «горький и безвкусный». Каждый из названных вкусов описан при помощи двух основных характеристик — сухой/влажный и холодный/горячий. Так, сладкий вкус обладает влажным и горячим качеством, острый — более горячий и более сухой, чем сладкий, а соленый — сухой и горячий. См.: *Dalby A. Tastes of Byzantium. The cuisine of a legendary Empire. L.; N.Y., 2003. P. 129–131.*

³⁶ К перечисленным выше основным качествам продуктов Иоанн Актуарий добавляет «зерновидное» — σιτώδης, т. е. «подобный зерну, зерновые» и чаще всего употребляется для обозначения различных продуктов, созданных из зерна; например, в таком значении это определение использует Орибасий. См.: *Oribase. Œuvres complètes avec texte grec et traduction française établie par les docteurs Daremberg et Bussemaker / Ed. Daremberg, Bussemaker. Paris, 1851–1876. T. II. P. 150.* Иоанн Актуарий тоже использует это слово как обобщающее именование для всех зерновых (см. ниже V. 18; 27), а также как определение определенного качества пищи в целом.

являются при внешнем нагревании, но и в не меньшей степени при нахождении во внутреннем тепле, и, в особенности, если оно стремится к усилению.

15. Кислое качество, будучи более тонким при холодных состояниях, способно разделять, делать в меру более тонким и немного подсушивать.

16. Терпкое [качество] в меру стягивает, суживает, уплотняет вещество и обладает свойством скреплять расслабленное, будучи плотным, охлаждающим и осушающим.

17. Когда же это качество усиливается, то терпкость проявляется как более плотная и сильнее осушающая.

18. Соленое [качество], будучи более теплым, чем сладкое и жирное, и не в большей степени сухим, состоит из тонких частей и поглощает избыток влаги.

19. Горечь — это в некотором смысле усиленная соленость. [Она] является теплой и сухой, превосходит соленое качество в очищении, и в своей едкости есть самое теплое и сухое из всех качеств, [так] не в меньшей степени состоит из тонких частей и легко проникает в глубину, режущее, истончающее, блокирующее и раскаляющее.

20. Однако общее рассуждение о простых качествах как-то должно быть закончено. Желаящий может на основании простого узнать и о сложном. Ведь получается, что имеется множество, включающее в себя противоположные и различные качества; если же взяться изучить их внимательно, то можно вовремя ими воспользоваться, помогая страдающим от противоположного.

21. Самое искусное ремесло, знакомое с этим, хитроумным способом подражает сочетанию и соединению качеств, которые появляются с помощью трав, плодов, остальных простых тел, с тем чтобы вылечивать разные сочетания болезней.

22. Ведь зерно и то, что относится к категории простой пищи (τροφή ἀπλή)³⁷, не разбирается по качествам, если только не проявилось что-нибудь [дополнительное] вместе с ними. Все проверяется в соответствии с переработкой, варкой, плотностью и тонкостью.

23. Поскольку некоторая пища не подвержена варке и приготовлению, то представляется поэтому неприятной или жесткой для питающегося, и требует большего времени для переваривания.

24. Что касается живых существ, то одни — более крупные, грубые, землистые, а другие — нет. Вторые от первых отличаются полнотой и возрастом, а также образом жизни и упражнениями. Все проверяется схожестью смешений, поскольку не всем одно и то же питание является подходящим, но одно [питание]

³⁷ О «простой пище» упоминал Гиппократ: «Вот от таких полезных яств, хотя бы они вводились в большом обилии, совершенно не случается расстройств и выделения сил в теле, а, напротив, является крепость, возрастание и питание, и это не по какой-либо другой причине, а только потому, что, будучи хорошо соразмерными, они не имеют в себе ничего неумеренного, ничего сильного, но в целом являются чем-то единым и простым» (см.: *Гиппократ. Сочинения.* М., 1936. Т. I. С. 157). Во II в. н. э. древнегреческий врач Соран Эфесский тоже упоминал о «простой пище» при лечении гинекологических заболеваний: «следует принимать простую пищу (как например, хлеб, зрелые огурцы, вымоченную ячменную крупу, яблоки и другое подобное)» (см.: *Soranus. Gynaeciorum libri IV, De signis fracturarum, De fasciis, Vita Hippocratis secundum Soranum* / Ed. J. Ilberg. Leipzig, Berlin: CMG, 1927. Vol. IV. S. 137). Скорее всего, под «простой пищей» имеются в виду продукты, качества которых однородны и не имеют противоположностей — зерновые, овощи, фрукты.

соответствует другим [больным] по схожести смешений и упражнений. Так что если кто-то не знал хоть что-то о различиях между [качествами] и смешениями, им соответствующими, то напрасно брался бы за диету.

25. Чтобы рассуждение также и по этой части было достаточным, необходимо [кое-что] добавить, дабы, может быть, оно принесло пользу другим, которым [этот трактат] попадет в руки.

26. Будет несправедливым порицать нас, если в рассуждениях мы упомянем что-либо о мясном. Несмотря на то, что ты давно отказался от такой пищи в силу монашеского достоинства (τῷ τοῦ σχήματος ἁζιώματι)³⁸, ты мог бы посоветовать другим употребить это с пользой, так как ты постоянно заботишься о благом образе жизни и добродетели души каждого, с кем ты вступишь в общение, при этом не отказываясь от того, что, как тебе кажется, способствует здоровью людей. Вероятно, даже и в этой части не покажется тебе наше повествование неуместным.

27. Поскольку наша пища является различной и разнообразной, [а] приготавливаемая по-разному кажется еще более [многообразной], то откуда было бы уместно или лучше начать? Лучше [начинать] с более распространенных, которыми почти все люди пользуются.

V. О зерновых и бобовых и различии между ними

1. Хлебные злаки (ведь для большинства людей это повседневная пища) — будучи схожими по сущности, не всегда являются такими же по свойствам, ведь одни из них кажутся огненно-красным, или жесткими, или и теми и другими, а другие — белыми и легкими, либо сморщенными, либо полными³⁹.

2. Ты сможешь узнать множественные различия [среди них]: одни являются более огненными и более теплыми (следует также знать, что среди принадлежащих к одному виду более красные кажутся и более теплыми); другие — более жесткими, трудными для обработки и более питательными, так что сморщенные и худые скорее появляются из-за ущерба их собственных качеств.

3. Теми, кто занимается упражнениями, скорее должны быть выбраны более жесткие [хлеба], ибо они всегда усваивают [пищу] быстрее и нуждаются из-за этого в более плотной пище. Тем, кто проводит жизнь без упражнений и в праздности, [подходят] хлеба более мягкие и при созревании не имеющие никаких погрешностей, ведь такие [люди] слабы и немощны.

4. Лучше, чтобы [хлеба] не имели какого-либо постороннего запаха, что может случиться, если они восприняли что-то при хранении, а также не были смешаны с другими посторонними семенами.

5. Поскольку тебе предпочтительнее [питаться] мягким хлебом, то пусть точно так же обстоит и со всем [остальным]. Ведь следует давать более жирную и

³⁸ Иоанн Актуарий создает трактат по заказу известного богослова Иосифа Ракендита, о котором было упомянуто в предисловии этого сочинения.

³⁹ Σῖτος используется в работе Актуария в двух значениях — как зерно и как продукт. Классификацию «огненно-красные» и «белые» злаки Иоанн Актуарий заимствует у Галена, описывавшего темные, красные зерна как зрелые, более жесткие и более питательные; не такие красные, желтоватые, с белой внутренностью — как незрелые, малопитательные, мягкие, а потому легко усваиваемые организмом. См.: *Galen. On the Properties of Foodstuffs* / Eds. O. Powell, J. Wilkins. Cambridge, 2003. P. 39–40.

более питательную пищу тем, кто больше занимается физическими упражнениями, и более легкую и менее питательную — тем, кто живет без забот.

6. Далее нужно, чтобы ты выслушал подробнее и остальное о [хлебе]. Когда кто-нибудь пожнет хлеб, который еще зелен (χλωρόν), то может понести вред умеренный, при условии что и сам хлеб [потреблен] в умеренном количестве. Ведь будучи довольно влажным, он не задерживается во внутренних частях, но выходит, не привнеся ничего плохого. Если же его много, то [он] требует большей обработки. Если кто-нибудь постоянно потребляет недопеченный хлеб, то может приобрести множество болезней, при условии, что он бездеятелен. Ведь сырой и несваренный хлеб остается во внутренних органах, [вызывая] несварение соков, [и] словно неприятный источник, мучает страдающего неумеренно, распространившись по остальным частям тела⁴⁰.

7. Много лучше растолченное и хорошо разваренное зерно, которое мы едим, готовя вместе с оливковым маслом или жиром.

8. Когда же зерно достаточно размолото, то та его часть, что является самой чистой, называется мукой (παπάλην). Другая, самая грубая, называется отрубями (πιτυρῳδές). То, что между ними — так называемая [мука] *алевро* (ἄλευρον) и [мука тончайшего помола] *семидалис* (σεμίδαλις) — с одной стороны, намного гуще, чем ячменная мука, а с другой — чище.

9. Зерно, что чище остальных, идет на хлеб, называемый *силигнит* (σίλιγνις). Мука тончайшего помола называется *семидалит* (σεμίδαλις), тогда как мука с отрубями (πιτυρίας) [используется как для хлебов,] лишенных наиболее чистой части, [так и для хлебов] из синкомита (συγκομιστοῦς) [непросеянной муки]⁴¹, лишенных только той части, что есть в отрубях.

10. Все они готовятся либо вместе с солью и дрожжами, либо без них; либо в печах и духовках, либо в золе, из которых одни называются либо приготовленными на сковороде или испеченными в духовке, другие — испеченными в золе, будто спрятанными в золе во время приготовления.

11. Лучшими [считаются] те, что с солью и дрожжами, а испеченные в печи и на сковороде [лучше] испеченных в золе, ибо более предпочтительным считается не имеющее примеси золы и какой-нибудь другой нечистоты.

12. Дрожжи и соль приносят больше всего пользы, поскольку расходуют сами себя до конца, способствуют лучшему созреванию и приготовлению той муки, с которой смешаны. Ведь тот хлеб, что без соли и дрожжей, требует больших усилий и [более] натренированного тела для переваривания. Тебе не следует его выбирать, иначе ты изменил бы всю диету.

13. Конечно, приготовленные таким образом — лучше всех хлебов, ибо самые питательные. На втором месте — хлеба из грубой муки. Где-то между ними

⁴⁰ «Зеленый» (χλωρός) — незрелое зерно, требующее обработки, а «вареный хлеб» — вид кулинарного изделия. Совет растолочь зерно и сварить его вместе с оливковым маслом или жиром мог быть заимствован у Орибасия, который использовал примочки из хлеба, «смешанного с водой, оливковым маслом или жиром. Все вместе хорошо разваренное применяется для лечения горечек, вызванных внешними повреждениями, а также ускоряет выведение гноя». См.: *Oribase. Œuvres complètes*... Т. II. Р. 346. Однако тут это не рецепт хлеба, хотя способ и ингредиенты совпадают. Возможно, это рецепт нового вида хлеба.

⁴¹ Вслед за Галеном Иоанн Актуарий воспроизводит античную традицию разделения хлебов по способу их приготовления. Описания даны менее подробно, чем у Галена. См.: *Galen. On the Properties*... Р. 39–44.

те, что из муки тончайшего помола. Самые плохие — сделанные из отрубей, дающие совсем мало питания телу, легко проникающие и быстро изменяемые в меланхолический сок.

14. *Силигнит*, будучи самым чистым из хлебов, доставляют в тело самую чистую пищу. *Семидалиит*, будучи густым, требует большей переработки при переваривании, хотя и такой хлеб будет производить чистую кровь. Между ними по пользе применения так называемый хлеб *синкомит* из непросеянной муки, [он] более безобидный, так как ни неудобоваримый, как *семидалиит*, ни питательный и вызывающий задержки, как хлеб, изготовленный обычным образом.

15. Нельзя не знать, что слишком запеченный или недопеченный хлеб оказывается лишенным своих отличных качеств в меру своего изыяна. Нужно иметь в виду, что это применимо и к любой другой пище, требующей приготовления.

16. Тот [хлеб], что из муки, смешанной с водой вместе с оливковым маслом, и приготовленный на сковороде⁴², с одной стороны, дает питательную и жесткую пищу, а с другой — требует крепкого желудка. Такой хлеб больше подобает усердно упражняющимся людям, в других же легче порождает грубый сок.

17. Ты услышал рассказ о хлебе и приготовленном из него. После же пшеницы [идет] ячмень, ведь говорят, что ячменная лепешка лучше после хлеба (ἀγαθὴ καὶ μᾶζα μετ' ἄρτον)⁴³.

18. Ячмень питает меньше, но очищает больше. Он холодный по природе, и лучше, чем другие зерновые. Сок, приготовляемый из ячменя, вполне подходит здоровым, если они горячие [по натуре], и больным горячкой, так как он охлаждающий и увлажняющий.

19. В жаркую пору ты бы мог воспользоваться ячменем, растерев и правильно сварив его, как мы готовим кашу из хлебных зерен (ἄθάρη)⁴⁴. Если ты добавишь сок миндаля, то сделаешь пищу лучше, легче, сочнее и более удобоваримой, способствующей похудению, очищающей и весьма полезной. Лучше светлый ячмень — более питательный и не имеющий запаха.

⁴² У Галена Иоанн Актуарий заимствует также рецепт блинов: «Оливковое масло помещается на сковороде, нагревается на бездымном огне, и когда сковорода нагрета, то следует вылить на нее замоченное в воде тесто». Это мучное изделие, как отмечает пергамский врач, «производит густые соки, сдерживает желудок» и является продуктом питания бедняков. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 43.

⁴³ Античная пословица, встречаемая в сочинении античного софиста эпохи Адриана Зиновия (Ζηνοβίος) о ἀγαθὴ καὶ μᾶζα μετ' ἄρτον («ячменная лепешка хороша после (пшеничного — E.P.) хлеба») описывает ячмень как продукт, следующий по качеству и важности за пшеницей. Значение данной пословицы — «второй после лучшего». Автор использует ее для логической связи повествования — перехода к ячменю, обыгрывая лексическое и содержательное соответствие с предметом изложения. См.: *Corpus paroemiographorum graecorum* / Eds. E.L. Leutsch, F.G. Schneidewin. Gottingae, 1859. T. I. P. 4.

⁴⁴ Иоанн Актуарий предлагает использовать сок или кашу (ἄθάρη), сваренную из ячменя, более известную со времен Гиппократов как птисана (πτισάνη) — ячменный напиток, отвар, жидкая похлебка, которую последний советовал применять при самых разных болезнях. Однако Иоанн Актуарий избегает этого названия, хотя продукт был очень популярен, и многие его предшественники упоминали его. См.: *Darmstaedter E. Ptisana: ein Beitrag zur Kenntnis der antiken Diätetik* // *Archeion*. 1933. Vol. 15. S. 181–201. Стоит заметить, что сок миндаля (χυλὸν τῶν ἀμυγδαλῶν) упоминается в работе Александра Тральского именно по отношению к птисане. См.: *Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles; le dernier auteur classique des grands médecins grecs de l'antiquité* / Ed. F. Brunet. Paris, 1939. Vol. II. P. 235.

20. Полба, растолченная и сваренная как каша, тоже является легкой пищей, но ни производит вполне чистую кровь, ни питает в достаточной мере, она не придает никакой силы телу, и ты можешь воспользоваться ей, если нуждаешься в легкой пище.

21. Просо малопитательное, подобно полбе. Превосходит [ее] в том, что обладает несколько большей стойкостью и создает пневму. Правильно, чтобы ты избегал употребления [его], если только не случится недостаток лучшего зерна⁴⁵.

22. Бобы же пусть отсутствуют в твоей диете, так как производят густую кровь и такого же качества пневму, хотя с другой стороны, они представляются очищающими и питательными. Если вдруг появится необходимость, чтобы ты употребил их, то лучше похлебка из них, более очищенная и утрачивающая большую часть пневмы⁴⁶ при варке. Если [пожелаешь] перемешать с ними и какие-нибудь злаки, не вызывающие метеоризм (τῶν ἀφύσων καλοῦμένων στερμάτων)⁴⁷, и мед, то, пожалуй, меньше всего [нанесешь] ущерб.

23. Коровай горох (οἱ φάσῃλοι)⁴⁸ хуже всего, будучи теплым, имеющим земную природу и, как говорят, приносящим беспокойство пневме, что в голове, вызывая тяжелые сны.

24. Бараний горох (ἐρέβινθοι)⁴⁹ доставляет телу более тяжелую и в меру чистую пищу, но также производит метеоризм и требует более крепкий желудок. Похлебка из него лучше, она очищающая и диуретическая за счет того, что обладает солонцеватыми качествами. Следует использовать ее, чем сам [бараний горох].

⁴⁵ В тексте: «εἰ μὴ πον τῶν ἀμεινόνων σπάνις κατέχει». В редких случаях использовать просо советовал также Орибасий. См.: *Oribase. Œuvres completes...* Т. I. Р. 30.

⁴⁶ Здесь термин πνεῦμα употребляется в значении «испарения» и имеется в виду метеоризм.

⁴⁷ У античных врачей определение «семена, не вызывающие метеоризма» встречается по отношению к разным растениям. Гален считал таковыми семена сельдерея, Павел Эгинский — хрена, а Орибасий — тмина. См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia* / Ed. C.G. Kühn. Vol. X. Leipzig, 1821. P. 578; *Paulus Aegineta. Libri V–VII* / Ed. J.L. Heiberg. Leipzig, Berlin: CMG, 1924. S. 206; *Oribase. Œuvres complètes...* Т. I. Р. 654. Смещение бобов с медом встречается реже: можно найти у Галена, где он смешивает мед, бобы и семена белены (ὕσκούριον σπέρματος) или просто мед с египетскими бобами (κυάριος Αἰγυπτίος). См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia*. Vol. XIII. Leipzig, 1821. P. 68, 278. Малоизвестный античный врач Филумен смешивал египетские бобы, мед, руту и тмин для применения в качестве лекарства, но не как диетологическое предписание. См.: *Philumeni. De venenatis animalibus eorumque remediis* / Ed. M. Wellmann. Leipzig, 1908. P. 13. Поэтому можно предположить, что Иоанн Актуарий приводит здесь собственный рецепт.

⁴⁸ Греческое слово φάσῃλος, часто переводимое как фасоль, не имеет ничего общего с современной фасолью, которая была завезена лишь в XVI столетии из Южной Америки. См.: *Dalby A. Food in the Ancient World from A to Z*. L.; N.Y., 2003. P. 56.). В древности употребляли вигну, которая имеет более 120 видов и похожа на стручковую фасоль. Однако никто из предшественников Актуария не упоминает, что фасоль влияет на сон. Гален коротко описал вигну и чину, но не упоминает об этом. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 63–64. Нам удалось найти о влиянии не вигны, но в целом бобовых на сон, например, у Плиния, который не советует использовать чечевицу «для питания легких, [ибо она] присоединяет головную боль и бессонницу». См.: *Flint-Hamilton K.B. Legumes in Ancient Greece and Rome: Food, Medicine, or Poison? // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 1999. Vol. 68. No. 3. P. 376.

⁴⁹ Бараний горох известен также как «нут». О похлебке из нута писал и Гален (*Galen. On the Properties of...* P. 61.), однако он не упоминает, что нут — тяжелая пища для желудка, но такую характеристику мы можем найти в сочинении Симеона Сифа: «Бараний горох есть теплая и влажная пища в первую очередь, тяжелая для переваривания, способствующая очищению,

25. Рис⁵⁰ — достаточно теплая и сухая еда, питающая и вызывающая запоры. Не несет ничего плохого телу, если его принимать в течение долгого времени.

26. Чечевица⁵¹ — самая худшая из бобовых еда, густая, землистая и порождает меланхолическую кровь. Дважды, трижды и более прокипяченная и разваренная в похлебку [она] скорее не опорожняет, но, будучи таким образом приготовленная, крепит желудок.

27. И следует от нее воздерживаться как от самой худшей пищи и подобающей скорее сельским жителям. Довольно потратив времени на зерновые и бобовые, следует обратить внимание на следующее.

28. Из сказанного можно понять и о том, что не упомянуто [тут]: во всех отношениях лучше зеленые [злаки], имеющую легкую жидкость, ведь со временем они, отталкивая влагу, становятся и более плотными, и землистыми по природе. Так что влажное лучше сухого, вареное лучше сырого, а зрелое лучше незрелого.

29. Поскольку тебя, выбравшего скромную жизнь, интересуют те блюда, что сделаны на скорую руку, простые да от земли, то сразу же после речи о бобах, мы поговорим об овощах и плодах, а затем о животных и их употреблении пойдет речь.

VI. Об овощах, плодах и различии между ними

1. В целом, нужно знать, что всякий овощ порождает кровь легкую и жидкую, если ее сравнивать с кровью, что появляется от более грубой пищи. Один [овощ] от другого отличается качеством, сочностью и какой-либо преобладающей особенностью.

2. Капуста (κράμβη), если рассматривать ее среди овощей, является достаточно горячей пищей, более сухой. Если ее сварить и не слить, то опорожняет желудок. Если четырежды или более раз потеряет свой сок и будет потреблена в этом состоянии, то скорее скрепит желудок⁵². Ничего удивительного, так как сок обладает очищающей силой, а сама по себе капуста оказывается пищей успокаивающей.

афродизиаки, питательнее, чем бобы, устраняет закупорки и способствует менструации. Обладает двумя природами: соленой и сладкой. Первая — очищающая, вторая — диуретическая». См.: *Siméon Seth*. *Siméon Seth, médecin de l'empereur Michel Doucas, sa vie, son œuvre*. Première traduction en français du traité "Recueil des propriétés des aliments par ordre alphabétique" / Ed. M. Brunet. Paris, 1939. P. 55–56.

⁵⁰ Исторически рис относили к бобовым и чаще использовали как продукт для десертов, редкое блюдо. Рис пришел в Византию с Востока и получил особую популярность благодаря мусульманским медикам. См.: *Kokoszko M., Jagusiak K., Rzeźnicka Z.* Rice as food and medication in ancient and Byzantine medical literature. // *BZ*. 2015. Vol. I. P. 134–135. О том, что рис очень питательный, но вызывает запоры, пусть и умеренные, писал опять же Симеон Сиф. См.: *Siméon Seth*... P. 84.

⁵¹ Рецепт и характеристику Актуарий заимствует у Орибасия. См.: *Oribase*. *Œuvres complètes*... Т. I. P. 31–33.

⁵² Рецепт взят из сочинений Галена о «дважды-сваренной капусте», которая, сваренная один раз и употребленная вместе с рыбным соусом, опорожняет желудок, а дважды, за счет своего сухого качества, скрепляет. См.: *Galen*. *On the Properties of...* P. 102. Симеон Сиф формулирует следующим образом: «Ее сок способствует очищению, но твердая часть скрепляет потоки в желудке... порождает черную желчь». См.: *Siméon Seth*... P. 66.

вающей. По большей части [она] рождает меланхолический сок, так что не стоит тебе ее употреблять, если только не одолеет голод.

3. Свекла (τεύτλον) намного лучше капуста: в сравнении с ней [она] не производит меланхолический сок, освобождает желудок за счет имеющегося в ней щелочного сока⁵³, к тому же это достаточно горячий овощ.

4. Красноватые и красные корни свеклы более питательные, рожают более густую кровь, чем листья, и отличаются избыточной способностью производить метеоризм. Впрочем, [они] легче выводятся, почему иногда ими и следует пользоваться.

5. Портулак и лебеда (ἀνδράχην δὲ καὶ ἀτράφαζον) — холодные и влажные овощи, полезные при горячих смешениях и временах года, производят легкую и влажную кровь и непригодны для холодных тел⁵⁴.

6. Цикорий (σέρρις) — холодная пища, полезная при горячих смешениях. Создает кровь чистую, более свободную от примесей, в отличие от лебеды. В то же время цикорий является удобоваримым и укрепляющим печень⁵⁵, благодаря тому, что обладает умеренной плотностью.

7. Латук (θριδάκην) во многом более холодный и более влажный, порождает легкую, хорошую и высокого качества кровь, легко вызывает сны, охлаждает и увлажняет голову. Более не стоит им пользоваться в случае увлажнения и охлаждения головного мозга, [ведь] благодаря этому [латук] успокаивает напряжение его энергий⁵⁶.

8. Дикая редька, с одной стороны, более острая и благодаря этому полезная, отделяющая и очищающая от соков, находящихся в желудке и внутренностях, однако, с другой стороны, неудобоваримая пища. Садовый же редис более умеренный во всем, однако принимать [его], обжигающий и вредящий крови, подобно остальным острым [кушаньям], не стоит, если только не воспользоваться [им] в качестве лекарства⁵⁷.

⁵³ О щелочных свойствах писал Диоскорид, который из-за этого не советовал ее принимать. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus. De materia medica* / Trad. Lily Y. Beck. Hildesheim; Olms, 2005. P. 144. Гален также описывал эти свойства и отмечал её очищающую способность, малую питательность, хотя корни лучше, чем листья. См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia*. Vol. XII. Leipzig, 1821. P. 128; *Galen. On the Properties of...* P. 101–102, 109.

⁵⁴ Влажные качества портулака отмечали Диоскорид и Гален, советовали при жаре, а Орибасий добавлял к портулаку лебеду при появлении температуры. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus...* P. 144–145; *Galen. On the Properties of...* P. 102; *Oribasii. Synopsis ad Eustathium, Libri ad Eunapium* / Ed. J. Raeder. Leipzig, Berlin: CMG, 1926. Vol. VI. 3. S. 300–301.

⁵⁵ Применение цикория для лечения печени встречается у Орибасия и Павла Эгинского. См.: *Paulus Aegineta. Libri I—IV* / Ed. J.L. Heiberg. Leipzig, Berlin: CMG. 1924. S. 251; *Oribasius. Œuvres complètes...* T. I. P. 288.

⁵⁶ Возможно, что внимание к влиянию латука на головной мозг связано с сочинением Галена, в котором известный медик описал действие латука на собственный организм при лечении бессонницы (см.: *Galen. On the Properties of...* P. 99–101.). Об этом также может свидетельствовать греческое слово θριδάκην, обозначавшее первоначально дикий латук, которое употребляет Актуарий вслед за своим предшественником, в то время как в повседневной жизни используется термин θριδάξ.

⁵⁷ Редька — единственный овощ, который Актуарий делит на дикий и садовый. Описание взято у Галена, предписывавшего этот продукт во время еды для улучшения пищеварения. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 114.

9. Сельдерей, укроп (σέλινα δὲ καὶ μάραθρα) и подобное [им] являются горячей и сухой пищей, мочегонной и блокирующей⁵⁸, к тому же неудобоваримой, так что если нужно, то ими следует пользоваться как лекарством.

10. Лук-порей лучше, чем лук и чеснок, когда сварен, ведь благодаря варке избавляется от большей части нездорового состояния соков и едкости. До некоторой степени он тоже неудобоваримый из-за наличествующей у него волокнистости, хотя он делает влагу, задержавшуюся в груди, легко откашливаемой благодаря присущей ему вязкости⁵⁹. Умеренно диуретический.

11. Огурцы (σίκυοι) незрелые — какими еще будут, если не по названному качеству? Ведь они, будучи холодными, влажными и неудобоваримыми, создают незрелый сок. Спелые, достигшие созревания — намного лучше, но и они имеют то же свойство: не легко перевариваются или неподобающе выводятся, приумножают и соучаствуют в гниении тех соков, которые окажутся в желудке. Когда же отходят легко, то вместе с собой одновременно выводят беспокоящие [соки] благодаря своей очищающей способности. И хорошо переваренные тоже производят чистую и влажную кровь.

12. Тыква (κολοκύντη) — [что-то среднее] между незрелыми и созревшими огурцами. Лучше, когда [она] сварена. Холодая и влажная пища, малопригодная и малокалорийная, производящая влажный сок, особенно когда желудок холоден, [поэтому] употреблять ее лучше как лекарство.

13. Шампиньоны и трюфели (ἀμυῖται δὲ καὶ ὕδνα)⁶⁰ — холодная и влажная [пища], порождают густые и незрелые соки, укрепляют теплые и сухие смешения.

14. Спаржа (ἀσπάραγγοι)⁶¹ — лучшая из всех овощей, ведь [она] легкая в приготовлении, будучи умеренно горячей и состоящей из тонких частиц, рождает чистую кровь, является мочегонной. [Даже] при наличии иных продуктов я бы советовал тебе ее употреблять не только весной, когда [она] созревает, но откладывая ее про запас на все времена как питающую и очищающую кровь и прежде всего — запирающую внутренности и разжижающую в них соки. Но довольно об этом, теперь речь [пойдет] о плодах.

15. Вишни (κέρασοι) бывают холодные и влажные, одни — сладкие и рыхлые по составу, другие же — более сухие и более терпкие, из которых стоит выбрать первые, поскольку они лучше перевариваются и легче выводятся. Другие могли бы быть более полезны для тех, кто страдает расслаблением желудка, будучи некоторым образом не подверженными порче и скрепляя желудок за счет

⁵⁸ Лекарственное предназначение укропа и сельдерея отмечали Гален, Dioscorides и Сиф, однако все они описывали эти продукты как расслабляющие, а не блокирующие. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 105; *Pedanius Dioscorides of Anazarbus*. Op. cit. P. 209, 211; *Siméon Seth...* P. 78.

⁵⁹ Орибасий тоже сравнивает лук-порей, лук и чеснок, отмечая их острое, осушающее качество, а Dioscorides советует применять отваренный лук-порей для выведения мокроты из грудной клетки. См.: *Oribasii. Collectionum medicarum reliquiae. Libri I–VIII* / Ed. J. Raeder. Leipzig, Berlin: CMG, 1928. Vol. VI 1,1. S. 35; *Pedanius Dioscorides of Anazarbus*. Op. cit. P. 154.).

⁶⁰ Гален называл шампиньоны только «вторыми после лесных грибов», а трюфели сравнивал с корнями и лукавицами и отмечал их холодную и влажную природу. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 113.

⁶¹ Теплые качества спаржи отмечал Гален, однако он не советовал принимать ее в больших количествах. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 107. Симеон Сиф советовал спаржу за диуретические свойства и способность создавать кровь. См.: *Siméon Seth...* P. 45–46.

вяжущей способности⁶². При избыточном потреблении, если они не разложатся вместе с соединившимися соками, создают влажный сок.

16. Лучшие из яблок — так называемые царские (τῶν μῆλων δὲ τὰ μὲν βασιλικά)⁶³, поскольку они тоже являются холодными. Они считаются полезными для сердца⁶⁴ от того, что успокаивают [как] пары, приносимые в сердце, дымные и коптящие, [так] и те, что достигают головы. [Эти яблоки] также останавливают вред, что появляется в голове от вина, достигают нервов и, как говорят, укрепляют память, и больше всего те из них, что кислые, будучи в достаточной мере более холодными⁶⁵, [действуют] за счет тонкости своей природы в глубину⁶⁶.

17. Лучше из яблок те, что сохраняются про запас в течение зимы. Будучи сладкими и становясь лучше перевариваемыми с течением времени, [они] оказываются более полезными для подобающего использования и устойчивы к гниению.

18. Персидские и армянские яблоки (Περσικά δὲ μῆλα καὶ Ἀρμενιὰ)⁶⁷, будучи холодными и влажными в отношении смешения, производят очищенную и водянистую кровь. Если хорошо переварятся, имеют свойство разлагаться и преобразовываться, с трудом проходя вместе с теми соками, с которыми встретятся. Так что с самого начала я не советовал бы тебе их потреблять, поскольку они нелегко проходят, если только кто не скажет, что в силу особенности смешения тело довольствуется своеобразной пищей. Лучше из них яблоки с косточками, которые легко проходят, но ведь и они портятся у некоторых людей, будучи нелегко выводимыми.

19. Гранат (ρῶα) — легкая пища среди плодов, порождает чистую кровь, удобоваримый и успокаивает едкие пары и соки, так что, очевидно, им ты должен пользоваться во время избытка тепла в теле, или в жаркое время года. Впрочем, в другое время не стоит прибегать к пище, применяемой в качестве лекарства, и более того, если смешение предполагает противоположное тому, чего желают безрассудный аппетит и потребление.

20. Айва (κυδώνια) среди плодов относится к числу стягивающей пищи и скрепляет желудок. Принимаемая до еды имеет свойство сдерживать желудок, а после еды — стимулировать [его]⁶⁸. Ничего удивительного, если прямая кишка

⁶² Холодные, влажные и рыхлые качества вишни упоминал Симеон Сиф, однако он не советовал употреблять плоды в силу неудобоваримости. См.: *Siméon Seth*... P. 46. Диоскорид же наоборот писал, что свежие плоды вишен расслабляют желудок, а сухие — скрепляют. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus*. Op. cit. P. 83.

⁶³ В предшествующей традиции не встречаются «царские яблоки», поэтому можно лишь догадываться, что тут имел в виду автор.

⁶⁴ Симеон Сиф советует есть яблоки при болезнях сердца. См.: *Siméon Seth*... P. 75.

⁶⁵ Описание холодных качеств Актуарий заимствует из сочинения Галена. См.: *Galen. On the Properties of*... P. 87.

⁶⁶ В тексте: «τὸ λεπτομερεὶ τῆς οὐσίας διὰ βάθους».

⁶⁷ Названия «персидские» и «армянские» яблоки закрепились за персиками и абрикосами. Данные термины характерны для Античности, в средневековой Византии в повседневной жизни существовали альтернативные слова *δοράκιον*/персаία и *πρακκόιον*/пракккия. См.: *Simeonov Gr. Obst in Byzanz. Ein Beitrag zur Geschichte der Ernährung im östlichen Mittelmeerraum. Saarbrücken. 2013. S. 72.*

⁶⁸ Об осушающих и согревающих качествах айвы писал Симеон Сиф и советовал применять ее до еды, чтобы скрепить желудок, и после еды — чтобы освободить. См.: *Siméon Seth*... P. 64.

тянет книзу пищу, скрепленную вяжущим свойством, как мы, надавливая руками на живот и мочевой пузырь, легко выводим то, что находится внутри, особенно, если кишки будут полными, а мы будем давить сверху намного сильнее.

21. Ягоды рябины (ῥά) являются весьма стягивающими среди плодов, как кизил⁶⁹ (κράνεια) и мушмул (μῆσπιλον). Используемые в качестве лекарств, они весьма полезны. Вообще, они удобоваримые за счет того, что стягивают. Используемые в качестве пищи, они производят нехорошую кровь, сдерживая желудок, и скорее, вредят голове и всему остальному телу.

22. Фиги и виноград (Σῦκα δὲ καὶ σταφυλαί) являются лучшими в качестве пищи среди остальных плодов, ведь они имеют свойство рождать кровь лучшую, чем другие, и питают тело, хотя и вызывают метеоризм и делают плоть нетвердой. Непригодны для твердых или запертых внутренностей. Фиги обладают преимуществом в очищении почек от камней. И фиги, и виноград ослабляют желудок, виноградные косточки — укрепляют (ἐφεκτικός)⁷⁰. Долго пролежав, они освобождаются от избытка влаги.

23. Из орехов желуди (τῶν ἄκροδρύων δέ, δρυός)⁷¹ — холодные и сухие, достаточно стягивают, весьма вызывают метеоризм, а также, как считается, питают. Сваренными они лишаются большей части своих газообразующих качеств, впрочем, задерживающиеся и неудобоваримые.

24. Шишки (κῶνοι)⁷² — довольно горячие и подходящие при болезнях в груди, беспокоящие желудок и вызывающие головную боль у тех, кто ими злоупотребляет.

25. Царские орехи (κάρυα δὲ τὰ μὲν βασιλικά)⁷³, называемые так же обыкновенными, теплые и сухие, при постоянном потреблении влияют на голову. Впрочем, [орехи] — пища неудобоваримая и вызывает желудочную болезнь, лучше потреблять их вместе с фигами, [тогда] они быстро выводятся наружу.

26. Орехи, называемые понтийскими (τὰ δὲ Ποντικὰ καλούμενα κάρυα)⁷⁴, благодаря своей способности стягивать можно считать полезными для желудка, [хотя] они и неудобоваримые, так как обладают густой консистенцией и укрепляют желудок. Лучше них миндаль (Ἀμύγδαλα), а больше всего сок из него и масло

⁶⁹ Кизил в трактате Галена «О свойствах продуктов питания» не рекомендуется принимать, так как это малопитательный продукт. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 91. В другом трактате, «О соотношении и возможности использования простых медикаментов», известный врач описывает стягивающее свойство этого плода и сравнивает его с мушмулой. См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia. Vol. XII. Leipzig, 1821. P. 41.*

⁷⁰ Определение ἐφεκτικός не встречается в сочетании с виноградными косточками в медицинской традиции. В то же время Гален и Сиф говорили об обратном эффекте виноградных косточек — о том, что они не воздействуют на организм и проходят через него без изменений. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 78; *Siméon Seth...* P. 98. О том, что семена/косточки винограда обладают скрепляющим эффектом, писал Диоскорид. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus. Op. cit. P. 331.* Остальная представленная Актуарием информация заимствована из трех параграфов Галена: о фигах, о винограде и об изюме. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 76–81.

⁷¹ Симеон Сиф писал, что желуди очень питательные, но надолго задерживаются в организме и производят плохие соки, поэтому употреблять их не следует. См.: *Siméon Seth...* P. 50.

⁷² Найти употребление шишек в других медицинских сочинениях нам не удалось.

⁷³ «Царскими» орехами в Византии называли грецкий орех. См.: *Simeonov Gr. Op. cit. S. 98.* Описание качеств заимствовано из работ Диоскорида и Симеона Сифа. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus. Op. cit. P. 88–89; Siméon Seth...* P. 65.

⁷⁴ «Понтийскими» орехами называли фундук. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus. Op. cit. P. 88–89.* Используется характеристика Галена. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 93.

(χυλὸς καὶ τὸ ἔλαιον), ведь, как говорят, [масло] смягчает горло и трахею, позволяет сделать влагу в груди легко откашливаемой. Сваренный из них сок — лучшая похлебка, [ведь он] питающий, очищающий и помогающий почкам, очищающий внутренности и грудь, но не вполне удобоваримый.

27. Миндаль целиком неудобоварим. Если ты смешаешь сок со сваренной ячменной кашей или какой-нибудь еще пищей, а лучше всего с пирогом из тонкой муки (ведь он лучше всех, будучи самым легким, удобоваримым и содержащим хороший сок, и производит чистую и очищенную кровь), то приготовишь наилучшую пищу⁷⁵.

28. Итак, мы, желая, чтобы речь об этом, будучи достаточной, была краткой, здесь и закончим. Потом об остальной пище мы поведаем, и если вдруг где-то вспомним по общности речи то, что не следует тебе вкушать⁷⁶, то ты простишь нас, уступив другим желающим.

VII. О сухопутных и водных животных, а также птицах и различии между ними

1. В силу многообразия животных одни из них именуются наземными (τὰ χερσαῖα), другие — пернатыми (τὰ πτηνά), третьи — водными (τὰ ἑνυδρά). Каждый из [разрядов] разделяется на крупных и мелких [животных] в соответствии с разницей в виде. Каждый из них [отличается] сообразно разнице в возрасте, будучи молодыми (νεαρά)⁷⁷ [и] в цвете сил или старыми, кроме того, среди них одни — прирученные и одомашненные, другие — дикие; одни больше упражняются, другие — меньше.

2. Для начала, как всегда, следует упомянуть [следующее]: так называемые земные и сухопутные [животные] являются более теплыми, более питательными, порождающими более густую кровь, которая больше соответствует натренированным телам. Птицы (τὰ δὲ πτηνά⁷⁸), летающие высоко, намного более удобоваримые и не столь упитанные, более сухие, более жилистые, создающие более чистую кровь. Проживающие в воде — более влажные и более мясистые.

3. Водные животные, в целом, являются более влажными и холодными, но обладают многочисленными различиями между собой. Ведь среди них есть рыбы (ἰχθῦς), моллюски (τὰ δ' αὖ μαλάκια), как покрытые раковиной (ὀστράκοδεσμα)⁷⁹, так и покрытые мягкой скорлупой (μαλακόστρακα).

4. Из рыб — китообразные и морские (κητώδεις καὶ πελάγιοι), прибрежные и обитающие в скалах (αἰγυάλιοι καὶ πετραῖοι); более крупные из них создают пищи в теле больше и грубее [по качеству], меньшие — небольшую [пищу] и более чистую, в особенности, если они окажутся из числа тех, что живут в скалах.

⁷⁵ Диоскорид предлагал смешивать крахмал с миндалем (и еще мятой) для лечения кровохарканья. См.: *Pedanius Dioscorides of Anazarbus*. Op. cit. P. 89. Встречается рецепт крахмала с тертым миндалем в трактате «О мазях Зои-царицы» для смягчения груди и шеи. См.: *Литаврин Г.Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв.: (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // ВВ. 1971. Т. 31. С. 279.

⁷⁶ В тексте: «μὴ μεταληπτέον σοῦ».

⁷⁷ У Иделера: νεαρά; мы принимаем вариант из рукописи Paris. Grec. 2098: νεαρά.

⁷⁸ У Иделера — τὰ δις. мы принимаем вариант из рукописи Рукопись Paris. Grec. 2098 — τὰ δὲ.

⁷⁹ К покрытым раковиной относятся различные устрицы, мидии и подобные морские животные. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 146.

5. Вообще говоря, морские существа всегда лучше тех, что живут в пресной воде. Немало различий ты мог бы отметить и среди них.

6. Ведь добывающие себе пропитания в морях и погоняемые волнами больше упражняются и наслаждаются более чистой пищей, обладают твердым и чистым мясом среди рыб, отчего питательнее остальных и порождают густую кровь.

7. Обитающие в устьях рек, илистых и болотистых местах, а также проживающие там, где впадают протоки — жирные и приятные по вкусу, [но] весьма непригодные [для пищи] и ничего полезного не несут.

8. Обитающие в чистых водах среди скал — лучше и обладают хорошим мясом, легкие в переваривании и порождающие чистую и очищенную кровь.

9. Как считается, все моллюски по сочности лучше многих рыб, ведь порождают чистую и очищенную кровь, более жилистые, оттого и более неудобоваримые, чем рыбы, а также более холодные из-за отсутствия крови.

10. Между рыбами и моллюсками находятся [морские животные], покрытые мягкой скорлупой: будучи менее неудобоваримыми, чем моллюски, [они] производят более чистую и очищенную кровь.

11. Покрытые раковиной менее полезные, так как никоим образом не упражняются, [но] среди них выше ценятся морские гребешки (τοὺς κτένας)⁸⁰, как единственно передвигающиеся среди остальных покрытых раковиной. Они создают очищенную и влажную кровь, но неудобоваримые и нелегко выводимые.

12. Среди рыб выбираются те, у которых кожа защищена чешуей или костями⁸¹, и я верю тем, кто говорит, что они более сухие, чем тем, кто говорит иное. Ведь [присутствие] сухости во влажном всегда следует расценивать как соразмерное (σύμμετρος), равно как и влажности — в сухом; как например, среди птиц — курицы и фазаны [обладают влажным качеством], [но его] больше у уток и гусей, которые проживают в воде⁸².

13. Поскольку сухопутные животные названы землистыми и богатыми кровью, имеющими жирные соки, то и телу они передают питание подобного рода. Среди них следует выбирать более молодых и меньших с учетом разницы видов и не очень активных, одни — более вялые, более влажные и имеющие обильные выделения, а другие — более активные, более сухие и более легкие. Всегда необходимо избегать во всем неумеренности.

⁸⁰ Александр Тралльский называл гребешки лучшими из покрытых раковиной моллюсков при лечении болезней крови от меланхолического сока. См.: *Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles*. Vol. I. P. 601.

⁸¹ В тексте: «λελεῖσιν ἢ ὅσ τοῖς τὸ δέρμα περιτέφραται». Чаще определением для рыб служило ὀστρακώδης как «покрытый чешуей, панцирем». См.: *Hierophilus Phil., Soph. De nutriendi methodo // Physici et medici graeci minores* / Ed. J.L. Ideler. Leipzig, 1841–1842. Vol. I. P. 410. Мы не можем соотнести его характеристику с общепринятой традицией. Описанные отдельно чешуя и кость, ставят вопрос либо о новом виде рыб, выделяемом автором, либо расширенном риторическом приеме.

⁸² В тексте: «καθ' ὅσον ἐν τῷ τῶν ὀρνίθων γένει ἀλεκτορίδες τε καὶ φασιανοί, μᾶλλον δὲ τούτων νῆσσαι τε καὶ χῆνες καὶ ὅσα ἐν ὕδασι ποιεῖται τὴν διαίταν». О наличии сухих качеств у морских (водных) животных и, наоборот, у наземных — влажных качеств писал Гиппократ. См.: *Гиппократ. Сочинения*. М., 1936. Т. II. С. 467–468. Гален тоже выделял среди немногих рыб сухое качество (преобладавшее среди птиц). См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia*. Vol. III. Berlin, 1992. P. 176–178. Александр Тралльский тоже называл лучшими рыб с плотным телом. См.: *Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles*. Vol. II. P. 367.

14. По частям тела: те, что снаружи и меньше, дают более сухую и лишенную излишеств пищу сообразно их естественному устройству.

15. Оценивается [полезность] и в соответствии с видом мяса, ведь насколько мясо животных отклоняется от белого цвета, [настолько] уменьшается польза от гармоничного сочетания соков⁸³.

16. Общеизвестно, что более молодые являются более влажными, чем другие животные того же вида, зрелые — более горячими и более сухими, состарившиеся — хуже и того и другого, будучи меланхолическими и имеющими обильные выделения, и в особенности, как бы то ни было — хуже больших и более активных⁸⁴.

17. Еще следует знать, что дикие — горячее и суше домашних. Известно, что все, употребляемое подходящим образом, т. е. по подобающему смешению, не вредит.

18. Теперь о пище сказано достаточно, ибо всякое частное различие содержится в различии целого. Больше нет необходимости интересоваться отдельными видами, поскольку ты сведущ [о целом] и легко сможешь выяснить [отдельное]. Как кажется, остается лишь сказать о вине и других напитках, предназначенных к употреблению, чтобы в рассуждении [нашем] не осталось пробелов.

VIII. О вине, воде, молоке, яйцах, меде, масле, винном уксусе, соке из незрелого винограда, гранате и соли, и различии между ними

1. Вина (следует упомянуть здесь прежде всего те, что часто употребляют) делятся на крепкие (παχεῖς), легкие (λεπτοί), терпкие (αὐστηροί) и сладкие (γλυκεῖς), одни из них белые (λευκοί), другие — желтые (κίτριοί), третьи — красные (ἐρυθροί). По собственному желанию я пропускаю различия между ними, проявляющиеся в большей или меньшей степени, потому как делить повествование таким образом нет необходимости.

2. Одни называются хорошо выдержанными (πολυφόροι), а другие — мало выдержанными (ὀλιγοφόροι). Грубые являются более питательными и рождающими более густую кровь, [так что] закупоривают внутренности. Напротив, тонкие — мочегонные, порождающие чистую кровь. Терпкие — удобоваримые и хуже питающие, сладкие — наоборот.

3. Белые — менее горячие, чем все остальные, желтые — чуть горячее, и наконец, красные [самые горячие]. Последними [стоит назвать] влажные [вина], так называемые мало выдержанные, они влияют на голову меньше всего.

4. Тем, кто желает иметь здоровую плоть, лучше [выбирать] те из вин, что [больше] окрашены и крепче. Тебе же, озаботившемуся общим здоровьем и той самой психической пневмой, подошло бы мало выдержанное белое и слабое вино, если только нужда не убедит воспользоваться более горячими [винами].

5. Не следует пользоваться водой, имеющей какое-либо качество, или стоячей водой, которая взята из стоячих вод, а особенно, из болотистых и не обдуваемых ветрами мест. [Лучше брать] либо из родников, либо из постоянно обновляемых

⁸³ В тексте: «γὰρ τοῦ λευκοῦ ἀποκλίνει τῶν ζῶων ἡ σὰρξ, καὶ τὴν εἰς εὐχυμίαν χρῆσιν ἐκπέφυγε».

⁸⁴ В тексте: «καὶ μάλιστα ὅσῳ περ ἂν ᾖ τῶν μεζόνων καὶ γυμναστικωτέρων». Правило выбора мяса животных было сформулировано Галеном: чем животное старше, тем хуже, и чем оно больше, тем грубее. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 115–116.

[движимых] колодцев. В последнюю очередь — из рек, если в них не впадают многочисленные ручьи или омывающие какую-либо деревню [речушки]⁸⁵.

6. Следует избегать чересчур холодной [воды], той, что [происходит] от таяния снегов, а также имеющей какие-нибудь крупинки, несущей ил или протекающей близ горячих источников.

7. Отличная вода та, что быстро охлаждается и нагревается и не имеет вкуса и запаха.

8. Молоко состоит из различных элементов, т. е. из сыворотки (ὀρρώδους), маслоподобного (βουτυρώδους) и сыроподобного (τυρώδους) вещества. [Молочную] сыворотку, холодную и слабительную для желудка, нежирную и очищающую, следует использовать только в качестве лекарства.

9. Масло — горячее и не приносящее явный вред желудку, хорошо усваиваемое, порождающее кровь, легко обращается в желчь в более горячих состояниях⁸⁶. Сыроподобная же составляющая — землистая по природе, неудобоваримая и закрепляющая, особенно, если попадет в прегражденные и узкие внутренности.

10. Молоко обычно питательное и вкусное, [но] легко причиняет головную боль тем, кто подвержен утяжелению головы, поскольку створаживается и скрепляет внутренности⁸⁷. Предпочтительнее выбрать молоко козье, более чистое, чем овечье или коровье, а из сыров — свежие и немного посоленные [виды]. Остальных же следует избегать как неудобоваримых и вызывающих желудочную болезнь, останавливающих и порождающих густую кровь.

11. Лучше потреблять яйца от домашних кур, потом фазанов и куропаток, и уж затем от уток и гусей. Во всех яйцах желток лучше⁸⁸, чем белок, ведь желтки — это готовая и чистая пища для тела, а белки — неудобоваримая и требующая большей обработки.

12. Из того, что о животных сказано, можно сделать выводы и об их яйцах⁸⁹. Икра менее горячая и питательная пища, и насколько мясо птиц отличается от рыбного мяса, настолько и икра уступает птичьим яйцам — соленая, неудобоваримая, вредящая крови. Это применимо ко всем соленьям, ведь соленая пища портит и губит кровь, которую прежде всего необходимо охранять.

⁸⁵ Актуарий частично воспроизводит схему описания воды, обнаруживаемую у Симеона Сифа. См.: *Siméon Seth...* P. 109–110.

⁸⁶ Описание заимствовано из работы Симеона Сифа. См.: *Siméon Seth...* P. 48.

⁸⁷ О слабительных свойствах сыворотки и отрицательном влиянии молока на голову писал Гален. См.: *Galen. On the Properties of...* P. 124.

⁸⁸ В тексте: «ἀμεινούς αἱ λέκτοι τοῦ λευκοῦ». Предшественники Иоанна Актуария не признавали большую полезность желтка над белком. Косвенно об этом может свидетельствовать предписание Галена использовать желток в качестве лекарственного средства. См.: *Claudii Galeni Opera Omnia*. Vol. XII. P. 791. Александр Тралльский описывал более предпочтительные положительные качества желтка при питании. См.: *Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles*. Vol. II. P. 191.

⁸⁹ В тексте: «περὶ τῶν ζῶων εἴρηται καὶ περὶ τῶν ἐξ αὐτῶν ὄντων». Икра в Византии чаще именовалась φετάριχα — «соленая икра», или же персидским словом χαβίριον / χαβάρια (чаще это икра осетровых рыб). Первое название преимущественно использовали в «высоком», литературном регистре языка, а второе именование употреблялось в повседневном языке. См.: *Trapp E. Lexicographical Notes, Illustrating Continuity and Change in Medieval Greek* // *DOP*. 1994. Vol. 48. P. 245–246. О различных видах икры и соответствующих названиях см.: *Jacoby D. Caviar Trading in Byzantium* // *Mare et litora. Essays Presented to Sergei Karpov for his 60th Birthday*. Ed. R. Shukurov. Moscow, 2009. P. 349–364.

13. Мед полезен старикам и имеющим холодное смешение, [его лучше] употреблять в зимнее время; в летнюю пору и страдающим желчной болезнью противопоказан⁹⁰. Мед — горячий и сухой, и подходящий тем, кто холоднее среднего, поскольку он превосходит нормальное смешение. Когда одно соразмерное смешение появляется из противоположных безразмерностей, то появляется нормальная кровь. Когда же два горячих смешения — меда и человека — сходятся в одно, то сладость меда должна измениться в желчь⁹¹, подвергаясь силе внешнего огня при чрезмерном нагреве.

14. Некоторые, снимающие пенку (ἀλαφρίζοντες) с меда и очищающие [его] от избытка остроты⁹², делают его менее горячим. Делая подобное и смешивая с некоторыми из твоих блюд, ты бы воспользовался самым лучшим лекарством, питающим и мягко очищающим желудок, только если тепло не возобладает и [не] станет опасным.

15. Оливковое масло, будучи достаточно горячим, влажным и маслянистым, провоцирует желудочную болезнь⁹³, является общим маслянистым и маслянистым качеством. Если умеренно принимать в качестве закуски (ἐν προσώψμασιν), то неявно проявляет свой вред, если же оно в избытке, то, так как имеет свойство всплывать на поверхность, притупляет усваивающую силу желудка.

16. Льняное масло, менее горячее и более густое, состоит из более плотных частиц, легко проходит и меньше вредит желудку. Миндальное [масло] лучше обоих, так как состоит из более мелких частиц и вызывает меньше желудочных болей, оно — резкое, выводящее влагу из груди и смягчающее горло.

17. Сирайон (σείραιον)⁹⁴ тоже используется в качестве закуски (ἐν προσώψμασιν), будучи менее горячим, чем мед, питает больше, в меру прочищает желудок, непригоден для запертых внутренних органов.

⁹⁰ Иоанн Актуарий пользуется описанием Симеона Сифа, игнорируя его в одном пункте — Сиф не советует принимать мед в зимнее время. См.: *Siméon Seth*. P. 79–80. Хотя многочисленные диетологические календари приводят различные блюда с добавлением меда именно в холодные месяцы: январь, март, апрель, декабрь. См.: *Dalby A. Tastes of Byzantium. The cuisine of a legendary Empire*. L.; N.Y., 2003. P. 161–169.

⁹¹ В тексте: «εἰς χολὴν μεταμειφθεῖη». Об изменении сладости меда в желчь при теплых смешениях писал Павел Эгинский. См.: *Paulus Aegineta. The Medical Works of Paulus Aegineta, the Greek Physician...* P. 50.

⁹² В тексте: «τὸ πολὺ τῆς δριμύτητος ἐκκαθαίροντες». Описание широко применимого способа обработки — «варение» меда. Об этом пишет Павел Эгинский, советуя избавиться от пенки на меде как можно скорее (*Ibidem*).

⁹³ Орибасий со ссылкой на Галена предупреждал об опасности маслянистых (ἐλαιώδης) культур в целом. В диете кормилиц они описывались как продукты, производящие желчь и вредные для желудка соки. См.: *Oribasii. Collectionum medicarum reliquiae. Libri XLIX-L, libri incerti, eclogae medicamentorum* / Ed. J. Raeder. Leipzig, Berlin: CMG, 1933. S. 128.

⁹⁴ Термин «сирайон» (σείραιον) в написании, которое встречается у Иоанна Актуария, используется лишь один раз — в сочинении античного грамматика Элия Аттициста (Aelius Moeris), создавшего труд «Ἀττικάι λέξεις», где он дает объяснение древнеаттическим формам. См.: *Harpocration et Moeris* / Ed. I. Bekker. Reimer, 1833. P. 208. Скорее всего, имеется в виду известный в Античности и Средневековье напиток σίραιον — вареное винное сусло. По характеристикам (менее теплый и более питательный, в меру задерживается в желудке) он соответствует описанию, которое можно найти у Орибасия «О винном сусле из Руфуса». См.: *Oribase. Œuvres complètes...* T. I. P. 357.

18. Винный уксус (ὄξος)⁹⁵ полезен, когда смешан с пищей, если не случилось чрезмерное охлаждение [ее]. Ведь он, будучи холодным и сухим, состоящим из мелких частей (λεπτομερέστατον) и наиболее острым, отсекает блуждающие в желудке и внутренностях соки, утончает и удаляет [их]. И если была вдруг употреблена пища, состоящая из плотных частей, то [она] становится тонкой и перерабатывается большей силой винного уксуса.

19. Сок из неспелого винограда и сок из кислых гранатов (ὀμφάκιον δὲ καὶ ὁ τῶν ὀξίνων ροιῶν χυλός), принимаемые как лекарства, полезны. Но в другом случае в них нет необходимости, ведь сок из неспелого винограда хоть и удобоварим, но он, будучи густым, холодным и скрепляющим желудок, не всем несет пользу.

20. Сок из кислых гранатов, состоящий из достаточно мелких частиц, противоположный желтой желчи и чрезмерно разыгравшейся в печени горячей крови, не особо приятен желудку. Те, кто им злоупотребляет, [страдают] от скрепленного желудка, имеющего плотность, вызванную кислым качеством.

21. Соль, теплая и сухая, добавка к пище и в меру порождающая желания. Полезна она тем, что впитывает и высушивает соки там, где они избыточны. Но поскольку соль быстро осушает, вызывает жажду и уничтожает кровь, то лучше избегать ее постоянного использования, ведь в качестве приправы к еде и как пряность она производит малый вред, но если в избытке, то причиняет больше беспокойства.

IX. О режиме питания

1. Желаемое количество всякой пищи — когда кажется, [что] чего-то не хватает. Ведь естественное тепло увеличится от переизбытка пищи, [переработанной] в желудке.

2. Нужно следить за качеством пищи и воздерживаться от стремления к тяжелой и питательной пище — малопитательная и более легкая [пища] скорее насыщает. Ведь требуется больше времени и сил в первом случае, а во втором — пища легко переваривается. Следует тебе помнить о питье, соответствующем влажности и сухости пищи.

X. О том, следует ли есть дважды в день, или нет

1. Поскольку ты интересуешься, следует ли один или два раза тебе вкушать пищу⁹⁶, я думаю, что уж если всерьез озаботиться здоровьем, благополучием и ясностью душевной пневмы, то следует тебе разделить пищу на три приема, из которых два желательны днем, а один — уже в начале ночи.

⁹⁵ Общая характеристика винного уксуса напоминает описание, данное Симеоном Сифом, которое Актуарий дополняет характеристикой, взятой у Галена — он состоит из мелких частиц. См.: *Siméon Seth*... Р. 86–88; *Claudii Galeni. Opera Omnia*. Т. XII. Р. 90.

⁹⁶ Медицинские трактаты Античности и Средневековья чаще упоминают о двухразовом питании. См.: *Aetius of Amida. Iatricorum libri IX*. // *Ἀετίου Ἀμιδηνοῦ λόγος ἑνᾶτος* / Ed. S. Zervos. Αθήνα, 1911. Исследователи же приводят как двухразовое питание (см.: *Каждан А.П.* Сколько ели византийцы? // *Вопросы истории*. 1970. № 9. С. 215–218; *Koder J.* Everyday food in the Middle Byzantine period // *Flavours and delights: tastes and pleasures of ancient and Byzantine cuisine* / Ed. I. Anagnostakis. Athens, 2013. Р. 154), так и трехразовое (см.: *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. СПб., 1999. С. 20).

2. Так ведь головной мозг увлажняется более систематически: мы легче спим, пневма оказывается более устойчивой благодаря постоянному увлажнению. Тогда появляющийся в результате поста жар, а в другое время осушение (ведь и то, и другое случается при различных временах и смешениях) не будут легко развиваться.

3. Если одержит верх привычка⁹⁷, и ты не пожелаешь дважды одним и тем же озаботиться, то можешь следовать привычке, приведшей естественные силы к [такому] состоянию, когда они могут безболезненно действовать в течение определенного промежутка времени, и пневма будет, если не постоянной, то хотя бы чистой. С этого я начну и далее [все] изложу последовательно.

XI. О сне, упражнении и бане

1. Считается, что сон после еды увлажняет тело в целом, глубоко смягчает, оживляет наши силы, и кроме того обновляет органы чувства и естественную, животную и душевную пневмы, все тело делает будто новым. Сон перед едой⁹⁸ сушит, питает всякий сок в нас, поскольку тепло проникает вовнутрь.

2. Ведь сон есть не что иное, как [ничем] не тревожимое обладание чувствами (κατοχή αἰσθησέως ἁπλως)⁹⁹ и склонение к теплу, при условии, что сон сопровождается достаточным количеством пищи. Тепло обрабатывает пищу и распространяет по всему телу. Если появятся сырые и непереваренные соки, то происходит нечто подобное [описанному]. В последнем случае предпочтительнее сон перед едой. Если же пища отсутствует, то естественное тепло обращается на собственную естественную влагу и ее истощает.

3. Непременно нужно, чтобы тот, кто собирается спать, всегда в большей или меньшей степени подпитывал [естественное] тепло, если только незадолго до этого [подобное] уже не сделал. Для твоей диеты лучше, когда пища уже обработана и газообразные и вызывающие метеоризм качества, заключающиеся в ней, усвоены, так что с помощью чистых выделений головной мозг увлажняется, если только он не ощутил некое подсушивание. Будет хорошо, если пожелаешь обратиться ко сну после еды, ведь таким образом ты бы мог обеспечить появление большей влаги.

4. Сон и бодрствование, если соразмерны, то приятны и полезны всему телу¹⁰⁰, при условии, что соответствуют состоянию и образу жизни каждого. В недостатке же или избытке они, как считается, приносят вред.

⁹⁷ В тексте: «εἰ δ' ἐκνική συνήθεια». Иоанн Актуарий имеет в виду существовавшую в монастырской среде традицию питания два раза в день в соответствии с церковными службами. См.: Talbot A.-M. Mealtime in monasteries: the culture of the Byzantine refectory // Eat, drink, and be merry (Luke 12:19): food and wine in Byzantium: papers of the 37th annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in honour of Professor A.A.M. Bryer / Eds. by L. Brubake, K. Linardou. L., N.Y., 2007. P. 114; Byzantine Monastic Foundation Documents... P. 1697.

⁹⁸ Павел Эгинский советовал спать после приема пищи, но с оговорками, что время, потраченное на дневной сон, не способствует полной обработке пищи, а если этот процесс будет прерван резким пробуждением, то появляется кислота, метеоризм, а иногда даже булькающий звук внутри, так что если не привычка и необходимость, то следует избегать такого рода сна. См.: Paulus Aegineta. The Medical Works of Paulus Aegineta, the Greek Physician... P. 50.

⁹⁹ Такое определение не встречается в традиции, однако Павел Эгинский, например, называет сон «ослаблением жизненных сил вследствие увлажнения головного мозга» (Ibidem).

¹⁰⁰ В тексте: «καὶ ὕπνοι μὲν καὶ ἀγνία σύμμετροι μὲν φίλοι καὶ λυσιτελεῖς τῷ παντὶ σώματι». Парафраз афоризма Гиппократ: «Сон и бессонница, если то и другое бывает сверх меры, — болезнь». См.: Гиппократ. Сочинения. М., 1936. Т. I. С. 732.

5. Вместе со всякой диетой полезны и упражнения, ибо так поддерживается естественное тепло. Если же случится избыток [тепла], то [упражнения] или способствуют его рассеянию, или принуждают его спуститься вниз.

6. Тем, кто питается более грубой пищей, подходят более сильные упражнения — быстрые гуляния, охота, гимнастическая борьба, бег, метание диска и упражнения с маленькими мячами¹⁰¹, да и все то, чего ты считаешь достаточным, чтобы сделать дыхание более частым, увеличить тепло и увлажнить кожу мелким потом.

7. Тебе же, пользующемуся легкой диетой, достаточными будут [легкие] упражнения и короткая прогулка (βραχὺς περίπατος). Лучше всего это делать перед едой и на заре¹⁰², медленнее и продолжительнее в теплое время года, а в зимнюю пору — быстрее и короче. Тебе следует заниматься упражнениями до того, пока занятие не вызовет усталость — ощутив утомление, следует прекратить тренировку.

8. Упражнения после еды либо оттягивают пищу и делают ее усвоение неполным, либо же кровеносные сосуды из-за увеличения тепла и влияния [его] на проявление материи успевают прежде переваривания заполучить пищу и сохранить в глубине тела сырые соки. Все это становится основанием для величайших болезней.

9. Бани (βαλανεῖον)¹⁰³, как ничто иное, полезны, увлажняют плотные части тела, раскрывают поры и все то, что в них заперто, выводят и очищают.

10. Тебе же, имеющему свободное от излишеств и худое тело благодаря, конечно, [для тебя] привычным посту и простой [жизни], следует выбрать [бани] среди всех других образов жизни. Ведь тем, кому свойственна избыточная плоть или же имеющим многочисленные отложения соков, это скорее повредило бы, используемое не должным образом. Они могут быть полезными тем, кто предварительно очистился, увлажняя и раскрывая поры и обеспечивая достаточное рассеяние [соков]. Тех же, кто полон, бани расслабляют и воспаляют [их] внутренние соки, размешивая и согревая те, что ранее были в покое, прежде чем произвести значительное [их] рассеяние.

11. Я бы не советовал тебе пользоваться самопроизвольным теплом (αὐτομάτως δὲ θερμότης)¹⁰⁴, поскольку оно быстро сушит, ведь будучи едким, ще-

¹⁰¹ В тексте: «τὸ δαὶ μικρὰς σφαίρας γυμνάσιον». Популярное в Античности упражнение, особо рекомендованное Галеном, считавшим его более полезным, чем остальные тяжелые физические занятия. См.: *Crowther N.B. Sport in Ancient Times*. Westport; London, 2007. P. 154.

¹⁰² В тексте: «ὁ πρὸ τροφῆς καὶ ἔωθεν». О пользе ранних неспешных прогулок писал Гален в трактате «О гигиене». См.: *Claudii Galeni. Opera Omnia*. Vol. XIII. Leipzig, 1821. P. 491. Орибасий же считал, что быстрые и усиленные прогулки (δρόμος) лучше всего подходят для зимы и середины лета. См.: *Oribase. Œuvres complètes...* T. I. P. 511.).

¹⁰³ Слово βαλανεῖον считалось архаизированной формой, в Византии чаще использовали λουτρόν, которое в античности означало лишь бассейн овальной формы внутри купален. См.: *Koukoules Ph. Vie et civilisation byzantines*. Athenes, 1957. T. IV. Σ. 429; *Thurston Peck H. Harpers Dictionary of Classical Antiquities*. N.Y., 1898. Мы считаем, что тут необходимо использовать перевод «купальни», потому что знакомство со «скифской/турецкой» баней — сауной или хаммамом разнообразило представления византийцев о местах для купания. Нейтральное «купальни» лучше соответствует медицинским целям автора. См.: *Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit*. München, 1982. S. 60.

¹⁰⁴ Сочетание «самопроизвольное тепло» чаще связывают с теплыми источниками естественно-го происхождения: как для здания (см.: *Joannes Cinnamus. Epitome rerum ab Joanne et Alexio*

лочным и содержащим квасцы, оно влагу скорее отсеивает, чем порождает. Безусловно, следует побудить [к его применению] тех, кто находится в плохом состоянии, раздутых, склонных упасть в водянку. Для здоровых и тех, кто является суховатым и горячим, это неуместно.

12. Однако следует завершить речь об этом, ибо в ней изложено достаточно для тех, кто хочет знать больше.

13. Поскольку некоторые из-за сторонних необходимостей, неумеренных желаний, изменений времен года, каких-либо прегрешений и различных других причин, проявляя безразличие, сами не замечают, как губят свое чистое здоровье дурным смешением, течениями, несварением, закупорками, беспричинными опорожнениями и наполнениями, то надлежит им помочь словом. Чтобы не случилось так, что из-за незнания необходимого они, утратив полноту своего здоровья, подвергнут себя еще худшему.

ХII. О смешениях

1. Тем, кого беспокоит простое неправильное смешение, следует в первую очередь озаботиться производящими причинами, а затем приступить к лечению противоположными [методами].

2. Если преобладает жар, следует исключить вино и более тяжелую пищу, уделить больше внимания покою и воздержанности и лечить противоположным охлаждением; тем, кто страдает от сухости, принять увлажняющее питание, а тем, кто влажен, следует поступать противоположным образом.

3. Свойства потребляемой еды изложены выше. Если тебе понадобится лекарство, то далее мы прибавим это к повествованию. Когда со временем соки начинают преобладать из-за каких-либо упущений, то воспользуйся диетами, противоположными овладевшим болезням. Это в полной мере относится и к тому, о чем не было сказано.

4. Если будет господствовать желтая желчь, поднимется вверх и будет легко выходить, то выпусти [ее]. Если старая, испорченная [желчь] задержалась и направляется в глубину желудка, при этом нет жара, то можно [от нее] освободиться с помощью пилуль из алоэ. Если желчь будет сильно кипящей и поднимется жар, и не желаешь полагаться только на одни диеты, то в этом случае лучше охлаждаться и увлажняться, выпив приготовленный с так называемым сахаром напиток из фиалок, или уксуса и сока граната, или розовых лепестков¹⁰⁵. Лучше вывести прибывающую [желчь] с помощью очищающих лекарств.

Comnenis gestarum. Bonn, 1836. P. 294), так и для источников (см.: *Flavius Josephus*. Antiquitates Judaicae. Book 18, chapter 249). Такие купальни могли также называть αὐτοφύεζ λουτράν См.: *Oribase*. Œuvres complètes... Т. II. P. 382–385.

¹⁰⁵ В тексте: «τὸ διὰ τῶν ἰῶν ἢ ὀξυῶν καὶ χυλοῦ ροιῶν ἢ ῥόδων σκευαζόμενον μετὰ τοῦ καλοῦμένου σάχαρ πίνειν». Σάχαρ, как отмечает Сато Цугитака, был известен как медицинский препарат уже Диоскориду и Галену, и, скорее всего, под этим названием подразумевался медовый субстрат. См.: *Tsugitaka S.* Sugar in the Social Life of Medieval Islam. Leiden, 2014. P. 92–93. Сахар как продукт изготовленный из сахарного тростника появился в Византии из Индии с распространением влияния арабов. См.: *Dalby A.* Tastes of Byzantium... P. 46. Первые рецепты медикаментов на основе сахара появляются в Византии в XI–XII вв. благодаря переводам сальернских ученых, а к началу XIV в. становятся широко распространенными. Восточные врачи советовали смешивать сахар с различными соками — гранатовый, яблочный, сок из незрелого винограда, приготовляя так называемый юлеп — ζουλαπίος/julep — микстура, носившее

5. Когда [черная] желчь беспокоит, используются более теплые диеты и противоядия, а если она поднимется вверх, то рвотные средства и пилюли, которые, как я считаю, выводят желчь в меру.

6. Если же кровь беспокоит, что может быть лучше кровопускания?

7. Когда господствует желчь, случаются иногда головные боли, горечь во рту, головокружения, жажда, есть желание выпить, но нет желания есть. Напротив, когда черная желчь господствует, то случается противоположное, [она] появляется иногда с тяжестью головы, как об этом прежде яснее сказано. Ты и сам можешь различить это наиболее подходящими тебе способами распознавания, как мы прежде показывали.

8. Ощущение усталости в теле и особенно в ногах, и это при том, что тело не изнурено трудом, свидетельствует о возбуждении какого-то из соков. Нужно сократить количество пищи и ослабить качества, если чувствуешь необходимость, а также очистить тело от избытка ослабляющего сока.

9. Когда дурное пищеварение обеспокоило количеством, то необходимо избавиться от него, а когда качеством, то нужно перейти к другому виду пищи. Подобно тому как в случае с охлаждением — с помощью более горячей пищи возратить ослабевшую силу.

10. Катары¹⁰⁶ следует устранять посредством чихательных порошков, а то, что успело попасть вниз, следует удалить с помощью умеренно горячих выводящих вверх лекарств. Всех, кого лихорадит, [лучше] избавить от [излишней] крови, если ничего [этому] не препятствует, и использовать легкую диету.

11. Однако это составляет предмет отдельного рассмотрения. Чтобы и на основании выделений ты мог судить [о болезнях], то насколько уместно, и об этом мы упомянем.

ХIII. Об исследованиях на основании мочи

1. У во всех отношениях гармоничного человека наилучшей мочой [считается] желтоватая или красноватая, имеющая светлый, однородный и равномерный осадок.

2. Приняв это за правило, и следует оценивать мочу большинства людей. На примере своей мочи ты не ошибешься сильно, найдя ее в достаточно хорошем состоянии.

3. Итак, тонкая по составу моча свидетельствует о несварении соков, иногда образуется из-за закупорок, [легко] удаляемых. Более густая, в свою очередь, показывает, что природа вызвала брожение соков, но еще не справилась [с ними], и по этой причине соки пока буйствуют. Лучше, когда моча мутнеет при испускании, нежели чем при простевии времени.

4. Моча, тяготеющая к светлым цветам, свидетельствует о том, что недостатка естественного тепла, поэтому соки недостаточно перевариваются. Насколько

персидское название. См.: *Bouras-Vallianatos P.* Sugar versus honey in byzantine recipes. URL: <http://recipes.hypotheses.org/9932>; дата обращения: 19.02.2018. В сочинении Симеона Сифа сахар применяется для освобождения желудка, груди, почек и мочевого пузыря, но, как отмечается, приносит вред голове. См.: *Siméon Seth...* P. 100.

¹⁰⁶ Катар — воспаление слизистой оболочки носа, носоглотки и дыхательных путей, приводящее к повышенной секреции слизи и мокроты.

испускаемая моча уклоняется от гармоничности окраса, настолько она отступает от здоровой нормы по пропорциям [своего] смешения. Насколько [она] насыщеннее окрашена, настолько склоняется к более горячему по аналогии с предыдущим.

5. Таким образом, насыщенные цвета свидетельствуют о более зрелых соках. Коричнево-рыжая, красноватая, красная моча [появляется] из-за избытка крови; золотисто-желтая — из-за желчи. Когда окрашен осадок, мы говорим, что в кровеносных сосудах преобладает тот сок, цвету которого соответствует осадок. Грубый и с хлопьями [осадок] указывает на то, что [он] рассеивается чуждыми пневмами. Холодное ли это [смешение] или горячее выясняется из совокупного рассмотрения мочи. Если же это неравномерный [осадок], значит, ошибки в диете или неустойчивые лихорадки превращают равномерность в неравномерность.

6. Необходимо знать, что когда сырые соки выделяются в мочу, [то] от их брожения, как говорят, появляются осадки, а то, что переваривается со временем, поднимается вверх и исчезает.

7. [Выделения в моче], что по природе содержат взвесь или проходят замутненными — доказательство того, что сила соков недостаточно возобладали; оседание их свидетельствует о защите и здоровье в кровеносных сосудах. Осадки и взвеси, склоняющиеся к худшим цветам, показывают, что преобладают те из соков, цвета которых они несут.

8. Написано об этом отдельно более точно в семи книгах¹⁰⁷, где переданы различия, различения, причины, а также прогнозы, которые можно сделать на их основании. Вкратце же ты можешь узнать об изменениях здоровья и из сказанного выше.

XIV. Об исследованиях на основании экскрементов

1. Далее следует принять во внимание кое-что касательно экскрементов (διαϋρματα), чтобы речь стала более полной. Самые лучшие экскременты — мягкие, гладкие, красноватые или желтоватые, сохраняющие аналогию с тем, что потребляется. Когда экскременты выходят за пределы нормы, это свидетельствует, что смешение изменилось или во всем теле, или в самом желудке, или же в кишках.

2. Если возоблагодало охлаждение, то экскременты стремятся к более светлому и более жидкому, если же тепло — к более золотистому и красноватому [цвету]. Не будучи в надлежащем количестве — либо рассеиваются благодаря усиленным упражнениям, либо уводятся в мочу. Если ничего из этого нет, то означает, что экскременты задерживаются внутри и их следует выводить с помощью промываний и клизм.

3. Если будет выходить больше, чем соответствует [принимаемой] пищи, [это значит, что] либо происходит неполное переваривание, либо желудок и кишки обеспокоены неким острым соком.

¹⁰⁷ Имеется в виду сочинение Иоанна Актуария «О моче», написанное примерно в 1315–1325 гг. Исследователи считают, что основой для этого трактата стал труд Авиценны, который Актуарий умело дополнил. См.: *Bennett D. Aristotle and the Caliph's Dream. Aspects of medical translations // Medical books in the Byzantine world / Ed. B. Zipser. Bologna, 2013. P. 91.*

4. Если наблюдаются обычные цвета, то вред умеренный. Многоцветные, кроваво-красные, с осадком и выходящие с болью или задержкой являются признаком более серьезных болезней. Но это уже предмет отдельного рассмотрения.

5. При всех опорожнениях, *согласно Гиппократу*, надлежит следить за следующим: если то, что следует очистить, очищается, то это полезно и легко переносится, если нет, то наоборот¹⁰⁸. И ты должен иметь это в качестве надежного свидетельства как при естественных опорожнениях, так и вызванных искусственно.

XV. О пульсах и исследованиях на их основании

1. Остается сказать немного о пульсе. Как только тепло возросло и воздействовало на сердце, удары становятся сильнее, чем им свойственно в соразмерности (συμμετρίᾳς), когда же еще больше увеличивается, то добавляется еще и быстрота, а если сила и скорость [его] не в состоянии охладить излишний жар, то еще и частота появляется.

2. Ведь при расширении пульсов, т. е. при движениях тела артерии вовне (ведь врачи называют именно это расширением (διαστολήν)), захватывается некоторое количество внешнего воздуха, который охлаждает и питает жизненную пневму (τὸ ζῳτικὸν πνεῦμα). При изменении в противоположную сторону, которые мы называем сокращениями (συστολάς), выбрасывается все теплое, темное, бесполезное для животной пневмы¹⁰⁹.

3. Конечно, сопоставляя время расширений со временем сокращений, ты мог бы сделать вывод, преобладает ли тепло, или темные и дымные излишки. Исходя из невидимых [состояний тела], многое ты сможешь определить и точно предвидеть, следуя движениям артерий.

4. Следует знать, что если охлаждение возобладало, то пульсация крови, начавшая приобретать напряжение, расслабляется по определенному закону: сначала [удары] становятся более медленными, затем более редкими, а когда охлаждение уже усилилось — более короткими.

5. Среди всех родов и видов пульсов лучшими являются более сильные. Ведь при одном нажатии пальцев они противятся ему и отталкивают, что указывает на силу, присущую им самим, или вернее сердцу или жизненной энергии.

6. Неясные пульсы (οἱ ἀμυδροὶ σφαινοῦσι) указывают на обратное, ведь если кажутся преобладающими, то не выдерживают более крепкого прикосновения, будучи признаками слабости животной энергии. Подобным же образом непоряд-

¹⁰⁸ В тексте: «ὥς ἦν οἷα δεῖ καθαίρεσθαι καθαίρωνται, συμφέρεται τε καὶ εὐφώρως φέρουσιν· ἦν δὲ μὴ, τοῦναντίον». Актуарий воспроизводит еще один афоризм Гиппократа: «<...> если только очистить все, что должно очистить, — это полезно и больными легко переносится. В противном случае — наоборот». См.: *Гиппократ*. Указ. соч. Т. I. С. 695. Данная фраза дословно была переписана из сочинения Галена «Против критики Юлиана на афоризмы Гиппократов». См.: *Galenī. Adversus Lycum et Adversus Iulianum* / Ed. E. Wenkebach. CMG: Berlin, 1951. Vol. 10 (3). P. 34. Ссылка на Гиппократов, выделенная нами курсивом, скорее всего, интерполяция (в издании Иделера она дана в квадратных скобках): в рукописи XIV(?) века Греч. 2098. 158(v) ссылка оформлена надстрочной припиской; в рукописи XV в. Греч. 2304. 151(r) упоминание Гиппократов отсутствует.

¹⁰⁹ Описание расширения и сжатия пульса взято из сочинения Павла Эгинского. См.: *Paulus Aegineta. The Medical Works of Paulus Aegineta, the Greek Physician...* P. 139.

ки случаются при отягощающих избытках и существенных закупорках жизненно важных органов.

7. Хуже — [пульсы], имеющие пропуск, особенно если в течение долгого времени сохраняется спокойствие без единого движения. [Это] указывает на то, что сердце прекращает собственное движение либо из-за того, что одержало верх множество соков, либо из-за приближающегося омертвения.

8. Резкий пульс препятствует размеру пульсов, сообразному внешнему движению, и появляется из-за сухости, охлаждения, жара, в особенности тех органов, что состоят из сухожилий. Подобным же образом более влажные (ὕγροτοι) [пульсы появляются] благодаря такому же состоянию и иногда привычному поту, и они проходят словно вздымающиеся волны (κυματοῶδες)¹¹⁰.

9. Об этом мы ранее говорили в других [сочинениях]¹¹¹, и здесь мы провели различия вкратце о частных болезнях. Когда стоящий во главе царской спальни был отослан в посольство к гиперборейским скифам, то попросил меня передать ему книгу, чтобы он мог достаточно судить о болезнях и распознавать [их], и к распознанному применить лечение. Еще не успели мы осуществить всю задачу целиком, когда южный ветер повеял и тот удалился в то посольство, в которое был отправлен, а наша книга осталась незаконченной.

10. Поэтому мы сохранили любовь к нему и оказали любезность, не отдав никому [это сочинение], так как предмет не был доведен до конца. Когда же он вернется и трактат будет закончен, мы ему окажем милость, и если нам даст Бог, и тебе мы готовы дать письменную копию.

11. Как кажется, и тебе это будет полезно для всяких медицинских процедур, ведь то, что, как думается, [здесь] отсутствует, там сказано более ясно. Впрочем, и тем, что уже сказано, ты можешь предохранить здоровье и возвратить его, если оно находится в опасности. Ведь об этой части искусства здесь сказано, потом же остается объявить о естественных выделениях и ущербе, который следует из-за их задержки.

XVI. О ходе и задержках естественных и обычных выделений

1. Пот, появляющийся в летнюю пору или когда приходит усталость, не предвещает ничего необычного или плохого, скорее, может быть весьма полезен. При отсутствии же явной причины он свидетельствует о большом количестве крови в сосудах, так что следует или открыть вену, или сократить количество пищи.

2. Подобное встречается и у тех, кто поправляется от болезни и потребляет пищи более положенного. Тем, у кого во время пищеварения выделяется пот, [а также] тем, кого беспокоит многокровие, когда пища уже переварена, следует в обоих случаях уменьшить количество пищи.

3. У кого-то это происходит из-за крайней пористости кожи, [тогда] при ее обилии вскрывать [вены] опасно. Впрочем, таковым можно позволить питать-

¹¹⁰ Тут упомянуты некоторые из типов пульса, выделенные Галеном и перечисленные Павлом Эгинским. См.: *Paulus Aegineta. The Medical Works of Paulus Aegineta, the Greek Physician...* P. 139—143.

¹¹¹ В тексте: «ἐν ἄλλοις ἔφθηνεν διαλαβόντες». По-видимому, имеется в виду трактат Актуария «О медицинской науке», написанный для Алексея Апокава в 1325–1326 гг. См.: *Kourousis S.I. Op. cit.* P. 372–376.

ся и употреблять более горячие [продукты], а поверхность [тела] охлаждать и укреплять.

4. [Если произошло] какое-нибудь истечение в груди или вся грудная клетка была отягощена¹¹², лучше чтобы ни лихорадило, ни существовало боли в области ребер, груди и грудины, ведь последнее уже относится к роду болезни и нуждается в большей диете, более подробном рассмотрении, чем предполагает предмет повествование.

5. Когда же грудная клетка страдает в умеренной степени из-за движения находящейся там влаги и из-за беспокоящего кашля, то следует воспользоваться сладкими, горячими [лекарствами] и теми, которые способны сделать легко откашливаемой собравшуюся влагу. Если страдающий [сам] об этом не позаботится, то собравшаяся влага может задержаться, [серьезно] обеспокоить, и привести с собой нечто еще худшее.

6. Надо всегда следить, чтобы стекающие сверху соки попадали в нос. Если беспокоящие соки будут выведены таким образом, то грудная клетка будет сохранена невредимой.

7. Тяжесть головы, головокружения, горечь во рту, неприятные вкусовые ощущения и отсутствие аппетита сопутствуют задержкам желудка, но под действием клизмы беспокойство уходит. Следует озаботиться, чтобы [ничего лишнее] не задерживалось.

8. У некоторых в определенные часы и дни желудок сам по себе выводит более обычного и многое из того, что беспокоит, и человек чувствует себя лучше.

9. Другие благодаря рвоте избавляются от многих задержавшихся болезней. Если [пища] отрывается через верх нерегулярно, [то в этом нет ничего опасного], когда же природа взяла себе [это] за обыкновение, то появляются многочисленные тяжелые болезни.

10. Когда естественные выделения не появляются, следует помогать медицинскими средствами. Когда кровь идет носом или через капилляры, [или] беспричинно задерживается, следует или освободить обыкновенные поры, или рассечением вен избавиться от излишков. Настоятельная необходимость в очищении отсутствует, когда излишки уничтожаются при помощи усердных упражнений или усмиряются за счет сокращения пищи.

11. Как неумеренное опорожнение без необходимости делает тело вялым и холодным и уменьшает душевные силы, так и удержание нуждающегося в очищении отягощает, преграждает и тревожит ум, приводит друг за другом боли и болезни, изнуряет со временем всякую силу. Вот это каково.

12. Когда о диете, об отдельных видах пищи — чем следует воспользоваться, а чего следует остерегаться — сказано, мы представили тебе трактат о здоровье во всем многообразии. Последовав ему, ты мог бы лучше жить и избавиться бы от постоянно тревожащих недугов. Диета же, дарующая равновесие для всех пребывающих в нас пневм, способствует общности всего во всем. Для тебя же [важнее] дополнение, чтобы душевная пневма была здоровой и сияла. Таким об-

¹¹² Согласно средневековым представлениям, соки, попадающие в грудную клетку из головы, представляли особую опасность. Существовало два вида истечений жидкости из мозга. Авиценна отмечает, что некоторые относили к насморку истечения вещества непосредственно через нос, а катаром называли истечение в грудь (см.: *Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки. Книга III (1).* С. 330).

разом, повторив всю совокупность речи, мы, вновь принявшись за нее, скажем тебе следующее.

XVII. О том, каким образом на основании выше изложенного метода каждая из пневм может процветать и более всего душевная пневма

1. Из четырех различных пневм¹¹³, упомянутых в речи, одна обнаруживается в желудке, являясь холодной и влажной пневмой. Я говорю холодная не потому, что она охлаждает, но поскольку она менее горячая, чем та, которая идет после нее. Подобным же образом, если я называю другую сухой, то говорю это, сравнивая ее с более влажными [пневмами] (ведь все естественные и животные пневмы в силу общей побудительной причины являются горячими и влажными). Поскольку желательная сила находится в желудке, [то] насколько пневма оказывается чище самой себя, [настолько] ее чувства становятся лучше. Когда же [пневме] не хватает соразмерности, то и сила ее действует слабее. Таким образом, мы увидим силу, претерпевающую более от сухости и теплоты, нежели от противоположных качеств.

2. Когда сила, что есть в печени, приходит на смену первой [той, что в желудке], мы называем ее естественной и растительной, при том, что в ней покоится питательная, способствующая росту, порождающая подобное, желающая сила. Этой силе свойственна пневма, которая оказывается горячей и влажной. Касающаяся этих качеств диета обеспечивает восстановление и процветание силы в печени: больше сна и бань, удовольствия и радости жизни, меньше упражнений и умеренно разогревающая и увлажняющая пища.

3. В сердце обитает животная и деятельная сила, и она действует посредством сухой и гораздо более горячей пневмы, чем те, что в печени, качества [которой] могли бы распространиться в соответствующих их природе пределах. И энергии связанные с этой [пневмой] являются более мощными: появляются серьезные упражнения, верховая езда, сражения, охота, и та диета, что склоняется к более горячей и более сухой пище.

4. Если пожелаешь восстановить какую-либо измененную силу, то, дополнительно добавив к диете соответствующие ей [вещи], сможешь активизировать эту силу.

5. Если же, в целом, здоровью нет угрозы, то можно пренебречь этими [предписаниями], не составляющими особо предмета твоей заботы. Теперь же мы расскажем о том, что лежит у тебя на душе: поскольку говорилось ранее, что во многом той пневме, что в головном мозге, недостает теплоты животной пневмы, и представляется [она] более сухой, то из всего следует, что эта пневма оказывается более сухой и более холодной, чем другие. В данном случае можно счесть более подходящей диету не в меру охлаждающую и сушащую.

6. Конечно, тем, кто хочет просто быть здоровым в отношении этой пневмы, первая и общая [диета], которую мы успели описать, подошла бы. Она может привести к тому, что рождается вполне достаточная пневма, относящаяся к головному мозгу, но не такая беспримесная и спокойная.

¹¹³ Традиция знает три вида пневмы: естественную в печени, животную в сердце и душевную в головном мозге. Иоанн Актуарий добавляет четвертую пневму, располагавшуюся в желудке, не давая ей названия.

7. Из того, что сказано, с твоей целью лучше согласуется небольшое изменение диеты. Подобно тому как у музыкантов, если они натянут или ослабят одну или две из струн, а другие останутся в своем положении, возникает другая мелодия, отличная от прежней.

8. Как радости, отдых, сон делают естественную пневму более влажной, а гнев и активные упражнения — животную пневму в сердце более горячей, так и употребляемая пища изменяет их, делая более влажными или более горячими. [Подобно этому], с одной стороны, то, что охлаждает и иссушает, может изменить головной мозг в соответствии с внешней диетой, а с другой стороны, [тому же способствуют] ночные бдения, непрерывные молитвы и постоянные размышления (ἐνδελεχισμοί) о духовных вопросах¹¹⁴.

9. В головном мозге усиливается движение таким образом, что он становится более острым и тонким, более сухим и подогретым от постоянных энергий, чтобы ни снаружи, ни внутри не помутнеть из-за каких-нибудь погрешностей.

10. Продвигаясь вперед, [душевная пневма] движется к лучшему состоянию и господствует над остальными [пневмами]. Мы видим, что все трезвенные и занимающиеся подобного рода трудами¹¹⁵ убеждают воздерживаться от избыточной и плотной пищи и от отдыха, чтобы [душевная] пневма не могла сделаться плотной ни по этой причине, ни из-за преобладания других пневм вследствие более обильной диеты. Особенно [опасна] естественная пневма, ведь она противостоит как по силе, так и по качествам душевной пневме, и тянет ее к порабощению.

11. Как вода делает нас более трезвыми, поскольку усваивание минимизируется, воздержанность не дает достаточного материала естественной пневме, а длительное бодрствование подавляет наиболее плотные из испарений, чтобы благодаря всему этому душевная пневма сделалась более чистой в воспринимающих телах, так питье воды делает эту пневму замутненной и грубой посредством подземных испарений, пост воспаляет и горячит, а бодрствование засушивает и делает пневму невосприимчивой, разве что пневма привычна к диете.

12. Чтобы противоположные диеты не повлекли тебя в противоположных направлениях в силу стечения обстоятельств, и не предпочел бы ты дурное лучшему, а данная книга не стала бы для тебя бесполезной, я дополню [свои] рассуждения, добавив к речи вот что.

13. Тебе, вызвавшему увядание естественной пневмы временем, долгим постом и склонностью к лучшему, не следует стеснять тело ни постоянными постами, ни питьем воды.

14. Ведь прежде было смешение естественного тепла головного мозга с теплом воды, и тебе было лучше. Теперь же необходимо тебе, склоняющемуся к более холодному состоянию, восстанавливать недостающее умеренным употреблением вина и не злоупотреблять холодной пищей.

¹¹⁴ В тексте: «ἐνδελεχισμοί καὶ ἔμψοι περὶ τὰ νοητὰ ἔννοια». Это очередное упоминание о роде занятий Иосифа Ракендита. При описании монашеских реалий Иоанн Актуарий пользуется словом с христианской коннотацией, заимствованным из Ветхого Завета — ἐνδελεχισμός («непрерывное жертвоприношение» Дан. 11.31.).

¹¹⁵ Имеются в виду монахи.

15. Если же холод слишком возобладает, то следует воспользоваться тебе противоядием Андромаха (τῇ Ανδρομάχου θηριακῇ)¹¹⁶. Оно смягчает, способствует потообразованию, оживляет силы в нас.

16. Поскольку из-за воздержанности тело твое высохло, так как существующая диета вошла в обыкновение, то нелегко тебе [будет] перейти к другой [диете]. [Поэтому] следует воспользоваться банями, [которые] увлажняют все тело и разгоняют то, что из глубины тела угрожает и нуждается в очищении, возобновив наши естественные силы, когда они помрачены.

17. Насколько ты поставил первостепенной целью своей достичь пользы для душевной этой пневмы, настолько тебе не следует быть беспечным по отношению к остальным пневмам, ведь друг у друга перенимают [они] болезни и выздоровливают совместно.

18. Если ты будешь заботиться об общей и чистой диете и отдавать малое предпочтение [душевной] пневме в силу склонности свойственному этой пневме смешению, то у тебя все будет хорошо.

19. Твоя склонность к философии, исследование истинных догматов, постоянное стремление, идущее к более истинному, могут привести много наилучшего в твою диету на основании [уже] изобретенных нами методов.

20. Но рассуждение об этом пусть завершится, будучи приведенном в достаточном объеме [для тех], кто хочет быть кратким, [и для тех, кто] не меньше имеет зачатков знаний в медицинской теории и посвящен в философские таинства.

21. Ты же, божественная и священная глава, будь снисходительней, если увидишь, что в этой книге чего-то не хватает из того, к чему лежит твое стремление, зная то, что более подробные сведения нелегко было бы охватить в нескольких словах таким образом, чтобы сохранилась целостность.

22. Мы же, открывая книги бывших до нас мужей, превзошедших остальных в философии, обнаруживаем некоторые упущения в том, что необходимо сказать. Едва ли окажется, что эта книга расскажет большую часть необходимого, не говоря уж о том, чтобы все.

23. Для тех, кто имеет склонность к философии, пусть даже не в той степени, как ты, сказанное в этом руководстве покажется достаточным, что не успели мы оговорить в речи. Ведь так обстоит дело и с любой другой наукой, когда начало во всех обучении создано для тех, кто хорошо умеет рассуждать и вполне легко после начал может познать [остальное].

24. Но не уставай укреплять нас молитвами, вести к лучшему и очищать священными беседами мысль нашу, а также обращаться советами достойными почтения к необходимому.

25. Ведь я не знаю, в чем скорее мне стоит слушаться тебя, советующего и философствующего наилучшим образом, зная, [как] ты привержен истинным положениям философии и расположен к заботе о нас.

¹¹⁶ Противоядие Андромаха, териак (theriac, τὰ θηριακά)— универсальное противоядие, насчитывающее от сорока до семидесяти ингредиентов, среди которых мясо змеи. Считается, что создание лекарства принадлежит Митридату VI Евпатору, а Гален посвятил этому лекарству трактат. По сведениям В. Будон-Мийо, в византийских медицинских сочинениях это лекарство встречалось 512 раз. См.: Boudon-Millot V. Aux origines de la thériaque: la recette d'Andromaque // Revue d'Histoire de la Pharmacie. 2010. № 367. P. 261. Отсутствие описания состава лекарства заставляет предположить широкую распространенность препарата.

26. Если, когда время позовет, мы находились бы вместе в течение достаточного времени, то, как я думаю, обсудили бы многие необходимые вещи, относящиеся к философии, и они бы обеспечили для нас и других преуспевание в познании. Хорошо бы и мы когда-нибудь вновь пришли в себя, обратились к умозрительному устройству и получили пользу от тамошних благ, увидели и почувствовали то, что разум наш, упиваясь пороками и страстями, разумеет с помощью поверхностных прикосновений, а твой же, зная это точно, не возвращается к тому, что для нас является соблазнительным и сладким.

27. И возможно, таким образом, мы предавались бы более чистой философии, вещам, причины которых мы сегодня не знаем, поскольку даны они были от природы и более сродственны первопричинам. Хотя тем, кто однажды потерпел неудачу в отношении тамошних созерцаний, восхождение кажется сложным, при том, что здешняя сила утягивает далеко вниз.

29. Если же ты захочешь, чтобы мы сделались товарищем твоих созерцаний, истолковывая нам наилучшее из твоих видений, то проявишь все свое достоинство и продемонстрируешь общественный характер ума, свойственный всем по природе людям. Даже если незнание лучшего этому воспрепятствует, то ты, можешь быть, привлечешь и оживишь погасшее в нас духовное начало и убедишь следовать лучшему.

Рыбакова Екатерина Владимировна

Аспирант

Кафедра истории Средних веков

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: rybakovacaterina@yandex.ru

Ekaterina RYBAKOVA

JOHN ACTUARIOS AND BYZANTINE DIETOLOGY

Abstract: The article introduces into the field of the Byzantine Studies the second part of the medical treatise “On energies and mental illnesses of psychic pneuma” of John Aktouarios, the court physician of the middle of fourteenth century. John Actuarios’ treatise has not been translated into any European language so far, it is its first publication in modern language provided with linguistic and contextual commentary. On the basis of this treatise, it is possible to reconstruct the features of Byzantine medical science, dietetics and pharmacology, as well as common ideas about human being and his physiology.

Keywords: John Aktouarios, Byzantine medicine, dietology, pharmacology.

Literature Cited

- Abu Ali ibn Sina. *Kanon vrachebnoi nauki [Canon of Medicine]*. Tashkent: Tashkent Fan, 1980. Vol. 3 (1) (in Russian).
- Actuarius. *De actionibus et Affectibus Spiritus animalis ejusque Victu. Libri II*. Ed. by J.F. Fischer. Leipzig, 1774.
- Afonasin, E., Afonasin, A. *IATRIKĒ TEKHNĒ. Essays on Ancient Medicine*. St. Petersburg, 2017 (in Russian).
- Baur, S. *Hypochondria: Woeful Imaginings*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Bennett, D. “Aristotle and the Caliph’s Dream. Aspects of medical translations.” In *Medical books in the Byzantine world*. Ed. by B. Zipser. Bologna: Eikasmos, 2013. P. 79–96.
- Berger, A. *Das Bad in der byzantinischen Zeit*. Munich: Institut für Byzantinistik und neu-griechische Philologie der Universität, 1982.
- Boudon-Millot, V. “Aux origines de la thériaque: la recette d’Andromaque.” *Revue d’Histoire de la Pharmacie* 367 (2010). P. 261–270.
- Bouras-Vallianato, P. “Galen’s Reception in Byzantium: Symeon Seth and his Refutation of Galenic Theories on Human Physiology.” *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 55 (2015). P. 431–469.
- Bouras-Vallianato, P. “Case Histories in Late Byzantium: Reading the Patient in John Zacharias Aktouarios’ ‘On Urines’.” In *Homo Patiens: Approaches to the Patient in the Ancient World*. Ed. by G. Petridou, C. Thumiger. Leiden: Brill, 2016. P. 390–409.
- Bouras-Vallianato, P. “Medizinisches Schrifttum.” In *Neuer Pauly, Supplemente (Byzanz. Historisch-kulturwissenschaftliches Handbuch)*. Ed. by F. Daim. Vol. 11 (2017). P. 1025–1031.
- Bouras-Vallianato, P. “Reading Galen. The fate of Therapeutics to Glaucon.” In *Greek Medical Literature and its Readers. From Hippocrates to Islam and Byzantium*. Ed. by S. Xenophontos, P. Bouras-Vallianatos. New York, London: Routledge, 2018. P. 180–230.

- Bouras-Vallianato, P. *Sugar versus honey in byzantine recipes*. URL: <http://recipes.hypotheses.org/9932> (19.02. 2018).
- Brunet, F., ed. *Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles: le dernier auteur classique des grands médecins grecs de l'antiquité*. Paris, 1939. Vol. II.
- Constantinides, A., Thomas, J., and Constable, G., eds. *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2000 (Dumbarton Oaks Studies, XXXV).
- Constantinides, C.N. *Higher education in Byzantium in the thirteenth and early fourteenth centuries, 1204 — ca.1310*. Nicosie; Cyprus Research Centre, 1982.
- Costomiris, D.G.-A. "Études sur les écrits inédits des anciens médecins grecs." *Revue des études grecques* 10 (1897).
- Coxe, H., ed. *Catalogi codicum manuscriptorum Bibliothecae Bodleianae*. Oxford, 1853. (reprint. 1969.)
- Crowther, N.B. *Sport in Ancient Times*. Westport, London: Praeger, 2007.
- Dalby, A. *Food in the Ancient World from A to Z*. London, New York: Routledge, 2003.
- Dalby, A. *Tastes of Byzantium. The cuisine of a legendary Empire*. London, New York: Routledge, 2003.
- Darmstaedter, E. "Ptisana: ein Beitrag zur Kenntnis der antiken Diaetetik." *Archeion* 15 (1933). P. 181–201.
- Diels H. *Die Handschriften der antiken Ärzte, II. Teil: Die übrigen griechischen Ärzte außer Hippokrates und Galenos*. Berlin, 1906.
- Flint-Hamilton, K.B. "Legumes in Ancient Greece and Rome: Food, Medicine, or Poison?" *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens* 68/3 (1999). P. 371–385.
- Galen. *On the Properties of Foodstuffs*. Ed. by O. Powell, J. Wilkins. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Galen. *Works*. Moscow: Prakticheskaya medicina, 2015. Vol. II (in Russian).
- Galenus. *Adversus Lycum et Adversus Iulianum*. Ed. E. Wenkebach. Berlin: CMG, 1951. Vol. 10 (3).
- Gielen, E. "A New Source of the Synopsis of Joseph Rhakendytès." *Revue des études byzantines* 69 (2011). P. 265–270.
- Hippocrates. *Sochineniia [Works]*. Ed. by V.P. Karpov, trans. by V.I. Rudnev. Moscow — Leningrad: Biomedgiz, 1936. Vol. I (in Russian).
- Hunger, H., and Kresten, O. *Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek 2: Codices juridici, codices medici*. Wien: Prachner, 1969. Bd. 1. T. 2.
- Jacoby, D. "Caviar Trading in Byzantium." In *Mare et litora. Essays Presented to Sergei Karpov for his 60th Birthday*. Ed. R. Shukurow. Moscow, 2009. P. 349–364.
- Kakavekaki, A. The notion of pneuma (πνεῦμα) in the work of John Philoponus (490 AD–570 AD) (oral report at World Congress of Philosophy. Athens, 2013).
- Kakavekaki, A. *Diogenes of Apollonia, Hippocratic thought, and Aristotelian "pneuma"* (oral report at the conference "Aristotle and his predecessors on Heat, Pneuma and Soul". Prague, 2014).
- Kakavekaki, A. "The threefold distinction of "pneuma" in ancient Greek medicine." *Neusis* 24 (2016). P. 225–241.
- Kazhdan, A.P. "Skol'ko eli vizantijcy?" [How much did the Byzantines eat?] *Voprosy istorii* 9 (1970). P. 215–218 (in Russian).
- Koder, J. "Everyday food in the Middle Byzantine period." In *Flavours and delights: tastes and pleasures of ancient and Byzantine cuisine*. Ed. I. Anagnostakis. Athens, 2013. P. 139–157.
- Kokoszko, M., Jagusiak, K., and Rzeźnicka, Z. "Rice as food and medication in ancient and Byzantine medical literature" *Byzantinische Zeitschrift* I (2015). P. 134–135.

- Koukoules, Ph. *Vie et civilisation byzantines*. Athenes, 1957. T. IV.
- Kourousis, S.I. *To epistolarion Georgiou Lakapēnou-Andronikou Zaridou (1299–1315 ca.) kai o iatros-aktouarios Ioannēs Zakharias (1275 ca. -1328?)* [Correspondence of George Lakapenos — Andronikos Zarides (1299–1315 ca.) and court physician John Actuarios (1275 ca. — 1328?)]. Athens, 1988.
- Larshe, ZH.-K. *Istselenie psikhicheskikh boleznei. Opyt hristianskogo Vostoka pervykh vekov* [Healing of the mental illnesses. The experience of the Christian East of the first centuries]. Trans. by Ieromonakh Savva (Tutunov), Pil'shchikova Ol'ga. Moscow: Sretenskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', 2007 (in Russian).
- Litavrin, G.G., ed. "Vizantiiskii meditsinskii traktat XI — XIV vv. [Byzantine medical treatise XI–XIV centuries]." *Vizantiiskii Vremennik* 56/31 (1971). P. 249–301 (in Russian).
- Litavrin, G.G. *Kak zhili vizantiitsi* [How did the Byzantines live]. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Lur'e, V.M. *Istoriia vizantiiskoi filosofii. Formativnyi period* [History of Byzantine philosophy. Formative period]. St. Petersburg: Axioma, 2006 (in Russian).
- Oribase. *Œuvres complètes avec texte grec et traduction française établie par les docteurs Daremberg et Bussemaker*. Ed. Daremberg, Bussemaker. Paris, 1851–1876. T. I–VI.
- Oribasius. *Collectionum medicarum reliquiae*. Lib. XXIV–XXV. Ed. J. Raeder. Leipzig, Berlin: CMG, 1931. Vol. VI. P. 2, 1.
- Paulus Aegineta. *Libri I—IV*. Ed. by J.L. Heiberg. Leipzig, Berlin: CMG. 1924.
- Paulus Aegineta. *Libri V—VII*. Ed. J.L. Heiberg. Leipzig, Berlin: CMG, 1924.
- Pedanius Dioscorides of Anazarbus. *De materia medica*. Trans. by Lily Y. Beck. Hildesheim, Olms, 2005.
- Philumenus. *De venenatis animalibus eorumque remediis*. Ed. M. Wellmann. Leipzig, 1908.
- Siméon Seth. *Siméon Seth, médecin de l'empereur Michel Doucas, sa vie, son œuvre. Première traduction en français du traité "Recueil des propriétés des aliments par ordre alphabétique"*. Ed. M. Brunet. Bordeaux, 1939.
- Soranus. *Gynaeciorum libri IV, De signis fracturarum, De fasciis, Vita Hippocratis secundum Soranum*. Ed. J. Ilberg. Leipzig, Berlin: CMG, 1927. Vol. IV.
- Stiernon, D. "Joseph le Philosophe." *Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire* 8 (1974). Col. 1388–1392.
- Talbot, A.-M. "Mealtime in monasteries: the culture of the Byzantine refectory." In *Eat, drink, and be merry (Luke 12:19): food and wine in Byzantium: papers of the 37th annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in honour of Professor A.A.M. Breyer*. Ed. by L. Brubake, K. Linardou. London, New York: Routledge, 2007. P. 109–125.
- Trapp, E. "Lexicographical Notes, Illustrating Continuity and Change in Medieval Greek." *Dumbarton Oaks Papers* 48 (1994). P. 243–255.
- Tsugitaka, S. *Sugar in the Social Life of Medieval Islam*. Leiden: Brill, 2014.
- Wickens Andrew, P. *A History of the Brain. From Stone Age surgery to modern neuroscience*. London, New York: Taylor & Francis, 2014.

Ekaterina RYBAKOVA

Postgraduate Student

Department of Medieval Studies

Faculty of History

Moscow State University

Lomonosovskiy Prospect, 27/4

119192 Moscow, Russian Federation

e-mail: rybakovacaterina@yandex.ru

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

**«ВСЕ ГОРЕ В ЗВЕРИНОЙ НЕНАВИСТИ
К ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ...»:**

В.Н. БЕНЕШЕВИЧ И АКАДЕМИЯ НАУК СССР В 1933–1937 гг.*

Аннотация: В.Н. Бенешевич — трагическая фигура в истории российской науки. Ученый-византинист мирового уровня многократно подвергался репрессиям в 20-е — 30-е годы XX в. и фактически был лишен возможности реализовать свои планы по развитию византиноведения в СССР. После освобождения из очередного заключения в 1933 г. Бенешевич пытается вернуться к научной деятельности, разрабатывает планы развития византиноведения в СССР, стремится приспособить их к доминирующему научно-политическому курсу, понимая, что лишь путем гибкости в отношениях с государством при соблюдении главных принципов научной деятельности можно было сберечь византиноведение в СССР. Бенешевич неоднократно обращался к руководителям советской академической науки — В.П. Волгину и Н.П. Горбунову, апеллировал к Общему собранию АН СССР, искал поддержки у коллег по академии, и не только среди гуманитариев — Д.М. Петрушевского, но и у В.И. Вернадского. Однако, как показывают документы, публикуемые ниже, он не нашел понимания, а сочувствовавшие ему коллеги не могли ему помочь. Личная судьба В.Н. Бенешевича во многом отразила судьбы всего византиноведения предвоенной поры.

Ключевые слова: византиноведение, В.Н. Бенешевич, история науки, письма.

Исторические науки находились на особом положении в СССР: они были призваны обеспечить основание для идеологических схем, господствовавших в стране. В этой связи попадание в унисон, пусть и до определенной степени случайное — как с «открытием революции рабов» С.А. Жебелёвым — могло вывести ученого на самую вершину признания со стороны государства, наличие же расхождений с доминировавшим курсом — мнимых или реальных — было чревато совершенным уничтожением. В данной статье на основании материалов из архивов Москвы и Санкт-Петербурга, прежде не привлекавших внимания исследователей, мы постараемся осветить один из трагических эпизодов истории российской науки — попытки В.Н. Бенешевича сформулировать положительную программу восстановления в правах советского византиноведения и его взаимоотношения с АН СССР в последние годы жизни.

В истории отечественной академической науки, равно как и, вероятно, в судьбе самого В.Н. Бенешевича, 1928 г. явился рубежом. Майские выборы 1927 г.

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18–18–00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.»

в академию показали сохранение значительной автономии АН СССР по принципиальным вопросам: определение критериев соответствия высокому званию действительного члена АН, обсуждение конкретных персоналий в данном контексте в последний раз в советской истории протекало без нажима со стороны государственного аппарата. Однако уже следующие выборы (сентябрь 1928 — февраль 1929 гг.) ознаменовались громкими «делами» — академик С.А. Жебелёв¹ и С.Ф. Платонова². Академик П.К. Коковцов, в записке, составленной непосредственно после или даже в процессе этих выборов, утверждал, что представителями государственных органов поименно назывались те академики, которые, в случае провала кого-то из «кандидатов-коммунистов», будут немедленно исключены властью из АН СССР³. Один из поименованных, академик С.А. Жебелёв, так писал обо всем происходящем своей многолетней коллеге и близкому товарищу М.И. Максимовой:

В Академии — избирательная компания во всю. Подробности узнаете по приезде — они очень поучительны и интересны <...> Теперь занимаюсь докладом в память Ф.И. Успенского, чествовать которого в Академии Наук предполагают 28 октября. Его кандидат — Бенешевич — снят с очереди без рассмотрения. А за выступление в пользу Гриши⁴, лучше сказать, в связи с ним, я чуть было не приведен председателем (Марром) к порядку. Вообще дела, дела!⁵

В этой связи следует процитировать документ, который мог сыграть важную роль в решении судьбы Бенешевича на выборах в АН СССР в 1928 г. Речь идет об анонимном отзыве представителей Казанского Восточного педагогического института, сохранившемся в фонде академика В.И. Вернадского наряду с представлением Ф.И. Успенского, выдвигавшего Бенешевича в академики⁶:

Бенешевич известен как специалист в области изучения Византийского церковного права, давший в ряде своих работ анализ источников и памятников этого права; ему же принадлежит составление ряда очерков и общая редакция издания по истории Византии, ценного как введение для приступающих к изучению этой дисциплины. Все же все эти работы не только не ставят Бенешевича в ряды тех ученых, в которых нуждается Академия наук СССР, но вследствие очень ограниченного круга его интересов, делают его лишь одним из рядовых византистов.

Общественно-политическая деятельность Бенешевича протекала по линии активной защиты церковности, для чего он в свое время выступал с рядом статей в органах церковно-монархического направления и на церковном соборе 1918 г.

Все это является достаточным основанием, в силу которого Восточный Педагогический Институт не находит возможным поддерживать кандидатуру Бенешевича в члены Академии Наук СССР.

¹ Тункина И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. Вып. 2. СПб., 2000. С. 116–161.

² Академическое дело 1929–1931 гг.: документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

³ Коковцов П.К. Для установления истины // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 151–156.

⁴ Имеется в виду Григорий Филимонович Церетели (1870–1938) — филолог-классик, папиролог, член-корреспондент РАН (1917), которого Жебелёв выдвигал в академики.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 38 об.–39 об. (Далее: СПбФ АРАН).

⁶ См.: Медведев И.П. Научное творчество В.Н. Бенешевича в оценке Ф.И. Успенского // Деятели русской науки XIX–XX веков. Т. 2. СПб., 2001. С. 155–172.

Как видно, уже в конце 20-х гг. XX в. не только общественная позиция, но и тематика исследований Бенешевича рассматривалась в определенных академических кругах как не отвечающие запросам современности. Не могла измениться ситуация и в 30-е годы, когда история академической науки была богата репрессиями, в ходе которых государство решало свои задачи: «дело академика Лузина»⁸ в определенной степени продолжило дело академика Жебелёва, когда в вину ученому был поставлен факт публикации в зарубежном издании, относительно позитивные оценки ученых-эмигрантов и негативные — в отношении первых послереволюционных лет.

Среди академических «дел» судьба Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1938), авторитетного специалиста по истории церковного права, византиста и палеографа, стоит особняком. С одной стороны, он был одним из многих не просто пострадавших, но и, в конце концов, физически уничтоженных — расстрелянных — представителей академической науки в СССР. С другой стороны, длительность репрессий — арест, тюремное заключение, изнуряющие условия жизни после освобождения, унижения, безуспешные попытки вернуться в науку и вернуть саму науку в общественную жизнь страны, затем новый арест и гибель — заняли долгие 10 лет. Эти обстоятельства при исключительном месте, которое Бенешевич занимал в европейской науке и трагической судьбе самой научной дисциплины, которую он представлял, ставят его на особое место. Истреблена была и семья Бенешевича: сыновья Дмитрий и Георгий Владимировичи (род. 1911) расстреляны 6 октября 1937 г. и 5 января 1938 г., сам он — 27 января 1938, его брат Дмитрий Николаевич (род. 1877) — 2 апреля 1938 г. Супруга — Людмила Фаддеевна (1888–1967) осталась жива, но и она подверглась репрессиям по академическому делу в 1931 г.

Фигура В.Н. Бенешевича привлекала пристальное и стабильное внимание ученых на протяжении последних нескольких десятилетий. Одним из первых к последовательному изучению его научного наследия и обстоятельств биографии, определению места его трудов в современной историографии обратился Я.Н. Щапов⁹. Кропотливые архивные изыскания И.П. Медведева позволили восстановить основные вехи судьбы ученого в контексте трагических событий становления тоталитарного государства советского образца и реконструировать его нереализованные научные планы¹⁰. Л.А. Герд и А. Николов наметили такое важное направление в исследовании деятельности Бенешевича, всегда отличавше-

⁷ На листе карандашом проставлен номер 133.

⁸ Валькова О.А. Язык фундаментальной науки в России // Российская академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 322–346.

⁹ Щапов Я.Н. Сборники византийского права в исследованиях и изданиях проф. В. Бенешевича // Кlio. 1979. Т. 61. Вып. 1. С. 235–242; *Он же*. Из истории советской исторической науки (профессор В.Н. Бенешевич в репрессивной системе конца 1920–1930-х гг.) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимины. Москва, 13–18 мая. Вып. 2. М., 1990. С. 306–309; *Он же*. Полный текст «Автобиографии» В.Н. Бенешевича // ВВ. 2005. Т. 64. С. 335–342.

¹⁰ Медведев И.П. В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–380; *Он же*. Неопубликованные материалы В.Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византистов в архивах

гося широким охватом научных связей, как его контакты с зарубежными коллегами¹¹. В работах Т.В. Чумаковой были проанализированы материалы архива ученого, связанные с его активной деятельностью в области церковного строительства первой четверти XX в. (автокефалия грузинской церкви, обновленческое движение и проч.)¹². При этом, конечно же, следует отметить, что далеко не все документы, значимые для данной темы, введены в научный оборот, и в этой связи имеющаяся картина страдает определенной неполнотой. Так, не может считаться исчерпанной история отношений Бенешевича с Академией наук СССР, которую он сам представлял в ранге члена-корреспондента (с 1924 г. — выдвинут В.П. Бузескулом, И.Ю. Крачковским, Н.Я. Марром и Ф.И. Успенским)¹³.

Арестам В.Н. Бенешевич подвергался неоднократно и до начала «академических дел»: в 1922, 1924 гг., не в последнюю очередь в связи со своими тесными контактами с церковными кругами¹⁴. В ноябре 1928 г. он был снова арестован по стандартному обвинению в шпионаже, осужден и приговорен к каторжным работам в СЛОН. Как предполагает И.В. Тункина, это было сделано для того, чтобы не допустить его к участию в академических выборах и ликвидировать опасного для кандидатов-коммунистов конкурента¹⁵. По месту отбытия приговора в 1930 г. вместе с братом Дмитрием и супругой он был привлечен к делу академика Платонова и отправлен на пять лет в Ухта-Печерский лагерь. Во время многочисленных обысков в значительной степени были уничтожены результаты его многолетней научной деятельности по сбору копий рукописей и их описанию. По ходатайству В.Д. Бонч-Бруевича Бенешевич был досрочно освобожден в 1933 г., в 1934 — получил место хранителя в Государственной публичной библиотеке и преподавателя в Ленинградском государственном университете. 27 ноября 1937 г. Бенешевич был снова арестован и в итоге приговорен к расстрелу.

Эта событийная канва общеизвестна¹⁶, однако привлечение новых архивных материалов позволяет уточнить конкретные обстоятельства трагического этапа в жизни ученого и — через них — лучше понять обстоятельства бытования в дан-

---

Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 574–611; *Он же*. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006 и др.

¹¹ Герд Л.А., Николов А. «Надо работать для будущего»: переписка В.Н. Бенешевича с организаторами IV Международного конгресса византийских исследований в Софии // Византийские очерки / Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2011. С. 67–99; *Они же*. О проекте участия В.Н. Бенешевича в Софийском конгрессе византинистов 1934 г. // Российское византиноведение. Традиции и перспективы: Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 27–29 января 2011. М., 2011. С. 68–71.

¹² Чумакова Т.В. Религиозная жизнь в революционной России (по материалам архива В.Н. Бенешевича) // Folia Petropolitana. 2017. Вып. 6. С. 57–70; *Она же*. Владимир Бенешевич о церкви и революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 33. № 4. С. 414–424; *Она же*. Документы по истории обновленческого движения в архиве В.Н. Бенешевича // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 18. СПб., 2018. С. 187–194.

¹³ Успенский Ф.И., Бузескул В.П., Крачковский И.Ю., Марр Н.Я. Записка об ученых трудах В.Н. Бенешевича // Известия РАН. 1924. № 12–18. С. 536–538.

¹⁴ Щапов Я.Н. Из истории советской исторической науки... С. 306–309; Чумакова Т.В. Документы по истории... С. 187.

¹⁵ Тункина И.В. Отзыв С.А. Жебелёва о Д.В. Айналове // Церковная археология: Материалы первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 3: Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 67–73.

¹⁶ См., напр.: Щапов Я.Н. Из истории советской исторической науки... С. 306–309.

ный период той научной дисциплины, которой он посвятил значительную часть своей жизни — византиноведения.

Как справедливо отмечает Т.В. Чумакова, «Закон для него (Бенешевича — В.А., М.Б.) был превыше всего — превыше политических интересов или собственной идеологии»¹⁷. Чувствуя несправедливость, нарушение законности Бенешевич был полон решимости бороться за то, что казалось ему справедливым и верным — восстановление своего честного имени, своего места в науке и места византиноведения в научной структуре советского государства. Оказываясь на свободе после очередного ареста и урезания в правах, ученый апеллировал к своей (академической) корпорации в надежде вновь получить возможность работать и заниматься любимым делом.

В недавней историографии уже обращалось внимания на то, как в период между двумя последними арестами Бенешевич пытался повлиять на институциональную судьбу византиноведения в СССР¹⁸. В.В. Сашановым были опубликованы материалы, демонстрирующие, какие именно шаги практического характера Бенешевич считал необходимыми для восстановления былой славы отечественной науки о Византии (подготовка профессиональных кадров, библиографирование литературы, создание специального печатного органа и т. д.)¹⁹.

Публикуемые ниже письма Бенешевича президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову, ученому секретарю АН СССР В.П. Волгину, а также академикам В.И. Вернадскому и Д.М. Петрушевскому значительно дополняют уже введенные в научный оборот материалы и позволяют не только лучше понять обстоятельства, в которых оказался ученый в 30-е гг. XX в., но и увидеть, как сохранение верности собственным научным принципам и тематике исследований требовали обращения к сложным риторическим приемам, позволяющим примирить их с дискурсивными полями современной ему действительности.

Публикуемые материалы интересны не только на уровне фактологии, но и на уровне риторики текстов. Бенешевичу приходилось апеллировать здесь не только к собственному научному авторитету, но и пытаться доказать релевантность византиноведческих исследований для актуальной ситуации советского государства. Он явно следовал в русле рассуждений С.Ф. Ольденбурга, представленных в апреле 1931 г. на I Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы. Выступая перед собравшимися, Ольденбург тогда отметил необходимость для ученых гуманитариев «переключения <...> на новую методологию», которая предполагала, «что изучение современности приводит нас к гораздо большим результатам, чем старые методы, что научность — именно в изучении современности»²⁰. Бенешевич пытается доказать эту современность византиноведения и поиск таких доказательств становится одним из интереснейших аспектов его писем влиятельному администратору «новой волны» В.П. Волгину.

¹⁷ Чумакова Т.В. Владимир Бенешевич... С. 415.

¹⁸ Сашанов В.В. В.Н. Бенешевич и его проекты возрождения отечественного византиноведения в 1930-е гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 288–293.

¹⁹ Там же.

²⁰ I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1931. С. 70.

Любопытно отметить, что примерно в то же самое время аналогичным путем двигался и другой видный византинист с дореволюционным прошлым, специалист по византийскому искусству Ф.И. Шмит. В его архиве сохранился датированный 24 декабря 1931 г. текст под названием «Пореволюционное византиноведение», в котором автор, рассмотрев исторические корни византиноведения и охарактеризовав его развитие за рубежом, предлагал «несколько оргвыводов», по сути своей достаточно близких тому образу «советского византиноведения», который намечается и в письмах Бенешевича. Приведем обширную цитату из этой суммирующей части:

1) Как бы отрицательно мы ни относились к теории заимствований, или вернее: именно потому, что империалистическая теория заимствований для нас столь же неприемлема, как и националистические теории абсолютной самобытности исторического развития каждого отдельного народа, мы должны вновь заняться вопросами византиноведения; 2) объектом изучения нашего византиноведения должны быть феномены истории феодального по содержанию, национального по форме восточного средневековья, взятого как комплекс, как единство множества не только классовых, но и международных противоречий; 3) при создании нашего византиноведения мы должны использовать, в меру наших потребностей, громадную работу, проделанную и проделываемую западно-европейскою и американскою наукою, ибо нет никакого смысла вновь делать то, что сделано технически удовлетворительно, а иногда блестяще; 4) однако, наше византиноведение на первый план должно выдвинуть вопросы «внутренней» истории, т. е. вопросы материального производства и производственных отношений, в пределах не одного какого-либо государственного образования или одного какого-либо народа, а в пределах всей восточной («византийской») Европы, т. е. широко использовать сравнительный метод изучения и тщательно проследивать по всем доступным данным (в том числе и надстроечным) все пути культурного взаимодействия и обмена; 5) наше византиноведение должно привлечь, собрать и использовать в гораздо большей мере, чем это делалось и делается на Западе, вещественный («археологический») материал — не только парадный, церковный, и не только художественный, но и, прежде всего, массовый, бытовой, т. е. должно освободиться от того архивно-филологического однобокого подхода к Византии, который немало содействовал извращению дореволюционного византиноведения: «византийскую» историю делали не цари, издававшие законы, и не монахи, писавшие летописи и богословские трактаты, а массы трудящихся, непрерывно ломавших и государственных, и социальные формы, и официальные идеологии²¹.

Как известно, и этот проект развития «нашего византиноведения» не был реализован, а судьба самого Ф.И. Шмита сложилась немногим менее трагично, чем судьба В.Н. Бенешевича.

Ниже публикуется 16 документов: четыре письма В.Н. Бенешевича В.И. Вернадскому, четыре — В.П. Волгину, два — В.Л. Комарову, одно — Вернадскому и Комарову, четыре — Д.М. Петрушевскому, одно — в Общее собрание АН СССР. Сокращения в тексте раскрыты.

²¹ Отдел рукописей Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 39. Л. 16–17.

Автограф, чернила²²

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Завтра еду в Кемь уже наверное. Вчера просматривал журналы и приходил в состояние крайней подавленности от громадности производимой работы и невозможности принять в ней активное участие. Все-таки над переработкой словаря Дюканжа²³ и над историей источников греко-римского права и его связями со славянскими и восточными не трудится никто. Вот где бы я поработал!

Сын Митя мечтал поехать на 2–3 месяца куда-нибудь в экспедицию, в самые дальние места, в геолого-разведочную партию коллектором, с половины июня, так как срок паспорта по 8. VI. Не услышите ли о подходящем месте?

Наталье Егоровне²⁴ прошу передать мой сердечный привет! Благодаря Вам и Наталье Егоровне я почувствовал в себе силы дальше жить с надеждой, еще поработать для науки.

Искренне преданный Вам

Ваш В. Бенешевич.

30/III. 33.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 3.

На бланке Списка наград, испрашиваемой по ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической комиссии.

Автограф. Зеленые чернила. Красным карандашом поверх текста: Не послано.

20.11.1933.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

В дополнение к разговору о моем крайне ненормальном и тяжелом положении хочется мне добавить, что работа по договору на определенную тему меня не устроила бы, т. к. не приспособлен я и мои темы к выполнению по часам: приходится уклоняться для подсобных исследований, иногда очень сложных, а когда был помоложе, то вынужден был ради одной темы заняться изучением грузинского, армянского и сирийского языков. Никогда я не работал для заработка и теперь не умею: вот, напр., на византийскую агротехнику по договору с ИИНТИ

²² Уровень сохранности оригинала крайне низкий. Читается с большими затруднениями. Часть письма занимает чернильное пятно, скрывающее текст.

²³ Одно из направлений работы Русско-византийской комиссии РАН с 1923 г. Бенешевич не только принимал активное участие в ее деятельности, но и с 1924 г. был товарищем председателя ее бюро. Со смертью председателя, академика Ф.И. Успенского, и арестом самого Бенешевича осенью 1928 г., комиссия фактически прекратила работу. См.: *Барынина О.А.* Отечественное византиноведение на рубеже эпох: Русско-византийская комиссия (1918–1930 гг.). СПб., 2010.

²⁴ Супруга В.И. Вернадского.

потратил уже много времени²⁵, а и пятака не выработал. И другое обстоятельство заставляет стремиться к постоянному месту: необходимость почувствовать себя полноправным гражданином после всех незаслуженных унижений и варварского разгрома моей семьи и работы. Эту необходимость чувствую потому, что еще могу много поработать на пользу науки и хочу это сделать для СССР, но для этого надо создать хоть самые элементарные условия работы, а я теперь живу в крайне неприглядной обстановке на средства сына и брата в одной комнате с ними.

Все-таки я думаю, что наступило время восстановить в АН византиноведение, где русским принадлежало одно из почетнейших мест и даже инициатива, как раз в изучении т. н. внутренней истории Византии. Восстановить Византийский Временник, продолжить собрание трудов Васильевского, приступить к собранию трудов Ф.И. Успенского по истории византийско-славянских земельных отношений. Это сразу повернуло бы всю работу в такое положение, исходя из которого возможно все и восстановить и развить с новой силой. Конечно, программа Византийского Временника должна коренным образом измениться; я еще в 1928 г. письменно предложил академику Успенскому новую программу; он ее одобрил и хотел представить в АН, но смерть помешала. Основная мысль программы заключалась в том, чтобы выдвинуть изучение тех сторон византийской истории, которые важны для нашей современности; а особенная для нас научная ценность возобновления византийских штудий указывалась в их значении для назревшей перестройки древней русской и южно-славянской истории и для освобождения ее от ряда предрассудков и предвзятых мнений, навеянных определенной политической идеологией.

Мое участие в этом деле было бы очень полезно для придания ему веса в глазах западно-европейского ученого мира.

Боюсь, что еще нельзя будет теперь возбудить вопрос о Византии, когда один пишет об археологии на службе²⁶ <...>

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–1 об.

© Санкт-петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 3

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

На обороте корректуры текста на грузинском языке.

Автограф. Зеленые чернила.

Двойная правка: зелеными чернилами и простым карандашом.

05.12.33 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Согласно Вашим указаниям, ввиду трудности увидеть Вас лично, обращаюсь к Вам письменно по предмету нашего последнего разговора. Пришла новая книжка *Byzantinische Zeitschrift* за 1933 г. и заставляет²⁷ меня вернуться к вопросу об

²⁵ О работе Бенешевича на тему «Из истории византийской агротехники» по договору с Институтом истории науки и техники АН СССР см.: *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого... С. 362.

²⁶ Явно имеется в виду работа: *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

²⁷ Изначально в тексте значилось «заставила». Окончание слова -ила зачеркнуто, вставлено -ляет.

основном источнике не только моих личных злоключений, но к печальному положению в той научной области, где русские ученые, во главе с АН занимали раньше почетное место, а теперь занимают его вне общения с АН. Все горе в звериной ненависти к византиноведению за то, что оно-де опора православия, а еще вернее из-за того, что люди не имеют ни ясного, другие никакого представления о предмете своей ненависти. Позор нам оставаться на задворках или вскакивать на подножку, когда мы можем спокойно идти вровень с Европой и должны сами зарабатывать основы своей истории, а не смотреть на нее через чужие очки. Звериная, без смысла ненависть к византиноведению должна быть искоренена возможно скорее, и ее должно заменить настоящее представление о значении Византии в истории культуры народов СССР особенно притом в интересах освещения вопросов современности. Залог успеха византиноведения за границей как раз и лежит в тесной связи его с запросами современной научной жизни Запада²⁸. Там давно уже всем ясно, что интерес этих трудов вовсе не исчерпывает ни богословие, не церковная история, ни церковное искусство, когда к услугам исследователей широкое поле работы в областях экономики, публицистики (в широком смысле), языкознания, географии, этнографии, техники, математики, медицины и др. А у нас путаница царит даже в головах даже выдающихся деятелей науки. Пора хоть по примеру Запада увидеть, что не вероисповедальная пропаганда и не работа о проливах вызвали широкое развитие византийских штудий. Но ничего не пойдет у нас толком, если не будет элементарная организации дела:

работа по изучению Византии: необходимо или сразу возобновить Византийский Временник или другой печатный орган на новых началах, или создать особую группу для указанной цели.

Дело это не легкое²⁹, но необходимое, и потому что считаю долгом выступить за него перед Вами тем более³⁰, что АН имеет возможность организовывать группы по специальным вопросам, вне институтов³¹.

По существу конечно и записка — лишняя вещь в отношении АН, [...] где я мог бы приводить в порядок и описывать греческие рукописи [...] сама шла впереди всей русской работы. А может быть, 2) Относительно моих материалов и книг дело обстоит так, ее лучше писать тому лицу, которое само участвует в работе АН и по своим научным интересам близко примыкает к византийской эпохе: оно скажет именно то немногое, что теперь было бы нужно, чтобы начать дело.

3) Относительно СНР

Ни на какое руководящее положение в указанной группе не претендую и не способен, ничего для себя не ожидаю и не желаю, кроме возможности работать в

²⁸ Это предложение вычеркнуто, однако следующее, не вычеркнутое, находится с ним в тесной связи.

²⁹ Здесь вычеркнуто: «и не скорое, и для меня лично, важнее всего, связанное только с моральным удовлетворением, едва притом полным».

³⁰ Здесь вычеркнуто: «а если Вы признаете его возможным, то я готов составить об этом особую записку. Возможность возбуждения вопроса вижу в том».

³¹ Здесь вычеркнуто: «Опасаться неудовлетворения Турции нет ни малейших оснований, т. к. германский институт в Константинополе основан с византиноведением на видном месте, и германские ученые имеют руководящее значение в разных областях историко-архивной работы; он с успехом занял место Русского Археологического Института уже теперь.

Прошу Вашей помощи по следующим делам: 1) Относительно места: хотя бы сторожем при Рукописном Отделе БАН».

сколько-нибудь сносных условиях моральных и материальных. Жить и работать в какой-то пустоте, в атмосфере глубокого равнодушия, недоверия и неуважения к своей работе со стороны общественности, значит, чувствовать себя заживо погребенным; так я себя и чувствую.

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 2–3.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 4

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

Автограф. Фиолетовые чернила на бланке Правителя дел Учебного комитета при Святейшем синоде. Синим карандашом поверх текста: «Не послано, чтобы не повредить человеку».

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой по делу, которое чрезвычайно угнетает меня, так как я оказался невольным виновником большой неприятности, постигшей В.К. Путилова³² как раз за то, что помогло найти жизненно необходимые мне для продолжения моих византиноведческих работ книги.

В деле разыскания моих книг управление БАН делает согласно Вашему распоряжению все возможное, и я с глубокой благодарностью наблюдаю результаты всех усилий. К сожалению, до сих пор не удалось найти очень много книг, особенно важных для успеха работы потому, что на некоторых сделаны мною сличения с греческими рукописями во время поездок за границу, а многие важны своим подбором по темам (напр., о договорах Руси с греками и церковных памятниках права). Разыскивать их в море БАН крайне трудно. И вот в последний раз И.И. Яковкин³³ указал В.К. Путилову в моем присутствии на необходимость как-то энергичнее двинуть дело, и я понял из дальнейшего разговора, что мне самому необходимо посмотреть найденную В.К. Путиловым кучу каких-то фолиантов. Так, очевидно, понял и В.К. Путилов свою задачу, потому что пригласил меня посмотреть эту кучу и кстати другое место, где он предполагал тоже мои книги. Если бы я не был уверен, что иду в магазин³⁴ БАН с ведома директора, то, конечно, не пошел бы, и теперь чувствую себя виновным в том, что не понял надлежащим образом слов директора и подвел этим В.К. Путилова.

Не могу не признать правильность действий управления БАН; поэтому и обращаюсь прямо к Вам с просьбой как-нибудь посодействовать справедливости с той стороны, которая должна была остаться вне поля зрения управления. Ведь, в сущности, для такого старательного работника, каким мне представляется В.К. Путилов, одна уже угроза взыскания оказала бы надлежащее действие.

³² Путилов, Виктор Константинович (1892–1941) — историк, источниковед, в 1929–1934 гг. — старший библиотекарь БАН СССР.

³³ Яковкин, Иннокентий Иванович (1881–1949) — историк, библиограф, в 1930–1949 гг. — директор БАН СССР.

³⁴ Имеются в виду фонды библиотеки. Понятием «магазин» в первой трети XX в. часто определяли музейно-библиотечные фонды как помещения хранения.

Пишу Вам свою просьбу, не сказав никому ни слова, и вообще ни о чем никому не буду говорить, т. к. отлично понимаю эксцентричность моего ходатайства. Но все дело в том, что я сам очень виноват.

Глубоко уважающий Вас

[Подпись]

19.01.1934.

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 4—4об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 5

В.Н. Бенешевич — В.П. Волгину

Автограф. Простой карандаш, двойная правка — карандашом и чернилами.
На обороте — греческий текст.

22.5.1935.

Глубокоуважаемый Вячеслав Петрович,

Кажется, в октябре 1934 г. я обратился в Местком АН с просьбой о предоставлении мне жилплощади из состава помещений, освободившейся при переезде АН в Москву. Местком переслал мое заявление в Москву, в правительственную комиссию, и тем похоронил его. В декабре 1934 г. мне было сообщено с Ваших слов деканом исторического факультета ЛГУ, что Вы дали распоряжение т. Альтеру³⁵ насчет жилплощади для меня, но т. Альтер заявил мне, что никакого распоряжения от Вас не получал; он обещал при ближайшей поездке в Москву спросить Вас об этом, но ничего не сделал. Все мои обращения в за помощью в ЛГУ, в Секции Научных Работников и в КСУ³⁶ здесь и в Москве остались безрезультатными.

Между тем мне приходится жить и работать в очень тягостных условиях: 4 человека в 1 комнате, причем нет спокойствия от других жильцов по квартире; кроме того, нет возможности перевезти необходимые для моей работы мои книги и материалы. Работа же на мне лежит громадная, и в ней заинтересованы широкие научные круги Европы; даже признано, что эти работы в настоящее время я один могу исполнить. В СССР византиноведение должно возродиться, и я тут должен принять самое энергичное участие, как один из очень немногих ныне в СССР специалистов, тем более, что в глазах Западной Европы византиноведение в СССР признано как бы несуществующим. Таким образом моя работа служить не только на пользу, но и на славу исторической науки в СССР.

Поэтому еще раз прошу Вас прийти мне на помощь и могу указать, что в доме АН на Васильевском Острове 7 линия, 2, стоит свободной маленькая квартира № 6 из 2 комнат около 36 кв. м с кухней. Эта квартирка была бы для меня с

³⁵ Вероятно, начальник ленинградского Административно-хозяйственного управления (ЛАХУ) АН СССР Д.Б. Альтер. См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 86. Арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г.

³⁶ Комиссия по содействию ученым.

женной очень подходящей. Конечно, пришлось бы жить отдельно от сыновей, которые остались бы в своей, занимаемой ныне всеми нами, комнате. Может быть, впрочем, окажется помещение и в другом месте: мне важно только то, чтобы создать элементарные необходимые условия для научной работы. Т. Альтер и т. Бельский³⁷ заявляют, что для них необходимо иметь Ваше распоряжение относительно какой-нибудь из квартир.

Прошу Вас не оставить это мое обращение без ответа, т. к. я измучен бесполезными оттяжками времени, ожиданиями, перекидыванием меня от одного учреждения к другому. Если вы, т. е. АН, не можете для меня ничего сделать, то я, пока живу для науки, все же не оставлю своих хлопот, т. к. не может быть, чтобы в СССР научный работник находился в наихудших условиях для работы³⁸.

С глубоким уважением

[Подпись]

СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 3. Л. 5–6.

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

№ 6

В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

25.XII.1936.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Пишу Вам с большими колебаниями, но считаю, что должен написать, чтобы как-нибудь потом совесть меня не заела. Дело в том, что мой Гога³⁹ долго работал у В.Л. Мысовского с большим воодушевлением к предмету, но все более или более жаловался на равнодушие к делу и неосведомленность Мысовского теоретическую и практическую. Когда, наконец, Мысовский заставил Гогу уйти с работы, не давши 2-недельного отпуска для окончания дипломной работы к 1 декабря, без которой нельзя было кончить университет, то Гога этому обрадовался. Теперь он до 1 января приглашен на работу В.Н. Рукавишниковым для подготовки к проверке построенной Рукавишниковым камеры.

Меня беспокоит то, что у сотрудников Мысовского сложилось о нем крайне неблагоприятное мнение как о научном работнике: он дела не понимает, руководить и научить не может, сам ни к чему не способен, ленив, безучастен, редко бывает в лаборатории. Никак не может быть получен удовлетворительный результат от работы такого специалиста; но этот человек не унывает и принимает меры к тому, чтобы приготовиться к Вашему приезду сюда и попытаться втереть

³⁷ Вероятно, Бельский, Леонид Сергеевич — административно-хозяйственный работник ЛАХУ. См.: Архив РАН. Ф. 411. Оп. 6. Д. 273.

³⁸ Здесь вычеркнуто: «Разве только вот если буду убит для науки, тогда успокоюсь: вопреки всем стараниям и заявлениям и советской власти и АН».

³⁹ Бенешевич, Георгий Владимирович (1911–1938) — сын В.Н. Бенешевича, геоботаник. Арестован 6 сентября 1937 г., осужден — 28 декабря 1937 г., расстрелян 5 января 1938 г. См. письмо Г.В. Бенешевича В.И. Вернадскому от 2 марта 1937 г., посвященное профессиональным вопросам (Архив РАН. Ф. 513. Оп. 3. Д. 124. Л. 1–1 об.).

Вам очки, как в этом уверены сотрудники его ближайшие. Вот это меня и беспокоит, и я считаю долгом предупредить Вас, так как уверен, что Гога зря человека не станет чернить, да и Рукавишников, судя по отзывам Гоги, человек очень корректный и осторожный. Самое лучшее, расспросите их обоих сами.

Сейчас иду на диспут Е.Э. Лифшиц⁴⁰ в качестве оппонента на кандидатской диссертации «Земледельческий закон и сельская община в Византии VI–VIII веков». Работа со всячинкой, но степени достойна.

Надежду Эрастовну⁴¹ видел давно, недели две тому назад, она была молодцом.

Очень я Вам благодарен за то, что Вы меня направили к О.А. Крауш⁴²: на редкость сердечный и деловой человек.

Мы по-прежнему все четверо в одной комнате, но как будто есть надежда на улучшение с весны; тогда я жил бы недалеко от Надежды Эрастовны. Не найдете ли возможным поддержать меня перед Иваном Васильевичем Зубовым⁴³, которому я уже написал?

Жена моя и я шлем глубокоуважаемой Наталье Егоровне и Вам сердечный привет и наилучшие пожелания к новому году.

Искренне преданный Вам,

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 1–2 об.

⁴⁰ Надо — Липшиц. Об этом см.: *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого... С. 356. Однако там дата защиты указана как 3 декабря 1936 г. Отзыв Бенешевича о работе: СПбФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 62. Л. 336–357. Опубликовано в: *Медведев И.П.* Урок Бенешевича // *Византийские очерки*. М., 1996. С. 187–205.

⁴¹ Успенская, Надежда Эрастовна (урожд. Ващенко; 1862–1942) — вдова академика Ф.И. Успенского.

⁴² Крауш, Ольга Александровна (1902–1942) — как следует из ее личного дела, после окончания школы второй ступени (4 класса) в 1919 г. поступила в I-й МГУ, с 29.X.1918 по 10.X.1922 — «служила в Военном ведомстве в качестве сотрудника канцелярии I ВХУ», последовательно: начальник отделения, секретарь, затем — стенографистка в различных департаментах РККА и ВВКУ (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 596. Оп. 1. Д. 449. Л. 4, 6), как следует из Личного листка студента (Л. 4), в 1923 г. по направлению Московского отдела Союза соавработников поступила в Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова, однако ввиду болезни, наличия маленького ребенка и необходимости «усиленной работы» 25 сентября 1924 г. подала заявление об отчислении по собственному желанию (Л. 1). В зачетной книжке (Л. 3) и академическом листе (Л. 9) нет ни одной записи о сданных предметах. В конце 1920-х гг. — гражданская жена А.Е. Ферсмана (в письмах за 1928 г. В.И. Вернадский передает привет от своей семьи А.Е. Ферсману и О.А.). Ученица А.А. Фреймана и Э.А. Бертельса в Ленинградском историко-лингвистическом институте (1929–1932), востоковед-иранист, управляющий делами и ученый секретарь Таджикско-Памирской экспедиции (1932–1934), заместитель ученого секретаря БАН (1935–1936), в январе — июне 1936 г. — личный секретарь неперменного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова, в 1938 г. — сотрудник Государственного Эрмитажа, с 1939 — м.н.с. ИВ РАН. В Москве проживала по адресу: ул. Воровского, д. 20, кв. 20. В разных документах в личном деле обозначала национальность то как «русская (великоросс)», то как «саксонка».

⁴³ Управляющий делами АН СССР.

Автограф, чернила

12.VII.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас принять от меня и представить Академии наук прилагаемый экземпляр I тома одного из моих больших трудов, завершающих мою почти 39-летнюю работу по изучению памятников византийского, древнеславянского и древнерусского права⁴⁴. С 1900 по 1928 г. эта работа совершалась мною при энергичном содействии АН в тесном общении с членами ее Н.Я. Марром, А.А. Шахматовым, П.В. Никитиным, Ф.И. Успенским и др. Поэтому теперь к чувству удовлетворения по поводу выхода в свет начала весьма трудной и для науки очень важной работы у меня примешивается печаль по поводу того, что работа вышла не в СССР. Мои старания добиться этого остались безуспешными, как я говорю об этом в предисловии I тома; тут сказалось во всем объеме вредоносное влияние М.Н. Покровского, погубившего в АН византиноведение с корнем.

Успешное выполнение I тома прилагаемой работы и все, что в ней есть ценного, я отношу, главным образом на долю помощи, оказанной мне АН своевременно и щедро. И я был бы счастлив, если бы мне удалось получить помощь АН для опубликования нескольких трудов, еще более важных и трудных, чем начатый мною в виде прилагаемого I тома. Мне уже 63 года и, хотя душевно я так же бодр, как был в 1905 г., когда мы вместе с Вами участвовали в университетских делах, а все же надо спешить и силы надо расходовать с расчетом, чтобы успеть сделать побольше полезного. И мое заветное желание заключается в том, чтобы содействовать насаждению советского византиноведения, способного двинуть ценные материалы на пользу великих начинаний АН в области истории.

С глубоким уважением и искренней преданностью

В. Бенешевич.

Владимир Леонтьевич, книгу надлежит направить в БАН⁴⁵.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 1–2.

Автограф, чернила

15.X.1937.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Был я в Наркомпросе, комн. 335, у т. Воробьева, который меня внимательно и с интересом выслушал; дал я ему заявление и экземпляр издания, в котором

⁴⁴ Имеется в виду издание: Ioannis Scholastici Synagoga L. titulum ceteraque ejusdem opera juridica jussu ac mandato Academiae scientiarum Bavaricae edidit Vladimirus Benešević. T. 1. München, 1937. Публикация его в нацистской Германии и стала формальным поводом для начала последнего акта травли ученого, закончившегося его расстрелом.

⁴⁵ Имеется в виду Библиотека Академии наук.

обратил его внимание на предисловие, т. к. переводят вкривь и вкось, он сейчас же понес книгу кому-то для верного перевода.

Был в Президиуме АН, но, к сожалению, Г.М. Кржижановского⁴⁶ не видел, так как он еще не вступил в действие после отпуска. Разговор с А.М. Дебориным⁴⁷ был противный: намеки, запугивания, а все от того, что сам запуган. Кончилось тем, что я резюмировал: буду ждать указаний Президиума, которые исполню. В сущности, дело просто: так как в Мюнхене мною не дано ничего для II–IV томов, то вопрос о прекращении издания решается сам собой, если не пришлю ничего! А как хорошо было бы, если бы АН стала на широкий взгляд: мне бы нагоняй за нарушение дисциплины, а сама заявила бы, что берет на себя II–IV тома! Тогда все [...] были бы срезаны в корень. А теперь у них будет выигрыш: станут писать, что Бенешевича за I том вот что постигло, а сами советчики не способны ни одного тома выпустить! Наши будут злиться на меня, а сами виноваты: Ягода и К° посадили меня в 1928–1933 г. и создали обо мне определенную атмосферу!

Боюсь, что кончится мое византиноведение в Академии наук, не начавшись! Вопрос о кабинете византиноведения еще должен пойти в Президиум на утверждение, Лукин⁴⁸ какой-то ни рыба, ни мясо. Толку не видно. Он мне рекомендовал составить письмо в Баварскую АН о прекращении издания и показать Деборину; я это сделал, а Деборин сказал, что это его не касается, что я в Баварскую АН напишу. Вот и угодите им!

Я в заявлении в Наркомпрос настаивал на том, что моя работа — большое научное достижение советского ученого и забота о человеке ко мне максимально должна быть проявлена.

С глубоким уважением,

В. Бенешевич.

В ЦК ВКП(б) дальше передней не пустили.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–2 об.

№ 9

В.Н. Бенешевич — В.Л. Комарову, В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

8.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас представить прилагаемое заявление общему собранию и не отказывать в Вашем содействии к пересмотру решения Президиума Академии наук. Я

⁴⁶ Кржижановский, Глеб Максимилианович (1872–1959) — революционер, один из авторов Плана ГОЭЛРО, с 1929 г. — академик АН СССР, в 1929–1939 гг. — вице-президент АН СССР.

⁴⁷ Деборин, Абрам Моисеевич (1881–1963) — философ, с 1929 г. — академик АН СССР, в 1935–1945 гг. — член президиума АН СССР.

⁴⁸ Лукин, Николай Михайлович (1885–1940) — историк, с 1929 г. — академик АН СССР, директор Института истории Коммунистической академии (1932–1936), директор Института истории АН СССР (1936–1937), к нему в 1936 г. Бенешевич обращался с предложениями о возрождении институциональной структуры византиноведения в СССР. См.: *Сашанов В.В.* В.Н. Бенешевич и его проекты... С. 289, 291–292.

глубоко потрясен несправедливостью и жестокостью кары за такой проступок, который совершен мной не по злокозненности, а по увлечению научной работой, и при том я считал, что моя работа свидетельствует о жизнеспособности научных традиций СССР в области византиноведения, что тем самым она служит славе советской науки. Из прилагаемого анонса о выходе моей книги видно, что я не ошибся в оценке своего выступления. Laurent как раз и видит в нем верное предвещие предстоящего возрождения византиноведения в СССР.

Что я совершил грубую политическую ошибку, об этом я глубоко сожалею и стремлюсь делом загладить ее. Но за такую ошибку у АН нет оснований убивать меня, как ученого и гражданина и разрушать мою 40-летнюю работу, когда я могу и горячо желаю работать для развития советского византиноведения, и когда для этого людей у нас так мало. АН через свой Институт Истории уже поставило дело восстановления византиноведения, как свою очередную задачу в интересах истории СССР и всемирной истории. Собранные мною материалы и обработка их мною могли бы в моих руках наилучшим образом послужить развитию этого дела, которое для меня является смыслом всей моей жизни.

Глубоко уважающий Вас

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 3–3 об.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 6–6 об.

№ 10

В.Н. Бенешевич — В.И. Вернадскому

Автограф, чернила

9.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Ваше письмо чрезвычайно меня и Людмилу Фаддеевну утешило и морально поддержало. Опасность все же висит над нами и заставляет бороться с нею во имя защиты научных ценностей и благоразумия. Я писал в Президиум и Н.М. Лукину о том, что нельзя рубить с плеча, что надо быть осторожным ради охраны научных интересов Академии наук и страны, но, очевидно, что Президиуму ничего не было доложено в надлежащем смысле секретарем ООН. Поэтому еще до получения Вашего письма я составил заявление в Общее собрание Академии наук и теперь посылаю его В.Л. Комарову с письмом; копии обоих документов считаю долгом приложить здесь ввиду того, что Вы послали Владимиру Леонтьевичу мое письмо к Вам. Только одному Вам пока сообщаю копии документов Общему собранию, так как не исключена возможность, что Владимир Леонтьевич ответит о ненужности моего заявления ввиду уже наметившегося в Президиуме перелома в сторону справедливости и соблюдении принципов науки. Я был бы счастлив, если бы Академия наук дала мне взбучку, но одновременно заявила, что берет на себя издание II тома моего труда: этот жест заградил бы уста всяким враждебным выступлениям за границей, которые должны возникнуть в связи с заметкой в Известиях от 26.X.⁴⁹ И по существу это был бы блестящий шаг на

⁴⁹ Заметка «Антисоветский поступок чл.-корр. АН СССР В.Н. Бенешевича».

пути восстановления византиноведения. Ведь этот том содержал бы издание тех юридических сборников VI века, которыми Моммзен, Крюгер⁵⁰ и другие пользовались для восстановления критики Кодекса, Дигест и Новелл Юстиниана; а теперь пришлось бы произвести очень трудную работу, достойную Моммзена по восстановлению текста этих сборников.

Надо знать, что за 400 лет изучения памятников византийского права и даже в последние 100 лет величайшими исследователями в нашей области работа эта еще не проделана, но она насущно необходима. Вот был бы шаг к славе советской науки, если бы сделать такое издание! Мое предисловие к I тому дает нашей АН все права на выступление в указываемом мною смысле! Саму задачу можно было бы формулировать не в виде II тома, а как самостоятельную. Политическая важность дела ясна. Но где те глаза, которые ее определяют! Скоро можно подготовить целую эскадрилью летчиков к героическому походу, и перед расходами никто не задумается, а для такой работы, какая у меня на руках, требуется времени много, а героизма не выдать простому глазу. Расходы, конечно, окупились бы в валюте, так как для 200–300 экземпляров сбыт сразу обеспечен. Но... Одним словом, фантазия моя безнадежна!

Сердечный привет от нас обоих глубокоуважаемой Наталье Егоровне.

P.S. Если бы Вы нашли нужным направить Владимиру Леонтьевичу это письмо, то я не против, так как хо<...> в том же духе.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 4–5 об.

№ 11

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Автограф, чернила

10.XI.37.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Ваше письмо пришло⁵¹ одновременно с письмом другого сердечно уважаемого мною лица, и оба выражают твердую уверенность в том, что вся эта переживаемая мною мгла рассеется. Радость мне от обоих писем была и есть глубочайшая. Все хотел Вам ответить поскорее, да как возьму Ваше письмо и начну его читать, то и начинаю плакать от обиды страшной! Не могу ни понять, ни перенести, что Академия наук за издание добросовестного труда, посвященного памятнику первостепенной важности и вызывающее уважение ученого мира к советскому работнику, убивает меня мучительнейшей смертью вместо того, чтобы дать полную возможность работать на пользу и на славу родины! Живу теперь с женой, как в камере смертников. Ведь подумать только: два сына мои и брат сидят в тюрьме с начала сентября, ни в чем неповинные, энтузиасты и талантливые люди в работе; с меня и жены взята подписка о невыезде, предвещающая высылку; службы никакой нет; руки опускаются, никуда не выхожу, чтобы не

⁵⁰ Имеются в виду немецкие ученые-антиковеды Теодор Моммзен (1817–1903) и Пауль Крюгер (1840–1926).

⁵¹ Письмо Петрушевского от 4 ноября 1937 г. было получено Бенешевичем 6 ноября. Публикация: *Медведев И.И.* Петербургское византиноведение. С. 291–292.

встретить никого, и дома никого не вижу. Написал я заявление в Общее собрание АН и послал В.Л. Комарову с письмом. Будет ли оно прочитано в Общем собрании? И сомневаюсь, чтобы Общее собрание пошло против Президиума. А изменит ли Президиум свое решение? У меня надежды на это нет, так как со стороны академиков не будет проявлено такого интереса к делу, который побудил бы Президиум к вдумчивости. Впрочем, напрасно это я говорю: может быть, уже и проявили! Ну, для меня облегчения нет. Прощаюсь со своими драгоценными материалами и книгами, не могу оторваться от них, сдам их перед самой высылкой. Целый институт византиноведения можно было бы на них построить! Не на мне будет лежать позор за то, что все окажется втуне лежащим, а я жалею, что у меня только одна жизнь: за II, III и IV тома своего труда и ряд больших задуманных работ я бы отдал двадцать жизней, потому что слава советской науки была бы обеспечена в области византиноведения. Надо гнать эти мысли, да я и отучаюсь от них, как это ни трудно.

Глубоко уважающий Вас

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 4–4 об.

№ 12

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Машинопись, рукописные вставки

[17.XI.37.]

Академику Д.М. Петрушевскому

Президиум АН в заседании 24 октября с. г. решил внести в Общее собрание предложение о лишении меня звания члена-корреспондента АН за тяжкое преступление против советской власти, выразившееся в издании I т. «Синагоги в 50 титулах» в Мюнхене и в сношениях с германскими фашистами. Узнав об этом решении только из заметки в «Известиях» от 26 октября и не имея возможности защищаться ни в печати, ни лично, считаю долгом письменно представить Вам, Дмитрий Моисеевич, ряд существенных для выяснения дела фактов и соображений.

Президиум берет голый факт издания мною книги в Баварской Академии Наук только как проявление моей злокозненности. На самом деле изданию предшествовали долгие годы (с 1900 г.) упорного и успешного труда по собиранию фактов и обработке материалов, разбросанных по всему свету, и упорные старания продвинуть издание книги в России (с 1912 г.) и СССР, вплоть до 1933 г., и лишь поставленный перед альтернативой или не увидеть ее вовсе напечатанной, или издать в Баварской АН, я решился на второй, поддерживаемый в этом горячим советом Н.Я. Марра. С конца 1933 г. до начала 1937 г. почта беспрепятственно пересылала оригинал и корректуры издания, о котором я сообщал в отчетах кафедры истории средних веков исторического факультета ЛГУ; ни разу ниоткуда не было указаний на недопустимость или предосудительность моих действий. Даже, когда 12 июля я послал книгу Президенту Академии наук с личным письмом, где выражал печаль по поводу изда-

ния книги в Баварской Академии наук, а не в СССР, то в ответ получил спокойную благодарность Академии наук от 3 августа за присылку книги, подписанную членом Президиума академиком А.А. Борисяком. И только 10 октября обрушилось на меня гонение со стороны общего собрания кафедры средних веков⁵², о котором я же сам сообщил 11 октября в Президиум АН, и тогда Президиум решил добить меня, отняв у меня всякую возможность работы и существования.

Ни в каких связях с фашистами какими бы то ни было я не состоял и не состою. Единственный германский ученый, с которым я переписывался относительно издания, — это Эд. Шварц, которого я знаю 25 лет; едва ли даже он фашист, особенно, если он, как говорят, еврей: во всяком случае, переписка никогда не касалась никаких политических вопросов, речь всегда шла об одном только издании, самая инициатива которого в 1912 г. принадлежала Шварцу. Делать из этой переписки отдельно от издания преступление совершенно невозможно. Равным образом и переписка моя с другими учеными из Бельгии, Франции, Германии, Италии, Греции, Турции далека от фашизма: они присылали свои труды, спрашивали советов и указания, просили помощи в осведомлении о выходящих в СССР книгах и высылке их.

Сама моя работа не является ни в какой степени интересной для фашизма, или реакционной, или мракобесной в смысле поддержки поповщины: она — враждебна поповщине и мракобесию, так как содействует разрушению основ канонического права церкви и учения о единении церковной и светской власти в Византии, служивших опорой старого режима и в прежней России, и в других странах. Упоминание в газетной заметке о моей «реакционной контрреволюционной физиономии», моей «деятельности на поприще укрепления роли церкви и поповщины» и о моих «выступлениях против советской власти» есть не что иное, как голословные утверждения, избитые клеветнические формулы шельмования человека; они опровергаются и моей дореволюционной деятельностью, вызывавшей недоверие и вражду руководящих церковных кругов и лиц, и опытом всех личных и официальных сношений со мной, засвидетельствовавшим мою преданность советскому строю, прогрессивность, не только полное отсутствие связи с поповщиной, но и враждебность ей, антифашистские настроения и действия и т. д. Мракобес не я, а тот, кто на меня клеветает. Ведь он старается загасить очаг научной почти 40-летней работы. И аналогии с положением академика Лузина у меня нет, так как 1) раболепия перед Западной Европой я не проявлял, а сама западноевропейская наука старалась привлечь меня к работе, как общепризнанного специалиста, посвятившего 35–40 лет изучению и собиранию памятников византийского права, 2) свой труд я старался продвинуть, прежде всего, в России и СССР, но безуспешно.

Не тяжкое преступление против советской власти совершено мною через издание моей книги в Баварской АН, а грубая политическая ошибка, оправдывать которую нельзя никакими ссылками на прежние отказы и советы: ведь и Н.Я. Марр вовсе не предполагал, что я так безрассудно, не обратившись к АН, исполню его совет. Справедливо, чтобы я понес наказание за свою ошибку, однако

⁵² Публикацию протокола этого заседания кафедры см.: *Медведев И.П.* Петербургское византиноведение. С. 302–312.

не такое, которое равносильно убийству человека для научной работы, но мучительнее смертной казни. АН должна притом считаться и с тем, что мое издание есть и результат и начало громадного научного подвига, чрезвычайно важного для изучения истории в СССР и вызванного к жизни действительно самой же АН в 1900–1912 и в 1927 гг.

Вот те факты и соображения, которые представляю Вам, Дмитрий Моисеевич, для правильного объяснения и оценки моих действий.

В. Бенешевич.

17.XI.37.

Этот текст послан мною в Общее собрание АН 8 ноября.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 7–8⁵³.

№ 13

В.Н. Бенешевич — в Общее собрание АН СССР

Машинопись

Копия

В Общее собрание АН СССР

В дополнение к своему заявлению от 8 ноября считаю долгом представить краткую характеристику содержания и значения своего издания «Синагоги в 50 титулов», так как оно носит слишком специальный характер и нет возможности дать достаточное количество экземпляров его для ознакомления.

«Синагога в 50 титулов» есть составленный в половине VI в. антиохийским адвокатом (схоластиком) сборник канонов так называемых апостольских, 4 вселенских и 6 поместных соборов и Василия Великого, разбитых по содержанию на 50 глав или групп (титулов); к ним присоединено извлечение из новелл Юстиниана о церкви, разделенное на 87 глав, так называемый сборник 87 глав.

Весь мой труд представляет собой греческий текст с вариантами, примечания к нему и предисловие на латинском языке; рассчитан он на очень немногих читателей-специалистов, среди которых Эд. Шварцу, инициатору его, принадлежит первое место. Но изучать его будут многие, ни одна библиотека, сколь-нибудь значительная без него не обойдется. Это потому, что за более, чем 4 века научного обследования памятников византийского права, мною впервые дано филологически надежное и исторически ценное издание текста канонов «Синагоги в 50 титулов». И только потому, что оно — научное, оно и антицерковное, так как показывает, что текст канонов изменялся и притом очень существенно; можно указать и причины этих изменений, коренящиеся в борьбе внутри самой церкви и борьбе ее с государством, отражающей громадные перемены в экономической, общественной и государственной жизни Византии

⁵³ Без последней фразы этот же текст был послан академику В.И. Вернадскому (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 7–8).

X–XV вв. Византийская церковность теряет то значение нормы, которое приписывалось ей старым режимом; из иконописного образ Византии становится жизненным, полным движения. И нельзя еще не отметить, что только благодаря моему изданию можно будет приступить к изучению вопроса о славянском переводе «Синагоги» IX века с новой точки зрения, свободной от церковных предрассудков в отношении одного из важнейших моментов в истории культуры славян.

Борьба за научные методы в той области, где церковные круги имели за собой все выгоды положения, воодушевляла меня с самого начала моего исследовательского пути, и я уверен, что, как советский ученый, я должен стоять на этом же пути и встречать поощрение и содействие; притом людей, способных продолжить мое дело или хотя бы даже использовать собранные мною драгоценные материалы греческие, славянские, грузинские, сирийские с надлежащей широтой охвата, я не знаю, а, говорят, будто их и нет даже в СССР и в Западной Европе. При старом режиме мое издание едва ли могло бы появиться, как это видно из враждебного отношения церковных кругов к моим исследованиям о сборниках 50 и 14 титулов и из той бучи, которая была поднята против меня синодским ученым «Новым временем» и К^о за указание мною фальсификации Синодом «Духовного Регламента», подписанного Петром I.

В. Бенешевич
Член-корреспондент АН СССР.

18.XI.1937.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 9–9 об⁵⁴.

№ 14

В.Н. Бенешевич — Д.М. Петрушевскому

Автограф, чернила

18.XI.37.

Глубокоуважаемый Дмитрий Моисеевич,

Боюсь, не будет ли что-нибудь сделано против меня на заседании ООН⁵⁵: повестки мне не прислано, как будто я уже не член. Всего можно ожидать от людей, потерявших стыд и совесть. Заочно осуждают! А если бы про какое-нибудь новое растение сказали, что оно ядовито, то сколько труда положили бы на исследование вопроса!

Ваш В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 19. Л. 6–6 об.

⁵⁴ Этот же текст был послан академику В.И. Вернадскому (Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 9–9 об.).

⁵⁵ Отделение общественных наук АН СССР.

Автограф, чернила

22.XI.1937.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Прошу Вас исправить мою ошибку и направить мое заявление в Общее собрание Академии наук от 8 ноября на имя Президиума АН или даже просто считать его несуществующим. Я имел в виду только представить факты и соображения для понимания моего образа действий, но не выступать в Общем собрании против Президиума. Бестактность в направлении заявления не в Президиум была мною осознана несколько дней тому назад. И я хотел просить Вас исправить мою ошибку, но думал, что Вы и Президиум отнесетесь снисходительно к моей неловкости, объясняемой тяжелым моим душевным состоянием.

С глубоким уважением,

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 310. Л. 4–4 об.

Автограф, чернила

22.XI.1937.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович,

Вышло досадное недоразумение с моим обращением в Общее собрание АН СССР. Я его вовсе не понимал и не понимаю, как жалобу на Президиум Академии наук, а думал, что надо представить факты и соображения для оценки моего поведения в дополнение к сведениям Президиума. И я спросил Вас в предыдущем письме, не следует ли мне просить Владимира Леонтьевича направить мое заявление только и прямо в Президиум.

Прошу Вас представить Владимиру Леонтьевичу мои намерения в том виде, как они были мной задуманы, без всякого желания выступить против Президиума на Общем Собрании. Я с самого начала ясно понимал, что было бы неразумно с моей стороны пытаться выступать против Президиума в Общем Собрании, но нужно дать Президиуму разъяснения: ведь через Президиум все идет на Общее собрание. И Владимиру Леонтьевичу я писал, посылал заявление, что, если он сочтет его излишним, то пусть не дает ходу.

Одновременно пишу и Владимиру Леонтьевичу просьбу не предоставлять мое заявление в Общее Собрание, а или обратиться в Президиум, или совсем отбросить.

Сердечно преданный Вам

В. Бенешевич.

P.S. Все-таки непонятно, неужели судьба человека может быть поставлена в зависимость от неуместности направления бумаги?

И от чего же Владимир Леонтьевич не ответил мне указанием на мою ошибку?

Очень прошу Вас позвонить к Владимиру Леонтьевичу или вообще его успокоить. Боюсь, однако, не есть ли тут простая отговорка, а решение стоит твердо... Никакой жалобы Президиума и помине не может быть.

В. Бенешевич.

Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 123. Л. 10–11.

АНАНЬЕВ Виталий Геннадьевич

Доктор культурологии
Старший преподаватель
Кафедра Музейного дела и охраны памятников
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный
университет
Менделеевская линия, д. 5
199034 Санкт-Петербург
Электронная почта: v.ananьев@spbu.ru

БУХАРИН Михаил Дмитриевич

Доктор исторических наук
Академик РАН
Главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, 32а
119334 Москва

Электронная почта:
michabucha@gmail.com

VIZANTIYSKIY VREMENNİK. T. 103: 2019
ISSN 0132–3776

Vitaly ANANIEV, Mikhail BUKHARIN

**“THE REASON IS SAVAGE HATRED
AGAINST THE STUDY OF BYZANTIUM...”:
V.N. BENESHEVICH AND THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR IN 1933–37**

Abstract: V.N. Beneshevich was a tragic figure in the history of the Russian scholarship. A scholar of Byzantine studies of an international level, he was repeatedly exposed to repressions in the 1920th–30th and was virtually unable to implement the plans for promoting the Byzantine studies in the USSR. In 1933 Beneshevich tried to return to scholastic activity, as he worked out plans for promoting the Byzantine studies in the USSR and tried to adapt them to the predominant course of scientific policy. In the meantime, he quite understood that the preservation of the Byzantine studies in the USSR could only be achieved through flexibility in the relations with the state and respect for the main principles of scientific activity. Beneshevich repeatedly addressed the leaders of the Soviet academic science — V.P. Volgin and N.P. Gorbunov, appealed to the General Sessions of the Academy, looked for support from his colleagues — D.M. Petrushevskiy and V.I. Vernadskiy. However, as the documents first published in this article demonstrate, he found no understanding and

his colleagues could not help him. The fate of V.N. Beneshevich in many respects reflected the fate of the whole Byzantine studies during the interwar period.

Keywords: Byzantine studies, V.N. Beneshevich, correspondence, science history.

Literature Cited

- Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. [The Academic Case of 1929–1931: Documents and Materials of Investigative Case Fabricated by OGPU].* Issue 1. Saint-Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences, 1993 (in Russian)
- Barynina O.A. *Otechestvennoe vizantinovedenie na rubezhe epokh: Russko-vizantijskaya komissiya (1918–1930 gg.) [The Soviet Byzantine Studies on the Threshold of the Epochs. Russian-Byzantine Commission (1918–1930)].* Saint-Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2010 (in Russian)
- Chumakova, T.V. "Dokumenty po istorii obnovlenskogo dvizheniya v arhive V.N. Beneshevicha [Documents on the History of the Obnovlentsy (Renewal) Movement in the Archive of V.N. Beneshevich]." In *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii.* Issue 18. Saint-Petersburg, 2018. P. 187–194 (in Russian).
- Chumakova, T.V. "Religioznaya zhizn' v revolyucionnoj Rossii (po materialam arkhiva V.N. Beneshevicha) [Religious Life in Revolutionary Russia (According to the Archive of V.N. Beneshevich)]." *Folia Petropolitana* 6 (2017). P. 57–70 (in Russian).
- Chumakova, T.V. "Vladimir N. Beneshevich on the Church and Revolution." *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies* 33, issue 4 (2017). P. 414–424.
- Gerd, L.A., and Nikolov A. "O proekte uchastiya V.N. Beneshevicha v Sofijskom kongresse vizantinistov 1934 g. [About the Project of Participation of V.N. Beneshevich in Sofia Congress of Byzantinists 1934]." In *Rossijskoe vizantinovedenie. Tradicii i perspektivy: Tezisy dokladov XIX Vserossiyskoi nauchnoi sessii vizantinistov.* Moskva 27–29 yanvarya 2011. Moscow, 2011. P. 68–71 (in Russian)
- Gerd, L.A., and Nikolov, A. "Nado rabotat' dl'a budushchego: perepiska V.N. Beneshevicha s organizatorami IV Mezhdunarodnogo kongressa vizantijskih issledovanij v Sofii ["It is Necessary to Work for the Future": Correspondence of V.N. Beneshevich with the Organizers of the 4th International Congress of Byzantine Studies in Sofia]." In *Vizantijskie ocherki. Trudy rossijskikh uchenyh k XXII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov.* Saint-Petersburg: Aleteia, 2011. P. 67–99 (in Russian)
- Kokovtsov P.K. "Dlia ustanovleniia istiny [For the Establishment of the Truth]." In *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi.* Issue 1. Saint-Petersburg, 1993. P. 151–156 (in Russian)
- Medvedev, I.P. "Neopublikovannye materialy V.N. Beneshevicha po istorii vizantinovedeniya [Unpublished Materials by V.N. Beneshevich on the History of Byzantine Studies]." In *Rukopisnoe nasledie russkikh vizantinistov v arhivah Sankt-Peterburga.* Saint-Petersburg, 1999. P. 574–611 (in Russian).
- Medvedev, I.P. "V.N. Beneshevich: sud'ba uchenogo, sud'ba arhiva [V.N. Beneshevich: The Fate of a Scientist, the Fate of an Archive]." In *Arhivy russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge.* Saint-Petersburg, 1995. P. 339–380 (in Russian)
- Medvedev, I.P. Nauchnoe tvorchestvo V.N. Beneshevicha v ocenke F.I. Uspenskogo [The Scientific Work of V.N. Beneshevich in the Assessment of F.I. Uspenskii]." In *Deiateli russkoi nauki XIX–XX vekov.* Vol. 2. Saint-Petersburg, 2001. P. 155–172 (in Russian).
- Medvedev, I.P. *Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii [Byzantine Studies in St. Petersburg Byzantine Studies. Pages of History].* Saint-Petersburg: Aleteia, 2006 (in Russian).

- Sashanov, V.V. “V.N. Beneshevich i ego proekty vrozozhdeniya otechestvennogo vizantinovedeniya v 1930-e gg. [V.N. Beneshevich and His Projects of the Renaissance of Domestic Byzantine Studies in the 1930s].” *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* 4 2017. P. 288–293 (in Russian)
- Shchapov, Ya.N. “Iz istorii sovetskoj istoricheskoy nauki (professor V.N. Beneshevich v repressivnoi sisteme konca 1920–1930-h gg.) [From the History of Soviet Historical Science (Professor V.N. Beneshevich in the Repressive System of the Late 1920–1930s)]”. In *Spornye voprosy otechestvennoi istorii XI–XVIII vv. Tezisy dokladov i soobshchenii, pervykh chtenii, posviashchennykh pamiati A.A. Zimina, Moskva, 13–18 maia*. Issue 2. Moscow, 1990. P. 306–309 (in Russian).
- Shchapov, Ya.N. “Polnyi tekst Avtobiografii V.N. Beneshevicha [Full Text of Autobiography of V.N. Beneshevich].” *Vizantiiskii vremennik* 64 (2005). P. 335–342 (in Russian).
- Shchapov, Ya.N. “Sborniki vizantiiskogo prava v issledovaniiah i izdaniiah prof. V. Beneshevicha [Collections of Byzantine Law in Research and Publications of Prof. V. Beneshevich].” *Klio* 61 (1979). P. 235–242 (in Russian).
- Tunkina, I.V. “Delo akademika S.A. Zhebelyova [The Case of Academician S.A. Zhebelev].” In *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah*. Issue 2. Saint-Petersburg, 2000. P. 116–161 (in Russian).
- Tunkina, I.V. “Otzyv S.A. Zhebelyova o D.V. Ainalove [Comments of S.A. Zhebelev on D.V. Ainalov].” In *Cerkovnaya arheologiya: Materialy pervoi Vserossiyskoi konferentsii. Pskov, 20–24 noyabrya 1995 g. Part 3*. Saint-Petersburg; Pskov, 1995. P. 67–73 (in Russian).
- Val'kova O.A. “Yazyk fundamental'noj nauki v Rossii [The Language of Fundamental Science in Russia].” In *Rossiyskaya akademiya nauk: 275 let sluzheniya Rossii*. Moscow: Yanus-K, 1999. P. 322–346 (in Russian).

Vitaly ANANIEV

Doctor of Cultural Studies
Senior lecturer
Institute of Philosophy
Saint-Petersburg State University

Mendeleev line, 5
199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

e-mail: v.ananov@spbu.ru

Mikhail BUKHARIN

Doctor of Sciences in History
Chief Researcher
Full Member
of the Russian Academy of Sciences
Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences
Leninski prospect, 32a
119334 Moscow

e-mail: michabucha@gmail.com

Holton D., Horrocks G., Janssen M., Lendari T., Manolassou I., Toufexis N. The Cambridge Grammar of Medieval and Early Modern Greek. Cambridge: Arts and Humanities Research Council; Cambridge University Press, 2019. Vol. 1: General Introduction and Phonology, p. i–clxx, 1–237; Vol. 2: Nominal Morphology, p. i–xxii, 239–1263; Vol. 3: Verb Morphology, p. i–xxi, 1265–1857; Vol. 4: Syntax, p. i–xv, 1859–2093

Четырехтомная фундаментальная грамматика греческого языка стала результатом большого проекта Кембриджского университета, объединившего под руководством известного исследователя греческой литературы и языка Д. Холтона группу лингвистов и филологов, в которую вошли Дж. Хоррокс, М. Янссен, Т. Лендари, И. Манолессу и Н. Туфексис. Кембриджские ученые попытались зафиксировать и систематизировать изменения норм греческого языка, происходившие в византийское и поствизантийское время, выбрав для изучения хронологический период с 1100 по 1700 г. Основными источниками для анализа стали тексты, написанные на «вернакулярном», общепотребительном языке, или на языке, который можно считать близким к таковому. Приверженность издателей термину «вернакулярный» объясняется тем, что тот «греческий», который они пытались «описать», исходя из присущих ему формирующихся на протяжении нескольких столетий правил, не развил еще стандартизированных форм и не был кодифицирован.

Кембриджский проект продолжил фундаментальные исследования по языку, собравшие огромный материал, в первую очередь, по лексикологии, каковым является, в первую очередь, словарь Эммануила Криараса. В основу этого словаря были положены тексты того же хронологического периода — 1100–1669 годов. Проведенная работа над греческими текстами византийского и поствизантийского времени позволила разделить эпоху «постклассического» греческого языка на несколько периодов, для каждого из которых характерны определенные изменения. Таким образом были выделены раннесредневековый (500–1100 г.) и позднесредневековый (1100–1500 г.) периоды, эпоха раннего нового времени (до 1700 г.). Верхняя граница, начало XII столетия, выбрана авторами «Кембриджской грамматики» осознанно и объясняется тем, что лишь с этого времени появляется достаточное количество греческих «неклассических» текстов, позволяющих проследить те существенные культурные сдвиги, которые в XVIII–XIX в. позволили сложиться новогреческому языку. Период «языкового раннего средневековья», таким образом, был исключен из описания лингвистических норм и правил ради большей однородности использованных материалов и унификации разработанных подходов к ним.

К исследованию было привлечено большое количество как литературных (ок. 360), так и нелитературных текстов (ок. 1200). Все они разного размера, от отдельных строк надписей до объемных хроник. К нелитературным источникам относятся нотариальные и иные документы (в том числе происходящие из архивов Афона, Южной Италии и Сицилии), письма, вышедшие порой из-под пера не очень образованных людей, язык которых отражал также специфические местные грамматические и фонетические языковые формы. Авторы «Грамматики» специально избегают термина «диалект», поскольку в избранный для исследования период не существовало «стандартных» форм, по отношению к которым иные можно воспринимать как «диалектальные». Понятие «диалект» по отношению к современному новогреческому языку, с их точки зрения, сильно от-

личается от средневековой языковой ситуации с ее языковой вариативностью и отсутствием по-настоящему «кодифицированных» форм. Предпочтительнее говорить не об определенных диалектах, а именно об описании языковых вариантов в разных географических зонах.

Использование столь сильно различающихся между собой типов источников было весьма сложным: литературные тексты часто имеют длительную традицию копирования, приводившую к внесению в них изменений, форм «высокого стиля» и даже, подчас, определенной «искусственности», отличающей их от более простых и не подвергавшихся стилистической обработке текстов писем или документов. Чрезвычайную осторожность авторы считали необходимым проявлять и при использовании для выявления в текстах лингвистических особенностей поэтических произведений. Они в еще большей степени подвергались их создателями стилистической обработке и изменениям, нарушавшим привычный порядок как в фонетике, так и в строении слов или ударениях, вариациям синтаксических норм ради звучности.

Все эти оговоренные во введении трудности заставили составителей «Грамматики» провести специальное исследование, позволившее сделать выборку корпуса анализируемых текстов, представляющих надежный материал для лингвистического исследования. Они, прежде всего, старались не пользоваться изданиями, в которых язык был нормализован, основываясь на представлениях о правилах классической греческой грамматики и орфографии с введением в публикуемый текст искусственных поправок. В тех случаях, когда избежать использования такого нормализованного текста невозможно, авторы были вынуждены при необходимости обращаться к разным изданиям одного источника и к рукописям, в некоторых случаях корректируя «нормализованное» написание слов. Лучшими источниками для работы лингвистов, с их точки зрения, являются дипломатические издания, транскрибирующими текст, передавая все его особенности. Однако при подготовке грамматического справочника невозможно было избежать и использования старых или признанных «классическими» изданий некоторых текстов («Морейской хроники» и др.). Таким образом, в «Грамматике» пришлось подчас использовать разные системы транскрипции текстов, причем иногда для облегчения понимания приводимых примеров орфография отдельных текстов была унифицирована в зависимости от описываемого в каждом случае правила или же сохранялась в двух версиях, т. е. и как транскрипция рукописи, и в виде исправленного текста.

Географический охват распространения использованных вернакулярных текстов весьма широк — это территории, на которых греческий вернакулярный язык являлся родным для основного населения или для тех областей, где имелось значительное число греков-иммигрантов. Речь идет прежде всего о Балканах (территории современной Греции и греческих островов, Албании, Болгарии, Румынии и Турции), Кипре, Малой Азии, греческих анклавах в Южной Италии, Сицилии, Корсике, в Крыму, Венеции. При этом происхождение источника всякий раз тщательно отмечалось. В тех случаях, когда речь шла о письмах, отмечалось и происхождение автора, и место отправления, которое могло находиться вне ареала проживания грекоговорящего населения (самым необычным стал Стокгольм, откуда письмо было отправлено в Москву в 1654 г.). Некоторые регионы предоставляют значительно больший объем сохранившихся материалов по сравнению с другими. Так, Венецианская Романия (Крит, Ионические острова и Киклады) по количеству сохранившихся и доступных архивных документов значительно превосходят греческие территории, находившиеся под османской властью за исключением лишь, может быть, одного Афона. Для изучения фонетики особое значение приобрели также записанные латиницей тексты, происходящие из венецианских областей, и ряд текстов, переданных армянским, грузинским, коптским и славянским алфавитом, а также неалфавитными видами письма (арабским, еврейским). Из-за невозможности на современном этапе с точностью соотнести объемы источников разного происхождения и обеспечить пропорциональное покрытие всей территории, населенной говорящими по-гречески, что могло исказить картину

зафиксированных в «Грамматике» правил и особенностей произношения, результаты проведенного исследования в дальнейшем предполагается корректировать.

Основу собранных материалов составил электронный корпус текстов (ок. 3 миллионов слов), частью опубликованных, частью транскрибированных участниками проекта, частью происходящих из электронного TLG, дополненных иными источниками, собранными по разным изданиям. Каждый рассматриваемый феномен составители «Грамматики» стремились исследовать и иллюстрировать достаточным количеством примеров (до 20) с тем, чтобы выяснить картину систематического употребления той или иной формы как «стандартной» для языка определенного периода, группируя материал по регионам и хронологическим периодам.

Собранный и систематизированный материал позволил составителям «Грамматики» подробно и с многочисленными примерами рассмотреть все основные разделы лингвистики. Фонетика и ее особенности в византийское и поствизантийское время исследуется в первом томе (в том числе специфика произношения звуков в разных сочетаниях, ударений). Второй и третий тома посвящены имени существительному и глаголам, четвертый — синтаксису. В индексы включены как основные лингвистические термины и понятия, так и лексика, а также список наиболее интересных и новых для языка окончаний и суффиксов. Поставив перед собой задачу представить картину развития греческого языка в средние века и раннее новое время, группа кембриджских исследователей создала фундаментальный труд, который станет и новым инструментом для исследования греческой письменной традиции и культуры.

В.Г. Ченцова

ЧЕНЦОВА Вера Георгиевна

Кандидат исторических наук
ассоциированный член UMR 8167
«Восток и Средиземноморье /
Византийский мир», Париж
Monde byzantin / Collège de France
52 rue du Cardinal Lemoine
75231 PARIS cedex 05

Электронная почта: graougraou@hotmail.com

Vera TCHENTSOVA

Candidate of Sciences (History)
Associated Member of UMR 8167
Orient et Méditerranée /
Monde byzantin, Paris
Monde byzantin / Collège de France
52 rue du Cardinal Lemoine
75231 PARIS cedex 05

e-mail: graougraou@hotmail.com

Trizio M. Il neoplatonismo di Eustrazio di Nicea. Bari: Edizioni di Pagina, 2016. 260 p. (Biblioteca filosofica di Quaestio, 23)

Книга М. Трицио посвящена неоплатоническому влиянию на философское творчество ученика Иоанна Итала и, наверное, самого заметного византийского богослова конца XI — начала XII вв. никейского митрополита Евстратия. Обращение к его философскому наследию представляется давно назревшим уже в силу преемства Евстратия по отношению к философской традиции столь ярких личностей, как Михаил Пселл и Иоанн Итал. Кроме того, Евстратий пользовался известностью не только в Византии, но и на средневековом Западе, где он вместе с Аверроэсом получил прозвище «Комментатор» (р. 3).

Книга М. Трицио разделена на две части, первая из которых посвящена биографии ее героя, а вторая — его философскому учению, которое было изложено в комментариях на I и VI книги «Никомаховой этики» и на II книгу «Второй Аналитики» Аристотеля.

Исследователь удачно компенсирует недостатки имеющегося издания комментариев Евстратия на I и VI книги «Никомаховой этики», поскольку он также использует издание выполненного Р. Гроссатестой латинского перевода комментариев на I книгу, четыре рукописи с текстом латинского перевода Гроссатесты комментариев на VI книгу и рукопись Vat. gr. 269 (XII в.), содержащую греческий текст комментариев.

Проследив биографию Евстратия, автор пишет об участии своего героя в дискуссиях об исхождении Св. Духа с архиепископом Петром Гроссоланом, но упускает из виду, что ей предшествовали дискуссии с послами папы Пасхалия II и что именно тогда были написаны четыре антилатинских сочинения никейского митрополита¹. Нельзя поставить автору в упрек то обстоятельство, что он вслед за П. Йоанну относит речь Никиты Ираклийского по делу Евстратия к последнему заседанию синода по этому вопросу, так как доводы в защиту другой хронологии событий не могли быть известны М. Трицио на момент выхода его книги². Он не вполне прав, когда пишет, что «доверился» моей книге (*Бармин А.В. Полемика и схизма...*) в том, что касается списка антилатинских произведений Евстратия, т. к. называет среди них одно сочинение, не отмеченное мной и известное автору лишь по упоминанию — возможно, ошибочному — в книге Л. Аладзиса (Алляция) «О постоянном согласии западной и восточной Церкви»; там оно обозначено как «третий» трактат Евстратия против «латинян» (inc. Ποιήσεις φησί)³. Также автор неверно указывает листы первого «Опровержительного слова» никейского митрополита (указанного в книге как Λόγος τέταρτος в соответствии с его заглавием в Alex. Patr. gr. 137) в рукописи Mosq. gr. 240 как f. 52–58v.; на самом деле их номера там — 153–159v.

Восстанавливая контекст философского творчества Евстратия, М. Трицио рассматривает, как отразилась в рукописях греческая традиция комментирования «Никомаховой этики» (р. 17–22). Среди прочего автор ставит вопрос о том, с какого греческого кодекса осуществлял свой латинский перевод Р. Гроссатеста в середине XIII в., поскольку он связан с другим вопросом — изначально ли Евстратий собирался комментировать обе I и VI книги «Никомаховой этики», или же планировал ограничиться лишь комментированием первой (р. 24–26). Исследователь показывает слабые стороны идеи Р. Браунинга, согласно которой Анна Комнина объединила вокруг себя кружок интеллектуалов, пытавшихся противопоставить аристотелизм неоплатонизму (р. 22–43, 55–65). При этом автор внимательно изучает имеющиеся сведения как о бесспорно близких к Анне Михаиле Эфесском и Евстратии, так и о предполагаемых членах этого кружка — Никите Никомидийском, Иакове Венецианском, Стефане Скилице.

На этих страницах книги можно отметить несколько неточностей. Так, М. Трицио ошибается, когда пишет, что Ансельм Хафельбергский отправился в 1136 г. в Константинополь для дискуссий об исхождении Св. Духа (р. 41); на самом деле этот вопрос был поставлен перед ним императором Иоанном II и патриархом уже после прибытия посольства, отправленного Лотарем II в Византию с сугубо политическими целями⁴. Исследователь допускает, что Анна Комнина удалилась в монастырь вполне добровольно (*in piena libertà*, р. 50), однако сложно представить себе, чтобы ее уход был добровольным в виду ее предшествующей попытки обеспечить престол своему мужу Никифору Вриеннию в обход брата Иоанна. Указывая дату смерти Феофилакта Охридского как «около 1109 г.» (р. 67), М. Трицио упускает из виду, что тот откликнулся на дискуссии 1112 или 1113 г. в своем антилатинском сочинении⁵.

¹ Об этом см.: *Бармин А.В. Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX–XII вв. М., 2006. С. 310–327.*

² Об этом см.: *Бармин А.В. Вступление // Евстратий Никейский. Опровержительные слова. С. XVIII–XXII.*

³ Allatius L. *De Ecclesiae Occidentalis et Orientalis perpetua consensione*, col. 629.

⁴ PL 188, col. 1163.

⁵ См. об этом: *Бармин А.В. Полемика и схизма... С. 350–354.*

Неоплатоническую составляющую в комментариях Евстратия на сочинения Аристотеля автор изучает на шести разных плоскостях. Прежде всего, в высказываниях Евстратия о причинности, в которых М. Трицио отмечает чрезвычайную близость к рассуждениям Иоанна Филопона (р. 81–82). Другими «разрезами», в которых исследователь рассматривает влияние неоплатонизма на Евстратия, являются разделение наук и его обоснование (р. 92–122), отношение к аристотелевской критике идеи добра (р. 122–142), учение об уме и познании (р. 143–187), вопрос об универсалиях (р. 188–199) и природа созерцательной жизни (р. 199–223).

Исследователь прослеживает использование никейским митрополитом терминов Прокла — αὐθιτόστατα (р. 110), πραγματοειώδης (р. 112), τελεσιουργόν, φρουρητικόν, καθαρτικόν, φωτιστικόν (р. 116–117), ἐκπληττόμενοι (р. 118), ἐπιβολή (р. 145), ὑστερογενές (р. 174) и др. — и контексты, в которых эти понятия употреблялись обоими философами. Как отмечает среди прочего М. Трицио, Евстратий вслед за Проклом различает ум «по сущности» (κατ' οὐσίαν) и ум «по состоянию» (καθ' ἑξίν), а вслед за ними и разные типы познания — одно целостное и совершающееся в вечности, другое — происходящее во времени и постепенно (р. 143–148, 164). Исследователь также приходит к выводу, что никейский митрополит понимал под «логосами» (λόγοι) те знания, которые имеются в душе еще до того, как она достигает какого-либо знания чувственным путем (р. 165–168). Автор считает, что Евстратий был непоследователен, поскольку в одном месте отличал «общие понятия» (αἱ κοινὰ ἔννοιαι, в переводе М. Трицио — le nozioni comuni), являющиеся результатом действия самой души, от мыслей (νοήματα, i concetti), являющихся отражением абсолютного ума (р. 143–144), а в другом месте отождествлял «общие мысли» с врожденными душе «логосами» (λόγοι, р. 170). Однако представляется, что приводимая автором в первом случае цитата из комментария на VI книгу «Никомаховой этики» допускает и иное прочтение, при котором ἔννοιαι и νοήματα не противопоставляются друг другу, но второе слово используется для объяснения первого: «Наш же ум, существующий относительно, имеет изначально только общие понятия как собственные действия и мысли — некие отзвуки в себе самом абсолютно существующего самом ума»⁶, — т. е. «общие понятия», являясь собственными действиями и мыслями нашего ума, в то же время являются и отзвуками ума абсолютного. В пользу именно такого понимания говорит другое приводимое исследователем высказывание Евстратия из его комментария на II книгу «Второй аналитики», в котором тот прямо называет «общие понятия» (κοινὰ ἔννοιαι) «отзвуками ума» (νοῦ... ἀπλήχηματα, р. 170).

По мнению исследователя, в высказываниях Евстратия об универсалиях содержится скрытая полемика с Александром Афродисийским, для которого универсалии существовали лишь постольку, поскольку они воспринимаемы разумом. Именно в этом ключе М. Трицио понимает рассуждения никейского митрополита, согласно которым универсалии являются свойством не мысли, но ее предметов (р. 194–195). Как отмечает ученый, в философском наследии Евстратия «замечания и акценты христианского типа составляют всего лишь едва намеченный фон, внутри которого помещается сознательное и систематическое использование творческого наследия Прокла» (р. 225).

Слова ἐξ ὧν ἐκάστης ὁ σύστοιχος αὐτῇ ἀριθμὸς ἀπογεννᾶται кажется более точным переводить не вместе с автором как dalle quali è generata una serie coordinata (т. е. «от которых рождается соответствующая серия», р. 89), а как da ognuno delle quali è generata una moltitudine dello stesso elemento («от каждой из которых рождается множество той же сущности, что и она сама»). Нельзя назвать удачным обыкновение М. Трицио сначала приводить

⁶ Ὁ δὲ ἐν ἡμῖν νοῦς καθ' ἑξίν ἔχων τὸ εἶναι, μόνως ἔχει ἐξ ἀρχῆς τὰς κοινὰς ἐννοίας οἰκεῖα ἐνεργήματα καὶ νοήματα ἀπλήχημά τινα ἐν ἑαυτῷ τοῦ ἀπλῶς ὑπάρχοντος νοῦ (р. 143). Перевод М. Трицио я нахожу в принципе верным: «il nostro intelletto, invece, che esiste a titolo di disposizione, possiede dal principio solo nozioni comuni come propri prodotti e concetti a titolo di eco in sé dell'Intelletto assoluto», — однако не вижу необходимости вслед за ним противопоставлять в нем nozioni comuni и concetti.

цитату из текста Евстратия вместе со своим переводом, а спустя несколько страниц повторять часть этой цитаты и перевода. Так, на с. 115 он цитирует отрывок с переводом, которые он приводил двумя страницами выше (р. 112–113), на с. 185 и 186 он вновь цитирует высказывания никейского митрополита и свой перевод, которые он только что цитировал на с. 182–183, на с. 203 он воспроизводит слова Евстратия и свой перевод, которые уже были им процитированы на с. 201, на с. 208 он заново приводит в оригинале и в своем переводе рассуждения Евстратия, которые он уже процитировал в составе большего отрывка на с. 207. Отдельные высказывания автора представляют собой малосодержательные декларации и напоминают речь известного литературного героя проф. Долорес Амбридж⁷.

Можно также усомниться в том, полностью ли название книги соответствует ее содержанию — собранный М. Трицио обширный материал показывает бесспорное влияние на Евстратия Прокла, но не позволяет судить о том, читал ли никейский митрополит произведения других неоплатоников. Тем не менее, все отмеченные недостатки не должны умалять значение книги, раскрывающей важную сторону творческого наследия Евстратия Никейского.

А.В. Бармин

БАРМИН Алексей Вадимович

Кандидат исторических наук
Старший научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН
Ленинский проспект, д. 32А
119334 Москва

Электронная почта: alexey.barmin@gmail.com

Alexey BARMIN

Candidate of Sciences (History)
Senior Researcher
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Leninskiy prospect, 32 a
119334 Moscow

e-mail: alexey.barmin@gmail.com

Евстратий Никейский. Опровержительные слова / Изд. подг. А.В. Бармин. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. — 312 с. с разд. пагин., указ. — (Б-ка сб-ка «Богословские труды».) ISBN 978-5-88017-564-2

Очередной том библиотеки сборника «Богословские труды» служит продолжением многолетних трудов А.В. Бармина по систематизации и введению в научный оборот многочисленных памятников полемики между представителями восточного и западного христианства. «Опровержительные слова» Евстратия Никейского, ставшие на этот раз предметом внимания исследователя, по многим причинам представляются одним из наиболее интересных сочинений такого рода. Их автора, чьи зрелые годы приходятся на рубеж XI–XII вв., можно назвать одним из немногих если и не оригинальных, то всё же отличавшихся самостоятельным образом мыслей византийских богословов этого периода. Его перу принадлежит целый ряд полемических трактатов, направленных против латинян и армян-монофиситов. К их числу относятся и «Опровержительные слова», созданные в ходе религиозной полемики 1112–1113 гг. по заказу Алексея I Комнина как отражение совокупной позиции греческих иерархов (хотя, как отмечает издатель (с. XLVI), фактически влияние других православных полемистов в них отразилось слабо). Уже поэтому данный памятник

⁷ Например: «...необходимо избегать ответов, которые, хотя и будучи правильными в принципе, производят в фактах неприемлемые обобщения, которые удаляют нас от ответов, которые мы ищем» (р. 65).

должен был бы привлечь пристальное внимание ученых. Тем удивительнее, что до сих пор он не был опубликован и не становился предметом серьезного исследования.

Богословские занятия Никейского митрополита строились на прочном фундаменте увлечения античной философией (он известен еще и как комментатор Аристотеля). Однако именно интерес к христологической проблематике привел его к осуждению Церковью: как известно, в 1117 г. взгляды Евстратия были преданы анафеме синодом, а сам он заперщен в священнослужении. Таким образом, неизбежно встает вопрос, не может ли это осуждение в какой-то мере скомпрометировать аргументы Евстратия, использованные им в дискуссии с латинским оппонентом. Надо отдать должное А.В. Бармину, который с неизменной корректностью рассматривает все доводы участников полемики, не отдавая никому из них предпочтения и в то же время отмечая те тезисы Евстратия Никейского, которые потом нашли параллели в его осужденных словах о природе Христа.

Книге предпослано введение («Вступление») с отдельной пагинацией, в котором последовательно излагаются предыстория антилатинской полемики в Византии, жизнь и сочинения Евстратия Никейского, его философские и богословские взгляды, история полемики 1112–1113 гг. и роль опровержительных слов в ней. К сожалению, обозначенные в оглавлении номера страниц, на которых должен начинаться каждый из разделов введения, не соответствуют их фактическому положению в книге, что, конечно, в какой-то мере затрудняет чтение. В разделе, посвященном биографии Никейского митрополита, особое внимание уделяется процедуре его осуждения синодом 1117 г., причем исследователь аргументированно оспаривает как версию П. Йоанну о политической подоплеке данного процесса, так и тезис Ж. Даррузеса о том, что голоса на синоде распределились поровну (фактически, как видно, почти все архиереи поддержали предложенную патриархом Иоанном IX Агапитом «икономию», суть которой заключалась в том, чтобы лишить Евстратия права священнодействия, но не архиерейского сана). Далее рассматриваются сохранившиеся списки сочинения: издание подготовлено по пяти кодексам, причем два из них сохранились в составе московского Синодального собрания. Один из них (Син. греч. 368 / Владимир 240) датируется XIII в. и таким образом наряду с кодексом 229 монастыря Ватопед относится к числу наиболее ранних свидетелей текста этого памятника.

Описывая рукописную традицию «Опровержительных слов», А.В. Бармин подробно излагает принципы издания греческого текста и его перевода, положенные в основу издания. Эти принципы достаточно прозрачны и по большей части не вызывают вопросов. Некоторые возражения, пожалуй, вызывает лишь отношение издателя к «нарушениям правил ударения энклитик», которые, как это указано во введении (с. LI), исправляются без оговорок в критическом аппарате. Дело в том, что сами эти правила, представляющие собой сравнительно позднее преломление византийской традиции, не могли быть известны средневековым авторам в том виде, как они излагаются в современных учебниках¹. Именно поэтому в современных изданиях византийских текстов нормой является бережное отношение к такого рода особенностям средневековой орфографии. В критическом же издании, основанном на нескольких кодексах, по всей видимости, правильное всего было бы отнестись к разночтениям в постановке ударений при энклитиках как и к любым другим расхождениям рукописей между собой, стараясь выявить особенности, присущие исходному тексту, хотя бы они и казались «неправильными» с современной точки зрения. Любопытно, что другие нюансы орфографии рукописей (в частности, раздельное написание $\mu\eta\ \delta\epsilon$, $\mu\eta\ \delta'$) сохранены издателем в исходном виде, что вполне соответствует современной практике, однако также должно было потребовать специальной оговорки во введении.

Основную часть книги составляет собственно публикация четырех «Опровержительных слов» Евстратия Никейского с параллельным переводом. Следует особенно отметить

¹ См. напр.: Noret J. L'accentuation Byzantine: en quoi et pourquoi elle diffère de l'accentuation «savante» actuelle, parfois absurde // The language of Byzantine learned literature / Ed. by M. Hinterberger. Turnhout, 2014 [Byzantios. Studies in Byzantine History and Civilization. Vol. 9]. P. 109.

удобное для читателя расположение текста: на каждом развороте размещаются не только греческий текст с критическим аппаратом и его русский перевод, но и комментарии издателя к последнему. В приложении помещен ранее не публиковавшийся отрывок «Первого слова в виде диалога» Никиты Маронейца — еще одного византийского богослова XII в. Включение этого фрагмента в книгу издатель объясняет тем, что Никита Маронеец, несмотря на свою пролатинскую позицию, испытал значительное влияние Евстратия, а в своем сочинении оспаривает тезисы об исхождении Святого Духа, ранее прозвучавшие в том числе и у Никейского митрополита (с. LXII).

Подход А.В. Бармина к восстановлению критического текста памятника, равно как и предложенный им перевод, в основном вполне корректны и не вызывают возражений. Тем не менее, нам хотелось бы отметить несколько мест, в понимании которых мы разошлись с издателем.

В первом же предложении I слова (с. 2:4) мы склонны понимать словосочетание «διὰ πρῶτης... σπουδῆς» в смысле «предшествующими (или первоначальными) усилиями», а не «слишком поспешно». В следующей строке (греч. «Καίτοι νίκη τίς αὕτη οὐκ εὐκλεής»; с. 2:5) местоимение τίς, по нашему мнению, является не вопросительным, а неопределенным; таким образом, и вся сентенция превращается из вопроса в утверждение: не «Однако кем [является] это не славная победа?», а «Однако же это некая недостойная славы победа». Возможно, здесь на издателя как раз повлияло недостаточное внимание к особенностям рукописной орфографии, где наличие ударения над τίς далеко не всегда гарантирует его вопросительный характер (впрочем, из критического аппарата видно, что в авторитетной московской рукописи это местоимение не несет на себе ударения).

На с. 64 (строка 69) издатель отдает предпочтение чтению δέ перед вариантом δός, содержащимся в двух списках (Син. греч. 368 и Valliceli gr. 30), отмечая в предисловии, что δέ «представляется в данном случае не частицей, а вторым лицом единственного числа повелительного наклонения от глагола δίδωμι, неправильно построенным никейским митрополитом по образцу εἰπέ» (с. LV–LVI). Эта версия кажется нам невероятной: форма δός слишком обычна, чтобы в ее построении мог ошибиться даже необразованный автор. Фактически выбор между двумя чтениями здесь выглядит равноценным, поскольку согласно построенной издателем стемме оба названных списка принадлежат к одному семейству, а оставшиеся три — к другому. Но если даже считать вариант δέ изначальным (основанием для чего, по нашему мнению, может быть разве что неблагозвучие сочетания «αὐτὸς δός»), то всё же гораздо проще допустить, что создатель общего архетипа употребил частицу δέ в обычном значении, а глагольную форму, которая действительно требуется по контексту, пропустил по ошибке. Конечно, такой пропуск мог быть допущен и самим автором.

Пассаж на с. 124 (строки 36–41)² мы бы переводили следующим образом: «И не пытайся обмануть мудрого слушателя речений [Писания] — самодержца, говоря, что сии божественные глаголы нельзя понять, если мы не скажем, что Св. Дух исходит и от Сына. Напротив, он не сможет достичь правильного мнения, если будет вынужден взирать на то, что говоришь ты сам». Издатель воспринял наречие τοὐναντίον как субстантивированное прилагательное, из-за чего ему пришлось радикально поменять порядок колонов, а вся сентенция оказалась гораздо менее вразумительной: «И не пробуй обмануть в словах мудрого слушателя — самодержца, говоря, что если он будет принужден смотреть на твои слова, то эти божественные изречения нельзя понять, если мы не скажем, что Св. Дух исходит и от Сына, ибо противоположное [суждение] будто бы не окажется правильным».

Греческая пословица ποτὶ σπάρταν λίθον παραθεῖναι, которую использует Евстратий в своем втором слове (с. 160:36–37), всё же имеет в виду не город Спарту, а натяну-

² Греч. «Μὴ δὲ ἀπατᾶν δοκίμαζε τῶν λόγιων συντετὸν ἀκροατὴν αὐτοκράτορα, ἐν τῷ λέγειν ὡς οὐκ ἐνδέχεται νοηθῆναι τὰ θεῖα ῥήματα ταῦτα, εἰ μὴ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον καὶ ἐκ τοῦ υἱοῦ ἐκπορεύεσθαι φήσομεν· τοὐναντίον γάρ οὐκ ἂν τῆς εὐθείας νοήσεως τεύξηται· εἰ πρὸς τοῦτο ὁ φῆς αὐτὸς ἀφορᾶν βιασθήσεται».

тую веревку (также называемую на дорийском диалекте *σπάρτα*), по которой строителю надлежит выравнивать кладку. Ср. аналогичное высказывание у Михаила Хониата: «Я не назову мудрыми толкователями истины тех, кто истолковывает свои предсказания на основании сонников, насильственно искажает их по своему желанию и, как говорится, влечет не камень к шнуру, но шнурок к камню»³.

Следует подчеркнуть, что такого рода незначительные неточности представляются неизбежными при переводе сложного по характеру текста, насыщенного философскими рассуждениями. Кроме того, сам формат критического издания дает читателю достаточно материала для размышления над текстом и внесения необходимых исправлений. Мы надеемся, что издание не только по праву займет почетное место на полке специалистов в области православного и католического богословия, но и привлечет внимание более широкого круга читателей, интересующихся историей разногласий между двумя церквями.

А.М. Крюков

Крюков Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук
Старший преподаватель
кафедры древних языков
Исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
119991 Москва
Электронная почта: amkryukov@gmail.com

Alexey KRYUKOV

Candidate of Sciences (History)
Assistant Professor
Department of Ancient Languages
Lomonosov Moscow State University
Faculty of History
Lomonosovsky prospect, 27-4
119991 Moscow
e-mail: amkryukov@gmail.com

Παπαθεοφάνους-Τσουρή Ε. Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος. Ανατολική Μακεδονία. Δυτική Θράκη. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2016; *Βοκοτόπουλος Π.Α., Δημητρακοπούλου Π., Ρηγάκου Δ., Τριανταφυλλόπουλος Δ.Δ., Χουλιαράς Ι.Π.* Ευρετήριο των Βυζαντινών τοιχογραφιών της Ελλάδος. Ιόνια νησιά. Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών, Κέντρο έρευνας της Βυζαντινής και Μεταβυζαντινής τέχνης, 2018.

В 2016 и 2018 гг. вышли второй и третий тома «Указателя византийских фресок Греции» — серии, издаваемой Центром исследований по византийскому и поствизантийскому искусству Афинской Академии под руководством академика П.Л. Вокотопулоса. Эта серия имеет длительную историю и сложную судьбу. Она была задумана еще в 1980-х гг. академиком Манолисом Хадзидакисом как международный проект, который должен был охватить все произведения византийской монументальной живописи не только на территории Греции. Однако из других стран в это дело внесли свой вклад пока только Швеция (*Piltz E. Corpus de la peinture monumentale byzantine. La Suède, La région de Gotland. I. Garda. II. Källunge. Uppsala, 1988*) и Италия (*Corpus della pittura monumentale bizantina in Italia. Vol. 1. Umbria / A cura di M. Bonfioli. Roma, 2012*). В самой Греции осуществление проекта оказалось сопряжено с многочисленными трудностями и сильно затянулось.

Первый том, посвященный монументальной живописи острова Кифира, вышел только в 1997 г. (*Χατζηδάκης Μ., Μπίθα Ι.* Ευρετήριο Βυζαντινών τοιχογραφιών Ελλάδος. Κύθηρα.

³ Michaelis Choniatae Epistulae / Rec. F. Kolovou. B.; N.Y., 2001 [CFHB. Vol. 41]. P. 154 (Ep. 102:19–22).

Αθήνα, 1997; в 2003 г. также вышла английская версия). В нем были закреплены разработанные для этой серии критерии отбора материала и параметры его представления: структура и формат вводных статей и каталожных описаний, требования к иллюстративному ряду и пр. В нескольких вводных статьях даются сведения по средневековой истории и культуре региона, а также общие очерки по архитектуре и монументальной живописи. В них выделяются важнейшие памятники, описываются наиболее значимые тенденции, стилистические и иконографические особенности произведений данного региона, определяется их место в истории византийского искусства. Сюда же выносятся дискуссионные вопросы, касающиеся отождествления тех или иных композиций, датировок, аналогий с другими произведениями. Далее следует каталожная часть, в которую включаются все произведения монументальной живописи, мозаики и фрески, с VII до кон. XV в., находящиеся в данном регионе, как сохранившиеся на месте, так и найденные в раскопках или снятые со стен. В начале каждого описания приводится название и местонахождение памятника, известные сведения по его истории, перестройках и реставрации, библиография. Затем идет описание иконографической программы с разделением по слоям и по зонам храма, приводятся сохранившиеся надписи, в конце дается датировка всех частей ансамбля. Каждое описание сопровождают схемы росписей с разграничением разных слоев и четким обозначением местонахождения каждой композиции в интерьере храма, а также фотографии с общими видами и деталями.

Паузу, возникшую после выхода первого тома, отчасти заполнила публикация «Указателя монументальной живописи Афона, X–XVII вв.» Н. Тутоса и Г. Фустериса (*Τουτός Ν., Φουστέρης Γ. Ευρετήριο της μνημειακής ζωγραφικής του Αγίου Όρους*. 10^{ος} — 17^{ος} αιώνας. Αθήνα, 2010). Это полезнейшее издание содержит графические схемы сохранившихся византийских и поствизантийских росписей данного периода на Афоне, с очень краткими описаниями и весьма ограниченным количеством черно-белых фотографий. Поскольку «Указатель монументальной живописи Афона» по своему замыслу и форме во многом соответствовал параметрам серии, он был к ней присоединен.

Второй том корпуса, подготовленный Е. Папафеофанус-Цури (при участии К. Цуриса), включил в себя монументальную живопись Восточной Македонии и Западной Фракии. Памятники двух соседних провинций в целом сохранились довольно плохо и неравномерно. Из 38 ансамблей, вошедших в этот том, 15 представляют собой фрагменты фресок, найденных в раскопках. Многие другие — небольшие пещерные аскитирии или скромные деревенские церкви с незначительными остатками фресок невысокого качества. Несмотря на то, что две провинции находятся между Константинополем и Салониками, с искусством этих крупнейших художественных центров прямо или косвенно связаны только несколько памятников.

Важнейший из них — церковь Богородицы Космосотиры в Феррах, построенная по заказу сына Алексея I Комнина севастократора Исаака, который в 1152 г. составил типикон для основанного им монастыря. Росписи Космосотиры дошли во фрагментарном состоянии, большая их часть сильно потеряна. Об этом ансамбле есть обширная литература, высказывались разные суждения о его датировке, от 1152 г. до первой половины XIII в. На наш взгляд, Е. Папафеофанус-Цури занимает верную позицию, относя эти фрески ко времени вскоре после 1152 г. и характеризуя их как вариант классического направления, существовавшего на протяжении всего комниновского периода.

Монастырь Иоанна Предтечи на Меникейской горе близ города Серры — сложный ансамбль палеологовского периода, росписи разных частей которого относятся к нескольким этапам на протяжении XIV–XV в. Основная часть фресок была создана в первой половине и третьей четверти XIV в. по заказам представителей местной аристократии. Вслед за автором недавней монографии об этом ансамбле А. Страти, Е. Папафеофанус-Цури относит фрески монастыря Св. Иоанна Предтечи к художественной традиции Салоник.

Еще два ансамбля, связанные с императорским и аристократическим заказом, дошли лишь в виде немногочисленных фрагментов, найденных в раскопках. Это фрески церкви

монастыря Лину на горе Папикион и парекклесия церкви Св. Афанасия в Дидимоти-хо. Первый ансамбль Е. Папафеофанус-Цури убедительно датирует третьей четвертью XII в. на основании стилистических аналогий с такими памятниками как Нерези, церковь Свв. Бессребреников в Кастории и парекклесион монастыря Св. Иоанна Богослова на о. Патмос. Второй ансамбль она связывает с константинопольскими произведениями эпохи палеологовского ренессанса, такими как Кахрие Джами и Фетие Джами.

Важный памятник местного значения — церковь Свв. Феодоров (Старая Митрополия) в Серрах, от монументальной декорации которой сохранился снятый со стены фрагмент мозаики нач. XII в. (апостол Андрей из «Евхаристии») и остатки росписей середины — второй половины XIV в. в алтарной части и парекклесионе. В каталожной статье приводятся редкие архивные фотографии, сделанные до разрушительного пожара 1913 г., схемы и подробные описания, которые позволяют разобраться в этом сложном материале достаточно плохой сохранности.

Из числа провинциальных памятников среднего художественного качества заслуживают внимания фрески церкви Св. Николая в селе Элеонас близ Серр, отнесенные автором описания к началу XIII в., и росписи конца XIII в. в пещерной церкви близ деревни Авас в Западной Фракии, представляющие интересный вариант архаизирующего направления раннепалеологовской живописи. Два пещерных храма в Ахладохори и Сидирокастро, с несколькими слоями росписей, свидетельствуют о художественной деятельности в среде местного монашества, подвизавшегося на этих близких к Афону территориях.

В целом произведения, вошедшие в этот том, очень разнородны. Не удивительно, что во вводных статьях по архитектуре и монументальной живописи больше сведений об отдельных памятниках (нередко повторяющихся), чем обобщений. Тем не менее в научный оборот было введено много нового материала, труднодоступного и малоизвестного или даже вовсе не публиковавшегося ранее.

Третий том по монументальной живописи Ионических островов был подготовлен коллективом авторов. Большая часть вводных статей и описаний памятников Керкиры написана П.Л. Вокотопулосом, Левкаду описали Д. Триандафиллопулос и П. Димитракопулу, Кефаллинию — Д. Ригаку, Закинфос — П.Л. Вокотопулос и И. Хулиярас. На остальных островах Ионического архипелага произведений византийской монументальной живописи пока не обнаружено. Острова, находящиеся рядом с Пелопоннесом и Эпиром и бывшие перевалочным пунктом на пути в Италию, на протяжении Средневековья неоднократно переходили из рук в руки, меняли церковную юрисдикцию и испытывали сильное влияние западной культуры. Очень сложная история архипелага изложена в подробной вводной статье С.Н. Асонитиса.

В обзоре церковной архитектуры Ионических островов П.Л. Вокотопулос дает краткий анализ основных особенностей типологии, техники и декора. Большинство церквей представляют собой простые однефные базилики с деревянными перекрытиями, построенные из необработанного камня. Сохранилось и несколько храмов более высокого уровня. Они обладают характерными чертами элладской школы, такими как техника клуазоне, гладкие стены, кирпичные орнаменты (в первую очередь, поребрик), многочисленные большие окна. Большинство из них — крестово-купольные на двух колоннах, как, например, храм Свв. Ясона и Сосипатра на Керкире (кон. X—XI в.) или церковь Св. Николая Мегаломатиса в с. Скопос на Закинфе. Вариантом этой же типологии, вероятно, была руинированная церковь Спаса в цитадели Закинфа (конец XI — начало XII в.). Эти немногочисленные храмы представляют собой интересное ответвление элладской школы, что объясняется соседством с Пелопоннесом. Впрочем, у них есть свои особенности, такие как особый тип купола и трибелон между нартексом и наосом в церкви Свв. Ясона и Сосипатра, выступающие рукава креста с боковыми апсидами в церкви Спаса в цитадели Закинфа и др. С XIII в. в архитектуре Ионических островов появляются следы западного влияния, такие как стрельчатые формы окон в церкви Богородицы Анафонитрии на За-

кинфе или круглое окно на фасаде церкви Одигитрии на Левкаде. Однако византийский характер этих памятников от этого сильно не меняется.

В обзоре монументальной живописи П.Л. Вокотопулос особо выделяет группу памятников конца XI в. на Керкире: церковь Св. Меркурия в деревне Агиос Маркос, датированную по надписи 1074/75 г., и две церкви в деревне Коракиана, Св. Николая и Архангела Михаила. Все они расписаны одной артелью, близки друг другу по некоторым особенностям иконографии, надписей и стиля, представляющего собой провинциальный вариант «аскетического направления». Для них характерны фронтальные позы, строгие черты лиц, сильная графическая стилизация форм — все те художественные приемы, которые использовались для акцентирования духовного содержания образов в византийском искусстве IX–XI вв., особенно во второй четверти XI в. В начале XII в., как и во многих других регионах Византийской империи, на Ионических островах это направление продолжает существовать, например, в росписи церкви Св. Николая в Лагоподо на Закинфе.

Фрески комниновского периода на Ионических островах свидетельствуют о том, что местные мастера были в курсе актуальных тенденций. Так, снятые со стен фрагменты росписей церкви Спаса из цитадели Закинфа, на наш взгляд, представляют собой более утонченный вариант монументального стиля рубежа XI–XII в. (П.Л. Вокотопулос датировал эти фрагменты концом XII в.). Черты, характерные для динамического стиля второй половины XII в., демонстрируют росписи второго слоя в церкви Свв. Ясона и Сосипатра на Керкире, которые П.Л. Вокотопулос справедливо сопоставляет с Нерези и Патмосом, а также сильно потертые фрески церкви Св. Николая Мегаломатиса близ с. Скопос на Закинфе.

На Ионических островах достаточно много фрагментарно сохранившихся ансамблей XIII и XIV в., из которых следует отметить церковь Св. Николая в деревне Ватос на Керкире (росписи XIII в. публикуются по старым черно-белым фотографиям, т. к. в начале 2000-х гг. они были забелены) и три церкви на о. Кефаллиния: церковь Св. Георгия в с. Агия Ирины (XIII в.); церковь Свв. Бессребреников в с. Пастра (конец XIII в.) и церковь Св. Георгия в с. Кондогенада (слои XIII и XIV вв.).

В XV в. в стиле живописи Ионических островов ощутимо сильное западное влияние, которое проявляется в объемной трактовке фигур, мягкой моделировке ликов, появлении готической архитектуры на фонах и пр. (например, фрески церкви Одигитрии в Аполпена на Левкаде, середина XV в.).

Произведений выдающегося художественного качества на Ионических островах нет, эти ансамбли являются лишь отражением искусства крупных центров. Однако среди памятников XI–XIII вв. немало росписей хорошего среднего уровня, существенно дополняющих имеющиеся представления о провинциальном искусстве комниновского и раннепалеологовского периодов. Из 29 ансамблей, включенных в третий том корпуса, многие публикуются впервые. Некоторые среди них — в труднодоступных местах и в сильно руинированном состоянии. Поэтому каталогизация всего этого материала представляется важным и весомым вкладом в изучение византийского искусства.

А.В. Захарова

ЗАХАРОВА Анна Владимировна

Кандидат искусствоведения
Старший преподаватель кафедры
всеобщей истории искусств
Исторический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4
119991 Москва

Электронная почта: zakharova@inbox.ru

Anna ZAKHAROVA

Candidate of Sciences (Art Criticism)
Head Lecturer
Department of General Art History
Lomonosov Moscow State University
Faculty of History
Lomonosovsky prospect, 27–4
119991 Moscow

e-mail: zakharova@inbox.ru

Iamanidzé Nina. Saints cavaliers. Culte et images en Géorgie aux IVe–XIe siècles. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2016. 188 p. Ил.: 80 ч/б рис. + 16 цв. табл. (Spätantike — Frühes Christentum — Byzanz. Kunst im ersten Jahrtausend. Reihe B: Studien und Perspektiven, Bd. 42). ISBN 978-3-95490-114-2

Новая книга историка грузинского искусства Нины Яманидзе (Центр византийских исследований, Париж), посвященная культу конных святых в Грузии, вышла в висбаденском издательстве Reichert, в серии «Поздняя античность — Раннее христианство — Византия». Ее автор известен читателю по диссертации «Литургические устройства со скульптурными изображениями в грузинских церквях. VI–XIII века»¹.

Книга «Святые всадники» состоит из Введения, двух частей, каждая из которых включает три главы, эпилога, библиографии, одного приложения, английского резюме и иллюстраций. Исследование строится на материале памятников скульптуры. Во Введении автор определяет цели своего исследования: рассмотреть «происхождение и развитие культа и образа святых всадников в Грузии с одной стороны и местные иконографические особенности и причины их появления в различных контекстах — с другой» (с. 14). На основе письменных источников автор рассматривает грузинскую агиографическую традицию. Изучение функции памятников связано с литургическими проблемами и с вопросом о заказчиках, — здесь автор широко использует данные эпиграфики. Говоря о ранних этапах развития образа всадника в грузинском искусстве, Н. Яманидзе привлекает свидетельства археологии. Кроме того, рассмотрен исторический контекст особенностей развития раннего христианства в Грузии и ее связей с соседними странами. Таким образом, перед нами многоплановое, «плюридисциплинарное» исследование.

Особую популярность темы святых всадников в Грузии Н. Яманидзе объясняет длительным развитием самого культа, а также «ассимиляцией местных и чужих символов» (с. 14). Автор выделяет особую группу грузинских раннехристианских и раннесредневековых памятников, за которыми утвердилось наименование «стел». Трудности изучения этой группы связаны с тем, что почти все они дошли до нас во вторичном использовании, часто — в виде фрагментов. Функции стел остаются не вполне ясными. Хотя сам термин как будто указывает на их погребальный характер. Однако понятие «стела» современное, а надписи нередко называют этот объект «крестом» («крест Христов», «крест всемогущий»). Время создания стел определяется приблизительно, на основании стиля, исследователи сходятся на их широкой датировке в рамках VI–VIII вв.

По мнению Н. Яманидзе, стелы имели различные функции: votивные, апотропейные, крещальные, похоронные. Еще одна дискуссионная проблема — идентификация мастерских, в которых были исполнены стелы. Что касается средневековой группы памятников, то это преимущественно фасадные рельефы. Здесь тоже есть дискуссионные вопросы: положение и роль изображений всадников в иконографических программах, культовый и богословский контекст этих образов, роль и место изображений донаторов. Автор подчеркивает вклад Грузии в развитие иконографии святых всадников с одной стороны и наличие различных культурных влияний — с другой.

Первая часть книги Н. Яманидзе посвящена памятникам IV–VII вв., вторая — IX–XI вв. В первой главе первой части «От язычества к христианству: на грани двух эпох», речь идет о формировании культа святых всадников в Грузии, начиная с античной эпохи. О почитании святых всадников свидетельствуют исторические, этнографические и

¹ *Iamanidzé N. Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI–XIII siècles).* Turnhout: Brepols, 2010.

археологические данные. В Грузии был особенно развит культ св. Георгия, тогда как в Византии больше почитали св. Феодора. Культ св. Георгия в Грузии связывается с языческими божествами, а также, предположительно, с культом луны.

Во второй главе первой части книги рассмотрена тема святого всадника как победителя дракона. Это изображение представлено на нескольких раннехристианских стелах, типология и функции которых рассмотрены подробно. Автор показывает, что стелы, увенчанные крестом, — свидетельство развитой в Грузии традиции почитания Креста, связанной с палестинским культом Креста на Голгофе и Креста в Иордане. Н. Яманидзе сопоставляет грузинские каменные стелы с мраморными колоннами, увенчанными крестом, которые известны в Палестине и в других местах. Важная особенность эволюция декора грузинских стел: в раннехристианскую эпоху они часто украшались сюжетными сценами, а в средневековую эпоху — только геометрическими или растительными мотивами. Еще одна особенность стел раннего периода: сочетание элементов местных, восходящих к языческим временам, византийских и сасанидских. Н. Яманидзе использует в качестве критерия хронологической классификации стел, прежде всего, стиль. «Объемная» манера является пережитком античных форм, она характеризует памятники VI–VII вв. («раннехристианские», по терминологии автора); «декоративная» манера типична для более позднего времени. Еще один хронологический признак: на раннехристианских стелах часто встречается трактовка листьев аканфа в виде веера. Во второй главе первой части рассмотрен вопрос, нередко вызывающий споры: о мастерских и мастерах. Это касается, в частности, провинции Гогарена, пограничной между Грузией и Арменией (с. 51).

Третья глава первой части книги посвящена иконографии святых воинов. В доиконоборческий период эта иконография еще не сложилась, но святые воины на стелах предстают уже в полной экипировке. При этом древние изображения св. Георгия в Грузии не являются иллюстрацией текста жития святого. Автор приводит многочисленные аналогии среди росписей Каппадокии и других памятников стран Христианского Востока. Примеры из Каппадокии мало помогают уточнить хронологию стел, потому что сама каппадокийская иконография доиконоборческого периода является дискуссионной. По наблюдениям Н. Яманидзе, в Грузии изображение св. Георгия, поражающего дракона, появляется в более позднее время, только начиная с XI в.; в более ранних памятниках видим изображение святого, пронзающего копьем человека. Автор приходит к выводу, что Грузия, наряду с другими странами Христианского Востока, внесла вклад в выработку новых иконографических типов святых воинов.

Во второй части книги рассмотрены памятники IX–XI вв. В первой главе, «Христианский культ и текстуальная традиция в Грузии», речь идет о грузинских переводах житий св. Георгия и св. Феодора. Вторая глава посвящена конным воинам в антитетической композиции. В третьей главе автор обращает внимание на особенности композиции конных всадников в грузинской средневековой традиции. Арабское завоевание в VII в. привело к утрате византийского влияния на Ближнем Востоке, включая Грузию. Связи с Византией усиливаются с IX в. Особое развитие культ святых воинов в Грузии получил с X в., когда на грузинский язык были переведены греческие жития св. Георгия и св. Феодора. При этом одновременно бытовали и более ранние версии, дометафрастовские. Среди изображений святых воинов значительное место занимает композиция противостоящих конных всадников, Георгия и Феодора. В Грузии эта иконография восходит к сасанидским рельефам. Самые ранние и уверенно датированные грузинские изображения двух всадников представлены на чеканных иконах IX–XI вв., известны также и живописные композиции IX в. По количеству изображений конных Георгия и Феодора только Каппадокия может сравниться с Грузией.

Датировки некоторых памятников остаются спорными: это плиты алтарной преграды с сюжетными сценами из Цебельды в Абхазии и фасадные рельефы епископской церкви Мартвили в Западной Грузии (Чкондиди, «Большой дуб»). Церковь Мартвили

разные авторы датируют или VII в., или X в. По мнению Н. Яманидзе, грузинские исследователи придерживаются датировки VII в., а «исследователи не грузинские выступают за дату более позднюю, X век» (с. 82–83). По моему мнению, различие точек зрения вызвано не национальной принадлежностью авторов, а способом интерпретации данных источников. О чем сообщает грузинская хроника: о строительстве церкви Мартвили или о ее реконструкции? Текст допускает различные толкования. Известный искусствовед Ш.Я. Амиранашвили (1899–1975), чье имя сейчас носит Музей истории грузинского искусства в Тбилиси, датировал церковь Мартвили X в. По его мнению, «Г. Чубинашвили, приводя свидетельство грузинской летописи „Матианэ Картлисай“ о построении храма, грузинское слово „построил“ переводит „восстановил“ и совершенно произвольно после слова „построил“ вставляет слово „вторично“»². Важное историческое обстоятельство: епископство Чкондиди было основано в X в., тогда и была построена епископская церковь. Действительно, изображения святых воинов-всадников на фасадах Мартвили не вписываются в раннехристианскую группу. Поэтому Н. Яманидзе оправданно включает Мартвили во вторую часть своей книги, в контекст IX–XI вв. Она справедливо отмечает, что иконография всадников Мартвили характерна для средневековой эпохи (с. 89) и указывает аналогии в коптских рукописях IX–XI вв. и в «архаической» живописи Каппадокии IX–X вв.

Вообще же иконографические особенности для определения времени создания памятника — признак довольно хрупкий. Так, по мнению Н. Яманидзе, для VII–IX вв. характерен тип пророка Даниила в виде оранта между двумя большими львами, расположенными вертикально. Но можно указать и более поздний пример аналогичной композиции: плита из средневековой купольной церкви X в. в с. Веселое, в южной части Краснодарского края³.

На многих страницах своей книги Н. Яманидзе стремится связать изображения с литургией. На мой взгляд, было бы уместно привести плиту с изображением святого воина-всадника, которую в конце XIX в. П.С. Уварова обнаружила в с. Ольгинском в Цебельде, в Абхазии. На ней всадник в нимбе изображен в фас, в правой руке он держит рипиду, перевязанную платом. Эта редчайшая, если не уникальная, деталь, когда всадник исполняет роль сослужащего диакона в сцене небесной литургии⁴.

В эпилоге Н. Яманидзе указывает на обширность темы святых воинов и возможность ее дальнейшего развития на примере более широкого круга источников, в том числе грузинской средневековой живописи. Небольшое Приложение содержит несколько характерных примеров грузинских надписей на раннехристианских стелах.

Библиография книги обширна (с. 153–168), иллюстрации высокого качества.

Внимательный читатель может заметить в книге небольшие неточности. Например, работа Е. Такайшвили носит название «Христианские памятники. Экскурсия 1902 г.», а не «Материалы по археологии Кавказа» (с. 166). В библиографии два разных автора, Н.Г. Чубинашвили и Г.Н. Чубинашвили, представлены как одно лицо, в общем хронологическом порядке их работ (с. 155). Н. Яманидзе считает, что я датировала цебельдинские плиты с сюжетами XII в. (прим. 288 на с. 92). В действительности так считала в свое время П.С. Уварова, я же датировала их VIII–IX вв.⁵ Как это часто бывает, проблему составляют транслитерации: в книге Н. Яманидзе русское «х» передается тремя способами: как «kh», «h», и «x»; «с» передает иногда русское «с», а иногда «ц».

² Амиранашвили Ш.Я. История грузинского искусства. М., 1963. С. 149.

³ Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. Калининград; Москва, 2018. Рис. 603, 604.

⁴ Хрушкова Л.Г. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху... Рис. 586.

⁵ Khroushkova L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles. Turnhout: Brepols, 2006. P. 145–153.

Конечно, эти мелкие недочеты не могут повлиять на высокую оценку серьезно-го, тщательно выполненного исследования Нины Яманидзе о культе святых воинов-всадников в Грузии.

Л.Г. Хрушкова

Хрушкова Людмила Георгиевна

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра истории Церкви
Исторический факультет

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

119991 Москва

Электронная почта: khrushkova@list.ru

Liudmila KHRUSHKOVA

D. Sc. in History, Professor

Department of Church History

Faculty of History

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovskiy prospect, 27-4

119991 Moscow

e-mail: khrushkova@list.ru

Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. — 486 с.: ил.

Комментированное издание документов и литературных сочинений можно уверенно назвать важнейшей формой работы с источниками. К этому жанру относится сводка (своего рода хрестоматия-монография) византийских текстов о Святой Софии Константинопольской. Она была задумана И.С. Чичуровым (1946–2008) и доведена до публикации группой его учеников, которые начали работу над ней при жизни учителя.

Описание книги лучше начать со второй, собственно публикационной, части. Для нее отобраны отрывки из широко известного трактата Прокопия Кесарийского «О постройках», сопровождаемые фрагментами исторических сочинений других авторов. Далее следует не менее известный (по крайней мере в кругах археологов архитектуры) Павел Силенциарий с его «Описанием храма Святой Софии» и «Описанием Амвона». Третьим стоит анонимное «Сказание о возведении великой Церкви, именуемой Святой Софией», а за ним — «Описание святейшей Великой церкви Божьей». В отношении передачи текстов это издание носит классический характер: параллельно переводу воспроизводится и греческий подлинник.

В объеме тома эта вторая часть занимает немногим более половины, другая же половина занята научным исследованием, которое, пожалуй, не стоит называть комментарием (собственно комментарий, как во всяком издании такого жанра, в книге более чем достаточно). Первая часть — небольшая, но емкая историко-интерпретационная монография, ставящая задачей показать соотношение и взаимную сочетаемость художественной архитектурной формы с формами литературной риторики Византии. Раздел так и называется, «Архитектурные формы и риторические фигуры», и состоит из достаточно объемного очерка истории и архитектурного описания храма, причем речь не только о пространственных формах — достаточно подробно представлена строительная техника, особенности конструкции и декора. Все это, конечно, род обзора, но обзора очень полезного для дальнейшей работы и показывающей, что авторы освоили большой объем современной литературы, выделив из огромной массы трудов наиболее важные.

За ним следует характеристика важного литературного жанра, византийского экфрасиса — по сути дела, это основная часть в интерпретационной структуре книги. Наконец,

самая маленькая главка, завершающая первую часть, посвящена анализу того, как именно представляли византийцы образ храма Святой Софии в своих сочинениях (своего рода вывод исследования).

Следует отметить, что архетипический памятник ранней византийской архитектуры, Святая София, а также ее отображения в византийской литературе, накопили огромную, поистине неоглядную историю изучения и, соответственно, гигантский список литературы. Тем не менее, путь избранный авторами в новом исследовании, нельзя назвать проторенным или даже типичным. Они поставили серьезную и глубокую задачу — преодолеть рамки традиционного подхода, отойти от герметического анализа византийской церковно-архитектурной эстетики, а также и от строго замкнутого рамками архитектурной археологии изучения храма как здания, как итога определенной технологической, проектной (расчетной), художественной работы, направленной на достижение возможности отправлять служебные и социальные функции (включая сюда и зрительный эффект). Им недостаточно также символично-иконографического анализа, в данном случае, кстати, затрудненного многофункциональностью объема. В интерпретации они предпочитают компаративный метод, делая попытку оценить разницу в восприятии храма. Разницу взгляда современников строительства и людей Средневековья вообще. Простых подданных Империи и ее элиты. Нас самих и наших предшественников.

Конечно, речь не идет об «энциклопедии Святой Софии», тем менее — о корпусе источников, где она просто упомянута (понятно, что такой свод, если и возможен, то вряд ли нужен). Новую книгу можно назвать скорее историей храма в строго отобранных источниках, причем таких, которые не столько говорят о жизни здания, описывая его как «машину для богослужения», поклонения, церковно-государственного действия и/или совершающихся в ней событий истории. Речь идет (с. 8) о «реконструкции символической интерпретации и эстетического переживания форм архитектуры» самими византийцами. Как побочную задачу, авторы все же включают и археологическую (в широком понимании слова) задачу, то есть задачу лучшего понимания архитектурной истории здания через более точный перевод — не только в смысле технически точности переложения с одного языка на другой, но, скорее, в отношении правильности истолкования написанного, более совершенного понимания приведенных описаний с их возможным переносом на исторический архитектурный объем. Все это подтверждает, что перед нами не только хрестоматия для чтения по истории храма, но самостоятельное аналитическое сочинение, в котором переводимые отрывки не столько комментируют, сколько используются как материал для выявления (конструирования?) смыслов, заложенных в самом здании и в его описаниях.

Выбирая тексты для подобного анализа и стремясь представить храм с возможной полнотой, авторы неизбежно столкнулись с отсутствием на русском языке некоторых важных источников. Пробел восполняется первым переводом двух текстов Михаила Солунского и полным переводом Павла Силенциария (ранее был доступен русскому читателю в отрывках). Для других отрывков, давно нам известных, сделана работа по критике текстов на основе лингвистических и археолого-архитектурных сравнений. Очень важно для архитектурной археологии и внимание к византийской терминологии архитектурного пространства и строительной технологии (это ценно еще и потому, что точность византийских текстов именно в технологических деталях ставится подчас под сомнение, во всяком случае — архитекторами и археологами).

Нельзя не согласиться с авторами, когда они заявляют, что их книга частично восполнит существенную лакуну в нашей архитектурной историографии, где до сих пор не было по-настоящему крупного труда, специально, монографически показывающего храм Святой Софии. И впрямь странно было такого труда не иметь, особенно с учетом значения константинопольской Софии как символа православия, как поворотной, исходной точки развития восточно-христианской купольной архитектуры. И при том, что в западной историко-архитектурной традиции фундаментальных монографий о храме (типа труда

Мэйнстоуна) довольно много. Нам следует приветствовать появление этой книги — она будет чрезвычайно полезна и ученым, и тем, кто еще учится, и всем интересующимся византийской литературой, зодчеством, историей. Кроме того, книга станет лучшим памятником Игорю Сергеевичу Чичурову, замечательному русскому византисту.

Л.А. Беляев

БЕЛЯЕВ Леонид Андреевич

Член-корреспондент РАН

Доктор исторических наук

Заведующий отделом археологии

Московской Руси

Институт археологии РАН (Москва)

Ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

117036 Москва

Электронная почта: labeliaev@bk.ru

Leonid BELYAEV

Corresponding member

of the Russian Academy of Sciences

Doctor of History

Head of Moscow Rus Archeology Department

Institute of Archeology of the Russian

Academy of Sciences (Moscow)

Dmitry Ulianov str. 19

117036 Moscow

e-mail: labeliaev@bk.ru

Кызласова И.Л. Академик Н.П. Кондаков: поиски и свершения. — СПб.: Алетейя, 2018. — 582 с. (Серия «Новая византийская библиотека. Исследования»). ISBN 978-5-906910-20-2

Ирина Леонидовна Кызласова — авторитетный специалист в области архивного и музейного дела, известный историк науки. Еще в 1985 году она опубликовала монографию о Ф.И. Буслаеве (1818–1897) и Н.П. Кондакове (1844–1925), где сопоставлялись их методы исследования разнообразных памятников живописи, скульптуры и прикладного искусства, созданных мастерами Византии и Руси¹. С тех пор она же выпустила в свет новые исследования творческого наследия обоих ученых, но преимущественно последнего, а также принимала участие во всех заметных книжных проектах, составляющих теперь российскую кондаковIANу².

Рецензируемое издание расширяет и углубляет наши представления о Н.П. Кондакове. Оно открывается «Основными вехами биографии» ученого (С. 9–12). По годовым и месячным отрезкам тут действительно точно и компактно представлен весь его путь в жизни и в науке — от рождения 1 ноября 1844 г. в селе Халань Новооскольского уезда Курской губернии и до кончины 17 февраля 1925 г. в эмиграции, в Праге. Места жительства, учебы и службы; должности, ученые степени и звания, академические награды; важнейшие публикации, учебные курсы. Этот биографический синопсис ученого дополняется перечнем его же поездок по России и за границу «для изучения памятников искусства» (С. 13–14). Их географический масштаб и временной размах впечатляют,

¹ См.: *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 184 с.

² См.: Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: 1997; *Кызласова И.Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М.: 2000; Никодим Петрович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив / Ред. И.Д. Соловьева. СПб.: 2001; *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы / Сост., подготовка текста, примеч. И.Л. Кызласовой. М.: Индрик, 2002; Мир Кондакова. Публикации, статьи, каталог выставки / Сост., ред. И.Л. Кызласовой. М.: 2004; Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 2004.

тем паче, что составительница резонно полагает — дальнейшее изучение кондаковского архива позволит этот перечень дополнить.

Первый раздел книги называется «Становление и развитие новой дисциплины». Здесь перепечатана (с обновленной библиографией) упоминавшаяся выше работа И.Л. Кызласовой 1985 года издания. Эта книга, бывшая первой монографией по своей тематике, превратилась сегодня в библиографическую редкость, хотя остается востребованной и специалистами, и студентами. Сохранено ее деление на две главы, первая из которых посвящена исследовательскому методу Ф.И. Буслаева, а вторая исследовательскому методу Н.П. Кондакова. Показана преемственность идей и приемов исследования от учителя к ученику, а также новации последнего. Так что в целом эти две сотни страниц первого раздела обстоятельно знакомят читателя с обсуждаемой сферой науки и практики — выявления, изучения и сохранения, популяризации памятников византийского и древнерусского искусства в нашей стране. После авторской аналитики публикуются письма, которыми обменивались учитель и ученик в конце 1860-х — начале 1890-х годов. Эпистолярная выразительно характеризует формирование иконографического метода, прославившего русскую школу изучения средневекового искусства.

Второй раздел сборника посвящен «трагедии вынужденной эмиграции» ученого и состоит из двух частей — очерка, посвященного последним дням жизни Н.П. Кондакова на родине и выдержек из его дневника за декабрь 1919 — февраль 1920 г. Этот документальный материал многое проясняет не только в личной жизни самого ученого, но и дополняет выразительную картину спасений и потерь, которые не миновали всех участников тех судьбоносных для нашей страны событий. И.Л. Кызласова резонно выделяет пророчливую оценку, которую престарелый академик Кондаков дал уже весной 1918 г. советской власти: «Нельзя в XX веке жить в стране, где нет права собственности, или оно есть только для некоторых классов, а другие объявлены „вне закона“ поголовно» (С. 222). Именно эта зловещая идея обрекала часть общества на физическое уничтожение. Предложенная К. Марксом, она была воспринята как руководство к действию творцами тоталитаризма XX столетия. Н.П. Кондаков и люди его круга вопреки всему продолжили созидательную работу исследователей и хранителей древностей и в эмиграции, и на родине.

Следующий, третий раздел книги отведен эпистолярному ученого. Здесь И.Л. Кызласова вводит в научный оборот «избранные страницы архива» Н.П. Кондакова. Сперва идут два очерка о малоизвестных фотографиях академика и его коллег, а затем публикуется переписка ученого с А.С. и П.С. Уваровыми (в основном на византиноведческие темы), и обзор его переписки с соседом по курортной Ялте А.П. Чеховым (по самым разным, в том числе общественно-политическим, вопросам). Все эти документальные материалы весомо подтверждают концепцию И.П. Павлова о двух типах когнитивной деятельности — мыслителя и художника; о закономерном разделении труда между наукой и искусством в познании мира, но и об их же взаимной дополнительности. Для специалистов же по культуре Византии и Руси будет полезен емкий обзор личной коллекций и важной части архива академика (С. 303–315).

Четвертый, заключительный раздел сборника отведен очеркам о современниках Н.П. Кондакова — «от Ф.И. Буслаева до А.И. Анисимова», включая Ф.И. Буслаева, Н.В. Покровского, А.И. Кирпичникова, В.Н. Щепкина, Л.А. Мацулевича, Ф.И. Успенского, П.П. Муратова, Д.С. Лихачева, других современников. В их диалоге и сотрудничестве создавалась отечественная ветвь истории искусства и культуры Византии, Запада и Востока Европы. Публикуемые теперь материалы раскрывают массу интересных моментов в их научных биографиях и межличностных отношениях. Комментарии к ним И.Л. Кызласовой энциклопедичны по содержанию и тактичны по форме оценок всей этой «кухни творчества» ученых-гуманитариев.

Как видно при сравнении отмеченных разделов сборника, он состоит из основных публикаций И.Л. Кызласовой, связанных с фигурой и трудами Н.П. Кондакова и его

окружением. Однако новая книга носит не эклектичный, а органически монографичный характер. Автору удалось не просто суммировать научные результаты «кондаковианы» на протяжении почти ста лет, но и впервые в этой исследовательской традиции показать истинный масштаб дарований и свершений академика.

Стилистических претензий к тексту сборника у рецензента немного. Термин «древности», на мой взгляд, совершенно излишне заключать в кавычки, как это порой делает автор (С. 14). Это понятие, привычное патриархам русской науки, столь удачно обнимает собой самые разные памятники — источники наших знаний о прошлом, что частотность его использования коллегами не должна снижаться.

Пиетет автора перед персонажем оправдан и понятен, однако превосходные эпитеты по адресу Кондакова звучат на протяжении всей книги, пожалуй, слишком часто. Так, его командировки для знакомства с древностями, конечно, не «бесчисленные» (с. 212), а многочисленные. Любому читателю сборника уже после предисловия должно быть ясно, что перед нами ученый «великий», «знаменитый», «талантливый» и т. п. Так мало того, о действительно неординарном академике сказано, что его отличал «уникальный талант, эрудиция истинного энциклопедиста и колоссальная работоспособность... Высокий научный подвиг» (с. 212). Половина слов в этом панегирике явно лишняя. К тому же ведь на любом «солнце есть пятна», и придирчивый читатель этой книги кое-где сам увидит кое-какие не оправдавшие себя позднее идеи, причуды характера безусловно великого ученого. Сама И.Л. Кызласова их подчеркивать не взялась.

Сборник завершается полным «Библиографическим списком трудов Н.П. Кондакова» (с. 532–542), включающим их новейшие переиздания.

Книга иллюстрирована прекрасного качества печати фотопортретами основных ее персонажей, причем в разных возрастах — самого Н.П. Кондакова, а также Ф.И. Буслая (две из них опубликованы впервые!), А.С. и П.С. Уваровых, Н.В. Покровского, А.И. Кирпичникова, В.П. Щепкина, Ф.И. Успенского, П.П. Муратова, Г.В. Вернадского, А.И. Анисимова, Д.С. Лихачева и групповыми фотоизображениями участников разных научных мероприятий. Выделяется мало кому известная фотография, запечатлевшая «Н.П. Кондакова с сыном Петей и А.П. Чеховым на ступеньках своей дачи. Ялта. Около 1902 г.» (с. 506).

Издание вообще выполнено полиграфически превосходно, как это свойственно всей книжной продукции издательства «Алетейя». На последней, 582-й, так называемой технической странице нет указания на тираж этого издания. Зато там перечислены почтовые и электронный адреса магазинов, где эту продукцию можно приобрести (включая известный Интернет-магазин: www.ozon.ru). Нет сомнений — эта книга И.Л. Кызласовой заинтересует не только византистов, но и археологов, историков, искусствоведов, а также многих других читателей гуманитарной литературы.

С.П. Щавелёв

ЩАВЕЛЁВ Сергей Павлович

Доктор философских наук
Доктор исторических наук, профессор
Заведующий кафедрой философии
Курский государственный
медицинский университет
Улица К. Маркса, д. 4.
305000 Курск

Электронная почта:
sergei-shhavelev@yandex.ru

Sergei SCHAVELEV

D. Sc. in Philosophy
D. Sc. in History, Professor
Head of the Departament of Phylosophy
Kursk State
Medical University
K. Marx street, 4
305000 Kursk

e-mail:
sergei-shhavelev@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и Средние века
АРАН	— Архив российской академии наук
ВВ	— Византийский временник
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГИМ	— Государственный исторический музей
ППС	— Православный палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РНБ	— Российская национальная библиотека
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук
АААН	— <i>Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia</i>
ВНГ	— <i>Bibliotheca Hagiographica Graeca</i>
Byz.	— <i>Byzantion</i>
BZ	— <i>Byzantinische Zeitschrift</i>
CCSL	— <i>Corpus Christianorum Series Latina</i>
CFHB	— <i>Corpus Fontium Historiae Byzantinae</i>
CMG	— <i>Corpus medicorum Graecorum</i>
CPG	— <i>Corpus Pseudoepigraphorum Graecorum</i>
CSCO	— <i>Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium</i>
CSEL	— <i>Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum</i>
DOP	— <i>Dumbarton Oaks Papers</i>
DSAMDH	— <i>Dictionnaire de spiritualité: ascétique et mystique: doctrine et histoire</i>
ÉO	— <i>Échos d'Orient</i>
JÖB	— <i>Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik</i>
JTS	— <i>Journal of Theological Studies</i>
PG	— <i>Patrologiae cursus completus. Series Graeca</i>
PL	— <i>Patrologiae cursus completus. Series Latina</i>
PLRE	— <i>Prosopography of the Later Roman Empire</i>
REB	— <i>Revue des études byzantines</i>
ROCh	— <i>Revue de l'Orient chrétien</i>
SP	— <i>Studia patristica</i>
ZDPV	— <i>Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins</i>

Научное издание

Византийский временник

BYZANTINA XRONIKA

Том 103

2019

*Утверждено к печати Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Оригинал-макет подготовлен *А.М. Крюковым*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с предоставленными архивными оригиналами

Подписано к печати 26.09.2018

Формат 70×100¹/₁₆

Печать цифровая. Бумага офсетная, на вкл. мелованная.

Усл. печ. л. 30,32 + 2,74 ч/б вкл.

Уч.-изд. л. 29,3 + 2,17 ч/б вкл. Тираж 60 экз. Изд. № 11309. Тип. заказ

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Адрес отдела реализации:

Москва, ул. Академика Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).

Тел.: (495) 939-34-93; Тел.: (495) 939-33-23 (отдел реализации).

e-mail: zakaz@msupress.com

Отпечатано в